ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2015. № 390. Январь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ
- КУЛЬТУРОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПРАВО
- ЭКОНОМИКА
- ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
- НАУКИ О ЗЕМЛЕ

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES
- CULTURAL STUDIES
- HISTORY
- LAW
- ECONOMICS
- PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
- EARTH SCIENCES

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2015. № 390. January

Томский государственный университет
2015

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **В.И. Голиков**, канд. ист. наук, доц.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **О.М. Краснорядцева**, д-р психол. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **Г.Н. Прозументова**, д-р пед. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук., доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **V. Golikov**, PhD in History, Associate Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr.of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **O. Krasnoriadtseva**, Dr. of Psychology, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **G. Prozumentova**, Dr. of Education, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **О.М. Краснорядцева**, д-р психол. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минер. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **Г.Н. Прозументова**, д-р пед. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor; **S. Kulizhskiy**, Dr. of Biology, Professor; **O. Krasnoriadtseva**, Dr. of Psychology, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **G. Prozumentova**, Dr. of Education, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor

Журнал «Вестник Томского государственного университета» включён в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» (http://vak.ed.gov.ru/ru/help_desk/list/)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 390 Январь 2015

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 390 January 2015

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Гончарова Н.В. А.В. Никитенко
как теоретик русской словесности
(по материалам библиотеки профессора) 5
Дьяченко Ю.В. Литературно-критическая и научная
рецепция творчества сестер Бронте в российском
и англоязычном литературоведении XX в.:
сопоставительный анализ 11
Казакова О.А., Долганина (Плотникова) А.А. Интернет-
миниатюра и стихотворение в прозе как речевые жанры:
субъектная организация текста и стереотипизация
речевой структуры 17
Липке Ш. Интертекстуальность в повести А.П. Чехова
«В овраге» и функции библейских текстов 22
Новикова Э.Г. Конвергенция речевых художественных
приемов в малой прозе Т. Толстой 26
Откидыч Е.В. Особенности функционирования скрепы
«между прочим» в диалогическом тексте 35

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

Боровкова О.В. Исторический источник
и внеисточниковое знание в исторической науке 39
Гончаренко М.В. Проблемы легитимации знания
в контексте концепции критического рационализма
К. Поппера и в постмодернистском дискурсе 45
Кириленко Ю.Н. Ритуал как структура:
проблема интерпретации смысла 49
Константинов Д.В., Холомеев А.Г. Аксиологические
аспекты бытия человека: человекосозидающие
и человекоразрушающие ценности 54
Сапарбаева И.В., Терехова Г.Л. «Мистически-
символически-мифологический» мир досократической
философии в творчестве А.Ф. Лосева 60
Хмылёв В.Л., Кондрасюк В.А. Коммуникативные
стандарты интенсивности когнитивного резонанса 66

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Коваленко П.С. Источники изучения истории православия
города Бийска 73
Приходовская Е.А. Модель-аттрактор оперы
как завершающая стадия работы композитора
над творческим проектом 78
Прядуха Н.А. Музыкально-звуковые характеристики
образцов архитектуры классицизма г. Барнаула как
фактор формирования художественно-ассоциативного
ландшафта города 82
Троякова Ю.К. Особенности формирования
композиторского творчества в национальных районах
Южной Сибири в 1965–1985 гг. (на примере Хакасии) 89

CONTENTS

PHILOLOGY

Goncharova N.V. A.V. Nikitenko as a theorist
of Russian literature
(on the materials of Professor's library) 5
Dyachenko Yu.V. Literary and scientific criticism
of the Bronte sisters' works
by Russian and English studies
of the 20th-century literature 11
Kazakova O.A., Dolganina (Plotnikova) A.A.
The internet-miniature and the poem in prose
as speech genres: genre memory
and stereotypization of speech structure 17
Lipke S. Intertextuality in A.P. Chekhov's "In the Ravine"
and functions of biblical texts 22
Novikova E.G. Convergence of speech art devices
in the small prose by T. Tolstaya 26
Otkidych E.V. The peculiarities of the functioning
of the text connector "mezhdu prochim" in the dialogical text 35

PHILOSOPHY, SOCIAL AND POLITICAL SCIENCES

Borovkova O.V. Historical source and secondary knowledge
in historical science 39
Goncharenko M.V. Problems of legitimation of knowledge
in the context of the concept of critical rationalism
of K. Popper and in post-modern discourse 45
Kirilenko Yu.N. The ritual as a structure: the problem
of interpretation 49
Konstantinov D.V., Kholomeev A.G. The axiological aspects
of the being of a human being: human-creating
and human-destroying values 54
Saparbaeva I.V., Terekhova G.L. The "mystical, symbolical
and mythological" world of pre-Socratic philosophy in the works
of Alexey Losev 60
Khmylev V.L., Kondrasyuk V.A. Communication standards
of cognitive resonance intensity 66

CULTURAL STUDIES

Kovalenko P.S. Sources for the study of Orthodoxy history
in Biysk 73
Prikhodovskaya E.A. Opera model-attractor
as a final stage of the composer's work
on a creative project 78
Pryadukha N.A. Music and sound characteristics
of the samples of classicism architecture of Barnaul
as a formation factor of the artistic-associative landscape
of the city 82
Troyakova Yu.K. Peculiarities
of composing art formation in Khakassia, a national region
of Southern Siberia 89

ИСТОРИЯ

Величко С.А. Демократический транзит и митинговая демократия в СССР в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. 95
Власова В.В. Динамика религиозной традиции в советский и постсоветский периоды: воздвижение креста к коми селах 100
Гергилева А.И., Гергилев Д.Н. Чехословацкий корпус и военнопленные Первой мировой войны в период Гражданской войны на территории Сибири (1918–1920 гг.) 109
Кузоро К.А. Чтение в жизни российских церковных историков XIX – первой четверти XX в. 117
Ляпкова А.А. Возможности переселения приписных крестьян Колывано-Воскресенского горного округа в первой четверти XIX в. на примере крестьян Семипалатинского уезда 122
Рындина О.М., Лукина Н.В., Курьянова Т.С., Золотарёва Н.В. Этнокультурное наследие ханты Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в теоретическом и практическом дискурсе 126
Фаронов В.Н. Труд женщин на производстве в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. 132

ПРАВО

Мазур Е.С. Возможности методов дерматоглифики в криминалистическом исследовании внешних признаков человека 141
Титов Н.Д. Статья 333 Гражданского кодекса Российской Федерации: проблемы правоприменения 146

ЭКОНОМИКА

Ибадов Э.С., Шмырева А.И. Этапы развития исламского банковского дела, характеристика и мировой опыт 150
Николаенко В.С. Разработка принципов управления ИТ-проектом 155
Рождественская Е.М., Цитленок В.С. Государственно регулируемый конкурентно-рыночный порядок как категория экономики, основанной на знаниях 161
Уткина В.В. «Экономика знаний» Финляндии: есть чему поучиться 171

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Иванова И.В. Неформальное образование – инвестиции в человеческий капитал 179
Малинина Н.С. Ролевые позиции участников группы как фактор принятия группового решения 185
Неупокоев С.Н., Капилевич Л.В., Кабачкова А.В., Лосон Е.В., Достовалова О.В. Характеристики системы внешнего дыхания при совершенствовании ударных баллистических движений у боксеров старших разрядов 190
Овсяницкая Л.Ю. Применение андрагогического подхода как общенаучной основы формирования информационной компетентности специалистов системы здравоохранения 194

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Волкова М.А., Чередько Н.Н., Соколов К.И., Огурцов Л.А. Современная пространственно-временная структура поля экстремальных осадков на территории Западной Сибири 202
Домрочева Е.В., Лепокурова О.Е. Равновесия содовых подземных вод угленосных отложений Нарыкско-Осташкинской площади (Кузбасс) с минералами вмещающих пород 211
Тарасов А.С., Вершинин Д.А. Определение локализации ледовых заторов на разветвлённом участке русла р. Томь с помощью компьютерного гидравлического моделирования 218
Шарипова О.А. Распределение тяжелых металлов в донных отложениях озера Балхаш в зависимости от природных и антропогенных факторов 225

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 231

HISTORY

Velichko S.A. Democratic transit and meeting democracy in the USSR in the 1980-1990s 95
Vlasova V.V. Dynamics of religious tradition in the Soviet and post-Soviet periods: exaltation of the cross in the Komi villages 100
Gergileva A.I., Gergilev D.N. The Czechoslovak corps and World War I prisoners of war during the Civil War in Siberia (1918–1920) 109
Kuzoro K.A. Reading in the life of the Russian church historians in the 19th – first quarter of the 20th centuries 117
Lyapkova A.A. Resettlement opportunities of bonded peasants of the Kolyvano-Voskresensky mining district in the first quarter of the 19th century on the example of Semipalatinsk district peasants 122
Ryndina O.M., Lukina N.V., Kuryanova T.S., Zolotareva N.V. The Khanty ethno-cultural heritage of Surgut District of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra in theoretical and practical discourses 126
Faronov V.N. The work of women in production in Western Siberia at the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries 132

LAW

Mazur E.S. Potential of new dermatoglyphic methods for the examination of external characteristics of a person in criminalistics 141
Titov N.D. Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation: problems of enforcement 146

ECONOMICS

Ibadov E.S., Shmyreva A.I. Stages of development of Islamic banking, description and world experience 150
Nikolaenko V.S. The development of principles of IT-project management 155
Rozhdestvenskaya E.M., Tsitlenok V.S. State regulated competitive-market order as a category of the economy based on knowledge 161
Utkina V.V. Knowledge economy of Finland: things to learn from 171

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Ivanova I.V. Non-formal education as investment in human capital 179
Malinina N.S. The problem of efficiency of group decision-making 185
Neupokoev S.N., Kapilevich L.V., Kabachkova A.V., Loson E.V., Dostovalova O.V. Characteristics of external respiration in improving ballistic strikes of boxers of higher degree 190
Ovsyanitskaya L.Yu. The andragogical approach application as a general scientific basis for the health professionals' information competence formation 194

EARTH SCIENCES

Volkova M.A., Cheredko N.N., Sokolov K.I., Ogurtsov L.A The current space-time structure of the extreme precipitation field in Western Siberia 202
Domrocheva E.V., Lepokurova O.E. Equilibrium of soda groundwater of coal beds of Narykso-Ostashkinskaya area (Kuzbass) with minerals of containing rocks 211
Tarasov A.S., Vershinin D.A. Building a predictive model of ice jam occurrence on the branched site of the Tom River 218
Sharipova O.A. Distribution of heavy metals in bottom sediments of Lake Balkhash depending on natural and anthropogenic factors 225

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS 231

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 5–10. DOI 10.17223/15617793/390/1

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1.0

Н.В. Гончарова

А.В. НИКИТЕНКО КАК ТЕОРЕТИК РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ БИБЛИОТЕКИ ПРОФЕССОРА)

Рассматривается процесс становления взглядов А.В. Никитенко в области теории литературы. Основы его теоретических и эстетических позиций формировались в 1820–1830-е гг., в период смены строя литературы и эстетики. Материалы библиотеки показывают, что во время обучения А.В. Никитенко в университете шел серьезный процесс усвоения им нормативной риторики и классической поэтики, а также отталкивания от них в соответствии с передовыми идеями того времени.
Ключевые слова: теория словесности; нормативная риторика; классицизм; поэтика; философская эстетика; А.В. Никитенко.

Александр Васильевич Никитенко (1804–1877) – профессор словесности Санкт-Петербургского университета, историк литературы и цензор. В условиях переходного периода от схоластической риторики XVIII в., используя зарубежные и отечественные наработки, он сам создавал курсы по теории и истории литературы, а также философии языка. Его теоретические и историко-литературные труды долгое время оставались актуальными и оставили след в развитии литературоведения и языкознания. Он участвовал в полемике по вопросам критики, народности в литературе, обсуждении положений реалистического движения «Натуральной школы». Основы его взглядов формировались в 1820-е гг., когда зарождалось «своеобразное явление русской мысли, которое можно назвать философской эстетикой» [1. С. 4]. В данной статье предпринята попытка проследить на материале личной библиотеки А.В. Никитенко процесс усвоения и отталкивания от нормативной риторики и классицистической поэтики под влиянием идей философской эстетики и философского осмысления явлений языка.

А.В. Никитенко с 1824 по 1829 г. учился в Санкт-Петербургском университете, а затем, с 1830 г., преподавал в нем политическую экономию и одновременно – русскую словесность в Екатерининском институте. Воплощением основных позиций в теории словесности Никитенко периода обучения стала его Вступительная лекция 1832 г., когда он в качестве адъюнкта у профессора П.А. Плетнева начал преподавать русскую словесность в Санкт-Петербургском университете. Фонд библиотеки А.В. Никитенко, хранящийся в Научной библиотеке Томского университета, представляет собой собрание книг по всем отраслям гуманитарных наук и отражает довольно широкие взгляды своего владельца. В ней содержатся множество изданий художественной литературы XVIII и XIX вв., прижизненные издания русских классиков и ранние переводы западных философов и эстетиков. Начальным этапом для профессиональной деятельности Никитенко стало усвоение работ по риторике и теории словесности. В книжном собрании сохранился целый корпус текстов, по которым можно проследить, как складывались его представления об этой науке.

Общеизвестно, что термин *словесность* появился в XVIII в., когда М.В. Ломоносов впервые определил систему словесных наук, переработав те руководства по риторике и витийству, которые существовали на Руси с XVII в. [2. С. 209, 210]. Ломоносовым были заложены классические традиции словесности как науки, которая включала риторику, ораторию и поэзию. Кроме того, он решает проблему необходимости создания общероссийского языка. Вопрос о становлении словесности приводил ученого к вопросу о происхождении слова, к проблеме языка и мышления.

Ломоносов принял во внимание достижение логико-философского подхода западноевропейского языкознания, идущее от философской грамматики Пор-Рояля. Ее авторы К. Лансло и А. Арно полагали, что «языки различаются лишь формами, конструкциями и звуками, а общее логическое содержание у них одинаковое» [3. С. 15]. В основу всеобщей грамматики была заложена попытка проникнуть вглубь языковых явлений, привить философский подход к словесным наукам. Таким образом, М.В. Ломоносов заложил основу философии языка, определил характер и методы решения проблем русского языкознания [4. С. 137]. Всего полвека отделяло эпоху М.В. Ломоносова от времени деятельности А.В. Никитенко, и вопрос становления русской словесности был одним из актуальнейших. Для Никитенко достижения Ломоносова были очень значимы, в его библиотеке есть несколько изданий сочинений Ломоносова, в дальнейшем он будет продолжать традиции русских ученых, обогащая сухие риторические правила живой водой философских понятий.

Курс риторики в школьной филологии XVIII в. сочетался с курсами грамматики и логики, составляя тривиум – «цикл языкового обучения в средневековой школе» [5. С. 6]. На таком схоластическом основании строились учебные руководства начала XIX в., авторы которых стремились «логически выстроить цельную систему искусств речи» [Там же. С. 7]. В этой системе риторика считалась главной наукой словесности и содержала правила искусного соединения мыслей и слов. В XVIII в. она решала задачи словесного творчества, создавала нормы построения речи, основанные на умении воплотить замысел в содержании высказывания. По словам В.П. Вомперского, риторика лежала в основе образования и оказывала влияние на формирование мировоззрения и духовного облика учащихся [4. С. 5]. Это позволяло через учебный предмет определять основные направления деятель-

ности общества. Никитенко еще в уездном училище познакомился с этими положениями, в его библиотеке сохранились традиционные учебники по риторике И.С. Рижского и Н.Ф. Кошанского.

Риторика неизменно включала в себя учение об изобретении, расположении и выражении мыслей, правила построения текстов и характеристику жанров прозаических сочинений. «Опыт риторики» (1809) И.С. Рижского разделяется на два рода красноречия: прозу и поэзию. «Прозаическому красноречию учит риторика, а стихотворческому – поэзия» [6. С. 10]. Противопоставление прозы и поэзии, под которой понималась вся художественная словесность, было связано с целевыми установками этих форм речи. Риторика описывает одно «истинное», а поэтика учит вымышлять, описывает «чистые вымыслы» [7. Ч. 1. С. 106]. При этом приоритет отдавался прозе: «Прозаик должен остерегаться стихотворческой вольности, не уходить от естественности. Прозаик говорит разуму, а поэт – воображению» [6. С. 338]. Таким образом, целью образованного человека являлось следовать определенным правилам в составлении своей речи, а художественное творчество отодвигалось на второй план, его целью было лишь приятное провождение времени.

Наиболее подробно постулаты традиционной риторики были отражены в учебнике «Общая реторика» Н.Ф. Кошанского (1830). Изобретение мыслей сводилось к распространению предложений с помощью «источников изобретения» (синонимов, эпитетов, обстоятельств). Расположение мыслей заключалось в практических упражнениях по составлению описания и рассуждения, «этих двух первоначальных родов всякого сочинения» [8. С. 13]. К примеру, в рассуждении обязательно доказывалась истина и отвергалась несправедливость. Рассуждение о выражении мыслей было посвящено слогу и его характеристикам. В целом риторика не имела прямого отношения к смысловому содержанию речи, она лишь предписывала правила составления текста и правила соответствия слога и стиля различным прозаическим жанрам. Учебник профессора русской и латинской словесности Царскосельского лицея Н.Ф. Кошанского, по сути, завершал эпоху риторики в ее традиционном виде. К 1830-м гг. назрел кризис риторики, ее границы не вмещали всех вопросов, которые были поставлены перед словесной наукой.

Никитенко в свою Вступительную лекцию включает основы красноречия, но не в традиционном виде. Он понимал, что в изменившихся условиях развития общества и риторика должна измениться, он пытался найти тот путь, который выведет ее на новый уровень осознания. Никитенко видел его в отказе от «одностороннего догматизма» и обращении к философскому осмыслению литературы [9. С. 546]. К теории изобретения и расположения мыслей Никитенко пытался применить философские категории: форму и содержание мышления.

Учение о соотношении формы и содержания искусства было важной частью эстетики и основополагающим для теории литературы, оно теоретически разрабатывалось и в классицизме, и в романтизме [10. С. 58]. Категории формы и содержания мышления в работе Ф. Гегеля «Наука логика» приобрели философскую значимость. Обосновывая применение их к мышлению, Никитенко поставил для риторики практическую задачу: «…показать все возможные формы слова, коими всякая одушевленная мысль проявляет себя – вот первая задача Риторики» [11. С. 46]. Вторая задача – «…показать, в чем состоит дух или идея каждой из отраслей Красноречия…» [Там же. С. 47]. В своей преподавательской практике Никитенко следовал этим задачам, и это неизменно вело к более широкому философскому осмыслению явлений языка и литературы.

Отступлением от нормативной риторики стало сближение ее с поэтикой. Для Никитенко это было важно, в его библиотеке оказался труд А.С. Никольского «Основания российской словесности» (1807). Учение автора о словесности состояло из грамматики и риторики, в рамках риторики автор рассматривает искусство поэзии, при этом сохраняя их традиционную противоположность. Никольский подробно и оригинально характеризует основные поэтические жанры, он впервые дает высокую оценку творческому дару поэта: «По воле его все переменяется в природе…» [7. Ч. 2. С. 107]. Учебник А.С. Никольского имел большое значение, до этого риторика и пиитика мыслились совершенно по-разному: риторика как словесная дисциплина, а пиитика как часть искусства. Объединению их под общим понятием литературы способствовали также труды Н.И. Греча, в длинном заглавии его пособия заложена суть системы: «Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории российской словесности» (1830). Понятие литературы рассматривалось Н.И. Гречем в эстетике наряду с другими искусствами, он сближает литературу со словесностью, объединяя в ней красноречие, историю и поэзию. По его словам, «литература народа – это все его произведения в словесности, написанные стихами и прозой» [12. Ч. 4. С. III]. Автор разделяет поэзию на лирическую, эпическую и драматическую, добавляя еще описательную (сельская поэма, идиллия) и дидактическую (сатира, басня, притча). Описание каждого рода поэзии сопровождает обширный литературный материал.

Никитенко в своих теоретических работах вместо привычного понятия словесности перенимает от Н.И. Греча обобщающее понятие – «литература», которая включает в себя красноречие и поэзию (область разума и область сердца). Среди трех родов литературы (эпос, лирика, драма) Никитенко отдает предпочтение лирической поэзии, которая представляет собой воплощение понятия изящного как «высочайшей идеи совершенства» [11. С. 30].

В начале XIX в., в эпоху готовящихся реформ Александра I и общественных преобразований, западная наука стала привлекать пристальное внимание русского общества. В России стали появляться учебные руководства с привлечением достижений западноевропейской науки, они представляли собой компиляцию сведений из разных областей гуманитарного

знания: логики, грамматики, риторики, эстетики и т.д. В России стали популярны учения И. Канта, Эшенбурга, Ф. Шеллинга, Ф. Гегеля. В библиотеке Никитенко сохранились труды И. Винкельмана, К. Бахмана, Ф. Ансильона, Д. Велланского, Ф. Гегеля. Изучение их привело Никитенко к усвоению категорий эстетики, которые сложились в систему под влиянием философии.

В 1820-е гг. зарождается понятие «теория словесности» [5. С. 13]. Время перемен совпало с периодом активного становления А.В. Никитенко как теоретика словесности, из множества учебных пособий того времени он отбирал наиболее значимые для него и сохранил их в своей библиотеке. Это труды А.С. Никольского, Я.В. Толмачева, Л.Г. Якоба, Н.И. Греча, И.И. Давыдова, В.Т. Плаксина и др.

Понятие о знаковой природе слова и его свойствах заимствовалось из курса всеобщей грамматики. В своем труде «Курс философии для гимназий» Л.Г. Якоб целый раздел посвящает всеобщей грамматике, в которой язык характеризуется через понятие знака, т.е. «чувственный предмет, служащий только средством к представлению частных понятий или признаков в отвлеченности» [13. Ч. 2. С. 15]. Концепция Якоба основывалась на эстетике Канта и приводила к формализму. Понятие знака имеет место и в учебнике профессора Санкт-Петербургского университета Я.В. Толмачева «Правила словесности, руководствующие от первых начал до вышних совершенств красноречия» [14]. Он включил в него перевод труда «Опыт о происхождении человеческих знаний» французского просветителя Э. Кондильяка, основой философии которого была мысль о знаковой природе языка. В восприятии Я.В. Толмачева основной пафос учения французского философа состоит в том, что слово – это воплощенная мысль, которая может быть изображена разными средствами, и одно из средств – буквы, «видимые знаки мысли» [14. С. 9]. Идеи, не соединенные со знаками, не дают ясного знания. Кондильяк считал, что мышление невозможно без языка. Это приводило к первым проявлениям формализма в русской эстетике.

Никитенко изучил труды Л. Якоба и Я. Толмачева, свои размышления о природе литературы он начинает с понимания слова как знака, образа: «Мы не можем себе представить мысли без этого облика, который служит ей плотию», – говорит Никитенко [11. С. 7]. С другой стороны, он выражает желание «…передать другим не звуки, но в звуках полноту внутренней жизни» [Там же. С. 9]. Преодолеть формализм Никитенко пытается, включив в поле своих рассуждений идеи немецкого лингвиста и философа Вильгельма фон Гумбольдта, которые были известны уже в 1820-х гг. Гумбольдт обратил внимание на содержательную сторону языка и открыл идиоэтнический взгляд на языки народов, основав тем самым общее языкознание. Два подхода, грамматический и содержательный, отражены в лекции Никитенко: «Есть два способа изучения языка: один состоит в познании механизма его, другой в познании его духа или гения» [11. С. 10]. Гумбольдт видел в языке «беспрерывную деятельность духа», связанную с понятием народа. Он писал: «Язык и духовная сила народа развиваются не отдельно друг от друга и не последовательно… а составляют исключительно и нераздельно одно и то же действие интеллектуальной способности» [15. С. 10]. А.В. Никитенко применил идеи Гумбольдта к русскому языку: «…элементы народного образования сообщают и языку народа особенный характер, составляют из него отдельную систему» [11. С. 10]. Он говорил о необходимости изучать дух отечественного языка, который «проявляется в изображении внутренней жизни народа» [Там же. С. 12].

Включением в круг источников развития идей В. Гумбольдта Никитенко расширяет свой взгляд на словесность, ставит ее в контекст мировой современной мысли. Позже, когда будет издан перевод на русский язык книги Гумбольдта «О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода» (1859), Никитенко получит ее в дар с автографом переводчика П. Билярского с благодарственной надписью «…за содействие к изданию этого труда». Очевидно, профессор и цензор имел возможность поддерживать издание книг, которые он считал нужными и полезными. Никитенко сделал в книге ряд важных помет – вероятно, в связи с подготовкой к печати очерка о значении М.В. Ломоносова (1865), а также теоретической работы «Мысли о реализме в литературе» (1872). Осмысление народности и отечественной истории будет всегда актуально для Никитенко.

Таким образом, идеи Никитенко сформировались в ситуации постепенно складывающейся теории словесности. Риторика отходила на второй план, однако еще мыслилась им как необходимая наука. Структура словесности (литературы) включала поэтику, и это была поэтика и эстетика классицизма. Так, И.И. Давыдов разработал университетский курс «Чтения о словесности» (1837), в который включил перевод основных положений британского эстетика-классициста Хью Блэра по риторике и изящной словесности. Уже упомянутый учебник Я.В. Толмачева во 2-й части содержал нормативную риторику, а в 3-й и 4-й частях («О слоге и различных родах прозы») представлял компиляцию из разных учений, составляющих основу поэтики классицизма. Автор много цитирует Блера, Баттё, Мармонтеля, Лагарпа, приводит примеры из античных произведений Аристотеля, Квинтилиана, Лонгина и др.

В студенческие годы (1825–1828) Никитенко посещал курс Я.В. Толмачева и активно изучал эстетику и поэтику классицизма. В его библиотеке сохранились труды крупнейших теоретиков-классицистов в переводах на русский язык с пометами Никитенко – Ж. Лагарпа, Ш. Баттё, Мармонтеля. Пометы и записи на полях свидетельствуют о полемическом отношении Никитенко к основным позициям классицизма. Так, в 4-м томе учебника Толмачева отмечено место: «Слово есть воплощенная мысль: посему объясняя, украшая, усовершая выражения, придаем через то самое и мыслям ясность, красоту и совершенство». На полях Никитенко записывает: «Наоборот, мысли сообщают красоту слову, надобно только уметь выразить прекрасную мысль» [14. Ч. 4. С. 2]. Приоритет

формы (слова) противопоставляется приоритету содержания (мысли).

В библиотеке Никитенко сохранился труд Шарля Баттё «Начальные правила словесности», который является переложением на русский язык «Приципов литературы» Баттё. В предисловии переводчик Д. Облеухов указывает, что «осмелился несколько переменить сие сочинение», однако сути учения это не изменило [16. Т. 1. С. 11].

Шарль Баттё – один из значительных французских теоретиков литературы. В его теории нашли отражение основные идеи классицизма, и, прежде всего, аристотелевская теория подражания природе. Несколько помет Никитенко встречаются в рассуждении VI «О Лирической поэзии». К примеру, в части о исступлении Лирической поэзии автор пишет: «Сие чувство… существует в человеке, ощущаемом оное по самой действительности своего состояния; но только тогда, когда оно находится в Артисте, поэте, живописце, музыканте; когда оно происходит от воображения, искусственно разгоряченного предметами, кои оно представляет себе во время сочинения» [16. Т. 3. С. 232]. Никитенко отметил это место и поставил знак вопроса. Под исступлением понималось творческое состояние художника, и здесь таилось разделение между классицистами и романтиками. Баттё «…отвергал трактовку творческого состояния художника как мистического, экстатического», по его мнению, допустимо лишь «живое представление предмета в уме и сердечное движение, соответственное сему предмету» [10. С. 20]. Известно, что у романтика В.А. Жуковского, который переводил «исступление» как «энтузиазм», по поводу этого места было совсем другое мнение. В своем конспекте он писал: «Почему ж только в артисте?.. Всякое живое чувство, исключительно привязывающее нас к какому-нибудь предмету, есть энтузиазм» [17. С. 105]. Никитенко больше тяготел к романтической традиции, поэтому и отметил это противоречие. Пометы Никитенко в целом свидетельствуют о его особом внимании именно к жанру лирической поэзии.

Никитенко пытался осмыслить теорию классицизма, об этом свидетельствуют книги его библиотеки и пометы в них. Привлекает внимание труд С.П. Шевырева «Теория поэзии», в которой автор разобрал творчество Ш. Баттё «ученым образом, без обычного тона пренебрежения» [18. С. 155]. Никитенко отметил знаком NB место о противоречии в началах идей Баттё и Бахмана: «Баттё говорит, что поэзия есть подражание изящной природе словами; Бахман – что поэзия есть изображение идеи прекрасного словами…» [Там же. С. 167]. Сам Никитенко, критикуя классицизм, пытался объективно оценить его роль следующим образом: «Могущественное влияние Классической словесности на словесности новейших народов произвело благие последствия: оно дало ей художественное направление, распространило в ней идею законности и определительность формы постановило необходимым условием ее совершенствования» [Там же].

Однако далее он развивает свою мысль: «Но то, что должно было только возбуждать и питать новую литературу, сделалось для нее игом. Возникли школы, которые в произведениях искусства не видели жизни, а только внешнюю отделку, которые с мелочной заботливостью всякую идею в словесности призывали к суду Аристотеля, Цицерона, Горация и Квинтилиана» [9. С. 527].

Освоению теории классицизма способствовало также чтение Ж. Лагарпа. В библиотеке Никитенко находится «Ликей или круг словесности древней и новой» французского критика в переводе на русский язык (1810–1814). Шевырев называет Лагарпа критиком национальным, а его лекции – живой картиной «сокровищ литературных», и хотя Лагарп не написал своей теории, он «применил к делу» начала теории классической [18. С. 181]. Пометы Никитенко встречаются в 1-м томе в главе «Рассмотрение пиитики аристотелевой», они касаются в основном природы трагедии и театрального искусства. Пометы в 3-м томе касаются рассмотрения риторических наставлений Квинтилиана. Отсюда следует, что Никитенко использовал трактат Лагарпа в учебных целях, однако именно этот труд оказался решающим в отношении к классическим образцам. В дневнике Никитенко за 1831 г. есть запись, ярко отражающая результат его знакомства с произведениями классической литературы: «Читаю курс литературы Лагарпа. Какой он раб Аристотеля! Аристотель, Баттё, Блер, Лагарп – все эти господа рассуждают о литературе как о каком-то ремесле. Вот так и изготовляются сочинения: трагедии, комедии, речи и проч., как башмаки, платья, мебель. Они не смотрят на словесное произведение как на проявление духа человеческого, стремящегося ко всестороннему развитию в истинном, благом и изящном» [19. С. 102, 103].

Нужно отметить, что Никитенко осваивал и художественные тексты классицизма, в его библиотеке есть такие произведения, как трагедия «Федра» Расина (1823), «Велисарий» Мармонтеля (1818) с пометами Никитенко, а также большой пласт античной классики – произведения Аристотеля и Платона, Софокла, Горация и Пиндара, риторические сочинения Квинтилиана и Цицерона в переводах на русский язык. Очевидно, что к 1831 г. складывается определенное отношение Никитенко к теории классицизма и её основному принципу подражания природе. С. Шевырев пишет, что у Лагарпа везде проглядывает «…начало подражания, доведенное до крайности, до подделки под природу» [18. С. 185]. Никитенко доводит свою мысль о принципе подражания до обобщения: «Правило: подражай природе, относится к самой низкой стороне искусства и заключает в себе лишь малейшую часть его. Это то, что мы читаем в пиитиках и риториках в статье о правдоподобии» [19. С. 102, 103]. Но он идет дальше, предлагает новые основания для творчества. «Другими словами сказать: пиши для человека по-человечески. Но без идеалов нет изящных искусств. А если бы они и были без них, то не много оказали бы услуг человеку» [Там же]. Данные слова свидетельствуют об идеалистических взглядах Никитенко. «Нашему веку предоставлена честь возвратить поэзии права ее, то есть показать, что она есть жизнь, и лучшая жизнь человеческого сердца, и что ее назначение не суетная забава праздных людей, но

пробуждение в человеке всего божественного, положительное, прямое развитие всего благородного в его духе» [Там же].

Материалы библиотеки А.В. Никитенко свидетельствуют о серьезном процессе усвоения нормативной риторики и классической поэтики и отталкивания от них в поисках новых путей развития литературы. Опираясь на достижения своих предшественников в области риторики и теории словесности, Никитенко искал новые основания для построения университетского курса литературы, этими основаниями стало включение в науку о словесности идей философской эстетики. Нормативность и схоластика ощущались им как тормоз в осмыслении словесности как «проявления духа человеческого». В Дневнике Никитенко даже писал о противодействии в университете «всякому нечистому духу в ученом и нравственном отношении», когда он и П.А. Плетнев давали друг другу слово «бить, сколь возможно, схоластику» [19. С. 147].

В 30–40-х гг. XIX в. отсталость нормативной риторики обсуждалась в журнальных рецензиях. Наиболее резко высказывался В.Г. Белинский: «Всякая реторика есть наука вздорная, пустая, вредная, педантская, остаток варварских схоластических времен…» [20. С. 34]. С середины XIX в. вслед за риторикой подверглась критике вся теория словесности, которая «…трактовалась как схоластика, не соответствующая научным понятиям своего времени» [5. С. 30]. Художественная литература стала признаваться главной областью словесности, разрушение традиционной системы привело к возникновению фундаментального языкознания и литературоведения. В этот период А.В. Никитенко написал две работы актуального содержания: докторскую диссертацию «О творящей силе в поэзии, или О поэтическом гении» (1836) и «Речь о необходимости теоретического или философского исследования литературы» (1837). В них он обосновывает свои взгляды на изучение литературы с позиций эстетической мысли и философских категорий.

Таким образом, материалы библиотеки А.В. Никитенко, его дневниковые записи и теоретические работы позволяют говорить о том, что он стремился к философскому взгляду на теорию словесности. Включение в пространство своей рефлексии идей западных представителей передовой научной мысли (Вильгельма Гумбольдта и Ф. Гегеля) позволило ему «встать с веком наравне». Формируя свою теорию словесности, он активно внедрял проблематику философской эстетики в практику университетского преподавания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Манн Ю.В.* Русская философская эстетика (1820–1830-е годы). М., 1969.
2. *Аннушкин В.И.* Русская риторика: исторический аспект : учеб. пособие. М., 2003.
3. *Безлепкин Н.И.* Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии. СПб., 2002. 272 с.
4. *Вомперский В.П.* Риторики в России XVII–XVIII вв. М., 1988.
5. *Зарифьян И.А.* Теория словесности. Библиография и комментарий. М., 1990.
6. *Рижский И.С.* Опыт риторики. М., 1809.
7. *Никольский А.С.* Основания Российской словесности (для морских училищ). СПб., 1807.
8. *Кошанский Н.* Общая реторика. Издание второе. Санкт-Петербург: При Императорской Академии наук, 1830.
9. *Никитенко А.В.* Речь о необходимости теоретического или философского исследования литературы // ЖМНП. 1837. № 3 (март).
10. *Русские* эстетические трактаты первой трети XIX в. : в 2 т. / ред. кол. М.Ф. Овсянников и др.; сост., вступ. ст. и прим. З.А. Каменского. М., 1974. Т. 1.
11. *Никитенко А.В.* Вступительная лекция российской словесности. СПб., 1833.
12. *Греч Н.И.* Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории российской словесности. СПб., 1819–1822. Ч. 1–4.
13. *Якоб Л.Г.* Курс философии для гимназий Российской империи, сочиненный Доктором Лудвигом Генрихом Якобом. Изданный от Главного Правления училищ. СПб., 1812.
14. *Толмачев Я.В.* Правила словесности, руководствующие от первых начал до вышних совершенств красноречия, в четырех частях. Сочинение Якова Толмачева. СПб. : В Морской Тип. 1814–1822.
15. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию / пер. с нем ; общ. ред. Г.В. Рамишвили. М., 2000.
16. *Баттё Ш.* Начальные правила словесности / пер. с франц. Д. Облеухова. В 4 ч. М., 1806–1807.
17. *Библиотека* В.А. Жуковского в Томске / отв. ред. Ф.З. Канунова; ред. Н.Б. Реморова, Э.М. Жилякова. Томск, 1984. Ч. 2
18. *Шевырев С.П.* Теория поэзии в историческом развитии у древних и новых народов. М., 1836.
19. *Никитенко А.В.* Дневник в 3 т. Т. 1 (1826–1857) / под ред. Н.Л. Бродского; вступ. ст. И.Я. Айзенштока. Л., 1955.
20. *Белинский В.Г.* Отечественные записки за 1845 год. Т. 38, № 1, отд. 6.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 сентября 2014 г.

A.V. NIKITENKO AS A THEORIST OF RUSSIAN LITERATURE (ON THE MATERIALS OF PROFESSOR'S LIBRARY)

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 5-10. DOI 10.17223/15617793/390/1

Goncharova Natalia V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Nauchka@mail.ru

Keywords: theory of literature; normative rhetoric; classicism; poetics; philosophical aesthetics; A.V. Nikitenko.

Alexander Nikitenko (1804–1877) was a Professor of Literature University of St. Petersburg, literary historian and censor. In the transition period from the scholastic rhetoric of the 18th century, using foreign and native achievements, he created courses on the theory and history of literature, and philosophy of language. In this article an attempt is made to trace the process of assimilation and repulsion from the normative rhetoric and classical poetics influenced by the ideas of philosophical aesthetics and philosophical understanding of the phenomena of language, based on the material of the personal library of A.V. Nikitenko. The mastering of works on rhetoric and theory of literature became the first stage for Nikitenko's professional work. In the book collection the whole body of

texts is preserved, based on which it is possible to follow how his ideas about this science were formed. Tutorials from the end of the 18th – early 19th centuries were built on the basis of rhetoric. Nikitenko mastered and preserved in his library traditional textbooks on rhetoric by authors I.S. Rizhskiy and N.F. Koshanskiy. In his Inaugural lecture Nikitenko tried to rethink the problems of rhetoric from the point of view of the correlation of the philosophical categories of form and content. Tutorials by A.S. Nikolsky and N.I. Grech contributed to the rise of poetry and to the rethinking of the structure of literature as science. At the beginning of the 19th century, in the era of the upcoming reforms of Alexander I and social transformation, Western science began to attract intent attention of Russian society. In Russia, tutorials began to appear that used the achievements of Western European science; they were compilations of information from different areas of liberal knowledge: logic, grammar, rhetoric, aesthetics. The first manifestations of formalism in Russian aesthetics found expression in works of L. Jakob, who based on the teachings of Kant. To overcome formalist tendencies, A.V. Nikitenko used the discovery of W. Humboldt in the field of linguistics. In his student years, Nikitenko actively studied the aesthetics and poetics of classicism. In his library, works were preserved of the major theorists-classicists (J.-F. La Harpe, Ch. Batteux, J.-F. Marmontel) in Russian translation with Nikitenko's marks. The marks and comments on the margins of pages attest to Nikitenko's polemic attitude to the basic positions of classicism. By 1831 Nikitenko forms the critical attitude to the classicism theory and its basic principle of imitation of nature. The materials of A.V. Nikitenko's library indicate the serious process of adoption of normative rhetoric and classical poetics and repulsion from them in the search for new ways of literature development. Basing on the achievements of his predecessors in the field of rhetoric and theory of literature, Nikitenko was looking for new bases for the creating of a university course in literature; these bases were the inclusion of the ideas of philosophical aesthetics in the science of literature.

REFERENCES

1. Mann Yu.V. *Russkaya filosofskaya estetika (1820–1830-e gody)* [Russian philosophical aesthetics (1820-1830s)]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1969. 304 p.
2. Annushkin V.I. *Russkaya ritorika: istoricheskiy aspekt* [Russian rhetoric: the historical aspect]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2003. 397 p.
3. Bezlepkin N.I. *Filosofiya yazyka v Rossii: K istorii russkoy lingvofilosofii* [Philosophy of language in Russia: on the history of Russian linguophilosophy]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb Publ., 2002. 272 p.
4. Vomperskiy V.P. *Ritoriki v Rossii XVII–XVIII vv.* [Rhetoric in Russia in the 17th-18th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1988. 180 p.
5. Zarif'yan I.A. *Teoriya slovesnosti. Bibliografiya i kommentariy* [Theory of Literature. Bibliography and commentary]. Moscow: Znanie Publ., 1990.
6. Rizhskiy I.S. *Opyt ritoriki* [Experience of rhetoric]. Moscow: Univ. tip. Publ., 1809. 381 p.
7. Nikol'skiy A.S. *Osnovaniya Rossiyskoy slovesnosti (dlya morskikh uchilishch)* [Foundation of the Russian literature (for maritime schools)]. St. Petersburg, 1807. 218 p.
8. Koshanskiy N. *Obshchaya ritorika* [General rhetoric]. St. Peterburg: Pri Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1830.
9. Nikitenko A.V. Rech' o neobkhodimosti teoreticheskogo ili filosofskogo issledovaniya literatury [On the need of a theoretical or philosophical research of literature]. *ZhMNP*, 1837, no. 3 (March).
10. Ovsyannikov M.F. (ed.) *Russkie esteticheskie traktaty pervoy treti XIX v.* [Russian aesthetic treatises of the first third of the 19th century]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1974. 408 p.
11. Nikitenko A.V. *Vstupitel'naya lektsiya rossiyskoy slovesnosti* [The introductory lecture on Russian literature]. St. Petersburg, 1833.
12. Grech N.I. *Uchebnaya kniga rossiyskoy slovesnosti, ili izbrannye mesta iz russkikh sochineniy i perevodov v stikhakh i proze s prisovokupleniem kratkikh pravil ritoriki i piitiki i istorii rossiyskoy slovesnosti* [Textbook of Russian literature, or selections from Russian essays and translations in verse and prose with brief rules of rhetoric and piitics, and the history of Russian literature]. St. Petersburg, 1819–1822. Parts 1–4.
13. Jakob L.H. *Kurs filosofii dlya gimnaziy Rossiyskoy imperii* [Philosophy course for high schools of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1812.
14. Tolmachev Ya.V. *Pravila slovesnosti, rukovodstvuyushchie ot pervykh nachal do vyshnikh sovershenstv krasnorechiya, v chetyrekh chastyakh* [Rules of literature, guidance from the first beginnings to the highest perfection of eloquence, in four parts]. St. Petersburg: Morskaya Tip. Publ., 1814–1822.
15. Humboldt W. von. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Translated from German by G.V. Ramishvili. Moscow: Progress Publ., 2000. 400 p.
16. Batteux Ch. *Nachal'nye pravila slovesnosti* [Basic rules of literature]. Translated from French by D. Obleukhov. Moscow: Univ. tip. Publ., 1806–1807. Parts 1–4.
17. Kanunova F.Z. (ed.) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske* [Library of V.A. Zhukovsky in Tomsk]. Tomsk: TSU Publ., 1984. Pt. 2, 559 p.
18. Shevyrev S.P. *Teoriya poezii v istoricheskom razvitii u drevnikh i novykh narodov* [Theory of poetry in the historical development of the ancient and new peoples]. Moscow, 1836.
19. Nikitenko A.V. *Dnevnik v 3 t. T.1 (1826–1857)* [Diary in 3 vols. V. 1 (1826-1857)]. Leningrad: Goslitizdat Publ., 1955. 650 p.
20. Belinskiy V.G. *Otechestvennye zapiski za 1845 god* [Notes f the Fatherland for 1845]. Vol. 38, no. 1, section 6.

Received: 23 September 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 11–16. DOI 10.17223/15617793/390/2

УДК 821. 111 95 «20»

Ю.В. Дьяченко

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ И НАУЧНАЯ РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА СЕСТЕР БРОНТЕ В РОССИЙСКОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ XX в.: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Дан обзор российского и англоязычного литературоведения XX в., посвященного творчеству сестер Бронте. Впервые предпринимается попытка сопоставительного анализа российской и англоязычной литературно-критической рецепции творчества сестер Бронте, целью которого является определение основных направлений научного осмысления художественного наследия этих романисток в англоязычном и российском литературоведении XX в.

Ключевые слова: рецепция; сестры Бронте; российское литературоведение XX в.; англоязычное литературоведение XX в.

Английские писательницы сестры Бронте оставили богатое художественное наследие, их произведения, созданные в середине XIX в., давно стали классикой мировой литературы. Творчество и личности сестер Бронте вызывают интерес литературоведов во всем мире, в России и за рубежом выходит огромное количество работ, посвященных этим замечательным романисткам. В литературоведении каждой отдельной страны и эпохи творчество сестер Бронте рассматривается исходя из собственных культурно-исторических и социально-политических особенностей развития.

Рецепция творчества сестер Бронте началась в родной для них английской культуре и литературе, затем оно было воспринято русской культурой XIX столетия, и в XX в. отечественное осмысление их творчества продолжилось. В XX в. в России произведения сестер Бронте приобрели особую популярность. В это время были впервые переведены произведения всех трех сестер, и вместе с тем появилось большое количество посвященных им литературоведческих исследований. Такой всплеск интереса российских читателей и литературоведов к творчеству сестер Бронте в XX в. определяет необходимость изучения рецепции их творчества в современной русской культуре и литературе, поскольку восприятие русской культурой и литературой мировой классики – до сих пор актуальный и активно осмысляемый процесс [1].

Подобное исследование, на наш взгляд, требует более широкого подхода для осмысления рецепции творчества сестер Бронте: в частности, важным представляется объединение разных национальных культурных и научных традиций в изучении наследия писательниц. Актуальность данного исследования определяется проблематикой рецептивной эстетики, вопросами диалога культур и межкультурной коммуникации. Научная новизна работы обусловлена тем, что в ней впервые предпринята попытка специального исследования истории и специфики литературно-критической и научной рецепции творчества сестер Бронте в России XX в., а также впервые осуществлен сопоставительный анализ российских и англоязычных исследований творчества сестер Бронте указанной эпохи.

Цель работы – определение основных направлений литературно-критического и научного осмысления художественного наследия сестер Бронте в англоязычном и российском литературоведении XX в.

Известность и популярность к сестрам Бронте в России и за рубежом пришла после выхода в свет романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» в Англии в 1847 г., первый русскоязычный перевод которого появился уже в 1849 г. Романы младших сестер Эмили и Энн Бронте, «Грозовой перевал» и «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла», опубликованные в Англии в том же 1847 г., не сразу стали популярными среди читателей и литературоведов как у себя на родине в Англии, так и в России.

В конце XIX – начале XX в. в англоязычном литературоведении появляются исследования, полностью или частично посвященные творчеству двух младших Бронте (Эмили и Энн), однако при этом произведения и талант Энн Бронте остаются в тени славы старших сестер. Аналогичная ситуация относительно популярности каждой из сестер Бронте складывается и в России, но, в отличие от англоязычной рецепции творчества Бронте, русскоязычные переводы произведений Эмили и Энн появляются лишь в середине XX в.

Таким образом, отправной точкой для литературоведческих исследований жизни и творчества сестер Бронте в России и Англии можно считать первую публикацию романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» и его первый русский перевод. С этого времени статьи и заметки о сестрах Бронте выходят во многих англоязычных и российских литературных журналах.

В XX в. к творчеству сестер Бронте обращаются многие зарубежные исследователи: К. Шортер [2], В. Вульф [3], Е. Бенсон [4], Т. Вайс [5], Р. Чейз [6], Д. Траверси [7], Д. Сесил [8], М. Ватсон [9], А. Кэттл [10], М. Визик [11], А. Харрисон [12], Дж. Хьюиш [13], Р. Хайльман [14], Дж.Ф. Гудридж [15], Ф. Дрю [16], Р.Б. Мартин [17], В. Герин [18], М. Вилли [19], М. Спарк [20], В. Крейк [21], В. Стивенсон [22], Ф. Бентли [23], Л. Хинкли [24], Т. Иглтон [25], М. Петерс [26], Э. Ленгленд [27], И. Тайлер [28], Э. Читэм [29], С. Сенджер [30. С. 7–18], Д. Лодж [30. С. 110–136] и др. Отметим, что наряду с монографиями выходят и сборники, включающие эссе и фрагменты работ многих исследователей: «A Collection of Critical Essays» под ред. Я. Грегора [30], «Critics on Charlotte and Emily Bronte» под ред. Дж. О'Нейла [31] и др.

Англоязычные литературно-критические исследования творчества сестер Бронте XX в. демонстрируют тематическое разнообразие в подходах, однако здесь можно выделить несколько основных направлений.

Вслед за многими исследователями XIX в. в XX в. литературоведы активно обращаются к теме биогра-

фии сестер Бронте. Большинство подобных работ опираются на книгу Э. Гаскэлл «The Life of Charlotte Brontë» [32] 1857 г. («Жизнь Шарлотты Бронте». Здесь и далее перевод мой. – *Ю.Д.*), которая до настоящего времени является одним из основополагающих исследований жизни и творчества сестер Бронте. Э. Гаскэлл, располагая подлинными документами семьи Бронте (дневниковые записи, личная переписка и пр.), приводит подробное описание жизненных обстоятельств сестер и анализ их творчества; закономерно, что большая часть книги посвящена Шарлотте.

Некоторые биографические работы о сестрах Бронте XX в. также содержат краткий анализ творчества писательниц. Относительно самих биографических исследований отметим, что часто в них прослеживается оттенок загадочности и мрачной меланхолии, присутствует налет мистицизма и провиденциализма в трактовках жизни и смерти сестер и единственного брата Бронте, иногда это отражено в названиях самих работ: «Holy Ghosts» («Святые призраки») [28], «Myths of Power: A Marxist Study of the Brontes» («Мифы власти: марксистское учение о сестрах Бронте») [25], «Unquiet Soul» («Неуспокоенная душа») [26] и др. Ведущей темой подобных исследованиях являются необычайная способность всех детей Бронте к творчеству, а также ранние смерти всех сестер и единственного брата. Причину подобного подхода мы усматриваем в семейном укладе семьи Бронте. Отец сестер Бронте был пастором, и дом, в котором жили сестры, располагался рядом с кладбищем (это обычное условие жизни пасторов в Англии XVIII–XIX вв. –*Ю.Д.*), возможно, поэтому в трудах многих исследователей читается некий мистицизм в трактовках жизни и смерти сестер.

Популярность темы биографии в англоязычном литературоведении XX в. можно объяснить тем, что большая часть подлинных архивных документов семьи Бронте находится в Англии, что облегчает доступ к ним зарубежных исследователей.

Другим направлением англоязычных исследований является анализ творчества всех сестер Бронте в перспективе сравнения и сопоставления их произведений, отдельных элементов и образов в них. Возможно, подобные исследования, не признавая одаренности всех сестер Бронте, преследуют цель выявить и, на основании анализа их творчества, объяснить настоящую одаренность лишь одной из сестер.

Например, В. Вульф, разделяя точку зрения С. Добэлл о незаурядности таланта Эмили Бронте, пишет: «“Wuthering Heights” is a more difficult book to understand than “Jane Eyre”, because Emily was a greater poet than Charlotte» [31. С. 54] (подстрочный перевод: «“Грозовой перевал” – книга гораздо более сложная для понимания, нежели “Джейн Эйр”, потому что Эмили более более крупный художник, нежели Шарлотта). Р. Чейз [6], анализируя поэтику романов Ш. Бронте «Джейн Эйр» и Э. Бронте «Грозовой перевал», сопоставляет образы героев, в частности исследователь говорит о сходстве Хитклиффа и Рочестера. Свою работу В. Стивенсон [22] выстраивает на сравнении образов Эмили и Энн Бронте на уровне стиля. В книге дан сравнительный анализ различных фрагментов текстов романов «Грозовой перевал», «Незнакомки из Уайлдфелл-Холла» и «Агнес Грей». Также в контексте сравнения с Шарлоттой и Эмили Энн Бронте упоминается и в книге Т. Иглтон [25].

В качестве следующего значимого аспекта в англоязычной литературно-критической рецепции творчества сестер Бронте мы выделяем литературоведческий анализ отдельных художественных приемов и элементов в романах сестер (повествование, образы героев, различные концепты, хронология и пр.). Подобные исследования составляют большую часть всех англоязычных литературоведческих трудов в XX в. Романы сестер Бронте представляют собой необычные в плане повествования и актуальные и интригующие в плане содержания произведения, поэтому считаем закономерным, что подобные литературные произведения вызывали самый живой интерес исследователей. Так, К. Тиллотсон анализирует повествовательную структуру романа Ш. Бронте «Джейн Эйр» [31. С. 25–31]. Ч. Сенджер занимается вопросами хронологических и родословных отношений в романе Э. Бронте «Грозовой перевал», чем устанавливает принципиально новые рамки в изучении данного произведения [30. С. 7–18]. М. Шорер исследует текст «Грозового перевала», с точки зрения художественных приемов языковых средств, которыми пользуется Э. Бронте [31. С. 61–64]. По мнению исследователя, для усиления эффекта описания чувств и эмоций героев писательница использует аллегории с животными, водой, ветром, огнем: «To exalt the power of human feeling, Emily Brontë roots her analogies in the fierce life of animals and in the relentless life of the elements fire, wind, water» [31. P. 61] (подстрочный перевод: «Чтобы возвысить силу человеческих чувств, Эмили Бронте проводит свои аналогии со свирепой жизнью животных и жизнью таких неукротимых стихий как огонь, ветер, вода»). Д. Ван Гент [31. С. 65–67] работает с категорией образа в тексте «Грозового перевала». В частности, исследователь выделяет «образ окна» в качестве одного из важнейших аспектов для анализа всего произведения. Окно в произведении Эмили Бронте, по мнению литературоведа, не всегда просто отделяет внутреннее пространство от наружного, но является некой гранью между двумя мирами романа – реальным и потусторонним. Р. Маккиббен пишет об особой роли книг в романе Эмили Бронте [30. С. 19–33]. Д. Лодж наряду с другими считает «образ огня» значимым для понимания всего творчества Эмили и Шарлотты Бронте [Там же. С. 110–136].

Анализируя англоязычную литературно-критическую рецепцию XX в., необходимо специально показать популярность каждой из сестер среди исследователей.

В XX в. в работах исследователей фигурировали все три сестры Бронте, однако Шарлотте отведено более значимое место. Фигура Эмили Бронте также пользовалась популярностью среди литературоведов. Что касается самой младшей сестры, Энн Бронте, то, в сравнении с количеством работ о Шарлотте и Эмили, исследований ее жизни и творчества значительно меньше. В основном Энн Бронте упоминается в контексте биографии сестер, а исследования о самой пи-

сательнице носят сравнительный характер ее творчества с творчеством старших сестер. В качестве одного из примеров может служить книга В. Стивенсона [22]. В названии исследования заявлены две сестры – Эмили и Энн Бронте (оригинальное название «Emily and Anne Brontë»), однако большую часть работы литературовед отводит Эмили и анализу ее романа «Грозовой перевал». Энн Бронте и двум романам писательницы «Агнес Грей» и «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» принадлежит лишь незначительная часть, где литературовед производит сравнительный анализ творчества двух сестер, отдавая явное предпочтение Эмили. Такая позиция литературоведов по отношению к Энн Бронте может быть вызвана тем обстоятельством, что в XIX в. творчество писательницы еще не было изучено и оценено по достоинству, многие работы этого периода характеризуются почти полным отсутствием упоминаний об Энн Бронте как о талантливой писательнице.

В целом в XX в. англоязычное литературоведение демонстрирует широкий диапазон исследовательских позиций. Одни анализируют творчество сестер Бронте, сопоставляя и сравнивая его в определенных аспектах, пытаясь определить, кто из сестер более талантлив, другие работают непосредственно с текстами романов, занимаются вопросами формы и содержания, анализом языковых средств и пр. Наиболее популярным, на наш взгляд, для англоязычного литературоведения XX в. является подход, основанный на анализе романной поэтики, а также изучение биографии сестер Бронте.

Говоря о литературно-критической рецепции творчества сестер Бронте в России, отметим, что условно процесс вхождения произведений сестер Бронте в русскую литературу можно разделить на два периода: 1) середина XIX – начало XX в., 2) середина XX в. по настоящее время.

С появлением первого русскоязычного перевода романа «Джейн Эйр» в середине XIX в. интерес со стороны литературоведов и читателей к творчеству Ш. Бронте был велик, также в литературных журналах того времени выходили заметки и об Эмили и Энн Бронте (преимущественно в контексте биографии Шарлотты. – *Ю.Д.*). Однако к началу XX в. интерес российской культуры и литературы к творчеству сестер Бронте идет на спад, в этот период в 1901 г. в журнале «Библиотека юного читателя» [33] появляется один перевод романа «Джейн Эйр».

Середина XX в. ознаменовалась мощным всплеском нового интереса к творчеству теперь уже всех трех сестер Бронте, что, по нашему мнению, является значимым явлением в восприятии творчества сестер в России. В этот период переводятся неизвестные до настоящего времени русскому читателю произведения Эмили и Энн Бронте, издаются и переиздаются переводы Шарлотты: в 1950 г. – роман «Джейн Эйр» (перевод В. Станевич), в 1956 г. выходит роман «Грозовой перевал» (перевод Н. Вольпина), в 1963 г. – романа «Шерли» (перевод И. Грушецкой и Ф. Мендельсона), в 1983 г. Л. Орел и Е. Суриц переводят роман «Вильетт» (в России он выходит под названием «Городок»), в 1990 г. романы Энн Бронте «Агнес Грей» и «Незнакомка из Уайлдфелл-холла» (перевод И. Гуровой, где восстановлены пропуски прошлого варианта), также в 1990 г. публикуется полный перевод И. Гуровой, в 1997 г. – роман «Учитель» (перевод Н. Флейшман).

В XX в. России наряду с многочисленными переводами и переизданиями произведений сестер Бронте появляется большое количество литературоведческих работ. С этого момента до настоящего времени творчество сестер Бронте находится на пике популярности в России.

В XX в. исследованием творчества сестер Бронте в России занимаются А.А. Будагян [34], О.А. Наумова [35], В.М. Базилевич [36], М.С. Михайлова [37], М.А. Гритчук [38], Д.Б. Хардак [39], О.Р. Демидова [40], Е.А. Соколова [41], М.П. Тугушева [42], Г.В. Аникин и Н.П. Михальская [43], В.В. Ивашева [44] А.А. Елистратова [45] и др.

Главной темой российских литературоведческих исследований является художественный мир сестер Бронте с точки зрения их художественного метода. «Одной из важнейших проблем современного литературоведения <…> является взаимоотношение различных художественных методов и стилей…» [39. С. 10]. Борьба романтизма и реализма становится ведущей темой многих работ.

Расширяя границы изучения творчества сестер Бронте, Д.Б. Хардак [39] в своем диссертационном исследовании, наряду с анализом художественного метода, пишет о влиянии новых открытий в области науки, в частности психологии, на творчество западных писателей рубежа XIX–XX вв. По мнению Хардак, благодаря введению Эмили Бронте в свой роман фрагментов психологического анализа героев, произведение является ярким примером новых тенденций в литературе.

М.П. Тугушева [42] рассуждает о зарождении романтизма в английской литературе, о его представителях и влиянии на культуру и литературу Англии. Характеризуя роман «Джейн Эйр», исследовательница, как и многие другие литературоведы, отмечает присутствие в произведении одновременно двух художественных методов, романтизма и реализма. Акцентируя внимание на характере произведений Ш. Бронте, М.П. Тугушева пишет: «В романах Ш. Бронте правдиво воспроизведен дух борьбы в обществе, она заставляет усомниться в справедливости, разумности и правомочности реально сложившихся отношений между теми, кто правит, и теми, кто по своему положению должен подчиняться, но отказывается это делать» [42. С. 8].

XX в. для российской научной рецепции сестер Бронте характеризуется обилием статей в учебниках по зарубежной литературе. В «Истории английской литературы» Г.В. Аникина и Н.П. Михальской [43] творчество Шарлотты и Эмили Бронте рассматривается в контексте реалистического метода как литературного явления XIX в. Авторы учебника полагают, что, делая главным героем своих произведений женщину, сестры Бронте придают романам новаторский характер.

Свое литературоведческое исследование В.В. Ивашева [44] посвящает творчеству Ш. Бронте.

В работе литературовед описывает биографию Ш. Бронте, анализирует ее романы. Главным направлением литературоведческого анализа творчества Ш. Бронте Ивашевой вновь становится художественный метод писательницы.

Особое место, на наш взгляд, среди российских исследований творчества сестер Бронте в XX в. занимает книга «Эти загадочные англичанки», вышедшая в 1992 г., составителем которой была Е.Ю. Гениева [46]. Здесь исследовательница представила статьи и фрагменты трудов таких зарубежных писателей и литературоведов, как Э. Гаскелл, В. Вульф, Ф. Уэлдон, М. Спарк. В сборнике содержатся работы о Шарлотте и Эмили Бронте, Джейн Остен, Мери Шелли. В предисловии к книге Е.Ю. Гениева рассуждает о женской литературе, один из видов которой она определяет как «высокая литература», сюда исследователь относит творчество Сафо, сестер Бронте, Ж. Санд, А. Ахматовой, М. Цветаевой. «Со своих женских позиций, которые вряд ли в полную меру доступны мужчине, они вглядываются в свою женскую суть, свою женскую долю, вековую женскую боль…» [Там же. С. 6]. Значимой для российской рецепции сестер Бронте данная работа является ввиду того, что представляет взгляды зарубежных исследователей на литературное творчество сестер, что, в свою очередь, имеет большое значение для изучения творчества Бронте в России.

Итак, российская научная рецепция творчества сестер Бронте в XX в. характеризуется большим количеством исследований. Несмотря на такое количество работ, большинство из них, так или иначе, сводятся к изучению художественного метода писательниц. Одним из важнейших аспектов изучения романного творчества сестер становится не просто проблема определения художественного метода (романтизм или реализм), но и взаимодействие этих двух направлений, их существование в границах одного произведения. Подобный подход к изучению творчества Бронте в России в XX в. можно объяснить тем, что проблема художественного метода была одним из ведущих направлений советского литературоведения. Помимо этого, процессы возникновения новых литературных течений и методов в XX в. также актуализировали активное изучение проблемы художественного метода творческого наследия сестер Бронте.

Другим важным направлением для литературно-критической рецепции творчества сестер Бронте в России в XX в. считаем изучение творчества сестер в контексте новой «женской» литературы. Несмотря на немногочисленность исследований в этой области (точнее, одна книга «Эти загадочные англичанки»), полагаем, что подобное направление предварило дальнейшее изучение творчества сестер Бронте в России в контексте уже гендерного аспекта, который стал особенно популярен в XXI в.

Сравнительный анализ англоязычной и российской литературно-критической рецепции творчества сестер Бронте в XX в. показал, что в рецепции творчества сестер присутствуют общие подходы и аспекты. Так, одной из общих черт в подходе к изучению наследия Бронте в XX в. является то, что интерес исследователей привлекают все три сестры, в отличие от культуры и литературы XIX в., когда в центре всеобщего интереса находилась только Шарлотта. В данной связи отметим, что фигура и творчество Энн Бронте пользуются наименьшей популярностью среди как англоязычных, так и российских литературоведов. При этом в восприятии и понимании творчества сестер Бронте англоязычное и российское литературоведение XX в. обладает целым рядом специфических особенностей, что представляется вполне закономерным.

Англоязычное литературоведение сосредоточено на углубленном анализе художественного текста, на разных уровнях его организации (сюжет, повествование, образ героя и т.д.). Российская наука о литературе берет за основу обобщающий анализ произведений сестер, здесь больше внимания уделяется генерализирующим категориям литературоведения, произведение рассматривается как целостный объект. Так, большинство российских исследований посвящено проблеме художественного метода.

Наряду с этим ярко проявляется разница в тематическом подходе литературоведов к изучению творчества сестер. Для англоязычных исследований ведущей темой оказывается биографический аспект. Для российской рецепции данная тема остается вне сферы научного внимания, в XX в. в России нет исследований, специально посвященных биографии семьи Бронте. Подтверждением этого может служить тот факт, что, несмотря на популярность творчества сестер в России в XX в., книга Э. Гаскелл «Жизнь Шарлотты Бронте» до сих пор не переведена полностью на русский язык. В XX в. российское литературоведение располагало лишь фрагментарным переводом данной книги: 8-я и 14-я главы 1-й части в переводе Т. Казавчинской [47], 8-я и 14-я главы 1-й части также в переводе Т. Казавчинской в книге «Эти загадочные англичанки» [46. С. 27–78].

Также необходимо отметить, что в XX в. в России творчество сестер Бронте в большинстве своем изучается в формате диссертационных исследований. Общее представление о творческой жизни сестер Бронте можно найти во многих учебниках по литературе, что касается отдельных книг, посвященных сестрам, то их в XX в. выходит незначительное количество. Англоязычное литературоведение, наоборот, располагает огромным ресурсом самостоятельных монографических исследований.

Итак, российская и англоязычная литературно-критическая и научная рецепция творчества сестер Бронте в XX в. существенно различается в подходах, тематике и исследовательских позициях; объединяет их общий интерес к творческому наследию всех трех сестер Бронте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Новикова Е.Г.* Садовая беседка Ф.М. Достоевского и В.В. Набокова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3 (4). С. 82–88.

2. *Shorter C.* The Brontes and their circle. London, 1917. 475 p.
3. *Woolf V.* Jane Eyre and Wuthering heights. The Common Reader. London, 1925. P. 196–204.
4. *Benson E.F.* Charlotte Bronte. New York, 1932. 313 p.
5. *Wise T.J., Symington J.A.* The Brontës: their lives, friendship and correspondence. London, 1932. 4 vols.
6. *Chase R.* The Brontës: A centennial observance // Kenyon Review. 1947. Vol. IX, № 4. P. 487–506.
7. *Traversi D.* Wuthering heights after a hundred years // Dublin review. 1949. Vol. 222, № 445. P. 154–168.
8. *Cecil D.* Early Victorian novelists. London, 1934. 332. p.
9. *Watson M.R.* Form and substance in the Brontë novels // From Austen to Conrad / ed. by R.C. Rathburn and M. Steinmann Jr. Minneapolis, 1958. P. 106–117.
10. *Kettle A.* Wuthering heights. In introduction to the English novel. Vol. 1. Chapter V. London, 1951. P. 139–55.
11. *Visick M.* The genesis of Wuthering heights. Hong Kong and London, 1958. 88 p.
12. *Harrison A., Stanford D.* Anne Brontë Her Life and Work. London, 1959. 252 p.
13. *Hewish J.* Emily Brontë. A critical and biographical study. New York, 1969. 204 p.
14. *Heilman R.B.* Charlotte Brontë, reason and the moon // Nineteenth Century Fiction. 1960. Vol. XIV, № 4. P. 283–302.
15. *Goodridge F.* Emily Brontë: Wuthering heights. London, 1964. 314 p.
16. *Drew P.* Charlotte Brontë as a critic of Wuthering heights // Nineteenth Century Fiction. 1964. Vol. XVIII, № 4. P. 365–381.
17. *Martin R.B.* The accents of persuasion: Charlotte Brontë's novels. London, 1966. 188 p.
18. *Gerin W.* Charlotte Brontë. The evolution of genius. London, 1967. 617 p.
19. *Willy M.* Brontë: Wuthering heights. London, 1966. 79 p.
20. *Spark M.* The Bronte letters. London, 1966. 208 p.
21. *Craik W.A.* The Brontë novels. London, 1968. 266 p.
22. *Stevenson W.H.* Emily and Ann Brontë. London, 1968. 116 p.
23. *Bentley P.* The Brontës and their world. New York, 1969. 144 p.
24. *Hinkley L.* The Brontes, Charlotta and Emily. New York, 1970. 376 p.
25. *Eagleton T.* Myths of Power: A Marxist Study of the Brontes. London, 1975. 148 p.
26. *Peters M.* Unquiet Soul: A Biography of Charlotte Brontë. New York, 1975. 460 p.
27. *Langland E.* Anne Brontë: The Other One. London, 1989. 172 p.
28. *Tayler I.* Holy ghosts. The male muses of Emily and Charlotte Brontë. New York, 1990. 342 p.
29. *Chitham E.* The birth of Wuthering heights. Emily Bronte at work. London, 1998. 217 p.
30. *Critics* on Charlotte and Emily Brontë / ed. by Judith O'Neill. London, 1968. 115 p.
31. *A Collection* of Critical Essays / ed. by Ian Gregor. New York, 1970. 179 p.
32. *Gaskell E.C.* The Life of Charlotte Brontë. London, 1857. 2 vol.
33. *Джэни* Эйр история моей жизни. Шарлоты Бронте сокращенный перевод с английского // Юный читатель журнал для детей старшего возраста. СПб., 1901. № 3. 1 февраля, № 5. 1 марта.
34. *Будагян А.А.* Творческий путь Ш. Бронте : дис. … канд. филол. наук. Ереван, 1950. 183 с.
35. *Наумова О.А.* Автобиографический роман воспитания в творчестве Ч. Диккенса и Ш. Бронте : дис. … канд. филол. наук. М., 1990. 204 с.
36. *Базилевич В.М.* Обличительный характер произведений Ш. Бронте : автореф. дис. … канд. филол. наук. Львов, 1954. 15 с.
37. *Михайлова М.С.* Демократическая направленность и реализм романов Ш. Бронте : дис. … канд. филол. наук. М., 1954. 307 с.
38. *Гритчук М.А.* Реализм Ш. Бронте («Джейн Эйр» и «Шерли») : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1957. 15 с.
39. *Хардак Д.Б.* Творчество Эмили Бронте (из истории английского реализма XIX века) : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1972. 26 с.
40. *Демидова О.Р.* Шарлотта Бронте, Элизабет Гаскелл, Джордж Элиот в России (1850–1870-е гг.) : дис. … канд. филол. наук. Л., 1990. 242 с.
41. *Соколова Е.А.* «Традиции романтизма в творчестве Шарлотты Бронте» : дис. … канд. филол. наук. М., 1995. 185 с.
42. *Тугушева М.П.* Шарлотта Бронте, очерк жизни и творчества. М., 1982. 191 с.
43. *Аникин Г.В. и Михальская Н.П.* История английской литературы : учеб. М., 1985. 431 с.
44. *Ивашева В.В.* Век нынешний и век минувший. Английский роман XIX века в его современном звучании. М., 1974. 464 с.
45. *Елистратова А.А.* Наследие английского романтизма и современность. М., 1960. 432 с.
46. *Генеева Е.Ю.* (сост.) Эти загадочные англичанки. М., 1992. С. 27–78.
47. *Грозовой* перевал : роман; стихотворения. Э. Бронте. М., 1990. С. 314–353.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 02 октября 2014 г.

LITERARY AND SCIENTIFIC CRITICISM OF THE BRONTE SISTERS' WORKS BY RUSSIAN AND ENGLISH STUDIES OF THE 20TH-CENTURY LITERATURE

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 11-16. DOI 10.17223/15617793/390/2

Dyachenko Yulia V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: julia2212@yandex.ru

Keywords: reception; the Brontes; Russian literature studies of the 20th century; English literature studies of the 20th century.

English novelists the Bronte sisters left great artistic heritage. The reception of the Bronte sisters' works began in their native English culture and literature in the 19th century, and in the 20th century the research of their work continues. The subject timeliness of this scientific research is determined by problems of reception theory, by questions of dialogue of cultures and intercultural communication. The scientific novelty is that for the first time we make an attempt of special research of history and specification of literary and scientific criticism of the Bronte sisters' works in Russia in the 20th century, also for the first time we make a comparative analysis of Russian and English literary criticism of the Bronte sisters' works of this period. The aim of this research is to determine the main features of literary and scientific criticism of the Bronte sisters' works by Russian and English studies of literature in the 20th century. At that time, a lot of English specialists in literature research the Bronte sisters' works, they are: C. Shorter,V. Woolf, E.F. *Benson, T.J.* Wise, R. Chase, M. Willy, M. Spark, W.H. Stevenson, P. Bentley, L. Hinkley, T. Eagleton, M. Peters, E. Chitham, I. Tayler and others. In the 20th century, there are many new versions of the Bronte sisters' works and scientific researchers. The Russian researchers are: A.A. Budagyan, O.A. Naumova, V.M. Basilevich, M.S. Mihaylova, M.A. Gritchuk, D.B. Hardak, O.R. Demidova, E.A. Sokolova, M.P. Tugusheva, N.P. Mihalskaya, V.V. Ivasheva, A.A. Elistratova and others. The comparative analysis of the Russian and English literary criticism of Bronte sisters' works of the 20th century shows that there are common aspects and approaches in this reception. One of the common features in the approaches to the research of the Bronte sisters' works is that scientists pay attention to the three sisters (in the 19th century Charlotta Bronte was the most popular). At the same time, there is a whole number of special features in reception and understanding of Bronte sisters' works by the Russian and English studies of literature in the 20th century. The English studies of literature are concentrated on a detailed analysis of different aspects of the literary text. The Russian

studies of literature are concentrated on a general analysis of the Bronte sisters' works, the most popular theme is connected with the problem of literary method. Also there is a difference in the thematic approach of researchers of the Bronte sisters' works. The main theme for the English studies of literature is biography, while for the Russian studies of literature this aspect is beyond the scope of research. It should be noted that in Russia in the 20th century the research of the Bronte sisters' works exists mainly in the form of dissertations and literature textbooks. The English studies of literature have a huge resource of original researchers in the form of monographs. Thus, Russian and English literary criticism of the Bronte sisters' works in the 20th century differs substantially in approaches, themes and research viewpoints and is similar in its interest in the literary heritage of all the three Bronte sisters.

REFERENCES

1. Novikova E.G. F.M. Dostoevsky's and V.V. Nabokov's garden pergola. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya –Tomsk State University Journal of Philology,* 2008, no. 3 (4), pp. 82–88. (In Russian).
2. Shorter C. *The Brontës and their circle*. London: Dent, 1917. 475 p.
3. Woolf V. *Jane Eyre and Wuthering heights. The Common Reader*. London: Hogarth Press, 1925, pp. 196–204.
4. Benson E.F. *Charlotte Bronte*. New York: Longmans, Green and Co., 1932. 313 p.
5. Wise T.J., Symington J.A. *The Brontës: their lives, friendship and correspondence*. London: Shakespeare Head, 1932. 4 vols.
6. Chase R. The Brontës: A centennial observance. *Kenyon Review*, 1947, vol. IX, no. 4, pp. 487–506.
7. Traversi D. Wuthering Heights after a hundred years. *Dublin review*, 1949, vol. 222, no. 445, pp. 154–168.
8. Cecil D. *Early Victorian novelists*. London: Constable, 1934. 332. p.
9. Watson M.R. *Form and substance in the Bronte novels*. In: Rathburn R.C., M. Steinmann Jr. (eds.) *From Austen to Conrad*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1958, pp. 106–117.
10. Kettle A. *Wuthering Heights. In introduction to the English novel*. London: Hutchinson, 1951. Vol. 1, chapter V, pp. 139–55.
11. Visick M. *The genesis of Wuthering Heights*. Hong Kong, London: *Hong Kong* University Press, Oxford University Press, 1958. 88 p.
12. Harrison A., Stanford D. *Anne Brontë Her Life and Work*. London: Methuen, 1959. 252 p.
13. Hewish J. *Emily Bronte. A critical and biographical study*. London, New York: Palgrave Macmillan, 1969. 204 p.
14. Heilman R.B. Charlotte Bronte, reason and the moon. *Nineteenth Century Fiction*, 1960, vol. XIV, no. 4, pp. 283–302.
15. Goodridge F. *Emily Bronte: Wuthering Heights*. London: Hodder Arnold, 1964. 314 p.
16. Drew P. Charlotte Brontë as a critic of Wuthering heights. *Nineteenth Century Fiction*, 1964, vol. XVIII, no. 4, pp. 365–381.
17. Martin R.B. *The accents of persuasion: Charlotte Brontë's novels*. London: Faber & Faber, 1966. 188 p.
18. Gerin W. *Charlotte Brontë. The evolution of genius*. London: Oxford University Press, 1967. 617 p.
19. Willy M. *Brontë: Wuthering Heights*. London: Edward Arnold, 1966. 79 p.
20. Spark M. *The Bronte letters*. London: Macmillan, 1966. 208 p.
21. Craik W.A. *The Bronte novels*. London: Methuen, 1968. 266 p.
22. Stevenson W.H. *Emily and Ann Brontë*. London: Routledge and Kegan Paul, 1968. 116 p.
23. Bentley P. *The Brontes and their world*. New York: Viking Press, 1969. 144 p.
24. Hinkley L. *The Brontes, Charlotte and Emily*. New York: Hastings House, 1970. 376 p.
25. Eagleton T. *Myths of Power: A Marxist Study of the Brontes*. London: Macmillan, 1975. 148 p.
26. Peters M. *Unquiet Soul: A Biography of Charlotte Brontë.* New York: Doubleday, 1975. 460 p.
27. Langland E. *Anne Brontë: The Other One*. London: Macmillan Press, 1989. 172 p.
28. Tayler I. *Holy ghosts. The male muses of Emily and Charlotte Brontë*. New York: Columbia University Press, 1990. 342 p.
29. Chitham E. *The birth of Wuthering Heights. Emily Bronte at work*. London: Macmillan, 1998. 217 p.
30. O'Neill J. (ed.) *Critics on Charlotte and Emily Bronte*. London: George Allen & Unwin, 1968. 115 p.
31. Gregor I. (ed.) *A Collection of Critical Essays*. New York, 1970 179 p.
32. Gaskell E.C. *The Life of Charlotte Brontë*. London: Smith, Elder and Co, 1857. 2 vol.
33. Bronte Ch. Dzheni Eyr, istoriya moey zhizni [Jane Eyre, the story of my life]. Abridged translation. *Yunyy chitatel' zhurnal dlya detey starshego vozrasta*, 1901, no. 3, February 1, no. 5, March 1.
34. Budagyan A.A. *Tvorcheskiy put' Sh. Bronte*: dis. kand. filol. nauk [Creative way of Charlotte Bronte. Philology Cand. Diss.]. Erevan, 1950. 183 p.
35. Naumova O.A. *Avtobiograficheskiy roman vospitaniya v tvorchestve Ch. Dikkensa i Sh. Bronte*: dis. kand. filol. nauk [Autobiographical novel of education in the works of Charles Dickens and Charlotte Bronte. Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1990. 204 p.
36. Bazilevich V.M. *Oblichitel'nyy kharakter proizvedeniy Sh. Bronte*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [The revealing nature of the works of Charlotte Bronte. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Lvov, 1954. 15 p.
37. Mikhaylova M.S. *Demokraticheskaya napravlennost' i realizm romanov Sh. Bronte*: dis. kand. filol. nauk [Democratic orientation and realism of Charlotte Bronte's novels. Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1954. 307 p.
38. Gritchuk M.A. *Realizm Sh. Bronte ("Dzheyn Eyr" i "Sherli")*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Realism of Charlotte Bronte ("Jane Eyre" and "Shirley"). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1957. 15 p.
39. Khardak D.B. *Tvorchestvo Emili Bronte (iz istorii angliyskogo realizma XIX veka)*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Works of Emily Bronte (from the history of English realism of the 19th century). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1972. 26 p.
40. Demidova O.R. *Sharlotta Bronte, Elizabet Gaskell, Dzhordzh Eliot v Rossii (1850–1870-e gg.)*: dis. kand. filol. nauk [Charlotte Brontë, Elizabeth Gaskell, George Eliot in Russia (1850–1870s). Philology Cand. Diss.]. Leningrad, 1990. 242 p.
41. Sokolova E.A. Traditsii romantizma v tvorchestve Sharlotty Bronte: dis. … kand. filol. nauk [Traditions of romanticism in the works of Charlotte Bronte. Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1995. 185 p.
42. Tugusheva M.P. *Sharlotta Bronte, ocherk zhizni i tvorchestva* [Charlotte Bronte, essay on life and creativity]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982. 191 p.
43. Anikin G.V., Mikhal'skaya N.P. *Istoriya angliyskoy literatury* [History of English Literature]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1985. 431 p.
44. Ivasheva V.V. *Vek nyneshniy i vek minuvshiy. Angliyskiy roman XIX veka v ego sovremennom zvuchanii* [The present century and the past century. English novel of the 19th century in its modern interpretation]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1974. 464 p.
45. Elistratova A.A. *Nasledie angliyskogo romantizma i sovremennost'* [Heritage of English romanticism and modernity]. Moscow: Nauka Publ., 1960. 432 p.
46. Genieva E.Yu. *Eti zagadochnye anglichanki* [These mysterious Englishwomen]. Moscow: Progress Publ., 1992, pp. 27–78.
47. Bronte E. *Grozovoy pereval: roman; stikhotvoreniya* [Wuthering Heights: a novel; poems]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, pp. 314–353.

Received: 02 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 17–21. DOI 10.17223/15617793/390/3

УДК 81’271.1:004.738.5

О.А. Казакова, А.А. Долганина (Плотникова)

ИНТЕРНЕТ-МИНИАТЮРА И СТИХОТВОРЕНИЕ В ПРОЗЕ КАК РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ: СУБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА И СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ РЕЧЕВОЙ СТРУКТУРЫ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-34-01014.

Обосновывается гипотеза о взаимосвязи интернет-миниатюры и стихотворения в прозе на основе стереотипизации речевой структуры. Стихотворения в прозе и интернет-миниатюры, рассматриваемые как речевые жанры, сопоставляются по способам субъектной организации текстов. Делается вывод о типологическом сходстве анализируемых жанров в заявленном аспекте. Исследование встроено в русло изучения творческого проявления языковой личности в современной интернет-коммуникации.

Ключевые слова: речевой жанр; стереотипизация речевой структуры; память жанра; субъектная организация текста; интернет-миниатюра; стихотворение в прозе.

Одним из актуальных направлений современной теории речевых жанров является рассмотрение творческого проявления личности в различных стилях и жанрах (см., например, [1]). Настоящее исследование посвящено изучению обыденной творческой речевой деятельности современной молодежи в русскоязычном Интернете на материале **речевого жанра «интернет-миниатюра»**.

Исследование строится на **предположении** о том, что интернет-миниатюра является своеобразным преемником стихотворения в прозе, что обусловлено стереотипизацией речевой структуры жанра, которая «превращает» жанр классической литературы в жанр популярного народного творчества.

Данная гипотеза опирается на понятие «память жанра», предложенное М.М. Бахтиным относительно жанров литературы: «Жанр живет настоящим, но всегда помнит свое прошлое, свое начало. Жанр – представитель творческой памяти в процессе литературного развития. Именно поэтому жанр и способен обеспечить единство и непрерывность этого развития» [2. С. 120]. Безусловно, понятие «память жанра» не следует понимать буквально: между сопоставляемыми жанрами вряд ли имеется непосредственная генетическая взаимосвязь, но, по гипотезе данного исследования, современный интернет-пользователь при обращении к художественному слову использует те механизмы «архитекстурной решетки» жанра (Е.Ю. Геймбух), которые сформировались и оформились в классической литературе.

Под стереотипизацией речевой структуры понимается процесс «специализации языковых средств» [3], заключающейся в формировании «парадигмы, описывающей случаи, которые уже были, и способной образовывать устойчивые контексты (аналог лексикализации)» [4. С. 12, 13] в рамках жанровых признаков.

Стихотворение в прозе, как известно, – это представленное в прозаической форме лирическое произведение, обладающее такими признаками, как «повышенная эмоциональность стиля, круг образов, мотивов, идей, характерных для поэзии данного времени, обычно бессюжетная композиция, общая установка на выражение субъективного впечатления или переживания» [5. С. 208]. К жанру лирической интернет-миниатюры относим опубликованные на страницах Интернет тексты малого объема (до 300 слов) различной тематической отнесенности; эгоцентричные; содержащие повышенную экспрессию, с помощью которой выражаются эмоции и чувства лирического субъекта; с соответствующим лирическим моделированием фрагмента индивидуальной картины мира автора [6. С. 13]. При этом стихотворение в прозе и интернет-миниатюру в данной работе, вслед за М.М. Бахтиным, рассматриваем как **речевые жанры**: «К речевым жанрам мы должны отнести и короткие реплики бытового диалога <…> и бытовой рассказ, и письмо <…> и все литературные жанры (от поговорки до многотомного романа)» [7. С. 249]. Ставя проблему речевых жанров (в противовес жанрам литературным), М.М. Бахтин не только говорил о необходимости изучения первичных речевых жанров как единственной формы существования языка (на что, отметим, активно откликнулась российская лингвистика конца XX – начала XXI в., после статьи Т.В. Шмелёвой, поставившей задачу выявления номенклатуры первичных речевых жанров и их монографического описания [8. С. 32]), но и призывал к изучению общелингвистической природы высказывания на материале вторичных речевых жанров, которые, как отмечает исследователь, начиная с Античности, изучались только в разрезе их литературно-художественной специфики, а не как типы высказываний, имеющие определенную языковую природу [7. С. 250]. Таким образом, в жанроведческом исследовании художественный текст правомерно рассматривать не только как источник языкового материала при описании первичных речевых жанров (см., например, [9]), но и как объект лингвистического анализа, являющийся реализацией коммуникативной модели речевого жанра (см., например, [10]).

Рассматривая речевой жанр как **особую модель высказывания (текста)**, имеющую набор конкретных способов речевого воплощения, формирующуюся комплексом жанрообразующих признаков [8, 11], для выявления жанровой специфики текстов традиционно используют **анкету речевого жанра** Т.В. Шмелёвой, включающую семь пунктов анализа (вопросов анкеты, элементов паспорта жанра): коммуникативная цель, образ автора и образ адресата, диктум, фактор (образ) прошлого и фактор (образ) будущего, фор-

мальная организация (языковые особенности воплощения жанра). В данной статье, с целью дальнейшего **комплексного описания речевого жанра «интернет-миниатюра»** (в сопоставлении с речевой моделью жанра «стихотворение в прозе»), рассмотрим один из аспектов жанрового критерия, а именно «образ автора», выраженный в **субъектной организации текста**, поскольку в ней проявляется прямое авторское начало (прямое проявление автора текста), под которым, вслед за О.Н. Копытовым, понимаем вербальное проявление автора как художественного, так и нехудожественного текста [12].

Для характеристики субъектной организации необходимо, во-первых, выявить семантическое ядро субъектной сферы, которое проявляется в специфике использования личных местоимений; во-вторых, сопоставить формы повествования.

Материалом для анализа жанра интернет-миниатюры в данном исследовании послужили более 1 000 текстов лирических интернет-миниатюр, опубликованных на сайтах сетевой литературы, в социальных сетях, на персональных страницах, в блогах и электронных дневниках за последние 5 лет. Для сопоставления интернет-миниатюр со стихотворениями в прозе в заявленном аспекте использованы результаты лингвистического анализа стихотворений в прозе (лирических прозаических миниатюр), представленные в диссертационном исследовании Е.Ю. Геймбух [13].

В жанре «стихотворение в прозе» для «ядра субъектной сферы характерна неисключающая оппозиция “я” и “всё”: субъект речи нарушает собственные границы, смотрит на себя со стороны, включается в бытие мира. Это отражается в различных наименованиях “я”: «*Это не животное и не человек (= “я” основного субъекта речи) меняются взглядами*» [14. С. 27].

В интернет-миниатюрах субъект речи чаще всего фиксирует то, что он думает, чувствует, желает, при этом, описывая себя и свои переживания, также как бы смотрит на себя со стороны. Обозначение «я» через различные номинации встречается реже, однако случаи такого употребления симптоматичны, так как являются показателем преемственности на уровне жанрового содержания, т.е. признаком памяти жанра: *«Мы смотрели в кофейные сгустки – **я и мои следы**»* (http://www.proza.ru/2014/09/14/1937); *«Взгляд у меня немножко дикий. Но это потому, что **я** вообще **кошечка с характером** <…> **Я** ещё и очень умная, умею разговаривать и вообще понимаю – **почти как собака**! – довольно много слов. Например, когда мама говорит мне – “хочешь гулять?” я сразу иду к двери. И когда мама спрашивает: “Как тебя зовут?” – **я** отвечаю: “**Мяуся**” (значит, **Муся**)»* (http://www.proza.ru/2014/09/14/1929).

Отметим, что для авторов характерно использование личного местоимения 1-го лица в заглавиях миниатюр, многие миниатюры являются попыткой ответить на вопрос «Кто я?». В интернет-миниатюрах рефлексия о себе, поиск путей самоидентификации – одна из возможных интенций автора, служащих мотивом к созданию и публикации текста. Публикуя текст в Интернете, автор подвергает своеобразной верификации представление о себе: будет ли принят его текст виртуальным адресатом, его «друзьями».

Другой пример: *«**Сижу дома,** кисну со скуки. И уже начинает кружиться голова – третий день **фактически не выхожу из дома** или четвертый. Некуда, нескем <…> Уныло, уныло. **У принцесс** формируется жуткий характер, когда они **долго сидят взаперти в башне**...»* (http://skn2.scalpnet.ru/friends.php?page=2&user=681). Взгляд на себя со стороны вызывает ироническую оценку собственного настроения и только что созданного текста. В результате автор сопоставляет себя с принцессой, свою квартиру – с башней. На уровне субъектной организации можно отметить тождество с типичным способом организации стихотворений в прозе, но имеется различие в функциональном и семантическом наполнении такого сопоставления. Например, субъектная организация стихотворения в прозе «Собака» И.С. Тургенева имеет философское, онтологическое наполнение, являющееся ключом к идее о равенстве всех живых существ перед общими законами бытия, жизни и смерти, о чем свидетельствует расширенный контекст приведенного выше примера: «*это не животное и не человек меняются взглядами… Это две пары одинаковых глаз устремлены друг на друга. И в каждой из этих пар, в животном и в человеке – одна и та же жизнь жмется пугливо к другой*» [15. С. 25].

В интернет-миниатюре другой масштаб использования подобной субъектной организации текста. В ней реализуется стереотип «девушка – принцесса», который задает второй – образный – план текста, служащий для обобщения, но в функции самоиронии, где автор шутливо объясняет свое плохое настроение.

Оппозиция «я» и «всё» среди интернет-миниатюр может выражаться в известном приеме сновидения: «*А недавно мне приснился сон. Я будто бы **смотрела на Землю со стороны**: наш крохотный, круглый мирок проплыл мячиком мимо меня, и на нём была надпись: “Коммерческий. Льгот нет”*» (https://vk.com/note1333313_7013317). В этом примере видна своеобразная реализация метафоры «взгляд на мир со стороны», в определенном смысле это свидетельствует о стереотипности анализируемой формы субъектной организации, воспринимаемой интернет-авторами буквально.

Еще одной отличительной чертой проявления субъектной организации стихотворения в прозе является особая контаминированная форма повествования, сочетающая повествование от 1-го и от 3-го лица, обусловленная двуродовой природой жанра. На уровне языковой организации текста данная специфика проявляется в особой системе употребления местоимений (Е.Ю. Геймбух использует термин «прономинологическая модель»): для стихотворений в прозе характерна «множественность референтов одного местоимения» [14. С. 27]. Для субъектной организации интернет-миниатюр, по нашим наблюдениям, также типична множественность референтов одного местоимения.

1. Так же, как и в стихотворениях, в прозе, в интернет-миниатюрах в пределах текста может меняться соотношение между «я» изображенным и «я» повест-

вующим. Так, в приведенном выше примере повествование от 1-го лица сменяется повествованием от 3-го (от *«я сижу дома»* до *«у принцесс…»*).

2. В стихотворениях в прозе местоимения «ты», «твой» могут обладать многозначностью в тексте и обозначать не только внутреннего адресата и даже не только внешнего адресата в обобщенно-личном значении, но и указывать на «голос автора». Для миниатюр в Интернете этот способ субъектной организации достаточно распространен, поскольку позволяет придать рассуждению автора обобщенный характер для выражения мыслей морального, назидательного тона.

*«**Ты** можешь чувствовать? В состоянии ли **ты** еще чувствовать? <…>*

*Наверное, нет человека, не растерявшего потенциал, но шанс разжечь огонь есть у каждого. Нужно лишь правильно распорядиться тем, что **у тебя** осталось, тогда всё сложится совсем иначе»* (http://www.proza.ru/2014/09/24/1566).

Местоимение «ты» в данном случае многозначно: оно одновременно обозначает не только адресата речи, но и самого автора. В данном случае двусоставное предложение с местоимением «ты» имеет семантику, свойственную обобщенно-личным односоставным предложениям. В рамках короткого текста наблюдается смена субъекта, при этом «ты» становится многозначным: с одной стороны, это обобщенный субъект, подобный субъекту обобщенно-личного односоставного предложения; с другой стороны, адресат может воспринимать «ты» в качестве указания на него – на субъекта, воспринимающего текст. Еще пример: *«Дождь за окном, в люстре сгорели лампочки, кончились деньги, пустой холодильник, **тебе плохо**... **Шевелю регулятором** громкости на колонках, в тщетных попытках взрезать эту серую депрессивность (или депрессивную серость, понять сложно) звуковыми волнами музыки...»* (http://akeepaki.livejournal.com/189656.html). Реализация обобщенного значения местоимения «ты» (ты = любой в описываемых обстоятельствах) как апелляция к внешнему адресату (читателю) служит для большей его вовлеченности в процесс восприятия текста, сопоставления себя с автором. Поскольку прием многозначности местоимения «ты» тиражируется из одного текста в другой, то отметим «типичность» данной субъектной организации текста, являющуюся маркером жанра.

3. В стихотворениях в прозе «мы» может включать диапазон значений от «я» и «ты» до «я» и «все мы» даже в одном контексте (см. «Роза Иерихона» И.А. Бунина). В интернет-миниатюрах употребление прономинологических моделей с местоимением «мы» идентично. «Мы» может употребляться в тексте, реализуя множественность референтов одного местоимения (*«Люди были наделены, это было дано свыше, но **мы** всё бездарно растеряли, идя по пути в неверном направлении, без конца сворачивая не туда. Нас даже не обокрали, **мы** сами раздали и, не осознавая, раскидали в разные стороны то, что дается лишь раз»* (http://www.proza.ru/2014/09/24/1566); *«Иногда **нас** мучает вопрос: любим ли **мы** взаправду?»* (http://www.proza.ru/2014/09/14/1974)), а также может быть однозначным, например, «мы» в значении «я и ты / он / она» (*«…**мы** играли в дирижера – папа моей правой рукой повторял то, что делал дирижер в телевизоре, а левой дублировал ритм»* (http://www.proza.ru/2014/09/13/1766)).

Таким образом, исходя из анализа субъектной организации интернет-миниатюр, можно сказать, что характеристика, данная Е.Ю. Геймбух субъектной структуре стихотворений в прозе, справедлива и для современного жанра интернет-коммуникации: для интернет-миниатюр также характерны отсутствие субъекта речи, многоголосие, проницаемость границ текстового пространства, ярко выраженная субъективность и интерсубъектность [13. С. 364]. Так же, как в стихотворениях в прозе, в интернет-миниатюре голос автора является главной формой репрезентации образа автора [Там же. С. 29]. Для интернет-миниатюр такая форма выражения авторского начала («голос автора») характерна, поскольку миниатюра близка к дневниковой форме повествования, которая в свое время распространилась в персональных блогах.

Система повествовательных форм в сопоставляемых жанрах также подобна. В интернет-миниатюрах она складывается:

1) из повествования от 1-го лица (выражающего лирическое мироощущение в широком смысле) – около 37% текстов;

2) повествования от 3-го лица, когда автор находится за границами художественного мира произведения (эпический, объективный взгляд на мир) – около 40% текстов. Заметим, что эта форма повествования занимает большую долю интернтет-миниатюр по сравнению с литературным эталонным жанром миниатюры. Это может быть связано с тем, что при прозаической форме речи в сознании «массового» автора превалирует эпическое начало;

3) контаминированного повествования, соединяющего первую и вторую повествовательные формы. Однако если для стихотворения в прозе такая структура является ядерным явлением, обусловленным двуродовой принадлежностью «стихотворений в прозе» [13], то в интернет-миниатюрах такая форма встречается реже, чем первые две, – около 23% текстов.

Таким образом, видим, что в субъектной организации текстов проявляется близость стихотворений в прозе и интернет-миниатюр. Кроме общности признаков, следует обратить внимание на некоторые отличия.

Во-первых, в стихотворениях в прозе «я», «мой» могут заключать глобальные обобщения и выражать значения определительных местоимений в значении «любой», «всякий». В интернет-миниатюрах такого значения личных местоимений 1-го лица единственного числа не зафиксировано. «Я» в творчестве интернет-пользователей в подавляющем большинстве случаев – конкретное и, как следует из виртуального контекста, чаще всего – автобиографическое и автопсихологическое.

Во-вторых, если, по наблюдениям Е.Ю. Геймбух, одним из жанровых признаков стихотворений в прозе является то, что в них автор и читатель объединяются в единое «я», «представленное как система соотношений между субъектом и получателем письма» [14. С. 370], то в жанре интернет-миниатюры, несмот-

ря на близость субъектной организации, выражающуюся в множественности референтов местоимений, нельзя говорить о едином «я» автора и читателя в силу того, что в интернет-коммуникации внешний адресат объективирован при помощи обратной связи.

Итак, проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии черт типологического сходства интернет-миниатюр и стихотворений в прозе на уровне субъектной организации текста, что можно интерпретировать как своеобразную реализацию «памяти жанра» стихотворения в прозе, проявляющуюся в актуализации ряда жанровых особенностей при сходных коммуникативных условиях и задачах.

Такие признаки, как множественность референтов одного местоимения, контаминация разных способов повествования в тексте малого объема, попытка выбора оригинальной «я»-номинации, употребление «ты»-повествования в обобщенном значении становятся стереотипами субъектной организации интернет-миниатюр, так как используются как популярные приемы достижения той лирической и философской (подчас философско-назидательной) формы речи, которая в свое время была выработана в жанре стихотворения в прозе мастерами слова. Различия субъектной организации в данных жанрах обусловлены, в первую очередь, их принадлежностью к разным сферам речевой деятельности человека – литературной коммуникации и интернет-общению. Дальнейшее исследование предполагает сопоставление интернет-миниатюр и стихотворений в прозе по основным жанрообразующим параметрам с целью выявления стереотипизации речевой структуры и обоснования преемственности между жанрами речевого творчества в интернет-коммуникации и классическими жанрами литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жанры речи* : сб. науч. ст. Саратов ; Москва : Лабиринт, 2012. Вып. 8: Памяти Константина Федоровича Седова. Жанр и творчество. 390 с.
2. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений в 7 томах. Том 6 : Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-х – 1970-х годов. М. : Русские словари ; Языки славянских культур, 2002. 800 с.
3. *Котюрова М.П.* Стереотипность речи // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М. : Флинта ; Наука, 2003.
4. *Хазагеров Г.Г.* Между жанром и тропом: парабола и парадигма // Северо-Кавказские чтения. «Функционирование языка в различных речевых жанрах (Лиманчик-97)» : материалы Всерос. науч. конф. Ростов н/Д, 1997. Вып. 1. С. 12, 13.
5. *Гаспаров М.Л.* Стихотворение в прозе // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А.А. Сурков. М. : Сов. энциклопедия, 1962–1978. Т. 7: «Советская Украина» – Флиаки. 1972. 586 с.
6. *Плотникова А.А.* Лирическая миниатюра в интернет-коммуникации (лингвопрагматический и метаязыковой аспект жанра) : автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2012. 28 с.
7. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб. : Азбука, 2000. С. 249–299.
8. *Шмелёва Т.В.* Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. Berlin. 1990. № 2. С. 20–32.
9. *Лаврентьева Е.В.* Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве : автореф. дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 24 с.
10. *Тарасова И.А.* Коммуникативная модель жанра «поэтическое послание»: инвариант и культурные трансформации // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов : Издательский центр «Наука», 2007. С. 300, 311.
11. *Шмелёва Т.В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–99.
12. *Копытов О.Н.* Образ автора и авторское начало: разграничение и области применения понятий // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 334. С. 11–14.
13. *Геймбух Е.Ю.* Поэтика жанра лирической прозаической миниатюры (лингвостилистический аспект) : дис. … д-ра филол. наук. М., 2005. 401 с.
14. *Геймбух Е.Ю.* Поэтика жанра лирической прозаической миниатюры (лингвостилистический аспект) : автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2005. 35 с.
15. *Тургенев И.С.* Стихотворения в прозе. М. : Дет. лит., 2011. 120 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 октября 2014 г.

THE INTERNET-MINIATURE AND THE POEM IN PROSE AS SPEECH GENRES: GENRE MEMORY AND STEREOTYPIZATION OF SPEECH STRUCTURE

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 17-21. DOI 10.17223/15617793/390/3

Kazakova Olga A. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kazakovaoa@tpu.ru;
Dolganina (Plotnikova) Anna A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: plotnikowa.anna@gmail.com

Keywords: speech genre; online communication; genre memory; stereotypization of speech structure.

The purpose of the paper is to give the reader some information on the creativity in everyday speech activities of youth on the Russian-speaking Internet, on the relationship of the genres of classical Russian literature and network literature on the material of the poem in prose, one of the genres of classical Russian literature, and lyrical Internet-miniatures, a common form of speech genre creativity of young people on the Internet. The research is based on the hypothesis that between the prose poem and the Internet-miniatures there is a relationship of continuity arising from stereotypization of the speech structure of the genre. This hypothesis is based on the concept of "genre memory" proposed by M.M. Bakhtin regarding literary genres. In this paper, in order to further describe the complexity of the speech genre "Internet miniature" (as opposed to the model of the genre "prose poem"), we consider one aspect of the genre criterion "image of the author" expressed in the subjective organization of the text. This organization is a direct manifestation of the author of the text, which is the verbal expression of the author of both an artistic and non-artistic text. To characterize the subjective organization, first, the semantic core of the subject sphere is defined which manifests itself in the specific use of personal pronouns and, secondly, the forms of the narrative are compared. In the structure of the text, the author's concept is expressed primarily in its subjective organization. The proximity of the concept of the author in poems in prose and Internet-miniatures is shown in the subjective organization of texts. Both genres are characterized by a special form of contaminated narration (combin-

ing narrative from the 1st and 3rd persons), which is expressed in the texts through the multiplicity of referents of pronouns. However, at the level of the subjective organization, there are significant differences described in the paper. The common features of the two genres in terms of the author's concept are: the creative nature of speech producer, the author's selection of the lyrical subject of the narrative. The principal differences are in the communication (and creative) settings of the author and their "professionalism", which is expressed both in the subjective organization of narrative and in the stylistic features. The features of multiplicity of referents of pronouns, contamination of different narration methods in the small text, an attempt to select the original "I"-nomination, use of "you" in a generalized sense become stereotypes of the subjective organization of online miniatures, as authors use popular techniques to achieve lyric and philosophical (sometimes protrepic) forms of speech which were created by writers in the genre of prose poems.

REFERENCES

1. *Zhanry rechi* [Speech genres]. Moscow: Labirint Publ., 2012. Issue 8, 390 p.
2. Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy v 7 tomakh* [Works in seven volumes]. Moscow: Russkie slovari, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2002. Vol. 6, 800 p.
3. Kotyurova M.P. *Stereotipnost' rechi* [Stereotyped speech]. In: Kozhina M.N. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of Russian]. Moscow: Flinta; Nauka Publ., 2003.
4. Khazagerov G.G. [Between genre and trope: the parabola and the paradigm]. *Severo-Kavkazskie chteniya. "Funktsionirovanie yazyka v razlichnykh rechevykh zhanrakh (Limanchik-97)": materialy Vseros. nauch. konf.* [The North Caucasus Readings. "The functioning of language in different speech genres (Limanchik-97)". Proc. of the All-Russian scientific conference]. Rostov-on-Don, 1997, issue 1, pp. 12–13. (In Russian).
5. Gasparov M.L. *Stikhotvorenie v proze* [Prose poem]. In: Surkov A.A. (ed.) *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Concise Literary Encyclopedia]. Moscow: Sov. entsikl. Publ., 1972. Vol. 7.
6. Plotnikova A.A. *Liricheskaya miniatyura v internet-kommunikatsii (lingvopragmaticheskiy i metayazykovoy aspekt zhanra)*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [The lyrical miniature in Internet communication (linguopragmatic and metalinguistic aspect of the genre). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Tomsk, 2012. 28 p.
7. Bakhtin M.M. *Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and hero: the philosophical foundations of the humanities]. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2000, pp. 249–299.
8. Shmeleva T.V. Rechevoy zhanr. Vozmozhnosti opisaniya i ispol'zovaniya v prepodavanii yazyka [Speech genre. Ways to describe and use in language teaching]. *Russistik*, 1990, no. 2, pp. 20–32.
9. Lavrent'eva E.V. *Rechevye zhanry obvineniya i opravdaniya v dialogicheskom edinstve*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [Speech genres of accusation and excuse in a dialogical unity. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Novosibirsk, 2006. 24 p.
10. Tarasova I.A. *Kommunikativnaya model' zhanra "poeticheskoe poslanie": invariant i kul'turnye transformatsii* [Communicative model of the genre "poetic message": invariant and cultural transformations]. In: *Zhanry rechi* [Speech genres]. Saratov: Nauka Publ., 2007, issue 5, pp. 300–311.
11. Shmeleva T.V. *Model' rechevogo zhanra* [Model of the speech genre]. In: *Zhanry rechi* [Speech genres]. Saratov: Nauka Publ., 1997, issue 1, pp. 88–99.
12. Kopytov O.N. The image of the author and the author's element: differentiation and scopes of concepts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2010, no. 334, pp. 11–14. (In Russian).
13. Geymbukh E.Yu. *Poetika zhanra liricheskoy prozaicheskoy miniatyury (lingvostilisticheskiy aspekt)*: dis. d-ra filol. nauk [Poetics of a genre of lyric prose miniatures (linguostylistic aspect). Philology Dr. Diss.]. Moscow, 2005. 401 p.
14. Geymbukh E.Yu. *Poetika zhanra liricheskoy prozaicheskoy miniatyury (lingvostilisticheskiy aspekt)*: avtoref. dis. d-ra filol. nauk [Poetics of the genre of lyric prose miniature (linguostylistic aspect). Abstract of Philology Dr. Diss.]. Moscow, 2005. 35 p.
15. Turgenev I.S. *Stikhotvoreniya v proze* [Poems in prose]. Moscow: Detskaya literatura Publ., 2011. 120 p.

Received: 23 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 22–25. DOI 10.17223/15617793/390/4

УДК 82.091

Ш. Липке

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА «В ОВРАГЕ» И ФУНКЦИИ БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТОВ

Рассматриваются функции интертекстуальных связей повести А.П. Чехова «В овраге» с Библией, а именно выявляется присутствие в тексте Чехова мотивов, связанных с рассказом об Исходе Израиля из Египта. Утверждается, что мотивы и аллюзии присутствуют естественным образом. Делается вывод о том, что интертекстуальность, с одной стороны, усиливает ощущение атмосферы порабощения и страданий бедных, с другой стороны, углубляет надежду на справедливость, а также на милосердие.

Ключевые слова: А.П. Чехов; Библия; Пасха; интертекстуальность; Ю. Кристева.

Повесть А.П. Чехова «В овраге» (1900) известна жесткой критикой капиталистов, представленных семьей Цыбукиных, а также критикой церковных и государственных властей, являющихся союзниками богатых [1. С. 267–269]. Многие исследователи, вслед за З.С. Паперным, говоря о данной повести, обращают особое внимание на тематику обмана, при этом отмечается и наличие темы правды (тот факт, что главная героиня Липа уповает на «правду» [Там же. С. 278]). Д. Рейфильд считает, что повесть является частично марксистским произведением, так как Чехов критикует социальную ситуацию и ее неизбежность. Однако при этом, по мнению исследователя, для Чехова важно значение личности и христианских взглядов таких добрых людей, как Липа [2. С. 194].

На подтекст повести «В овраге» (и, тем самым, на одну из форм интертекстуальности) впервые обращает внимание В.В. Набоков, по мнению которого данный подтекст смягчает жестокость событий в фабуле произведения [3. С. 221]. Однако В.В. Набоков не анализирует связей повести с Библией. К библейскому подтексту других произведений Чехова обращается А.С. Собенников, для которого в этом аспекте особую роль играют «Скучная история» и «Дуэль» [4. С. 24–50], повесть «Моя жизнь» [Там же. С. 62–98], а также рождественские и пасхальные рассказы, из которых особенно выделяются «Студент» и «Архиерей» [Там же. С. 99–159]. Библейским текстом, присутствие которого в разных произведениях Чехова видит не только А.С. Собенников, но и, например, М.С. Свифт [5. С. 43–64], является книга Екклесиаста. М. Фрайзе, в свою очередь, обращает внимание на пасхальную тематику в произведениях Чехова [6. С. 54–64]. Кроме того, он анализирует, как Чехов привлекает евангельские тексты о суде, например в «Мужиках» и в «Печенеге» [Там же. С. 179–184; 202–204]; он же развивает теорию о подтексте как способе сказать то, что не осознано, но присутствует в подсознательном [Там же. С. 286].

Однако на библейский подтекст повести «В овраге», кроме аллюзии у В.В. Набокова, при этом не определяющего текста из Библии, на который намекает Чехов [7. С. 350], до сих пор никто из исследователей не обращал внимания. Цель настоящей статьи – выявить, в какой форме в повести присутствует библейский подтекст и какие функции он выполняет.

Для этого сначала рассмотрим понятие интертекстуальности, введенное Ю. Кристевой. Теория болгарско-французской ученой пытается доказать, что у несознательного и символического есть свое место в человеческом мышлении. Ведь, как считает Ю. Кристева, «теория подсознательного ведет и углубляет <…> обновление в интимности каждого» [8], т.е. она ведет и углубляет обновление способа рассуждения, направленное на то, чтобы мышление состояло не только из познания внешних фактов. Исследовательница подчеркивает, что в любом тексте присутствует больше, чем просто его содержание, в том числе он включает в себя те мысли и чувства, которые пробуждаются в читателе, когда читаемый текст напоминает ему другой текст, присутствующий в его памяти. Автор, включая такую связь с другим текстом в свое произведение, начинает диалог со всеми воспоминаниями, чувствами и ожиданиями, которые присутствуют в читателе и которые для него связаны с текстом, ставшим у данного автора подтекстом [Там же]. В данных рассуждениях Ю. Кристева близка к М.М. Бахтину. Ведь если в произведении действует, как говорит М.М. Бахтин, «логика сна» [9. С. 17], т.е. если его смысл не определяется или, по крайней мере, не исключительно определяется сознательными решениями, как это бывает именно во сне, тогда возникает бесконечность диалога [Там же. С. 16], в котором автор не является высшей инстанцией, а выступает участником диалога, так как он общается с теми элементами личности в себе самом и в других людях, которыми управлять сознательно невозможно [Там же. С. 18].

Ю. Кристева изучает данный эффект на материале романа Антуана де Ла Саля «Жан де Сентре» (XVI в.), котором находят отражение многие романы, особенно романы XV в., хорошо известные читателю того времени [10. С. 536, 544]. Но можно ожидать такого же эффекта, и еще более интенсивного, если в произведении присутствуют тексты, давно известные любому читателю, передаваемые от поколения к поколению, обогащенные множеством коннотаций и вошедшие в подсознательное, как это бывает с произведениями фольклора и священными текстами. Говоря о священных текстах, Ю. Кристева подчеркивает, что «память не касается прошлого: Библия, Евангелия, Коран, Ригведа, Тао живут в настоящем» (перевод мой. – *Ш.Л.*) [11]. Данные тексты присутствуют не только в сознании тех людей, которые хотят ссылаться на них, т.е. верующих, но и, по крайней мере подсознательно, в памяти тех, кто считает себя неверующим, но у кого

есть верующие предки, передавшие такие традиции своим детям. Священные тексты также присутствуют в памяти читателя через произведения разных видов искусства, цитирующие их, даже если слушатель, зритель и т.д. такой связи не замечает.

В контексте повести «В овраге» можно говорить, в первую очередь, о присутствии библейского рассказа об исходе Израиля из Египта – «дома рабства». Данный рассказ из книги Исхода (особенно 1–15-я главы) является основополагающим для иудаизма. Даже Десять заповедей начинаются со слов «Я Господь, Бог твой, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства» (Исх 20, 2; Втор 5, 6). Праздник же, в который отмечается данное событие, Пасха (Песах), является одним из главных праздников евреев. Кроме того, главное событие для христиан, смерть и воскресение Иисуса Христа, также неотъемлемо связано с еврейским праздником Пасхи. Рассказ евангелистов богат аллюзиями на то, что Иисус страдает и умирает именно в дни Песаха (Мф 26, 2; Мк 14, 1; Ин 13, 1) и что накануне смерти, во время пасхальной вечери, он установляет таинство Евхаристии (причастие) под видами хлеба и вина (Мф 26, 26–28; Мк 14, 22–24). Данное таинство, наряду с крещением, является для христиан основным обрядом. Можно предполагать, что пасхальный рассказ как Ветхого, так и Нового Завета читателям – современникам Чехова был хорошо известен. Более того, сам Чехов вырос в церковной среде и был прекрасно знаком с текстами Библии [12. С. 16].

Таким образом, стоит обратить внимание на присутствие интертекстуальных связей с Библией в повести «В овраге», особенно на элементы, связанные с рассказом об исходе Израиля из Египта. Однако при этом следует иметь в виду то, что В.В. Набоков называет «неназойливостью чеховского символизма» [7. С. 350], т.е. тот факт, что любой момент в тексте можно объяснить без символической интерпретации, но что множество мотивов из определенного тематического круга (здесь: «Исход») создает уровень символического понимания «за» или «под» естественной интерпретацией. Чехов не намекает на тексты, чтобы загадать аллюзии. Он не создает аллегории с помощью библейских текстов, но обращается к памяти читателя (сознательной или подсознательной), чтобы включить общую атмосферу и фабулу повести в контекст переживаний и воспоминаний, заложенных в людях тех культур, в которых традиционно доминирует иудаизм или христианство.

Связь между повестью «В овраге» и книгой Исхода видится уже в том, что общую структуру повести характеризуют уходы, приходы и путешествия, в том числе когда Липа идет на «богомолье» [13. С. 163, С. 177], так же, как в Библии израильтяне должны покинуть Египет, чтобы прославить Бога (Исх 9, 1). Более того, у Липы есть два старика-наставника [Там же. С. 164, 176, 177]. Это может напомнить Моисея и Аарона, вождей Израиля, которым было 80 и 83 года соответственно, когда началось освобождение Израиля из египетского рабства (Исх 7, 7). Связь между стариками в повести и вождями Израиля подчеркивается также тем, что у одного старика есть прозвище «Костыль» [13. С. 164]: данное слово является аллюзией на посох как характерный предмет Моисея (Исх 4, 17; 7, 17–20; 14, 16; 17, 5–6). Эпизод, когда «Костыль» наставляет старого, властного Цыбукина, можно считать намеком на выступления Моисея перед фараоном (Исх 5; 7).

Помимо общей структуры текста, можно также связать разные слои содержания в повести с разными элементами рассказа об исходе. В первую очередь, следует иметь в виду, что в повести описывается «темный, недобрый мир» [1. С. 266], в котором, как подчеркивает В.В. Набоков, действует не меньше шести видов обмана [7. С. 339–341]. Даже сами Цыбукины прекрасно понимают, что обижают людей [13. С. 148–149, 158–159]. Чехов подчеркивает, что в несправедливости и обмане виноваты как капиталисты [Там же. С. 146], так и государственные [Там же. С. 157] и церковные власти [Там же. С. 155, 178]. То, что данное поведение ведет к деградации человека, к маргинализации простых людей, иллюстрируется описанием села: несколько раз говорится, что изб простых людей не видно [Там же. С. 146; 163; 177]. А также (и в первую очередь) в повести говорится об унижении Липы [Там же. С. 177] и о поведении Аксиньи, которое приводит к маргинализации других членов семьи Цыбукиных [Там же. С. 180].

Ужасную ситуацию, описываемую в повести, подчеркивает тот факт, что рабочие на заводе Аксиньи изготовляют кирпичи, как это были вынуждены делать израильтяне в Египте [Там же. С. 172, 173, 181; см. Исх 1]. Так же, как в Ветхом Завете, смертельная опасность для малыша связана с водой [Там же. С. 173; см. Исх 1]; однако в Библии вода спасает, здесь она губит. Данный факт связан с тем, что мальчик Никифор не только ребенок Липы, но и внук и наследник Цыбукина: на Никифора вся надежда старика, так как его младший сын инвалид, а старший – каторжник [Там же. С. 172, 173]. Это отсылает нас к эпизоду из библейского рассказа, когда Бог наказывает египтян, в том числе фараона, убивая их первородных сыновей, за то, что они держали израильтян в рабстве (Исх 11, 5). Таким образом, гибель Никифора является символом бессмысленного страдания невинных (его самого и его матери), а также служит наказанием для Цыбукина.

Итак, первой функцией интертекстуальных связей повести «В овраге» с Библией является усиление ощущения жестокости ситуации: страшные события, описываемые в тексте, подчеркиваются аллюзиями на положение народа Израиля в Египте до прихода Моисея и на страшные события, которыми, по книге Ветхий Завет, Бог наказал Египет за порабощение израильтян.

Во многих случаях присутствие мотивов из книги Исхода придает тексту ноту надежды, что может осуществиться упование Липы и ее матери на то, «что правда есть и будет» [13. С. 167]. Это связано с тем, что книга Исхода не направлена на описание страшной ситуации рабства израильтян в Египте, ее цель – рассказать об их «исходе» и освобождении из рабства. О том, что данная тематика присутствует в повести «В овраге», особенно свидетельствует «исход» Липы и других рабочих из «рабства» кирпичного завода в конце повести. Они шагают смело и радостно, а ста-

рик Цыбукин, встречающийся им на пути, идет неуверенно [1. С. 278; 13. С. 181]. В это время Липа идет впереди группы поющих, покидающих свое место труда – кирпичный завод. Данный образ напоминает Мариам, сестру Моисея, поющую песнь освобождения после исхода из Египта через Красное море [13. С. 181; см. Исх 15, 20].

О том, что у Чехова присутствуют мотивы из книги Исхода, свидетельствует также аллюзия у В.В. Набокова. Комментируя слова Липы ко второму старику «Ты давеча взглянул на меня, а сердце мое помягчило» [13. С. 176], В.В. Набоков отмечает «почти библейскую интонацию в русском тексте» [7. С. 350]. Словом, он чувствует связь текста с библейским, но не обращает внимания на то, что по Библии именно перед исходом Моисей идет к фараону, но Бог «ожесточает» сердце фараона (Исх 7, 3), так что он остается во власти зла и приближает свое наказание; сердце же Липы становится, наоборот, мягким. В этом смысле можно считать Липу «анти-фараоном», в то время как старик Цыбукин напоминает его.

На данном уровне анализа текста мы видим, что тематика исхода включает в себя надежду на то, что подавленные, страдающие люди, как Липа, в конечном итоге освобождаются и покидают страшный мир, а обидчиков настигает справедливое наказание. То, что описывается в тексте повести, является примером бесчеловечности. На ее фоне тот факт, что Липе и ее матери «казалось, <...> что правда есть и будет» [13. С. 167], может показаться читателю чистой иллюзией. Это можно сказать тем более в связи с тем, что Липа даже в финале повести по-прежнему работает на заводе Аксиньи. Но с помощью интертекстуальности Чехов углубляет надежду тем упованием, что у человека есть возможность покинуть «дом рабства» (Исх 20, 2). Данная надежда не остается идеологическим высказыванием, она становится ощущаемым в глубине души, упованием, связанным с надеждой евреев и христиан всех веков. Это даже не зависит от того, верит ли Чехов или его читатель в то, что Бог более 3 000 лет назад, совершив чудо, действительно освободил Израиля из Египта. Достаточно того, что данная вера присутствует в подсознательном. Таким образом, подтекст вносит в повесть человечность, ощущение, что даже в самой страшной, «нечеловечной» ситуации есть надежда на ее преодоление. В этом заключается вторая функция связей повести с библейским текстом.

Кроме того, интертекстуальные связи как с еврейским, так и с христианским пасхальным текстом выполняют еще одну важную функцию. В финале повести «встретился толпе старик Цыбукин, и стало вдруг тихо-тихо» [13. С. 181, 182]; люди чувствуют неловкость, они считают Цыбукина своим обидчиком, но в то же время знают, что он сам был изгнан снохой «из цобственного [*sic!*] дома» [Там же. С. 180]. Только Липа с матерью, Прасковьей, относятся к Цыбукину иначе, без ненависти: «Липа поклонилась низко и сказала: “Здравствуйте, Григорий Петрович!” И мать тоже поклонилась. Старик остановился и, ничего не говоря, смотрел на обеих; губы у него дрожали и глаза были полны слез. Липа достала из узелка у матери кусок пирога с кашей и подала ему. Он взял и стал есть. Солнце уже совсем зашло; блеск его погас и вверху на дороге. Становилось темно и прохладно. Липа и Прасковья пошли дальше и долго потом крестились» [13. С. 182].

У старика дрожат губы и появляются слезы, потому что первый раз за долгое время он чувствует, что к нему относятся просто как к человеку. Он понимает, сколько доброты и тепла он потерял, когда выгнал Липу из дома. Липа не только здоровается с ним, она дает ему поесть. Может быть, она знает, что старик редко ест, потому что дома его не кормят [Там же. С. 179]. Может быть, она чувствует то, что символически присутствует в этом отрывке: Цыбукин хромает, в то время как Липа шагает смело, т.е. он потерпел поражение [1. С. 278]. Солнце заходит, становится темно – это говорит о том, что смерть Цыбукина близка.

Кроме того, в виде пирога Липа дает старику как бы «причастие». Нужно иметь в виду, что с древних времен давать кусок хлеба означает предлагать общение. Об этом Библия говорит особенно явно в контексте Пасхи (Исх 12). Тема «преломления хлеба» (Лк 24, 35) указывает на присутствие другого аспекта человечности, явно христианского, как подчеркивает Д. Рейфильд [2. С. 194], – темы примирения. Данное примирение не мешает устремлению к правде, как считает З.С. Паперный [1. С. 278], но превосходит его. Важную роль играет тот факт (который З.С. Паперный, к сожалению, игнорирует [Там же]), что сцена примирения, в которой Липа дает Цыбукину поесть, является финалом повести, т.е. последнее слово в повести не за враждой и даже не за строгой справедливостью, а именно за примирением. Здесь интертекстуальность выполняет в повести третью функцию. С ее помощью Чехов показывает: тем, что «правда есть и будет» [13. С. 167] и что Цыбукины (кроме Аксиньи) получают наказание за свой обман, еще не всё сказано, и даже обидчик может получить прощение.

В этом смысле слова Д. Рейфильда о том, что «только акцент на индивиде и на христианском взгляде героини его [Чехова] мешает истории быть марксистским произведением» (перевод мой. – *Ш.Л.*) [2. С. 194], касаются особенно подтекста произведения. Ведь именно в нем еще сильнее, чем в описании характера Липы или в сюжете, проявляется то, что упование Липы на справедливость, а также ее готовность к прощению носят черты христианства. В этом смысле также можно сказать, что подтекст в произведении подчеркивает акцент Чехова на том, что придает человеку достоинство.

Таким образом, мы можем сказать, что тематика Исхода и Песаха присутствует в повести «В овраге» не просто в виде загаданных Чеховым аллюзий, а в виде интертекстуальности, т.е. в виде элементов одного текста в другом, с помощью чего автор обращается к чувствам и воспоминаниям, спрятанным глубоко в памяти читателей, а также самого автора. Данная интертекстуальность выполняет три функции. С одной стороны, она обостряет тематику обмана и насилия, присутствующую в описании общей атмосферы и в фабуле повести. С другой стороны, она углубляет

надежду на справедливость, заложенную в мыслях и высказываниях героев. А в финале повести с помощью данной интертекстуальности Чехов подчеркивает, что кроме справедливости есть еще милосердие.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Паперный З.С.* А.П. Чехов. Очерк творчества. 2-е изд., доп. М., 1960.
2. *Rayfield D.* Understanding Chekhov. Madison, Wisconsin, 1999.
3. *Швагрукова Е.В.* Творчество А.П. Чехова в «Лекциях по русской литературе» В.В. Набокова // Чехов и время. Томск, 2011. С. 214–226.
4. *Собенников А.С.* «Между есть Бог и нет Бога...» (о религиозно-философских традициях в творчестве А.П. Чехова). Иркутск, 1997.
5. *Swift M.S.* Biblical Subtexts and Religious Themes in Works of Anton Chekhov. New York, 2004.
6. *Freise M.* Die Prosa Čechovs. Eine Untersuchung im Ausgang von Einzelanalysen. Amsterdam – Atlanta, GA, 1997.
7. *Набоков В.В.* Лекции по русской литературе. М., 1998. С. 317–370.
8. *Dock S.* Julia Kristeva, un espoir pour la pensée, une promesse de liberté. URL: http://www.huffingtonpost.fr/samuel-dock/julia-kristeva-philosophie_b_4672955.html (дата обращения: 27.06.2014).
9. *Кристева Ю.* Разрушение поэтики // Избранные труды: разрушение поэтики. М., 2004. С. 5–30.
10. *Кристева Ю.* Текст романа // Избранные труды: разрушение поэтики. М., 2004. С. 395–593.
11. *Kristeva J.* Someprinciplesforthehumanismofthe twenty-first century. URL: http://www.kristeva.fr/assisi2011_en.html (дата обращения: 27.06.2014).
12. *Simmons E.* Chekhov. A Biography. London, 1963.
13. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. М., 1974–1983. Т. 10.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 06 ноября 2014 г.

INTERTEXTUALITY IN A.P. CHEKHOV'S "IN THE RAVINE" AND FUNCTIONS OF BIBLICAL TEXTS

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 22-25. DOI 10.17223/15617793/390/4

Lipke Stephan. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stephanlipkesj@rambler.ru

Keywords: A.P. Chekhov; Bible; Easter; intertextuality; J. Kristeva.

In this essay we explain how the biblical text of the "Exodus", of Israel leaving Egypt, is present in A.P. Chekhov's story "In the Ravine" (1900) and which functions it fulfills. We have to keep in mind that, according to J. Kristeva, intertextuality often deals with feelings, remembrances and thoughts which are present in the reader's memory; that means that intertextuality deepens the text and completes it with elements going beyond its intellectual understanding. Such an effect of deepening can be expected in a particular way if a text contains other texts that have been handed over from generation to generation, enriched with a multitude of connotations and become part of the human subconscious. This is the case if we talk about old folklore and sacred texts. Rather than exterior similarities, it is important that in our story various aspects can be seen in the context of different elements of the "Exodus" story. We can say this especially concerning the theme of slavery. Thus, the workers in Aksinya's factory produce bricks, just like the people of Israel had to do in Egypt. Like in the Bible, deathly danger for a little boy comes up in combination with water. That is why, we can first say that intertextual connections make the situation described in the story even crueler. On the other hand, in many cases, the presence of "Exodus" motives enriches the text with a note of hope that Lipa and her mother's belief, i.e. that "there is truth and there will be", can become reality. This has to do with the fact that the book of Exodus is predominantly a liberation story. With the help of intertextuality Chekhov underscores that hope is not just an ideological point of view but that it becomes something that you can feel and that has to do with the hopes of the Jews and Christians of all centuries. But there is still another important function intertextual connections with the Bible fulfill: the final scene of the story is the scene in which Lipa gives Tsybukin to eat, thus symbolically offering communion to him. This shows that the last word in the story does not belong to enmity and not even to strict justice but to reconciliation. Therefore we can say that the "Exodus" theme is present in the text not only in the form of allusions, Chekhov included in it like in a puzzle, but in the form of intertextuality in the strict sense of the word. That means that elements from one text have become part of another one and that, with their help, the author addresses feelings and thoughts deep within the reader's memory, but also in his own. This intertextuality has three functions: on the one hand, it enhances the theme of fraud and violence which is present in the general atmosphere described in the story and in its plot. On the other hand, intertextuality gives liveliness to the theme of hope for justice, which we can find in the thoughts and words of the main figures. At last, in the final scene of the story, with the help of intertextuality Chekhov underscores that except for mere justice there is also hope of reconciliation.

REFERENCES

1. Papernyy Z.S. *A.P. Chekhov. Ocherk tvorchestva* [A.P. Chekhov. Essay on creativity]. 2nd edition. Moscow: Goslitizdat Publ., 1960. 302 p.
2. Rayfield D. *Understanding Chekhov*. Madison: University of Wisconsin Press, 1999. 295 p.
3. Shvagrukova E.V. *Tvorchestvo A.P. Chekhova v "Lektsiyakh po russkoy literature" V.V. Nabokova* [Works of A.P. Chekhov in "Lectures on Russian Literature" by V.V. Nabokov]. In: Novikova E.G. (ed.) *Chekhov i vremya* [Chekhov and time]. Tomsk: TSU Publ., 2011, pp. 214–226.
4. Sobennikov A.S. *"Mezhdu est' Bog i net Boga..." (o religiozno-filosofskikh traditsiyakh v tvorchestve A.P. Chekhova)* ["Between there is God and there is no God" (on the religious and philosophical traditions in the works of Anton Chekhov)]. Irkutsk: ISU Publ., 1997. 224 p.
5. Swift M.S. *Biblical Subtexts and Religious Themes in Works of Anton Chekhov*. New York: Peter Lang International Academic Publishers, 2004. 196 p.
6. Freise M. *Die Prosa Čechovs. Eine Untersuchung im Ausgang von Einzelanalysen*. Amsterdam – Atlanta, GA: Rodopi, 1997. 330 p.
7. Nabokov V.V. *Lektsii po russkoy literature* [Lectures on Russian literature]. Moscow: Izdatel'stvo Nezavisimaya Gazeta Publ., 1998, pp. 317–370.
8. Dock S. Julia Kristeva, un espoir pour la pensée, une promesse de liberté. Available from: http://www.huffingtonpost.fr/samuel-dock/julia-kristeva-philosophie_b_4672955.html. (Accessed: 27th June 2014).
9. Kristeva J. *Izbrannye trudy: razrushenie poetiki* [Selected works: the destruction of poetics]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004, pp. 5–30.
10. Kristeva J. *Izbrannye trudy: razrushenie poetiki* [Selected works: the destruction of poetics]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004, pp. 395–593.
11. Kristeva J. Some principles for the humanism of the twenty-first century. Available from: http://www.kristeva.fr/assisi2011_en.html. (Accessed: 27th June 2014).
12. Simmons E. *Chekhov. A Biography*. London: Cape, 1963. 669 p.
13. Chekhov A.P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v 30 tomakh* [Complete works and letters in 30 volumes]. Moscow: 1974–1983. Vol. 10.

Received: 06 November 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 26–34. DOI 10.17223/15617793/390/5

УДК 811.161.1’38

Э.Г. Новикова

КОНВЕРГЕНЦИЯ РЕЧЕВЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРИЕМОВ В МАЛОЙ ПРОЗЕ Т. ТОЛСТОЙ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-54-00022.

Статья посвещена такому явлению, возникающему в сложноорганизованной речевой структуре прозаического художественного текста, как конвергенция речевых художестевнных приемов. Под конвергенцией понимается структурно-смысловое взаимодействие двух и более речевых художественных приемов, возникающее на языковой базе двух слов, связанных предикативной или подчинительной связью. В статье рассматривается конвергенция речевых художественных приемов метафорического и метонимического переноса и лексико-семантического синкретизма. Последний заключается в одновременной актуализации в художественном тексте нескольких лексических значений многозначного слова. Теоретические положения рассматриваются на примерах лингвопоэтического анализа отдельных фрагментов из рассказов Т. Толстой «На золотом крыльце сидели…», «Самая любимая», «Вышел месяц из тумана», «Милая Шура», «Любишь – не любишь», «Соня», «Факир», «Круг».

Ключевые слова: Татьяна Толстая; лингвопоэтика; когнитивная поэтика; художественная актуализация; необарокко; неосинкретизм; артема; метафора; метонимия.

Данное исследование находится в русле лингвопоэтики – активно развивающегося в настоящее время научного направления, одной из основных задач которого является изучение речевой структуры литературно-художественного произведения в эстетическом аспекте [1–6 и др.]. Таким образом, предметом лингвопоэтики является **речевая художественная форма** произведения (в терминологии Г.И. Климовской; в работах других исследователей в качестве синонимичных используются понятия «речевая фактура» [7. С. 385], «словесная ткань произведения» [8. С. 255], «изобразительно-словесная фактура повествования» [9. С. 248] и подобные).

Основной единицей речевой художественной формы является **артема** (от лат. ars, artis – *искусство*, термин Г.И. Климовской) – художественно актуализированное слово или сочетание слов. Суть художественной актуализации заключается в эстетически значимой формальной или семантической трансформации языковой единицы, которая осуществляется за счет нарушения одной из норм коммуникации или норм литературного языка [10]. Авторское действие, направленное на трансформацию языковой единицы, обозначим как **речевой художественный прием** (в качестве родового понятия выступает традиционный термин **художественный прием**, под которым может пониматься трансформация единиц любого уровня художественной формы произведения). В результате применения речевого художестевнного приема в слове помимо (а иногда вместо) основного лексического значения возникают **дополнительные художественные смыслы** (термин В.В. Виноградова), участвующие в формировании смыслового (концептуального) уровня текста.

Особый интерес для лингвопоэтологов представляют тексты, обладающие осложненной речевой художественной формой. Не случайно чаще всего материалом лингвопоэтических исследований становятся так называемые неклассические тексты, т.е. тексты, в которых реализована «установка на самоценное, эстетически значимое слово» [11. С. 55]. Данная установка находит отражение в активном использовании различных речевых художественных приемов, вследствие чего происходит насыщение текста артемами, в частности тропеического типа – метафорами и метонимиями. К текстам, отличающимся осложненной речевой художестевнной формой, могут быть отнесены рассказы современного прозаика, ярчайшего представителя русского постмодернистского необарокко, Татьяны Толстой. Для речевой художественной формы рассказов Т. Толстой характерна предельно высокая концентрация артем, находящихся друг с другом в сложных, многомерных структурно-смысловых связях. Существование этих связей проявляется на всех уровнях поэтики. Так, по наблюдению исследователей и критиков, для речевой структуры текстов Т. Толстой характерно наличие «плотной сети аккумуляций, гипербол, риторических вопросов, олицетворений, синекдох, метонимий и т.д.» [12. С. 138, 139], «тончайшего сложного орнамента тропов» [13. С. 73]; на уровне мотивно-образной структуры данные связи проявляются в зарождении многочисленных мини-сюжетов [14. С. 70], словно вырастающих из «разветвленной сети подробностей», из «невидимой подземной грибницы» [15. С. 254].

Надо отметить, что при анализе текстов, обладающих осложненной речевой художественной формой, нередко возникает проблема идентификации отдельных артем и речевых художественных приемов, а также проблема выделения отдельной артемы из речевой фактуры текста, т.е. определения границ артемы – слова или сочетания слов. Чаще всего это касается артем тропеического типа (тропов). Так, Т.Г. Фролова, справедливо замечая, что в рассказах Т. Толстой «эстетическая функция тропов в полном объеме обнаруживается лишь в перспективе всего произведения», приходит к выводу, что «попытки “разобрать” метафорическое полотно на “кусочки” отдельных тропов» неуместны и что «осложненные тропы не дают возможности уверенно “локализовать” единичные случаи употребления средств художественной изобразительности» [13. С. 74].

В связи с этим замечанием необходимо подчеркнуть, что именно лингвопоэтика как специальная дисциплина призвана решать такие научные задачи, как тщательное исследование номенклатуры тропов, уточнение и выявление их разновидностей, определение функций тропеических единиц в конкретных ли-

тературно-художестевных произведениях [16. С. 10]. При решении этих задач высокие результаты дает применение особой методологии лингвопоэтического анализа отдельных единиц речевой художественной формы, которая описана в работах Г.И. Климовской [4. С. 129–149]. В основе предлагаемой методологии лежит «стилистический эксперимент Л.В. Щербы–А.М. Пешковского–Л.С. Выготского», процедурное ядро которого состоит из двух отдельных методических этапов: 1) сопоставления семантических объемов артемы и ее стилистически нейтрального эквивалента – отдельного слова, не имеющего в толковых словарях стилистических помет, или свободного (нефразиологизированного) словосочетания; 2) лингвопоэтической интерпретации различия семантических объемов этих единиц с учетом локального контекста фразы и глобального контекста всего текста произведения.

При этом необходимым условием методологически строгого лингвопоэтического исследования является осознание отдельности речевой художественной формы произведения как от литературно-образной формы (предмета литературоведческой поэтики), так и от собственно языковой формы, доступной только лингвистическому анализу. Это позволяет, во-первых, увидеть слово не в лингвистическом (как глагол, наречие, подлежащее, сказуемое и т.д.), а в лингвопоэтическом аспекте (как художественно актуализированную (артистизированную) единицу речевой художественной формы); во-вторых, отграничить единицу речевой художестевнной формы – артему – от единицы литературно-образной художетвенной формы – литературно-художестевнного образа (в том числе и от метафорического микрообраза, который, как и артема, может базироваться на слове или словосочетании, но обладает более сложной природой, нежели простое отклонение от норм языка). Как будет показано ниже, последнее зачастую имеет решающее значение при определении типа артемы.

Для анализа текстов с высокой концентрацией артем возникает необходимость обратиться к понятию **конвергенции**. Применительно к художественному тексту впервые явление конвергенции было описано в середине XX в. М. Риффатером в статье «Критерии стилистического анализа» (в современных исследованиях употребляются термины **стилистическая конвергенция** и **конвергенция стилистических приемов**). Суть конвергенции заключается в повышенной концентрации художественно актуализированных единиц речевой художественной формы в рамках небольшого фрагмента текста – «скопление стилистических приемов» [17. С. 89]. В работах И.В. Арнольд явление конвергенции уточняется и начинает пониматься как «схождение в одном месте пучка стилистических приемов, участвующих в единой стилистической функции» [18. С. 100]. Так, о наличии стилистической конвергенции можно говорить в том случае, когда в пределах одной фразы или свехрфразового единства (сложного синтаксического целого) присутствуют измененный порядок слов, художественно значимые повторы лексем, создающие ритм, окказиональное слово и яркая авторская метафора. Вопрос о конвергенции стилистических приемов как таковой и о разграничении разных ее типов ставится в лингвостилистических исследованиях последних лет (обзор точек зрения на данное явление представлен в статье С.В. Лопаткиной [19]).

Однако при таком понимании конвергенции речевая структра художественных текстов, максимально насыщенных артемами, предстанет как сплошная стилистическая конвергенция. В связи с этим в процессе анализа текстов с осложненной речевой художестенной формой с целью выявить протекающие в них процессы структурно-смысловых взаимодействий между отдельными единицами речевой художественной формы возникает потребность сузить и конкретизировать объем понятия конвергенция.

При этом исследование конвергенции как стилистического приема в широком смысле (с описанием всех фиксируемых в небольшом фрагменте текста конвергентых явлений) представляется вполне оправданным при анализе текстов и с простой, и с очень сложной речевой художественной формой. Опыт такого описания стилистической конвергенции на материале прозы Б. Пастернака представлен в исследовании И.А. Соловейчик-Зильберштейн [20]. Как показывают приводимые исследователем примеры, такой подход, по сути, становится описанием речевой структуры литературно-художественных образов (пизанской ночи и цветочного погреба), с указанием всех речевых художественных приемов, участвующих в моделировании данных образов. Это несколько иная исследовательская задача, решаемая на более крупных фрагментах текста, нежели отдельное словосочетание. В нашем исследовании в центре внимания находится отдельно взятое сочетание слов, оба элемента которого художественно актуализируются при помощи разных речевых художественных приемов, т.е. представляют собой две артемы, оказавшиеся в пределах одной фразы и вступающие в структурно-смысловое взаимодействие друг с другом, в результате которого образуется артема нового уровня – конвергентная артема.

Таким образом, в данной статье рассматриваются варианты реализации в текстах рассказов Т. Толстой конвергентных моделей артем, созданных на языковой базе двух слов. В качестве оснований для классификационного деления артем данного типа были выбраны следующие параметры:

1. По грамматической основе языковой базы артемы: слова, связанные предикативной связью / слова, связанные подчинительной связью.

2. По радиусу своего действия и испытываемого структурно-смыслового влияния: влияние локального контекста (фразы) / влияние глобального контекста (всего текста рассказа).

3. По характеру задействованных в артемах речевых художественных приемов в статье сопоставляются две модели конвергенции, исходными элементами которых выступают: метонимия + метафора / метонимия + полисемант. Несмотря на то что последний параметр выделения конвергентных артем представляется самым логичным, в ходе классификации конкретного художественного материала соблюсти его

оказывается сложнее всего, так как в процессе конвергенции речевых художественных приемов исходная модель, образующая артему, подвергается формально-семантическим трансформациям, что будет показано ниже.

Для идентификации типа артемы и подбора к ней стилистически нейтрального эквивалента в качестве основного лексикографического источника в работе использовался Малый академический словарь (МАС) [21], в случае привелчения данных других словарей, даются отдельные ссылки [22–24]. Все цитаты из прозы Т. Толстой приводятся по книге [25].

Для начала рассмотрим наиболее простой из примеров конвергентно выстроенной артемы, созданной посредством взаимодействия речевых художественных приемов метафорического и метонимического переноса на базе словосочетания, взятый из рассказа «На золотом крыльце сидели…» (1983):

*«У дома (а что там внутри?), распахнув все створки **пронизанной июлем** веранды, Вероника Викентьевна – белая огромная красавица – взвешивала клубнику…»* [25. С. 235, 236].

Первый элемент конвергентной артемы *пронизанная июлем* образован посредством речевого художественного приема метафорического переноса (*пронизать – ‘продеть сквозь отверстие’ → ‘пробиваясь, проникая сквозь что-л., заполнить собой (о свете)’*), а второй – метонимического переноса (в данном контексте *июлем* – значит воздухом, светом, запахами, теплом, которые бывают в июле; более нейтральным вариантом было бы, например, «июльским светом», «июльским воздухом» и т.п.). Подбор нейтральных вариантов к конвергентной артеме позволяет предположить последовательность деривационных шагов в ее создании: речевой художественный прием метафорического переноса, результатом которого становится метафорическое словосочетание (*пронизанная светом*) → речевой художественный прием метонимического переноса, в результате которого возникает яркий индивидуально-авторский троп (*пронизанная июлем*).

*«Сквозь тот **черный декабрь** письма не проходили или же шли месяцами»* [25. С. 341].

В данном фрагменте из рассказа «Соня» (1984) речь идет о зиме в блокадном Ленинграде. Лексема ***черный*** – метафорическое обозначение времени (перен. *‘мрачный, безрадостный, тяжелый // Связанный с трудностями, невзгодами (о времени)’*), а через него (метонимически) – описываемой в тексте ситуации, временные рамки которой раздвигаются (*письма… шли месяцами*). Через обозначение времени (*декабрь*) в тексте метонимически обозначается пространство – улицы города Ленинграда, по которым сложно было пронести почту. К сказанному можно добавить, что введенное в данный контекст поновленное метафорическое выражение (*«письма не проходили… шли месяцами»*, ср.: стертая метафора «пришло письмо») способствует моделированию хронотопического художественного образа *черного декабря* как некого континуума, длящегося в пространстве и во времени, сквозь который не проходят письма (подобно тому, как сквозь нечто черное и плотное не проходит свет).

Конвергентная артема, созданная на базе двух элементов, один из которых подвергается метафорическому, а второй – метонимическому переносу, может реализоваться на языковой основе синтаксической коррелятивной связи подлежащего и сказуемого. При этом в лексеме-сказуемом осуществляется метафорический, а в лексеме-подлежащем – метонимический перенос. Такое распределение закономерно и объясняется особенностями данных тропов: «Метонимия тяготеет к позиции субъекта и других референтных членов предложения. Она не может быть употреблена в предикате. Метафора, напротив, в своей первичной функции прочно связана с позицией предиката. Такое распределение вытекает из природы каждого тропа. Метонимия обращает внимание на индивидуализирующую черту, позволяя адресату речи идентифицировать объект, выделить его из области наблюдаемого, отличить от других соприсутствующих с ним предметов, метафора же дает сущностную характеристику объекта» [26. С. 31].

Демонстрирующий данное положение пример взят из рассказа «Милая Шура» (1985):

*«Наконец она закрутилась в потоке огнедышащих машин у Никитских ворот, заметалась, теряя направление, вцепилась в мою руку и выплыла на спасительный берег, на всю жизнь потеряв уважение дипломатического негра, залегшего за зеленым стеклом низкого блестящего автомобиля, и его хорошеньких кудрявых детишек. **Негр взревел**, пахнул синим дымком и умчался в сторону консерватории, а Александра Эрнестовна, дрожащая, перепуганная, выпученная, повисла на мне и потащила меня в свое коммунальное убежище – безделушки, овальные рамки, сухие цветы, – оставляя за собой шлейф валидола»* [25. С. 24].

В конвергентной артеме ***негр взревел*** метонимический перенос осуществляется в слове ***негр***, которым в тексте рассказа обозначен автомобиль негра. Данная метонимия усиливает образность общеязыковой, стертой метафоры *взреветь – ‘внезапно издать рев, зареветь (о животных) // перен. издать, произвести сильный шум, треск и т.п. (об автомобиле, мотоцикле, самолете и т.п.)’*. Таким образом, языковая метафора, взаимодействуя с метонимией, актуализирует свой стертый образный потенциал. Усиливает яркость художественного образа наблюдаемое в рамках данной фразы контрастное столкновение звероподобия *(негр взревел)* с намеком на высокую культуру и даже утонченность хозяина автомобиля – дипломата, едущего *«в сторону консерватории»*.

В текстах рассказов Т. Толстой конвергенция речевых художественных приемов метафорического и метонимического переноса чаще всего дополнительно осложняется как конвергенцией, так и контаминацией (наложением в пределах одной лексемы [19]) других речевых художественных приемов, в результате чего возникают еще более сложные структурные комплексы. Например, во фрагменте из рассказа «Вышел месяц из тумана» (1987): *«Вечерами за чужими дверьми **свистят, пыхают синим светом футболы**, громко спорят чужие мужья…»* [25. С. 287].

В данной фразе за счет введения двух предикативных единиц в лексеме ***футболы*** происходит одновременно два метонимических переноса:

1) ***(свистят) футболы*** – свистят судьи и / или болельщики, на стадионе смотрящие футбольную игру, транслируемую по телевиденью. В данном случае перенос осуществляется благодаря двум деривационным шагам: болельщики / судьи – часть события – футбольного матча → футбольный матч (синекдоха) → телевизионная передача, в рамках которой транслируется футбольный матч (метонимия). При этом свист болельщиков становится звуковым фоном, т.е. частью транслируемой телевизионной передачи.

2) ***(пыхают) футболы*** – телевизоры, транслирующие футбольную игру (метонимия); а если быть точнее, то экраны телевизоров (синекдоха).

В слове ***пыхать*** происходит метафорический перенос *'гореть вспышками, полыхать'*[1], образованный по следующей модели: пыхают ← горят ← светятся экраны телевизоров. Артема *пыхают* отражает характер действия.

Конвергенция и контаминация наблюдается и в рассказе «Любишь – не любишь» (1984).

*«**Полдень облил золотом** паркет»* [25. С. 304].

Трансформация данной фразы путем подбора нейтральных эквивалентов к каждому элементу дает следующее стилистически нейтральное высказывание: *полуденное солнце осветило паркет золотым светом*.

В данной фразе вычленяются следующие структурные элементы:

1) ***полдень*** – '*полуденное солнце'* (метонимия);

2) ***облить*** – *'обильно выступив, поливишись, сделать мокрым, залить (о поте, слезах, росе и т.п.) → перен. 'осветить, озарить'* (метафора);

3) ***золотом*** ← *'золотым светом'* ← *'светом, по цвету напоминающим золото'* (два деривационных шага: метафорический и метонимический перенос). (Ср.: в рассказе «Самая любимая»: *«дрожат за стеклами заиндевелые деревья, **облитые** вечерним зимним **золотом**»* [25. С. 367], т.е. *деревья, освещенные светом заходящего солнца, золотым светом*; реконструировать субъект действия позволяет последующая фраза, в которой говорится о пыли, танцующей *«в последнем солнечном луче»* [25. С. 367].)

Как показывает проведенный анализ, элементы конвергентной артемы – метафора и метонимия – не могут быть осознаны как две отдельные артемы, несмотря на то, что их языковой базой выступают два отдельных слова, так как происходящее в них структурное взаимодействие и порождаемые в результате конвергенции речевых художественных приемов дополнительные художественные смыслы не являются локальными для каждой из участвующих в конвергенции единиц. Следовательно, за счет конвергенции речевых художественных приемов метафорического и метонимического переноса (на базе словосочетания или слов, связанных предикативной связью) образуется артема нового уровня, обладающая более сложной внутренней структурой, – **конвергентная артема**.

Конвергентные артемы «метафора + метонимия» – не слишком частое, но регулярное явление в малой прозе Т. Толстой. Поэлементный анализ исследования их структуры, позволяющий вскрыть последовательность протекающих при их возникновении семантических трансформаций – деривационных шагов (сознательных или бессознательных), показывает, что Т. Толстая активно использует как речевой художественный прием метафорического переноса *(пыхают футболы)*, так и речевой художественный прием художественной активизации внутренней формы стертой метафоры *(негр взревел)*. При этом семантическое напряжение внутри стертой метафоры, возникающее в результате конвергенции речевых художественных приемов, «расшатывает» застывшее метафорическое значение, извлекая из стертой метафоры максимум возможного художественного эффекта.

Еще более сложные семантические процессы протекают в конвергентной артеме, если в одном из ее элементов задействован речевой художественный прием лексико-семантического синкретизма, под которым понимается одновременная актуализация в тексте нескольких лексических значений многозначного слова, в результате чего образуются артемы особой структуры – **артемы-полисеманты**. Приведем пример из рассказа «Самая любимая» (1986):

*«По ночам Ленинград **продувает весна.** Ветер речной, ветер садовый, ветер каменный сталкиваются, взвихриваются и, соединившись в могучем напоре, несутся в пустых желобах улиц, разбивают в ночном звоне стекла чердаков, вздымают бессильные сырые рукава белья, сохнущего между стропил; ветры бросаются грудью о земь, взвиваются вновь и уносятся, мча запахи гранита и пробуждающихся листьев, в ночное море, чтобы где-то на далеком корабле, среди волн, под бегучей морской звездой бессонный путешественник, пересекающий ночь, поднял голову, вдохнул налетевший воздух и подумал: земля».* [25. С. 347].

В приведенном фрагменте артема ***весна*** – метонимическое обозначение весеннего ветра – взаимодействует с артемой ***продувает***, в которой наблюдается речевой художественный прием лексико-семантического синкретизма (продувать: 1) лит. *'дуя, прочищать'*; 2) разг. *'проходить насквозь через что-л., обдувать что-л. со всех сторон* (*о потоке воздуха*)'). Второе значение лексемы ***продувает*** актуализируется в первой части второго предложения (ср.: *Ленинград продувают ветры*). Лексическое значение *'дуя, прочищает'* актуализируется во второй части второго предложения, моделируя художественный образ выдуваемых из города запахов, благодаря чему возникает метафорический антропоморфный художественный образ весны, продувающей город, словно музыкальный инструмент, из которого она извлекает не звуки, а запахи.

Таким образом, за счет конвергенции речевых художественных приемов и под давлением образной художественной формы слово ***весна*** (в узком контексте осознаваемое как метонимическое обозначение весеннего ветра) олицетворяется и может быть осознано как метафорический микрообраз.

Аналогичное возникновение метафорического плана за счет взаимодействия речевых художествен-

ных приемов метонимии и лексико-семантического синкретизма в пределах одной лексемы наблюдается во фрагменте из рассказа «Вышел месяц из тумана» (1987):

«…Конкордия Бенедиктовна… переворачивала чашки и стучала ногтем по фарфоровому донцу с бледно-голубыми ***породистыми клеймами****, – старина, глубокая старина!»* [25. С. 287].

В контексте фразы слово ***клеймо*** употреблено в прямом значении *('печать, знак на изделии, товаре, указывающие сорт изделия, название предприятия, где производится товар, и т.п.')*[2], но, входя в словосочетание – ***породистое клеймо,*** – оно актуализирует второй оттенок своего значения: *'выжженный на коже животного знак; тавро'*. Словосочетание ***породистое клеймо*** возникает благодаря метонимическому переносу (*породистые клейма* ← *клейма на породистых животных*). При этом основная семантическая нагрузка ложится на метонимический эпитет ***породистые***, который по отношению к фарфоровым чашкам (с которыми *клейма* связаны прописанной в тексте метонимической связью: *чашки – донца – клейма*) становится **метафорическим** обозначением «знака качества», ценности (чашки с клеймами известной старинной фабрики очень высоко ценятся, как породистые лошади, выведенные на знаменитом заводе).

Таким образом, в малой прозе Т. Толстой посредством конвергенции речевых художественных приемов метонимического переноса и лексико-семантического синкретизма могут моделироваться метафорические литературно-художественные микрообразы, образующие метафорический план текста, в силу чего они могут осознаваться и классифицироваться исследователями как метафоры (при отсутствии методологического разграничения между литературно-художественным микрообразом и артемой, его именующей).

Проведенный анализ показывает, что действие речевого художественного приема лексико-семантического синкретизма способно «затемнять» структуру артемы и осложнять процесс интерпретации, «запуская» внутри конвергентной артемы дополнительные процессы смыслопорождения.

Выше были рассмотрены примеры конвергенции речевых художественных приемов «локального действия», т.е. протекающие в артемах, не участвующих в формировании крупных художественных образов (пространства, времени, центральных персонажей и др.). В тех случаях, когда в процесс конвергенции оказываются втянуты концептуально значимые артемы, их анализ значительно осложняется, так как помимо локального контекста фразы они находятся под мощным влиянием глобального контекста всего текста рассказа (который, в свою очередь, и формируют). При этом анализ таких артем представляется наиболее интересным и значимым, так как он дает возможность проследить не только семантические процессы, протекающие в структурах конвергентных артем, но и эксплицировать разветвленные структурные связи артем в текстах Т. Толстой (те самые «орнаменты», «сети» и «грибницы», существование которых фиксируют многие исследователи).

Рассмотрим два примера конвергентой артемы, испытывающей влияние глобального контекста: на основе синтаксической связи подлежащего и сказуемого и на основе словосочетания.

В качестве первого примера выбран фрагмент из рассказа «Факир» (1986) – фрагмент описания вечера в гостях у Филина – необычного знакомого обычных людей, Гали и Юры, живущих на окраине города и приглашенных на ужин в шикарную квартиру, расположенную в многоэтажном доме в самом центре столицы.

«Темный чай курился в чашках, вился сладкий сигаретный дымок, пахло розами, а за окном тихо ***визжало*** *под колесами* ***Садовое кольцо****, валил веселый народ, город сиял вязанками золотых фонарей, радужными морозными кольцами, разноцветным скрипучим снегом, а столичное небо сеяло новый прелестный снежок, свежий, только что изготовленный»* [25. С. 43].

В данном фрагменте языковой основой конвергенции становится синтаксическая связь подлежащего и сказуемого (*визжало Садовое кольцо*). Как и в рассмотренной выше артеме *негр взревел*, в данном предложении предикат подвергается речевому художественному приему метафорического переноса, а субъект – речевому художественному приему метонимического переноса: конструкция разворачивается в стилистически нейтральное высказывание: *«за окном под колесами тихо издавал резкие пронзительные звуки* (метафора) *снег, лежащий на проезжей части улицы Садовое кольцо* (метонимия)*»*.

Кроме описанной конвергенции, в приведенной сложной артеме имеет место смена субъектно-объектной соотнесенности: в языке закреплено представление о том, что субъектом действия в изображенной ситуации являются колеса машин, под которыми раздается визг в момент резкого начала или конца движения (визжать – *'производить резкие, пронзительные звуки при трении (о металлических, деревянных и т.п. предметах)'*; ср.: *визг тормозов, шин, колес*). В тексте рассказа производителем визга выступает улица Садовое кольцо. Возможно, основой субъектно-объектного «переворота» – метатезы – послужило распространенное в узусе выражение *«под ногами скрипит снег»* (ср.: далее упоминается *скрипучий снег*).

В результате субъектно-объектной метатезы в тексте моделируется метафорический литературно-художественный образ *Садового кольца* как движущейся части механизма города. Данный образ вбирает в себя улицу с тротуаром и проезжей частью, снег, лежащий на ней, и едущие по снегу автомобили. Если воспользоваться исследовательским приемом моделирования «кадра внутреннего зрения» (некоего визуального образа, складывающегося в воображении читателя в процессе чтения текста фраза за фразой [27. С. 151], «ментального образа», «memory image» [28. С. 237, 238], «словесной картинки» [29. С. 310]), можно представить предпраздничную городскую суету и медленно движущийся сплошной поток машин, металлические крыши которых с высоты (в начале фразы – с высоты башни Филина, а по мере ее разверты-

вания – с высоты еще более высоко расположенной точки) сливаются в непрерывно движущийся обод громадного колеса, а звук их движения напоминает не резкий визг, а тихое визжание непрерывно работающего далеко внизу механизма.

Важную роль в моделировании описанного выше метафорического художественного образа играют компоненты названия улицы *Садовое кольцо*. Данная составная артема является единицей, увеличившей свой семантический потенциал благодаря тому, что стертая языковая метафора *Садовое кольцо* в контексте художественного образа мира рассказа «Факир» как бы реанимирует заключенный в ней семантический механизм переноса значения. Второй элемент составной артемы по структуре представляет собой стертую метафору (*кольцо – 'предмет в форме обода'*), в то время как первый элемент составной артемы актуализирует свою внутреннюю форму – *сад* – имеющую в культуре устойчивые ассоциации с раем (отовсюду отгороженным, окруженным пространством). Таким образом, в названии улицы семантика круга, кольца своеобразно удваивается под взаимным влиянием языковых структур и культурных кодов.

Актуализация изначальной семантики компонентов названия улицы *Садовое кольцо* работает на мифопоэтическую кольцевую пространственную модель, выявленную в тексте данного рассказа М.Н. Липовецким: башня Филина – Садовое кольцо – окружная дорога [30. С. 469], тем самым обеспечивая семантическую плотность текста и его внутреннюю смысловую связность (в том числе и через соотнесение с мифопоэтическим культурным кодом).

Таким образом, с точки зрения языковых семантических процессов, в артеме *Садовое кольцо* фиксируется действие речевого художественного приема метонимического переноса, но под взаимным влиянием речевой, литературно-образной и концептуальной структур в тексте рассказа «Факир» запускается механизм актуализации внутренней формы данной артемы, в результате чего происходит конвергенция метонимических и метафорических процессов, протекающих на разных уровнях текстовой структуры и взаимно усиливающих действие друг друга.

Процесс взаимодействия конвергентной артемы «метонимия + полисемант» с литературно-образной и концептуальной структурами текста рассмотрим на примере, взятом из рассказа Т. Толстой «Круг» (1987).

Сюжет этого рассказа построен на том, что центральный персонаж, шестидесятилетний Василий Михайлович, страдает от безрадостной жизни с нелюбимой женой и от мысли о неумолимо приближающемся конце своего существования, о том, что *«все предрешено и в сторону не свернуть»* [25. С. 139]. В попытках вырваться из замкнутого круга бытия («сойти с рельсов, провертеть дырочку в небосклоне, уйти в нарисованную дверь» [Там же. С. 140]) Василий Михайлович знакомится с необычной (*«как диковинная серебряная птица, изготовленная природой в единственном экземпляре»* [Там же. С. 143]) женщиной в надежде, что *«она и будет той, кто выведет его из тесного пенала, именуемого мирозданием»* [Там же. С. 141]. Это знакомство не остается незамеченным для супруги Василия Михайловича:

*«Евгения Ивановна почуяла Изольдину **тень**, и рыла ямы, и натягивала колючую проволоку, и выковала цепь, чтобы Василий Михайлович не мог уйти»* [Там же. С. 143].

В данном фрагменте метафорически сообщается о том, что супруга Василия Михайловича почувствовала присутствие в их с мужем личной жизни некой «третьей лишней» женщины – Изольды.

Описание поведения Евгении Ивановны метафорически моделируется как ситуация охоты – войны – пленения. Этому способствует ряд однородных предикатов, выраженных метафорами (*почуяла, рыла, натягивала, выковала*). По мере смены глагольных метафор, ситуация трансформируется: почуяла (как охотничья собака) – рыла (как собака / как солдат, роющий окоп) – натягивала колючую проволоку (как солдат) – выковала цепь (не как кузнец, но как обобщенный образ человека или сообщества, намеревающего пленить другое существо – человека или животное).

Лексема ***почуяла*** оказывается под действием речевого художественного приема лексико-семантического синкретизма: метафорический план разворачивается на основе прямого значения слова ***чуять*** (*'распознавать чутьем (о животных)'*), осложняя переносное значение данной лексемы *('интуитивно чувствовать, предчувствовать, предполагать'*; фонетическое подобие слов чуять и чувствовать позволяют в данном случае усматривать речевой художественный прием паронимической аттракции). Причем по мере развертывания метафорической цепочки становится все сложнее подбирать стилистически нейтральные эквиваленты к употребляемым метафорам. Так, невозможно ответить на вопрос: какое конкретное действие в тексте имеется в виду под словосочетанием *выковала цепь*? Особенно с учетом дальнейшего контекста, в котором *«Василий Михайлович **перегрыз цепь** и убежал от Евгении Ивановны…»* [Там же. С. 143]. Здесь можно представить только что-то в высшей степени абстрактное.

(Надо сказать, что двумя страницами ранее в рассказе описывается предыдущая попытка Василия Михайловича через связь с другой женщиной вырваться «*из системы координат*». Во время предыдущей попытки *«Евгения Ивановна что-то чувствовала, искала следы, рылась в карманах, разворачивала бумажки…»* [Там же. С. 140]. Данный фрагмент, в котором все слова употреблены в прямом значении, а все действия конкретизированы, становится своеобразным менее напряженным прототипом ситуации, в последующем фрагменте представленной метафорически.)

Артема ***тень*** в анализируемом фрагменте является **метонимией**, замещая лексему «присутствие» (ср.: в узуальном выражении «почуяла запах» запах является признаком присутствия зверя).

Однако из предыдущего контекста читателю известно, что Изольда – робкая девушка *с голубым от холода лицом*, *с прозрачными виноградными глазами*, *«продрогшая до сердцевины, до ледяного хруста тонких косточек»* [25. С. 142], которую Василий Михайлович впервые встретил на рынке, среди *приземи-*

стых, плотных женщин, ***тени*** которых, *«плотные от мороза, бродят толпой вдоль голубого штакетника»* [Там же. С. 142]. Таким образом, в тексте при помощи художественного приема антитезы (еле ощутимой Изольды и плотных теней рыночных женщин) метафорически моделируется образ Изольды – тонкой от мороза *тени – среди других – плотных от мороза теней*. С учетом данного контекста ***Изольдина тень*** должна прочитываться как **метафорическое** обозначение самой Изольды, которая своим обликом и поведением похожа на *голубую, прозрачную, тонкую, хрупкую* тень как на *'слабый след или слабое подобие чего-л., намек на что-л.'*.

В финале рассказа, когда Василий Михайлович случайно видит давно им покинутую Изольду на рынке у пивного ларка *(«Впрочем, это не могла быть Изольда: ведь ее давно уже не было»* [Там же. С. 149]), *«страшную, с треснувшим пьяным черепом, с красной морщинистой мордой»* [Там же. С. 148], в артеме ***тень*** реализуется значение *'дух умершего или отсутствующего человека, являющийся, по суеверным представлениям, кому-л.; призрак, привидение'*. При этом лексема ***тень*** в данном локальном контексте не употребляется, но благодаря предыдущему ее употреблению и «давлению» глобального контекста рассказа она оказывается включенной в речевую структуру художественного образа Изольды, тем самым художественно мотивируя преображение героини.

Следовательно, артема ***тень*** в тексте рассказа Т. Толстой «Круг» имеет сложную формально-семантическую структуру: в узком контексте (фразы) она является метонимией, а в широком контексте (всего рассказа), включаясь в связи с другими артемами как элементами речевой структуры литературно-художественных образов, реализует несколько значений и, следовательно, выступает как полисемант. Кроме того, она выступает основой метафорического образа героини.

Таким образом, в текстах рассказов Т. Толстой моделируются артемы с усложненной внутренней формально-семантической структурой. Помимо языковых механизмов метафорического и метонимического переноса, с целью увеличения семантической емкости единицы речевой художественной формы, Т. Толстая активно использует такие ресурсы языка, как языковая полисемия и омонимия. При этом за счет конвергентного сближения артем происходит их структурное и семантическое взаимодействие:

1) единицы, в обычной ситуации призванные выполнять роль фоновых элементов речевой художественной формы (так как они по природе являются стертыми общеязыковыми метафорами и метонимиями), становятся способными порождать дополнительные художественные смыслы и обретают статус артем;

2) многие артемы оказываются под влиянием не только «локального» контекста фразы, но и «глобального» контекста всего текста рассказа, в силу чего между разными структурными уровнями текста – речевым, литературно-образным и концептуальным – устанавливается теснейшее взаимодействие и взаимовлияние, в процессе которого артемы не только «отдают», «вливают» дополнительные художественные смыслы в семантику единиц высших уровней (литературно-художественных образов и художественных концептов), не только порождают новые смыслы, включаясь в речевые структуры литературно-художественных образов, но и оказываются способны в процессе активного внутри- и межуровневого взаимодействия вырабатывать внутри себя дополнительные формально-семантические механизмы: актуализация стертого лексического значения слова, актуализация нескольких лексических значений слова, выработка нового, не словарного, художественного значения.

Исследование показало, каким образом в текстах, обладающих сложной (насыщенной артемами) речевой художестевнной формой, взаимодействие разных речевых художественных приемов способно «затемнять» структуры отдельных артем и осложнять процесс их идентификации и интерпретации, и подтвердило, что проблема идентификации речевых художественных приемов может быть с успехом решена методами лингвопоэтики – специальной научной дисциплины, изучающей особенности речевой организации художественного текста – речевую художественную форму.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Для точного определения значения слова ***пыхают*** в данном контексте пришлось обратиться к БАС [22. Т. 11. ст. 1803], так как МАС для этой формы глагола дает только значение *'выпускать с шумом струи воздуха, пара, газа'*.

[2] Указанные значения слова «клеймо» даны как оттенки значения в МАС [21] и БАС [22]; как два лексико-семантических варианта в словаре под ред. Д.Н. Ушакова [23]. Согласно М. Фасмеру, в древнерусском языке слово ***клеймо*** означало 'узор на дне сосуда', 'штемпель, печать на слитке серебра' (со ссылкой на Тернквиста); однокоренное со ср.-ниж.-нем. словом «мазать, смазывать» [24. С. 246].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабенко Н.Г.* Лингвопоэтика русской литературы эпохи постмодерна. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2007. 410 с.
2. *Бабенко Н.Г.* Язык и поэтика русской прозы в эпоху постмодерна. 2-е изд., перераб. и доп. М. : URSS : Либроком, 2010. 303 с.
3. *Борисова Е.Б.* Художественный образ в британской литературе XX века: типология – лингвопоэтика – перевод. Самара : ПГСГА, 2010. 356 с.
4. *Климовская Г.И.* Тонкий мир смыслов художественного (прозаического) текста. Методологический и теоретический очерк лингвопоэтики. Томск : НТЛ, 2009. 168 с.
5. *Панова Л.Г.* «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М. : Языки славянской культуры, 2003. 808 с. URL: http://www.ruslang.ru/agens.php?id=text_panova
6. *Фатеева Н.* Синтез целого: На пути к новой поэтике. М. : Новое лит. обозрение, 2010. 352 с.
7. *Аверинцев С.С.* Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // От слова к смыслу: Проблема тропогенеза / С.С. Аверинцев, И. Г. Франк-Каменецкий, О.М. Фрейденберг. М. : Эдиториал УРСС, 2001. С. 81–121.

8. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М. : Гослитиздат, 1959. 654 с.
9. *Эйхенбаум Б.М.* Теория «формального метода» // О литературе. М. : Сов. писатель, 1987. С. 375–408.
10. *Мукаржовский Я.* Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок / под ред. Н.А. Кондрашева. М., 1967. С. 406–431.
11. *Кожевникова Н.А.* Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Т. 35, № 1. С. 55–66.
12. *Гощило Е.* Взрывоопасный мир Татьяны Толстой / пер. с англ. Д. Ганцевой ; А. Ильенкова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. 202 с.
13. *Фролова Т.Г.* Понятие метафорического стиля в современной прозе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2011. № 2. С. 69–78.
14. *Генис А.* Рисунки на полях. Татьяна Толстая // Иван Петрович умер. Статьи и расследования. М. : Новое лит. обозрение, 1999. С. 66–71.
15. *Грекова И.* Расточительность таланта // Новый мир. 1988. № 1. С. 252–256.
16. *Очерки* языка русской поэзии XX века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке. М. : Наука, 1994. 271 с.
17. *Риффатер М.* Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1980. Вып. 9. Лингвостилистика. С. 69–97.
18. *Арнольд И.В.* Стилистика. Современный английский язык : учеб. для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М. : Флинта : Наука, 2002. 384.
19. *Лопаткина С.В.* К проблеме разграничения понятий конвергенции и контаминации тропов // Речевое общение: специализированный вестник. Вып. 5–6 (13–14) / под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск, 2004. С. 36–41.
20. *Соловейчик-Зильберштейн И.А.* Стилистическая конвергенция в ранней прозе Бориса Пастернака : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 22 с.
21. *Словарь* современного русского языка : в 4 т. / Л.П. Алекторова, С.Л. Баженова, З.Т. Короткевич и др. ; Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. ; Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999.
22. *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948–1965.
23. *Толковый* словарь русского языка : в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Репринтное издание : М. : Рус. словари, 1994.
24. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 4-е изд., стер. М. : Астрель [и др.], 2004.
25. *Толстая Т.* Не кысь. М. : Эксмо, 2007. 608 с.
26. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры : сб. / пер. с анг., фр., нем., исп., польск. яз. ; вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой ; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. М. : Прогресс, 1990. С. 5–32.
27. *Тюпа В.И.* Объектная организация текста // Поэтика : Словарь актуальных терминов и понятий. / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М. : Изд-во Кулагиной : Интрада, 2008. С. 151.
28. *Миллер Д.* Образы и модели, уподобление и метафора // Теория метафоры. : сб. / пер. с анг., фр., нем., исп., польск. яз. ; ступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. М. : Прогресс, 1990. С. 236–283.
29. *Левин Ю.И.* О «Машеньке» // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М. : Языки русской культуры, 1998. С. 279–287.
30. *Липовецкий М.Н.* Татьяна Толстая // Современная русская литература: 1950–1990-е годы : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений : в 2 т. / Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий. М. : Академия, 2003. Т. 2 : 1968–1990. С. 467–478.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 09 ноября 2014 г.

CONVERGENCE OF SPEECH ART DEVICES IN THE SMALL PROSE BY T. TOLSTAYA

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 26-34. DOI 10.17223/15617793/390/5

Novikova Eleonora G. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: linx@rambler.ru

Keywords: Tatyana Tolstaya; linguopoetics; cognitive poetics; foregrounding; neo-Baroque; neo-syncretism; artheme; ambiguous word; metaphor; metonymy.

This research has been carried out within the context of linguopoetics. The results of linguopoetics research of small prose of T. Tolstaya are presented in the article. These stories were written at the end of the 20th century. T. Tolstaya is known as a representative of neo-Baroque, one of the branches of Russian postmodernism. The small prose of T. Tolstaya is characterized by a very complex and expressive speech art form. The complexity of the speech art form is shown by the active use of artistic foregrounding elements (words and word combinations). Artistic foregrounding (J. Mukarovsky's term) is a deviation (artistically motivated deviation) from the linguistic or communicative norm that increases the difficulty and length of perception because the process of perception is an aesthetic goal in itself and has to be prolonged. High concentration of artistic foregrounding elements – arthemes (G.I. Klimovskaya's term) – creates interaction of speech art devices, i.e. their convergence (M. Riffater's term). The paper presents an analysis of the convergence of metaphorical and metonymical transfer and semantic syncretism. The speech artistic device of semantic syncretism is simultaneous updating of several lexical meanings of a polysemantic word in the literary text. As a result of the convergence of the above-mentioned speech artistic devices, within a single phrase a new level of arthemes is formed: convergent arthemes. The main method of the analysis of linguopoetics of speech art form units in the research is the application of the "stylistic experiment of L.V. Shcherba, A.M. Peshkovsky and L.C. Vygotsky", the procedural kernel of which consists of two separate methodological stages: 1) comparison of semantic volumes of an artheme and its stylistically neutral equivalent, a separate word which does not have stylistic marks in dictionaries or a free (non-phraseological) word combination; 2) linguopoetic interpretation of dissimilarity in the semantic volumes of these units taking into account the local context of the phrase and the global context of the book. The method proves to be highly effective in analyzing texts with a complicated speech art form because of high density of arthemes, in solving one of the tasks of linguopoetics – identification of art devices used by author. In this article, the convergence of artistic devices is examined by the linguopoetic analysis of separate fragments from T. Tolstaya's stories "On the Golden Porch" ("Na zolotom kryl'tse sideli…", 1983), "Most Beloved" ("Samaya lubimaya", 1986), "The Moon came out of the Fog" ("Vyshel mesyats is tumana", 1987), "Sweet Shura" ("Milaya Shura", 1985), "Loves Me, Loves Me Not" ("Lubish – ne lubish", 1984), "Sonya" (1984), "Fakir" (1986), "Circle" ("Krug", 1987).

REFERENCES

1. Babenko N.G. *Lingvopoetika russkoy literatury epokhi postmoderna* [Linguopoetics of Russian literature of the postmodern age]. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 2007. 410 p.

2. Babenko N.G. *Yazyk i poetika russkoy prozy v epokhu postmoderna* [Language and poetics of the Russian prose in the postmodern era]. 2nd edition. Moscow: URSS: Librokom Publ., 2010. 303 p.
3. Borisova E.B. *Khudozhestvennyy obraz v britanskoy literature XX veka: tipologiya – lingvopoetika – perevod* [Artistic image in the British literature of the 20th century: typology – linguopoetics – translation]. Samara: PGSGA Publ., 2010. 356 p.
4. Klimovskaya G.I. *Tonkiy mir smyslov khudozhestvennogo (prozaicheskogo) teksta. Metodologicheskiy i teoreticheskiy ocherk lingvopoetiki* [Subtle world of meaning of the art (prose) text. Methodological and theoretical essay on linguopoetics]. Tomsk: NTL Publ., 2009. 168 p.
5. Panova L.G. *"Mir", "prostranstvo", "vremya" v poezii Osipa Mandel'shtama* ["Peace", "space", "time" in the poetry of Osip Mandelstam]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003. 808 p. Available from: http://www.ruslang.ru/agens.php?id=text_panova.
6. Fateeva N. *Sintez tselogo: Na puti k novoy poetike* [Synthesis of the whole. Towards a new poetics]. Moscow: Novoe literaturnoye obozrenie Publ., 2010. 352 p.
7. Averintsev S.S. *Klassicheskaya grecheskaya filosofiya kak yavlenie istoriko-literaturnogo ryada* [Classical Greek philosophy as a phenomenon of history and literature]. In: Averintsev S.S., Frank-Kamenetskiy I.G., Freydenberg O.M. (eds.) *Ot slova k smyslu: Problema tropogeneza* [From word to meaning: problem of trope genesis]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2001, pp. 81–121.
8. Vinogradov V.V. *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [On the language of literature]. Moscow: Goslitizdat Publ., 1959. 654 p.
9. Eykhenbaum B. *O literature* [On Literature]. Moscow: Sovetskiy Pisatel' Publ., 1987, pp. 375–408.
10. Mukarzhovskiy Ya. *Literaturnyy yazyk i poeticheskiy yazyk* [Literary language and poetic language]. In: Kondrashev N.A. *Prazhskiy lingvisticheskiy kruzhok* [Prague linguistic circle]. Moscow: Progress Publ., 1967, pp. 406–431.
11. Kozhevnikova N.A. Iz nablyudeniy nad neklassicheskoy ("ornamental'noy") prozoy [From the observation of non-classical ("ornamental") prose]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. lit. i yaz.*, 1976, vol. 35, no. 1, pp. 55–66.
12. Goscilo E. *Vzryvoopasnyy mir Tat'yany Tolstoy* [The *Explosive World* of *Tatyana* N. Tolstaya's Fiction]. Translated from English by D. Gantseva; A. Il'enkov. Ekaterinburg: Ural University Publ., 2000. 202 p.
13. Frolova T.G. The Concept of Metaphorical Style in Contemporary Prose. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, 2011, no. 2, pp. 69–78. (In Russian).
14. Genis A. *Ivan Petrovich umer. Stat'i i rassledovaniya* [Ivan Petrovich died. Articles and investigations]. Moscow: Novoe literaturnoye obozrenie Publ., 1999, pp. 66–71.
15. Grekova I. Rastochitel'nost' talanta [Extravagance of talent]. *Novyy mir*, 1988, no. 1, pp. 252–256.
16. Grigor'yev V.P. (ed.) *Ocherki yazyka russkoy poezii XX veka: Tropy v individual'nom stile i poeticheskom yazyke* [Essays on the language of the Russian poetry of the twentieth century: tropes in the individual style and in the poetic language]. Moscow: Nauka Publ., 1994. 271 p.
17. Riffater M. Kriterii stilisticheskogo analiza [Criteria of stylistic analysis]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*, 1980, issue 9, pp. 69–97.
18. Arnol'd I.V. *Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk* [Stylistics. Modern English]. 4th edition. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2002. 384 p.
19. Lopatkina S.V. K probleme razgranicheniya ponyatiy konvergentsii i kontaminatsii tropov [On the problem of distinguishing the concepts of convergence and contamination of tropes]. *Rechevoe obshchenie*, 2004, issue 5–6 (13–14), pp. 36–41.
20. Soloveychik-Zil'bershteyn I.A. *Stilisticheskaya konvergentsiya v ranney proze Borisa Pasternaka:* avtoref. dis. kand. filol. nauk [Stylistic convergence in the early prose of Boris Pasternak. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1995. 22 p.
21. Alektorova L.P., Bazhenova S.L., Korotkevich Z.T. et al. *Slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of Modern Russian language: in 4 volumes]. 4th edition. Moscow: Russkiy yazyk: Poligrafresursy Publ., 1999.
22. Chernyshev V.I. (ed.) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t.* [Dictionary of modern Russian literary language: In 17 vols.]. Moscow; Leningrad: USSR AS Publ., 1948–1965.
23. Ushakov D.N. (ed.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Moscow: Russkiye slovari Publ., 1994.
24. Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Translated from German by O.N. Trubachev. 4th edition. Moscow: Astrel' [et al.] Publ., 2004.
25. Tolstaya T. *Ne kys'* [Not Slynx]. Moscow: Eksmo Publ., 2007. 608 p.
26. Arutyunova N.D. *Metafora i diskurs* [Metaphor and discourse]. In: Arutyunova N.D., Zhurinskaya M.A. (eds.) *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 5–32.
27. Tyupa V.I. *Ob"ektnaya organizatsiya teksta* [Objective organization of the text]. In: Tamarchenko N.D. (ed.) *Poetika: Slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: Dictionary of relevant terms and concepts]. Moscow: Izd-vo Kulaginoy: Intrada Publ., 2008, p. 151.
28. Miller D. *Obrazy i modeli, upodoblenie i metafora* [Images and models, likening and metaphor]. In: Arutyunova N.D., Zhurinskaya M.A. (eds.) *Teoriya metafory* [Theory of metaphor]. Moscow: Progress Publ., 1990, pp. 236–283.
29. Levin Yu.I. *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected Works. Poetics. Semiotics]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1998, pp. 279–287.
30. Lipovetskiy M.N. *Tat'yana Tolstaya* [Tatyana Tolstaya]. In: Leyderman N.L., Lipovetskiy M.N. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gody: V 2 t.* [Modern Russian Literature: 1950-1990s. In 2 vols.]. Moscow: Akademiya Publ., 2003. Vol. 2, pp. 467–478.

Received: 09 November 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 35–38. DOI 10.17223/15617793/390/6

УДК 811.161.1

Е.В. Откидыч

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СКРЕПЫ «МЕЖДУ ПРОЧИМ» В ДИАЛОГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Рассматриваются особенности функционирования скрепы «между прочим» в диалогическом (художественном и естественном) тексте. Выделяются и подробно изучаются четыре контекстуально обусловленных варианта употребления данной скрепы. Анализируются особенности ее семантики и функционирования в зависимости от прагматической установки говорящего, а также закономерности лексического и синтаксического наполнения структур комментирующих высказываний.

Ключевые слова: синтаксис; текст; диалог; монолог; текстовая скрепа.

Скрепа *между прочим* входит в группу скреп, присоединяющих так называемый факультативный комментарий [1. С. 55]. В эту же группу входят такие слова, как *кстати, к слову*, *впрочем* и т.п.

В ходе исследования, посвященного особенностям функционирования этой скрепы в тексте, мы заметили, что *между прочим* в монологическом и диалогическом тексте функционирует совершенно поразному. Это закономерно, так как диалог в корне отличается от монолога по многим параметрам, о которых речь пойдет ниже.

Оговоримся вначале, что в нашей работе мы не делаем различий между художественным и естественным диалогом, хотя и признаем, что «они обслуживают принципиально различные сферы речевой деятельности. Естественный речевой диалог <…> ориентирован на преобразование действительности в ходе осуществления речевого поведения коммуникантов. Художественный диалог направлен на вербализацию некоторого неразрешимого ценностного конфликта, значимого для данного языкового коллектива» [2. С. 3]. Для данной работы это различие нерелевантно, так как в фокусе нашего исследования находится, прежде всего, сама структура высказывания и его контекстов, и нам достаточно знать, что конкретное употребление исследуемой скрепы действительно было сделано носителем литературного языка и было закреплено письменно.

Основной особенностью диалогического текста является его ярко выраженная коммуникативная направленность: реплики, образующие его структуру, всегда направлены на адресата. Причем адресованность диалога имеет прагматическую основу: она «связана с ожиданием немедленной реакции» [3. С. 43] (в отличие от адресованности монолога, которая связана «с ожиданием понимания или эстетического эффекта» [Там же]. Т.Н. Колокольцева отмечает, что помимо прагматической целеустановки диалоговые формы характеризуются высоким экспрессивным потенциалом [4. С. 14], а также структурной неполнотой, сжатостью [Там же. С. 31].

Хотя многие исследователи пишут о «композиционной простоте» диалога [5. С. 36; 6. С 202, 203], мы считаем необходимым отметить, что синтаксическая «канва» диалога все же осложнена экстралингвистическим фактором, который является ключевым (конституирующим, неотъемлемым) для существования диалога в принципе: это наличие как минимум двух коммуникантов (интерперсональной направленности [7. С. 9]); «Самой природой слова обусловлено соединение двух сознаний – творящего и воспринимающего [Там же. С. 7]), т.е. текст конструируется одновременно несколькими сознаниями.

Итак, диалог и монолог обладают совершенно различными синтаксическими механизмами текстообразования и построения, прагматикой, а также набором обусловливающих их существование экстралингвистических факторов. Следовательно, функционирование элементов, отвечающих за построение и связность текста (коими, в частности, являются скрепы), необходимо рассматривать также отдельно в монологическом и диалогическом тексте.

Стоит заметить, что тема функционирования текстовых скреп в диалоге принадлежит к числу новых и не вполне изученных. С одной стороны, в современном корпусе научных исследований относительно широко представлены работы, посвященные особенностям диалогического текста как особого коммуникативного построения (уже упомянутые нами Л.П. Якубинский, М.Н. Кожина, Т.Н. Колокольцева), а также работы, затрагивающие конструктивные и коммуникативные аспекты функционирования некоторых элементов диалогического текста: частиц (И.М. Кобозева, А.М. Баранов, А.А. Романов, Е.А. Стародумова), дискурсивных слов [8]. Последние нуждаются в отдельном комментарии: дискурсивные слова представляют собой достаточно разнородную совокупность единиц, служащих для организации дискурса (в их состав также включаются некоторые скрепы, например, *кстати*, *впрочем* и т.д.). Для их описания предлагается контекстно-семантический подход, опирающийся на возможности контекста усиливать или ослаблять те или иные компоненты семантики слова. Одним из ключевых понятий в рамках данного подхода является понятие варьирования. Условия и особенности взаимодействия слова с контекстом отражаются в его сценарии-схеме. В ней фиксируются «законы» и закономерности того, как то или иное слово существует в том или ином контексте, и того, каким образом слово и контекст влияют друг на друга. Однако, как можно увидеть, диалог в данном случае рассматривается только как дискурсивное, коммуникативное образование, а не как структура.

С другой стороны, существуют работы, рассматривающие текстовые скрепы как особый класс слов, служащих для реализации категории связности в тек-

сте (А.Ф. Прияткина, Е.А. Стародумова, М.И. Черемисина, М.В. Ляпон, О.И. Филимонов и др.), а также работы, описывающие функционирование конкретных скреп в тексте (в основном монологическом). Данная статья посвящена именно уже упомянутому «пограничному» аспекту: функционированию скрепы *между прочим* в диалогическом тексте.

Материалом для исследования послужили тексты современных газет и журналов различной тематической направленности, современная художественная литература, а также Национальный корпус русского языка. Всего было проанализировано более 300 примеров словоупотребления.

Мы выделили четыре группы употреблений скрепы *между прочим* в диалогах:

1) присоединение «неважной» информации;

2) присоединение «важной» информации;

3) сигнальная функция;

4) назидательный комментарий.

1. Присоединение «неважной» информации («неожиданного» высказывания, слабо связанного с предтекстом).

Между прочим в диалогическом тексте может присоединять высказывания, имеющие оттенок «неожиданности». При этом само комментирующее высказывание по смыслу слабо связано с предтекстом: оно вводит информацию, либо опирающуюся на факты, описанные в «дальнем» левом контексте, либо лишь условно, ассоциативно связанную с предтекстом. Комментарий вводится как будто просто для поддержания разговора и мыслится говорящим как сообщение субъективно неважной информации. Обратимся к примеру 1.

1) *Вдруг Борис заметил:*

*– **Между прочим**, знаешь ли ты, что еще совсем недавно, в XVIII веке, жители Корнуолла промышляли таким вот способом: в особо сильный шторм выносили на берег большие фонари и расставляли рядами там, где громоздились самые страшные скалы. <…>*

– И разбивались на скалах?! – воскликнула я.

– Само собой. А когда шторм стихал, на берег выносило много полезных предметов. Вообще, в образе окна, – продолжал он задумчиво, – есть что-то трагическое [Дина Рубина. Окна (2011)].

В данном примере, на первый взгляд, комментарий сделан просто для расширения смыслового поля текста, для поддержания разговора героев, однако, если прочитать продолжение диалога, можно увидеть, что он связан с концептом всего произведения в целом с помощью тонкой ассоциативной связи: *Заголовок «Окна» – описание переезда в новую мастерскую, рассуждения об окнах – описание переезда – **между прочим**, жители промышляли – моряки принимали свет фонарей за свет окон – есть в окнах что-то трагическое*. Как ни парадоксально, но в данном случае факультативный комментарий, который обычно является «отклонением» от главной темы в сторону, наоборот, выступает в качестве способа вернуть авторское рассуждение к основному концепту.

Или пример 2:

2) *– Да… – сказал я после молчания. – **Между прочим**, знаете что, Валя? Я видел вашего кавалера.*

– Какого это кавалера?

– Ну, этого маленького. Который ночью приходил с конфетами [Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970) // НКРЯ].

Факультативный комментарий с *между прочим* вводится для возобновления достаточно натянутого диалога между героями, при этом комментарий опирается на информацию, упоминавшуюся в тексте достаточно «далеко» в левом контексте.

В целом скрепа *между прочим*, употребленная в подобных контекстах, по смыслу сближается со скрепой *кстати*, однако полнозначная функционально-семантическая замена в подобных случаях все же невозможна: *между прочим* придаёт попутному комментарию оценку, больший «вес» с субъективной точки зрения автора, нежели *кстати.*

2. Сообщение «важной» информации.

Собранный нами материал позволил выделить еще одну группу употреблений скрепы *между прочим* в диалоге. Исследуемая скрепа способна присоединять комментарий, содержащий важную (с точки зрения говорящего) информацию. При этом субъективная важность информации подчёркивается следующими средствами: именем или названием авторитетного лица или организации, указанием на особый статус, принадлежность к особому классу, экспрессивно окрашенным словом и т.п. Рассмотрим пример 3.

3) *Над Атлантикой Супер предложил партию в шахматы. Фигуры крепились к доске магнитиками, и, держа коня за голову, можно было приподнять все поле битвы. Супер корректно предупредил:*

*– **Между прочим**, я чемпион континента по магнитным шахматам. А ты?*

– А я – по бесконтактному дзюдо. Он прозевывал фигуры одну за другой, но я старался брать не каждую. [Игорь Сахновский. Ревнивый бог случайностей // Октябрь. 2003].

Опорное слово *шахматы* находится в ближайшем к комментарию левом контексте, а рема комментария (чемпион) развивается сразу же, в следующей реплике. «Длина» правых и левых связей комментария с текстом (по сравнению с описанным выше типом употребления) оказывается небольшой: комментарий не отсылает читателя далеко влево, в дальний предтекст. В качестве информации, придающей особый вес комментарию, используется словосочетание *чемпион континента. Чемпион* – особый статус, выделяющий одного человека как лучшего из ряда подобных; *континент* – сверхбольшая территория (по сравнению с городом или областью, например) => *Чемпион континента* – это один из 6 лучших в мире.

4) *– Я первая сказала!*

– Нет, я! Очередь снова загудела.

*– **Между прочим**, обязан предупредить вас, – сказал паренёк, – я ещё не мастер, а только стажер и вполне могу вас изуродовать. Женщины примолкли.*

– Нет уж, мы лучше здесь, чин чинарем, – вздохнула пожилая [И. Грекова. Дамский мастер (1963)].

В данном случае комментарий опирается не на конкретные слова из предтекста, а на всю речевую ситуацию в целом. Целесообразность информации,

данной в комментарии, определяется автором и контекстом в целом. Комментарий (так же, как и в первом примере) имеет «короткие» правую и левую связи. Дополнительный «вес» комментарию придают экспрессивная окрашенность слова *изуродовать*, а также лексическое значение слова *предупредить*.

Аналогичным образом происходит присоединение информации в следующих двух примерах.

5) *– А ты и правда-то не похож на жулика. Нормальный мужик… даже вроде наш, деревенский. Ну, свиновод, пошли, что ли?*

*– **Между прочим**, – не без фанаберии заговорил Егор, – к вашему сведению: я шофёр второго класса.*

– И права есть? – с недоверием спросила Люба.

– Права в Магадане. Я правду говорю. [Василий Шукшин. Калина красная (1973)].

6) *– Э! – лицо Керима становится мечтательным и еще более смуглым. – Про это в Коране ничего не сказано!*

*– **Между прочим**, я прочел Коран, – замечаю я. – Помню, там есть такие строки: «Нет ни одного из нас без места, предназначенного ему». Сура тридцать седьмая, стих сто шестьдесят четвертый* [Андрей Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)].

3. Сигнальная (начинательная) функция.

Часто сопровождается словами и выражениями типа *вспомнил, забыл сказать, пока не забыл, хлопнул себя по лбу, начал* или чем-то подобным. Основная функция скрепы – не столько присоединение информации, сколько привлечение внимания к ней.

7) *Разговор поначалу протекал вяло, все как бы поглядывали на Даппертата: что, мол, скажет? Арт уловил это настроение и без всякого смущения – к чести его надо сказать, он никогда не тушевался в присутствии сильных мира сего – слегка хлопнул себя по лбу натруженной в гольфе ладонью.*

*– **Между прочим**, друзья, – при этом обращении Марджори Корбах и Норман Бламсдейл почти неуловимо, но все-таки уловимо переглянулись, – у меня есть для вас в запасе одна забавная маленькая история. Представьте, пару месяцев назад я узнал от одного странного посетителя, что моя фамилия имеет некоторое отношение к комедии дель арте, а именно к персонажу, созданному Гофманом, к Доктору Даппертутто* [Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)].

Высказывание, присоединённое скрепой *между прочим*, слабо связано с предтекстом и по сути комментарием не является: в текст вводится новая информация, а скрепа служит её сигналом.

8) *– А **между прочим**, – заговорил Данила и метко цокнул молотком по зубилу, оставившему на окружности ролика глубокий рубец: – а между прочим, на заводе давно был гудок шабашить, люди там уже свободны и, чистенько одевшись, гуляют по городу…* [Н. Никандров. Проклятые зажигалки (1920–1929) // НКРЯ].

4. Назидательный, поучающий комментарий.

Последней группой употреблений скрепы *между прочим* в диалогах мы выделяем комментарий с оттенком назидательности, поучительности или даже упрека. Например:

9) *– Приятно слышать, – ответила мама. – Но было бы ещё приятнее, если бы ты не пачкала так свои вещи. Стирать-то мне приходится. **Между прочим**, кто уважает других людей, тот ценит их труд. Потом Дарья заглянула к папе. Папа рисовал картинку – иллюстрацию к книге.*

– Пап, а я тебя уважаю, – сказала Дарья. [Наталия Ермильченко. Колыбельная // Мурзилка. 2000 // НКРЯ].

Обычно комментарий подобного типа содержит высказывание обобщающего характера, а связь комментария и предтекста строится на основе сочетания родового и конкретного понятий. В предтексте содержится информация, на основе которой говорящий делает некое поучающее обобщение в комментарии. См. пример выше: *Стирать-то мне приходится. **Между прочим**, кто уважает других людей, тот ценит их труд.*

Стирать – название конкретного вида деятельности, *труд* – общее название любой деятельности.

Похожий случай видим в примере 10.

*«Нет ничего такого, что бы запало в душу, запомнилось. Почему-то все молодые режиссёры делают ставку на техничность, совершенно забывая о художественной стороне. А кино, **между прочим**, это искусство», – считает студентка ВГИКа Ольга* [Престиж золотой середины (2002) // Культура. 2002.04.08 // НКРЯ].

Здесь также видим «гипо-гиперонимическое обобщение» (кино – вид искусства), которое, как и в предыдущем случае, привносит назидательность, поучительность: неодобрение молодых режиссёров – **между прочим** – кино – искусство [= ему надо уделять достаточно внимания].

11) *– Если бы пытался – стал бы. Ты просто не захотел. И сделал свой выбор. – **Между прочим**, это и твоя вина, что я им* (Фазаном – членом особой привилегированной группы. *– Е.О.*) *не стал! – запальчиво восклицает Курильщик. – Это ты испортил мне репутацию.* [Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)].

В этом контексте выражен явный упрёк, обвинение (*это твоя вина*). Обратим внимание, что особый вес высказыванию придаёт именно скрепа *между прочим*. Попробуем заменить её на «ближайшего родственника» – скрепу *кстати*, и эмоциональность упрёка потеряется.

Таким образом, скрепа *между прочим* может выполнять четыре специфических функции в диалогическом тексте: присоединение субъективно важной / неважной информации, сигнал новой темы и присоединение поучительного, назидательного комментария. В первом случае комментарий чаще всего соотносится с «забытой» информацией из дальнего левого контекста; во втором – с информацией из ближайшего левого контекста, и при этом опирается на дополнительные лексические средства; в третьем как такового комментирования не происходит, высказывание необходимо для привлечения внимания слушающих / читающих; в четвертом комментарий чаще всего строится на основе обобщения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ляпон М.В.* Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М. : Наука, 1986. 200 с.
2. *Медведкина К.А.* Прагматические особенности диалога в художественном тексте : автореф. дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2008. 28 с.
3. *Стародумова Е.А.* Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 292 с.
4. *Колокольцева Т.Н.* Специфические коммуникативные единицы диалогической речи. Волгоград : Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2001. 260 с.
5. *Якубинский Л.П.* О диалогической речи. Язык и его функционирование: избранные работы. М. : Наука, 1986. С. 17–59.
6. *Кожина М.Н.* Диалогичность письменной научной речи как проявления социальной сущности языка // Методика и лингвистика. М. : Наука, 1981. С. 20–45.
7. *Вольвак Н.П.* Фактор адресата в публичном аргументирующем дискурсе : автореф. дис. … канд. филол. наук. Владивосток, 2002. 26 с.
8. *Дискурсивные* слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / К.Л. Киселева, Д. Пайар. М. : Азбуковник, 2003. 207 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 03 октября 2014 г.

THE PECULIARITIES OF THE FUNCTIONING OF THE TEXT CONNECTOR "MEZHDU PROCHIM" IN THE DIALOGICAL TEXT

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 35-38. DOI 10.17223/15617793/390/6

Otkidych Elizaveta V. Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: vadimovna001@yandex.ru

Keywords: syntax; text; dialogue; monologue; text connector.

The text connector "mezhdu prochim" ("by the way") belongs to the group of connectors which add the so-called optional comment. Functioning of the text connector "mezhdu prochim" in the monologue and in the dialogue is considerably different. It is connected with the fact that the monologue and the dialogue differ in syntactical mechanisms of text building, pragmatics, and also in the set of extra-linguistic factors which condition their existence. In our work we do not make any distinction between "natural" and "fiction" dialogue, as for our research this difference is not relevant. We found four groups of usage of the text connector "mezhdu prochim" in the dialogue. 1. Adding of "unimportant" information. The commenting sentence is scarcely connected with the left context: it introduces the information either based on facts described in the "far" left context or the information connected with the left context only relatively, associatively. The comment is considered by the speaker as a report of subjectively unimportant information. 2. Adding of "important" information. While adding a comment containing important (from the speaker's point of view) information the subjective importance of the information is emphasized by the following means: the name of an authoritative person or organization, statement of a special status, belonging to a special class, expressively marked word. 3. Signal (inchoative) function. This function is often accompanied by the words like "vspomnil" ("remembered"), "zabyl skazat'" ("forgot to say"), "poka ne zabyl" ("before I forget"), "khlopnul sebya po lbu" ("slapped the forehead"), "nachal" ("began") or something similar. The basic function of the connector is not so much adding of the information, as drawing attention to it. 4. Didactic, instructive comment. The comment with a shade of an edifying quality, instructiveness or even reproach usually contains a generalizing statement; the link between the comment and the left context is constructed by the combination of the general and specific notions. In the left context there is information which becomes a base for some instructive generalization in the comment. Thereby, the text connector "mezhdu prochim" is able to perform four specific functions in the dialogical text: adding of subjectively important/unimportant information, signal of the new theme and adding of the didactic, instructive comment. In the first case the comment often correlates with "forgotten" information from the "far" left context; in the second case it relates to the information from the "closest" left context and rests upon the supplemental lexical means; in the third case there is no comment per se, the statement is needed to attract the attention of a listener/reader; in the fourth case the comment is often based on generalization.

REFERENCES

1. Lyapon M.V. *Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst. K tipologii vnutritekstovykh otnosheniy* [Semantic structure of a complex sentence and text. On the typology of intra-text relations]. Moscow: Nauka Publ., 1986. 200 p.
2. Medvedkina K.A. *Pragmaticheskie osobennosti dialoga v khudozhestvennom tekste*: avtoref. dis. kand. filol. nauk. [Pragmatic features of dialogue in a literary text. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Belgorod, 2008. 28 p.
3. Starodumova E.A. *Chastitsy russkogo yazyka (raznoaspektnoe opisanie)* [The particles of the Russian language (multi-aspect description)]. Vladivostok: Far Eastern University Publ., 2002. 292 p.
4. Kolokol'tseva T.N. *Spetsificheskie kommunikativnye edinitsy dialogicheskoy rechi* [Specific communication units of dialogic speech]. Volgograd: Volgograd State University Publ., 2001. 260 p.
5. Yakubinskiy L.P. *Yazyk i ego funktsionirovanie: izbrannye raboty* [Language and its function: the selected works]. Moscow: Nauka Publ., 1986, pp. 17–59.
6. Kozhina M.N. *Dialogichnost' pis'mennoy nauchnoy rechi kak proyavleniya sotsial'noy sushchnosti yazyka* [Dialogic character of written scientific speech as a manifestation of the social essence of language]. In: *Metodika i lingvistika* [Methods and linguistics]. Moscow: Nauka Publ., 1981, pp. 20–45.
7. Vol'vak N.P. *Faktor adresata v publichnom argumentiruyushchem diskurse*: avtoref. dis. kand. filol. nauk [The addressee factor in the public argumentative discourse. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Vladivostok, 2002. 26 p.
8. Kiseleva K.L., Payar D. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo* [Discourse Russian words: contextual variation and semantic unity]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2003. 207 p.

Received: 03 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 39–44. DOI 10.17223/15617793/390/7

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 165.939

О.В. Боровкова

ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК И ВНЕИСТОЧНИКОВОЕ ЗНАНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Историческая наука в настоящее время переживает кризис – критике подвергаются практически все ее основания, в том числе и исторический источник. Звучат высказывания о том, что источники не надежны и поэтому необходимо привлечение внеисточникового знания, которое, в некоторых случаях, полагается заменителем источников. Для решения этой проблемы осуществляется попытка выявления топоса исторического источника и топоса внеисточникового знания, что позволит углубиться в содержание понятия «исторический источник» и определить сферу внеисточникового знания.

Ключевые слова: исторический источник; внеисточниковое знание; предзнание; исторический эксперимент; топос.

По многим параметрам период с конца XX в. принято характеризовать как эпистемологический кризис, который не обошел и историческую науку. Она все чаще стала представляться «явлением культуры», служанкой политиков, а исторические события – источником для сюжетов художественных произведений и др.

Огромная работа по выявлению специфики социально-гуманитарных наук, как это ни парадоксально, способствовала «растворению», размыванию границ исторической науки. Возросшее значение текста как предмета социально-гуманитарных наук, с одной стороны, выявило специфику этой сферы, но с другой – нанесло удар предметности истории, связанный в том числе с переосмыслением роли исторического источника. Если ранее источник полагался основой исторического познания, то впоследствии оказалось, что он не перекрывает все содержание исторического знания. На первый план был выдвинут историк, что позволило, с одной стороны, разрешить проблемы исторического исследования, связанные с отсутствием источников, но с другой стороны, предопределило небрежное отношение к ним.

В результате все больше внимания стало уделяться так называемому внеисточниковому историческому знанию. Это было бы оправданно, если бы не попытки заменить им источники: при всем их несовершенстве и недостатках, они являются главным каналом связи, который позволяет исторической науке получать самотождественную информацию, т.е. информацию, которая определяет сущность исторической науки. Для того чтобы она не утратила свою сущность науки, необходимо определиться с границами понятия «внеисточниковое знание».

Попытка решения этих проблем связана с привлечением метода «выявления топоса», основанного на аристотелевской топике и предполагающего рассмотрение исторического источника или «источникового знания» и внеисточникового знания, как пространств сосредоточения, распространения и пересечения смыслов (см. подробнее [1]).

Данный метод позволит выявить различные аспекты исторического источника и внеисточникового знания и найти в них то, что, по словам М.К. Мамардашвили, «не является частью какого-то другого целого» [2. С. 61], т.е. их топос.

Первый шаг, который следует сделать в соответствии с методом, – это обнаружение вещи, «очерчивание» ее границ, обозначение в виде «смыслового пятна». Как сказал А. Родин, внесший вклад в разработку данного метода, в своей работе «Среда и событие», чтобы начать исследование вещи, она должна быть названа [3]. Он замечает, что название вещи состоит из двух частей – имени ее рода и ее собственного имени. Род показывает, что есть вещь, где ее искать, а сама вещь выделяется собственным именем. Родовым именем (индивидуальным топосом) является имя «источник», собственным именем (общим топосом) – «история», «исторический». Топосом является и пересечение общего и индивидуального топоса (имя и род).

Далее поиск или выявление топоса (места пересечения смыслов) будет осуществляться путем «наполнения места» и исследования распространения смыслов родового имени. Следующий за этим поиск границы предполагает выявление сходств и различий исторического источника с источниками из других сфер знания, которые, имея совпадения в родовом имени, различаются собственными именами.

Необходимо отметить, что именование данной вещи – «исторический источник» – связано с трансформацией термина из других областей знания. Термин «источник» известен очень давно, до появления исторической науки, и был связан со сферой природы. В широком смысле понятие «источник» – это, по определению С.И. Ожегова, «то, что дает начало чему-нибудь» [4. С. 222], но, «давая начало», являясь причиной чего-то, «этим» не является.

С познавательной точки зрения источник – это то, что может «источать информацию». Для естественных наук – это природные явления, с которыми субъект познания взаимодействует напрямую, а для сферы социально-гуманитарных наук – это текст, представляющий реальность, прямое взаимодействие с которой невозможно. По словам М.М. Бахтина, текст является первичной данностью (реальностью) «всякой гуманитарной дисциплины» [5. С. 292].

Можно допустить, что в данной сфере источник (юридический, литературный, филологический, источник экономической информации, исторический источник) выступает как основа научного исследова-

ния. В отличие от природных явлений, этот источник – результат деятельности людей.

В социально-гуманитарных науках связь исследователя с реальностью через текст проявляется поразному, так как сама реальность различна. В исторической науке реальность отделена от историков «барьером времени», преодолеть который не представляется возможным. Поэтому необходимо существование опосредующего звена, в качестве которого и выступает, прежде всего, исторический источник. Ф.Н. Блюхер назвал источник единственной действительностью исторической науки, тем, «благодаря чему история может оперировать категорией истинности» [6. С. 9].

Из прошлого исторический источник трансформируется в настоящее по различным каналам, в том числе и на материальном носителе. Поэтому исторический источник – это источник, имеющий две стороны – предметную и содержательную. Для источников других областей социально-гуманитарного знания (филология, юриспруденция) предметная сторона не имеет большого значения. Цели исследования содержательной стороны также различны: из исторического источника историки извлекают информацию о прошлом человеческого общества, поэтому его изучение основывается на подлинности носителя источника, достоверности содержания и соотношении этих двух оснований.

Юридические источники целенаправленно создаются для того, чтобы быть источниками информации, для практического применения. Источники права – это те формы, в которых выражаются правовые нормы. Они отражают отношения в обществе в настоящем. Отходя в прошлое, эти источники теряют свою актуальность для практики в области права и становятся чаще всего предметом исследования историков.

В основе филологического исследования также лежат источники, и иногда достаточно трудно разделить исторические и филологические источники, поскольку они взаимосвязаны. Эта связь заключается, во-первых, в том, что один и тот же текст может быть как историческим, так и филологическим источником; во-вторых, как пишет О.М. Медушевская, крупный исследователь в области источниковедения, «…источниковед, – по существу, это филолог и историк в одном лице. Сначала он рассматривает источник как часть реальности прошлого, а потом – как часть той реальности, в которой находится сам» [7. С. 54].

Другими словами, филологическое исследование источника, с одной стороны, часть исторического исследования, но, с другой – самостоятельное исследование, так как филологический источник не «привязан» к прошлому. Для филолога не столь важно, как для историка, является ли этот текст подлинным историческим источником или подделкой, прошлому или настоящему он принадлежит. Ценность источника в этой сфере заключается в его оригинальной структуре, в особенностях стиля, языка и др. Кроме того, в филологии источник – это, прежде всего, вещь, материальный предмет, который описывается, сравнивается, классифицируется, определяется. Для историка же источник – часть прошлой действительности, с одной стороны, а с другой – он несет информацию об этой действительности. Информация, содержащаяся в историческом источнике, извлекается различными методами: это связано с разнообразием их форм, видов, с принадлежностью к эпохе и др.

Специфика исторического источника проявляется и в том, что методом понимания свидетельств, содержащихся в нем, является критика, включающая определение подлинности «носителя» источника, его текста, критику достоверности свидетельства, реконструкцию скрытых фактов, извлечение истинной и определение ложной информации.

При изучении исторического источника, как полагает М. Блок, необходимо активное и пристрастное «вторжение», «вживание» в его структуру, смысл, специфику формы, содержание, язык, стиль [8. С. 29]. Как пишут современные отечественные исследователи И. Савельева и А. Полетаев, «пока источники молчат, событие отсутствует» [9. С. 483]. Необходимо отметить, что юридический источник не подвергается подобной критике, он изучается и используется.

Таким образом, в первом приближении, рассмотрев исторический источник через различия и сходства собственного имени, можно сказать, что топосом исторического источника является его принадлежность прошлому, отражение в нем жизни людей в прошлом, его предметность, выражающаяся в разнообразии проявлений. Методом его познания (понимания) является критика, включающая не только методы сферы социально-гуманитарных наук, но и естественнонаучные.

В настоящее время существуют две традиции в представлении о роли исторического источника. Первая основывается на взглядах Ранке, который выдвигал «требование» к исследователям устраняться из своего исследования. Факты, извлеченные из источников, он полагал единственной реальностью исторической науки. Представители другой традиции не склонны не только абсолютизировать источники, но даже придавать им большое значение. Вторая позиция в настоящее время получает все большее распространение, исторический источник теряет доверие.

Недоверие основывается на ряде обстоятельств:

1. Как уже упоминалось, историк имеет дело не только с письменными источниками, но и с вещественными. Извлечение из них информации связано с привлечением широкого спектра внеисточникового знания.

2. Информация, содержащаяся в письменных источниках, может быть идеологизирована, плохо проверена, намеренно искажена и др. Например, на некоторых документах отсутствуют атрибуты, подтверждающие их официальный статус (подписи, печати и др.). Не все события фиксируются в письменных источниках: они могут оставаться лишь в устной традиции, приобретая впоследствии статус преданий. Что касается других видов источников (мемуары, рассказы очевидцев и др.), то здесь изначально предполагается мнение автора. То есть источники могут изначально нести на себе печать субъективизма, включать субъективный компонент.

3. Историк, также относясь к прошлому субъективно заинтересованно, интерпретирует его с позиций

своих ценностей, установок, принципов и др. Это может выражаться в отборе источников, в выборе угла зрения, аспекта рассмотрения тех событий, о которых информирует источник.

4. Источники содержат лишь часть информации о прошлом. Ф.Р. Анкерсмит, например, полагает, что кроме того, что фиксируется в источниках и подлежит анализу, есть то, что «чувствуется», что вырывается из нас помимо нашей воли. Философ называет это «стонами цивилизации». Он пишет, что это «по сути поэтические стоны: как стихотворение они не стремятся к истине, но – к тому, чтобы дать опыту возможность говорить» [10. С. 276].

Х. Уайт полагает, что с помощью источников можно расширить знания о прошлом, но для понимания этого недостаточно: «Наше знание прошлого, – пишет он, – может увеличиваться по нарастающей, но наше понимание его – нет» [11]. Для того чтобы «получить» понимание, он предлагает найти некую «неразрушаемость», выражающуюся в форме исторического повествования (комедия, трагедия, сатира, роман). Данные формы придаются историческому произведению историками путем акцентирования внимания на тех или иных сторонах событий или выделяют в качестве основы те или иные события, используя при этом различные выразительные средства.

5. Историк, для создания более или менее полной картины, не может ограничиться источниками, относящимися только к какому-либо одному месту и ограниченному временному отрезку, несущими информацию о каких-либо конкретных событиях. Кроме этого, требуется использование фактов, полученных из других источников.

Уязвимость источника побуждает исследователей к привлечению так называемого внеисточникового знания. Но данное понятие часто заполняется различным содержанием, поэтому очень важно рассмотрение существующих представлений о нем, что позволит определить сущность, границы распространения смыслов этого понятия и его место по отношению к историческому источнику.

Следующим этапом выявления топоса, таким образом, предполагается поиск различий между возможностями исторического познания с помощью исторического источника и внеисточникового знания, которые имеют разные родовые имена. Различие родовых имен выражается в противопоставлении: внеисточниковое знание, с одной стороны, означает отрицание принадлежности к источниковому историческому знанию. С другой стороны, здесь предполагаются «привязанность» внеисточникового знания к источнику, его производность, «вторичность». Это обстоятельство позволяет предположить, что внеисточниковое знание, так же как и знание, извлеченное из исторического источника, принадлежит преимущественно исторической науке и является той характеристикой, которая выделяет ее из сферы других наук. Для других наук, даже тех, которые имеют дело с источниками (филология, юриспруденция), это понятие не имеет смысла, так как нет необходимости в противопоставлении этих двух видов знания.

Большинство исследователей к внеисточниковому историческому знанию относят, прежде всего, «предзнание». Еще в конце XVIII – начале XIX в. Ф.Д.Э. Шлейермахером в качестве основы герменевтического круга был выдвинут принцип «минимального предзнания», с помощью которого осуществляется «прыжок в герменевтический круг» и путем понимания которого разрешается имеющееся противоречие (цит. по: [9]). Понимание, таким образом, возникает, когда предзнание сравнивается с новым знанием.

У Гадамера в качестве предзнания или «предрассудка», который является условием предварительного понимания, выступает традиция, с одной стороны, с другой же, в качестве внеисточникового знания он выделяет «новаторство нового интерпретатора». Понимание текста он преимущественно связывает с активностью интерпретирующего субъекта [12].

А.Я. Гуревич предзнанием считает интуицию историка, понимание и видение им эпохи [13. С. 85]. Я.С. Лурье к внеисточниковому знанию причисляет совокупность данных исторической науки, полученных ранее, вне данного источника [14. С. 14]. М. Фуко на первый план выдвинул личностное знание, так как истиной в его понимании является лишь своя субъективность, а исторические источники – это только «памятники», и их возможности в постижении прошлого невелики.

Э.Н. Лооне расширяет рамки предзнания. Предзнание у него – это не только историческое знание и потенциал исследователя: по его словам, предварительное знание историк может получить из других наук и философии, которые по отношению к исторической науке служат «мешком», вместилищем внеисточникового знания [15. С. 150]. По Е. Топольскому, предзнанием являются отдельные факты, и «код информации» – лингвистическое, терминологическое и другое знание [16. С. 149].

Особым образом решалась проблема «недостаточности» источников представителями школы «Анналов». С одной стороны, ими расширяется источниковая база. К источникам они (более всего Л. Февр и М. Блок) относят «все, что человек написал, создал, все, чего он касался» [8. С. 27]. Историческое исследование должно сопровождаться изучением статистики, демографии, психологии и др.

С другой стороны, они проявляют недоверие к источникам, пытаясь с помощью предзнания выявить в источниковой базе знание, которое не соответствует замыслу источника (различного рода «оговорки»). Их недоверие было связано с тем, что источники построены по «схемам», определяемым идеологиями времени, поэтому прямое содержание текста источника может быть фальсифицировано. В результате работа историка – это поиск подлинного содержания в любом письменном источнике. В связи с этим даже фальсифицированные источники представляются ценными для исследования. Таким образом, статус исторических источников изменяется: источники полагаются «молчаливыми» и «говорят» лишь тогда, когда их спрашивает историк.

Необходимо заметить, что в качестве предзнания могут выступать некоторые виды вненаучного зна-

ния – здравый смысл, обыденное знание, как уровень исторического познания, социально-психологические установки общества, иногда основанные на исторических мифах. Предзнанием могут быть и официальные концепции власти, идеология. То есть в качестве предзнания выступают те знания и установки, которые может иметь исследователь, с которыми он «приступает» к исследованию источников.

Одним из видов внеисточникового знания считается опыт, эксперимент. Тема эксперимента в истории возникла довольно давно и является дискуссионной. Одни исследователи не очень высоко оценивают эксперимент в исторической науке. Например, Э.Н. Лоне пишет: «Если мы знаем, как строили пирамиды, то неважно, что их можно было строить и по-другому» [15. С. 150]. Более того, сторонниками данной позиции полагается, что он может исказить историю. Другие исследователи напоминают, что эксперимент помог сделать ряд исторических открытий.

Советский исследователь А.Г. Кузьмин приводит примеры использования эксперимента: с его помощью могут изучаться техника и технологии, описания которых либо отсутствовали, либо не дошли до настоящего. К эксперименту также можно обратиться при установлении точного места и времени событий, воспроизвести их последовательность и др. «Источник, – полагает А.Г. Кузьмин, – не является даже единственной эмпирической основой знания, поскольку возможен еще эксперимент» [17. С. 15, 16].

Необходимо заметить, что здесь речь идет об экспериментах в их естественнонаучном смысле, когда объект исследования вполне достижим и опыт может быть повторен. Это так называемый реалистический подход. Историческое прошлое предстает здесь как реальность, существующая сама по себе, независимо от познавательной активности субъекта, а эксперимент выступает как воспроизведение этой реальности – «оригинала». С точки зрения Уайта, в этом случае воспроизводятся события, внешние сознанию историка [11].

В связи с этим возникает вопрос о том, что дает возможность назвать данный эксперимент историческим? Опыт проводится с использованием методов других наук, и с историей он связан лишь тем, что обращен в прошлое. Кроме того, воспроизведение исторических событий, подобно тому как воспроизводятся явления в естественных науках, может привести лишь к частичному успеху, прежде всего, потому, что история каждой социальной общности уникальна, бесконечно изменчива, поведение людей мало предсказуемо. Апелляция к законам истории также не приведет к успеху в достижении истинного знания, так как они порождаются в результате деятельности людей и не действуют всегда одинаково как законы природы. Поэтому позиция приверженцев реалистического подхода предполагает опору на исторический источник при частичном использовании внеисточникового знания.

Представители конструктивистского подхода, вызревавшего в рамках представлений об исторической реальности, отвергают идею возможности для субъекта исторического познания войти в прямое соприкосновение с реальным прошлым. Историческое прошлое в этом случае теряет свое определяющее значение, подчиняется настоящему, становясь лишь прошлым настоящего. На первый план выходит историк, который конструирует текст, создавая «эффект реальности».

Таким образом, действительные события прошлого уже не признаются «оригиналом», по которому могут воспроизводиться внешние события. Потеря «оригинала», по которому может создаваться модель прошлого, приводит к поиску других оснований для исторического опыта.

Предшественником конструктивизма в понимании опыта в исторической науке, на наш взгляд, можно назвать Коллингвуда, который выдвинул в качестве реальности исторической науки историческое сознание. Содержанием исторического знания он полагает знание о том, что дух совершил в прошлом, и опыт «воспроизведения его действий» [18. С. 207]. Объектом опыта здесь уже является «деятельность мышления», сознания, а сам опыт – воспроизведением этой деятельности.

Мысль о том, что познать прошлое «как оно было» невозможно, все более укрепляется. Причиной этому, как пишет В.Н. Сыров, является не только то, что прошлое недостижимо и не может стать «подтверждением суждений историка», а и потому что «“смысл” происшедшего чужд нам» [20]. В этой ситуации (в рамках постмодернизма) возможность исторического опыта первым рассмотрел голландский философ Ф.Р. Анкерсмит. В качестве объекта исторического опыта у него выступает «персональное прошлое» (мало отличающееся от коллективного прошлого), а точнее, различие между прошлым и настоящим. Человек способен иметь подлинный опыт прошлого, и это, по Анкерсмиту, – опыт ностальгии. Ностальгия – это мост между физическими реалиями прошлого и эмоциями человека [19. С. 367]. Подход Анкерсмита – это воспроизведение «внутренних» событий, т.е. тех чувств, которые вызваны тем или иным событием.

Невозможность опереться на прошлое, его чуждость побуждают Х. Уайта разработать способ преодоления чуждости. Он считает, что это может произойти с помощью форм, тропов, на которые опирается историк в своем исследовании. Предпочтение тропов влечет за собой «определенный способ объяснения, аргументации и идеологической стратегии» [10. С. 11]. То есть Уайт создает «структуралистскую сетку», в пределах которой существуют все исторические тексты. Она выступает в качестве закона, претендуя на статус незыблемости, неразрушаемости, что свойственно законам природы, которым подчиняется опыт в естественных науках.

Исторический опыт, представленный Х. Уайтом, с одной стороны, основан на предпочтении историком тропов, с другой стороны, это предпочтение связано с представлениями об их независимости от исследователя. Поэтому определить его как внешний или внутренний достаточно трудно [11].

Как мы видим, представления о возможном использовании в историческом исследовании опыта (эксперимента) весьма широки – от признания его не

особенно важным дополнением до признания за ним довлеющего положения в получении исторических знаний. Более того, можно согласиться с В.Н. Сыровым, который полагает что «концепт “опыта” дает принцип, позволяющий решительно отделить исторические повествования от художественных». Он пишет, что «опыт значим лишь для тех, кто будет действовать, а не переживать» [20].

Подводя итоги, можно сказать, что топосом внеисточникового знания являются знания и способности, которыми обладает историк; наличное знание, которое он может использовать; то, что может быть «добыто» им в процессе исследования не методом критики источников, относящихся к теме, а иными методами. Это могут быть комплекс знаний, полученных из других исторических источников ранее; знание отдельных фактов; результаты исследований других сфер науки; опыт настоящего (например, модели поведения людей в той или иной ситуации); интуиция, способность к анализу и понимание эпохи исследователем, эксперимент, подобный естественнонаучному, и индивидуальный опыт прошлого, основанный на чувственном восприятии прошлого и личном восприятии историка «жанра» того или иного события.

Таким образом, ситуация получения исторического знания такова: исторический источник – это то, что определяет границы исторической науки, ее отличие от других наук и от вненаучного знания. Сторонниками реалистического подхода источнику придается особая ценность, по словам Я.С. Лурье, исторические факты извлекаются только из источников [14. С. 14]. Конструктивисты, склонные к низкой оценке источникового знания, все-таки отмечают, что внеисточниковое знание (опыт) не является единственным способом проникновения в историческое прошлое [10. С. 369].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Боровкова О.В.* Методологическое оправдание топики посредством «выявления топоса» // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 38–44.
2. *Мамардашвили М.К.* Лекции по античной философии. М., 1997.
3. *Родин А.* Среда и событие // Событие и смысл. М. : Институт философии РАН, 1999.
4. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1984.
5. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
6. *Блюхер Ф.Н.* Философские проблемы исторической науки. М., 2004. 197 с.
7. *Медушевская О.М.* Источниковедение: теория, история, метод. URL: rudocs.exdat.com/docs/index-179442.html (дата обращения: 28.09.2013).
8. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М. : Наука, 1986. 256 с.
9. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Знание о прошлом: теория и история в 2 томах. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб. : Наука, 2003. 632 с.
10. *Анкерсмит Ф.Р.* Возвышенный исторический опыт. М. : Европа, 2007. 608 с.
11. *White H.* Historical Text as Literary Artifact // The Writing of History. Literary Form and Historical Understanding / ed. by R.H. Canary and H. Kozicki. The University of Wisconsin Press, 1978. P. 41–62.
12. *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
13. *Гуревич А.Я.* Историк и история. К 70-летию Юрия Львовича Бессмертного // Одиссей. М., 1994.
14. *Лурье Я.С.* О возможности и необходимости при исследовании летописей // ТОДРЛ. 1981. Т. XXXVI. С. 13–36.
15. *Лооне Э.Н.* Современная философия истории. Ч. III: Процедуры установления исторического знания. URL: opentextnn.ru›history/?id=1044 (дата обращения: 28.09.2013).
16. *Топольский Е.* О роли внеисточникового знания в историческом исследовании // Вопросы философии. 1973. № 5.
17. *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
18. *Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории: Автобиография. М., 1980.
19. *Анкерсмит Ф.Р.* История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 496 с
20. *Сыров В.Н.* Современные перспективы философии истории: поворот к нарративу. URL: *любомудр.рф Статьи* (дата обращения: 18.07.2014).

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 02 октября 2014 г.

HISTORICAL SOURCE AND SECONDARY KNOWLEDGE IN HISTORICAL SCIENCE

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 39-44. DOI 10.17223/15617793/390/7

Borovkova Olga V. Rubtsovsk Industrial Institute, Branch of Polzunov Altai State Technical University (Rubtsovsk, Russian Federation). E-mail: o.v.borovkova@gmail.com.

Keywords: historical source; secondary knowledge; foreknowledge; historical experiment; topos.

The period from the end of the 20th century is usually characterized as an epistemological crisis which the science of history did not escape as well. One aspect of this crisis is an attempt to restate the role of the historical source. As a result, more attention has been paid to "secondary knowledge" which claims to take the lead in historical research. But for all shortcomings and weaknesses the historical source has it is the principle channel of communication which allows historical science to get self-identical information, i.e. the information defining its essence. Therefore, two problems have to be currently solved: an in-depth study of the historical source and definition of the boundaries of the concept "secondary knowledge". In this paper, we intend to use the method of identifying a topos based on the Aristotelian Topeka which involves consideration of both the historical source and secondary knowledge as domains of distribution and overlapping of meanings. The basis of this method is to find similarities and differences of things occurring in generic or proper names. The study of similarities and differences between historical source and those referring to natural sciences, philology and jurisprudence allowed us to reveal the peculiarities of the historical source. Unlike sources of natural sciences, historical source is a text (as well as other sources of social-humanitarian sphere). But this is a text relating to history and it is transferred to here and now through various channels including a physical medium. Therefore, historical source is a source that has two sides, objective and informative ones, which are combined in different ways. The objective side does not matter much for philological or legal

sources. The purposes of the informative side study are different: from historical sources historians get information concerning the past of human society; therefore, their study is based on authenticity of the source media, veracity of the content and the ratio between these two grounds. We can say that the topos (concentration of meanings) of the historical source is its belonging to history, its objectivity expressed by various manifestations. The way of its cognition is source criticism which includes methods of both social-humanitarian and natural sciences. The topos of secondary knowledge is information possessed by a historian or available information they can use or gain during the study by methods other than method of criticism of the sources relevant to the topic. They are mainly "foreknowledge" and experiment. Foreknowledge refers to the information gained from other historical sources before; certain facts and information code; studies in other fields of science; intuition and the ability of the researcher to analyze and understand the era. Secondary knowledge can neither come before a historical source nor exist by itself without sources. Penetration into the historical past by means of secondary knowledge is only possible through historical sources and the environment of secondary knowledge is in most cases the source.

REFERENCES

1. Borovkova O.V. Methodological justification of topics by revealing topos. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2011, no. 349, pp. 38–44. (In Russian).
2. Mamardashvili M.K. *Lektsii po antichnoy filosofii* [Lectures on ancient philosophy]. Moscow: Agraf Publ., 1997.
3. Rodin A. *Sreda i sobytie* [Environment and event]. In: Kiyashchenko L.P., Tishchenko P.D. (eds.) *Sobytie i smysl* [Event and meaning]. Moscow: Institut filosofii RAN Publ., 1999
4. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1984.
5. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. 423 p.
6. Blyukher F.N. *Filosofskie problemy istoricheskoy nauki* [Philosophical problems of historical science]. Moscow: IFRAN Publ., 2004. 197 p.
7. Medushevskaya O.M. *Istochnikovedenie: teoriya, istoriya, metod* [Source studies: theory, history, method]. Available from: ru-docs.exdat.com/docs/index-179442.html. (Accessed: 28th September 2013).
8. Blok M. *Apologiya istorii ili remeslo istorika* [Apology of history or craft of the historian]. Moscow: Nauka Publ., 1986. 256 p.
9. Savel'eva I.M., Poletaev A.V. *Znanie o proshlom: teoriya i istoriya v 2 tomakh* [Knowledge of the past: the theory and history in 2 volumes]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2003. Vol. 1, 632 p.
10. Ankersmit F.R. *Vozvyshennyy istoricheskiy opyt* [Sublime historical experience]. Moscow: Evropa Publ., 2007. 608 p.
11. White H. *Historical Text as Literary Artifact*. In: Canary R.H., Kozicki H. (eds.) T*he Writing of History. Literary Form and Historical Understanding*. The University of Wisconsin Press, 1978, pp. 41–62.
12. Gadamer H.-G. *Istina i metod* [Truth and Method]. Moscow: Progress Publ., 1988. 704 p.
13. Gurevich A.Ya. *Istorik i istoriya. K 70-letiyu Yuriya L'vovicha Bessmertnogo* [Historian and History. On the 70th anniversary of Yuri L. Bessmertny]. In: Gurevich A.Ya. (ed.) *Odissey. 1993* [Odyssey. 1993]. Moscow: Nauka Publ., 1994.
14. Lurie Ya.S. O vozmozhnosti i neobkhodimosti pri issledovanii letopisey [On the possibility and necessity in the study of chronicles]. *TODRL,* 1981, vol. XXXVI, pp. 13–36.
15. Loone E.N. *Sovremennaya filosofiya istorii. Ch. III: Protsedury ustanovleniya istoricheskogo znaniya* [Modern philosophy of history. Part III: Procedures for the establishment of historical knowledge]. Available from: opentextnn.ru›history/?id=1044. (Accessed: 28th September 2013).
16. Topol'skiy E. O roli vneistochnikovogo znaniya v istoricheskom issledovanii [On the role of out-of-source knowledge in historical research]. *Voprosy filosofii*, 1973, no. 5.
17. Kuz'min A.G. *Nachal'nye etapy drevnerusskogo letopisaniya* [The initial stages of the Old Russian chronicles]. Moscow: MSU Publ., 1977.
18. Collingwood R.J. *Ideya istorii: Avtobiografiya* [The idea of history: the autobiography]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 486 p.
19. Ankersmit F.R. *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory* [History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor]. Translated from English by M. Kukartsev, E. Kolomoets, V. Kataev. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2003. 496 p.
20. Syrov V.N. *Sovremennye perspektivy filosofii istorii: povorot k narrativu* [Modern perspectives of philosophy of history: the turn to narrative]. Available from: lyubomudr.rf. (Accessed: 18th July 2014).

Received: 02 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 45–48. DOI 10.17223/15617793/390/8

УДК 1.16.165.1

М.В. Гончаренко

ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ КРИТИЧЕСКОГО РАЦИОНАЛИЗМА К. ПОППЕРА И В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

Анализируется проблема легитимации знания в концепции критического рационализма К. Поппера и постмодернистском дискурсе; осуществляется попытка рассмотрения тавтологии как принципа легитимации знания (Р. Барт, Ж.Ф. Лиотар). Предполагается, что упорядоченность элементов определяется нормой, но не может объясняться последней: актуальность нормы становится таковой в результате следования определённым правилам. Рассматривается вопрос о возможности / невозможности фальсифицирования базисного высказывания в аспекте метафизической природы последнего (К. Поппер).
Ключевые слова: дефиниция; тавтология; легитимность знания; рациональность; дискурс; онтология дискурса.

Любая система знаний как целостное образование, испытывает необходимость в ***мета***принципах, т.е. в принципах основания, обусловливающих возможность актуальных для этой системы следований и заключений. Поэтому, анализируя проблему возможности легитимации знания в контексте современной аналитической и постмодернистской философии, сталкиваемся с проблемой тавтологии. И в этой связи возможная тавтологичность знания (теорий, гипотез и т.д.) является феноменом, требующим как аргументации, так и контраргументации. Предложенная к анализу проблема *тавтологичности знания* (и тавтологичности дефиниции) на первый взгляд, с точки зрения логики, может вызвать обоснованное удивление, так как тавтология и дефиниция – это различные понятия, и пытаться обнаружить их эквивалентность – это нонсенс.

Так дело обстоит именно с точки зрения формальной логики, с точки зрения сравнительного анализа (аналитической философии и постмодернистской философии) возможностей легитимации знания различных дискурсов, предложенного К. Поппером и сформулированного Р. Бартом, мы можем констатировать, что проблема легитимации знания может иметь и другие аспекты. Тавтология – это тождественно истинное высказывание вне зависимости от значений входящих в него компонентов, а дефиниция – это логическая процедура придания фиксированного смысла терминам, но рассуждения К. Поппера относительно *тавтологического характера* эволюционной теории указывают на смещение формально-содержательного характера. Поэтому тавтологичность теории, по К. Попперу, – это, скорее всего, феномен интерсубъективности или контекстуальности знания. У представителя раннего постмодернизма Р. Барта мы также встречаем сходное видение тавтологии (смещение формальности в содержательность): «Тавтология – это такой словесный приём, когда предмет определяют через него же самого (“Театр – это театр”)» [1. С. 316]. Поэтому, исходя из факта формально-содержательного смещения в двух «непересекающихся» направлениях, представляется актуальным определить возможные обоснования и аргументации данного смещения в контексте аналитического и постмодернистского знания второй половины XX столетия.

Итак, возможна ли легитимация знания посредством тавтологии в аспекте рационального подхода? Конечно же, нет; более того, нельзя найти прямого отрицания в работах представителей различных направлений такого положения дел, так как выражение причинно-следственных отношений в языке для них является безусловным фактором научности дискурса. Но так положение дел выглядит только формально. Для конкретизации разницы между «формальностью» и «существенностью» (реальностью) ситуации воспользуемся следующим рассуждением Р. Барта: «Родители, которых ребёнок замучил вопросами “почему”, отвечают “потому что это так…”; в этом стыдливом магическом акте имитируется словесный жест рациональности, но сама рациональность тут же и отбрасывается – предполагается, что мы отдали должное принципу причинности, произнеся её вступительное слово» [1. С. 316, 317]. Таким образом, формальность сохраняет иллюзию рациональности: «…потому что…».

Пример Р. Барта, безусловно, имеет отношение к ненаучному дискурсу, но, не забывая о принципе формализации, мы не можем игнорировать и фактор общности языковых конструкций (высказываний): принцип обусловленности актуален не только для так называемых бытовых высказываний, но также и для научных: «Теория систем и предлагаемый ею тип легитимации не имеют под собой никакой научной базы: во-первых, наука не функционирует сама собой в собственной парадигме, согласно принятой в этой теории парадигме систем, а во-вторых, общество не может быть описано по этой парадигме в терминах современной науки», − отмечает Ж.Ф. Лиотар [2. С. 51].

Следовательно, попытки рационализации научного дискурса тщетны с точки зрения ratio: по сути, в данном случае мы пребываем в состоянии намерения *описать* принципы конституирования какого-то метаязыка посредством языка, для анализа которого и был создан первый. Данная ситуация – классический пример «порочного круга». Ж.Ф. Лиотар пришёл к вышеприведённому заключению, рассуждая по поводу природы и закономерности формирующихся норм парадигмы, описанных Т. Куном, указав на то, что единственной «неизменяющейся» нормой (единственной константой) как научного, так и не-научного дискурса является норма некой соотнесённости в самом широком смысле, даже если речь идёт о принципе «непрогнозируемости открытий» [Там же]. Необходимость такого рода соотнесённости является для нас нормативной a priori. Возможно, это и есть одно

из оснований так называемой причинности любого дискурса, которая приобретает в каждом конкретном случае либо явную, либо неявную форму. В этой связи обратимся к известному тезису Трактата Л. Витгенштейна: «О чём невозможно говорить, о том следует молчать» [3. С. 73]. Что является или может являться фактором «невозможности» говорить? Следует отметить, что в данном случае ***то***, «о чём невозможно говорить», не отождествляется с разрушением определённой реальности для нас, хотя экзистенциальность последней и приобретает для нашего сознания черты некоего инобытия, сродни понятию вечности у Бл. Августина. Другими словами, это уже мир – не как «факты в логическом пространстве» [Там же. С. 5]. Упорядоченность элементов, определённая конкретной нормой, не объяснима этой же нормой, так как актуальность первой только лишь становится таковой в результате следования определённым правилам и не более того.

Постоянные поиски и попытки выдать желаемое за действительное приводят нас к следующей констатации: «В тавтологии совершается двойное убийство – человек убивает рациональность, которая ему противится, и язык, который его подводит. Тавтология – это как бы кстати случившийся обморок, спасительная утрата речи…» [1. С. 316].

Таким образом, перманентные попытки рационализации легитимности корреляции конституэнт научного (как и не-научного) дискурса приводят нас к признанию факта невозможности этой легитимности, а также к констатации, что и кажущаяся необходимость всеохватывающей рационализации имеет совершенно иррациональный характер: мы пытаемся осуществить то, что заведомо невозможно, и вместо признания конкретной языковой игры [4] тщетно пытаемся выйти за пределы этой игры, отрицая полную непрозрачность для нас «неигрового пространства». При таком положении дел размывание границ научного / не-научного дискурса не смущает неопостпозитивистов, которые при этом игнорируют реальность, описанную Э. Кассирером так: «Для мифологического мышления между тем, что “есть” вещь, и местом, где она находится, связь никогда не бывает чисто “внешней” или случайной, напротив, место само представляет часть её бытия, вещь закреплена за местом множеством определённых внутренних связей» [5. С. 107]. Следовательно, пытаясь бесконечно расширять правила игры, мы тем самым сталкиваемся с иррациональностью конкретного дискурса. Другими словами, утверждая исключительно правомерность рационального познания / понимания, мы отрицаем допустимость возможного для нас знания / понимания в принципе.

К. Поппер утверждает, что «из экзистенциального высказывания ничего не следует относительно возможного мира опыта. Вместе с тем тот факт, что из базисного высказывания следует чисто экзистенциальное высказывание, не может быть использован в качестве аргумента в защиту эмпирического характера последнего. Каждая тавтология следует из любого базисного высказывания… Из противоречивого высказывания можно логически обоснованно вывести любое высказывание. Следовательно, класс его потенциальных фальсификаторов совпадает с классом всех возможных базисных высказываний: оно фальсифицируется любым высказыванием» [6. С. 121, 122]. То есть из экзистенциального (как и метафизического) высказывания не может следовать то, что касалось бы эмпирического мира. Значит, тавтологичность метафизического высказывания в этой связи выглядит тривиальностью. Но какое это имеет значение для базисного высказывания, если оно, возможно, имеет ту же природу: «Базисные высказывания имеют форму сингулярных экзистенциальных высказываний» [Там же. С. 135]. В данном случае рассуждение К. Поппера приводит к вопросу: «сообщает» ли что-либо базисное высказывание об эмпирическом аспекте? И если из базисного высказывания ничего не следует, то это – тавтология. Но при этом базисные высказывания – это высказывания, структурирующие определённым образом эмпирический аспект реальности. Поэтому возникает ещё вопрос: могут ли теории, структурирующие наш опыт определённым образом, быть тавтологичными? Другими словами, может ли из базисных высказываний (как и из теорий) ничего не следовать? Если следовать выводу Л. Витгенштейна позднего периода о том, что теории, как и базисные предложения, – это описания, то невозможно игнорировать следующее: то, что является описанием (возможно, дефиницией) не может быть не тавтологией. Таким образом, тавтология как единственно возможная форма описательной деятельности (частью которой являются и теории, и гипотезы, и базисные высказывания) действительно ничего не сообщает (и не может сообщить в принципе) ни о мире, ни о нас как его элементах и т.д. Базисные высказывания как элементарные предложения – суть тавтологии.

К. Поппер утверждает следующее: «Фальсифицирующее базисное высказывание представляет собой конъюнкцию начальных условий с отрицанием выводимого предсказания» [6. С. 168]. Итак, конъюнкция К. Поппера, фальсифицирующая высказывания, не может избавить нас от противоречия базисного высказывания и фальсифицирующего высказывания. То есть базисное высказывание и фальсифицирующее базисное высказывание возможны при использовании различной аргументативной базы. Поэтому фальсифицирующее базисное высказывание не может быть конъюнкцией начальных условий и отрицания базисного высказывания, так как в такой конъюнкции не учитывается та самая аргументативная база высказывания, теории (собственно, онтология дискурса), на основании которой представлено как само базисное высказывание, так и фальсифицирующее базисное высказывание.

Если рассматривать теорию идей Платона, как предлагает К. Поппер, как «теорию окончательного объяснения», то, безусловно, в этом случае необходимо прибегнуть к анализу объяснения с точки зрения дефиниции, т.е. необходимо проследить, каким образом объясняемое становится объяснимым / объяснённым. Принцип данного объяснения К. Поппер излагает следующим образом: «Платон считал, что третий мир Форм и Идей обеспечит нас окончательными

объяснениями (то есть объяснениями посредством сущностей). Так, он, например, пишет: “Если существует что-либо прекрасное помимо прекрасного самого себе, оно, мне кажется, не может быть прекрасным иначе, как через причастность прекрасному самому по себе. Так же я рассуждаю и во всех остальных случаях”. Это есть теория окончательного объяснения, то есть объяснения, чьи экспликанты не могут быть объяснёнными и не нуждаются в дальнейшем объяснении. Это есть теория объяснения посредством сущностей, то есть посредством гипостазированных слов. Платон рассматривал объекты третьего мира как нечто подобное нематериальным вещам, которые наши умы могут пристально рассматривать и интуитивно постигать, но с которыми они не в состоянии соприкасаться. Вот почему обитателями третьего мира – формы и идеи – становятся понятия о вещах, сущности… а не теории, рассуждения или проблемы» [6. С. 460, 461]. Из чего следует, что объяснение у Платона посредством дефиниции сводится к тавтологии. А может ли в данном случае быть по-другому? Платоновские идеи (эйдосы) транслируются посредством неких символов, различные истолкования которых совершенно не уточняют ни их экстенсионала, ни их интенсионала. Поэтому именно в связи с выводами К. Поппера по объяснительной теории идей Платона и возникает вопрос о возможности дефиниции как тавтологии.

К. Поппер утверждает, что эволюционная теория тавтологична: «Беда эволюционной теории состоит в том, что она имеет тавтологический <…> характер: эта беда происходит из того, что дарвинизм и теория естественного отбора, как бы важны они ни были, объясняют эволюцию с помощью принципа “выживания наиболее приспособленных”… А тем не менее трудно обнаружить различие, если только оно существует, между утверждением: “Те, кто выжил, наиболее приспособлены” – и тавтологией: “Выжили только те, кто выжил” <…> у нас нет другого критерия определения приспособленности, чем реальное выживание, и значит, именно из того, что некоторые организмы выжили, мы заключаем, что они были наиболее приспособленными, наилучшим образом адаптировавшимися к условиям своего существования» [Там же. С. 538].

Действительно, между утверждением «Те, кто выжил…» и тавтологией «Выжили только те…» различия de facto не существует, но К. Поппер, тем не менее, представляет первое суждение как утверждение, а второе – как тавтологию (хотя и сомневается в правильности характеристик данных высказываний). Поэтому возникает вопрос: возможно ли неявную тавтологию рассматривать как некое информативное сообщение, т.е. правомерно ли в таком случае утверждение, что тавтология ничего не описывает? «Предложение показывает, что оно говорит; тавтология и противоречие показывают, что они не говорят ничего. У тавтологии нет истинностных условий, ибо она безусловно истинна, противоречие же не истинно ни при каких условиях. Тавтология и противоречие бессмысленны. Но тавтология и противоречие не бессмысленны, они принадлежат символике, подобно тому как “0” принадлежит символике арифметики»,– утверждает Л. Витгенштейн [3. С. 33, 34]. Следовательно, тавтология как описание какого-либо положения дел истинна («Истинность тавтологии достоверна… Логическое произведение тавтологии и предложения говорит то же самое, что и само предложение» [Там же. С. 34]), но возможна ли тавтология как описание вообще? Если вместе с К. Поппером признать мир идей Платона «теорией окончательного объяснения», то мы окажемся в такой ситуации, при которой теория эволюции (являющаяся явной тавтологией) тоже будет отнесена к классу теорий окончательного объяснения.

Такое импликативное рассуждение Платона, как «теория окончательного объяснения», отсылает нас к проблеме символа: мы соотносим определённым образом множество понятий с множеством символов, что в конечном итоге и является презентацией тавтологии как «теории окончательного объяснения». Другими словами, эта теория является одновременно и тавтологией и презентацией определённого дискурса, изначально определившего культурно-историческую европейскую традицию. Но, тем не менее, тавтология как описание и тавтология как невозможность описания – явное противоречие. Если тавтологию «Выжили только те, кто выжил» мы несколько изменим (посредством отрицания второй части): «Выжили только те, кто не выжил», то полученное рассуждение будет противоречием. В связи с чем возникает вопрос о том, может ли данное противоречие быть информативным, учитывая природу противоречия? С точки зрения аспекта видения языковой игры Л. Витгенштейна, данное противоречие может являться частью мистического, религиозного и т.п. дискурса.

Таким образом, de facto противоречие становится своеобразным описанием (нарративом), так как данное предложение приобретает информативность. Следовательно, как тавтология, так и противоречие могут быть конституэнтами только такого дискурса, который не исключает тавтологию и противоречие как неинформативные предложения. И тем не менее: тавтология – неинформативное предложение, дефиниция – определение (описание) чего-либо. Дефиниция не может являться тавтологией (описание всегда информативно), так как это одна из наиболее распространённых языковых игр и т.д. Именно такой аспект видения определяет теорию логического следования (из тавтологии ничего не следует, а из противоречия следует всё, что угодно).

Таким образом, проблема тавтологичности дефиниции – это проблема возможности / невозможности конкретного дискурса, конституирование которого определяется его онтологией, при этом «*рационализация*» последней, несмотря на всю парадоксальность ситуации, приобретает апофатический статус.

Именно такой вариант понимания тавтологии фактически предложен Р. Бартом, который апеллировал к определению предмета через сам предмет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Мифологии. М. : Академ. проект, 2010. 351 с.
2. *Лиотар Ж.* Состояние постмодерна. URL: htpp://www.philosophy.ru/library/lyotard/postmoderne.html (дата обращения: 23.11.2013).
3. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Философские работы. М. : Гнозис, 1994. Ч. II. С. 5–73.
4. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Философские работы. М. : Гнозис, 1994. Ч. II. С. 78–319.
5. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 2 : Мифологическое мышление. М. : Академ. проект, 2011. 279 с.
6. *Поппер К.* Логика и рост научного знания. М. : Прогресс, 1983. 605 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 22 сентября 2014 г.

PROBLEMS OF LEGITIMATION OF KNOWLEDGE IN THE CONTEXT OF THE CONCEPT OF CRITICAL RATIONALISM OF K. POPPER AND IN POST-MODERN DISCOURSE

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 45-48. DOI 10.17223/15617793/390/8

Goncharenko Mark V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: markgon73@rambler.ru

Keywords: definition; tautology; legitimation of knowledge; rationality; discourse; ontology of discourse.

The article analyzes the problem of knowledge legitimation in analytical and postmodern aspects; performs an attempt to review tautology as the principle of knowledge legitimation (R. Barthes, J.F. Lyotard). It is assumed that the ordering of elements is determined by the norm, but cannot be explained by the latter: the relevance of norms becomes so as a result of following certain rules. The question of the possibility / impossibility of falsifying the basis statements is considered in terms of metaphysical nature of the latter (K. Popper). The principle of knowledge legitimation, which is referred to by the representatives of neo-post-positivism, is a permanent attempt to rationalize the irrational. But this attempt may be successful only within the set (pre-specified) rules of the game, as in fact in every case there takes place the determination of the rational as rational and the irrational as irrational by its opposite. In this case, as an example, the article describes the so-called "theory of final explanation" of K. Popper in which he interprets Plato's theory of ideas in terms of the nature of definition. Taking into account L. Wittgenstein's statement that "Verity of tautology is reliable... The logical product of tautology and proposals says the same thing as the original proposals", it is necessary to take into account the possibility / impossibility of tautology as description in principle. If following K. Popper we recognize Plato's world of ideas as the "theory of final explanation", we find ourselves in a situation in which the theory of evolution, which is an obvious tautology, will also be assigned to the theory of final explanation. K. Popper's statements about the tautology of the evolutionary theory lead to a question why implicit tautology (unlike explicit tautology) can be regarded as an informative statement, and whether it is lawful in this case to share an opinion that tautology describes nothing? Thus, the problem of tautology of a definition is a problem of possibility / impossibility of a particular discourse, assertion of which is determined by its ontology, and "rationalization" of the latter, despite the paradoxicality of the situation, gets an apophatic status.

REFERENCES

1. Barthes R. *Mifologii* [Mythologies]. Moscow: Akadem. proekt Publ., 2010. 351 p.
2. Lyotard J. *Sostoyanie postmoderna* [Postmodern condition]. Available from: htpp://www.philosophy.ru/ library/lyotard/postmoderne.html (Accessed: 23rd November 2013).
3. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty* [Works on philosophy]. Moscow: Gnozis Publ., 1994. Pt. II, pp. 5–73.
4. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty* [Works on philosophy]. Moscow: Gnozis Publ., 1994. Pt. II, pp. 78–319.
5. Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form* [Philosophy of symbolic forms]. Moscow: Akadem. proekt Publ., 2011. Vol. 2, 279 p.
6. Popper K. *Logika i rost nauchnogo znaniya* [Logic and growth of scientific knowledge]. Moscow: Progress Publ., 1983. 605 p.

Received: 22 September 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 49–53. DOI 10.17223/15617793/390/9

УДК 1 (091)

Ю.Н. Кириленко

РИТУАЛ КАК СТРУКТУРА: ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ СМЫСЛА

Исследование проведено при поддержке гранта Президента РФ МК-1872.2013.6.

Целью данной статьи выступает анализ структуралистских концепций, исследующих ритуал с точки зрения поиска его универсальной структуры, что в дальнейшем позволило бы создать единую методологию интерпретации смысла ритуального действия. В результате исследования автор приходит к выводу, что двойственная природа ритуального акта не дает возможность выделить ту константу в структуре ритуала, которая позволила бы однозначно решить проблему интерпретации ритуала. Однако определяемый представителями структурализма синтаксис ритуального акта позволяет систематизировать уровни ритуального действия, за счет чего возможно осуществить синтез предложенных процедур интерпретации ритуала.

Ключевые слова: ритуал; структурализм; структура; сакральное; мифология; интерпретация; герменевтика.

Феномен ритуала и связанные с ним понятия жертвенности, сакрального и профанного миров и пр. являются одними из центральных мотивов не только в архаических культурах или христианской мифологии, но и значимы для современной парадигмы коммуникативной онтологии, отражающей основные следствия постметафизического поворота в философии. С этой точки зрения представляется актуальной задача выявления специфики рассмотрения новой онтологии смысла ритуального действия, ее роли в формировании основ лингвистического решения проблемы интерпретации ритуала, когда ритуал становится структурным элементом повседневности. Целью данной статьи является раскрытие одного из аспектов рассмотрения ритуала в современной философии – с точки зрения его структуры как уникального кода, разгадав который, можно создать универсальный метод его интерпретации.

Для рассмотрения ритуала в качестве структуры необходимо прояснить понятие ритуала и связанных с ним категорий. В самом традиционном смысле ритуал можно обозначить как часть вечного, которая существует здесь и сейчас, вырывая человека из сфера обыденного к трансцендентному. Таким образом, особое значение уделяется категории перехода, который происходит во время ритуала, в результате чего осуществляется «переход из одной мифологически-религиозной зоны в другую» [1. С. 117]. Этот переход с неизбежностью влечет за собой внутренние и внешние трансформации для его участников, чье наличное бытие разделяется им на определенные периоды и этапы. А. ван Геппен была предложена схема ритуалов перехода, которая «теоретически состоит из обрядов прелиминарных (отделение), лиминарных (промежуток), постлиминарных (включение)» [2. С. 15]. Если в качестве неотъемлемой части ритуального акта подразумевается внутреннее изменение, которое влечет за собой внешнее, то следует признать, что все ритуалы являются в каком-то смысле ритуалами перехода и укладываются в предложенную схему. Жертвоприношение в данной схеме играет роль цены за этот переход.

Однако следует уточнить возможные интерпретации категории сакрального в ритуальном акте. Для архаического человека, во времена господства мифологического мышления, этот переход носил иной характер, нежели для современного человека. Ранее мир сакрального и профанного были гораздо ближе друг к другу, но, тем не менее, граница обозначена и для современного дексакрализованного мира. «Каждый магический ритуал имеет свое название, свое время и место, соответствующие плану работ, и четко выделяется на фоне повседневной деятельности» [3. С. 33]. Для современного человека, мир которого не пронизан сакральным, действие которого осознанно и носит рациональный характер, разрыв между сакральным и профанным более очевиден. Хотя зачастую ритуальные действия, которые регулярно выполняются современным человеком, являются десакрализованными ритуалами, которые в прошлом имели и собственную мифологию, и особое время и место исполнения. Таким образом, при интерпретации ритуальных актов следует проводить различение между архаическими ритуалами и современными, учитывая происходящие изменение и в структуре ритуала, и в его эффектах. Выделение универсальной структуры ритуального акта, действенной для современных и архаических ритуалов, позволило бы избежать подобных затруднений при интерпретации.

С точки зрения рассмотрения ритуала как особой структуры, одной из наиболее знаковых фигур является В.Я. Пропп, который отказался от исторического и генетического метода исследования в пользу синхронического структурного анализа, реализованного им сначала на материале сказок, а потом на примере праздников, которые также являются формами ритуальной деятельности. Прежде всего, исходя из идей В.Я. Проппа, можно говорить о внеисторическом характере ритуала, и в этом смысле сама структура и внутренняя цель ритуального действия остаются неизменными. Как следствие, структурный анализ позволяет выделить эту общую структуру, что, в свою очередь, дает возможность однозначно и ясно интерпретировать ритуалы. Но последний вывод не соответствует действительности в силу самой сути ритуала. Анализируя праздники в работе «Русские аграрные праздники» [4], Владимир Яковлевич так же, как и в случае сказок, утверждает наличие некой константной части. Выделяя некоторые функции (которые как раз и являются теми элементами-

константами, которые свойственны всем ритуалам), В.Я. Пропп фактически вводит классификацию ритуалов, этим осуществляя структурный анализ, что он делал ранее на примере сказок. «При всех отличиях в деталях мы устанавливаем типичное сходство форм обряда в разные сроки. <…> Объясняя отличия, мы не решаем самой проблемы о происхождении и исконном смысле аграрных праздников. Поэтому раньше, чем решить вопрос о множестве и различиях, необходимо решить вопрос о единстве и сходстве, которое объясняет это множество» [4. С. 101, 102]. Но в отличие от сказок ритуал является одновременно и знаком, и средством, в том смысле, что любой ритуал помимо содержания в себе некого сообщения-символа, имеет силу или интенцию для того, чтобы изменять настоящее и будущее и собственно осуществлять переход. Таким образом, утверждается некоторая единая структура для любого ритуального действия, но за счет двойственности функций ритуала, а как следствие, множественности смыслов, нельзя с полной уверенностью говорить об однозначной процедуре интерпретации ритуала, а только о классификации. Более того, анализируя работы В.Я. Проппа, следует указать, что его поиск единой структуры ограничивается скорее внешним планом выражения ритуала, нежели внутренней интенцией и сообщением, что объясняется как раз тем, что интерпретация ритуала не являлась основной задачей для исследователя, хотя он и зафиксировал многоуровневость данного феномена. В связи с концепцией В.Я. Проппа следует упомянуть и идеи К. Бремона, который подверг критике подход Владимира Яковлевича к функциям языка. В работе «Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа» [5] он утверждает, что помимо функций, нам необходимо выделять более крупные элементы структуры, которые он называет последовательностями. «Почти все последователи Проппа почувствовали необходимость ввести наряду с наименьшей (функция) и наибольшей (“ход” из тридцати одной функции) повествовательными единицами промежуточные группировки, где функции объединялись бы в пары или в триады и были бы связаны парадигматическими и синтагматическими отношениями: таково, например, отношение <…> последовательность возможность действия / ее реализация в форме поступка / результат» [Там же. С. 478]. Это укрупнение имело своей целью отказаться от финализма, который утверждается В.Я. Проппом при анализе волшебной сказки. Клод Бремон расширяет сферу своего исследования на все повествовательные тексты, вследствие чего предзаданность результатов, которая есть в сказке, перестает реализовываться. Это замечание справедливо и для ритуалов, так как возможные действия (пусть они и предзаданы) не всегда приводят к тому результату, который задумывался изначально.

Еще одним исследователем в традиции структурализма, который рассматривал ритуал, являлся Ролан Барт. Он был одним из тех мыслителей, которые окончательно утвердили мифологическую природу ритуала, называя последний «материальным носителем мифического сообщения» [6. С. 77]. С одной стороны, связывая миф и ритуал, Р. Барт позволяет перейти к новому уровню осмысления ритуального действия, а с другой стороны, понимая «миф» как вторичную семиологическую систему, исследователь ощутимо сужает смысл и функции ритуала. Ритуал в этом значении становится лишь элементом в структуре мифа и лишается реальной действительности. По сути, Р. Барт делает ритуал таким же конструктом и продуктом человеческого сознания, как и миф, придавая ему негативную смысловую нагруженность. Ритуал Р. Барта лишен связи с трансценденцией, представляясь пустой оболочкой, служащей основой для конструирования мифов. Как следствие, ритуал, «лишенный Бога» [7. С. 138], является достаточно простым объектом для интерпретации. В контексте данного исследования важным представляется иная идея в концепции Р. Барта. Структура мифа и то, как он его определял, во многом соответствует тому, что было зафиксировано выше в качестве характеристик ритуала. Во-первых, это представление Р. Барта о мифе как об особом виде коммуникации, который несет в себе сообщение и обладает интенцией для того, на кого это сообщение направлено. Во-вторых, важен тот смысл, который вносит Р. Барт в так называемый метаязык. Если обратиться к той схеме мифа, которую он предложил в работе «Мифологии», опираясь на концепцию знака Ф.Д. Соссюра, «миф представляет собой особую систему и особенность эта заключается в том, что он создается на основе некоторой последовательности знаков, которая существует до него; миф является вторичной семиологической системой. Знак (то есть результат ассоциации концепта и акустического образа) первой системы становится всего лишь означающим во второй системе» [6. С. 78]. То есть вводятся понятия языка-объекта и метаязыка, и в последней описанной схеме миф является метаязыком. Если обратиться к тому определению ритуала, которое было сформулировано ранее, то последний является также особой коммуникацией, несущей в себе сообщение, обладающей собственной интенцией, а также он выступает метаязыком в том смысле, что он есть язык, на котором говорят о языке-объекте или, как его определил Р. Барт, «метаязык есть система, план содержания, которой сам является знаковой системой; это семиотика, предметом которой является семиотика» [8. С. 158]. И с этой точки зрения, во-первых, происходит расширение тех коммуникаций, которые можно назвать ритуалом, а во-вторых, при исследовании и интерпретации метаязыка «незачем интересоваться строением языка-объекта, учитывать особенности языковой системы; он берет языковой знак в его целостности и рассматривает его лишь с точки зрения той роли, которую он играет в построении мифа» [Там же. С. 79].

Таким образом, для процедуры интерпретации ритуала в концепции Р. Барта можно выделить два плана в структуре ритуала. Первый – внешний, который без внутреннего плана является одноуровневой системой. Второй – внутренний, который использует первый для конструирования собственного смысла, и если первый является относительно произвольным, то у второго есть внутренняя цель и интенция. Таким

образом, основная сложность при интерпретации ритуала также заключается в его двойственности, следовательно, уже изначально возможно говорить об отсутствии единственного способа истолкования и понимания любого ритуального действия, и как следствие фиксируется неопределенность интерпретации.

Структуру коммуникации развил в своих работах Роман Осипович Якобсон, который разрабатывал славянскую сравнительную поэтику на основании анализа языка. Следует отметить, что Р.О. Якобсон рассматривал исключительно вербальную коммуникацию, однако его схему речевой коммуникации можно применять с определенными ограничениями и для невербальной коммуникации. Как и остальные структуралисты, он искал общее в языковой структуре ритуальных практик, таких как тосты, праздничные речитативы и пр. В результате Р.О. Якобсон представляет схему речевой коммуникации через категории адресат, контекст, сообщение, контакт, код [9. С. 198]. Он дополняет ее языковыми функциями: коммуникативной (референтивной), апеллятивной, поэтической, экспрессивной, фатической, метаязыковой [Там же. С. 203]. Роман Осипович концентрирует свое внимание на поэтической функции языка. В контексте данного исследования наибольший интерес представляет фатическая функция, которая доминирует в некоторых ритуальных коммуникациях, так как целью ритуала зачастую является не донесение содержания некоторого сообщения, а установление контакта и направленность на его поддержание. С этой точки зрения, фатическая функция «осуществляется посредством обмена ритуальными формулами или даже целыми диалогами, единственная цель которых – поддержание коммуникации» [Там же. С. 201]. Выделение подобной функции в структуре ритуала как коммуникации дает возможность исключить из сферы интерпретации те ритуалы, в которых доминирует данная функция.

Примером решения проблемы интерпретации ритуала через поиск универсальной структуры может служить и концепция Э. Лича, который понимал ритуал максимально широко, не ограничиваясь лишь религиозной сферой. Также он не разделял понятия «обряд» и «ритуал» и основным объектом своего изучения сделал разнообразные обряды перехода. «Во всех человеческих обществах в подавляющем большинстве случаев ритуалы – это «обряды перехода», отмечающие пересечение границы между одной социальной категорией и другой» [10. С. 47]. Обряд – это безвременье, когда социальный пространственно-временной континуум прерывается и человек – участник того или иного перехода – оказывается вырван за пределы своего обыденного уклада жизни. Именно поэтому то, что именуется сферой сакрального, по мнению Э. Лича, есть вырывание из обыденности. Однако, даже при понимании сакрального как вырывания из контекста обыденного, и сакральное, и профанное являются двумя зонами социального пространства-времени.

Таким образом, Э. Лич максимально отходит от религиоведческой трактовки ритуала, так же как и предшествующие мыслители, обращая внимание прежде всего на его социальные функции. С этой же спецификой рассмотрения ритуала данным исследователем связано и то, что он рассматривает обряд как материализацию ментального, которая играет чрезвычайно важную роль, так как «переводя идеи, т.е. продукты разума, “ментифакты”, в материальные объекты “вне нас”, мы придаем им относительное постоянство и в этой постоянной материальной форме можем подвергнуть их техническим операциям, которые недоступны разуму, если он действует сам по себе» [10. С. 48]. И далее, для того чтобы понять, как расшифровать послание, заложенное в ритуале, Э. Лич вводит две бинарные оппозиции: знак – символ и метонимия – метафора соответственно. В каждом ритуале есть некоторый код, который возможно расшифровать лишь будучи в его контексте. Но при этом внутри религиозных ритуалов, «прибегая к символам (метафорам) – в отличие от сигналов, естественных индексов и знаков, – мы используем свое воображение, чтобы связать вместе две сущности или два ряда сущностей (материальных или абстрактных), которые обычно принадлежат к совершенно разным контекстам» [Там же. С. 51].

Таким образом, отвечая на вопрос о том, как истолковать послание, заложенное в ритуале, Э. Лич говорит о «сгущении опыта». Соответственно, мыслитель дает следующее правило для дешифровки послания, заложенного в тексте ритуала: «Знаки и символы передают смысл, когда они сочетаются друг с другом, а не тогда, когда представляют собой наборы бинарных знаков в линейной последовательности или наборы метафорических символов, связанных единой парадигмой. Говоря иначе, мы должны многое знать о данном культурном контексте, о «художественном оформлении сцены», прежде чем сможем хотя бы начать расшифровывать послание» [Там же. С. 116]. Слабость подобной предпосылки заключается в немотивированных допущениях. Во-первых, допущение о том, что невербальная коммуникация всегда имеет упрощенный синтаксис, во-вторых, что ритуал есть невербальная коммуникация.

Подобные процедуры интерпретации были предложены еще одним известным представителем структурализма, который занимался исследованием феномена ритуала, – К. Леви-Строссом. И хотя в его работах ритуал занимает далеко не центральное место, тем не менее он уделял ему достаточно внимания, так же как и Р. Барт, связывая его с мифологией. Клод Леви-Стросс разделяет две системы – систему наименований (которая образует систему терминов) и систему установок. Первая более ясна и понятна, так как именно система наименований служила объектом изучения для большинства исследователей. В свою очередь, установки, образующие вторую систему, не столь однозначны и бывают двух видов: «прежде всего установки неясные, неотстоявшиеся и лишенные характера определенных институтов, о которых можно сказать, что в психологическом плане они являются отражением или порождением терминологии родства; и наряду с этими установками или в дополнение к ним существуют установки, фиксируемые ритуалом, обязательные, санкционированные посредством табу

или привилегий и выражающиеся с помощью определенного церемониала» [11. С. 44].

Таким образом, К. Леви-Стросс утверждает заданную структуру ритуала. Соответственно, процесс интерпретации ритуального действия начинается с разделения ритуала на отдельные элементы, так как самый незначительный из них может содержать в себе большее, чем предполагает исследователь извне. «Тонкости ритуала, которые могут показаться бесполезными, когда их рассматривают поверхностно и извне, объясняются заботой о том, что можно было бы назвать “микрораспределением”: не упустить никакое существо, объект или аспект, с тем чтобы отвести ему место внутри какого-либо класса» [12. С. 60]. Как следствие, каждый элемент в структуре ритуала имеет свое четко заданное действие, определив данное место, все микроэлементы ритуала, их значение и характер взаимодействия, возможно полностью понять смысл, заложенный в ритуальном действии. Возможным недостатком предложенной процедуры интерпретации ритуала является нарушение закона эмерджентности. Ритуал есть система, и если разбить ее на элементы, то из складывания смыслов, заложенных в каждом элементе, не получится единое сообщение, зашифрованное в ритуале. Последнее возражение справедливо для большинства структуралистских концепций. Пытаясь интерпретировать смысл ритуала через перечисление и классификацию его элементов, ожидаемый результат – интерпретация ритуала как целостной системы – не достигается.

Таким образом, подводя итог данному исследованию, следует говорить о том, что в современной философии ритуал выступает как многоуровневая система или коммуникация, а сообщение, заложенное в ритуале, обладает собственной интенцией. Представители структурализма считали, что задача дешифровки послания, заложенного в ритуальном действии, автоматически решится за счет понимания синтаксиса текста ритуала. Однако любое разбиение ритуала на элементы нивелирует общий смысл, зашифрованный внутри него, но позволяет систематизировать уровни ритуального действия, за счет чего возможно осуществить синтез предложенных процедур интерпретации ритуала, что является возможным направлением для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кассирер Э.* Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление. М. : Универ. книга, 2002. 279 с.
2. *Геннеп А., ван* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.
3. *Малиновский Б.* Магия. Наука. Религия. М. : Рефл-бук, 1998. 304 с.
4. *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники. Л. : Изд-во ЛГУ, 1963. 142 с.
5. *Бремон К.* Структурное изучение повествовательных текстов после В. Проппа // Семиотика: антология. Екатеринбург : Деловая книга, 2001. С. 472–480.
6. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика : Поэтика. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
7. *Барт Р.* Империя знаков. М. : Праксис, 2004. 144 с.
8. *Барт Р.* Основы семиологии / Структурализм: «за» и «против». М. : Прогресс, 1975. С. 114–164.
9. *Якобсон Р.О.* Лингвистика и поэтика / Структурализм: “за” и “против”. М. : Прогресс, 1975. С. 193–231.
10. *Лич Э.* Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 142 с.
11. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
12. *Леви-Стросс К.* Первобытное мышление. М. : Республика, 1994. 382 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 11 ноября 2014 г.

THE RITUAL AS A STRUCTURE: THE PROBLEM OF INTERPRETATION

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 49-53. DOI 10.17223/15617793/390/9

Kirilenko Yulia N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kirilenko_juilia@mail.ru

Keywords: ritual; structuralism; structure; sacred; mythology; interpretation; hermeneutics.

The aim of this article is to analyze structuralist concepts which explore the ritual in terms of its universal structure. It allows creating a methodology for interpreting the ritual's meaning. From the viewpoint of V.Ya. Propp, there is a constant part in the ritual as well as in the case of a fairy tale. As a result, V.Ya. Propp actually implements structural analysis and introduces a classification of rituals. But the ritual (unlike fairy tales) is the sign and the means at the same time, in the sense that any ritual has the power or intention to change the present and the future and actually make the transition. R. Barthes links myth and ritual and proceeds to the new level of the ritual's meanings. On the other hand, he understands the myth as a secondary semiological system, the researcher significantly narrows the meaning and function of the ritual. The ritual of R. Barthes is no communication with transcendence. As a result of R. Barthes' investigation, we can distinguish the two dimensions in the structure of the ritual. The first is external; it is a one-tier system without internal plan. The second is internal; it uses the first dimension to construct its own meaning. E. Leach departs from the theological interpretation of the ritual, he, as well as the previous thinkers, pays attention to the social functions of the ritual. For the interpretation of the ritual's message E. Leach speaks of "thickening experience". Each ritual has a code which is possible to decode only being in its context. From the point of view of C. Levi-Strauss, the process of interpretation of a ritual action begins with the ritual's division into individual elements, because the most insignificant of them may contain more than the researcher assumes from the outside. As a consequence, each element in the structure of the ritual has its own clearly specified action; by identifying its place it is possible to fully understand the meaning of the ritual action. The violation of the law of emergence is a possible disadvantage of the proposed procedure for the interpretation of the ritual. It was concluded according to the study that the ritual is a multi-level system or communication in modern philosophy and the message of the ritual has its own intention. Structuralism representatives supposed that the task of deciphering the messages will be solved automatically by understanding the syntax of the ritual text. However, any ritual's partition on elements eliminates common sense encoded in it; but it allows to organize the levels of the ritual action, thereby it is possible to synthesize the proposed procedures of interpretation of the ritual.

REFERENCES

1. Cassirer E. *Filosofiya simvolicheskikh form* [Philosophy of symbolic forms]. Moscow: Universitetskaya kniga Publ., 2002. Vol. 2, 279 p.
2. Gennep A. van. *Obryady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obryadov* [Rites of passage. A systematic study of rituals]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1999. 198 p.
3. Malinovskiy B. *Magiya. Nauka. Religiya* [Magic. Science. Religion]. Moscow: Refl-buk Publ., 1998. 304 p.
4. Propp V.Ya. *Russkie agrarnye prazdniki* [Russian agrarian holidays]. Leningrad: LSU Publ., 1963. 142 p.
5. Bremond K. *Strukturnoe izuchenie povestvovatel'nykh tekstov posle V.Proppa* [Structural study of narrative texts after V. Propp]. In: Stepanov Yu.S. (ed.) Semiotika: antologiya [Semiotics: An Anthology]. Ekaterinburg: Delovaya kniga Publ., 2001, pp. 472–480.
6. Barthes R. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected Works: Semiotics: Poetics]. Moscow: Progress Publ., 1989. 616 p.
7. Barthes R. *Imperiya znakov* [Empire of signs]. Moscow: Praksis Publ., 2004. 144 p.
8. Barthes R. *Osnovy semiologii* [Fundamentals of semiology]. In: Basin E.Ya., Polyakov M.Ya. (eds.) *Strukturalizm: "za" i "protiv"* [Structuralism: "pros" and "cons"]. Moscow: Progress Publ., 1975, pp. 114–164.
9. Jacobson R.O. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and Poetics]. In: Basin E.Ya., Polyakov M.Ya. (eds.) *Strukturalizm: "za" i "protiv"* [Structuralism: "pros" and "cons"]. Moscow: Progress Publ., 1975, pp. 193–231.
10. Leach E. *Kul'tura i kommunikatsiya: Logika vzaimosvyazi simvolov. K ispol'zovaniyu strukturnogo analiza v sotsial'noy antropologii* [Culture and communication: The logic of the relationship of symbols. On the use of structural analysis in social anthropology]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2001. 142 p.
11. Levi-Strauss C. *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow: EKSMO-Press Publ., 2001. 512 p.
12. Levi-Strauss C. *Pervobytnoe myshlenie* [Prehistoric thinking]. Moscow: Respublika Publ., 1994. 382 p.

Received: 11 November 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 54–59. DOI 10.17223/15617793/390/10

УДК [111:572]::316.752

Д.В. Константинов, А.Г. Холомеев

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА: ЧЕЛОВЕКОСОЗИДАЮЩИЕ И ЧЕЛОВЕКОРАЗРУШАЮЩИЕ ЦЕННОСТИ

Рассматриваются три аспекта природы человека (биологический, социальный и духовный), необходимые для его существования. Показывается, что составляющие сферу духовного феномены представляют собой человекосозидающие ценности, которые не редуцируются к биологическому или социальному и не могут быть объектом обладания. Поэтому пропагандируемые массовой культурой ценности тотального обладания могут стать разрушительными для человека.
Ключевые слова: бытие человека; ценности; личность; духовная культура; общество массового потребления; идеология.

Введение

М.К. Мамардашвили, характеризуя современную европейскую философию, подчёркивает, что она, по большому счёту, представляет собой попытку «в новой ситуации разума дать человеку новые средства, позволяющие ему жить в новом мире, такие средства, которые в традиционной философии не даются» [1. С. 35]. Не вдаваясь в подробности, отметим, что под «новой ситуацией разума» здесь следует понимать ту сложившуюся в современной культуре установку, благодаря которой жизнь человека в мире действительно становится проблематичной, поскольку проблематичным становится *сам* человек. Причины такой проблематичности мы и попытаемся раскрыть через обращение к аксиологическим аспектам бытия человека.

Бытие человека

В данной статье мы говорим о ценностях с опорой на онтологию человека. Понятие бытия и, в частности, бытия человека в философии не является однозначным[1], и потому мы постараемся для начала прояснить собственную позицию. Для этого уместно обратиться к работам М. Хайдеггера. Хайдеггер рассматривает бытие как «то, что определяет сущее как сущее, то, в виду чего сущее, как бы оно ни осмыслялось, всегда уже понято» [2. С. 21]. В свою очередь, эта интерпретация, по мнению Хайдеггера, восходит ещё к философии Гераклита. Комментируя фразу Гераклита «одно (есть) всё», Хайдеггер подчёркивает: «Говоря более строго – Бытие есть сущее. При этом “есть” является переходным глаголом и означает “собранное”. Бытие *собирает* сущее как сущее» (курсив наш. – *Д.К., А.Х.*) [3. С. 117]. Исходя из такого понимания бытия, мы говорим о бытии человека как объективном *основании* или необходимом *условии* существования человека. Таким образом, человеческое бытие – это то, что позволяет на первом шаге человеку *быть* человеком, *собирать* в себе человеческое, а на возможном втором шаге – *осознать себя* человеком, посмотреть на себя как бы от третьего лица, или со стороны.

Итак, в мире есть феномен человеческих состояний, и онтологическим вопросом будет вопрошание о том, как такие состояния возможны. Так, поставленный вопрос подразумевает, что существование человека как человека нуждается в определённом основании. Далее мы рассмотрим три аспекта сущности человека, которые и пытаются представить, что такое основание, как правило, отдавая приоритет какой-то одной стороне. Этими аспектами будут биологическое, социальное и духовное в человеке. Остановимся подробней на каждом из них.

Едва ли кто-либо попытается оспорить тот факт, что человеческий организм на физиологическом уровне функционирует по биологическим законам. От природы человек наделён определённым набором органов чувств, имеет определённую продолжительность жизни и т.д. Все эти заданные естественным образом особенности, отличающие человека от любого другого живого существа, М.К. Мамардашвили, М.К. Петров и другие авторы обозначают термином «*человеческая размерность*» (подробнее об этом см.: [4]). В целом можно сказать, что понятие «человеческая размерность» характеризует те ограничения, которые неизбежно возникают, когда мы рассматриваем человека в дискурсе биологии. Действительно, человек конечен: он рождается и умирает; у него есть именно *такое* (а не *другое*) тело, есть определённые жизненно важные биологические потребности; у него *конкретным* образом устроены органы чувств и т.д. Это, в свою очередь, означает, что человек что-то может (увидеть, воспринять, понять и т.д.), а чего-то не может *в принципе*. И.С. Алексеев для иллюстрации этого осуществляет своеобразный мысленный эксперимент: «Представим себе гипотетического “негеоцентрического” субъекта (не человека!), объектные характеристики которого… существенно отличны от соответствующих характеристик человека. В то время как человек имеет рост порядка 10^2 см и живёт порядка 10^2 лет, наш гипотетический субъект пусть имеет размеры тела порядка, скажем, 10^{100} см и время жизни соответственно порядка 10^{100} лет. <…> Так вот, нам представляется достаточно очевидным, что в мире объектов-вещей такого субъекта не будет ни наших атомов, ни гор, ни даже планет и звёзд, ибо они попросту не могут фигурировать в его “негеоцентрической” практической деятельности, выступая в роли её инвариантов (напомним, что, согласно современным данным, возраст Солнечной системы не превышает 10^{10} лет, а размер Метагалактики – порядка 10^{26} см). Зато его внешний мир будет содержать такие (объективные по отношению к нему) объекты-вещи, с которыми мы не можем (в силу нашей объективной природы) заниматься в нашей практической деятельности и которые поэтому “не существуют для нас”» [5. С. 223, 224]. Действительно, гипотетический «не-

геоцентрический» субъект познания И.С. Алексеева несоизмерим с такими параметрами окружающего нас мира, как возраст Солнечной системы и размер Метагалактики. Но точно так же несоизмерим с ними и человек. Поэтому, говоря словами Т. Нагеля, вполне «можно верить и в то, что существуют факты, которые не могут быть представлены или осмыслены людьми, даже если бы человечество как вид жило вечно – просто потому, что наша структура не позволяет нам оперировать необходимыми для этого понятиями» [6. С. 441].

Можем ли предположить, исходя из сказанного ранее, что биология способна раскрыть специфику феномена человека? Представляется, что ответ здесь будет отрицательным. Несмотря на то, что человек – это вполне конкретное и даже уникальное живое существо, сходств между человеком и животным с точки зрения биологии всё же намного больше, чем отличий. Как справедливо указывает Н.М. Бережной, естественные потребности человека есть «проявления того инстинкта жизни, которые свойственны человеку, также как всему роду животного мира» [7. С. 9]. Другими словами, для понимания специфики человека рассмотрения его на биологическом уровне ещё не достаточно. Вот почему мы можем согласиться с М. Хайдеггером, говорящим следующее: «Если физиология и физиологическая химия способны исследовать человека в естественнонаучном плане как организм, то это ещё вовсе не доказательство того, что в такой “органике”, то есть в научно объяснённом теле, покоится существо человека. Это ничуть не удачнее мнения, будто в атомной энергии заключена суть природных явлений» [8. С. 323]. Действительно, жизнь человека в широком смысле этого слова не сводится только лишь к деятельности человеческого организма, пусть без неё она и невозможна.

Если основания человеческого не получается обнаружить в биологическом, то, может быть, их следует искать в социальном? Действительно, такие попытки неоднократно предпринимались в истории философской мысли (и предпринимаются до сих пор). При этом социальность чаще всего интерпретируют в более широком смысле как нечто неразрывно связанное с культурой (см., например: [9. С. 155–170]). В более узком же смысле слова термин «социальное» подразумевает наличие определённых надындивидуальных структур, социальных институтов. Одной из функций социальных институтов является функция социализации, включения человека в систему общественных отношений. Социализация позволяет человеку успешно идентифицировать себя в социуме и взаимодействовать в нём с другими людьми.

Стоит уточнить, что не обязательно социальная среда, в которой родился и вырос индивид, сыграет решающую роль в его становлении как человека в полном смысле этого слова. Однако очевидно, что вне общества полноценного человека, т.е. *личность*, сформировать нельзя (примеры феральных людей это очень ярко демонстрируют). Но в то же время в обществе нередко происходит и подавление личностного начала в человеке – того начала, которое мы как раз и связываем с духовностью. Таким образом, человек, постоянно сталкиваясь лицом к лицу с интересами других людей, порой вынужден преодолевать давление со стороны социума, пытаясь сохранить своё внутреннее «Я».

Помимо биологического и социального аспектов, в человеке есть некое особое измерение, которое мы и обозначили термином «духовность». Отметим, что говорить о духовном в человеке чрезвычайно сложно, как и дать сколько-нибудь исчерпывающее и удовлетворительное определение духовности. Поэтому мы не будет приводить такие определения, равно как и пытаться создать собственное. Вместо этого попробуем обозначить ряд феноменов, которые и составляют, по нашему мнению, сферу духовного. К ним можно отнести совесть, мысль, сопереживание, добро и т.п. Мы утверждаем, что все подобные феномены достаточно автономны для выделения их в отдельную сферу (сферу духовного) вопреки расхожей традиции редукции духовного либо к природному (социобиология)[2], либо к социальному[3]. Другими словами, среди возможных подходов к так называемой проблеме психофизиологического дуализма (представляется, что такое наименование не совсем удачно, если различать психику и сознание) нам ближе антиредукционистские позиции[4]. Причины этого мы постараемся более подробно раскрыть далее.

Во-первых, отметим, что бытие объективно, т.е. не зависит от человека. От человека не зависит тот набор органов чувств, которым он обладает, человек не выбирает общество, в котором он появляется на свет, но от человека (от его желания или нежелания, воспитания, социального положения и т.д.) не зависит и момент пробуждения, например любви или совести. Это некая устремлённость, которая вдруг появляется неизвестно откуда и которую человек уже не в силах отменить (но её, впрочем, можно экранировать). Даже событие понимания (мысли) не вполне подвластно воле и желанию человека – никто не сможет сказать, когда человек что-либо поймёт (и поймёт ли вообще), несмотря на все его возможные попытки достичь понимания и ясности.

Во-вторых, человек всегда смотрит на мир *только* через призму *своих* духовных (ментальных) состояний, поскольку покинуть пределы своего сознания он не может. Ничего не может быть дано человеку, минуя его сознание. Т. Нагель отмечает, что если быть совсем честным, то нельзя с уверенностью утверждать даже наличие сознания у другого человека, поскольку «единственный реально доступный нам внутренний опыт – это наш собственный» [10. С. 20]. Другими словами, акт взаимодействия человека и мира – далее неразложимый акт. Деление на субъект и объект – абстракция, удобная для учёного, но не для философа. Философ должен отдавать себе отчёт, что такое деление возможно как сугубо теоретическая конструкция уже *после* случившейся соразмерности человека и мира, выразившейся в том, что мы *уже* неотменимым образом находимся в мире и можем смотреть на него нашими человеческими глазами и понимать его человеческим образом. Поэтому представляется не совсем корректным искать причину духовных состояний человека только во внешних усло-

виях, природных или социальных. Это верно хотя бы потому, что само понятие внешнего оказывается проблематичным.

Духовное бытие человека неразрывно связано с духовной культурой социума, включающей в себя в первую очередь (но не только) науку, искусство, философию и т.д.[5] Артефакты (тексты) духовной культуры, помимо возможного утилитарного значения, в первую очередь призваны помочь человеку собирать себя как человека. Другими словами, человек, чтобы удержаться в сфере духовного, нуждается, по определению М.К. Мамардашвили, в «амплификаторах или усилительных приставках к нашим психическим, ментальным и другим возможностям» [11. С. 82]. Но даже при наличии таких амплификаторов полностью собранным человек в эмпирической реальности не бывает никогда. Полная собранность была бы равносильна выходу за пределы человеческого к сверхчеловеческому (божественному) состоянию. Однако *подлинно живым* человек может быть лишь в устремлённости к *сверхчеловеческому*. Вот почему человек – это всегда *возможный* человек, это, говоря словами В.Д. Губина, «метафора самого себя» [12]. Истинная культура, в свою очередь, как раз и должна быть ориентирована на возможного человека, что фактически и означает наличие у человека возможности *быть* человеком. Можно сказать, что под истинной культурой мы вслед за М.К. Мамардашвили понимаем такую, которая способна поддерживать «систему отстранений от конкретных смыслов и содержаний, создавая пространство реализации и шанс для того, чтобы мысль, начавшаяся в момент А, в следующий момент Б могла бы быть мыслью. Или человеческое состояние, начавшееся в момент А, в момент Б могло бы быть человеческим состоянием» [13. С. 114]. Сам Мамардашвили, правда, называет такую поддерживающую систему *цивилизацией*, мы же предпочитаем называть это *культурой*, различая вслед за И. Кантом культуру и цивилизацию.

Итак, человеку, чтобы оставаться человеком, необходимо постоянно находиться в созидающем процессе, каждый раз переосмысливая и создавая себя заново. В таком процессе и возникает *личность*. Личностное – это то, что заставляет человека стремиться упорядочить свою жизнь на *собственных* основаниях. Так, например, личностный акт соблюдения закона (нарушение закона есть разрушение порядка и в обществе, и одновременно в душе самого нарушившего закон) подразумевает не следование традиции (все соблюдают, и я тоже) и не страх наказания, но некую внутреннюю убеждённость, что закон просто *нужно* соблюдать. В данном случае человек не рассуждает о том, что закон на самом деле несправедлив (отметим, что, находясь вне пространства закона, бессмысленно говорить о его справедливости или несправедливости), не пытается найти отговорки и лазейки, чтобы не соблюдать его. Он соблюдает закон, потому что это *закон* и *только* через соблюдение закона возможно существование законности в обществе. Личностное, таким образом, имеет отношение к основаниям культуры (без личностного культура невозможна), но в то же время из культурных содержаний не выводится. Важно понимать, что культура не гарантирует человеческое (Первая и Вторая мировые войны это показали), хотя сама она появляется в устремлённости к человеческому. Более того, культура может вырождаться, утрачивать своё человекосозидающее значение, хотя на первый взгляд это может быть не столь заметно при сохранении цивилизации как внешней оболочки культурных феноменов.

Таким образом, вопрошание о бытии человека – это фактически задача поиска тех оснований, которые позволяют человеку *быть*. Данные основания философы различных школ и направлений пытаются найти в биологическом, социальном или духовном аспектах жизни человека. Мы, в свою очередь, отдаём здесь приоритет духовному началу в человеке, не сводимому к биологическому или социальному. Более того, такая несводимость зачастую приводит к конфликтам и противоречиям. В этом контексте особенно важным, на наш взгляд, является конфликт между социальным и духовным, поскольку именно общество, находясь в непрерывной динамике, способно нарушать и перестраивать ценностный каркас личности, заменять человекосозидающие ценности человекоразрушающими. В итоге может возникнуть «ситуация неопределённости» (термин М.К. Мамардашвили), в которой человек уже не сможет *быть* человеком. Как отмечает сам М.К. Мамардашвили, человек в такой ситуации превращается в зомби, а его жизнь – в абсурдное существование [13. С. 112–114]. Далее мы попытаемся более подробно это пояснить.

Ценности человека

Прежде чем дать характеристику человекосозидающим и человекоразрушающим ценностям, нам необходимо раскрыть само понятие ценности. Точное определение ценности дать очень трудно. На первый взгляд, ценности имеют сугубо субъективный характер. Мы не отрицаем, что ценности всегда так или иначе связаны с социальной средой, в которой находится индивид, они формируются обществом. Но в то же время конкретный набор ценностей того или иного человека всегда субъективен. На это обращает внимание, например, Л.В. Баева: «Ценности – идеальный феномен, особенностью которого, в отличие от материальных объектов, является принадлежность к субъективному восприятию и сознанию. Когда мы говорим, что какие-либо предметы или отношения обладают ценностью для нас, это не означает, что они являются такой же ценностью для других индивидов» [14. С. 65]. Кроме того, ценности не являются застывшими, они взаимодействуют друг с другом, трансформируются, пребывая в постоянной динамике. Таким образом, человек, формируя ценностное основание своей жизни, постоянно преодолевает путь от частного к общему и обратно. Он преобразует ценности социума, придавая им свой собственный смысл. Сама же социальная среда по отношению к индивиду имеет сравнительно случайный характер. Она может довлеть над ним или, напротив, дать необходимую свободу и пространство для живой мысли.

Несмотря на это, мы утверждаем, что те человекосозидающие ценности, которые позволяют человеку собирать себя в пространстве личностного, являются *объективными*. Субъективность ценности здесь исключается тем, что фактически такие ценности составляют предельные (онтологические) основания человеческого. Таковы уже упомянутые ранее феномены, образующие сферу духовного бытия человека. Проблема такого рода ценностей для философа, по наблюдению М.К. Мамардашвили, – «…это не проблема веры человека в идеалы, высшие ценности. Речь… идёт о другом – об участии человека с его усилием в реальной жизни, отличной от нашей, в реальной жизни некоторых онтологических абстракций порядка или так называемых высших, или совершенных, объектов» [15. С. 277]. В качестве такого «совершенного объекта» можно взять, например, совесть. Очевидно, что в эмпирической реальности невозможно встретить человека с абсолютно чистой совестью. Однако каждый эмпирически фиксируемый акт поступка по совести предполагает, что совесть *уже* есть, и есть *вся сразу* в данном поступке. Ведь совесть не может быть в какой-то большей или меньшей степени, она либо есть вся, либо её нет вовсе. Причём ситуация, когда совесть есть, – это не результат обобщения какого-либо предшествующего опыта человека, совесть не задаётся в виде идеала. Даже если попытаться задать идеал совести, то из знания этого идеала не будет с необходимостью следовать ни один реальный поступок. К тому же идеалы могут быть разными, а совесть *одна* – нельзя сказать, что у каждого человека есть какая-то своя совесть. Аналогично и добро одно – одно не по содержанию, а по факту своего присутствия в мире. Любой эмпирический акт добродетели возможен (в чём бы он ни выразился), потому что добро *уже* есть. В этом смысле совесть, добро и т.п. феномены объективны, т.е. не человеком создаются и не являются результатом его рефлексии или теоретических обобщений. Человек может лишь пытаться собственным усилием сохранить в себе состояние пребывания в совести, добре и т.д.

Мы уже говорили ранее, что самосозидающее усилие человека должно поддерживаться культурой. Однако духовная культура является весьма ранимой и восприимчивой ко всем изменениям, в том числе негативным. Её очень легко надломить и придать ей иное направление. Это представляется нам актуальным для настоящего времени, когда процесс духовного становления личности переживает определяющее воздействие со стороны массовой культуры, которая строится на идеологии всеобладания. Любая идеология – необходимый момент социальной жизни, она призвана объединять людей. Однако проблемы возникают тогда, когда идеология стремится занять *всё* пространство человеческой жизни. В этом случае в жизни человека уже не остаётся места для человекосозидающих ценностей, поскольку они экранируются идеологическими схемами[6]. Эти схемы преподносят человеку уже готовые ценности, выдаваемые за единственно верные ориентиры. В качестве таких ориентиров сегодня чаще всего выступают ценности общества массового потребления. Как раз они и могут оказаться разрушительными для человека, поскольку экранируют те подлинные духовные ценности, которые объектом обладания и потребления *быть не могут* – нельзя обладать мыслью или совестью наподобие обладания вещью (подробнее об этом см. [16]). Конкретные механизмы такого экранирования могут выглядеть по-разному (некоторые из них мы рассмотрим далее), но все они приводят к тому, что человек в итоге рискует превратиться в обезличенное существо, одержимое лишь одним желанием – иметь и потреблять. Здесь мы видим замещение модели существования «быть» на «иметь», по Э. Фромму [17].

Одним из блокирующих духовное механизмов является возведение обладания биологически или социально заданными благами в ранг абсолютной ценности. Удовлетворение биологических потребностей необходимо для жизнедеятельности человеческого организма. С одной стороны, это роднит человека с животным. С другой стороны, человек в процессе личностного развития постоянно пытается преодолеть свою животную суть. В этом и заключаются определённый парадокс и, на наш взгляд, одна из проблем современного общества. Массовая культура преподносит сексуальность, культ человеческого тела как ценности, выражающие идеал современного человека (хотя телесность – это уже в большей степени социальный феномен, нежели биологический [18]). Как следствие, человек зачастую перестаёт восприниматься как личность, он становится просто объектом сексуального потребления, вещью.

В свою очередь, социальные ценности также претерпевают ряд изменений. Динамичное развитие науки и техники, рост благосостояния дали людям возможность массового приобщения ко всем сферам общественной жизни, будь то политика или спорт, искусство или образование [19]. С одной стороны, данная тенденция позволила практически каждому человеку прикоснуться к сакральному, увидеть то, что было доступно только элите. С другой стороны, это стало причиной появления таких феноменов, как «средний» человек и масса. Массовое производство товаров, как необходимых, так и совершенно не нужных для жизни, вывело общество на новый путь развития – путь потребления. Опасность такого пути в том, что человек как личность не воспринимается обществом, теперь его оценивают по количеству материальных благ, которые он себе может позволить. Именно этот показатель становится одним из ключевых, когда речь идёт о социальном статусе индивида. В погоне за более высоким положением в обществе происходит обезличивание человека, сводимость его только к потреблению, навязанному извне социальной средой. Действительно, темпы развития социума настолько велики, что человек даже не успевает задуматься над тем, что ему нужно в жизни, – это за него решают экономисты и маркетологи.

Массовая культура также подвергла переоценке и духовные ценности человека, посягнув на внутренний мир личности. Духовное сейчас напрямую пытаются сделать объектом потребления, что фактически приводит к его перерождению в очередную схему, экранирующую человеческое. Так, например, подлинная значимость образования (особенно высшего) заключается в

выработке умения создавать и удерживать в себе, насколько это возможно, пространство *собранности*, т.е. то пространство, в котором возможны *живые* человеческие состояния (события мысли, совести и т.д.). Однако в современных условиях образование постепенно перестаёт выполнять эту функцию. Став доступным многим, образование превратилось в некий конвейер знаний, выступающих в качестве товара. Каждый человек может иметь тот набор знаний, который захочет. Люди потребляют знания, которые можно купить когда угодно и где угодно. Э. Фромм в связи с этим справедливо замечает: «Студенты, ориентированные на “обладание”, слушая лекции, воспринимают слова, улавливают логические связи и общий смысл; они стараются сделать максимально подробные записи, чтобы затем зазубрить конспект и сдать экзамен. Но они не думают о содержании, о своём отношении к этому материалу, он не становится частью собственных мыслей студента» [17. С. 243, 244].

Заключение

Следует отметить, что человек не является чем-то заданным и гарантированным, человек – это скорее процесс, чем результат. В этом процессе постоянного становления человеку необходимо то предельное (онтологическое) основание, которое даёт ему возможность *быть*. Такое основание бессмысленно искать только лишь в сфере биологического или социального, оно с необходимостью подразумевает наличие в жизни человека тех духовных ценностей, которые позволяют человеческое не разрушать. Однако именно эти ценности, которые должны поддерживаться истинной культурой, в современном обществе зачастую оказываются экранированными всевозможными идеологическими схемами. В частности, социум сегодня старается повсеместно внедрить идеологию потребления, затрагивающую все сферы человеческой жизни. Человеку в такой ситуации очень сложно отличить настоящие человекосозидающие ценности от ложных и нередко разрушительных ценностей всеобладания, так как последние преподносятся в качестве необходимых для жизни. Вот почему человек сегодня находится в потенциальной опасности быть сломленным массовой культурой и утратить человеческое начало.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться, например, к соответствующей статье в Новой философской энциклопедии [20].

[2] О социобиологии см., например: [21].

[3] См., например: [22]. Хотя Э.К. Вагимов говорит здесь о трёх измерениях существования человека – биологическом, психическом (отождествляя его с духовным) и социальном, – фактически между психическим и социальным он ставит знак равенства. Личность же, по его мнению, есть результат социализации.

[4] Обзор возможных концептуальных подходов к проблеме психофизиологического дуализма приводит К. Людвиг [23].

[5] Деление культуры на материальную и духовную представляется достаточно условным, если учесть, что любой созданный человеком предмет несёт в себе отпечаток внутреннего мира своего создателя. Поэтому далее мы будем использовать термин «культура», предполагая, что речь идёт о духовном аспекте культуры.

[6] Пример действия такого рода схем приводит Ф.М. Достоевский в романе «Идиот». Князь Мышкин во время первого посещения семьи генерала Епанчина рассказывает о женщине по имени Мари, которую общественное мнение считало недостойной, согрешившей. Это не позволяло окружающим увидеть её нужду и страдания – идеологическая схема блокировала человекосозидающий механизм сострадания. И только детям, ещё не включённым столь глубоко в социальные отношения, относительно легко удалось преодолеть в себе действие идеологии и увидеть в несчастной *человека*. Для остальных же, включая даже и саму Мари, возможность видеть это была закрыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мамардашвили М.К.* Очерк современной европейской философии. СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2012. 608 с.
2. *Хайдеггер М.* Бытие и время. Харьков : Фолио, 2003. 503 [9] с.
3. *Хайдеггер М.* Что это такое – философия? // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 113–123.
4. *Константинов Д.В.* Бытие человека и человеческая размерность // Омский научный вестник. 2010. № 6 (92). С. 82–85.
5. *Алексеев И.С.* Концепция дополнительности: историко-методологический анализ. М. : Наука, 1978. 276 с.
6. *Nagel T.* What Is It Like to Be a Bat? // The Philosophical Review. 1974. Vol. 83, № 4. P. 435–450.
7. *Бережной Н.М.* Человек и его потребности. М. : Форум, 2000. 159 с.
8. *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. М. : Прогресс, 1988. С. 314–356.
9. *Мамардашвили М.К.* Введение в философию // Философские чтения. СПб. : Азбука-классика, 2002. С. 7–170.
10. *Nagel T.* What Does It All Mean? A Very Short Introduction to Philosophy. N.Y. ; Oxford : Oxford University Press, 1987. 101 p.
11. *Мамардашвили М.К.* Лекции по античной философии. М. : Аграф, 1998. 320 с.
12. *Губин В.Д.* О реальном и мнимом существовании // Содержание образования: идеи и опыт. М., 2001. С. 46–55. URL: http://agnuz.info/app/webroot/library/76/305/ (дата обращения: 18.08.2014).
13. *Мамардашвили М.К.* Сознание и цивилизация // Как я понимаю философию. 2-е изд., изм. и доп. М. : Прогресс-Культура, 1992. С. 107–121.
14. *Баева Л.В.* Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории. Астрахань : Изд-во АГУ, 2004. 275 с. URL: http://aspu.ru/images/File/ilil/Bayeva_tzennosti_izmen_mira.pdf (дата обращения: 14.09.2014).
15. *Мамардашвили М.К.* Кантианские вариации. М. : Аграф, 2002. 320 с.
16. *Константинов Д.В.* Антиутопии: будущее без человека // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 42–48.
17. *Фромм Э.* Иметь или быть? // Забытый язык. Иметь или быть? М. : АСТ, 2009. С. 209–430.
18. *Бугуева Н.А.* Телесность человека как социокультурный феномен // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 16. С. 66–71.
19. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М. : АСТ, 2002. С. 11–207.
20. *Гайденко П.П.* Бытие // Новая философская энциклопедия : в 4 т. М. : Мысль, 2010. Т. 1. С. 337–345.
21. *Комаров М.С.* Социобиология и проблема человека // Вопросы философии. 1985. № 4. С. 129–137.
22. *Вагимов Э.К.* Человек как философская проблема // Вызовы современности и философия: материалы круглого стола, посвящённого Дню философии ЮНЕСКО. Бишкек, 2004. С. 57–68.

23. *Ludwig K.* The Mind-Body Problem: An Overview // The Blackwell Guide to the Philosophy of Mind. Oxford : Blackwell, 2003. P. 1–46.
24. *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Собрание сочинений: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 12–28.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 02 октября 2014 г.

THE AXIOLOGICAL ASPECTS OF THE BEING OF A HUMAN BEING: HUMAN-CREATING AND HUMAN-DESTROYING VALUES

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 54-59. DOI 10.17223/15617793/390/10

Konstantinov Dmitrii V., Kholomeev Alexei G. Siberian State University of Physical Culture and Sports (Omsk, Russian Federation). E-mail: konstantinov@sibgufk.ru; dm-konstantinov@yandex.ru; kholomeevalexey@mail.ru

Keywords: being of a human being; values; personality; spiritual culture; society of mass consumption; ideology.

Understanding the question of the being as a question of the basis that allow to be, the authors consider the being of a human being as an objective basis or a necessary condition of human existence. Philosophers from different schools of thought try to find such a basis in biological, social or spiritual aspects of human life. If to consider a human being from the biological point of view, the similarity between humans and animals nevertheless is much larger than the difference. Besides, it is obvious that human life cannot be reduced only to the activity of a human body, although without it life is impossible. In turn, the social milieu, in which the individual exists, also does not play a crucial role in their formation as a human in every sense of the word. Consequently, bases that allow a human being to be should be looked for in the spiritual. The spiritual is something self-based, it appears in a human being neither from nature nor from society. It is possible to attribute to the spiritual the spheres of conscience, thought, empathy, good and other similar phenomena playing the role of human-creating values. The spiritual being of a human being is inseparably connected with the spiritual culture of society. Artifacts (texts) of spiritual culture first of all are intended to help humans to keep themselves in the spiritual space. At that, in the empirical reality, a human cannot be always good, honest, fair, etc. It would be equivalent to transcending a human to a superhuman (divine) state. However, a human can be truly alive only through the aspiration to the superhuman. The personality is born in such an aspiration. Personality is something that forces humans to seek the order in their life on their own basis. At the same time spiritual culture is very vulnerable and susceptible to all changes, including negative. In particular, the spiritual formation of personality now endures decisive influence of the mass culture which is based on the ideology of total possession. If any ideology occupies the entire space of human life, this life does not leave place for human-creating values, because they are shielded by ideological schemes. These schemes present a human with ready values which are given as the only true guidance. Values of the society of mass consumption often play the role of such guidance today. It is they that can be destructive for a human because they shield the true spiritual values which cannot be the object of possession and consumption.

REFERENCES

1. Mamardashvili M.K. *Ocherk sovremennoy evropeyskoy filosofii* [Essay on modern European philosophy]. St. Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus Publ., 2012. 608 p.
2. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Kharkov: Folio Publ., 2003. 503 p.
3. Heidegger M. Chto eto takoe – filosofiya? [What is philosophy?]. *Voprosy filosofii*, 1993, no. 8, pp. 113–123.
4. Konstantinov D.V. Human existence and human dimension. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin*, 2010, no. 6 (92), pp. 82–85. (In Russian).
5. Alekseev I.S. *Kontseptsiya dopolnitel'nosti: istoriko-metodologicheskiy analiz* [The concept of complementarity: historical and methodological analysis]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 276 p.
6. Nagel T. What Is It Like to Be a Bat? *The Philosophical Review*, 1974, vol. 83, no. 4, pp. 435–450.
7. Berezhnoy N.M. *Chelovek i ego potrebnosti* [Man and their needs]. Moscow: Forum Publ., 2000. 159 p.
8. Heidegger M. *Pis'mo o gumanizme* [Letter on Humanism]. In: Popova Yu.N. (ed.) *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii* [The problem of man in Western philosophy]. Moscow: Progress Publ., 1988, pp. 314–356.
9. Mamardashvili M.K. *Filosofskie chteniya* [Philosophical readings]. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2002, pp. 7–170.
10. Nagel T. *What Does It All Mean? A Very Short Introduction to Philosophy*. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1987. 101 p.
11. Mamardashvili M.K. *Lektsii po antichnoy filosofii* [Lectures on ancient philosophy]. Moscow: Agraf Publ., 1998. 320 p.
12. Gubin V.D. *O real'nom i mnimom sushchestvovanii* [About the real and imaginary existence]. In: *Soderzhanie obrazovaniya: idei i opyt* [The content of education: ideas and experience]. Moscow, 2001, pp. 46–55. Available from: http://agnuz.info/app/webroot/library/76/305/. (Accessed: 18th August 2014).
13. Mamardashvili M.K. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How I understand philosophy]. 2nd edition. Moscow: Progress-Kul'tura Publ., 1992, pp. 107–121.
14. Baeva L.V. *Tsennosti izmenyayushchegosya mira: ekzistentsial'naya aksiologiya istorii* [The value of a changing world: the existential axiology of history]. Astrakhan: ASU Publ., 2004. 275 p. Available from: http://aspu.ru/images/File/ilil/Bayeva_tzennosti_izmen_mira.pdf. (Accessed: 14th September 2014).
15. Mamardashvili M.K. *Kantianskie variatsii* [Kantian variations]. Moscow: Agraf Publ., 2002. 320 p.
16. Konstantinov D.V. Anti-utopias: the future without man. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 366, pp. 42–48. (In Russian).
17. Fromm E. *Zabytyy yazyk. Imet' ili byt'?* [The forgotten language. To Have or to Be?]. Moscow: AST Publ., 2009, pp. 209–430.
18. Bugueva N.A. Human embodiment as a sociocultural phenomenon. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, no. 16, pp. 66–71.
19. Ortega y Gasset J. *Vosstanie mass* [Revolt of the Masses]. Moscow: AST Publ., 2002, pp. 11–207.
20. Gaydenko P.P. *Bytie* [Being]. In: *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Encyclopedia of Philosophy. In 4 vols.]. Moscow: Mysl' Publ., 2010. Vol. 1, pp. 337–345.
21. Komarov M.S. Sotsiobiologiya i problema cheloveka [Sociobiology and human problem]. *Voprosy filosofii*, 1985, no. 4, pp. 129–137.
22. Vagimov E.K. *Chelovek kak filosofskaya problema* [Man as a philosophical problem]. In: *Vyzovy sovremennosti i filosofiya: materialy kruglogo stola, posvyashchennogo Dnyu filosofii YuNESKO* [Challenges of modernity and philosophy: round table discussion dedicated to the Day of Philosophy of UNESCO]. Bishkek, 2004, pp. 57–68.
23. Ludwig K. *The Mind-Body Problem: An Overview*. In: *The Blackwell Guide to the Philosophy of Mind*. Oxford: Blackwell, 2003, pp. 1–46.
24. Kant I. *Sobranie sochineniy. V 8 t.* [Collected Works. In 8 vols.]. Moscow: Choro Publ., 1994. Vol. 8, pp. 12–28.

Received: 02 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 60–65. DOI 10.17223/15617793/390/11

УДК 1 (091)

И.В. Сапарбаева, Г.Л. Терехова

«МИСТИЧЕСКИ-СИМВОЛИЧЕСКИ-МИФОЛОГИЧЕСКИЙ» МИР ДОСОКРАТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ТВОРЧЕСТВЕ А.Ф. ЛОСЕВА

Статья акцентирует внимание на проблеме Единого досократической философии в творчестве А.Ф. Лосева. Обосновывается позиция о единстве взглядов Лосева на проблему, а также освящается его трактовка Первоначала в натурфилософской мысли Античности.

Ключевые слова: Единое; философия; мистически-символический материализм; досократики; Лосев.

О, день, взойди! Атомы танцуют...
Благодаря Ему вся вселенная танцует.
Души танцуют, переполненные экстазом.
Я шепну тебе на ухо, куда ведет их танец.
Все атомы в воздухе и пустыне хорошо знают –
они кажутся безумцами.
Каждый малейший атом, счастливый или несчастный,
становится возлюбленным солнца.
О нем ничто не может быть сказано.
Джалаладдин Руми

В истории философской мысли существует много тем, которые, начинаясь на заре ее формирования, проходят через все времена, через творчество мыслителей разных направлений, исканий. Основным объектом поиска всех мыслителей, бесспорно, остается тема Начала, Абсолюта, Бога. Русская философия в этом отношении является особым феноменом поиска Первоначала, поиска возможностей познания Бога и божественных истин. Известный русский мыслитель XX в. А.Ф. Лосев является одним из неординарных исследователей данной проблемы, занимаясь ею в противовес установившейся идеологии и укореняясь при этом в том, что являлось традиционным в нашей культуре, а именно в богоискательстве. И хотя слова этого мы не встретим в его текстах, открытое сердце и свободный, чистый ум понимает это всем своим существом. Этот поиск начинается у Лосева на ниве глубочайшего исследования первых античных философов (досократиков), открывших целую эпоху, которые еще не вырвались из полного погружения в миф, но уже устремляли свои искания навстречу истине.

В работе «Очерки античного символизма и мифологии» [1] А. Лосев отмечает, что современные мыслители, обессиленные множеством предрассудков времени и истории, разучились понимать истинный смысл и подлинную глубину античного мышления. В основном искания и догадки философов древности исследуются на основе рационализма. Поэтому нет единого мнения, чем же была философия досократиков – чистой логикой, зарождением скепсиса или же иррациональной интуитивной мыслью, тянущейся «к объективному», макрокосмической тайне, которая так или иначе привела мир не к науке, но к религии.

Что же представляет гений античного мышления? Собрание логических прозрений, с которых началась наука или... «откровение», несмелое, неоформленное и еще не осознанное? Именно эти вопросы снова и снова заставляют исследователей тянуться к текстам досократиков, чтобы постичь это основание философской культуры, укорениться мыслью туда, где абстрактное стремится к конкретному, а не наоборот.

Ранний Лосев смело отбрасывает все рациональные основы трактовок досократиков, в трудах позднего Лосева, как замечает лингвист Л. Гоготишвили, смысл «остался прежним, зато изменилась ученая терминология – она соответствовала уровню международной науки, а не только советской» [2. С. 922–942]. Основанием же советской науки был диалектический материализм. Но диалектика эта не была диалектикой античных мыслителей: она трактовалась в материалистическом духе и опиралась на Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина (что касается Сталина, то только до 1956 г.).

Лосев посвящает диалектике не одну работу: это «Страсть к диалектике», «Диалектика художественной формы», «Диалектика мифа». Поэтому иногда исследователи называют поздний период его творчества «марксистским», но это не соответствует действительности. Лосев не марксист и не материалист. На это обращает внимание Р. Рахитов в статье «Лосев и Марксизм»: «Если отвлечься от вульгарных его [марксизма] интерпретаций, Лосев не против своей воли обращался к марксизму, но лишь как к методу, диалектике» [3]. Под диалектикой мыслитель понимал развитие как переход в свою противоположность, как движение через противоречие к последующему синтезу. Так же как и чистый марксизм, Лосев признает существование и идеального, и материального миров. Но он не принимает диалектический материализм и выступает против противоположности материального и идеального. «Лампа входит в материальный мир, но она не есть материя. А мои ботинки? Они материальны, но не есть сама материя. А что такое материя? Все знают, а определить не могут. Разве что вот только идеалисты знают, что такое материя, точнее. У материалистов материя – это нечто волшебное. Идеалисты понимают ее более позитивно. Так что все

эти понятия, Бог, душа, мир, прекрасно известны до всякого определения» [4. С. 134].

Современному мыслителю и читателю, нам, жителям XXI в., очень сложно, отбросив все философские, социологические, исторические и психологические преграды, фильтры из понятий и терминов, которые мы используем для описания и понимания многих явлений, войти в духовный горизонт философии древнего мира, увидеть его цельным, а не раздробленным на мелкие части направлений мысли. «Раз и навсегда необходимо порвать с “научностью” таких систем, как ионийская» [1. С. 105], – говорит Лосев. Одну из таких попыток он и предпринял. Сегодня у нас есть возможность пройти дорогой мысли глубочайшего исследования античной досократической философии удивительного русского философа, в работах которого прослеживаются полнота и систематичность изложения материала.

Досократики для Лосева, безусловно, те самые фигуры древности, которые, преодолевая устоявшуюся мифологию, увидели отблески Софии. Фридрих Ницше, изучая Античность, по сравнению с классической античной мыслью, отдавал приоритет досократикам. По его мнению, «с Платона начинается нечто совсем новое; или, как можно было бы сказать с тем же правом, с Платона недостает философам чего-то существенного, в сравнении с тем, чем была республика гениев от Фалеса до Сократа» [5. С. 192–253]. Тем самым Ницше обращается к досократикам не как к первым ученым, но как к мудрецам.

Главной отправной точкой философствования досократиков является некий первопринцип, или первовещество, лежащее в основе бытия. Именно через этот принцип А.Ф. Лосев проводит знакомство с философией Античности; Единое Лосева – это столп, на который «нанизана» вся мысль древнегреческого и не только древнегреческого мира. Как сказал Доброхотов в статье «Генология: версия Лосева» [6], А. Лосева можно читать по диагонали и всегда видеть именно этот отправной пункт – Единое. Безусловно, Доброхотов указывает на то, что принадлежность Лосева к Единому не случайна – философия всеединства пронизывает всю нашу русскую духовную философию, выражаясь в своем пределе у Вл. Соловьева. Незаурядный мыслитель очень почитал Вл. Соловьева, а также Ф. Достоевского, С. Франка, П. Флоренского. Последнего Лосев знал лично (Флоренский венчал Лосева с его первой супругой). Генология Лосева, безусловно, отлична от философии своих предшественников. Это связано как с особенностями его личной жизни (цензура), так и с особенностями философствования (научность подхода, включение в философию современных достижений мысли). Столь четкое и подробное исследование проблемы Единого в историко-философском контексте встречается в русской философии только у Лосева. Рассмотрение им проблемы Единого в античной философии является первым шагом к имяславию. Кроме того, Единое для Лосева было единственной и главной «отдушиной», в которую он спрятал свое истинное отношение к истории философии.

Согласно бытующему мнению, Единое было впервые серьезно разработано Платоном, активно рассматривалось у неоплатоников, но Лосев находит зачатки учения о Едином уже у предшественников Платона. И если Единое Платона – это уже логико-онтологическая категория, то Единое досократиков – это пока что способ объединения разрозненного множества воедино, в поиске «идеального» в истории философии. Этим поиском в очередной раз будто бы проявляется манифест Лосева, кричащего «Да, я идеалист!» перед пораженной толпой профессоров [7].

Отметим, что многим исследователям мысль Лосева кажется противоречивой, этому вопросу посвящено немало измышлений, но она отличается необычайной цельностью, детальным анализом. Мы должны помнить, что основная идеологическая позиция мыслителя, прежде всего, православная. Лосев, будучи платоником (убежденным идеалистом) и православным христианином, тайным монахом, приверженцем исихазма, во времена советской власти был вынужден писать книги так, как «было угодно» для того, чтобы их печатали. Он волшебным образом сочетает в себе монашество и науку, науку в прямом смысле этого слова, точную и выверенную, насколько это возможно в философии. По свидетельствам А.А. Тахо-Годи, Лосев был единым всегда, даже несмотря на то, что слово «Бог» пришлось заменять Абсолютом, а слово «материя» – на «античный материализм»; «за терминологией у Лосева нужно выискивать истинный смысл» [8].

Проблема Единого является сквозной во многих работах философа. Она исчерпывающе представлена в сочинении Лосева «Очерки античного символизма и мифологии», но чтобы создать целостную картину лосевского анализа проблемы Единого, необходимо изучение и других его работ, таких как, например, «История античной эстетики». Трактовка Единого обретает у Лосева в этом произведении немного иную окраску. Относительного этого Л.А. Гоготишвили в статье «Платонизм в зазеркалье XX века, или Вниз по лестнице, ведущей вверх» отмечает: «…эта книга во многом ключевая: после “Очерков...” поздний Лосев, несомненно, будет читаться иначе. Хорошо знакомые по поздним лосевским работам темы предстают здесь в новой для читателя тональности и в новом смысловом контексте...» «Позиция эта… основана прежде всего на религиозных взглядах Лосева. Богословие и есть тот новый смысловой контекст, в который обрамлены здесь все привычные лосевские темы» [2. С. 922].

Уже в 1929 г. А. Лосев напишет о первовлаге Фалеса: «…учение о боге как имманентной сущности всякого становления. Это тождество Бога, Мира, Разума и Души и есть то исходное мифолого-символическое Понятие, из которого диалектически будет выводить эллинская философия всю философскую картину мироздания» [1. С. 107]. Подобная позиция уже высказывалась Ницще в его труде «Философия в трагическую эпоху», где он так же склонен полагать, что «откровение» первоединства пришло к досократикам посредством философской интуиции. Они выразили ее, как умели: стихотворно и ограниченным языком. Но через некоторое время Лосев подвергнется травле и попадет на каторгу, откуда будут

идти длинные мучительные письма супруге о невыносимости бытия и желании высказаться. Именно здесь он начал в голове составлять свои труды, которые увидят свет позже, и, пожалуй, совсем не в том виде, в каком он их написал бы, не будь этой каторги и политического режима. «История античной эстетики» уже потеряла экспрессию языка, информация стала суше и точнее, тот свободный полет мысли ушел и заменился языком научного изложения. И все это, безусловно, только маска, и масса филологов обращаются к его трудам как к загадкам, между строчек которых скрывается совсем неочевидный на первый взгляд смысл.

Так, досократическое Единое, по Лосеву, обладает материальной структурой, сливается с бытием, отражается в одной из стихий (огонь, вода, земля, воздух) или одной из материально оформленных сущностей (атом, число), носит характер абстракции, обладает собственным «умом», никоим образом не абсолютизируется в личность, хотя мыслится как некий Бог. Сама мысль досократиков не есть ни наука, ни религия, но интуитивное движение к их оформлению, своего рода пантеистическая трактовка бытия. Первое, что стоит заметить, – это уход от антропоморфизма. Никто из досократиков не примет бытующей идеи о богах, их будет интересовать чистая абстракция, пусть и выраженная в материальной форме. Это еще не осознанный шаг к православию, шаг, который стал так важен духовной русской философии спустя века, когда на весь этот историко-философский путь можно взглянуть как на целое, монолитное движение к рождению новой веры.

Единое досокаратиков – это материя, вещество, элемент, который есть основа всякого космического организма. Рассматривая этот аспект, Алексей Федорович указывает, что подобно тому, как капля, упавшая в море, уже несет в себе отпечаток этого моря, при этом оставаясь водой, Единое содержится во многом. Данное утверждение несет в себе идею не только того, что Единое самотождественно и есть «все во всем», но также и принцип движения и постоянного преобразования космических элементов, очень важный для натурфилософской мысли.

Лосев неоднократно подчеркивает уникальность воззрений досократиков и необходимость учитывать специфику тогдашнего состояния мысли; ведь несмотря на бытующую критику мифа, это все еще мифологическое сознание. На небе по-прежнему есть боги, и они совсем не отрицаются философами, как бы сильно не старалась философия Нового времени вычленить из онтологии божественный аспект, объективно этого сделать невозможно. Казалось бы, работая с абстрактными для нашего ума понятиями, они очень точно вырисовывали картину мира с помощью точек и бесконечных прямых или шара, самосуществующего, неизменного в своем бесконечном внутреннем движении, подверженного великой трагедии умаления, угасания и проявления космоса; такого, в котором все точки пространства одинаково несут в себе его субстанцию.

Досократики, указывает Лосев, транслируют свою идею Единого через множество аспектов (борьба противоположностей, движение и становление, структуру, связи и т.д.). Если историки философии нередко предпочитают описательный характер изложения мысли, то Лосев очень скрупулезно выделяет признаки суждения объекта. Так, его трактовка Единого досократиков обретает массу характеристик, а основными ключевыми понятиями становятся «числовая структура» (математика) как творческая созидающая многое из Единого сила, «чувственно-материальный космос», как совокупность всего многого, всех ограниченных тел, «все во всем», как идея всеединства. И далее, как следствие, континуум элементов, множественность и целое, диалектичность множества и т.д.

Мыслитель-досократик еще не мог оторваться от чувственного восприятия, поэтому визуализировал все в вещество. Именно так вода или огонь стали первовеществом, и именно поэтому Лосев говорит об их онтологии как о мистической и символико-мифологической. К примеру, зеленый цвет Демокрита – это трава, при этом все тот же зеленый остается и у молодой и у пожухлой травы. Так, трава есть лишь только образ, форма качества. При несформированном философском языке и понятийном аппарате такого рода трактовка есть символическое описание качеств, когда материя есть безусловный принцип скульптурной завершенности, что неоднократно подчеркивает Лосев. «Так это же тогда тело! Оно доходит до особой плотности – и становится идеей. Два нулевых полюса материи» [4. С. 55].

Отбросив всякую эмпирику, мыслитель-досократик погрузился в созерцание божественного первовещества и полностью доверился его «вещаниям». Вот что Лосев говорит сам: «…мы вправе назвать этот метод мышления по содержанию символическим, т.е. указующим на сокровенную Тайну, которая, однако, пронизывает все явное, и по форме, в своем принципе, – диалектическим, т.е. основанным на пристальном, я бы сказал, страстном всматривании в жизнь понятия и созерцании понятий, правда, перестающих уже быть субъективной формой мысли, но являющих уже некое онтологическое устроение самого Первобытия» [1. С. 109].

Рассмотрение Единого в досократической философии можно считать ступенью к оформлению неоформленного «божества». Эмпедокл даже указывает на это, «лишая» божество в своих трактатах рук, ног и прочих человеческих атрибутов, «дух святой и несказанный, обегающий быстрыми мыслями все мироздание» [9. С. 398]. Лосев указывает на то, что досократическое Единое – это некая первоматерия, которая не является Богом и не имеет имени как такового, однако оно выше Богов, хотя и не является с ними одной и той же субстанцией – лишь проявляет себя через них. Проявление это всегда движимое и непрерывное. Досократическая мысль о Едином – всеобъемлющая философия, она, являясь материальной, отнюдь не сводилась к современной научной материалистической трактовке, когда есть лишь субъект познания и познаваемая им материя. Сам Лосев предпочитает называть эту античную материю «изолированным телом», а саму мысль о ней – «искусством изолированного тела».

Как говорит Доброхотов, это «точка совпадения мышления и бытия» [10. С. 6]; она допускает не только некое неоформленное божество, первопринцип (Логос), но еще и, будучи языческой, богов, которые живут у милетцев на небе, у Гераклита – в огне, у атомистов – в скоплении совершенных атомов и т.д. Это особенный тип созерцания и объяснения мира, когда степень абстракции и точности находятся в такой пропорции, что любое качество предмета обретает материальное значение, но без примата материализма – только в качестве описания символа, признака предмета.

Вечное возвращение космоса, вечное его создание из Хаоса Враждой и вечное умаление, возвращение в Любовь, порождаемость многого Единым и Единое многим – вот основной закон античного бытия. Здесь проблема Единого еще не соотносится ни с религией, ни с каким-либо верованием, а является естественной попыткой пытливого ума объяснить мир и его тайны. Все, что остается от античного материализма, – это эмпирика, созерцание, мысль; описание того мира, который видим, но описание абстрактное; это мысль, направленная на Тайну, – все это раскрывается в «Очерках античного символизма и мифологии». Позднее А. Лосев уходит от словесной критики материализма, говоря о материи как основе первовещества, «другом материализме», «античном материализме», делая указания на его кардинальное отличие от классического понимания. Подобную ошибку совершали позитивисты и ряд советских философов, и до сих пор совершают некоторые исследователи, приравнивающие атомы Демокрита к атомам современных физиков. Так или иначе нам огонь Гераклита никогда не представится таким, каким он был для него. Мир возник от недостатка, от умаления Огня: «Когда же мир гибнет в мировом пожаре, то первоогонь насыщается, восстанавливается и возвращается к своей полной и бесконечной силе. Это величественно и красиво. И это – мировая трагедия», – цитирует Медоваров Гераклита [11. С. 52–63].

Процесс оформления Единого, по Лосеву, есть процесс объединения всего под одним началом, путь к всеединству. В «Очерках...» читаем: «…идея, мистически-символически кроющаяся в вышеназванном открытии Фалеса, – это идея единства всего, идея всеединства» [1. С. 105]. Так, из разрозненной картины ионийцев с «примитивным» первовеществом Фалеса или Анаксимандра постепенно начинают проступать черты Логоса, мирового разума, который и есть принцип, все объединяющий. Огонь Гераклита, ведомый Словом, Судьбой, разрывает Единое на части и рождает многообразие мира, бесконечно борющиеся противоположности, разрешающиеся в вечную гармонию космоса. Натурфилософия, по Лосеву, еще далека от платоновского мира идей, но зачатки его уже витают где-то в воздухе. Особенно это подчеркивается Лосевым в отношении к демокритовскому атому. Лосев указывает, что атом Демокрита суть приближение к эйдосу Платона, носящий более буквальный и материальный характер, и что Платон в этом вопросе оглядывался на Демокрита. «Платон более объективен, а Демокрит – идеалист» [4. С. 94]. С подобной концепцией активно спорит Маковельский, утверждая, что такое сближение атома и «идеи» делает Демокрита идеалистом и это, по его мнению, не могло являться правдой. Для Лосева же переход атома, этого предельного материального субстрата, к неделимости есть прямой шаг к зарождению идеализма и предпосылкам развития философской мысли Платона.

Подводя итоги, скажем, что философия досократиков оказалась как бы между двух берегов. Согласно одной точке зрения, вся античная философия сводилась к гармоничному переплетению (прямо-таки Гераклитовскому) материализма и идеализма, двух философских течений, которые действительно противоположны и борются друг с другом. Согласно другой точке зрения, материализма как такового и не было. Была лишь буквальная чувственная философия, которая свои абстрактные мистические прозрения мысли обращала в материю, не абсолютизируя последнюю, оставляя нематериальный предел в виде Логоса.

Натурфилософия досократиков интересует Лосева как предтеча платоновской мыли и последующего развития генологии, которая расцвела в неоплатонизме и в средневековой христианской философии. Космос досократиков есть «живой организм», принцип восприятия – чистый гилозоизм. Философия природы досократиков – это игра с бытием и небытием, пустота или заполненное движение охватывается первовеществом, но движущая сила – не материальная, а лишь воплощенная в материи. И именно этот факт, на наш взгляд, дал толчок для дальнейшего развития идеализма. Произошел ступенчатый переход пантеизма в более высокую сферу осознания проблемы Единства, когда не Зевс правит землею, а Зевс тоже лишь стихия, управляемая Логосом, обреченная на угасание и возрождение.

Античность мало того, что не была материалистичной и научной, была сплошь религиозной. Бесконечные мистерии, обряды инициации, культы, секты и общества наполняли духовную жизнь древнегреческих городов. Именно на базе этих эзотерических общностей строилась философия как новая мысль, противостоящая отживающему себя «мертвому» мифологическому сознанию. Не стоит говорить и о том, как много точек соприкосновения онтологии Античности и философий даже восточных религий находят исследователи. И А.Ф. Лосев, как превосходный историк философии и знаток в области Античности, прекрасно это понимал. Религиозность античных мыслителей для Лосева – факт неоспоримый. И в целом античная философия для русских мыслителей была корнем древа, крона которого расцвела православием.

Философия досократиков роднит нас скорее с мифом, нежели с четкой системой современного материального мира и предтечей атеистических предпосылок. Однако это уже не прежняя языческая мифология. Боги досократиков, подчиненные всеобщему принципу и закону бытия, Слову, Логосу, Судьбе, становятся лишь воплощением того

или иного качества (любви, дружбы, борьбы, тщеславия и т.д.). Именно эту Судьбу, Слово так аккуратно укрывал Лосев в своих работах и так верно был предан ей всю свою жизнь. Философский подход отечественного мыслителя специфичен ввиду своей структурной точности и научности. Всеединство Лосева – это особое всеединство, но продолжающее традиции русской православной философии, предтечами которой были еще славянофилы. Прежде всего, Алексей Федорович Лосев учит нас стремлению к осмысленному знанию, знанию, не противоречащему вере, но единому с ней. А это, прежде всего, тот тип исторического мышления, который выходил на уровень понимания и той философии, которую мы называем досократической.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М. : Мысль, 1993. 960 с.
2. *Гоготишвили Л.А.* Платонизм в Зазеркалье XX века, или Вниз по лестнице, ведущей вверх // Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М. : Мысль, 1993.
3. *Вахитов Р.Р.* Лосев и марксизм. URL: http://www.nevmenandr.net/vaxitov/losevmarx.php
4. *Бибихин В.В.* Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. 416 с.
5. *Ницше Ф.* Философия в трагическую эпоху // Философия в трагическую эпоху Греции. М., 1994.
6. *Доброхотов А.Л.* Избранное. М. : Территория будущего, 2008. 471 с.
7. *Батыгин Г.С., Девятко И.Ф.* Советское философское сообщество в сороковые годы: почему был запрещён третий том «Истории философии» // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63, № 7.
8. *Судьба* и Вера. Беседы с учеными, священниками, творческой интеллигенцией. Часть II. Неизвестный Лосев. А.А. Тахо-Годи: «Впервые о Лосеве как о православном человеке я сказала на девятый день после его смерти». URL: http://lib.eparhia-saratov.ru/books/noauthor/faith/19.html
9. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики : в 9 т. Т. 1. Ранняя классика. М. : Высш. шк., 1969. 584 с.
10. *Доброхотов А.Л.* Категория бытия в классической западноевропейской философии. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. 248 с.
11. *Медоваров М.В.* Философия Гераклита в восприятии русских философов XX века (П.А. Флоренский, В.Ф. Эрн, А.Ф. Лосев) / Деконструкция: материалы семинара по проблемам современной философии и социологии. М. : МГУ, 2011. Вып. 1.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 24 апреля 2014 г.

THE "MYSTICAL, SYMBOLICAL AND MYTHOLOGICAL" WORLD OF PRE-SOCRATIC PHILOSOPHY IN THE WORKS OF ALEXEY LOSEV

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 60-65. DOI 10.17223/15617793/390/11

Saparbaeva Irina V., Terekhova Greta L. Tambov State Technical University (Tambov, Russian Federation). E-mail: ann-varni@yandex.ru; radagl1960@yandex.ru

Keywords: The One; philosophy; mystical and symbolic materialism; pre-Socratics; Losev.

Alexey F. Losev is one of the greatest representatives of Russian philosophy in the 20th century. His philosophy of all-unity has acquired a truly unique form, which is due not only to external factors, such as the political regime and strict spiritual philosophy censorship, but also to the personality of Losev himself, as well as to the peculiarities of his thinking. Losev's contribution to philosophy is enormous and still has not been estimated completely. The guiding force in Losev's philosophy is Orthodoxy, that is why the main subject in many of his works is the problem of The One, or God. In socialist Russia it was not allowed to say "God" aloud. However, it is this maximum category, The One, the "divine intellect", penetrating and binding together all the disjointed essence of space, that really expressed the philosopher's religiousness; that is why his works are full of implications, and Losev himself becomes a matter of dispute and the object of prejudice among materialists. Since he was a historian of ancient philosophy, Losev finds first traces of The One in pre-Socratic philosophy. After analyzing the problem thoroughly, Losev emphasizes how unique were the ancient sages' beliefs and refers to pre-Socratic The One as having mythological, mystical and symbolic qualities. According to Losev, pre-Socratic The One is a perfect material form, a cosmic body, sole and indivisible, at the same time consisting of many parts, controlled and combined in a perfect unity by the power of Logos, or the divine intellect. The fact that pre-Socratics regarded substance as a category which expresses The One ultimately is explained by Losev as a result of the peculiarity of thought and conscience typical for people of that time. The immature language of scientific abstractions, seeing the world as a sole living organism, aesthetics of a completed body and sculpturness of space become a basis for constructing ontological guesses and insights about the world's structure. Nature-philosophic The One finds an earthly, sensual and material form, but Losev warns against confusion and says that ancient materialism differs from the materialism of the Early modern period, because it is religious and mystical. According to Losev, pre-Socratic philosophy is only the first step to the development of a stronger and more coherent philosophy, i.e. Platonism and neo-Platonism, on which Losev focused primary attention and which he regarded as a philosophical base for Russian Orthodox culture. And the prima materia, or The One, by Losev is a "mystical" symbol for the birth of the divine all-unity revelation of the living and breathing space-body.

REFERENCES

1. Losev A.F. *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii* [Essays on Ancient Symbolism and Mythology]. Moscow: Mysl' Publ., 1993. 960 p.
2. Gogotishvili L.A. *Platonizm v Zazerkal'e XX veka, ili Vniz po lestnitse, vedushchey vverkh* [Platonism in Wonderland of the 20th century, or Down the stairs leading up]. In: Losev A.F. *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii* [Essays on Ancient Symbolism and Mythology]. Moscow: Mysl' Publ., 1993.
3. Vakhitov R.R. *Losev i marksizm* [Losev and Marxism]. Available from: http://www.nevmenandr.net/vaxitov/losevmarx.php.

4. Bibikhin V.V. *Aleksey Fedorovich Losev. Sergey Sergeevich Averintsev*. Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas Publ., 2006. 416 p. (In Russian).
5. Nietzsche F. *Filosofiya v tragicheskuyu epokhu* [Philosophy in the tragic era]. Moscow: Refl-buk Publ., 1994.
6. Dobrokhotov A.L. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 2008. 471 p.
7. Batygin G.S., Devyatko I.F. Sovetskoe filosofskoe soobshchestvo v sorokovye gody: pochemu byl zapreshchen tretiy tom "Istorii filosofii" [Soviet philosophical community in the forties: why the third volume of the "History of Philosophy" was banned]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 1993, vol. 63, no. 7.
8. Fate and Faith. Conversations with scientists, priests, intellectuals. Part II. Unknown Losev. A.A. Takho-Godi: "For the first time I spoke about Losev as an Orthodox man on the ninth day after his death." Available from: http://lib.eparhia-saratov.ru/books/noauthor/faith/19.html. (In Russian).
9. Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki: v 9 t.* [History of ancient aesthetics: in 9 vols.]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1969. Vol. 1, 584 p.
10. Dobrokhotov A.L. *Kategoriya bytiya v klassicheskoy zapadnoevropeyskoy filosofii* [The category of being in the classical Western philosophy]. Moscow: MSU Publ., 1986. 248 p.
11. Medovarov M.V. *Filosofiya Geraklita v vospriyatii russkikh filosofov XX veka (P.A. Florenskiy, V.F. Ern, A.F. Losev)* [The philosophy of Heraclitus in the perception of Russian philosophers of the 20th century (P.A. Florensky, V.F. Ern, A.F. Losev)]. In: *Dekonstruktsiya: materialy seminara po problemam sovremennoy filosofii i sotsiologii* [Deconstruction: proceedings of the seminar on modern philosophy and sociology]. Moscow: MSU Publ., 2011. Issue 1.

Received: 24 April 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 66–72. DOI 10.17223/15617793/390/12

УДК 165.18

В.Л. Хмылёв, В.А. Кондрасюк

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТАНДАРТЫ ИНТЕНСИВНОСТИ КОГНИТИВНОГО РЕЗОНАНСА

Выявлены характеристики коммуникативных каналов восприятия, которые позволяют им влиять на интенсивность когнитивных откликов. Построена когнитивно-резонансная иерархия данных каналов, уровни которой, начиная с самого верхнего, отражают последовательное снижение резонансной способности последних: вкус, тактильное осязание, обоняние, слух, зрение, живой язык, язык музыки, язык графических образов, язык чисел, язык понятий (слов) и язык распредмеченных слов. Обозначена проблема взаимодействия указанных каналов, которая может оказывать противоречивое влияние на эффективность управления экономическими, политическими и техническими процессами.

Ключевые слова: восприятие; коммуникативные каналы; когнитивный отклик; органы чувств; языковые коммуникации.

Когнитивный резонанс представляет собой отклик сознания на сигналы произвольных объектов и явлений окружающей действительности. Одной из его основных характеристик выступает интенсивность, которая зависит не только от онтологических условий, но и от работы коммуникативных каналов восприятия (основные органы чувств и семиотическая система), соответствующие свойства которых выступают предметом нашего изучения. Традиция изучения процессов восприятия [1–4], механизмов когнитивной селекции информации [5, 6] и языковых коммуникаций [7, 8] богата ценными разработками, однако мы не обнаружили исследований, связанных с изучением различных уровней (стандартов) интенсивности когнитивных откликов, которые обусловливаются работой коммуникативных каналов системы восприятия. Цель данной работы сводится к построению когнитивно-резонансной иерархии этих каналов, уровни которой, начиная с самого верхнего, отражают последовательное снижение резонансной способности последних. Практическая сторона исследования состоит в том, что оно позволяет перейти к изучению взаимодействия информационных уровней иерархии – процесса, оказывающего весьма противоречивое влияние на эффективность многих аспектов человеческой деятельности, включая и такие значимые, как политический, экономический и технологический менеджмент. Этой проблеме, которой до сих пор исследователи не уделяли большого внимания [9], была посвящена наша статья, в которой предложенный подход исследовался в качестве частной задачи.

В процессе взаимодействия сознания с реальностью участвуют следующие коммуникативные каналы – вкусовой, тактильный, обонятельный, слуховой, зрительный, живой язык, язык музыки, язык графических образов, язык чисел, язык понятий (слов) и язык распредмеченных слов. В этой последовательности каналов живой язык находится на стыке сенсорной и семиотической систем коммуникаций. Сенсорная система основывается на прямом контакте основных органов чувств человека (зрение, слух, обоняние, тактильные осязание, вкус) с сигналами объектов и явлений окружающей действительности; она отражает как довольно примитивные, так и развитые формы жизни, предшествует семиотической системе в процессе человеческого онтогенеза и использует схожие с ней сенсоры. В отличие от сенсорной, в семиотической системе роль непосредственных раздражителей играют не столько объекты, сколько начертанные на них знаки и символы, которые эти объекты обозначают. То есть здесь контакт с реальностью всегда опосредуется сознанием и органами чувств другого человека, который может находиться как рядом, так и удаленно – в другой точке пространства или времени.

Очевидными являются связь семиотической системы с культурой и цивилизацией, уровень развития которых она во многом характеризует, а также ее меньшая зависимость от «своих» сенсоров, среди которых в активном состоянии обычно находятся только зрение и слух, при их нарушении вся нагрузка ложится на тактильное осязание (например, чтение с помощью шрифта Брайля). Отметим, что уменьшению числа используемых семиотической системой сенсоров способствует и их взаимозаменяемость, которая не так характерна для информационнх каналов сенсорной системы. Добавим также, что в обыденной жизни сенсорную систему иногда ассоциируют с понятием практики, а семиотическую – с понятием теории. Внешние границы последовательности очерчивают вкус и язык распредмеченных слов – соответственно наиболее и наименее когнитивно-резонансные каналы. А внутренние звенья выстраивают искомую иерархию, в которой каждый следующий после вкусового канал является менее резонансным, или, говоря по-другому, менее заметным для сознания, чем предыдущий. Эта иерархия не тождественна иерархии значимости каналов, которая представляла бы собой другую последовательность.

Следует отметить, что резонансные свойства коммуникативных каналов в значительной степени зависят от свойств когнитивной защиты, которая оптимизирует информационную нагрузку на центральную нервную систему посредством разведения по степени приоритетности не только онтологических явлений, но и каналов коммуникации. Наименее эффективной она оказывается в отношении высокорезонансных каналов, позволяя им быстрее активизировать сознание. При этом для достижения аналогичного эффекта низкорезонансным каналам требуется больше времени, так как «прочность» отделяющей их от мозга защиты выше.

Хотя свойства защиты тесно связаны со свойствами каналов, на уровне отдельных индивидов они могут не совпадать с усредненным стандартом, что про-

является себя в типах сознания с ведущим визуальным, слуховым или тактильным восприятием. Последние не ставят под сомнение правомерность иерархии, но указывают на то, что ее информационные уровни могут по-разному влиять на интенсивность когнитивных реакций конкретных людей, давая им соответствующие конкурентные преимущества. Эта особенность объясняется тем, что у разных людей отделы мозга, которые контактируют с визуальным, тактильным или слуховым каналами, могут содержать в себе неодинаковое количество нейронов [10], что делает их разными не только по части работоспособности, но и по потребности в когнитивной защите. По существу, большее количество нейронов позволяет, например, «слуховому» отделу без чрезмерных усилий обрабатывать больший объем поступающей по слуховому каналу информации, вызывая тем самым ослабление когнитивной защиты, как врожденной, так и приобретенной.

Последнее можно наблюдать при тренинге канала. Например, регулярное чтение печатных текстов способствует улучшению их запоминаемости. При этом резонансные свойства канала начинают повышаться без увеличения утомляемости нервной системы. Особенно заметно это в юном возрасте, что, вероятно, связано с опережающими темпами роста соответствующих отделов мозга (как известно, в процессе онтогенеза масса человеческого мозга увеличивается в среднем в четыре раза). Помимо коммуникативных каналов, резонансный эффект могут создавать и некоторые онтологические явления, в первую очередь, стрессогенные. Известно, например, что развитию шахматной квалификации лучше всего способствуют проигранные партии, которые травмируют нервную систему шахматиста, повышая ее активность. В сравнении с ними доступные шахматистам чемпионские партии не обладают таким развивающим эффектом главным образом из-за неспособности создавать негативный стресс.

Анализ свойств каналов целесообразнее начать с наиболее резонансного из них, вкусового, так как в этом случае свойства менее резонансных каналов, которые в первую очередь относятся к семиотической группе и одновременно используют зрительный и слуховой сенсоры, будут выглядеть нагляднее.

Вкусовой канал (морфологически) представляет собой расположенную на языке группу хеморецепторов, обеспечивающих распознавание химических свойств находящегося во рту предмета, с которым одновременно устанавливает тактильный контакт слизистая оболочка рта, и моторный – челюстная система. Иными словами, вкусовое восприятие всегда синхронизируется с тактильным и моторным, сообщая сознанию химические, геометрические, температурные и структурные свойства предмета. Как таковой вкусовой канал улавливает лишь динамический процесс, который имеет вид химической реакции распада вещества под влиянием слюны, механической работы челюстного аппарата и относительно более высокой температуры ротовой полости. Вкус формирует яркие эмоциональные реакции, которые могут переходить в устойчивые привычки. Неприятный вкус обычно не утомляет нервную систему, так как его источник быстро удаляется изо рта. В то же время приятный, периодически повторяющийся вкус имеет такую особенность, известную как «приедание». По остроте хемовосприятия меньше всего вкусу уступает обоняние. Так как локализация вкусового канала дает ему «нулевой» радиус действия, вкусовому ощущению почти всегда предшествует обонятельное, кожно-тактильное, слуховое и визуальное. Поскольку на вкусовой рецептор, как правило, попадает хорошо изученный предмет, вкус редко приводит в действие другие органы чувств, но хорошо дополняет созданную ими картину. Эти обстоятельства вместе со встроенностью вкусового восприятия в биохимические процессы организма, имеющие жизненно важное значение, делают его лидером иерархии.

Тактильный канал представляет собой комбинацию геометрического, термического, моторного и химического сенсоров, которые расположены на слизистой оболочке рта, во внутренних органах, а также на кожном покрове. Подобно вкусовому, тактильный канал характеризуется «нулевым» радиусом действия, так как всегда обусловлен прямым телесным контактом. Вместе с тем практическая дистанция его больше и может достигать длины вытянутой руки. Кроме того, так как тактильный канал в некоторых случаях способен улавливать сигналы, недоступные зрению, слуху и обонянию, он может нацеливать их на источник сигнала.

Геометрические сенсоры тактильного канала, улавливающие изменение профиля тактильной поверхности, наиболее чувствительны в ротовой полости и коже, причём разница в чувствительности слизистой рта и кожи очевидна. Не вызывает сомнений тот факт, что малоразмерный предмет, оказавшийся во рту, немедленно привлечет к себе внимание, в то время как, попав на кожу, вполне может остаться незамеченным. Внутренние органы, в том числе обогащенные нервными окончаниями (например, глазное яблоко), нечувствительны к статической деформации, благодаря чему установленные в них имплантаты могут десятилетиями не привлекать к себе никакого внимания. Малозаметными бывают и некоторые растущие новообразования, например в легком – органе, обедненном нервными окончаниями. Во всех случаях изменение геометрического профиля тактильной поверхности ощущается значительно острее, чем ее статическая деформация. Как уже отмечалось, геометрические сенсоры кожи могут участвовать в процессе семиотического восприятия. Также можно отметить способность умеренных геометрических деформаций инициировать положительные эмоции, а выраженных – отрицательные. Например, растяжение желудка пищей вызывает чувство насыщения, а кинетический удар – боль.

Термические сенсоры улавливают отклонение температуры организма от нормы или же ее возвращение к норме, чем формируют термообусловленные положительные и отрицательные эмоции. Сравнительная термическая чувствительность кожи, слизистой рта и внутренних органов неочевидна. Возможно, наиболее термочувствительными являются кожа и

слизистая рта, причём кожа – чувствительнее. Ручки на чайных чашках напоминают о том, что пить горячий чай и держать в руке горячий стакан – не одно и то же. Неодинакова термочувствительность различных частей тела. Например, ноги в прохладную погоду достаточно закрыть тонкой тканью брюк, в то время как туловище нуждается в более эффективной термоизоляции. В большинстве случаев термодинамика не так заметна, как термостатика, особенно продолжительная, что не свойственно геометрической сенсорике. По этой причине длительное термовоздействие может сильно истощать нервные и физические ресурсы организма. Хемосенсоры кожи и внутренних органов неинформативны.

Моторные сенсоры точно улавливают мышечное усилие и тесно связаны с геометрической чувствительностью, а также органом зрения. Как известно, моторная чувствительность имеет большое практическое значение, определяя многие виды деятельности, включая весьма сложные, такие как игру на музыкальных инструментах, выполнение микрохирургических операций и пр. При этом некоторые моторные навыки могут вырабатываться не моторным, а например, семиотическом путем, хотя и менее эффективно. Скажем, для того, чтобы человек освоил элементарные навыки вождения автомобиля, достаточно передать ему «на словах» необходимый алгоритм действий. Более эффективный путь – показать процесс управления автомобилем. Однако все эти способы, из-за относительно большей защищенности мозга от воздействия семиотической системы и зрения, сформировать профессиональный водительский навык не могут. Эту задачу может успешно решить только продолжительное совместное действие тактильно-моторного и зрительного каналов. Добавим, что постоянная моторная нагрузка приводит к утомляемости мышц и, в меньшей степени, нервной системы.

Обоняние представляет собой совокупность хеморецепторов, улавливающих летучие химические соединения, основная функция которых «состоит в выделении, кодировании и передаче информации об интенсивности, качестве и продолжительности запаха в обонятельную луковицу и специальным центрам в головном мозге» [11]. Обоняние – исключительно динамический сенсор, который всегда сигнализирует о радикальных изменениях массы и структуры вещества. В этом отношении он напоминает вкус, однако по практической дистанции превосходит и его, и тактильное осязание, становясь, таким образом, менее совмещенным, но в в то же время из-за своей морфологии более автономным и одновременно более мобилизующим другие органы чувств, например зрение, сенсором. Почувствовав запах, человек немедленно обращает свой взор в сторону предполагаемого источника. Резонансные свойства обоняния проявляются в его способности вызывать быструю утомляемость нервной системы, нередко переходящую в головную боль. При этом чувствительность к постоянному запаху оказывается ненамного меньшей, чем к переменному. Подобно вкусу и тактильному восприятию, обоняние предупреждает о контакте вещества с биохимическими процессами, однако оно более дистантно.

Слух является акустическим сенсором, который улавливает колебания, вызываемые динамическими процессами в водной, газообразной и твердотельной средах. В неподвижной среде слуховой рецептор не работает. Слух – один из двух основных сенсоров семиотической системы, по объёму информации он уступает лишь зрению. Хотя мир акустических сигналов не так многообразен и вездесущ, как оптических, меньшая защищенность сознания от воздействия звука приводит к быстрой утомляемости последнего и формирует одну из основных потребностей современного общества – потребность в тишине [12]. В отличие от вышеназванных каналов, слух не имеет прямого отношения к взаимодействию биохимических процессов организма с внешней средой, кроме того, он зачастую дистантнее их, что определяет его менее высокое место.

Зрение представляет собой оптический сенсор, способный распознавать статическую и динамическую геометрию пространства, а также ее цвет. Считается, что зрение сообщает человеку больше информации об окружающем мире, чем все остальные органы чувств. По мнению И.П. Волковой, «90% информации об окружающем мире человек получает через зрительный анализатор, что в 30 раз больше, чем через слуховой анализатор» [13]. При достаточном освещении зрительный контакт носит постоянный и рекордный по информативности характер, однако утомление нервной системы происходит медленнее, чем при слуховой контакте. Сказывается значительный удельный вес в зрительном восприятии статической информации, которая игнорируется сознанием. О том, как слабо зрение привлекает внимание, свидетельствует «знаменитый “дверной эксперимент” Саймонса и Левина The Door Study, проведенный в кампусе Гарвардского университета: один из психологов подходил к прохожим с картой и просил показать ему правильный путь. Примерно через полминуты разговора между собеседниками проносили дверь, которая закрывала их друг от друга. В этот момент экспериментатор менялся местами с одним из рабочих, несших дверь. Около 50 процентов невольных участников эксперимента не заметили подмены. Когда различия между двумя экспериментаторами делали более очевидными – например, один был в желтой строительной каске, а партнер, занимающий его место, в красной, – оказалось, что люди не замечают даже такие яркие изменения» [14]. В философии зрительное восприятие, являясь одним из основных предметов изучения, продолжительное время воспринималось как «поверхностное» [15].

Живой язык представляет собой синтез профессионального и обыденного уровней. Профессиональный уровень формирует всю семиотическую систему, которая существует как в «живом» образе человека, так и на неодушевленном носителе – чаще всего визуальном или акустическом. Живой профессиональный язык является наиболее резонансным семиотическим инструментом, потому что, как правило, активирует сенсорный (зрительный и слуховой) контакт аудито-

рии с элитными социальными группами – представителями власти, бизнеса, науки и пр. Публичное выступление специалиста в какой-либо области может одномоментно собрать значительно большую аудиторию, чем аналогичный печатный или вещательный материал, несмотря на то что слушателям придется мириться с относительно большими материальными и временными издержками. Людей привлекают рекордная новизна информации, возможность интерактивного общения, а также используемые докладчиком язык эмоций, жестов и, возможно, медийных устройств. По сравнению с неодушевленным носителем, живое выступление всегда оставит у слушателя либо больше удовлетворения, либо разочарования. Указанные свойства живого языка проявляются как в процессе освоения студентами сложных физико-математических дисциплин, которые им трудно понять только по учебнику, так и в гонорарах экс-политиков за публичные лекции, которые значительно превосходят их доходы от мемуарной деятельности. Несмотря на то что живой язык вызывает у аудитории сильные эмоции, в информационном плане он может быть не лучшим выбором.

Среди неодушевленных носителей профессионального языка исторически наиболее ранним был камень, затем бумага, на которые наиболее образованным людям доверялось наносить рисунки, знаки, символы и тексты. Дороговизна носителя предъявляла повышенные требования не только к авторам, но и к «писарям», ограничивала численность как читательской, так и авторской аудитории. Вплоть до изобретения звукозаписывающей аппаратуры визуальный носитель был для человека единственным неживым источником знаний. С ее появлением запись информации ускорилась, а ее восприятие слуховым сенсором оказалось медленнее, чем восприятие печатного текста зрительным. Большая по сравнению со слухом пропускная способность зрения проявила себя и в семиотических контактах, что в настоящее время привело к определенному разобщению профессиональных аудиторий производителей и потребителей информации. Например, высокооплачиваемый банкир, который ценит свое время, скорее сделает устный комментарий какого-либо финансового события на вещательном канале, чем напишет аналогичный по содержанию текст в деловом журнале, в то время как сам предпочтет прочитать, а не выслушать интересующее его мнение. Звучащая информация является менее емкой, но более заметной, чем печатная, поэтому тот же объем информации, полученный посредством слуха, лучше запомнится, но быстрее утомит сознание и займет больше времени, чем если бы он был воспринят зрительно. Обыденный уровень живого языка не оставляет материальных следов, хотя охватывает рекордный демографический массив.

Язык музыки удобнее показать в качестве звучащего, а не печатного, так как в таком виде он обычно доступен слушателю. Музыкальный язык представляет собой разделенные разными временными промежутками доступные слуху специфические по длительности и акустической частоте сигналы. Его ключевыми понятиями являются длительность паузы, длительность звучания и тональность. В основе музыкального сочинения всегда лежит сильное переживание автором произошедшего вкупе с его композиторским талантом. Эти составляющие формируют два основных способа воздействия музыки на сознание – образно-смысловой и эстетический. Первый активнее использует независимый от слов звуковой ряд, который выражает абстрактные, панорамные смыслы, привлекая к себе преимущественно средневозрастную и образованную аудиторию. Такую музыку нередко называют классической. Соединяясь со словами, музыка делается конкретнее, становится отражением не столько глубинных смыслов, сколько усилителем эстетики стихосложения, который своей ритмической красотой завоевывает сердца преимущественно молодежной аудитории. В целом необходимо отметить, что «музыка обладает большей степенью абстракции, чем естественный язык, этим объясняется невозможность обнаружения референта во внешнем мире» [16. С. 84]. Музыка может вызвать как состояние эйфории, так и тяжелого негативного стресса, который возникает в условиях так называемой пытки музыкой, т.е. продолжительного, принудительного воздействия на сознание музыкальным произведением (такая технология используется спецслужбами некоторых государств в отношении подозреваемых в терроризме). Слагаемым когнитивного эффекта музыки выступает и то обстоятельство, что ее восприятие не всегда требует сложного образного перекодирования, поэтому ее влиянию подвержены не только люди, но и животные и даже насекомые. Таким образом, язык музыки занимает отведенное ему место в иерархии благодаря использованию слухового сенсора и способности инициировать достаточно сильные эмоции.

Язык графических образов сообщает сознанию статические и динамические характеристики объектов реальности посредством материальных носителей информации. Его составляющие – живопись, фотография, кинематограф и виртуальная реальность – воспринимаются только визуально. Язык графических образов не требует операции перекодирования, поэтому его понимание не связано с предварительным изучением, что нехарактерно, например, для языка чисел или слов.

Вследствие меньшей панорамности, четкости и масштабируемости когнитивный эффект языка графических образов является урезанным аналогом эффекта живого зрения. Экономической иллюстрацией этого является резкое неравенство цен на туристическое путешествие в какую-либо страну и за номер иллюстрированного журнала, рассказывающего о достопримечательностях этой же страны. Следует, конечно, учитывать, что при сравнении того и другого нельзя сбрасывать со счетов эффект остальных органов чувств. Уступает образный язык и музыкальному, так как использует менее резонансный зрительный сенсор. В то же время из-за способности медленнее утомлять нервную систему он может оказывать пролонгированное и порой негативное воздействие на сознание. Например, фанаты виртуальной реальности могут проводить продолжительное время за компьютерными играми, попадая в зависимость от них и со-

вершая на этом фоне неадекватные поступки. Музыкальный язык такими свойствами не обладает, за исключением упомянутых случаев пыток музыкой. В самом образном языке наиболее резонансными являются виртуальная реальность, движущееся и статическое изображение. Экономической проекцией этой цепочки может служить явная дифференциация цен на лицензионное программное обеспечение в области создания визуальных спецэффектов, обработки видео и фотографии. Ведущая роль виртуальной реальности определяется ее более тесной связью с тактильным и моторным каналами восприятия, а доминирование видео над фотографией – с динамикой движущегося изображения.

Язык чисел является языком математики – наиболее точной и доказательной науки, основными чертами которой являются, «во-первых, ее отвлеченность, во-вторых, точность или, лучше сказать, логическая строгость и как бы непреложность ее выводов и, наконец, чрезвычайная широта ее применений» [17. С. 5]. Язык чисел удерживает свое место в иерархии вследствие более высокой, чем у понятий (слов), точности описания геометрии предмета и характеристик его движения, и в зависимости от разделов этого языка – меньшей или большей степени его сложности и понятности.

Подобно музыкальному языку, язык чисел может существовать как самостоятельно, так и в синтезе с языком слов. В первом случае он является инструментом описания наиболее общих законов эволюции бытия. Сложность его абстрактной композиции доступна пониманию ограниченного круга лиц, образ которых издавна окружался ореолом таинственности и сакрального обаяния. Вместе с тем такое отношение не всегда разделялось самими математиками, в том числе А. Эйнштейном, который говорил о том, что «законы математики, имеющие какое-либо отношение к реальному миру, ненадёжны; а надёжные математические законы не имеют отношения к реальному миру» [18]. Практическая точность математического описания зависит от полноты информации об объекте описания, что решающим образом определяет степень предсказуемости его поведения. Например, математика может точно определить точку падения баллистического тела, если ей известны величины всех действующих на объект сил. Но внезапное изменение одной из них, например скорости бокового ветра, сделает весь расчёт неверным. Связываясь со словами, язык чисел становится конкретнее и понятнее, начиная играть роль инструмента количественного представления материальных объектов и явлений окружающей действительности. Его экстремальная простота и одновременно точность делают его более заметным для сознания, а понятийно-цифровые грамматические конструкции на фоне чисто понятийных выглядят более убедительно.

Язык понятий (слов) состоит из слов. Слово – это «основная структурно-семантическая единица языка, служащая для именования предметов и их свойств, явлений, отношений действительности, обладающая совокупностью семантических, фонетических и грамматических признаков, специфичных для каждого языка» [19]. Слова кодируют образы холистически, зачастую без конкретных характеристик и практически всегда без точных характеристик (эту задачу лучше решает цифра, так как использует меньшее число символов). По этой причине слова весьма удобны для транслирования новых смыслов, что нередко делает их ключевым элементом начальных этапов научных исследований, когда ещё не собран достаточный объём сведений для формализации. В этой связи научный текст, использующий только слова, выглядит несколько незавершенным и поэтому менее убедительным, по сравнению с материалом, в котором слова сочетаются с цифрами. Большей убедительностью обладают тексты, в которых чисел намного больше, чем слов. Отметим, что как язык чисел, так и язык понятий наиболее резонансны в том случае, если задействуют не зрительный сенсор, а слуховой.

Язык распредмеченных понятий (слов) представляет собой такую символическую систему, которая, с одной стороны, охватывает собой всю изученную наукой реальность, а с другой – существует вне связи с большинством специальных областей научного и большей части общественного сознания. О распредмеченных словах явно свидетельствует низкая результативность пропаганды борьбы с курением. Несмотря на многочисленные предупреждения врачей о связи курения с возникновением такого заболевания, как рак легких, количество курильщиков не уменьшается, так как многие люди совершенно не понимают значения слова «рак легких». Для них оно является исключительно знаково-фонетической конструкцией, которая абсолютно ни с чем не ассоциируется. Интересно, что малоэффективными в этом отношении оказываются и фотографии легких курильщика, пораженных опухолью [20].

По всей видимости, возникновению и особенно количественному росту этих слов способствовали усложнение и специализация человеческой деятельности. Достигнув к настоящему времени своего апогея, этот процесс вызвал к жизни такое положение вещей, при котором подавляющее большинство людей, достаточно хорошо разбираясь в своей зачастую узкой профессиональной области, всю остальную, выходящую за ее рамки реальность представляют себе весьма туманно, как раз на уровне таких слов, которые на них не оказывают никакого влияния, если спонтанно действуют на сознание. Человек игнорирует распредмеченные слова потому, что не может декодировать знаковый код в соответствующий ему образ, так как последний просто отсутствует в памяти.

Таким образом, в данном исследовании представлена когнитивно-резонансная иерархия коммуникативных каналов восприятия, уровни которой отражают последовательное снижение резонансной способности последних. Установлено, что ведущие позиции в иерархии занимают те каналы, которые: 1) лучше приспособлены к работе с динамической составляющей реальности и, особенно, к работе с наиболее активными формами движения, оказывающими влияние на жизненно важные процессы организма; 2) обладают меньшим практическим радиусом действия; 3) чаще совмещаются с другими каналами. Данные каналы за-

метнее, активнее «пробуждают» сознание, часто способствуют более глубокому пониманию и запоминанию предмета рассмотрения. Вместе с тем они быстрее утомляют нервную систему, чем могут сокращать время своего непрерывного контакта с ней. Менее резонансные каналы: 1) передают больший объем информации; 2) охватывают большее количество источников информации, так как обладают большим практическим радиусом действия; 3) ориентированы преимущественно на сигналы статических объектов реальности. Эти каналы менее заметны, сильнее зависят от воображения субъекта коммуникации, медленнее утомляют нервную систему и продолжительнее контактируют с ней. В связи с этим большой научный и практический интерес может вызвать изучение процессов взаимодействия информационных уровней когнитивно-резонансной иерархии (как на уровне их взаимодополнения, так и конкуренции).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб. : Ювента ; Наука, 1999. 605 с.
2. *Шиффман Х.Р.* Ощущение и восприятие. 5-е изд. СПб. : Питер, 2003. 928 с.
3. *Барабанщиков В.А.* Психология восприятия: организация и развитие перцептивного процесса. М. : Когито-Центр, 2006. 241 с.
4. *Солсо Р.* Когнитивная психология. 6-е изд. СПб. : Питер, 2006. 589 с.
5. *Дормашев Ю.Б., Романов В.Я.* Психология внимания. М. : Тривола, 1995. 347 с.
6. *Broadbent D.E.* Perception and communication. London : Pergamon Press, 1958. 338 p.
7. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб., 2000. 704 с.
8. *Пирс Ч.С.* Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 88–95.
9. *Хмылёв В.Л., Кондрасюк В.А.* Практические аспекты взаимодействия информационных уровней восприятия реальности // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 87–93.
10. *Robert J.* Zatorre Predispositions and Plasticity in Music and Speech Learning: Neural Correlates and Implications // Science 1 November 2013: Vol. 342, № 6158. P. 585–589
11. *Майоров В.* Восприятие запахов // Наука и жизнь. 2007. № 2. URL: http://www.nkj.ru/archive/articles/9034 (дата обращения: 21.09.2014).
12. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М. : Культурная революция; Республика, 2006. 269 с.
13. *Волкова И.П.* Роль зрения в жизнедеятельности человека и последствия его нарушения в психическом и личностном развитии // Электронный еженедельник «Колесо познаний». 2008. № 37. URL: http://koleso.mostinfo.ru/sciencediscoveries_374_705 (дата обращения: 13.10.2014).
14. *Как* заметить «невидимую гориллу». Психолог Игорь Уточкин рассказал «Ленте.ру» об особенностях восприятия изменений. URL: http://lenta.ru/articles/2014/03/31/blind/ (дата обращения: 06.10.2014).
15. *Аванесов С.С.* Оптические коннотации в ранней философской онтологии // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 56–59.
16. *Силинская А.С.* Семантический аспект языка музыки: сравнительный анализ // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 84–86.
17. *Александров А.Д.* «Математика, ее содержание, методы и значение». М. : Изд-во АН СССР, 1956. Т. I. 397 с.
18. *Душенко К.В.* Большая книга афоризмов. 5-е изд., испр. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. 1056 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/lit/dushenko-aphorizm.htm#_Toc44520394 (дата обращения: 13.10.2014).
19. *Гак В.Г.* Слово // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М. : Сов. энциклопедия, 1990. 286 с. URL: http://tapemark.narod.ru/les/464c.html (дата обращения: 13.10.2014).
20. *Юных* курильщиков не пугают предупреждающие изображения на пачках. URL: http://medportal.ru/mednovosti/news/2013/09/06/094useless (дата обращения: 13.10.2014).

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 19 октября 2014 г.

COMMUNICATION STANDARDS OF COGNITIVE RESONANCE INTENSITY

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 66-72. DOI 10.17223/15617793/390/12

Khmylev Vladimir L., Kondrasyuk Valentina A. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vlh@tpu.ru; astarta_boss@mail.ru

Keywords: perception; communication channels; cognitive response; senses; language communication.

The ability of communication channels of perception to initiate cognitive responses of different intensity was researched. The cognitive resonance hierarchy of these channels (taste, tactile touch, smell, hearing, sight, live language, language of music, language of graphic images, language of numbers, language of concepts (words) and language of empty words) was identified. Each of its levels, from the very top, reflects a steady decline in the ability of the channel to initiate intensive responses of consciousness. A different resonant property of the channels is largely determined by the properties of cognitive protection that optimizes the information load on the central nervous system through prioritizing not only ontological phenomena, but also communication channels. It turns out to be the least effective against high resonance channels, allowing them to quickly activate the mind. Although the protection properties are closely related to the properties of the channel, at the level of individuals, they may not coincide with the average standard, which manifests itself in the types of consciousness with leading visual, auditory or tactile perception. These types of consciousness do not deny the hierarchy, but point to the fact that its information levels may have different effects on the rate of cognitive reactions of specific people, giving them a competitive advantage. This feature is apparently due to the fact that different sections of the brain of people who work with visual, tactile or auditory channels may contain a different number of neurons, which makes them dissimilar not only functionally, but also in terms of needs in cognitive protection. It is shown that the leading position in the hierarchy is occupied by the channels that 1) are better suited for working with a dynamic component of reality and, in particular, with the most active forms of motion influencing the vital processes of the body; 2) have a smaller radius of practical steps; 3) are often combined with other channels. These channels are more noticeable, more actively "awake" consciousness, often contribute to a deeper understanding of the subject matter and memory. However, they will tire the mind, which can shorten the time of their continuous contact with it. Less resonant channels have the following features: 1) they transmit large amounts of information; 2) they cover more sources of information, as they have a great practical radius of action; 3) they focus mainly on the signals of static objects

of reality. These channels are less visible, more dependent on the imagination of the subject of communication; they slower tire the nervous system and prolong contact with it.

REFERENCES

1. Merleau-Ponty M. *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. St. Petersburg: Yuventa; Nauka Publ., 1999. 605 p.
2. Schiffman X.R. *Oshchushchenie i vospriyatie* [Sensation and perception]. 5th edition. St. Petersburg: Piter Publ., 2003. 928 p.
3. Barabanshchikov V.A. *Psikhologiya vospriyatiya: organizatsiya i razvitie pertseptivnogo protsessa* [Psychology of perception: the organization and development of the perceptual process]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 2006. 241 p.
4. Solso R. *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive Psychology]. 6th edition. St. Petersburg: Piter Publ., 2006. 589 p.
5. Dormashev Yu.B., Romanov V.Ya. *Psikhologiya vnimaniya* [Psychology of attention]. Moscow: Trivola Publ., 1995. 347 p.
6. Broadbent D.E. *Perception and communication*. London: Pergamon Press, 1958. 338 p.
7. Lotman Yu.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ., 2000. 704 p.
8. Peirce C.S. Chto takoe znak? [What is a sign?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2009, no. 3(7), pp. 88–95.
9. Khmylev V.L., Kondrasyuk V.A. Practical aspects of interaction of reality perception information levels. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 381, pp. 87–93. (In Russian).
10. Zatorre R.J. Predispositions and Plasticity in Music and Speech Learning: Neural Correlates and Implications. *Science* 1 November 2013: Vol. 342, no. 6158, pp. 585–589. DOI: 10.1126/science.1238414
11. Mayorov V. Vospriyatie zapakhov [Perception of odors]. *Nauka i zhizn'*, 2007, no. 2. Available from: http://www.nkj.ru/archive/articles/9034. (Accessed: 21st September 2014).
12. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [Consumer society. Its myths and structures]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya; Respublika Publ., 2006. 269 p.
13. Volkova I.P. Rol' zreniya v zhiznedeyatel'nosti cheloveka i posledstviya ego narusheniya v psikhicheskom i lichnostnom razvitii [The role of vision in human life and the consequences of its disorder in mental and personal development]. *Koleso poznaniy*, 2008, no. 37. Available from: http://koleso.mostinfo.ru/sciencediscoveries_374_705. (Accessed: 13th October 2014).
14. How to notice the "invisible gorilla". Psychologist Igor Utochkin told "Lenta.ru" about the features of perception changes. Available from: http://lenta.ru/articles/2014/03/31/blind/. (Accessed: 06th October 2014). (In Russian).
15. Avanesov S.S. Optical connotations in the early philosophical ontology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 373, pp. 56–59. (In Russian).
16. Silinskaya A.S. The semantic aspect of the language of music: a comparative study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 381, pp. 84–86. (In Russian).
17. Aleksandrov A.D. *Matematika, ee soderzhanie, metody i znachenie* [Mathematics, its content, methods and significance]. Moscow: USSR AS Publ., 1956. Vol. I, 397 p.
18. Dushenko K.V. *Bol'shaya kniga aforizmov* [The big book of aphorisms]. 5th edition. Moscow: EKSMO-Press Publ., 2001. 1056 p. Available from: http://yanko.lib.ru/books/lit/dushenko-aphorizm.htm#_Toc44520394. (Accessed: 13th October 2014).
19. Gak V.G. *Slovo* [Word]. In: Yartseva V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. 286 p. Available from: http://tapemark.narod.ru/les/464c.html. (Accessed: 13th October 2014).
20. Young smokers are not afraid of the warning images on packages. Available from: http://medportal.ru/mednovosti/news/2013/09/06/ 094useless/. (Accessed: 13th October 2014). (In Russian).

Received: 19 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 73–77. DOI 10.17223/15617793/390/13

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 908

П.С. Коваленко

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ ГОРОДА БИЙСКА

Представлен обзор источников по теме «Православие города Бийска». Проведена работа по классификации источников, дана характеристика отдельных групп, способствующих реконструкции православной истории города. Привлечены не только подлинные документы, выявленные в ходе научно-исследовательской работы в архивах, библиотеках и музеях, но и мемораты – устные рассказы жителей города Бийска.

Ключевые слова: источник; архив; архивный документ; наследие; клировые ведомости; Бийское архиерейское подворье; музей истории Алтайской духовной миссии.

Православная история Бийска – уникальная составляющая летописи Алтайского края. Православие, с приходом служилых казаков, строителей и первых жителей Бикатунского острога, а затем Бийской крепости, прошло длительный путь становления и развития в регионе. Оно ярко отражает исторические процессы, происходившие в последние три столетия в жизни государства и Русской православной церкви (РПЦ). Несмотря на тяжелые годы советского атеизма и богоборчества, в архивах, музеях и библиотеках Бийска сохранились уникальные памятники православной истории и культуры, бесценные свидетели истории православной культуры жителей города. Это такие комплексные памятники архитектуры, истории и культуры второй половины XIX – начала XX в., как «Бийское архиерейское подворье», «Бийский Тихвинский общежительный женский монастырь», «Вознесенский некрополь», приходские и домовые храмы, здания церковно-приходских школ, приходских училищ и богаделен, ландшафтные комплексы православного садово-паркового искусства и святые источники.

В фондах музеев хранятся раритеты русской православной культуры: иконы, медное художественное православное литье, русские старопечатные и рукописные православные книги, а также предметы богослужебной утвари.

История православия Бийска, сохранившаяся в объектах материальной и нематериальной культуры, несомненно, заслуживает внимания ученых. Реконструировать самобытную историю православного Бийска сегодня позволяют многочисленные письменные и вещественные, устные, кино-, фоно- и фотодокументы, изобразительные, лингвистические источники.

Всё многообразие источников можно объединить в различные группы по типам, различающимся по происхождению, содержанию. Это нормативно-правовые акты (законы, подзаконные, нормативные акты), делопроизводственная документация (протоколы, отчеты, распоряжения, инструкции); статистические материалы (переписи, своды), карты, материалы современников (описания, дневники, мемуары, мемораты), архивные источники, публикации в периодических изданиях.

Важными информационными источниками являются материалы смежных научных дисциплин; эпистолярное наследие и личные фонды священнослужителей, прихожан храмов, веб-сайты; фотографические коллекции музеев, личных и частных архивов [1, 2].

Среди письменных источников особое место занимают архивные документальные источники XVIII – начала XXI в., отложившиеся в собраниях государственных, региональных и местных архивов, фондах музеев. Изучение документального материала дает возможность проследить историю отдельных храмов, составить православную летопись Бийска.

Автором выявлены и изучены многие ранее не использовавшиеся архивные документы: Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Томской области (ГАТО), Государственного архива Алтайского края (ГААК), архивного отдела администрации города Бийска, архива Бийского благочиния Барнаульской епархии. Совершенно новыми стали архивные документы РГИА конца XIX – начала XX в., входящие в состав фондов: № 733 «Департамент народного просвещения» (Устав Бийского миссионерского катехизаторского училища, утвержденный в 1888 г.; планы на постройку зданий для бийских городских приходских училищ – Казанского мужского и женского); № 796 «Канцелярия Синода» (статистические ведомости о Бийском архиерейском доме; ежегодные отчеты Алтайской духовной миссии; Указ о выделении финансовых средств на миссионерскую деятельность по борьбе с расколом на Алтае); № 799 «Хозяйственное управление» (выписки из определения Святейшего Синода об отведении участка Кабинетской земли на постройку Покровской церкви в заречной части Бийска и причтовых помещений; Указы о выделении средств для возведения пристроя к зданию Бийского катехизаторского училища; на ремонт Бийского архиерейского дома; страховые оценочные ведомости на церковные здания); № 1149 «Департамент законов государственного совета» (списки и тарификация штатных единиц Бийского миссионерского катехизаторского училища и распределение учебных предметов по классам); № 1293 «Техническо-строительный комитет Министерства Внутренних Дел» (проект ча-

совни в городе Бийске в честь коронования Их Императорских Величеств).

Так, фонд № 799 содержит страховые оценочные ведомости за 1910–1914 гг. на большинство церковных строений г. Бийска, где в документах довольно подробно дается архитектурно-строительная характеристика храмов, учреждений церковного образования, жилых и хозяйственных строений, архиерейского подворья, катехизаторского училища, комплекса Бийского Тихвинского монастыря, приходских и домовых церквей [3].

В ГАТО в ходе исследования были выявлены и изучены 261 документ, реконструирующий становление православия в Бийске в период с 1858 по 1916 г. Преобладающее число документов – ежегодные клировые ведомости на приходские и домовые храмы Бийска, Бийский Тихвинский монастырь. Они отложены в фонде № 170 «Томская духовная консистория» и позволяют проследить динамику изменений, происходивших в большинстве приходов, в том числе состава церковного причта. Ведомости о службе лиц и послужные списки братии Бийского архиерейского дома за отдельные отчетные годы в период 1885–1915 гг. содержат фонды № 183 «Бийский архиерейский дом» и № 184 «Алтайская духовная миссия» [4, 5].

Автором были изучены документы из собрания ГААК, отражающие отдельные исторические события храмостроительства и приходской жизни в Бийске. Фонд № 1 «Ревизские сказки» содержит документы о первых храмах Бийской крепости. Заметки и очерки о Бийской городской, общественной и частной жизни Е.П. Клевакина за 1885–1886 гг., служившего помощником бийского окружного полицейского исправника, воссоздают выразительные образы православной жизни бийчан в конце XIX в. и включены в фонд № 77 «Личный фонд Е.П. Клевакина» [6]. В фонде № 174 «Бийская городская управа» интерес представляют формулярные списки о службе бийских купцов, в частности М.С. Сычева, список его пожертвований в период с 1876 по 1902 г. в пользу духовного ведомства [7].

В отдельную группу источников следует выделить делопроизводственную документацию Бийского благочиния Барнаульской епархии. Это входящие и исходящие документы периода 1994–2014 гг., отражающие активную деятельность благочиния по возрождению православия в Бийске и Бийском благочинии, храмостроительству, организации крестных ходов, научно-практических конференций, Свято-Макарьевских чтений, культурно-просветительских мероприятий совместно с муниципальными административными органами и светскими учреждениями. Среди них преобладают циркулярные распоряжения, рапорты, прошения, служебные и докладные записки, планы и программы мероприятий, годовые отчеты. Делопроизводственная документация Бийского благочиния позволяет довольно подробно проследить современную историю православного Бийска.

Автором изучены материалы фондов Бийского краеведческого музея имени В.В. Бианки, краеведческого музея МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 4 имени В.В. Бианки» г. Бийска, музейной комнаты истории улицы Техучилище г. Бийска. Отдельные ценные документы по истории православия Бийска обнаружены в собраниях музеев г. Барнаула: Алтайском краевом краеведческом музее, Музее истории народного образования на Алтае, Музее истории православия на Алтае, что действует при управлении Барнаульской епархии.

Это редкие и ранее неизвестные многим исследователям фотопозитивы с видами бийских храмов начала XX в., свидетельства и похвальные листы выпускников церковно-приходских школ и училищ г. Бийска.

С 1920 г. Бийский краеведческий музей имени В.В. Бианки комплектует фонд по истории Бийска, в котором часть экспонатов отражает отдельные страницы истории бийского православия. Так, история первых храмов Бийска – Петропавловской церкви, Успенской деревянной и отчасти Старо-Успенского «Казачьего» собора отражена в «Сборнике указов из Барнаульского духовного правления священноцерковнослужителям Бийской крепости. 1749–1807» [8].

Выявлены и изучены научные издания, статьи в собраниях Научной библиотеки Национального исследовательского Томского государственного университета, Томской областной библиотеки имени А.С. Пушкина, Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В.Я. Шишкова, Бийской центральной городской библиотеки им. В.М. Шукшина, библиотеке Алтайской государственной академии образования имени В.М. Шукшина, научной библиотеки Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки, православной библиотеки фонда «Возрождение Алтая» г. Бийска.

Значительную ценность представляет ранее неизвестная большинству исследователей православия Бийска информация из периодического издания «Томские епархиальные ведомости» (с 1880 по 1917 г.), практически каждый номер которых содержит хронику событий, в том числе православной жизни г. Бийска, различного рода информацию в составе официального и неофициального отделов. Просмотр всех имеющихся номеров этого уникального издания позволил выявить около 400 статей и заметок, которые дают возможность довольно подробно восстановить и проследить особенности православной жизни Бийска рубежа XIX–XX вв. [9]. Это годовые отчеты о деятельности Алтайской духовной миссии, Бийского отделения противораскольнического братства во имя святителя Димитрия, митрополита Ростовского, отчеты и списки учащихся Бийского миссионерского катехизаторского училища; статьи, написанные по итогам важных православных событий, проходивших в городе. Среди них освящение храмов, церковных зданий, крестные ходы, посещение Бийска Томскими архипастырями, хиротонии архиереев и их обращения к бийской пастве, приезд в город святителя Макария Невского, митрополита Алтайского.

Справочники – ценный источник, дающий общее представление, краткую информацию, статистические сведения за разные годы, – позволяют существенно разнообразить информацию о храмах, проследить динамику изменений приходов. Так, краткую инфор-

мацию о церковном причте Градо-Бийских Троицкого собора и Успенской церкви дает «Справочная книга. Состав священно-церковнослужителей Томской епархии», составленная Г. Меньшагиным и выпущенная в Томске в октябре 1886 г. [10].

Особый интерес представляют четыре «Справочные книги по Томской епархии», изданные в период с 1900 по 1914 г., содержащие краткие сведения о приходах Градо-Бийского благочиния, состав и биографии священнослужителей [11–14].

Характеристика приходов, церковных школ и попечительств, биографии правящих архиереев, священно- и церковнослужителей содержат данные, взятые из ежегодных клировых ведомостей храмов и монастырей. Это годы постройки бийских церквей, даты открытия учреждений церковного образования, статистические данные о численности приходов, а также биографии церковных причтов. Краткая разобщенная историческая информация по истории Бийского архиерейского подворья, Сахаровской церковно-приходской школы и Бийского миссионерского катехизаторского училища содержится в ежегодных отчетах Алтайской духовной миссии, составленных бийскими архиереями и их помощниками.

В 1910 и 1911 гг. вышли книги бийского уездного полицейского исправника В.П. Штейнфельда «Бийский уезд Томской губернии: Топографический, экономический и этнографический очерк уезда» и «Справочник по городу Бийску и Бийскому уезду» [15, 16]. Это, по сути, первые научные труды по истории Бийска, где отдельные главы посвящены истории и различным аспектам жизни города. К сожалению, в книгах только перечисляются названия православных приходов, имена и фамилии настоятелей храмов и упоминается о Бийском архиерейском подворье – резиденции бийских архиереев, начальников Алтайской духовной миссии.

Важными источниками исторической информации являются статьи и отдельные публикации региональной и местной периодической печати конца XIX – начала XXI в. Томской губернии, Бийского уезда и Бийска, имеющиеся в наличии в архивах, библиотеках, музеях, а также редакции газеты «Бийский рабочий». В ходе многолетней работы нами выявлено более восьмиста важных статей и публикаций разных авторов в местных и региональных газетах: «Томские губернские ведомости» (1894–1896, 1908), «Алтай» (1911–1918), «Алтайский край» (1919), «Бийская правда» (1918), «Звезда Алтая» (1923–1929), «Бийский рабочий» (1943–2014), «Алтайская миссия» (1994–2014), «Моя земля» (1994–2014), «Храм» (1995–2003), «Наш храм» (2003–2004), «Возрождение Алтая» (1996–1997), а также «Деловой Бийск» (1995–2014), «Бийские ведомости» (2004–2013), «Наш Бийск» (2009–2014), «Кредо» (1991–2013) и некоторых других, которые включены в единый составленный нами библиографический указатель «Бийск православный».

С января 2008 г. по благословению Преосвященнейшего Максима (Дмитриева), епископа Барнаульского и Алтайского, по инициативе Бийского благочиния и Бийского Демидовского фонда на территории Бийского архиерейского подворья создается музей истории Алтайской духовной миссии. Документальный и вещественный фонды музея истории Алтайской духовной миссии в последние годы стали важным источником в деле исследования православной жизни города. По состоянию на 1 августа 2014 г. музей содержит более 47 тысяч экспонатов, которые тематически объединены в 122 личных и мемориальных фонда, тематические собрания и коллекции. Многообразие экспонатов разнопланово раскрывает тему православия Бийска и Алтайской духовной миссии. Это личные вещи священно- и церковнослужителей, документы, предметы церковного обихода, коллекции старопечатных и рукописных книг с печатями бийских храмов и церковных учреждений образования, историческими и дарственными надписями, пометками и записями владельцев, листовки и плакаты, эпистолярное наследие.

Фототека музея (XIX–XXI вв.), представленная фотопозитивами и фотонегативами на пленочных и электронных носителях, уже превышает 38 тысяч единиц хранения, занимает важное место в процессе исследования. Среди раритетов – почтовые открытки с видами бийских храмов начала XX в., портреты и коллективные фотографии священнослужителей Бийска и прихожан храмов, серии фоторепортажей православных событий разных лет. Значительную ценность представляют фотоснимки дореволюционных фотографов Бийска – Н.А. Ермолина, В.Л. Шаниора, И. Зилотина, П.И. Афанасьева. Фотографом-любителем досоветского Бийска П.Г. Васильевым в 1914–1916 гг. было сделано более двух десятков видовых фотоснимков Бийска: вид на городскую площадь с Троицким собором, надгробия купцов Морозовых и священнослужителей у алтаря Троицкого собора, молебен перед отправкой солдат и офицеров Бийского полка на войну 1914 г., строения Бийского архиерейского подворья и Тихвинского монастыря. Фотопозитивы П.Г. Васильева сегодня позволяют проводить консервацию территорий и отдельных объектов, выполнять ремонтно-реставрационные работы в процессе музеефикации памятников православной истории Бийска.

Многие вещественные и документальные памятники из фондов музея являются в своем роде единственными источниками информации. В последние годы музей становится одним из центральных учреждений, занимающихся сбором, систематизацией и изучением материального и духовного православного наследия Бийска, важнейшей источниковой базой по данному направлению.

Важным источником информации являются интернет-ресурсы – православные порталы и веб-сайты, содержащие как историческую информацию, так и хронику православных событий, происходящих в городе. Среди наиболее востребованных порталы «Бийск православный», «Барнаульская епархия» и сайт музея истории Алтайской духовной миссии [17–19].

Исторические факты православной жизни Бийска, полученные в результате анализа различных источников, несомненно, способствуют решению одной из важных задач – восстановлению православной истории Бийска.

Таким образом, информативная база источников позволяет проследить православную историю Бийска – уникальную составляющую самобытной истории и духовной культуры Алтая и России. Научный анализ документального и фактического материалов дает возможность емко представить историю отдельных храмов и составить православную летопись Бийска.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Труевцева О.Н.* Музеи Сибири во второй половине XX века. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 49–61.
2 . *Труевцева О.Н.* Музей и нематериальное наследие // Хранители наследия. Барнаул : Изд-во АлтГАКИ, 2005. Вып. 2. С. 19–21.
3. *Российский* государственный исторический архив (РГИА). Ф. 799. Оп. 33. Д. 2157. Л. 4–61 об.
4. *Государственный* архив Томской области (ГАТО). Ф. 183. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–7.
5. ГАТО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 23. Л. 20–26.
6. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 77. Оп. 1. Д. 9. Л. 41. Из очерков Е.П. Клевакина о бийской жизни.
7. ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 290. Л. 2–23 об.
8. ОФ. 8940. Л. 124. Сборник указов из Барнаульского духовного правления священноцерковнослужителям Бийской крепости. 1749–1807 // *Бийский* краеведческий музей имени В.В. Бианки.
9. *Электронная* библиотека elib.tomsk.ru: Областная библиотека им. А.С. Пушкина. URL: http://www.elib.tomsk.ru (дата обращения: 4 августа 2014 г.).
10. *Меншагин Г.* Справочная книга. Состав священно-церковнослужителей Томской епархии. Томск, 1886. 129 с.
11. *Справочная* книга по Томской епархии за 1898–1899 гг. Томск, 1900. С. 335–339.
12. *Справочная* книга по Томской епархии за 1902–1903 год. Томск, 1903. С. 41, 360–365.
13. *Справочная* книга по Томской епархии за 1909–1910 гг. Томск, 1911. С. 36, 37, 105–107, 126–132.
14. *Справочная* книга по Томской епархии. 1914 г. Томск, 1914. С. 37, 38, 98, 99, 101–105.
15. *Штейнфельд В.П.* Бийский уезд Томской губернии: Топографический, экономический и этнографический очерк уезда. Бийск : Тип. «Товарищество», 1910. 151 с.
16. *Штейнфельд В.П.* Справочник по городу Бийску и Бийскому уезду. Бийск : Тип. «Товарищество», 1911. 184 с.
17. *Барнаульская* епархия. URL: http://www.altai.eparhia.ru (дата обращения: 4 августа 2014 г.).
18. *Бийск* православный. URL: http://www.bigpi.biysk.ru/hram/(дата обращения: 4 августа 2014 г.).
19. *Музей* истории Алтайской духовной миссии. URL: http://www.bigpi.biysk.ru/museum/main.php (4 августа 2014 г.).

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 30 октября 2014 г.

SOURCES FOR THE STUDY OF ORTHODOXY HISTORY IN BIYSK

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 73-77. DOI 10.17223/15617793/390/13

Kovalenko Pavel S. Altai State Pedagogical Academy (Biysk, Russian Federation) E-mail: kovalenko197808@mail.ru

Keywords: source; archives; archival document; heritage; clergy sheets; Biysk Bishop's residence; Museum of the History of the Altai Spiritual Mission.

The Orthodox history of Biysk is a unique component of Biysk history and a very important feature of the chronicles of the Altai Territory. Orthodoxy, which originated with the advent of the serving of the Cossacks and the builders of the first inhabitants of Bikatunsk dungeon and then Biysk fortress, has come a long way of growth and development. Despite the difficult years of Soviet atheism and rebellion, archives, museums and libraries of Biysk preserved the unique monuments of Orthodox history and culture, precious witnesses of history of Orthodox culture residents. The reconstruction of the history of the Orthodox Biysk is possible from a variety of sources: material and immaterial, art and linguistic, oral, as well as films, photos and phonodocuments. Important sources are materials of related scientific disciplines; epistolary heritage and personal collections of the clergy, parishioners, websites; photographic collections of museums. Among the written sources in the research process a special place belongs to archival documentary sources of the beginning of the 18th up to the 21st centuries. These collections are in the state, regional and local archives, museums in Biysk and Barnaul. The study of documentary material makes it possible to trace the history of individual churches, to reconstruct the Orthodox chronicle of Biysk. The study identified and explored many archival documents previously introduced into scientific circulation: the Russian State Historical Archive, the State Archive of Tomsk Region, the State Archive of the Altai Territory, Archive Department of Biysk Administration, Archive of Biysk Deanery of the Diocese of Barnaul. Of significant value is the periodical *Tomsk Diocesan Gazette*. The study of these document has enabled to identify more than 400 articles and notes detailing the history of the Orthodox life of Biysk at the turn of the 19th and 20th centuries. Description of parishes, Church schools and wards, biographies of ruling bishops, priests and clergymen contain data taken from the annual Church documents of temples and monasteries. Important sources of information are articles and publications in regional and local periodicals of Tomsk Province, Biysk District and Biysk. The documentary and objective Museum of the Altai Spiritual Mission has become an important source in the study of Orthodox life in the city in recent years. By the end of 2014 the Museum contains more than 47 thousand exhibits. Thus, the source base of the research topic is diverse and representative. The source database allows us to trace the original Orthodox history of Biysk. Scientific analysis of the documentary and factual material allows to represent the history of individual churches and to compile the Orthodox Chronicle of Biysk.

REFERENCES

1. Truevtseva O.N. *Muzei Sibiri vo vtoroy polovine XX veka* [Museums of Siberia in the second half of the 20th century]. Tomsk: TSU Publ., 2000, pp. 49–61.
2. Truevtseva O.N. *Muzey i nematerial'noe nasledie* [Museum and intangible heritage]. In: *Khraniteli naslediya* [Keepers of Heritage]. Barnaul: AltGAKI Publ., 2005, issue 2, pp. 19–21.
3. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 799. List 33. File 2157. Page 4-61 rev.
4. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 183. List 1. File 4. Page 1–7.

5. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 184. List 1. File 23. Page 20–26.
6. State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund 77. List 1. File 9. Page 41. *Iz ocherkov E.P. Klevakina o biyskoy zhizni* [Essays of E.P. Klevakin on Biysk life].
7. State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund 174. List 1. File 290. Page 2-23 rev.
8. Biysk Regional Museum named after V.V. Bianki. General Fund 8940. Page 124. *Sbornik ukazov iz Barnaul'skogo dukhovnogo pravleniya svyashchennotserkovnosluzhitelyam Biyskoy kreposti. 1749–1807* [Collection of decrees from Barnaul spiritual government to the clergy of Biysk fortress. 1749-1807].
9. Eletronic Library elib.tomsk.ru. *Oblastnaya biblioteka im. A.S. Pushkina* [Regional Library n.a. A.S. Pushkin]. Available from: http://www.elib.tomsk.ru. (Accessed: 4th August 2014).
10. Menshagin G. *Spravochnaya kniga. Sostav svyashchenno-tserkovnosluzhiteley Tomskoy eparkhii* [Handbook. The composition of the clergymen of Tomsk diocese]. Tomsk, 1886. 129 p.
11. *Spravochnaya kniga po Tomskoy eparkhii za 1898–1899 gg.* [Handbook of Tomsk diocese for 1898-1899]. Tomsk, 1900, pp. 335–339.
12. *Spravochnaya kniga po Tomskoy eparkhii za 1902–1903 god* [Handbook of Tomsk diocese for 1902–1903]. Tomsk, 1903, pp. 41, 360–365.
13. *Spravochnaya kniga po Tomskoy eparkhii za 1909–1910 gg.* [Handbook of Tomsk diocese for 1909–1910]. Tomsk, 1911, pp. 36, 37, 105–107, 126–132.
14. *Spravochnaya kniga po Tomskoy eparkhii. 1914 g.* [Handbook of Tomsk diocese for 1914]. Tomsk, 1914, pp. 37, 38, 98, 99, 101–105.
15. Shteynfel'd V.P. Biyskiy uezd Tomskoy gubernii: Topograficheskiy, ekonomicheskiy i etnograficheskiy ocherk uezda. Biysk: Tip. "Tovarishchestvo", 1910. 151 p.
16. Shteynfel'd V.P. *Spravochnik po gorodu Biysku i Biyskomu uezdu* [Handbook of Biysk and Biysk uezd]. Biysk: Tip. "Tovarishchestvo" Publ., 1911. 184 p.
17. *Barnaul'skaya eparkhiya* [Barnaul diocese]. Available from: http://www.altai.eparhia.ru. (Accessed: 4th August 2014).
18. *Biysk pravoslavnyy* [Orthodox Biysk]. Available from: http://www.bigpi.biysk.ru/hram/. (Accessed: 4th August 2014).
19. *Muzey istorii Altayskoy dukhovnoy missii* [Museum of the History of the Altai Spiritual Mission]. Available from: http://www.bigpi.biysk.ru/museum/main.php. (Accessed: 4th August 2014).

Received: 30 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 78–81. DOI 10.17223/15617793/390/14

УДК 782.1

Е.А. Приходовская

МОДЕЛЬ-АТТРАКТОР ОПЕРЫ КАК ЗАВЕРШАЮЩАЯ СТАДИЯ РАБОТЫ КОМПОЗИТОРА НАД ТВОРЧЕСКИМ ПРОЕКТОМ

Излагается гипотеза модели-аттрактора, объединяющей в себе нотно-вербальный текст и визуальные параметры оперы. Акцентируется как составляющая творческого процесса композитора комплекс визуальных параметров, фиксируемых в синтетическом тексте оперы в виде авторских ремарок. Проводится подробный анализ данного комплекса на примерах ремарок из оперы Н. Римского-Корсакова «Царская невеста». Первостепенным свойством модели-аттрактора называется единство и взаимообусловленность всех её элементов.

Ключевые слова: опера; композитор; творческий проект; модель-аттрактор; нотно-вербальный текст; визуальные параметры.

Процессы экстраполяции понятийного и терминологического аппаратов из одной области знаний в другую зачастую включают, при адаптации к новой сфере применения, некоторое искажение первоначального смысла понятия. При условии неизбежности подобных искажений вполне правомерным представляется выстраивание *непрямых аналогий*, на основе которых понятие может быть экстраполировано в другую область знаний. Кроме того, одна из определяющих позиций современной научной парадигмы синергетики, к которой обращается автор статьи, – понимание принципиального сходства явлений, наблюдаемых в различных, порой достаточно отдалённых друг от друга сферах жизни. Междисциплинарностью данного подхода обусловлена возможность и степень осторожности перевода понятия из области физики неравновесных систем в область творческого процесса композитора.

Аттрактор (от англ. *attract* – привлекать, притягивать) имеет несколько общепризнанных определений, например: 1) множество точек в фазовом пространстве динамической системы, к которым стремятся траектории системы; 2) фазовые портреты устойчивых динамических систем (точка, предельный цикл). По словам С.П. Курдюмова, «…возникать могут не какие угодно структуры, а лишь их определенный набор, задаваемый собственными функциями среды. Последние описывают идеальные формы реально возможных образований и являются аттракторами, к которым только и может эволюционировать рассматриваемый объект» [1. С. 55]. Н.П. Коляденко уже применительно к процессам функционирования музыкально-художественного сознания называет в качестве одного «из упомянутых принципов художественного мышления pars pro toto (часть вместо целого)» [2. С. 83], отмечая, что «такую часть или деталь в синергетическом аспекте можно назвать своеобразным *аттрактором*, т.е. информативной точкой, ассимилирующей все образные представления…» [Там же].

Как можно заметить, понятие аттрактора с междисциплинарной, философски-обобщающей точек зрения способно функционировать в двух аспектах:

1) как точка, к которой стремятся траектории системы;

2) как множество точек, соединяющихся в целостный *фазовый портрет* системы.

Если принцип pars pro toto реализует скорее точечный аспект понятия аттрактора, синтетическая природа целостной модели оперы, присутствующей в творческом процессе композитора, актуализирует второй – множественный – аспект понятия. Целостная модель-аттрактор оперы, являющаяся фазовым портретом сложной динамической системы синтетического целого оперы, возникает на завершающей, итоговой стадии творческого процесса композитора при создании оперы. Синкретическая природа первоначального замысла [3] воплощается в синтетической целостности возникающего текста. Данная стадия – стадия формирования фиксированного текста (партитуры, клавира). Для творческого процесса композитора стадия формирования письменной фиксации оперы является завершающей, итоговой – на этой стадии множественные гипотезы и замыслы, функционировавшие как часть творческого процесса, обретают окончательный выбор их контаминации и специфики. Для творческих процессов режиссёра, певца, декоратора письменно фиксированный текст оперы выступает, напротив, в качестве «отправной точки», исходной позиции, содержащей потенциал будущих прочтений и трактовок. При этом следует помнить, что опера доступна адресату (слушателю, зрителю) только в виде аудиовизуальной целостности, реализуемой на сцене (или на экране); фиксированный синтетический текст оперы (партитура, клавир) служит лишь вспомогательным, но не окончательным «устоем» в процессе образования данного аудиовизуального целого.

Именно письменно фиксированный синтетический текст оперы можно обозначить как *период наименьшей энтропии*: текст может существовать, не изменяясь, уже вне зависимости от автора и ещё вне зависимости от будущих интерпретаторов – если говорить образно, через сто лет после смерти композитора и за сто лет до рождения певца. Таким образом, функцию модели-аттрактора, совмещающей завершающую стадию творческой работы композитора и потенциал множественных сценических воплощений, выполняет фиксированный синтетический текст оперы. В рамках нашей гипотезы акцентируется значение аттрактора как «идеальной формы реально возможных образований» (Курдюмов). Фиксированный синтетический текст, являющийся некой константной «идеальной формой», обладает спо-

собностью к порождению множественных «реально возможных образований», т.е. аудиовизуальных воплощений, непосредственно адресованных воспринимающему сознанию.

Представляется необходимым внести некоторые уточнения терминологического характера. Область творческого процесса композитора традиционно связывается с термином «замысел», реализацией которого признаётся письменная фиксация текста – продукта творчества. В одном смысловом ряду с понятием замысла оказываются «протоинтонационная форма» (В. Медушевский), «симультанный прообраз» (С. Вейман) и т.п. Более локальным и целеустремлённым явлением автору представляется понятие *творческий проект*, отражающее процесс реализации замысла – конкретных путей формирования фиксированного текста. На термине «проект», воплощающем более поздние этапы творческого процесса, чем термин «замысел» (при понимании условности разделения творческого процесса на этапы), автор статьи предлагает остановиться.

Модель-аттрактор оперы, в силу синтетичности жанра и многоаспектности фазового портрета системы, включает несколько направлений реализации и развития системы, отражённых в фиксированном синтетическом тексте. Назовём данные направления:

1) вербальный текст, воплощающийся в тексте либретто;

2) нотный текст, воплощающийся в композиторской партитуре (клавире) и неразрывно связанный с вербальным текстом;

3) визуальные параметры – авторские пометы и ремарки, характеризующие различные стороны сценического (визуально воспринимаемого) действия, от выходов персонажей до деталей костюма.

Характер взаимосвязи вербального и нотного текстов в синтетической целостности оперы требует объединения их в **нотно-вербальный текст**, взаимозависимость и взаимовлияние в котором вербального и нотного компонентов бесспорны и создают неразделимое синтетическое единство. **Визуальные параметры**, классифицируемые зачастую как часть вербального текста, по мнению автора статьи, составляют независимый пласт. ***Несмотря на то что авторские ремарки в клавире (партитуре) выражены вербальными средствами, они не должны рассматриваться как часть нотно-вербального текста***, так как в аудиовизуальном (непосредственно обращённом к адресату) воплощении они реализуются как визуально воспринимаемые детали. Визуальные параметры составляют отдельный пласт средств выразительности, вступающий в контакт с нотно-вербальным текстом в процессе формирования синтетического единства оперы.

Визуальные параметры, в силу традиции, не являются системными: композитор отмечает только те детали, которые он сам считает важными или на которые обращает внимание, оставляя данное «поле деятельности» за гранью модели-аттрактора, в области будущих сценических трактовок. Однако некоторые смысловые ориентиры таким образом обозначаются, и визуальные параметры служат составляющими элементами целостной модели-аттрактора: «Принцип pars pro toto диктует выбор *деталей-аттракторов*…» [2. С. 89]. Попробуем, на правах гипотезы, провести классификацию авторских ремарок в опере – визуальных параметров, актуализируемых композитором в рамках модели-аттрактора, на примере оперы Н. Римского-Корсакова «Царская невеста» [4] (примеры произвольны, автор не претендует на тщательное и разностороннее исследование клавира, а лишь иллюстрирует предлагаемые тезисы).

Данная классификация носит иерархический характер, что предполагает первичное подразделение на блоки:

I. Сценическое пространство.

II. Визуальные характеристики персонажей.

Каждый из названных блоков, в свою очередь, представляется целесообразным подразделить на два подблока: *статические* и *динамические* параметры.

К статическим параметрам блока сценического пространства отнесём:

1) **рельеф сцены**. Во-первых, это распределение сценических планов (авансцена, задний план, срединное пространство); во-вторых, соотношение вертикали и горизонтали (нужны ли верхние площадки, как их организовать, нужно ли кого-то из персонажей «посадить»). Авторские ремарки в отношении рельефа сцены нередко неразделимы с ремарками, призванными обрисовать декорации и сценическую обстановку вообще. Отметим, что каждое действие «Царской невесты» композитор предваряет подробным описанием места действия, включающим такие характеристики рельефа сцены, как «справа», «слева», «в глубине», «ближе к авансцене» и т.д.;

2) **декорации**. Обрисовка декораций – характерных, а иногда и смысловых, деталей сценического действия – преимущественно, является составной частью фиксированного синтетического текста оперы. Степень подробности и частоты описания сценических деталей варьируется в зависимости от смысловой нагрузки сценических деталей. В «Царской невесте» композитор уделяет внимание сценической обстановке только в начале действия, например: Действие первое, «Пирушка». «Большая горница в доме Григория Грязного. На заднем плане низенькая входная дверь и подле неё поставец, уставленный кубками, чарками и ковшами. На правой стороне три красных окна и против них длинный стол, накрытый скатертью; на столе свечи в высоких серебряных подсвечниках, солонка и судок. На левой стороне дверь во внутренние покои и широкая лавка с узорным полавочником; к стене приставлена рогатина; на стене висит самострел, большой нож, разное платье и, неподалёку от двери, *ближе к авансцене* (курсив наш. – *Е.А.*), медвежья шкура. По стенам и по обеим сторонам стола – лавки, крытые красным сукном»;

3) **«диспозиция» сцены** – «где что» и «где кто». Например: «Песенники и песенницы с поклоном выступают вперёд; гусляры занимают места на лавке с левой стороны».

К динамическим параметрам того же блока, как можно предположить, относятся:

1) **графика выходов и перемещений персонажей по сцене**. Множественные примеры авторских ремарок подобного рода находим в «Царской невесте»; например несколько образцов из первого действия: «Средняя дверь отворяется. Входит Малюта с опричниками»; «Грязной хлопает в ладоши; входят слуги»; «Слуги разносят кубки с мёдом»;

2) **перемены декораций**. В «Царской невесте» сценическое пространство и декорации прописаны в начале каждого действия и в течение действия не меняются. Однако в других операх, в зависимости от сюжетной линии, перемена декораций может приобретать решающий смысл;

3) **освещение**: композитор определяет, нужны ли в спектакле те или иные переключения или эффекты; как можно использовать в этом отношении всё пространство зрительного зала, а не только сцену. Например: «Темнеет. В доме Собакина зажигают огонь».

Среди статических параметров другого блока (визуальные характеристики персонажей) назовём следующие:

1) **цветовая гамма**. Цветовая гамма объединяет визуальные характеристики персонажей с освещением и цветовой гаммой декораций. В ремарках Н. Римского-Корсакова преобладает упоминание цветовой гаммы в комплексе с декорациями и рельефом сцены: «красное сукно», «серебряные подсвечники» и др.;

2) **бутафория**. В вопросах бутафории композитор в первую очередь обозначает в тексте оперы то, *без* чего персонаж теряет свою индивидуальность. Например, если это царь – он непременно бывает с жезлом или посохом; если ребёнок – с игрушкой или скакалкой; если фея – с волшебной палочкой, и т.п. Предмет превращается в *знак*, по которому зритель определяет функцию персонажа. В ремарке из второго действия «Царской невесты» читаем: «…показываются два знатных вершника. Выразительный облик первого из них, закутанного в богатый охабень, даёт узнать в нём Иоанна Васильевича Грозного; второй вершник, с метлою и собачьею головою у седла, – один из приближённых к царю опричников».

В подблоке динамических факторов блока визуальных характеристик персонажей важнейшими представляются:

1) **манера движения**. В силу удалённости сцены от зрительного зала, мимический аспект практически теряет значимость. Но манера движения может служить одной из значительных смысловых / выразительных деталей, которые композитор обозначает в ремарках, например: «Марфа выбегает бледная, встревоженная…» (четвёртое действие);

2) **потенциал смысловых преобразований внешности персонажа**. В «Царской невесте» образцов актуализации данного параметра не найдём; но в оперных сюжетах, располагающих мотивом переодевания, например, преобразование внешности персонажа играет центральную роль в выстраивании драматургии оперы.

Подчеркнём условность и неполноту – открытость полемике и новым взглядам – предложенной классификации. Обобщим изложенные тезисы в наглядной таблице.

Визуальные параметры модели-аттрактора оперы

Сценическое пространство						**Визуальные характеристики персонажей**			
Статические параметры			*Динамические параметры*			*Статические параметры*		*Динамические параметры*	
Рельеф сцены	Декорации	«Диспозиция» сцены	Графика выходов и перемещений персонажей	Перемены декораций	Освещение	Цветовая гамма	Бутафория	Манера движения	Преобразования внешности персонажа (переодевание и т.д.)

Представляется естественной и неоспоримой принадлежность очерченного комплекса вопросов сфере творчества оперного режиссёра – в процессе аудиовизуального воплощения фиксированного синтетического текста оперы.

Как можно заметить, решение данных вопросов намечается на гораздо более раннем этапе – в контексте модели-аттрактора, возникающей как завершающая стадия творческого процесса композитора. Авторские ремарки, содержащиеся в партитуре / клавире оперы, как правило, не выходят за рамки очерченного комплекса вопросов, но и не охватывают его целиком. Несистемность авторских ремарок, обозначающих визуальные параметры модели-аттрактора, очерчивает только отдельные контуры фазового портрета системы, формируя тем самым обширный потенциал режиссёрских трактовок.

Важнейшим свойством модели-аттрактора системы синтетического оперного текста является цельность модели и органическая взаимосвязь всех её составляющих, что создаёт в дальнейшем драматургическую целостность синтетического текста и его аудиовизуального воплощения, непосредственно адресованного воспринимающему сознанию (сознанию слушателя / зрителя). Корреляция и взаимообусловленность в составе модели-аттрактора двух её составляющих – нотно-вербального текста и визуальных параметров – формируются и фиксируются в тексте на завершающей стадии работы композитора с творческим проектом, на стадии фиксации партитуры / клавира создаваемой оперы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–57 (интервью с С.П. Курдюмовым).
2. *Коляденко Н.П.* Синестетичность музыкально-художественного сознания (на материале искусства XX века). Новосибирск, 2005. 392 с.
3. *Приходовская Е.А.* Камерно-вокальные и вокально-сценические произведения: творческая практика композитора : дис. … канд. искусствоведения. Новосибирск, 2010.
4. *Римский-Корсаков Н.* Царская невеста // Опера в четырёх действиях. Либретто композитора и И. Тюменева по одноименной драме Л. Мея (переложение для пения с фортепиано А. Шефера). М. : Музыка, 1971.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 27 ноября 2014 г.

OPERA MODEL-ATTRACTOR AS A FINAL STAGE OF THE COMPOSER'S WORK ON A CREATIVE PROJECT

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 78-81. DOI 10.17223/15617793/390/14

Prikhodovskaya Ekaterina A. Institute of Arts and Culture of Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: prihkatja@mail.ru

Keywords: opera; composer; creative project; model attractor; musical and verbal text; visual parameters.

The purpose of the author of the article is to state a hypothesis covering the final stage of the creative process of a composer and the properties of the synthetic text of the opera. The concept of a model-attractor, where the term "attractor" is borrowed from the synergetics and understood as a phase portrait of a system – the synthetic text of the opera, is offered. The complete model-attractor being the phase portrait of a complex dynamic system of the synthetic whole of operas arises at the final stage of the creative process of the composer. The syncretic nature of the initial plan is embodied in the synthetic integrity of the arising text. This stage is the stage of formation of the fixed text (the score, the clavier). For the creative process of the composer, the stage of the written fixation of an opera is final, total; at this stage the multiple hypotheses and plans functioning as a part of the creative process find a final choice of their contamination and specifics. Whereas in the creative processes of the director, singer, decorator, etc., the fixed text of the opera, on the contrary, is the "starting point", the initial position containing the potential of future readings and interpretations. Thus, it is necessary to remember that the opera is available for the addressee (the listener, the viewer) only in the form of the audiovisual integrity realized on a stage (or on the screen); the fixed synthetic text of the opera (the score, the clavier) serves only as an auxiliary, but not final "abutment" in the course of formation of this audiovisual whole. That is why the written fixed synthetic text of the opera can be viewed as a period of the smallest entropy. The opera model-attractor, owing to the synthetic character of the genre and polyaspectness of the phase portrait of the system, includes some directions of realization and development of the system reflected in the fixed synthetic text. Two complexes making the model-attractor are distinguished: 1) musical and verbal text, 2) visual parameters. Visual parameters, respectively, are present in the fixed text of the opera in the form of author's notes. In spite of the fact that author's notes in a clavier (score) are expressed by verbal means, they should not be considered as a part of the musical and verbal text, as in audiovisual (directly turned to the addressee) form they are realized as visually perceived details. A detailed classification of visual parameters on random examples from the clavier of the opera of N. Rimsky-Korsakov "The Tsar's Bride" is made in the article. Visual parameters make a separate layer of means of expressiveness coming into contact with the musical and verbal text in the course of formation of the synthetic unity of the opera.

REFERENCES

1. Prigozhin I. Filosofiya nestabil'nosti [Philosophy of instability]. *Voprosy filosofii*, 1991, no. 6, pp. 46–57.
2. Kolyadenko N.P. *Sinestetichnost' muzykal'no-khudozhestvennogo soznaniya (na materiale iskusstva XX veka)* [Synesthetic nature of musical and artistic consciousness (based on the art of the 20th century)]. Novosibirsk, 2005. 392 p.
3. Prikhodovskaya E.A. *Kamerno-vokal'nye i vokal'no-stsenicheskie proizvedeniya: tvorcheskaya praktika kompozitora*: dis. kand. isk. [Chamber vocal and vocal and stage works: the composer's creative practice. Art Cand. Diss.]. Novosibirsk, 2010.
4. Rimskiy-Korsakov N. *Tsarskaya nevesta. Opera v chetyrekh deystviyakh. Libretto kompozitora i I. Tyumeneva po odnoimennoy drame L. Meya* (perelozhenie dlya peniya s fortepiano A. Shefera) [The Tsar's Bride. Opera in four acts. Libretto by the composer and I. Tyumeneva on the drama by Lev Mey (arranged for singing and piano by A. Schaefer)]. Moscow: Muzyka Publ., 1971.

Received: 27 November 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 82–88. DOI 10.17223/15617793/390/15

УДК 72.01

Н.А. Прядуха

МУЗЫКАЛЬНО-ЗВУКОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБРАЗЦОВ АРХИТЕКТУРЫ КЛАССИЦИЗМА г. БАРНАУЛА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-АССОЦИАТИВНОГО ЛАНДШАФТА ГОРОДА

Анализируются наиболее яркие образцы архитектуры классицизма г. Барнаула с точки зрения ее музыкально-звуковых характеристик. Фундаментальной основой данного подхода стала концепция Ф.В.Й. Шеллинга, представляющая музыкальность не только свойством архитектуры, но Вселенной в целом. Полученные в результате исследования параметры приняты в качестве базы для формирования художественно-ассоциативной составляющей культурного ландшафта города. В итоге найдены новые общности, закономерности, образующие новые культурные территории, обогащающие культурный ландшафт г. Барнаула.

Ключевые слова: архитектура классицизма; музыкально-звуковые характеристики; художественно-ассоциативный ландшафт города.

Архитектура Барнаула различается по стилям (классицизм, барокко, модерн, эклектика, типовая архитектура и т.д.), материалам (деревянная, кирпичная, оштукатуренная), функциям (культовая, жилая, административная). Все вышеперечисленное формирует специфический элемент культурного ландшафта города. Учитывая наличие в нем художественно-ассоциативной составляющей, внутри структурных единиц формируется уникальное звучание, что придает ландшафту не только особые конфигурации на основе мелодического или гармонического звучания, но и совершенно очевидный тембр, жанр, элементы формы, фактуру, оркестровку. Таким образом, ассоциативный ландшафт города обогащается художественно-ассоциативной составляющей [1]. В статье используется метод доминантного анализа, так как он наиболее приемлем в ситуации огромного количества примеров и невозможности охватить все в одном исследовании. Барнаульская архитектура классицизма является своеобразной «визитной карточкой» города и одним из наиболее ценных атрибутов его культурного наследия, что послужило причиной данного исследовательского интереса.

Анализируя архитектуру классицизма, естественно, наибольшие доверительность и интерес вызывают синестетические размышления по поводу стилевых аналогий [2], так как классицизм и в музыке проявился чрезвычайно насыщенно. При всей очевидности данных сопоставлений родственность классицизма в архитектуре и музыке этим не ограничивается, поскольку обладает не просто внешней схожестью, но глубинными связями тождественности.

Архитектурный классицизм имеет богатую историю и тесно связан с музыкальным искусством, более того, он обладает теоретической платформой, предложенной Ф.В.Й. Шеллингом. Именно в системе архитектурных ордеров философ видел сущность архитектуры как явления, как произведения искусства, отдавая абсолютное первенство данному художественному направлению. Он считал, что «архитектура, будучи музыкой пластики, заключает в себе, подобно музыке, ритмическую, гармоническую и мелодическую стороны» [3. С. 50]. В ритме Ф.В.Й. Шеллинг разделял общее и частное проявления. Общий архитектурный ритм в античных ордерах выражается, по его мнению, в периодическом подразделении однородного преимущественно в следующих элементах: в уменьшении и постепенном сужении колонн кверху и книзу, в величине расстояний между колоннами, а в дорическом ордере – прежде всего, в сочетании обломов, образующих карниз, из числа триглифов в одном интервале между колоннами и т.д. [3].

В архитектуре Барнаула, в стилистике классицизма, отчетливо прослеживается наличие всех указанных ритмических проявлений, что позволяет сделать первый вывод о наличие музыкальности в этой части архитектурного наследия. Первоосновой любой ордерной системы является дорический ордер, поэтому прежде всего следует обратиться к ее музыкальным характеристикам. По мысли Ф.В.Й. Шеллинга, три ордера колонн соотносятся между собой как ритм, гармония и мелодия. Дорический ордер есть по преимуществу ритмический ордер. Подобно ритму в музыке, дорический ордер заключает в себе более всего необходимости и менее всего случайности. Из всех ордеров он оказывается наиболее строгим, реалистическим, мужественным [3]. Поэтому автоматически предполагаемое звучание зданий, приближенных к дорической стилистике, обрастает конкретными характеристиками: ударными тембрами, аккордовой фактурой и т.д.

Если рассматривать аналогию архитектура – конкретная музыка, то, по мнению Ф.В.Й. Шеллинга, это имеет также особенное значение для наиболее ритмической архитектуры – дорической. Вероятно, греки подчеркивали ритмический характер дорического ордера символически через форму триглифов, которая преимущественно приближается к форме лиры. Ф.В.Й. Шеллинг не настаивал на обязательной тесной связи триглифов с лирой Амфиона, он считал, что они напоминают древнегреческую лиру или тетрахорд, изобретение которого некоторые приписывают Аполлону, другие – Меркурию. Древнейшая музыкальная система греков включала в себя не более четырех тонов при одной октаве. Что такая система тонов действительно выражена в триглифах, нельзя уяснить себе без помощи интуиции, поэтому Ф.В.Й. Шеллинг предоставляет каждому по своему разумению убедиться в этом. Соответствие пропорций дорического ордера музыкальным соотношениям описано Витрувием, который определял отношение ширины к высоте триглифов как 1 : 1/2 или 2 : 3, что составляет от-

ношение одного из лучших созвучий – квинты; что касается другого отношения – 3 : 4, приведенного им уже как гораздо менее приятное, то оно соответствует кварте, которая по благозвучию намного уступает квинте. Ф.В.Й. Шеллинг допускал в подобных описаниях слишком много ухищрений и смысла, но считал, что судить об этом могут те, кто способен постичь ясность и сознательность архитектурных форм греков, господствующие во всех их творениях [3]. Указания на возможность существования конкретных музыкальных аналогов сдерживают творческий потенциал реципиента и не являются целью данного исследования, поэтому считаем достаточным упоминание о наличии такой возможности.

Не слишком вдаваясь в доказательства тесной связи пропорциональных сочетаний музыки и архитектуры, Ф.В.Й. Шеллинг был убежден, что в целом гармоническая сторона архитектуры преимущественно связана с пропорциями, или соотношениями, и оказывается идеальной формой этого искусства. Пропорции в архитектуре применяются, поскольку в них имеется намек на человеческое тело, красота которого основывается именно на пропорциях. Архитектура, которая в заботе о ритме сохраняет еще возвышенную, строгую форму и стремится к истине, через соблюдение гармонии приближается, следовательно, к органическому прекрасному [Там же].

Дорический ордер в Барнауле встречается достаточно редко. Его элементы можно наблюдать в архитектуре здания горного госпиталя и Молодежного театра. По определению Т.М. Степанской, Молодежный театр на площади Октября имеет дорический портик [4]. На наш взгляд, в данном случае можно говорить лишь о стилизации, тенденции или близости к дорическому ордеру, так как четыре колонны этого портика не обладают рядом признаков дорического ордера. Смущает, прежде всего, наличие базы, отсутствие сужения колонн и энтазиса. Более того, на антаблементе нет чередования триглифов и метоп. Но, между тем, здание отличается строгостью и монументальностью, что характерно для дорического ордера. Большие промежутки между колоннами дают возможность получить представление о крупной ритмичности, а ее удвоение полуколоннами на фасаде утверждает нас в мысли о том, что данное членение можно отождествить с музыкальными тактами, тем более, что боковые ризалиты по своим размерам соответствуют членению, заданному рядами колонн, а угловые лопатки вполне вписываются в общий метр вертикалей этого здания. В результате полученного метра мы имеем пять приблизительно равных частей-тактов фасада, крайние из которых зеркальны и могут выполнять функции вступления и заключения. Интерес представляют средние три части фасада своим ритмическим заполнением. Прежде всего, балкон и окно верхнего этажа делит внутренний промежуток пространства между колоннами на три части, внося ритмическую триольность в его восприятие, и эта ритмическая фигура воспринимается основной за счет ее усиления наличниками и оформлением балкона. Окна и дверь нижнего этажа вносят легкую полиритмию и динамику своим четырехчастным строением в общий, достаточно жесткий ритм фасада. В результате получается элементарная, но наглядная слухозрительная полифония, признание которой, с точки зрения Б.М. Галеева, в качестве «наиболее оптимальной и содержательной формы аудиовизуального синтеза позволяет понимать произведение как единый художественный организм, как органическое целое, как целостную систему. Как показали наши ученые, наши философы, только при достижении уровня органического целого любая синтезируемая система получает способность к саморазвитию» [5. С. 65]. Кроме этого, объем портика позволяет говорить о наличии фактурной глубины, создаваемой либо возможностями разных тембров (инструментов, голосов), либо возможностями разнообразной динамики.

Таким образом, музыкальные характеристики архитектурных элементов дорического ордера ритмическими характеристиками разрушают статичность здания Молодежного театра и превращают его в подвижную, развивающуюся систему знаков. Характер, соответствующий дорическому ордеру, позволяет говорить о сдержанных темповых характеристиках этого здания, относящихся ко всему пространству предполагаемого звучания. Наличие ровных (остинатных) колонн позволяет предположить характер фактуры.

Ионический ордер, в концепции Ф.В.Й. Шеллинга, по преимуществу гармонический. Из пропорций ионического ордера он акцентирует пропорции его базы или так называемой аттической базы, которая благодаря высоте своих частей, как их приводит Витрувий, выражает совершеннейшую гармонию, т.е. гармоническое трезвучие [3].

В архитектуре Барнаула ионический ордер представлен мало, например, частично он встречается в виде колонн в элементах дома со шпилем (пр-т Ленина, 82), жилого дома (пр-т Ленина, 29), Дома пионеров (ул. Пионеров, 2); в виде пилястр: жилого дома (пр-т Ленина, 72), дома начальника горного округа (пр-т Ленина, 18), торгового дома «И.Д. Лалетин и сыновья» (ул. Мало-Тобольская, 34; 1907 г.). Наиболее ярко проявляет себя ионическая колонна (пилястра), когда она подчеркивает гармоническую вертикаль, фактурно выделяя либо центральную, либо крайние части здания, становясь определенным ориентиром, остовом композиций этих частей. Так, фактура и форма фасада Дома пионеров, благодаря музыкальности элементов ордерной системы, складываются из аккордовых вступления, заключения и мелодической средней части с ритмическими переходами к и от нее. Степень значимости ионической колонны (аккорда) определяется, прежде всего, ее высотой. Более мелкие колонны (Дом со шпилем) являются компонентом декора как архитектуры здания, так и его музыкального аналога, становясь частью фактуры аккомпанемента или мелизматики. Охватывая разную этажность (жилой дом на пр-те Ленина, 29, Дом начальника горного округа (пр-т Ленина,18)), они подчеркивают слоистость фактуры с ее тембральным богатством в унисонном движении нескольких ее слоев и противопоставляют гармоническую вертикаль

горизонтальному ритму других элементов архитектуры либо мелодическому движению.

В этом смысле представляют интерес аналогии Р. Вагнера, который считал, что гармония растет подобно стройной колонне из последовательного сочетания и наложения один над другим родственных звуков. Непрестанная смена таких же вновь и вновь вздымающихся рядом колонн составляет единственную возможность абсолютного движения вширь [6]. Таким образом, формируется аккордовая фактура звучания зданий.

Законы гармонической последовательности, основанные на родственной близости (так же как на родственной близости основаны гармонические колонны, аккорды), образуют в совокупности некую меру, которая ставит благой предел безграничной игре произвольных возможностей. Данные законы допускают многообразный выбор среди гармонических семейств, позволяют по свободному устремлению расширять возможность сочетаний с членами чужих семейств, но при этом требуют, однако, твердого следования особому закону избранного семейства и верности этому семейству ради счастливого завершения [6. С. 181]. Данное наблюдение действия закономерностей в архитектуре и музыке обеспечивает налаживание связей тождественности именно внутри стиля, ордера, упомянутых выше.

Доминирующее большинство барнаульских зданий в стиле классицизма тяготеет к коринфской стилистике либо к синтезу элементов разных ордерных систем. Так и в музыке мелодическая сторона архитектуры возникает из соединения ритмического элемента с гармоническим. Ф.В.Й. Шеллинг наглядно это демонстрирует на третьем ордере – коринфском. Коринфский ордер преимущественно мелодический. Он синтезирует гармоническую мягкость ионического ордера с ритмическими формами ордера дорического, как тело молодой девушки сочетает общую мягкость женских форм с большей упругостью и строгостью форм юношеского тела. Уже большая стройность коринфских колонн делает в них ритм заметнее. Предельное объединение крайних противоположностей в коринфском ордере: прямого с круглым, ровного с изогнутым, простого с изысканным, дает ему ту мелодическую полноту, благодаря которой он выделяется среди остальных [3].

В архитектурном наследии Барнаула коринфский ордер представлен достаточно широко, что само по себе может стать спецификой (музыкальной в том числе). Архитектуру Барнаула в стиле классицизма можно назвать преимущественно мелодической, так как коринфский ордер здесь всегда комбинирован еще с чем-то.

В конструкции фасада главного корпуса АлтГУ (пр-т Ленина, 61; 1958 г.) использованы четырехгранные колонны и пилястры с капителями коринфского ордера. Четырехгранная или столбообразная форма колонн, отсутствие каннелюр лишают коринфский ордер его утонченности, женственности и абсолютной мелодичности и придают часть характеристик, свойственных дорическому и тосканскому ордерам. По мнению Р. Арнхейма, короткие колонны (столбы) относительно пассивны в восприятии как груза, размещенного сверху, так и сопротивления, оказываемого со стороны основания. Такие колонны кажутся зажатыми между двумя господствующими силовыми векторами и поэтому воспринимаются скорее как проводники сил сверху и снизу, чем как статичные каменные цилиндры. Длинные колонны обладают достаточным визуальным весом, чтобы приобрести собственный оптический центр. От этого центра в обоих направлениях расходятся векторы сил, отталкивающие давление как сверху, так и снизу. Это активное противодействие более мощным силам придает колонне оттенок бодрости, свободы, победы над тяжестью. Толщина увеличивает визуально массу и, соответственно, зрительный вес самой колонны, но в то же время ослабляет ее линейный вертикализм, уменьшая динамическую нагрузку в обоих направлениях. Чем толще колонна, тем более инертна она в своем самодостаточном покое [7].

В нашем случае колонны главного корпуса АлтГУ обладают промежуточными характеристиками, так как, имея форму столбов, достаточно высоки. Жесткая ритмическая основа этого здания становится доминантой, несмотря на декоративность капителей. Однообразное чередование окон и межоконных пилястр, монументальное оформление входа лишают архитектуру этого здания развернутой мелодичности. Разнообразие в ритмику фасада вносят отличия в промежутках, пропорциях колонн и пилястр входа, межоконных пилястр, присутствие рустованного первого этажа. Устойчивость и стабильность фасада здания однозначно говорят о тональной устойчивости предполагаемого звучания. Яркая выраженность вертикалей тяготеет к использованию мажорных тональностей, чему не противоречат история и функциональная нагрузка подобных строений. Фасад, делящийся на три части, приобретает разную фактуру звучания. «Вопреки относительной независимости отдельных частей, партитура их комбинации может управляться средствами жесточайшей упорядоченности. Так, симметричный фасад образован идентичными левым и правым блоками; серия арок или окон складывается в единый горизонтальный ряд [7. С. 38, 39]. Рустованный этаж вносит специфическое динамичное своеобразие в мерный ритм межоконных пилястр, подобие звукового, аккомпанирующего фона (как следствие гомофонно-гармонической фактуры), созданного мелким поперечным членением промежутков между окнами. В центральной зоне здания ощущаются общие крупные ритмические построения (колонны), удвоенные подобными построениями на фасаде (пилястры). Данные формы можно признать часто встречающимися в архитектуре Барнаула классицистской стилистики. Специфика их формирования, по мнению Р. Арнхейма, соответствует (кроме тембрального или динамического разнообразия) аналогичным закономерностям музыкальных построений. Он считал, что как в сложном музыкальном ритме пианист может вести мелодию в двух системах отсчета для правой и левой руки, но из этого не возникает противоречие, так не возникает оно и тогда, когда колоннада, строго параллельная стенам, образу-

ет переменные ритмические противопоставления пилястрам и оконным проемам в стене!!! [7. С. 38, 39]. Примерами использования таких форм могут послужить здания Алтайской государственной академии культуры и искусств, Краевого суда, химического корпуса АлтГУ, Строительного колледжа.

Ритмическую основу здания Строительного колледжа (пр-т Ленина, 68; ул. Союза Республик, 29; 1954 г.) также задают четыре колонны портика, продублированные пилястрами. Четырехгранная (столбообразная) форма колонн, отсутствие каннелюр, массивность, широкие интервалы между колоннами делают доминантным ритм звучания здания. В то же время высота, наличие базы, коринфская капитель смягчают ритмическую жесткость дорического ордера, в пользу использования которого говорят капители межоконных пилястр на боковых фасадах здания, охватывающих большую часть здания (три этажа из четырех), усиливающих в целом ощущение ритмичности. Большую динамику и оживление в партитуру этого архитектурного сооружения вносит конструкция четвертого этажа. Уплотнение ритма задается подкровельными консолями антаблемента портика, которые как бы подготавливают реципиен так восприятию беспокойной ритмики и мелодики верхнего этажа. Сдвоенные короткие пилястры, сдвоенные палладианские окна фасада, меняющие доминирование прямолинейности вертикалей и горизонталей здания, наложение полиритмичности подкровельных консолей и балясин парапета – все это делает верхний этаж прихотливым мелодическим построением по сравнению с жестким, однообразным аккомпанементом нижних этажей. Сложный двойной межэтажный карниз подчеркивает разнородность нижних и верхнего этажей здания, что дает нам возможность провести параллель с гомофонно-гармонической музыкальной фактурой. Мелодическая сторона в данном случае представлена слабо, так как отрицать доминанту прямолинейности, прямых углов, ритмичности не представляется возможным. Чувство равновесия в восприятии фасада этого здания тоже неизменно, что говорит о стабильности тонального решения предполагаемого звучания.

Цветовое решение здания (желто-белое) делает его мало конфликтным, но черные капители колонн вносят долю диссонансов и отклонений, необходимых для динамичного развития тела здания.

Самым «воздушным» зданием Барнаула в стиле классицизма является корпус Алтайской государственной академии культуры и искусств (пр-т Ленина, 66; 1955 г.). Форму здания можно представить формулой abCba. Круглая колонна, охватывающая второй этаж и выше, достаточно сильно меняет музыкальность здания, добавляя гармонию, мягкость, легкость, мелодичность. Высокое расположение здания, довольно большое пространство перед ним, делают его одним из центрообразующих элементов проспекта Ленина, одновременно придавая зданию невесомость и ощущение воздуха, что само по себе музыкально [8], так как для архитектуры более свойственно ощущение тяжести. «Не только масса, очертания и высота объекта, но и мера насыщенности его поверхности предопределяют радиус силового поля. Предельно упрощенный фасад без труда воспринимается вблизи, тогда как насыщенный, сложно моделированный обладает большей мощностью поля и заставляет зрителя отступить, чтобы занять нужную позицию, предписанную динамическим свойствам зрительного поля. Если же здание воспринимается как объем, приподнятый над землей и поддерживаемый аркадой, колоннами или столбами, вновь возникающее отношение требует своей правильной дистанции» [7. С. 38, 39]. Данные характеристики дают возможность говорить о тембральном наборе звучания этого строения.

Центральным элементом фасада здания является шестиколонный портик коринфского ордера с изображением символов власти на фронтоне. Подъем колонн от рустованного первого этажа делает весь портик еще более высоким, что усиливает характеристики, упомянутые выше. Возможная оркестровка портика может быть разнообразна тембрально, создавая необходимый объем звучания. Более того, теплоту глубоких тембров подчеркивает мелодическая характеристика гирлянды. Рустованный этаж, отделенный от остального тела здания межэтажным карнизом, выполняет совершенно очевидные дополнительные функции, что свойственно музыкальным фигурам аккомпанемента (типа незамысловатого арпеджио). Два верхних этажа выполняют основные выразительные функции. Как известно, главным элементом в таких случаях является изображение на фронтоне [8] (описанное нами ранее), но в данном случае интерес представляют сами колонны, удвоенные пилястрами, и декоративные детали на стене в промежутках между ними. Базы и капители в целом препятствуют зрительному продолжению движения по вертикали за поверхности потолка и основания. Греческие и римские колонны не вызывают такого же эффекта: резкий переход совершается только на уровне абака, тогда как базы, и в особенности капители, мягко вырастают из ствола в дорическом ордере, расходясь ветвями в коринфском и закручиваются после соприкосновения с преградой в ионическом [Там же]. Поэтому шесть тонких, круглых, сужающихся колонн коринфского ордера с развитыми, выразительными, трехуровневыми капителями делают здание Академии утонченно изысканным. Кроме этого, любое изменение формы (утонение, утолщение, энтазис) увеличивают ее динамические характеристики [Там же]. В музыке динамические изменения связывают с понятиями crech. и dim. Например, в Париже П.Л. Нерви в здании ЮНЕСКО достигает контрапункта между «крещендо» каждой полуопоры и «диминуэндо» каждой полной опоры – только описывая подобные композиции в терминах динамического эффекта, мы можем полностью выявить богатство их выразительности [7. С. 38, 39]. Таким образом, портик здания Алтайской государственной академии культуры и искусств приобретает динамическое развитие и мелодическую нюансировку.

Ритмическая основа, свойственная круглым колоннам без каннелюр, сглажена цветочными гирляндами, мелодичность которых известна [8]. Пилястры на боковых ризалитах усиливают ритмичность, а

оформление углов создает ощущение наличия мелодического вступления и симметричного заключения за счет скульптурных изображений символов власти в верхней части лопатки. Сочетание изобразительных элементов с неоформленными частями лопатки формирует чувство подвешенности, разряженности, пустоты, прозрачности. Отсутствие цветных контуров в изобразительной части этого архитектурного элемента придает звучанию хрупкость, свойственную тембрам треугольника или челесты, поддерживаемую белым цветом. Контрастом к данным характеристикам выступает содержательная часть изображения – герб и пятиконечная звезда (как дань эпохе). С одной стороны, она материализуют форму, с другой стороны, если рассматривать пятиконечник как символ звучащего Универсума Пифагора, контраст становится менее очевидным. Частые подкровельные консоли добавляют ряд легкой ритмичности в партитуру здания и одновременно объединяют все элементы в единое целое. Возможное звучание этих элементов предполагает разную динамику (p-mf-f-mf-p) частей и различный инструментальный и количественный набор при их исполнении. Центральная часть, безусловно, привлекает к исполнению более полный состав оркестра, в крайних частях он разряжается.

Фасад здания симметричен, но форма здания нарушает симметрию, внося в общую конструкцию элементы динамики, движения. Темповой план возможного звучания здания может быть нестабильным, предполагая элементы агогики. Бело-голубой цвет здания, отсутствие контраста в цветовом выделении рустованного этажа созвучны общему настроению, тембральному набору и подчеркивают связь с воздухом, дыханием, духовностью. В тональном наборе очевидны частые отклонения и модуляции, сопротивляющиеся состоянию тонического покоя и статики.

Более строго выглядит главный корпус медицинского университета (пр-т Ленина, 40; ул. Чкалова, 62; 1954 г.), хотя принцип использования коринфского ордера роднит это здание с предыдущим примером. Форма здания может быть представлена формулой aBCBa. Рустованный первый этаж по-прежнему отделен межэтажным карнизом и выполняет дополнительные (аккомпанирующие) функции, хотя он более контрастен по цвету, представлен более сложными фигурами руста, наличием имитированных замковых камней над оконными проемами. Полуколонны и пилястры без каннелюр коринфского ордера, расположенные в равных промежутках друг от друга, за исключением центрального пролета, охватывают верхние этажи и задают метричность, сбивающуюся в центре игрой ритма окон разных форм и декоративных деталей (растительные гирлянды). Чуть более массивные (по сравнению с колоннами Алтайской академии культуры и искусств) сужающиеся полуколонны на хорошо развитых базах придают зданию праздничный характер. Рельефные, выразительные капители полуколонн добавляют изысканности и прихотливости мелодическим оборотам этого элемента. Использование дугообразного оформления окон второго этажа центральной части фасада, декоративных гирлянд четвертого этажа, тройной формы (триоли) окон и гирлянд (2–4-го этажей) в центре фасада делают мелодический и ритмический рисунок этого здания более прихотливым и игривым, не нарушая общую торжественность центрального фасада. Кульминацией развития конструкции является скульптурное оформление кровли, обрамленное частой ритмикой балясин парапета, но и здесь общее метрическое движение сохраняется. Углы здания лишены детализированой насыщенности, поэтому их тоже можно ассоциировать с началом и завершением формы. Динамика данного фасада такова: mp-mf-f-mf-mp, количественный состав предполагаемого оркестра в звучании частей здания приблизительно одинаков.

Цвет здания (желто-коричнево-белый) более контрастен, здание не поднято над землей, что, в целом, говорит о большей материальности, тяжеловесности конструкции. Таким образом, появляется возможность определить иной тембральный набор звучания этого сооружения и иное построение тонального плана с тяготением к тонике.

Здание Краевого суда (пр-т Ленина, 25; ул. Интернациональная, 57; 1943 г.), при использовании того же принципа применения коринфского ордера, отличается большей тяжеловесностью, массивностью и торжественностью. Рустованный первый этаж, выполняя свои аккомпанирующие функции, создает ощущение небывалой тяжести за счет черного цвета, неровной фактуры и четырехугольных декоративных вставок над оконными проемами темно-серого цвета. Наличие орнаментов, казалось бы, должно было оживить, облегчить динамику первого этажа, но доминирование прямоугольных форм, тяжелой фактуры и темных цветов делает его практически незаметным. Низкие регистры и плотные тембры могли бы участвовать в озвучивании этой части фасада. Массивный портик из шести неравномерно расположенных круглых колонн коринфского ордера без каннелюр, усиленных сдублированными пилястрами, является кульминационной частью здания. На фоне простого чередования разной формы окон верхних этажей внимание привлекает ритмическая изощренность портика. Сдвоенные колонны, разные промежутки между колоннами, как будто специально раздвигающиеся с целью освобождения пространства для вознесения основного символа власти, изображенного на кровле, разные формы и размеры окон вносят торжественность и пафос в звучание центральной части фасада. Кровля портика настолько массивна и тяжела за счет цвета, повторения ритма колонн, четырехугольной формы, что возникшее ощущение давления и массы вполне очевидно. Не спасает такое положение мелкое чередование консолей и балясин, ставших уже традиционным элементом верхней части партитуры зданий в стиле классицизма. Использование черных капителей коринфских колонн практически лишает этот ордер присущей ему мелодичности. Красно-коричневый основной цвет здания, контрастирующий с черными и белыми деталями, придает не только торжественность, но и некую угрозу, выраженную и в ритмическом развитии цвета.

По форме фасад симметричен (AbAbA), угловые ризалиты выполняют функции мощных вступления и заключения за счет большого вынесения от уровня основного пролета стены фасада, дублирования объема и форм центрального портика, равномерного ритма восьми пилястр, огибающих угол, массивного карниза и четырехугольного сплошного парапета. В данном случае можно говорить о различной динамике частей (f-mp-ff-mp-f), об использовании приема, близкого к tutti, в крайних и центральных разделах. В тональном плане возможно использование доминирующей тоники с затяжными каденсовыми оборотами, утверждающими общее ощущение стабильности и тяжести.

Музыкально-звуковой анализ архитектурных элементов зданий в классицистской стилистике позволяет сделать общий вывод о том, что музыкальность есть свойство архитектуры классицизма. Кроме этого, представляется возможным выделить ее общие черты: трехчастная равновесная, симметричная форма; динамика, нарастающая к центру; гомофонно-гармоническая, оркестровая фактура; доминирование ритмических элементов (tutti, аккордовая фактура, ударные инструменты и т.д.) и мелодических элементов (коринфский ордер) в центральной зоне; отсутствие унисонов (дублирование колонн пилястрами). На основе этих общностей в культурном ландшафте г. Барнаула возникает общая ассоциативная территория, разрушающая статику архитектуры, побуждающая реципиента к активной творческой позиции, что актуально в современной культурной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Прядуха Н.А.* Моделирование художественно-ассоциативного культурного ландшафта города (на примере его музыкально-звуковых характеристик) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 108–112.
2. *Галеев Б.М.* О романтической синестезии «музыка – архитектура»: от Шеллинга до Гете, и далее – без остановок // Мир романтизма: Вып. 3: материалы Междунар. конф. Тверь : Изд-во ТГУ, 2000. С. 90–96.
3. *Шеллинг Ф.В.Й.* Философия искусства. М. : Мысль, 2003. 367 с.
4. *Степанская Т.М.* Архитектура Алтая XVIII – начала XX в. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1994. 182 с.
5. *Галеев Б.М.* Проблемы светомузыки и синестезии на западе и на востоке // Вестник КГТУ им. Туполева. 1999. № 1. С. 65–67.
6. *Вагнер Р.* Произведение искусства будущего // Избранные труды. М. : Искусство, 1989.
7. *Арнхейм Р.* Динамика архитектурных форм / пер. с англ. В.Л. Глазычева. М. : Стройиздат, 1984.
8. *Прядуха Н.А.* Музыкально-звуковая модель культурного ландшафта города (на примере скульптуры г. Барнаула). Барнаул, 2012. 142 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 29 ноября 2014 г.

MUSIC AND SOUND CHARACTERISTICS OF THE SAMPLES OF CLASSICISM ARCHITECTURE OF BARNAUL AS A FORMATION FACTOR OF THE ARTISTIC-ASSOCIATIVE LANDSCAPE OF THE CITY

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 82-88. DOI 10.17223/15617793/390/15

Pryadukha Natalia A. Scientific and Production Association "Screen" (Barnaul, Russian Federation). E-mail: natasha72_72@mail.ru

Keywords: classical architecture; music and sound characteristics; artistic-associative landscape of the city.

Barnaul classical architecture is a kind of a "calling card" of the city and one of the most valuable attributes of its cultural heritage, which causes this research interest. Architectural classicism has a rich history and close ties with the art of music; moreover, it has a theoretical platform proposed by F.W.J. Schelling. The architecture of Barnaul, in the style of classicism, clearly shows all the rhythmic manifestations F.W.J. Schelling specified, which allows to make the first conclusion about the presence of music in this part of the architectural heritage. The fundamental principle of any order system is Doric, so, initially, I should refer to its musical performance. By F.W.J. Schelling, three orders of columns relate to each other as rhythm, harmony and melody. Doric Barnaul is quite rare. Its elements can be seen in the architecture of the building of the mountain hospital and of the Youth Theater. The analysis of the data structures leads to a conclusion that the musical characteristics of the architectural elements, by their rhythmic characteristics, destroy the static character of the buildings and turn them into a moving, evolving system of signs. The character corresponding to the Doric order allows talking about moderate tempo characteristics relating to the whole space of the intended sound. The presence of smooth (ostinato) columns suggests the character of the texture. The Ionic order of Barnaul architecture is little presented, for example, in part, it occurs in the form of columns in the elements of the house with a spire (Lenin Prospect, 82), house (Lenin Prospect, 29), the Pioneer House (Pioneer St., 2); as pilasters: house (Lenin Prospect, 72), the house of the head of the mining district (Lenin Prospect, 18), the trading house "I.D. Laletin and Sons" (Malo-Tobolskaya St., 34 (1907)). The dominant majority of Barnaul buildings in the classical style tend to the Corinthian style, or to the synthesis of the elements from different ordering systems. In the architectural heritage of Barnaul, the Corinthian order is fairly wide, which itself can be specific (including music). Barnaul architecture in the classical style can be called predominantly melodic as the Corinthian order is always combined with something else. Examples of the use of such forms are the building of the Altai State Academy of Culture and Arts, the District Court, the Chemistry Building of ASU, the Construction College. The music and sound analysis of the architectural elements of the buildings in the classicist style allows to draw a general conclusion that the musical character is a property of classicist architecture. In addition to this, it is possible to identify its common features: a three-part equilibrium, symmetrical shape; dynamics, increasing toward the center; homophonic harmonic, orchestral texture; dominance of rhythmic elements (tutti, chord texture, percussion, etc.) and melodic elements (Corinthian order) in the central zone; lack of unisons (duplication of columns with pilasters). On the basis of these general features in the cultural landscape of the city of Barnaul there is a general associative territory that destroys the static architecture and encourages the recipient to an active creative position, which is important in the contemporary cultural situation.

REFERENCES

1. Pryadukha N.A. Modeling of the artistic associative cultural landscape of the city (by example of its music and sound performance). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2014, no. 381, pp.108–112. (In Russian).
2. Galeev B.M. [The romantic synesthesia "music – architecture" from Schelling to Goethe, and then – without stopping]. *Mir romantizma: materialy Mezhdunar. konf.* [The world of romanticism: Proceedings of International Conference]. Tver: TSU Publ., 2000, issue 3, pp. 90–96. (In Russian).
3. Schelling F.W.J. *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of art]. Moscow: Mysl' Publ., 2003. 367 p.
4. Stepanskaya T.M. *Arkhitektura Altaya XVIII – nachala XX vv.* [Architecture of Altai of the 18th – early 20th centuries]. Barnaul: ASU Publ., 1994. 182 p.
5. Galeev B.M. Problemy svetomuzyki i sinestezii na zapade i na vostoke [Problems of light music and synesthesia in the west and in the east]. *Vestnik KGTU im. Tupoleva*, 1999, no. 1, pp. 65–67.
6. Wagner R. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1989.
7. Arnheim R. *Dinamika arkhitekturnykh form* [Dynamics of architectural forms]. Translated from English by V.L. Glazychev. Moscow: Stroyizdat Publ., 1984. 192 p.
8. Pryadukha N.A. *Muzykal'no-zvukovaya model' kul'turnogo landshafta goroda (na primere skul'ptury g. Barnaula)* [Musical and sound model of the cultural landscape of the city (in the sculpture of Barnaul)]. Barnaul, 2012. 142 p.

Received: 29 November 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 89–94. DOI 10.17223/15617793/390/16

УДК 94 (045)

Ю.К. Троякова

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПОЗИТОРСКОГО ТВОРЧЕСТВА В НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ В 1965–1985 гг. (НА ПРИМЕРЕ ХАКАСИИ)

Раскрываются особенности формирования композиторского творчества в одном из национальных районов Южной Сибири – Хакасии в 1965–1985 гг. Автор обосновывает положение о том, что у истоков развития профессионального музыкального творчества хакасов стояли русские композиторы. В условиях нехватки национальной творческой интеллигенции, находясь на стыке самодеятельного и профессионального искусства, самыми репрезентативными сферами творчества местных композиторов оказались песенный и хоровой жанры, представляющие музыкальную культуру сибирской провинции.

Ключевые слова: особенности формирования; интеллигенция; Союз композиторов; Хакасия.

История формирования профессионального композиторского творчества младописьменных народов (алтайцев, хакасов и тувинцев) Южной Сибири насчитывает не так много времени по сравнению с другими народностями, населяющими территорию страны. Культура коренных народов Южной Сибири первоначально складывалась из форм, обладающих наиболее выраженными национальными чертами. Это, в первую очередь, художественная литература, театральное искусство. Созданный в национальных районах сибирской провинции в 1930-х гг. национальный драматический театр был связан с музыкой, так как репертуар составляли преимущественно музыкальные постановки. Решающая роль в становлении и развитии профессиональной музыкальной культуры младописьменных народов в 1930–1940-е гг. принадлежала русским композиторам, командированным в национальные районы Южной Сибири. Данная особенность превалировала и в последующие годы, особенно в период строительства музыкальной инфраструктуры в 1950–1960-е гг. В это время в национальных районах сибирской провинции строятся детские музыкальные школы, открываются музыкальные училища, наблюдается рост самодеятельных художественных коллективов, числа местных композиторов с профильным консерваторским образованием.

Изучение композиторского творчества коренных народов сибирской провинции находится пока в начальной стадии, хотя некоторые его аспекты в той или иной степени раскрывались преимущественно в работах искусствоведов, культурологов. В трудах советских ученых содержались сведения по истории интеллигенции в целом, либо ученые отдавали предпочтение формированию учительской, научной, культурно-просветительской интеллигенции [1. С. 63]. В настоящее время предметом исторического исследования ученых Сибири все чаще определяются социокультурное развитие, формирование и опыт деятельности национальной интеллигенции. В данной статьей будут рассмотрены особенности формирования композиторского творчества Хакасии в 1965–1985 гг.

В национальных районах Южной Сибири, в том числе в Хакасии, вплоть до начала 1990-х гг. не существовали местные отделения Союза композиторов (СК) РСФСР. Поэтому первые хакасские композиторы состояли на учете в региональных отделениях СК РСФСР в Сибири. Создание отделений СК РСФСР – Сибирского (1942 г.), Красноярского (1983 г.) и других – позволило лучше организовать работу местных композиторов, повысить профессиональные требования к себе и своим коллегам [2. С. 138]. Однако это не означало, что в национальных районах сибирской провинции в организационном плане не развивалось композиторское творчество. С 1969 г. в Хакасии существовало творческое объединение самодеятельных композиторов [3. Л. 54], а в 1974 г. была создана секция музыкальной культуры и народной хореографии при областном отделении Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры [4]. Председателем областного творческого объединения композиторов был назначен А.К. Стоянов. Под его руководством был выпущен сборник песен самодеятельных композиторов («Моя тайга»), проводились обучающие семинары. Члены творческого коллектива выступали на концертах перед жителями Хакасии.

Поскольку в национальных районах сибирской провинции отсутствовали местные отделения СК РСФСР, то шефство над национальными композиторами взяло на себя Сибирское отделение (СО) СК РСФСР [5. Л. 15]. Необходимую помощь, консультации по проблемам музыки проводили члены СО СК РСФСР. За каждым национальным районом Южной Сибири были закреплены профессионалы-музыканты. Так, в 1970-е гг. в Хакасии музыковед Ю.П. Юкечев проводил семинары для самодеятельных композиторов [6. Л. 15], в Горном Алтае – композиторы А.П. Новиков, Г.Н. Иванов (председатель правления СО СК РСФСР) [Там же. Л. 3]. Целью обучающих семинаров стал отбор наиболее способных и одаренных молодых композиторов для дальнейшего продолжения профессиональной учебы в Новосибирске.

Первой особенностью формирования композиторского творчества в Хакасии в 1965–1985 гг. стала его направленность на профессиональное освоение хакасского народного фольклора, что было обусловлено двумя факторами: эстетическими установками советского искусства («национальная форма»); стремлением к «самосохранению» традиционной культуры коренных народов Южной Сибири. Национальный колорит, его «изюминка», стал главным критерием ценности музыкального творчества коренных народов Южной Сибири. Поэтому характерной чертой музы-

кальной культуры национальных районов сибирской провинции явилось отражение песенного фольклора и хореографии в творчестве композиторов.

Если говорить о народном, песенном фольклоре, то нельзя не упомянуть имя первого профессионального композитора Хакасии А.А. Кенеля. Благодаря его усилиям целенаправленно и планомерно велась работа по собиранию, изучению и возрождению старинной хакасской песни. Александр Александрович родился в 1898 г. в Ленинграде в семье инженера-архитектора [7. Л. 34]. В юности он был любознательным, проявлял интерес ко многому. В 1919 г. окончил Ленинградский государственный университет (юридический факультет), после которого сразу поступил на третий курс в лесной политехнический институт на экономический факультет. С четвертого курса в разгар Гражданской войны его призвали в ряды Красной армии, где он воевал против генерала белого движения Н.Н. Юденича. Демобилизовавшись по ранению, в лесной политехнический институт будущий композитор не вернулся. В своей автобиографии А.А. Кенель объясняет это следующим образом: «В 1922 г. осуществил своё стремление к искусству (против которого в своё время был отец), перешел в Ленинградскую консерваторию к профессору М.О. Штейнбергу на композиторский факультет» [7. Л. 34]. Данный выбор был не случаен, так как, будучи гимназистом, с семи лет он начал заниматься музыкой, игрой на фортепиано. Здесь его душа, наконец, находит свое место – на теоретико-композиторском отделении, где получили образование многие корифеи русской и советской музыкальной культуры. После окончания консерватории в 1924 г. Кенель работал музыкальным руководителем в коллективах «живых» газет «Синяя блуза», «Сатирикон», в театре Балтфлота, композитором в Новом театре, Интернациональном театре. С 1934 г. состоял секретарём «Кружка любителей современной музыки» в Ленинграде. Знакомства и тесное сотрудничество связывали его со многими известными людьми того времени (например, среди его друзей был сам Д. Шостакович).

Дальнейший период его жизни связан с работой в качестве заведующего музыкальной частью и композитора во многих городах страны: в Воронеже, Свердловске, Новосибирске, Красноярске. Изучал Восток, объехал всю Среднюю Азию, Урал. С этнографической экспедицией он объездил не только города и села Узбекистана, но и Казахстана, Таджикистана. Здесь он серьезно изучил музыкальное творчество народов Средней Азии. Из-за жаркого климата, который неблагоприятно влиял на здоровье молодого композитора, был вынужден уехать на Урал. В Свердловске на его концерте впервые прозвучали фортепианные произведения собственного сочинения [8. С. 6]. Как и в Средней Азии, он проявил горячий интерес к песенному фольклору.

С 1936 по 1938 г. А.А. Кенель заведовал музыкальной частью и дирижировал в Новосибирском театре «Красный факел». О его музыкальных композициях неплохо отзывались главные режиссеры театра «Красный факел» В. Редлих, А. Смеянов. В течение 1937–1938 гг. он оформил ряд театральных постановок: «Волки и овцы» Островского, «Канкир» Конейгука, «Много шума из ничего» Шекспира, «Анна Каренина» Л.Н. Толстого [9. Л. 1]. С осени 1938 по 1943 г. А.А. Кенеля в той же должности переводят в Красноярский краевой драмтеатр им. А.С. Пушкина. В 1939 г. Краевой отдел искусств направляет в Хакасию научную экспедицию по сбору национального хакасского фольклора, во главе которой был А.А. Кенель. В ходе поездки участники экспедиции записали при помощи звукозаписывающей аппаратуры народные песни и мелодии [Там же. Л. 6].

В годы Великой Отечественной войны в Красноярск эвакуировались сразу Днепропетровский и Одесский оперные театры. Красноярский краевой драмтеатр был вынужден закрыться, и в 1942 г. по приглашению драматурга и режиссера А. Топанова композитора переводят в г. Абакан в Хакасский областной драмтеатр и в Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ). В этот период композитор уже достаточно опытный музыкант. Его энтузиазм и профессионализм как нельзя, кстати, пригодились молодой развивающейся хакасской музыкальной культуре [8. С. 6].

Кенель вел огромную музыкально-просветительскую работу. На совещаниях, проходивших в Хакасии, на конференциях СК СССР, в печати он поднимал проблемы развития музыкальной культуры Хакасии, самодеятельного музыкального творчества [Там же. С. 8]. О плодотворной научной работе композитора, посвященной исследованию хакасской народной песни, свидетельствуют выписки из протоколов заседания ХакНИИЯЛИ [9. Л. 15]. В педучилище г. Абакана систематически стали проводиться лекции-концерты с участием А. Кенеля. В феврале 1947 г. его приняли в члены Союза советских композиторов СССР. В этом же году исполком Хакасского областного Совета депутатов трудящихся вынес решение о создании художественного совета при Областном отделении по делам искусств в составе 19 человек, в который входил в том числе А. Кенель. Художественный совет должен был обсуждать вопросы, связанные с творческой деятельностью облдрамтеатра по созданию спектаклей.

В последние годы жизни (1960–1970) композитор работал в абаканской детской музыкальной школе (преподавал фортепиано и музыкальную литературу), участвовал на заседаниях (уже не так часто, как раньше) Сибирского отделения СК РСФСР. В 1963 г. А.А. Кенель ушел на заслуженную пенсию, но продолжал писать музыку. Иногда музыкальные произведения А. Кенеля и других представителей музыкальной интеллигенции обсуждались на творческих собраниях Сибирского отделения СК РСФСР. В частности, в 1965 г. на основе либретто, написанного А.А. Кенелем совместно с писателем А.И. Чмыхало, была апробирована первая хакасская опера «Чанар Хус и Ах Чибек». В 1967 г. в письме начальнику Красноярского управления культуры М.А. Сидоровой председатель СО СК РСФСР А.Ф. Муров просил приобрести это сочинение по договорам с авторами музыки и текста с выплатой соответствующего гонорара [10. Л. 42]. Далее он в письме отметил, что «опера, несомненно, является профессионально зрелым сочи-

нением, с чутким ощущением автором (А. Кенель. – *Ю.К.*) законов жанра и знанием национальной специфики» [Там же]. Полностью осуществить постановку оперы удалось в 1980 г. в честь 50-летия Хакасской автономной области. Главные партии в опере «Чанар хус» исполнили вокалисты В.Г. Чаптыков, В.П. Топоева, К.Е. Сунчугашева, В.Д. Терешков [11].

Таким образом, А.А. Кенель являлся одним из первых представителей творческой, музыкальной, научной интеллигенции Хакасии. После смерти композитора (1970 г.), о нем неоднократно вспоминали на заседаниях СО СК РСФСР как о «человеке немало приложившем сил и жизни для искусства Хакасии» [12. Л. 127]. Очень часто Кенеля ставили в пример другим композиторам. Своей творческой деятельностью он определил направления в хакасской музыке, внес вклад в хакасский песенный фольклор, заложил основы для организации научно-исследовательской работы в области профессиональной музыкальной культуры в Хакасии. Его именем сегодня названа детская музыкальная школа в г. Абакане.

Второй особенностью становления композиторского творчества в Хакасии в 1965–1985 гг. можно назвать его направленность на воссоздание модели советской массовой песни, которая была основой репертуара самодеятельных музыкальных коллективов. Именно художественная самодеятельность служила толчком в творчестве сочинителей музыки. Как правило, с них начинали свой творческий путь все композиторы, получившие становление в это время. Обычно их принято называть «композиторами-мелодистами» или «композиторами-песенниками». Это Г. Челбораков, Н. Катаева и др.

Среди учеников А.А. Кенеля первым профессиональным хакасским композитором стал Георгий Иванович Челбораков. В обращении и отношении к песенному фольклору он стал достойным продолжателем Кенеля. Родился Челбораков 28 октября 1937 г. в д. Карагай (ныне Таштыпский район Республики Хакасия). Еще в детстве он интересовался музыкой и увлекался игрой на балалайке, чатхане, хорошо знал каждый из этих инструментов, умел отлично настроить их [13]. Во время службы на восточной границе Челбораков научился играть на баяне. «Сначала не получалось, но командир поощрял мои занятия… в конце концов достал самоучитель и получилось», – вспоминал Г.И. Челбораков. После армии будущий композитор отправился на курсы баянистов, по окончании которых устроился на работу в качестве музыкального руководителя в областном Доме культуры [14]. В это время появилась тяга к песенному творчеству. На данном этапе он писал исключительно песенные сочинения. Долгое время композитор стеснялся кому-либо показывать свои наброски, пока не обратился к Кенелю, который их одобрил и посоветовал изучать фольклор. Воспользовавшись советом учителя, Челбораков объездил множество деревень и сел, записав на магнитофон песенный фольклор. Результатом длительной поездки композитора стало рождение новых мелодий («Весенние облака», «Счастье матери», «О Ленине» и др.). Первую песню («Весенние облака»), которую исполнили студенты музучилища на радио, Челбораков написал в 1964 г. В том же году он написал еще одну песню – «Сердце матери». Теории композиции он не знал и сочинял «по наитию». Данное обстоятельство явилось основной причиной его поступления в Абаканское музучилище. Будучи студентом, Челбораков написал ряд песен, таких как «Белая береза – краса весны», «Коммунизм – солнечный свет», «Несите песни отцов», музыку к спектаклю облдрамтеатра «Айдон» и др. Тексты этих песен были записаны в Москве, на Всесоюзной студии грамзаписи.

К 1970 г. им были уже написаны и изданы более десяти его вокальных произведений [13]. Период с 1972 по 1977 г. связан с обучением на композиторском факультете в Уральской государственной консерватории им. М.П. Мусоргского г. Свердловска (ныне г. Екатеринбург). Здесь он занимался под руководством заслуженного деятеля искусств РСФСР, профессора Н.П. Пузей – председателя правления Уральской композиторской организации [15. Л. 27]. За время обучения в консерватории им были написаны симфоническая поэма «Таежная быль», кантата «Цвети, Хакасия моя» для солистов хора и симфонического оркестра [16]. Годы учебы в вузе не прошли зря. Полученные знания и опыт от профессоров консерватории оказали огромное влияние на формирование первого национального композитора Хакасии.

В 1978 г. Челбораков вел класс чатхана при Абаканском музыкальном училище (чатхан – многострунный щипковый музыкальный инструмент хакасов) [17]. Игре на чатхане обучались все учащиеся коренной национальности всех отделений музыкального училища. В 1979 г. были опубликованы методические рекомендации Челборакова «Уроки игры на чатхане». Благодаря им дети коренной национальности обучались игре на чатхане во многих уголках Хакасии. После появления нотной записи мелодий был организован хакасский народный ансамбль из 10 чатханистов при музучилище.

В 1979 г. в Абакане состоялся первый семинар самодеятельных композиторов под руководством композитора Г.И. Челборакова. К этому времени он был автором более 80 песен, тексты к которым были написаны хакасскими поэтами, 20 из них завоевали популярность среди населения и часто использовались в репертуаре певцов. Семинар был посвящен вопросам теории композиции, знакомству самодеятельных авторов с достижениями современной музыки. Данные занятия проводились постоянно, что способствовало повышению мастерства самодеятельных композиторов, из которых позднее пополнялись ряды профессиональных музыкантов. Данное обстоятельство свидетельствовало о том, что развитие музыкальной культуры Хакасии вступило в новый период – период совершенствования мастерства сочинителей музыки, изучения их творчества, издания их произведений.

Помимо преподавания в музучилище, композитор также писал музыку к спектаклям хакасского областного драматического театра. В должности заведующего музыкальной частью хакасского драматического театра композитор находился с 1962 г. Им была написана музыка к таким спектаклям, как «Привидения»

по пьесе Г. Ибсена, «Легенда, пролежавшая века» по пьесе М. Кильчичакова, инсценировка С. Артонова «Алтын Арыг» и др.

Значительно пополнились фонды записей произведений композиторов Хакасии, осуществлена запись на пластинки более 70 их песен [18]. С этой целью в 1980 г. в г. Фрунзе были направлены лучшие хоровые, инструментальные коллективы и вокалисты области. В том же году Всесоюзная фирма «Мелодия» выпустила пластинку с записями 16 песен Челборакова. Одной из важных вех в работе композитора стала симфоническая поэма «Подвиг», посвященная 35-летию Великой Победы в войне. Это тема очень волновала Челборакова, так как его отец погиб в годы Великой Отечественной войны [13]. В 1983 г. Хакасское отделение Красноярского издательства опубликовала сборник «Цвети, мой край родной», в который вошли уже 48 песен композитора. Среди них новые песни (увертюра «Тун Пайрам», «Абакан – город жизни моей», «Смуглолицая дочка России» и др.).

В 1984 г. в музыкальной карьере Г.И. Челборакова произошло знаковое событие. Образование Красноярской организации СК РСФСР (в 1983 г.) для Хакасии, как, впрочем, и для других национальных районов, входящих в состав края, явилось важным событием в развитии музыкальной культуры. Потребность в создании местного отделения СК в крае существовала давно. Об этом неоднократно говорилось на заседаниях Крайкома партии. Основной причиной отсутствия Союза стал дефицит профессиональных музыкальных кадров, преимущественно композиторов [19]. До создания местного отделения СК в г. Красноярске находилась секция любителей-композиторов при Доме народного творчества (была создана в 1962 г.). В нее входили более 15 человек, некоторые из них уже имели авторские сборники. Долгое время над ними шефствовали члены Ленинградской организации СК [20. Л. 2]. Более того, они стали инициаторами создания местной композиторской организации в крае.

В ноябре 1984 г. в г. Абакане состоялось выездное заседание правления Красноярской организации СК РСФСР [21. Л. 1]. Единственным вопросом выездного заседания Красноярской творческой организации было принятие хакасского композитора Г.И. Челборакова в члены СК. В обсуждении приняли участие многие деятели культуры, литературы и искусства, всего 12 человек. Практически все дали положительные рекомендации о композиторе. Об этом свидетельствуют выступления присутствующих, в частности, А.Ф. Амзараков отметил следующее: «Я его знаю с 1962 г. Он постоянно стремился к совершенствованию своих знаний, много ездил, и вчерашний концерт показал его творческий рост» [Там же]. Здесь следует пояснить, что в ноябре 1984 г. состоялся творческий вечер композитора. В программе приняли участие симфонический оркестр и ансамбль чатханистов Абаканского музучилища, ансамбль скрипачей детской музыкальной школы г. Абакана, ансамбль русских народных инструментов, а также известные солисты области.

«Челбораков – натура одаренная, – продолжал Л.А. Спивак на выездном заседании, – изначально он песенник, в песне особо ярко проявилась его самобытность, неповторяемость. Еще не имея профессионального образования, он написал ряд песен, которые пошли в народ» [21. Л. 2]. Положительные отзывы о Челборакове дали красноярские композиторы. По итогам обсуждений было принято решение о рекомендации Г.И. Челборакова в члены СК. В течение всего 1985 г. красноярскими композиторами была проделана сложная, трудоемкая работа по рецензированию музыкальных произведений хакасского композитора. И только в конце 1985 г. в Москву были отправлены материалы для принятия Г.И. Челборакова в члены СК РСФСР [22. Л. 1].

Третья особенность формирования композиторского творчества в Хакасии связана с приоритетностью хоровых жанров в складывающейся академической традиции. Находясь на стыке самодеятельного и профессионального искусства, хоровой жанр, наряду с песенным, оказался самой репрезентативной сферой творчества местных авторов, представляющей музыкальную культуру сибирской провинции. Хоровая музыка звучала на Всероссийских смотрах, фестивалях, конкурсах в области, на пленумах Союза композиторов в Новосибирске, затем в г. Красноярске, на концертах, представляющих культуру Хакасии в столице страны. Например, с декабря 1970 г. по май 1971 г. длился телевизионный фестиваль хоровых и музыкальных коллективов Хакасии и юга Красноярского края, организованный в честь XXIV съезда КПСС [23]. В фестивале участвовали 538 человек [Там же]. Было исполнено около 90 произведений о Ленине, партии. Звучала музыка советских, зарубежных, а также местных композиторов.

В ноябре 1971 г. в Абакане был проведен конкурс композиторов Хакасии на лучшее произведение инструментальной и вокальной музыки [24. Л. 47]. Конкурс проводится областным Домом народного творчества совместно с управлением культуры Хакасского облисполкома. Целью мероприятия явилось создание новых произведений, посвященных великому Ленину, партии, Родине, современной Хакасии во всех ее проявлениях, показывающих историческое значение достигнутых успехов и грандиозность перспектив коммунистического строительства. Лучшие произведения исполнялись артистами, музыкантами в художественной самодеятельности области. К участию в конкурсе приглашались профессиональные и самодеятельные композиторы области. В качестве членов жюри конкурса были приглашены заслуженный артист Туркменской ССР В.П. Карев, член Сибирского отделения композиторов РСФСР А.А. Асиновская и др.

В 1972 г. только в Хакасии насчитывалось более 90 хоровых коллективов, из них 22 – в г. Абакане [25. С. 95]. Большой популярностью не только в области, но и за ее пределами пользовался Абаканский народный хор под руководством М.Л. Шрамко. Он родился в 1924 г. в с. Троицкое Красноярского края, участвовал в Великой Отечественной войне. После войны Михаил Лукич работал в должности преподавателя музыкальных дисциплин и баяна в г. Минусинске [26. Л. 50]. В 1959 г. окончил исторический факультет Абаканского педагогического института. В 1968 г.

стал руководителем Абаканского народного хора (ныне «Русский народный хор») при Доме культуры. Являясь самодеятельным композитором, он написал для хора ряд песен, которые пользовались успехом у слушателей. В число его работ входят такие песни, как «Вею-вею», «Урожайная», «Свадебная», «Праздничная» и др. В репертуаре хора звучали русские народные песни, хороводные, частушки и др. Кроме Абаканского народного хора под руководством М.Л. Шрамко, не менее популярным в области был оркестр хакасских народных инструментов под руководством С.Т. Кима, который обработал более 20 хакасских народных песен, написал музыку для четырех хакасских танцев.

В апреле 1978 г. в Абакане был прошел областной смотр вокального и хорового искусства под девизом «Мой край Сибирский» [27. Л. 57]. В смотре были представлены все районы области, 18 хоровых коллективов, 48 вокальных ансамблей (фольклорных в том числе), а также 68 вокалистов. Общее количество участников областного смотра – 876 человек [Там же]. Репертуар хоровых коллективов и отдельных вокалистов включал лучшие произведения советских и местных композиторов о Родине, Сибири, Хакасии, о героическом труде сибиряков. Областной смотр способствовал дальнейшему развитию хорового и вокального искусства, профессиональному росту исполнителей, а также обогатил репертуар творческих коллективов.

Визитной карточкой музыкальной культуры Хакасии стали слёты чатханистов, хайджи-сказителей, которые уже к этому времени стали традиционными. Первый слет чатханистов состоялся в Абакане в 1950 г. В 1968 г. был проведен очередной слёт под названием «Поем о Ленине, партии, Родине». Слет проходил в с. Трошкино – на Родине известного хайджи, народного певца С.П. Кадышева. Всего в слете участвовал 61 человек, большинство из которых люди среднего и преклонного возраста [28. Л. 1].

Областной Дом народного творчества совместно с местными органами власти уделяли пристальное внимание развитию и совершенствованию горлового пения. С целью изучения горлового пения хакасов в 1978 г. в область была отправлена научно-исследовательская экспедиция из Новосибирской консерватории. Возглавила экспедицию доцент консерватории Б.П. Чернова. По результатам исследования, проведенный в г. Абакане и Ширинском районе, местным руководством области было вынесено решение о «взятии на особый учет и контроль всех сказителей, чатханистов и народных певцов из коренной национальности; рекомендовать музыкальному училищу организовать факультативно обучение горловому пению учащейся молодежи из коренного населения, игре на чатхане, исполнению тахпахов» [27. Л. 73]. Кроме того, были созданы кружки где обучали горловому пению коренное население, при клубных учреждениях области. Руководству этими кружками стали привлекать опытных чатханистов-горловиков (по Ширинскому району – С.С. Кадышев, И.Л. Коков, Н.Е. Чустеев, по Аскизскому району – А.С. Бурнаков, С.Б. Ултургашев и др.). Данные меры способствовали сохранению и развитию горлового пения в традиционной культуре хакасов.

Таким образом, в 1965–1985 гг. наблюдается новый этап в формировании музыкальной интеллигенции, в развитии профессионального композиторского творчества коренных народов сибирской провинции. Творческая связь с художественной самодеятельностью, отсутствие системного профессионального образования авторов музыки, овладение ими только первоначальными композиторскими навыками, прикладной характер произведений – все эти факторы предопределили особенности формирования композиторского творчества в Хакасии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артамонова Н.Я.* Особенности формирования национальной интеллигенции народов Саяно-Алтая // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 7.
2. *Матвеева Л.А.* Фортепианная культура Сибири и Дальнего Востока России (конец XVIII в. – 1980-е гг.). Хабаровск : ФГОУ ВПО «Хабаровский институт искусств и культуры», 2009.
3. *Государственный* архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-1812. Оп. 1. Д. 154.
4. *Талантам* расцветать // Советская Хакасия. 1974. 31 дек.
5. ГАНО. Ф. Р-1812. Оп. 1. Д. 168.
6. ГАНО. Ф. Р-1812. Оп. 1. Д. 126.
7. *Государственное* казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «НА»). Ф. 461. Оп. 1. Д. 25.
8. *Гигуашвили Т.С.* Музыка – их жизнь. Абакан : Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 1997.
9. ГКУ РХ «НА». Ф. 461. Оп. 1. Д. 25.
10. ГАНО. Ф. Р-1812. Оп. 1. Д. 74.
11. *Чаптыкова Г.* На сцене хакасская опера // Советская Хакасия. 1980. 21 окт.
12. ГАНО. Ф. Р-1812. Оп. 1. Д. 135.
13. *Чертыкова М.* Звучит музыка Челборакова // Советская Хакасия. 1981. 6 апр.
14. *Любовь* моя, музыка // Советская Хакасия. 1969. 30 окт.
15. *Государственный* архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П- 969. Оп. 1. Д. 7.
16. *Песней* прославляя край родной // Советская Хакасия. 1979. 1 янв.
17. *Морозова Л.* Будет звучать чатхан // Советская Хакасия. 1980. 26 сент.
18. *Кайманова Л.* Приумножая творческую славу // Советская Хакасия. 1980. 13 июня.
19. ГАНО. Ф. Р-1812. Оп. 1. Д. 74.
20. ГАКК. Ф. П-969. Оп. 1. Д. 2.
21. ГАКК. Ф. П-969. Оп. 1. Д. 4.
22. ГАКК. Ф. П-969. Оп. 1. Д. 14.
23. *Сунчугашева К.* Итоги фестиваля // Советская Хакасия. 1971. 2 июня.
24. ГКУ РХ «НА». Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 79.

25. *Ламанская Н.Б.* Развитие культуры в Хакасии в 1917–1991 гг. // Сохранение исторического наследия народов Саяно-Алтая как фактор укрепления национальной безопасности государства. Абакан : Бригантина, 2011.
26. ГКУ РХ «НА». Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 190.
27. ГКУ РХ «НА». Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 168.
28. ГАНО. Ф. Р-1812. Оп. 1. Д. 86.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 29 ноября 2014 г.

PECULIARITIES OF COMPOSING ART FORMATION IN KHAKASSIA, A NATIONAL REGION OF SOUTHERN SIBERIA

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 89-94. DOI 10.17223/15617793/390/16

Troyakova Yuliya K. N.F. Katanov Khakas State University (Abakan, Russian Federation). E-mail: troyackova.julia@yandex.ru

Keywords: peculiarities of formation; intelligentsia; The Union of Composers; Khakassia.

This article describes the features of formation of composing in one of the national regions of South Siberia, Khakassia, in 1965-1985. The author grounds a position that Russian composers stimulated the development of professional musical creativity of the Khakases. This feature prevailed in the following years, especially during the construction of the musical infrastructure in the 1950-1960s. At that time, in the national regions of Siberia children's music schools were built, music schools were opened, amateur artistic groups appeared, future local composers received profile conservatory education, mainly in large Siberian cities. The national regions of southern Siberia, including Khakassia, had no local branch of the Union of Composers of the RSFSR until the early 1990s. That is why the first Khakas composers were registered in the regional offices of the Union of Composers of the RSFSR in Siberia. Necessary assistance, advice on music was conducted by members of the Siberian Branch of the Composers' Union of the RSFSR. Each national region of southern Siberia had their own appointed professional musicians assisting them. The first feature of the formation of composing in Khakassia was focus on the professional development of Khakas folklore. One of the first members of the creative, musical intelligentsia of Khakassia who studied folklore was A.A. Kenel. He defined the direction in Khakas music, contributed to Khakas folk songs, laid the foundation for the organization of research in the field of professional musical culture in Khakassia. The next feature of formation of compositional creativity in Khakassia in 1965-1985 is its focus on the reconstruction of the model of the Soviet mass song which was the basis of the repertoire of amateur music groups. Amateur performances encouraged the creative work of composers. As a rule, amateur groups gave start to music careers of all composers of the time. They were called "composers-melodists" or "composers-songwriters". These were G. Chelborakov, N. Kataeva and others. Thus, in the conditions of the little number of national artistic intellectuals, being at the junction of amateur and professional art, the most representative sectors of the creative work of local composers were singing and choral genres representing the musical culture of the Siberian province.

REFERENCES

1. Artamonova N.Ya. The peculiarities of formation of national intelligentsia of Sayan-Altai peoples. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 7, pp. 63–67. (In Russian).
2. Matveeva L.A. *Fortepiannaya kul'tura Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii (konets XVIII v. – 1980-e gg.)* [Piano culture of Siberia and the Russian Far East (the end of the 18th century – 1980s)]. Khabarovsk: Khabarovsk Institute of Arts and Culture Publ., 2009. 288 p.
3. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-1812. List 1. File 154.
4. Talantam rastsvetat' [Talents flourish]. *Sovetskaya Khakasiya*, 1974, 31 December.
5. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1812. List 1. File 168.
6. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1812. List 1. File 126.
7. State public institution of the Republic of Khakassia "National Archives" (GKU RKh "NA"). Fund 461. List 1. File 25.
8. Giguashvili T.S. *Muzyka – ikh zhizn'* [Music is their lives]. Abakan: Katanov KhSU Publ., 1997. 80 p.
9. State public institution of the Republic of Khakassia "National Archives" (GKU RKh "NA"). Fund 461. List 1. File 25.
10. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1812. List 1. File 74.
11. Chaptykova G. Na stsene khakasskaya opera [Khakassia opera on the stage]. *Sovetskaya Khakasiya*, 1980, 21 October.
12. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1812. List 1. File 135.
13. Chertykova M. Zvuchit muzyka Chelborakova [The music of Chelborakov]. *Sovetskaya Khakasiya*, 1981, 6 April.
14. Lyubov' moya, muzyka [My Love, Music]. *Sovetskaya Khakasiya*, 1969, 30 October.
15. State Archive of Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P- 969. List 1. File 7.
16. Pesney proslavlyaya kray rodnoy [Songs praise the native land]. *Sovetskaya Khakasiya*, 1979, 1 January.
17. Morozova L. Budet zvuchat' chatkhan [Chatkhan will sound]. *Sovetskaya Khakasiya*, 1980, 26 September.
18. Kaymanova L. Priumnozhaya tvorcheskuyu slavu [Multiplying creative glory]. *Sovetskaya Khakasiya*, 1980, 13 iyunya.
19. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1812. List 1. File 74.
20. State Archive of Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P-969. List 1. File 2.
21. State Archive of Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P-969. List 1. File 4.
22. State Archive of Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P-969. List 1. File 14.
23. Sunchugasheva K. Itogi festivalya [Results of the festival]. *Sovetskaya Khakasiya*, 1971, 2 June.
24. State public institution of the Republic of Khakassia "National Archives" (GKU RKh "NA"). Fund R-577. List 1. File 79.
25. Lamanskaya N.B. *Razvitie kul'tury v Khakasii v 1917–1991 gg.* [Cultural development in Khakassia in 1917-1991]. In: *Sokhranenie istoricheskogo naslediya narodov Sayano-Altaya kak faktor ukrepleniya natsional'noy bezopasnosti gosudarstva* [Preservation of the historical heritage of the peoples of the Sayan-Altai as a factor in strengthening national security]. Abakan: Brigantina Publ., 2011.
26. State public institution of the Republic of Khakassia "National Archives" (GKU RKh "NA"). Fund R-577. List 1. File 190.
27. State public institution of the Republic of Khakassia "National Archives" (GKU RKh "NA"). Fund R-577. List 1. File 168.
28. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1812. List 1. File 86.

Received: 29 November 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 95–99. DOI 10.17223/15617793/390/17

ИСТОРИЯ

УДК 321.7 (45+57)

С.А. Величко

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ И МИТИНГОВАЯ ДЕМОКРАТИЯ В СССР В КОНЦЕ 80-х – НАЧАЛЕ 90-х гг. XX в.

Рассматриваются проблемы прохождения демократического транзита в нашей стране в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. На фоне общемировых тенденций движения к демократии показаны причины начала демократического транзита в СССР. Выявлены особенности демократического транзита в СССР, поведения людей в толпе в период митинговой демократии. Исследовано прохождение в СССР процессов либерализации, становления гражданского общества и внедрения выборов с заранее неизвестным результатом.

Ключевые слова: демократический транзит; митинговая демократия; политика; идеология; гражданское общество.

Одной из разновидностей модернизационного процесса является демократический транзит, именно он начался в 80-е гг. XX в. в СССР. Основы транзитологической теории при оценке мировых демократических процессов заложили Д. Растоу, Г.О. Доннел, Ф. Шмиттер.

Демократический транзит (от лат. transitus – переход, прохождение) – понятие, объединяющее многообразные по форме процессы перехода от одного общественного и политического состояния (та или иная разновидность недемократии) к другому, причем в качестве конечного пункта перехода вовсе не обязательно (и даже редко) выступает именно консолидированная демократия.

Для изучения процессов «демократического транзита» с середины 1980-х гг. в западной общественной науке под влиянием определенных процессов – первоначально региональных, а затем и общемировых – постепенно начинает формироваться новое направление исследований – **транзитология**. Транзитологические исследования предполагали анализ политических изменений переходного характера, связанных со становлением нового качественного состояния политической системы. Однако на практике термин «транзитология» приобрел более узкое значение, так как предметом исследований данного направления стал процесс перехода от автократических форм правления к демократическим. Поэтому предметом транзитологии как относительно самостоятельной дисциплины стали проблемы демократизации.

Впервые термин «транзит» для характеристики трансформационных процессов был предложен Д. Растоу, Г.О. Доннелом, Ф. Шмиттером. Демократический транзит, с их точки зрения, включает в себя три взаимосвязанных процесса: либерализацию, формирование или восстановление гражданского общества, проведение справедливых выборов с неизвестным заранее результатом [1. С. 7].

Насколько успешно будет внедрена демократическая модель в той или иной стране, зависит от процессов консолидации демократии, т.е. укоренения демократических традиций в этом обществе. Для периода консолидации демократии характерны разочарование приобретенной свободой и даже цинизм. Успешной ли будет демократическая консолидация, зависит от того, будут ли способны политики и рядовые граждане сотрудничать и конкурировать между собой свободным образом на основе приемлемого для всех набора правил.

При всей неопределенности результатов демократия призвана гарантировать определенность или предсказуемость демократических процедур. В этом заключается главное содержание той специфической черты современной развитой демократии, которую исследователи и определяют как консолидированность. Суть ее состоит в добровольном принятии демократических институтов и процедур всеми ключевыми участниками политического процесса как единственно правильных и всеобще приемлемых. Именно неопределенность результатов демократического процесса при определенности его процедур объясняет то обстоятельство, что в реальной политической жизни мы сталкиваемся с весьма различными типами и формами демократии и целым спектром разных политических систем и режимов, которые располагаются между демократией и авторитаризмом.

Еще один подход к определению консолидации демократии заключается в достижении компромисса между политическими партнерами, порой с противоположными интересами. Проблема при такой интерпретации состоит в том, чтобы найти способы, благодаря которым будет уважаться свобода других людей и уменьшится ее непредсказуемость. Неопределенность должна быть приемлемой и должен быть создан климат взаимного доверия между политиками и простыми гражданами путем демонстрации ценности демократии в качестве оплота против анархии.

Демократия консолидируется, когда общество начинает отвергать любые другие альтернативы, не поддаваясь на популистские обещания и не очаровываясь очередным политиком, обещающим счастье для всех и быстро. В таком обществе больше не ищут наиболее приемлемые формы политического режима, осознавая бесперспективность таких попыток.

Демократизации способствуют или препятствуют внешние и внутренние факторы. Российский исследователь А.Ю. Мельвиль разработал синтетическую модель анализа демократического транзита. Используя методологию «воронки причинности», он осуществил полифакторный анализ, последовательно сужая фокус внимания от макро- до микроуровней.

В соответствии с этой методологической схемой факторы, влияющие на ход демократического транзита – от первичной либерализации режима вплоть до учреждения новых демократических институтов и процедур, могли бы быть проанализированы на следующих семи условных уровнях переменных (от наиболее широкого макроуровня до максимально суженного микроуровня). 1. Внешняя международная среда (мировая экономическая ситуация, политико-стратегические условия и отношения, межгосударственные и международные неправительственные взаимосвязи и др.). 2. Государство и нациеобразующие факторы (единые территория и государство, чувство национальной идентичности и т.п.) – в качестве условия и предпосылки самого движения к демократии. 3. Общий социально-экономический уровень развития и модернизации, или степень «современности» общества. 4. Социально-классовые процессы и условия (степень дифференциации и развития социальной структуры, взаимоотношения между классами и социальным группами). 5. Социокультурные и ценностные факторы, т.е. доминирующие в обществе культурно-политические ценности и ориентации. 6. Политические факторы и процессы (взаимодействие партий, общественно-политических движений и организованных групп интересов с новыми политическими институтами и процедурами, выбор ими политических стратегий и тактик). 7. Индивидуальные, личностные политико-психологические факторы (конкретные решения и действия ключевых политических акторов).

Следуя схеме А.Ю. Мельвиля, мы можем рассмотреть предпосылки демократического транзита для СССР середины 1980-х гг. Причины начала преобразований в СССР, на наш взгляд, следующие. Международные коммуникационные связи и туризм, несмотря на политику железного занавеса, развивались, особенно в 70–80-е гг., что способствовало распространению в СССР демократических идей, превалирующих во всем мире, и давало возможность сопоставить уровень жизни в СССР и развитых западных странах.

К 1970–1980-м гг. в СССР выросло новое поколение, не запуганное угрозами репрессий, потребности которого существенно возросли по сравнению с поколением «отцов», новое поколение не готово было «потуже затянуть пояса» в ожидании мировой революции, а наоборот, оно было восприимчиво к идущим с запада либеральным демократическим идеям. Годовой среднедушевой доход в СССР уже в 70-е гг. составлял свыше 2 000 тыс. долл. США, с точки зрения теории модернизации и транзитологии страны именно с такими доходами попадают в зону демократического транзита [1. С. 9]. Появление латентного среднего класса: все большую роль в обществе стали играть специалисты с высшим образованием, государственные служащие, учителя, врачи, торговые и канцелярские работники. Рост образовательного уровня населения, появление относительно многочисленного слоя интеллектуалов, осознающих свое бесправное политическое положение. За этими интеллектуалами пойдет толпа, уровень которой всегда невысок. Она всегда желает повышения своего уровня потребления – хочет «хлеба и зрелищ». Ускоренные темпы урбанизации – уже в 1958 г. более 50% населения СССР проживало в городе (в Сибири в 1959 г. городское население превысило сельское, в 1979 г. в Западной Сибири удельный вес городского населения составил 67,7%, в 1989 г. – 72,8% [2. С. 35]). И, наконец, желание самой элиты начать преобразования, осознание того, что без модернизационных процессов не обойтись, желание части элиты, разочаровавшейся в марксизме-ленинизме закрепить за собой часть общенародной собственности. Именно эта элита выдвинула из своей среды М.С. Горбачева. Первоначально он оставался сторонником социалистической системы и выступал за некоторые ее преобразования, но реформы М.С. Горбачева привели к необратимым для советской системы последствиям и стали частью третьей волны демократизации во всем мире.

Демократический транзит – процесс длительный, в конце 1980–1990-х гг. в нашей стране прошли первые его три этапа – либерализация режима, формирование гражданского общества и установление справедливых выборов с неизвестным заранее результатом. Процессы консолидации демократии продолжаются. В основе всех великих изменений цивилизаций всегда лежали изменения идей народов, так произошло и в годы перестройки. Но идеи, развиваясь, как писал французский социолог Г. Лебон, претерпевают очень длинную эволюцию: «Образуясь очень медленно, они вместе с тем очень медленно исчезают. Став для просвещенных умов очевидными заблуждениями, они еще долгое время остаются неоспоримыми истинами для толпы» [3. С. 15]. Элита, имея доступ к выездам за рубеж и возможность сравнивать достижения социализма и капиталистических стран, разочаровалась в марксизме-ленинизме еще в конце 70-х гг. В 80-е гг. отставание реального социализма по уровню жизни от передовых капиталистических стран стало очевидным для большинства населения. Старая идеология, основанная на коммунистических идеалах, теряла популярность в массах. Произошло объединение граждан на основе негативного консенсуса по отношению к КПСС. Активное вмешательство масс в политику в корне изменило судьбу нашей страны и обеспечило быстрый отказ от коммунистических идей. Благодаря своей разрушительной силе массы действовали, как микробы, ускоряя падение ослабленной и отжившей советской системы.

СССР в конце 70-х – 80-е гг. вступил в период кризиса, советская система исчерпала потенциал саморазвития и далее прогрессивно развиваться уже не могла. Такие явления, как застой в экономике, всеобщий дефицит, огромные очереди за продуктами питания и предметами первой необходимости, распределение товаров «по блату», коррупция, взяточничество являлись проявлениями глубочайшего кризиса советской системы. Дальнейшее прогрессивное развитие российского общества стало возможным только вне рамок советской системы, слом ее был предопределен. А массовые общественные движения антикоммунистического толка ускорили ее падение.

В массовом поведении граждан нашей страны в годы перестройки ярко проявились черты психологии толпы: податливость к внушению, легковерие, инстинктивность, дух единства масс, внушаемость, зара-

зительность идей. В этой заразительности идей терялась сознательная личность, преобладали преувеличение чувств, революционная мифология и нетерпимость, проявившая себя в негативном консенсусе по отношению к КПСС.

Изменения в социально-политической системе СССР, начатые по решению апрельского 1985 г. Пленума ЦК КПСС, XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной партийной конференции, стали толчком к оживлению общественно-политической жизни в регионе. Население активно стало включаться в перестроечные процессы. Начались процессы демократического транзита, которые заключались в либерализации общественно-политической жизни, формировании гражданского общества и внедрении выборов с заранее неизвестным результатом.

Первоначально лозунгом, объединившим массы, стал ленинский «Вся власть Советам!». Под этим лозунгом прошла избирательная кампания по выборам народных депутатов СССР в 1989 г. В народном сознании этот лозунг понимался как изъятие властных полномочий из рук партийных функционеров и передача ее Советам. После I Съезда народных депутатов СССР (май 1989 г.) и создания Межрегиональной депутатской группы во главе с А.Д. Сахаровым и Б.Н. Ельциным самыми популярными лозунгами стали «Долой монополию на власть КПСС!», «Долой 6-ю статью Конституции СССР!». Смерть А.Д. Сахарова в декабре 1989 г. после того, как его захлопывали и засвистывали на II Съезде народных депутатов СССР, не давали сказать слова, произвела на массы ошеломляющее действие, лозунги стали еще решительнее: «6-я статья – убийца!», «Выберем депутатов, достойных А.Д. Сахарова!».

Благодаря заразительности идей чувства антипатии и неодобрения по отношению к КПСС, которые проявляли А.Д. Сахаров, Ю.Н. Афанасьев, Б.Н. Ельцин и др., в толпе превратились в самую свирепую ненависть. Этот эмоциональный настрой распространялся очень быстро посредством внушения, вызывал всеобщее одобрение, что в значительной степени способствовало увеличению его силы. Под давлением общественности на III Съезде народных депутатов СССР, который состоялся в марте 1990 г., М.С. Горбачев был вынужден отменить 6-ю статью Конституции СССР, в которой некогда закреплялась руководящая и направляющая роль КПСС.

К 1990 г. М.С. Горбачев в глазах масс уже потерял то обаяние, которое он имел на первом этапе перестройки. Потерял он его, так как доспустил оспаривание своего авторитета. По мнению того же Г. Лебона, «оспаривание – самый действенный способ разрушения обаяния. Обаяние, которое подвергается оспариванию, уже перестает быть обаянием. …Чтобы вызывать восхищение толпы, надо всегда держать ее на известном расстоянии» [3. С. 208]. М.С. Горбачев подпустил массы слишком близко к себе. Провозгласив гласность, критику, самокритику, он дал возможность массам нелестно судить о нем. Массы любят сильных личностей, а всяческие уступки, на которые шел М.С. Горбачев, они рассматривали как слабость.

Массе нужны были новые вожаки. А.Д. Сахаров умер, знамя народного заступника поднял Б.Н. Ельцин. В Сибири его активно поддерживали, и от этого становились необычайно популярными члены Межрегиональной депутатской группы: А.В. Минжуренко, С.С. Сулакшин, Ю.Н. Москвич и др. В народных массах, благодаря мифологичности сознания толпы, возобладала идеализированная оценка Б.Н. Ельцина. Презрение и преследование от власти усиливали силу его влияния. Б.Н. Ельцин в народном сознании выглядел как лицо, пострадавшее от власти – осенью его сняли с поста первого секретаря Московского городского комитета КПСС. Напряженность его собственной веры, уверенность, что он действует в интересах народа, придавала словам Б.Н. Ельцина громадную силу внушения. Он становился популярным в народных массах не потому, что предлагал хорошо разработанную программу действий, толпа обычно и не ждет этого, а потому, что пострадал от власти. Это так называемый инверсионный тип лидерства, при котором признание лидера осуществляется не столько в соответствии с его собственными идеями и заслугами, сколько благодаря его преследованиям властными структурами.

1990 г. стал годом противоборства союзной власти во главе с М.С. Горбачевым и российской во главе с председателем Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельциным. В ходе этой борьбы активно использовались народные массы, в сознание которых внедрялись идеи особой суверенной политики России по отношению к союзному центру. Принятие «Декларации о государственном суверенитете РСФСР» 12 июня 1990 г. первоначально в массах было воспринято неоднозначно – как можно было проводить отдельную суверенную политику, когда столица РСФСР и СССР совпадала, функции управления и Союзом, и Россией были тесно переплетены. Отделение России от Союза означало разрушение российского государственного тела, которое создавалось и расширялось веками. Однако массам внушалось, что борьба за суверенитет России – это одновременно и борьба с коммунистической системой. В результате многократного повторения это утверждение становилось аксиомой. В поддержку Б.Н. Ельцина росло и ширилось движение «Демократическая Россия». Его влияние на массы было очень большим. Благодаря массовому внушению идеи отказа от социализма распространялись очень быстро. Лидеры КПСС проявляли растерянность и ничего не могли противопоставить митинговой демократии. Партийные работники терялись при выступлениях на митингах, на встречах с избирателями, представители же демократического движения были очень активны, напористы и умели отстоять свою точку зрения.

На мартовских референдумах 1991 г. большинство электората поддержало идею обновленного СССР, так как граждане нашей страны даже не могли представить, что распад Союза возможен. Но в то же время на российском референдуме, который проходил одновременно с союзным, было поддержано введение в РСФСР поста Президента. Таким образом, население проявило лояльность и к союз-

ной, и к российской власти. Введение поста Президента в РСФСР, безусловно, усиливало позиции российской власти. 12 июня 1991 г. на выборах Президента России в первом туре голосования (второй не понадобился) победил Б.Н. Ельцин. Одним из первых его шагов стало принятие Указа о департизации предприятий и учреждений в июле 1991 г. Это был сильнейший удар по позициям КПСС. Коммунисты, снимаясь с учета в трудовых коллективах, не вставали на учет по месту жительства. Территориальные партийные организации стали объединять в основном коммунистов-пенсионеров. Некоторые региональные партийные организации заявляли протест по поводу департизации, но ЦК КПСС никак не отреагировало на эти заявления. У руководства КПСС не было уже сил сопротивляться российским властям.

Слабой попыткой взять ситуацию в стране под свой контроль был приход к власти в августе 1991 г. Государственного комитета по чрезвычайному положению, возглавляемого вице-президентом СССР Г.И. Янаевым. Но массы были равнодушны к предлагаемым ГКЧП социалистическим идеям, в коммунистическую перспективу мало кто верил. Большинство граждан нашей страны в решающие дни 19–21 августа 1991 г. проявили растерянность и не смогли определить своей позиции. Население ГКЧП не поддержало, но и активного противодействия по стране не было. Массы были организованы в Москве, именно в столице было оказано сопротивление ГКЧП. Здесь защитники демократии действовали смело и решительно, вдохновляя своим примером остальных. Сработал выявленный Г. Лебоном закон духовного единства масс. Наступил такой момент, когда массы стали одухотворены, что происходит под влиянием сильных эмоций или великого национального события. Одухотворенные массы представляли собой временный организм, образовавшийся из разнородных элементов, на одно историческое мгновение соединившихся вместе [3. С. 132–134].

Большинство участников августовских событий инстинктивно понимали значимость этого решающего момента для нашей последующей истории. Именно активное участие масс решило исход событий. Августовские события завершились решающим триумфом Б.Н. Ельцина. После августа по декабрь 1991 г. шел процесс передачи дел от союзной к российской власти. К декабрю 1991 г. М.С. Горбачев как Президент СССР фактически потерял свою власть, и осознание своего положения подтолкнуло его на «добровольную отставку» 25 декабря 1991 г.

В годы перестройки ярко проявились черты психологии масс и вождистского поведения. Это еще раз доказывает, что современная нам эпоха новейшей истории является эпохой активного участия масс в политической жизни, когда они перестают уже быть пассивными исполнителями решений, принятых наверху, а становятся активными субъектами политики. Массы, сами того не осознавая, под влиянием внушения и заразительности идей сыграли решающую роль в переходе нашей страны к демократической модели развития. Утрата веры в идеалы социализма произошла не в ходе самой перестройки. Наоборот, сама перестройка способствовала ускорению процесса разочарования в социализме. Изменения в массовом сознании граждан произошли только тогда, когда вера в социализм почти совсем потеряла власть над умами людей. Перестройка смела то, что уже было «расшатано», но держалось благодаря привычке. Или, говоря словами Г. Лебона, «изменение… установившихся верований достигается чаще всего лишь при помощи очень бурных революций, да и те в состоянии произвести это только тогда, когда верование почти совсем потеряло свою власть над душами. Революция же окончательно сметает то, что и так уже совсем расшатано, но держится лишь благодаря привычке» [3. С. 209]. То, что перестройка по своей природе была революционным процессом, не подлежит сомнению, это было заявлено и самим М.С. Горбачевым, и сейчас этот тезис разделяется многими исследователями, например О.Н. Смолиным [4. С. 16, 17].

Таким образом, в нашей стране на рубеже 80–90-х гг. XX в. произошли революционные изменения, которые большинство исследователей связывают с общемировыми процессами перехода к демократии. Как было уже заявлено выше, демократический транзит на первых трех этапах – либерализация режима, демократизация общественных отношений, внедрение выборов с заранее неизвестным результатом – прошел успешно. Насколько успешно будет внедрена демократическая модель в нашей стране в дальнейшем, зависит от процессов консолидации демократии, т.е. укоренения демократических традиций в российском обществе. Для периода консолидации демократии характерны разочарование приобретенной свободой и даже цинизм. Это мы можем наблюдать в массовом поведении граждан России сегодня. Определенная ностальгия по временам СССР – явление такого же рода. Но эти массовые явления должны быть преодолены. Успешной ли будет демократическая консолидация, зависит от того, будут ли способны политики и рядовые граждане сотрудничать и конкурировать между собой свободным образом на основе приемлемого для всех набора правил.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Карл Т.Л., Шмиттер Ф.* Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций) // Полис. 2004. № 4. С. 6–27.
2. *Население* Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997.
3. *Лебон Г.* Психология толпы. М., 1999.
4. *Смолин О.Н.* Политический процесс в современной России. М., 2004.

Статья представлена научной редакцией «История» 06 апреля 2014 г.

DEMOCRATIC TRANSIT AND MEETING DEMOCRACY IN THE USSR IN THE 1980-1990S

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 95-99. DOI 10.17223/15617793/390/17

Velichko Svetlana A. Omsk Law Academy (Omsk, Russian Federation). E-mail: velichko01@mail.ru

Key words: democratic transit; meeting democracy; politics; ideology; civil society.

The article deals with the problems of the democratic transit in our country in late 1980s – early 1990s. The research work was conducted on the basis of the theory of transitology (D. Rustow, G. O'Donnell, T.L. Karl, P. Schmitter). On the background of the global trends towards democracy, the causes of the beginning of the democratic transit in the USSR are shown. The reasons of the initial changes in the Soviet Union were, in our opinion, the following: the development of international communication connections and tourism in the 1970-1980s, which contributed to the spread of democratic ideas in the USSR and made it possible to compare the level of life in the USSR and in the developed Western countries; the entry into adult life of the new generation not intimidated by threats of reprisals, whose needs increased significantly compared with the generation of the "fathers", who were more susceptible to western liberal democratic ideas; the annual per capita income in the USSR in the 1970s amounting to more than US$ 2,000, from the point of view of the theory of modernization and transitology countries with such incomes fall within the democratic transition; the emergence of a latent middle class: a growing role in the society began to belong to specialists with higher education, civil employees, teachers, doctors, trade and office workers; the rise of the educational level of the population, the emergence of a relatively numerous layer of intellectuals aware of their powerless political position; and, finally, the desire of the elite to begin the changes, understanding the fact that modernization processes were inevitable. It is this elite that nominated from their milieu M.S. Gorbachev. Initially, he remained a supporter of the socialist system and was for some of its transformations, but the reforms of M.S. Gorbachev brought to irreversible consequences for the Soviet system and became a part of the third wave of democratization in the whole world. The article deals with the features of the democratic transit in the USSR, the behavior of people in the crowd in the period of meeting democracy. Here are shown the features of mass psychology. The article studies the liberalization processes in the USSR, formation of the civil society and introduction of elections with unknown results. Attention is also paid to the processes of democracy consolidation, i.e. the establishment of democratic processes and institutions in the society. The period of democracy consolidation is characterized by disappointment with the gained freedom and even cynicism. It is what we can observe in the mass behavior of Russian citizens today. Nostalgia for the days of the USSR is the phenomenon of the same kind. The success of the democratic consolidation will depend on whether the politicians and citizens will cooperate and compete with each other freely on the basis of the rules acceptable for everybody.

REFERENCES

1. Karl T.L., Schmitter Ph. Concepts, Assumptions and Hypotheses about Democratization (Reflections on Applicability of the Transitological Paradigm for the Study of Post-Communist Transformations). *Polis – Polis. Political Studies,* 2004, no. 4, pp. 6–27. (In Russian).
2. *Naselenie Zapadnoy Sibiri v XX veke* [The population of Western Siberia in the twentieth century]. Novosibirsk, 1997.
3. Lebon G. *Psikhologiya tolpy* [Psychology of the crowd]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 1999. 308 p.
4. Smolin O.N. *Politicheskiy protsess v sovremennoy Rossii* [The political process in modern Russia]. Moscow: Prospekt Publ., 2004. 326 p.

Received: 06 April 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 100–108. DOI 10.17223/15617793/390/18

УДК 39:271.2:27-5(=511.132)

В.В. Власова

ДИНАМИКА РЕЛИГИОЗНОЙ ТРАДИЦИИ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ: ВОЗДВИЖЕНИЕ КРЕСТА В КОМИ СЕЛАХ

Рассматриваются традиция воздвижения отдельно стоящих (монументальных) крестов у коми-зырян в XX–XXI вв., ее бытование в различные исторические периоды. Описаны и проанализированы частные случаи установления крестов, связанные с ними ритуальные практики. Основываясь на архивных данных и собственных полевых материалах, автор приходит к выводу, что, несмотря на десятилетия вытеснения религии из публичной жизни, воздвижение креста воспринималось и воспринимается сельским сообществом как один из действенных способов взаимодействия с сакральным. В настоящее время традиция воздвижения креста связана не только с религиозной, но и с общественной жизнью сельского социума.

Ключевые слова: монументальный крест; православие; религиозные практики; коми-зыряне.

Изучение православной традиции воздвижения крестов ведется в рамках ставрографических изысканий, развивающихся в исторической и искусствоведческой плоскостях [1. С. 6; 2], фольклорно-этнографических исследований почитаемых сельских святынь. Деревенские святыни, по мнению исследователей, являются составной частью этнокультурной традиции, определяющей структурирование территории [3. С. 145–179; 4]. В то же время они представляют собой не только реальные объекты, но и «процесс трансляции текстов в пространстве и времени» [5. С. 61], устойчивые ритуальные традиции [6. С. 67], а также выстраивают определенную систему социальных статусов [7, 8]. В православной традиции возведение креста являлось одним из распространенных вариантов «приобретения» местом статуса святого [4. С. 26]. Исследователи выделяют типы крестов, определяют их функции, статус, описывают связанные с ними ритуальные практики, существовавшие и существующие в разных регионах России [9–11]. Особое внимание уделяется классификации памятников, отмечается, что отнесение того или иного конкретного креста к определенному типу осложняется его полифункциональю, в связи с чем в работах под одним названием могут оказаться разные типы памятников и наоборот [2. С. 29–42]. Почитаемые святыни коми-зырян не раз становились объектом изучения этнографов и фольклористов в рамках исследования религиозных традиций отдельных этнографических групп [12–14], в контексте храмовых и заветных праздников [15, 16]; предприняты попытки классифицировать и описать отдельные группы памятников [17, 18].

В предлагаемой статье рассматриваются традиция воздвижения отдельно стоящих (монументальных) крестов у коми в XX–XXI вв., ее бытование в различные исторические периоды (борьба с религией и «религиозными пережитками», «возрождение традиций», современность). Описываются и анализируются частные случаи установления крестов, связанные с ними ритуальные практики. В работе использованы отчеты сотрудников отдела этнографии 1960–1970-х гг., хранящиеся в научном архиве Коми научного центра, а также полевые материалы автора (интервью с информантами, личные наблюдения, фото), собранные ходе этнографических экспедиций 1999–2009 гг. в различных районах Республики Коми. В начале XX в. фактически все жители Коми края[1] были православными: здесь насчитывалось 177 православных храмов, 235 часовен, 3 монастыря [19. С. 173]. Кроме того, действовали и старообрядческие моленные дома, часовни, скиты [20. С. 222–228]. В конце XIX – начале XX в. возведение монументальных крестов было обычной практикой, распространенной во всех районах проживания коми. «У зырян существует обычай ставить в лесах и на полях, около селений и в самих селениях деревянные кресты, у которых в известные дни они служат молебны. Каждый поселенец на новом месте первым делом ставит такой крест» [21. С. 49]. Ежегодно в праздничные дни проходили крестные ходы, у крестов устраивали молебны [21. С. 49, 50; 22. С. 204].

Ситуация коренным образом меняется в 1920–1930-е гг.: к 1941 г. на территории Коми АО не осталось действующих храмов, в 1940–1950-е гг. по просьбам верующих было открыто два православных храма и два молитвенных дома [23. С. 78, 81]. Ю.В. Гагарин отмечал, что религиозность сельского населения была выше, нежели городского; в качестве факторов, обеспечивающих сохранение православных традиций, в разных районах края обозначил влияние церкви (с. Иб), старообрядчества (Вашка, верхняя Печора, верхняя Вычегда), местных религиозных практик (*бурсьылысьяс*[2] на верхней Вычегде, «неофициальные служители культа») [20. С. 306, 309, 311, 312]. Как и в других сельских районах России, среди коми широко распространилась практика внехрамовых богослужений у почитаемых святынь. Вели эти службы пожилые женщины, обладавшие необходимыми знаниями (порядок ведения, молитвы). Несмотря на антирелигиозную кампанию, неотъемлемой частью которой было физическое уничтожение культовых построек, во многих селах их удавалось сохранять [15].

С середины 1980-х гг. происходит изменение религиозной ситуации, «возрождение традиций» связывают, в первую очередь, с «возрождением православия». За последние двадцать лет значительно увеличилось число сельских приходов, активно восстанавливаются храмы, здания которых постепенно возвращают Церкви, строятся новые. Существенно возрастает влияние священников на религиозную жизнь села [24. С. 171, 174].

Рис. 1. Местечко *Крес ув*, Коптюга, Удорский район Республики Коми, 2006 г. Фото В.В. Власовой

Рис. 2. Крест с молитвенным обращением Святителю Николаю, дер. Муфтюга, Удорский район Республики Коми, 2006 г. Фото В.В. Власовой

Монументальные кресты в советский период. Воздвижение креста по решению деревенского сообщества в благодарность Богу, по обету, за полученную свыше помощь в конкретном памятном случае было распространенной практикой на европейском севере России [2. С. 48]. **Обетные кресты** сохранялись в различных сельских районах на протяжении XX в. Они были разной формы и величины (восьми-, шестиконечные, с двухскатной кровлей и без нее; от полутора до двух с половиной метров). Приведем несколько примеров.

Обетный крест в местечке *Крес ув* (букв. под крестом) находится недалеко от деревни Коптюга (р. Вашка, Удорский район). Кто и когда установил этот крест – неизвестно. Старейшие жители деревни, с которыми автору удалось пообщаться в 1999 г. (женщины, 1917–1918 г.р.), говорили, что крест помнят с раннего детства. С 1930-х гг., после закрытия приходского кладбища, жителей деревни стали хоронить у креста. В 1960-е гг. сюда же был перевезен купол разобранной деревенской часовни. «Церковь была в селе, а часовня (сруб с крышей. – *В.В.*) на кладбище. Часовню один человек построил, Анисим его звали. Анисимова часовня. В часовне был крест, большой крест. Анисим построил, чтобы крест не сгнил, не упал, да не осквернили. <…> Часовню (часть крыши с куполом. – *В.В.*) из деревни на кладбище увезли. Стала она рушиться, взяли голову, вертолетом спустили, потом туда перевезли» [зап. 2006 г., дер. Коптюга, Коровин В.В. 1932 г.р.]. Данный пример демонстрирует то, как со временем, под влиянием различных обстоятельств происходит изменение общего вида почитаемого места (обетный крест – крест в амбаре – крест в амбаре / кладбище – крест / кладбище / глава часовни) и ритуальных практик, с ним связанных. Жители села ежегодно посещают кладбище не только в дни поминовения, но и в день местного заветного праздника *обсьевный / общӧвный* (второе воскресение после Троицы). Праздник *обсьевный (общӧвный)* проходил в деревнях Усть-Вачерга (Вашка), Кучмозерье (Мезень), где также были установлены обетные кресты, причем в Кучмозерье, как и в Коптюге, около этого креста, после закрытия приходского кладбища, возникло новое [25].

Монументальный крест, украшенный резьбой (в центре – изображение креста, орудий страстей, на перекладинах и средней части – криптограммы, на средней перекладине в крест врезан литой крест Распятие), находившийся в дер. Верхозерье (Вашка), почитался жителями окрестных деревень (утрачен в 1999 г.). «Сначала только крест был, крест хранил. Крест большой, с крышей, на нем латинскими буквами что-то написано. Потом амбар построили. Вот как сейчас дождя не было, война была. Глухой Микол за руководство да женщины, вот они построили амбар над крестом, чтобы дождь пошел. Мы называли *Сдвиженье крест* (Воздвиженский крест. – *В.В.*). *Сдвиженье* – это наш святой праздник, идешь мимо креста – перекрестишься. Если заболеешь, можешь просто так к кресту придти, без праздника. Там у креста много было материала, полотенец; заболеешь и принесешь. Я всегда туда заходила» [зап. 2006 г., дер. Муфтюга, Удорский р-н, Махотина М.А. 1931 г.р.].

В 1920-е гг. в нескольких селах на Ижме были установлены кресты по случаю избавления от падежа скота. Крест, установленный в дер. Косъель, был одним из немногих, сохранившихся в районе до 1970-х гг. [26. С. 39]. Обетный крест в с. Сизябск был установлен оленеводами Св. Пантелеймону с молитвой об избавлении от глазных болезней. К кресту прикладывали лоскутки, которыми затем протирали глаза [27]. По форме это восьмиконечные кресты с широкой двускатной кровлей высотой до двух метров, на центральном брусе, верхней и средней перекладинах вырезаны криптограммы; Г.П. Гунн отметил, что резьба на ижемских крестах «более скромная», чем на мезенских [26. С. 40].

В большинстве случаев с крестами, установленными сельским сообществом как знак просьбы или / и благодарности за помощь, связаны «заветные» праздники. Как правило, даже в случае уничтожения памятника (как зримого знака договора между социумом и Божественными силами) праздник продолжал существовать.

Практика установления креста по **личному обету** также сохранилась. Например, в трех километрах от дер. Коптюга (Вашка) находится местечко *Педесь керка дор* (букв. место рядом с домом Федоса), где местным жителем был установлен крест в благодарность за спасение. «В центре села жил Федосей, а во время, где-то в 1926/27 году <…> его приговорили к высшей мере наказания, на расстрел. Он молился и сказал, если мне Бог поможет, благосты крест поставлю. Его не расстреляли, дали 15 лет, он вернулся. Около *Видз ю* стоит крест. <…> Крест не на дороге, а там, где у него дом. Бажуков Федосий Егорович. Туда бабки ходили, особенно осенью, когда ходили за брусникой, когда мимо проходили с молитвой клали ягоды» [зап. 2006 г., дер. Коптюга, Коровин В.В. 1932 г.р.]. Недалеко от с. Чупрово (Вашка) у реки Ёлы крест был установлен в 1960-е гг. Наставнице местной старообрядческой общины, установившей его, было видение: шла странница в грязном платье, которая сказала, что люди утратили веру и не чтят ее, в ее праздник стирают, а грязную воду выливают ей на голову. Позже женщина поняла, что это была Параскева Пятница (часовня Параскевы Пятницы в дер. Кривое – одно из значимых почитаемых мест средней Вашки), установила на берегу реки крест, где до 2002 г. (до открытия церкви) проходили службы в девятую пятницу после Пасхи.

В XIX – начале XX в. у коми практически в каждом селе существовали **охранительные кресты**, о чем свидетельствуют путевые записи путешественников, исследователей, материалы архивов [17. С. 78, 79]. Кресты ставили, чтобы защитить деревню от природных и социальных катаклизмов (нашествие медведей, пожары, мор, эпидемии и пр.). Можно выделить два вида подобных крестов: единичные памятники и комплексы. До первой половины XX в. кресты были установлены у въезда в село, на полях, в определенные дни священник и жители селений обходили их крестным ходом, около каждого креста служился

молебен. Как отмечает Т.А. Бернштам, почитаемые места не только маркировали процесс освоения пространства, но и «как бы воспроизводили схему его первотворения, что отразилось в народных представлениях, формировавшихся под влиянием библейского пласта, в частности расселение Господом народа в указанном пространстве, установление Им пределов земли» [28. С. 316]. В советский период памятники данного типа были уничтожены, хотя память о них осталась. «Когда не было колхозов, а были свои хозяйства, на полях был большой крест, после Троицы следующий день – *Му ним лун* (букв. день имени земли). Обходили вокруг с большой иконой. На каждом холме были кресты и все их обходили, люди шли, со святой водой. Вот в 1932/33 годах жизнь и поменялась, попов убрали. А теперь опять ставят кресты» [зап. 2001 г., дер. Бадьельск, Уляшева Л.С. 1928 г.р.].

В середине XX в. появляется новый (для исследуемых районов) тип памятника, который условно можно обозначить как **кресты-«заместители».** Эти кресты выполняют функцию, близкую часовне [2. С. 57]. Подобные кресты на кладбищах зафиксированы на верхней Вычегде (села Помоздино, Пожег, Усть-Кулом, Великополье, Бадъельск, Кекур, Вомынбож, Маля, Пожегдин, Усть-Нем, Мыелдино). Памятники данного типа шести- и восьмиконечные, с двухскатной кровлей, от полутора до двух с половиной метров в высоту, как правило, без надписей. Их устанавливали в центре или недалеко от входа на кладбище. Особого названия (термина) для данного типа памятников выявить не удалось, в с. Пожег, рассказывая о нем, женщина охарактеризовала его как главный, большой крест (*главнӧй, ыджыд крест*). Описание службы у креста в с. Усть-Нем были сделаны Л.Н. Жеребцовым и Ю.В. Гагариным. Служба проходила в первой половине дня. Основными участниками были женщины разных возрастов, дети и пожилые мужчины. На стол у креста были сложены продукты, принесенные верующими (хлеб, сахар, выпечка, ягоды, варенье, зеленый лук), и деньги. Службу, продолжавшуюся несколько часов, вела одна из местных женщин. К концу службы принесли воду из источника, которую освятили: обливали нижнее наклонное перекрестие. Верующих окропили святой водой, продукты раздали всем присутствующим, после чего «каждый поклонился могилам близких и разошлись по домам» [НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 92. Л. 29, 30].

А.А. Чувьюров связывает данный тип памятников и относящиеся к нему религиозные практики с местным религиозным движением *бурсьылысьяс* [29. С. 286]. Действительно, подобные кресты появились в верхневычегодских селах, где это вероучение было распространено. В то же время воздвижение деревянного креста в деревнях, не имеющих часовен, было известно как коми [Там же. С. 312], так и северным русским [10. С. 239], а захоронения у обетного креста (см. выше данные по удорским коми), посещение кладбищ в дни престольных праздников были обычной практикой для многих коми сел. Кроме того, Л.Н. Жеребцов и Ю.В. Гагарин, хорошо знакомые с местной религиозной традицией, писали о наблюдавшей службе как о православной.

В советский период изменяется внешний облик села: ликвидируются практически все визуальные религиозные символы (церкви, часовни, кресты и т.п.), а религиозные практики приобретают преимущественно приватный характер. Появление новых памятников связано с индивидуальными обетами (избавление от болезней, гибели), поминовением умерших. На верхней Вычегде после закрытия сельских церквей и часовен, уничтожения крестов на полях кресты-заместители объединили в себе функции обетных крестов и часовен. Как правило, они находились вне «официального пространства» – отдаленные деревни, сельские кладбища, лес. В то же время, согласно наблюдениям этнографов, в отдельных селах еще в начале 1960-х гг. на улицах стояли кресты, у которых проходили праздничные службы [НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 13. Д. 92. Л. 30]. В середине 1970-х гг. отношение к монументальным крестам несколько изменяется, среди исследователей формируется представления об их исторической и художественной ценности [1; 26. С. 13. С. 40], что в какой-то мере способствовало сохранению памятников.

Воздвижение крестов в конце XX в. Социально-политические преобразования середины 1980-х гг. дали людям возможность открыто выражать свои религиозные чувства, способствовали процессу религиозного «возрождения». Воздвижение креста становится весьма распространенной практикой не только в селах, но и в городах Республики Коми.

С конца 1980-х гг. во многих селах появляются новые кресты, установленные по личному обету. В дер. Ёль (Ижма) крест был установлен по просьбе немолодой женщины, чей сын занимается бизнесом, недалеко от того места, где ранее стоял деревянный крест [12]. В с. Чупрово крест был установлен в 1989 г. одной из жительниц села. Ей приснился сон, в котором ее просили сделать памятник Ивану Грозному. Она долго сомневалась, так как знала, что последний был человеком жестоким, ее сомнения развеял некий ученый из Москвы / Санкт-Петербурга, который сказал, что в конце жизни Иван Грозный раскаялся и все имущество отдал церкви. После этого по ее заказу был сделан и установлен крест. Рассказы о сне были зафиксированы в 1999, 2000, 2005 гг. Записи были сделаны как со слов самой женщины, так и от других жителей села, которые считают, что этот крест был установлен как память о сыне: он рано умер, так как имя его не встречается в святцах, его не поминали в ходе служб. В праздники сюда приносят полотенца, платки и т.п., которые повязывают на крест или кладут на среднюю перекладину. На средней перекладине креста вырезана надпись «Исус Христос» (местная религиозная традиция сформировалась при сильном влиянии староверия), ниже «1988 г.» (год воздвижения креста).

Охранительные кресты, практически повсеместно уничтоженные, вновь появляются в селах республики. В 1994 г. в дер. Муфтюга (Вашка) жители установили три креста, после череды несчастий, случившихся почти одновременно: полностью сгорел дом, трагически погибли два брата (один утонул, другой сгорел в лесной избушке). Жители решили, что «Бог

отвернулся от деревни», чтобы исправить ситуацию, по предложению самой старшей жительницы деревни и наставницы местной старообрядческой общины, было решено поставить кресты. Восьмиконечные кресты, с двускатной кровлей, высотой от двух до двух-двух с половиной метров, на средней перекладине вырезано молитвенное обращение на первом – Святителю Николаю (в конце села), на втором – Иконе Богородицы Неопалимая купина (в центре села, недалеко от места, где случился пожар), третий – Архангелу Михаилу (на въезде в село, у дороги) (см. рис. 2). В 2006 г. мне довелось услышать мнение, что место для второго креста выбрано неверно: часовня стояла дальше, а крест установили на месте бани. Это привело к тому, что дожди обходят деревню стороной.

В с. Чернутьево (Мезень) в середине 1990-х гг. на холме у села был восстановлен крест пророку Илии (шестиконечный крест с двускатной кровлей, без надписей, высота около двух метров), сам холм носит название *Илля кыр*. По преданию крест исстари охраняет село от пожаров и молний, он установлен напротив холма *Карныpос*, где раньше стояла часовня, а в древности находился «чудской город».

Кресты-«заместители» на кладбищах верхней Вычегды сохранились по сей день (рис. 3). В начале 2000-х гг. в тех деревнях, где не было священника, у этих крестов по-прежнему проводились службы в дни общественных поминовений и деревенских праздников. Специально из дома жители приносили иконы, которые устанавливали на столе. Приведем слова информантов. «На кладбище приходим, по праздникам, или помянуть, сначала надо подойти к главному, большому кресту. Подойдешь к нему, постучишь, помолишься: “Примете меня, я пришла, родители”. Когда уходишь, тоже подходишь, стучишь, говоришь: “Вот, я приходила”. Они принимают» [зап. 2001 г., с. Пожег, Усть-Куломский район, Кучева А.Д., 1931 г.р.]. «19 августа – это праздник, к крестам ходили, теперь ходят на кладбище, сделали крест там, стол поставили, приносят иконы, бабы наши поют там много» [зап. 2001 г., Великополье, Усть-Куломский район, Пашнина А.Д., 1918 г.р.].

Памятные кресты воздвигают на месте разрушенных церквей и часовен как напоминание о событии (чудесном явлении, деянии святого), причем инициаторами могут выступать не только верующие, Церковь, но и общественные организации и районная администрация.

В конце 1990-х гг. памятный крест был воздвигнут в трех километрах от с. Мыёлдино (верхняя Вычегда), на месте разрушенной часовни Тихвинской иконы Божией Матери, в дер. Куръя-Дор на месте часовни Николая Чудотворца. По легенде сначала на том месте, где икона Тихвинской Божией Матери «вышла» на берег, поставили крест, а затем построили часовню. В годы советской власти часовня была уничтожена, на этом месте верующие установили два железных поминальных креста, рядом столик [30]. В начале 2000-х гг. при активном участии сельского священника в с. Мыёлдино было восстановлено еще несколько крестов [31. С. 188]. Функционально данные кресты близки обетным. В 2009 г. по инициативе районной администрации и Церкви памятные кресты на местах церквей были установлены в селах Троицко-Печорск и Усть-Илыч (верхняя Печора). Это металлические кресты, на которых прикреплены таблички с фотографией храмов и списками священников, там служивших, кресты были освящены (рис. 4).

Источник *Степан ёль* в дер. Селиб (Мезень) получил известность в 1995 г., когда в районе праздновали день Коми книги, приуроченный 600-летию со дня успения Стефана Пермского. В июне 1995 г. легенда о том, что Стефан «оставил какой-то знак» у этого ключа, была напечатана в районной газете [32. С. 3]. По эскизам профессиональных художников был сделан деревянный крест, который установили у источника через несколько недель при большом стечении народа. После публикации статьи в районной газете, информация о том, что Стефан Пермский поставил на этом месте крест, распространилась среди жителей соседних сел. В настоящее время одно из названий источника – *Степан Великий Креста ва* (букв. вода возле креста Стефана Великого). В начале 2000-х гг. крест и источник были освящены местным священником.

В середине 1990-х гг. в некоторых селах Республики Коми у памятников героям Великой Оечественной войны по инициативе местных жителей появляются кресты, имеющие памятную и поминальную функции. Деревянный крест есть у памятника в дер. Половники Княжпогостского района (Вымь). В с. Пысса (Мезень) по инициативе председателя сельсовета рядом со старым памятником установили бетонный крест, на который прикрепили плиту с именами павших солдат. В с. Пучкома (Вашка) в середине 1990-х гг. у памятника установили деревянный восьмиконечный крест с двускатной кровлей (такие же устанавливаются по обету и на могилах). В 2002–2003 гг. деревянный крест обветшал и был заменен шестиконечным металлическим. Установление креста у памятника павшим воинам было значимо для местной религиозной общины [33].

Во многих сельских населенных пунктах появились мемориальные кресты жертвам репрессий, кресты на местах массовых захоронений заключенных ГУЛАГа. Увековечением памяти жертв репрессий занимаются не только общественные организации, но и местные власти, иногда инициатива исходит и от местных жителей.

Освятительные кресты в настоящее время устанавливаются сельскими священниками у почитаемых источников и других природных объектов. Отметим, что в большинстве случаев кресты, иногда и часовни стояли у этих памятников в начале XX в. Недалеко от дер. Сельиб (р. Мезень) находится *Ӧбраза ёль* (букв. ключ с образом). Согласно местному преданию на дереве у источника был явлен образ Иоанна Крестителя. В начале 2000-х гг. во время освящения источника недалеко от источника был установлен крест. После освящения источника священник указал верующим, что бросать монеты («выкупать воду») не следует, несмотря на это часть местных жителей продолжает придерживаться существующей традиции, хотя помнит о словах священника.

Рис. 3. Крест-«заместитель» на кладбище дер. Кекур, Усть-Куломский район, 2001 г. Фото В.В. Власовой

Рис. 4. Установление памятного креста в пгт. Троицко-Печорск, Троицко-Печорский район Республики Коми, 2009 г. Фото В.В. Власовой

Кресты у источников были воздвигнуты в с. Иб (р. Сысола, более 12 источников: Николая Чудотворца, Феодосия Тотемского, Архистратига Михаила, Параскевы Пятницы, «Двенадцати апостолов» и др.). В дер. Эжолты (Вычегда) в 2008 г. четырехметровый крест был установлен у валуна, на котором, согласно легенде, приплыл Стефан Пермский.

Сельские священники, являющиеся инициаторами воздвижения креста (у почитаемых природных объектов, на месте разрушенных церквей), освящения существующих памятников, таким образом санкционируют почитание и в какой-то мере контролируют народные религиозные практики, которые не всегда соответствуют церковному канону (чтение заговорных текстов, «выкуп» воды и т.п.).

Несмотря на десятилетия вытеснения религии из публичной жизни, воздвижение креста воспринималось и воспринимается сельским сообществом как один из действенных способов оградить и защитить себя от различных напастей. В советский период верующие смогли сохранить отдельные кресты; более того, появились немногочисленные памятники, которые были связаны с индивидуальными обетами и поминовением умерших. На верхней Вычегде кресты-«заместители» на кладбищах стали своеобразными «центрами» религиозной жизни сельского сообщества: здесь проходили не только поминальные, но и праздничные службы. Во многих селах память о святыне продолжала оставаться актуальной для конкретного сельского коллектива и после разрушения / утраты памятника, а как только появилась возможность, кресты были восстановлены.

Отметим, что форма креста (шести-, восьмиконечные, с двускатной кровлей) оказалась наиболее устойчивой: она характерна для всех сельских районов проживания коми. Размеры отдельно стоящих крестов различны (от полутора до двух с половиной метров), могут отличаться даже в пределах одного поселенческого куста. На большинстве современных крестов надписи и резьба либо отсутствуют, либо весьма упрощены.

Как было отмечено ранее, в 1930–1980-е гг. религиозные практики приобрели преимущественно приватный / частный характер, были вытеснены на периферию общественной жизни и культурного ландшафта села. В конце 1980-х гг. происходят значительные изменения в религиозной жизни села, причем инициаторами восстановления памятников (церкви, часовни, креста), как правило, были местные жители. В настоящее время инициаторами воздвижения креста могут быть не только верующие и Церковь, но и общественные организации, и местные власти, что иллюстрирует характерный для современного российского общества дрейф православной идентичности от религиозной к культурной.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Коми край – районы проживания коми-зырян, входившие до первой половины XX в. в состав Архангельской и Вологодской губерний, территория современной Республики Коми.

[2] Бурсьилысьяс (букв. певцы добра) – религиозное движение, возникшее в конце XIX в. на верхней Вычегде, совместившее ритуальные практики официальной Церкви и русских мистических сект. Богослужения включали в себя проповеди и толкования Священного Писания, пение религиозных песен и гимнов на коми языке. Признаком особой благодати считались видения, пророческие дары [20. С. 218–222].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гнутова С.В.* От редактора // Ставрографический сборник. Кн. II. Крест в православии / сост., науч. ред. С.В. Гнутова. М. : Изд-во Московской Патриархии ; Древлехранилище, 2000. С. 5–11.
2. *Святославский А.А., Трошин А.А.* Крест в русской культуре. Очерк русской монументальной ставрографии. М. : Древлехранилище, 2000. 175 с.
3. *Теребихин Н.М.* Метафизика Севера. Архангельск : Поморский университет, 2004. 272 с.
4. *Иванова А.А., Калуцков В.Н., Фадеева Л.В.* Святые места в культурном ландшафте Пиннежья (материалы и комментарии). М. : ОГИ, 2009. 512 с.
5. *Виноградов В.В.* Почитаемое место // Мифология и религия в системе культуры этноса. Материалы II Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб. : РЭМ, 2003. С. 61–63.
6. *Панченко А.А.* Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб. : Алетейя, 1998. 305 с.
7. *Щепанская Т.Б.* Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: к проблеме локальных групп. СПб. : МАЭ РАН, 1995. С. 110–175.
8. *Кормина Ж.В.* Религиозность русской провинции: к вопросу о функции сельских святынь // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии / под ред. Ж.В. Корминой и др. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. С. 134–149.
9. *Черных А.В.* Символы православия в топографии русской деревни (по материалам южных районов Пермской губернии) // Ставрографический сборник. Кн. I : сб. статей / науч. ред. С.В. Гнутова. М. : Древлехранилище, 2001. С. 293–296.
10. *Пермиловская А.Б.* Крест в культурном ландшафте Русского Севера // Вестник Поморского университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 6. С. 86–91.
11. *Ермакова Е.Е., Лискевич Н.А.* Сакральная география ижемцев нижнего Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 168–176.
12. *Голубкова О.В.* Священные кресты ижемских коми (по материалам экспедиции 2003 г. в Ижемском районе республики Коми) // Полевые финно-угорские исследования. Архив. Полевые отчеты и дневники. URL: http://www.komi.com/pole/archive/pole/7.asp
13. *Голубкова О.В.* Этнокультурное взаимодействие северных коми-зырян и русских в сфере сакрального символизма // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 3. С. 101–111.
14. *Чувьюров А.А., Шарапов В.Э.* Местночтимые святыни у современных верхнее-вычегодских коми // Живая старина. 2006. № 2. С. 23–26.
15. *Шарапов В.Э.* Живая традиция: заветные и храмовые праздники у современных сельских коми // Христианство и язычество народа коми. Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 2001. С. 148–168.
16. *Панюков А.В., Савельева Г.С.* Храмовые и заветные праздники в Коми крае (по полевым архивным материалам) // Paleoslavica. 2006. Vol. XIV. С. 262–286.
17. *Чувьюров А.А., Смирнова О.Н.* К типологии деревянных крестов у коми-зырян // Этническое единство и специфика культур. Материалы Первых Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб. : РЭМ, 2002. С. 78–83.

18. *Власова В.В., Шарапов В.Э.* Местночтимые сельские святыни в религиозной традиции современных православных коми // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 3. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. Архангельск : Изд-во Помор. ун-та, 2008. С. 231–241.
19. *Жеребцов И.Л., Рогачев М.Б.* Религиозная ситуация в Коми крае // История Коми с древнейших времен до конца XX в. Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 2004. Т. 2.
20. *Гагарин Ю.В.* История религии и атеизма народа коми. М. : Наука, 1978.
21. *Засодимский П.В.* Лесное царство. М. : Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1908. 143 с.
22. *Безсонов Б.* Поездка по Вологодской губернии в Печорский край к будущим водным путям на Сибирь. СПб. : Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1909. 232 с.
23. *Рогачев М.Б.* Время против религии. Сыктывкар : Коми книж. изд-во, 1986. 135 с.
24. *Власова В.В., Шарапов В.Э.* Региональное / локальное в традиции почитания Св. Параскевы у коми-зырян // Европейский Север: локальные группы и этнические границы. Сыктывкар, 2012. (Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 71). С. 162–182.
25. *Наумова И.* Престольные и заветные праздники у коми (по материалам фольклорно-этнографических школьных экспедиций на Удору, Сысолу, верхнюю Вычегду в 1999 году) // Ученическое историко-краеведческое общество «Надежда науки». URL: http://uikno.narod.ru/DOC/DOKL/DOKL_N.HTM
26. *Гунн Г.П.* По нижней Печоре. М. : Искусство, 1979. 160 с.
27. *Сивкова А.* Ижемские бурки из старинного села Сизябск пользуются спросом по всей России // Республика. 2011. № 48 (4445). URL: http://www.gazeta-respublika.ru/article.php/36160
28. *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2005. 311 с.
29. *Чувьюров А.А.* Внехрамовые службы коми православного сельского населения: молебны, почитаемые сельские святыни, паломничества (традиции и новации) // «Старое» и «новое» в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О.В. Белова. М. : Сэфер, Институт славяноведения РАН, 2012. С. 282–313.
30. *Суворов Е.* Несбывшееся пророчество // Вера (Эском). 1999. № 344. URL: http://www.rusvera.mrezha.ru/344/main.htm
31. *Chuvyurov A., Smirnova O.* Confessional Factor in the Ethno-Cultural Processes of the Upper-Vychegda Komi // Pro Ethnologia. 15. Multiethnic Communities in the Past and Present. Tartu, 2003. C. 169–196.
32. *Цынгина А.* Стефан Великий – создатель коми алфавита // Выль туйод. Июнь. 1995.
33. *Шарапов В.Э., Власова В.В.* Символическое структурирование пространства у современных православных коми // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 4. С. 45–49.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 июля 2014 г.

DYNAMICS OF RELIGIOUS TRADITION IN THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS: EXALTATION OF THE CROSS IN THE KOMI VILLAGES

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 100-108. DOI 10.17223/15617793/390/18

Vlasova Victoria V. Komi Science Center of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: vv505@hotmail.com

Keywords: monumental cross; Russian Orthodox; religious practice; Komi-Zyrian.

The study of the Orthodox tradition of the raising of the cross is carried out within the frameworks of staurography (history of the Orthodox cross) developing in historical and art facets, folklore and ethnographic studies of the holy rural places. In Orthodoxy the exaltation of the cross was one of the most common variants of "acquiring" the holy status by a place. In this paper we consider the dynamics of the tradition of the raising of monumental crosses among the Komi-Zyrians in the 20th century: separate cases of exaltation of crosses and ritual practices associated with them. In the late 19th – early 20th centuries the exaltation of monumental crosses was wide spread in all areas inhabited by the Komi people. The situation changed radically in the 1920-1930s: churches were closed, most of the religious monuments were destroyed. As in other rural Russia's regions, veneration of holy places and church services without a priest were widespread among the Komi. Considering the various types of monuments (votive, protective, sanctifying, commemorative crosses and so-called "substitutive" crosses), the author concludes that despite the decades of displace of religion from public life, the exaltation of the cross was perceived by the rural community as one of the most effective ways to protect and defend themselves from various afflictions. During the Soviet period the faithful were able to maintain some crosses; moreover, some new monuments appeared, associated with individual vows and the commemoration of the dead. In the Soviet period, religious practices acquired mainly private character; they were pushed to the periphery of public life and the cultural landscape of the village. Significant changes occurred in the religious life of the village in the late 1980s. As a rule, local people initiated the restoration of monuments (churches, chapels, crosses). Currently, the initiators of the raising of the Holy Cross are not only believers and the Church, but also non-governmental organizations and local authorities, which illustrates drift of the Orthodox identity from religious to the cultural one in modern Russian society.

REFERENCES

1. Gnutova S.V. *Ot redaktora* [From the Editor]. In: Gnutova S.V. (ed.) *Stavrograficheskiy sbornik* [Staurography collection]. Moscow: Moscow Patriarchate; Drevlekhranilishche Publ., 2000. Book 2, pp. 5–11.
2. Svyatoslavskiy A.A., Troshin A.A. *Krest v russkoy kul'ture. Ocherk russkoy monumental'noy stavrografii* [Cross in Russian culture. Essay Russian monumental staurography]. Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 2000. 175 p.
3. Terebikhin N.M. *Metafizika Severa* [Metaphysics of the North]. Arkhangelsk: Pomor State University Publ., 2004. 272 p.
4. Ivanova A.A., Kalutskov V.N., Fadeeva L.V. *Svyatye mesta v kul'turnom landshafte Pinezh'ya (materialy i kommentarii)* [Holy places in the cultural landscape of Pinezhsky District (materials and commentaries)]. Moscow: OGI Publ., 2009. 512 p.
5. Vinogradov V.V. [Revered place]. *Mifologiya i religiya v sisteme kul'tury etnosa. Materialy II Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chteniy* [Mythology and religion in the culture ethnic group. Materials of II St. Petersburg ethnographic readings]. St. Petersburg: REM Publ., 2003, pp. 61–63. (In Russian).
6. Panchenko A.A. *Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya. Derevenskie svyatyni Severo-Zapada Rossii* [Research in the field of public orthodoxy. Village shrines in Northwest Russia]. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 1998. 305 p.
7. Shchepanskaya T.B. *Krizisnaya set' (traditsii dukhovnogo osvoeniya prostranstva)* [Crisis Network (tradition of spiritual development of space)]. In: Bernshtam T.A. (ed.) *Russkiy Sever: k probleme lokal'nykh grupp* [Russian North: the problem of local groups]. St. Petersburg: MAE RAN Publ., 1995, pp. 110–175.

8. Kormina Zh.V. *Religioznost' russkoy provintsii: k voprosu o funktsii sel'skikh svyatyn'* [Religiosity of Russian province: the question of the function of rural shrines]. In: Kormina Zh.V. et al. (eds.) *Sny Bogoroditsy. Issledovaniya po antropologii religii* [Dreams of Virgin. Research on the anthropology of religion]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg Publ., 2006, pp. 134–149.
9. Chernykh A.V. *Simvoly pravoslaviya v topografii russkoy derevni (po materialam yuzhnykh rayonov Permskoy gubernii)* [Symbols of Orthodoxy in the Russian village topography (based on southern areas of the province of Perm)]. In: Gnutova S.V. (ed.) *Stavrograficheskiy sbornik* [Staurography collection]. Moscow: Moscow Patriarchate; Drevlekhranilishche Publ., 2001. Book 2, pp. 293–296.
10. Permilovskaya A.B. Krest v kul'turnom landshafte Russkogo Severa [Cross in the cultural landscape of the Russian North]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2010, no. 6, pp. 86–91.
11. Ermakova E.E., Liskevich N.A. Sacral geography of Izhemtsy from Low Ob' area. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*, 2011, no. 1 (14), pp. 168–176. (In Russian).
12. Golubkova O.V. *Svyashchennye kresty izhemskikh komi (po materialam ekspeditsii 2003 g. v Izhemskom rayone respubliki Komi)* [Holy crosses of Izhma Komi (based on the 2003 expedition in Izhma district of the Komi Republic)]. In: *Polevye finno-ugorskie issledovaniya. Arkhiv. Polevye otchety i dnevniki* [Field Finno-Ugric studies. Archive. Field reports and diaries]. Available from: http://www.komi.com/pole/archive/pole/7.asp.
13. Golubkova O.V. Ethno-Cultural Interaction of the Northern Komi-Zyrians and the Russians in the Realm of Sacral Symbolism. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2006, no. 3, pp. 101–111. (In Russian).
14. Chuv'yurov A.A., Sharapov V.E. Mestnochtimye svyatyni u sovremennykh verkhnee-vychegodskikh komi [Local shrines in modern Upper-Vychegodsk Komi]. *Zhivaya starina*, 2006, no. 2, pp. 23–26.
15. Sharapov V.E. *Zhivaya traditsiya: zavetnye i khramovye prazdniki u sovremennykh sel'skikh komi* [Live tradition cherished and temple festivals of modern rural Komi]. In: *Khristianstvo i yazychestvo naroda komi* [Christianity and paganism of the Komi people]. Syktyvkar: Komi Publ., 2001, pp. 148–168.
16. Panyukov A.V., Savel'eva G.S. Khramovye i zavetnye prazdniki v Komi krae (po polevym arkhivnym materialam) [Temple and cherished holidays in the Komi region (on field archival materials)]. *Paleoslavica*, 2006, vol. XIV, pp. 262–286.
17. Chuv'yurov A.A., Smirnova O.N. [On the typology of wooden crosses of the Komi-Zyrians]. *Etnicheskoe edinstvo i spetsifika kul'tur. Materialy Pervykh Sankt-Peterburgskikh etnograficheskikh chteniy* [Ethnic unity and specific cultures. Proceedings of the First St. Petersburg ethnographic readings]. St. Petersburg: REM Publ., 2002, pp. 78–83. (In Russian).
18. Vlasova V.V., Sharapov V.E. [Local rural shrines in the religious traditions of contemporary Orthodox Komi]. *Pomorskie chteniya po semiotike kul'tury* [Pomor readings on the semiotics of culture]. Arkhangelsk: Pomor State University Publ., 2008. Issue 3, pp. 231–241. (In Russian).
19. Zherebtsov I.L., Rogachev M.B. *Religioznaya situatsiya v Komi krae* [The religious situation in the Komi region]. In: Smetanin A.F. (ed.) *Istoriya Komi s drevneyshikh vremen do kontsa XX v.* [Komi history from ancient times to the end of the 20th century]. Syktyvkar: Komi Publ., 2004. Vol. 2.
20. Gagarin Yu.V. *Istoriya religii i ateizma naroda komi* [History of Religion and Atheism of Komi people]. Moscow: Nauka Publ., 1978. 326 p.
21. Zasodimskiy P.V. *Lesnoe tsarstvo* [Forest kingdom]. Moscow: Tipografiya T-va I.D. Sytina Publ., 1908. 143 p.
22. Bezsonov B. *Poezdka po Vologodskoy gubernii v Pechorskiy kray k budushchim vodnym putyam na Sibir'* [A trip through the Vologda province in the Pechora region to the future waterways to Siberia]. St. Petersburg: T-vo R. Golike i A. Vil'borg Publ., 1909. 232 p.
23. Rogachev M.B. *Vremya protiv religii* [Time against religion]. Syktyvkar: Komi Publ., 1986. 135 p.
24. Vlasova V.V., Sharapov V.E. *Regional'noe/lokal'noe v traditsii pochitaniya Sv. Paraskevy u komi-zyryan* [Regional / local in the tradition of honoring St. Paraskeva by the Komi-Zyrians]. In: *Evropeyskiy Sever: lokal'nye gruppy i etnicheskie granitsy* [European North: local groups and ethnic boundaries]. Syktyvkar, 2012, pp. 162–182.
25. Naumova I. *Prestol'nye i zavetnye prazdniki u komi (po materialam fol'klorno-etnograficheskikh shkol'nykh ekspeditsiy na Udoru, Sysolu, verkhnyuyu Vychegdu v 1999 godu)* [Patronal and cherished holidays of the Komi (based on folklore and ethnographic school expeditions to Udoru, Sysola, Upper Vychegda in 1999)]. Available from: http://uikno.narod.ru/DOC/DOKL/DOKL_N.HTM
26. Gunn G.P. *Po nizhney Pechore* [Along the Lower Pechora]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. 160 p.
27. Sivkova A. Izhemskie burki iz starinnogo sela Sizyabsk pol'zuyutsya sprosom po vsey Rossii [Izhma burqa from the ancient village Sizyabsk are in demand all over Russia]. *Respublika*, 2011, no. 48 (4445). Available from: http://www.gazeta-respublika.ru/article.php/36160
28. Bernshtam T.A. *Prikhodskaya zhizn' russkoy derevni: Ocherki po tserkovnoy etnografii* [Parish life of the Russian countryside: Essays on the ethnography of the church]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2005. 311 p.
29. Chuv'yurov A.A. *Vnekhramovye sluzhby komi pravoslavnogo sel'skogo naseleniya: molebny, pochitaemye sel'skie svyatyni, palomnichestva (traditsii i novatsii)* [Out-of-temple services of the Komi Orthodox rural population: prayers, revered rural shrines of pilgrimage (tradition and innovation)]. In: Belova O.V. (ed.) *"Staroe" i "novoe" v slavyanskoy i evreyskoy kul'turnoy traditsii* [The "old" and the "new" in Slavic and Jewish cultural tradition]. Moscow: Sefer, Slavic Studies Institute RAS Publ., 2012, pp. 282–313.
30. Suvorov E. Nesbyvsheesya prorochestvo [Unrealized prophecy]. *Vera (Eskom)*, 1999, no. 344. Available from: http://www.rusvera.mrezha.ru/344/main.htm
31. Chuvyurov A., Smirnova O. Confessional Factor in the Ethno-Cultural Processes of the Upper-Vychegda Komi. *Pro Ethnologia*, 2003, 15, pp. 169–196.
32. Tsyngina A. Stefan Velikiy – sozdatel' komi alfavita [Stephen the Great - the founder of the Komi alphabet]. *Vyl' tuyod*, 1995, June.
33. Sharapov V.E., Vlasova V.V. Simvolicheskoe strukturirovanie prostranstva u sovremennykh pravoslavnykh komi [Symbolic structuring of space of modern Orthodox Komi]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2009, no. 4, pp. 45–49.

Received: 14 July 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 109–116. DOI 10.17223/15617793/390/19

УДК 940.3/4 (57) – 054.65

А.И. Гергилева, Д.Н. Гергилев

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОРПУС И ВОЕННОПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ (1918–1920 гг.)

Анализируются отношения чехословаков, поднявших мятеж в 1918 г. в России, и военнопленных Первой мировой войны, находящихся на территории Сибири и ставших участниками Гражданской войны. Делаются выводы о значении участия чехословацкого корпуса и военнопленных-интернационалистов в Гражданской войне на территории Сибири.

Ключевые слова: Чехословацкий корпус; Гражданская война; военнопленные Первой мировой войны; интернационалисты; Сибирь; немцы; австрийцы; мадьяры.

Тема отношений чехословаков, поднявших мятеж в 1918 г., и иностранных военнопленных Первой мировой войны, находившихся в лагерях России, в частности Сибири, самостоятельной не являлась. Исследователи не брались за данную проблему даже в рамках тем, посвященных собственно иностранным военнопленным Первой мировой войны или чехословацким политическим организациям и воинским формированиям в России в годы Первой мировой войны и двух революций. Хочется отметить, что основательные исследования по истории Чехословацкого корпуса, в том числе и истории участия зарубежных интернационалистов-военнопленных в революционной борьбе трудящихся России как в период Первой мировой войны [1], так и в период подготовки социалистической революции [2, 3], относятся к 60–80-м гг. XX в., когда у советских ученых появилась возможность использовать материалы зарубежных архивов. Вопросы взаимодействия Чехословацкого корпуса с Белым движением в годы Гражданской войны в России и участие в Гражданской войне иностранных военнопленных рассматривались в исследованиях Я. Квасничка, А.Х. Клеванского [4, 5].

Ряд работ связан с Октябрьской революцией и выявлением в ней роли участия военнопленных-интернационалистов, освещены некоторые особенности их деятельности в Сибири, создание их объединений в сибирских городах, борьба против мятежа белочехов, их участие в большевистском подполье – партизанском движении, работа среди интервентов и белогвардейцев, участие в восстановлении народного хозяйства [6–14].

Создание в исторической науке обстановки терпимости к различным оценкам и точкам зрения на происходившие события и явления в отечественной истории позволили исторической науке выйти на новый рубеж в изучении как истории Чехословацкого корпуса в России, так и участия иностранных военнопленных в Гражданской войне в России. Эта проблема частично нашла свое отражение в ряде монографий, книг, научных статей [15–18], диссертаций [19–21].

Некоторые современные авторы справедливо считают, что изучение истории Чехословацкого корпуса в России необходимо для понимания соотношения в событиях Гражданской войны ролей местных антибольшевистских сил и сил иностранных интервентов, а также для оценки степени самостоятельности антибольшевистских сил [22, 23].

Выход из Первой мировой войны России после подписания Брестского мира стал катализирующим фактором наступления Гражданской войны в стране. Война вовлекла в свою орбиту часть военнопленных, отодвинула их возвращение на родину на срок до окончания военных действий между противоборствующими сторонами и установления легитимной власти в России, способной осуществить международные обязательства в отношении вопроса, касающегося прав военнопленных. Революции в Германии и Австро-Венгрии, военные действия в западных областях России также прервали переговорный процесс и эвакуацию военнопленных.

К 1917 г. в России насчитывалось более 400 лагерей военнопленных, в том числе в Иркутском военном округе – 30, в Омском – 28 [8. С. 69]. В соответствии с данными 5 делопроизводств по части военнопленных Центропленбежа на 1 января 1918 г. числилось 210 003 человека в Омском военном округе, 140 957 человек – в Иркутском военном округе [24. Л. 3 об., 4].

Многое сделали как большевики для формирования отрядов интернационалистов из военнопленных, в основном из венгров, австрийцев, немцев, так и генералы белой армии в привлечении к военным действиям против большевиков легионеров Чехословацкого корпуса. Ставка в использовании интернациональной силы была сделана на национальную неприязнь между венграми, австрийцами, немцами, с одной стороны, и чехословаками – с другой.

Выполняя обязательства перед Германией, советское правительство согласилось пропустить эшелоны Чехословацкого корпуса, которые являлись союзными войсками держав Согласия, через свою территорию до Владивостока. 26 марта 1918 г. в Пензе представители Совета народных комиссаров и Чехословацкого корпуса подписали соглашение, в котором гарантировалась беспрепятственная отправка чешских подразделений от Пензы к Владивостоку. Примечательно, что в целом Чехословацким корпусом тогда никто не командовал. Прежнего командующего корпусом русского генерала В.Н. Шокорова формально уже сменил профессор философии Т. Масарик, ни дня до этого не служивший в армии и находившийся, к тому же, в то время в Париже. Формально корпус числился уже в составе французской армии, поскольку никакой Чехословакии как государства в то время еще не было, а Российская империя, в армию которой ранее входил корпус, прекратила существование.

Начиная с лета 1917 г. был распространен слух, под явным давлением стран Центрального блока, о том, что «военнопленные организуются для захвата сибирской магистрали». 2 апреля 1918 г. Центральный исполнительный комитет (ЦИК) Советов Сибири категорически отверг претензии Антанты «о массовом вооружении военнопленных», которые нарастали [25. Л. 3]. ЦИК Советов Сибири заявил в специальном меморандуме, что «вооружаются исключительно социалисты-интернационалисты, враги империализма. Вооружение было предпринято во время начала немецкого вторжения в Россию. Прекращение военных действий с Германией, имеющее место в настоящее время, позволило использовать эти крепкие социалистические отряды для защиты рабочей республики против покушений со стороны контрреволюционеров внутри страны…» [26. С. 222].

Очевидно, что чешские подразделения рассматривались ЦИК Сибири как сторонники контрреволюционного движения против советской власти. К тому же под явным давлением со стороны посла Германии в России графа Мирбаха нарком иностранных дел Чичерин отправил 21 апреля срочную телеграмму в адрес Красноярского совета (№ 1 084): «Опасаясь японского наступления в Сибири, Германия требует немедленного и скорейшего проведения эвакуации германских пленных из Восточной Сибири в Западную или Европейскую Россию. Просим принять все меры. Чехословацкие отряды не должны продвигаться на восток». С этого момента темп продвижения чешских эшелонов по Транссибирской железной дороге замедлился, эшелоны по нескольку суток простаивали почти на каждой станции.

Для наблюдения за продвижением чехословацких эшелонов по Сибирской магистрали Чешским национальным советом были назначены свои комиссары в Челябинске, Омске, Новониколаевске, Красноярске, Иркутске и Чите. «С первым проследовавшим эшелоном проехал во Владивосток Чешский национальный совет в составе: Гаусаки, Гурбаль, Дохсер и командующий чешским корпусом генерал Дитерихс» [27. Л. 3]. Когда Чешский национальный совет проезжал через Красноярск, то на вокзале его встречал представитель Красноярского губисполкома Г. Вейнбаум. «В беседе с членами Национального совета т. Вейнбаум предупредил их о том, что с продвижением чехословацких эшелонов могут быть затруднения в виду слабой провозоспособности Сибирской магистрали и загруженностью её продовольственными грузами» [Там же. Л. 4]. Особые затруднения, по словам уполномоченного народным комиссаром по иностранным делам в Сибири Г. Вейнбаума, могли возникнуть по Амурской железной дороге, где происходили военные действия между Красной гвардией и бандами есаула Семенова. Не видя выхода из этого положения и считаясь с исполнением своих принципов, чехословаки, согласно постановлению, вынесенному на съезде их собрания командного состава, решили двигаться вперед к намеченной цели.

Первые отдельные эшелоны проехали по Сибирской железнодорожной магистрали еще в начале апреля. Ситуация была двойственной. Местные исполнительные комитеты были не посвящены в «большую» политику центральной власти и разбирались с проблемами, возникающими на их территории. Так, красногвардейцы, сражавшиеся против банд атамана Семенова в районе Забайкальской железной дороги, получили информацию о том, что «идут чехословаки, которые стоят на стороне Советской власти, они идут воевать против атамана Семенова, их нужно встретить как своих братьев» [28. Л. 4]. Чехи, по воспоминаниям очевидцев, встречавших один из первых эшелонов, следовавших на Восток, вели себя уверенно, когда эшелон отправился со станции Боготол, было произведено несколько выстрелов из пулеметов и винтовок в воздух [Там же. Л. 5]. Красногвардейцы это действие расценили как салют. Чехи, скорее всего, демонстрировали силу.

К маю на станции Нижнеудинск стояли два эшелона чехословацких солдат. На одном из заседаний уисполкома рассматривался план первомайской демонстрации. На утверждение был внесен порядок демонстрации, по которому впереди должны были идти рабочие железнодорожники, за ними военнопленные, а потом чехословаки. Представители чехословаков запротестовали, заявив: «У пленных немцев, мадьяр и австрийцев на фуражках ещё кайзеровские кокарды, а мы вместе с русскими воевали против немцев, мы коммунисты-большевики и не желаем быть в хвосте колонны, да еще сзади военнопленных» [29. Л. 5]. Требование их было удовлетворено, на демонстрации они шли за рабочими депо, а на митинге выступали как убежденные большевики. Учитывая последнее обстоятельство, местные красногвардейцы не могли полагать, что чехословаки выступят на стороне белогвардейцев.

В течение апреля – начала мая 1918 г. взаимоотношения между советской властью и чехословаками начали быстро ухудшатся. Чехословацкий корпус оказался заложником «большой политики», международных альянсов России, Франции и Германии [26. С. 327, 356, 357, 384–387].

Советская власть начала вести работу по формированию силы, способной к борьбе с контрреволюционным движением. Одними из первых на призыв отозвались военнопленные, особенно военнопленные Австро-Венгерской и Германской империи (не славяне).

Сначала движение среди военнопленных не имело организованного руководства, несмотря на присутствие в Москве Австросовета [30. С. 68]. «Совет бывших австро-венгерских граждан в советской России» революционным порядком перенял дела Австро-Венгерской миссии по делам военнопленных 6 ноября 1918 г. и был признан всеми советами на местах своим центром [31. Л. 1]. Австросовет, занятый организационными делами, такими как признание его единственным представителем прав граждан бывшей Австро-Венгрии в России, не мог выделить время на рассмотрение вопросов об организации вооруженных отрядов из военнопленных. Поэтому возникновения вооруженных отрядов из военнопленных носили поначалу случайный характер и развивались лишь там, где больше всего разгоралась гражданская борьба.

Значение вооружения военнопленных, стоявших на платформе советской власти, и их использование в борьбе с контрреволюцией в первую очередь осознали местные советы и находящиеся при них органы Губчека.

Из сформированных отрядов интернационалистов на территории Сибири особенно выделялись отряды интернационалистов: в Омске – 300 человек; Томске – батальон численностью более 300 человек; Новониколаевске – 800 человек; Красноярске – отряд численностью около 200 бойцов; Иркутске – около 300 человек [10. С. 13, 35, 38; 32. С. 87; 33. С. 66], как активные участники гражданской борьбы в Советской России.

Помимо этого, имелось бесчисленное количество мелких отрядов интернационалистов при штабах фронтов, армий, уездных исполнительных комитетов и уездных чрезвычайных комиссиях, которые никакой регистрации и учету не подвергались.

Вопрос об использовании военнопленных для вооруженной борьбы с контрреволюцией, решенный практически на местах, не находил своего разрешения в Центре. Наркомвоен Л.Д. Троцкий, как видно из его приказов, колебался в вопросе использования военнопленных во внутренних распрях России. Опираясь на опыт с чехословацкими легионерами, он признал необходимым организацию вооруженных отрядов из военнопленных по национальному признаку не свыше одного батальона [30. С. 69].

Несмотря на эти директивы, никто на местах с ними не считался, в отряды интернационалистов принимались все военнопленные без различия национальностей, и на фронтах наравне с чехами дрались немцы, венгры, сербы и др. Так, например, из сообщения начальника чешского отряда Красной армии Ярослава Гашека явствует, что его отряд начал формироваться 15 апреля 1918 г. из чехословаков и сербов, не желающих выехать во Францию с корпусом. «Все поступили в отряд по своему убеждению и осознанию для углубления революции… Число членов к 27 мая 1918 г. 120 человек. Из них 2/3 чехословаков и 1/3 сербов, но я убежден, что в течение месяца мы сформируем несколько рот-полк, т.к. наша агитация теперь успешно действует» [34. Л. 47].

В 1918 г. в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии и белых армий сражались 300 тыс. интернационалистов (среди них следует отметить, например, И. Броз Тито, И. Надя, Б. Куна) и 127 тыс. легионеров из числа бывших военнопленных [35. С. 630].

Общую координацию действий чехословацкого корпуса с 23 мая принял на себя «Временный исполнительный комитет чехословацкого войска». Этот чрезвычайный орган немедленно разослал всем поездам и частям корпуса приказ: «Оружия нигде советам не сдавать, самим столкновений не вызывать, но в случае нападения защищаться, продвижение на восток продолжать собственным порядком» [23. С. 59]. Вот это-то движение, в связи с попытками советской власти помешать ему, и явилось тем роковым для большевиков моментом, который решил их судьбу.

Открытие военных действий против большевиков началось почти одновременно в Челябинске, Новониколаевске, Мариинске и Нижнеудинске. 27 мая С. Войцеховский взял Челябинск. В тот же день Гайда телеграфирует по всей линии: «Всем эшелонам чехословаков. Приказываю по возможности сейчас же наступать на Иркутск. Советскую власть арестовывать. Отрезать Красную Армию, оперирующую против Семенова» [36. Л. 31]. В Новониколаевске руководство восстанием взял на себя капитан Р. Гайда, полковник и командир отряда действующего восточнее Омска, в Мариинске – капитан Кадлец. Получив известия о выступлении чехословаков в Мариинске и Канске, Красноярский губисполком на закрытом заседании 29 мая 1918 г. принял решение направить туда около 200 бойцов-интернационалистов [37. Л. 1].

Сводка Штаба Чехословацкого корпуса действующего на Восточном фронте за 22 июня гласит: «27 мая занят Нижнеудинск, Новониколаевск, Мариинск. 31 мая – Канск. 10 июня – Омск. 20 июня наши войска прошли через Красноярск. Железнодорожная линия от Самары на Волге до Нижнеудинска в наших руках. Так же и железнодорожная линия – Новониколаевск – Барнаул, Омск – Тюмень» [38]. Очевидно, что вся Транссибирская магистраль оказалась в руках чехов.

В первых боях с чехословаками вместе с частями Красной армии сражались отряды красноармейцев-интернационалистов. В Новониколаевске к моменту выступления чехов находилось небольшое количество советских войск. В военном городке располагался интернациональный батальон им. Карла Маркса, сформированный из бывших военнопленных, преимущественно венгров. В Барнауле имелось несколько небольших плохо обученных и слабо вооруженных отрядов Красной гвардии численностью 500 человек и рота интернационалистов, насчитывавшая 200 бойцов [8. С. 83–86].

В июне 1918 г. положение на Сибирской железной дороге в связи с продвижением чехов на Восток было таково: «Один эшелон находился на станции Иркутск, два на станции Иннокентьевская, один – Нижнеудинск, один – в Канске два – в Мариинске, два в Новониколаевске, один в Кургане и четыре – в Челябинске» [39]. Под прикрытием чешских штыков на всем востоке России стали формироваться антибольшевистские правительства, организовались белые армии – Народная армия Комитета членов Учредительного собрания в Поволжье и Сибирская армия Временного Сибирского правительства.

Совет министров Временного Сибирского правительства 30 июля 1918 г. выдал Грамоту чехословацким эшелонам, в которой говорилось о том, что Сибирское правительство «почитает долгом чести открыто и с благодарностью признать, что в общем ходе действий чехословацкие войска играют огромную роль, как в ускорении момента повсеместного признания его власти, так и в неизменной успешности военных действий» [Там же].

Летом 1918 г. политический деятель Чехословакии Э. Бенеш предложил сформировать на территории Чехословакии антисоветскую армию из пленных с тем, чтобы организовать одновременный удар этих войск с запада и войск чехов и белых с востока [40. С. 226].

Выступление чехословаков в Восточной Сибири слилось в единый фронт с белым движением на Забайкальском фронте. «Большевистские банды бегут, не задерживаясь даже на станциях. Паника среди них принимает катастрофический характер», – так писала право-эсеровская газета «Народная Сибирь» в 1918 г. Из воспоминаний А.С. Гендлина, активного участника большевистского подполья: «Пароход, привезший пленных большевиков, пришел в Красноярск 26 июля 1918 года. …стали выводить и строить в ряды пленных для отправки в тюрьму. Конечно, при этом били. Конвоировали чехи… Чехи били прикладами ружей» [41. Л. 1–1 об.].

Местное население тех территорий, которые без особых трудностей занимали чехословацкие эшелоны, встречало их поначалу с энтузиазмом. «…все пленные, жительствовавшие в Красноярске, заявили <…> что желают пока остаться (в плену. – *А.Г., Д.Г.*) и не хотят ехать в Красноярск или быть отпущенными на свободу, боясь, что по прибытии они снова получат от Советской власти требование вступать в ряды Красной гвардии» [42]. 1 августа 1918 г. профессор Т. Масарик в Париже выпустил «воззвание» к «братьям-легионерам» в России, в котором особо подчеркивал, что врагами чехов в России «являются немцы и австрийцы, а также те единицы и части русского общества, которые соединились с ними против чехословаков и их союзников» [23. С. 60].

Тем не менее политика репрессий в отношении военнопленных началась, например, в Енисейской губернии, сразу после занятия чехословаками города Красноярска. На территории Енисейской губернии вышли приказы командующего войсками Енисейского района полковника Гулидова № 7 и 8 от 28 июня и 8 июля соответственно. В приказах предписывалось военнопленным, проживающим в г. Красноярске, «в трехдневный срок явиться к коменданту лагеря военнопленных, которому принимать и водворять их в лагерь. …по истечению трехдневного срока все предприятия, учреждения и частные лица, у которых будут обнаружены проживающие или служащие военнопленные, будут привлечены, как и сами военнопленные, к судебной ответственности» [43. Л. 2].

К судебной ответственности согласно Приказу № 8 привлекались лица, ответственные за военнопленных, а военнопленные заключались в тюрьму за «свободное хождение по городу», не связанное с их службой в тех или иных учреждениях, за неимением на левом рукаве белой повязки с буквами «В.П.», за неуставное приветствие «при встрече с военнослужащими Сибирской армии и чехословаками», за участие в «каких бы то ни было профессиональных союзах и организациях» [Там же. Л. 3].

18 июля 1918 г. вышел приказ № 16, в котором оговаривались еще более строгие меры в отношении военнопленных. Всех военнопленных обязывали явиться к коменданту военного городка с имеющимися у них удостоверениями. «Все удостоверения, выданные на право жительства в городе военнопленным, должны быть подписаны комендантом военного городка и заведующим охраной чехословацкого караула в лагере военнопленных с должностными печатями… Без должностных печатей и подписей упомянутых лиц» удостоверения считались недействительными [43. Л. 4]. Военнопленные, не явившиеся для проверки документов, «будут подвергаться самым строгим наказаниям военного времени» [Там же].

Таким образом, политическая власть при поддержке сильной военной власти, заработавшей себе авторитет на удавшейся попытке противопоставить себя советской власти, разделяла бразды административного правления на занимаемой территории.

В августе 1918 г. правительство Франции попыталось взять под свой контроль действия Чехословацкого корпуса. Для этого в Сибирь был направлен генерал Жанен с заданием организовать Восточный фронт против Германии и лояльных ей большевиков. Однако генерал Жанен добрался до Омска только в декабре 1918 г., когда ситуация в мире и настроения бойцов Чехословацкого корпуса кардинально изменились. В октябре 1918 г., когда стало ясно, что Германия и Австро-Венгрия вот-вот капитулируют, чехословаками все больше овладевало желание скорее вернуться домой. Некоторые части стали оставлять фронт, грузиться в эшелоны и отправляться на восток. Из-за таких настроений бойцов корпуса 25 октября застрелился командир 1-й Чехословацкой дивизии полковник Йозеф Швец. 28 октября 1918 г. Чехословакия стала независимой, и когда эта весть достигла корпуса, чехословаки в начале ноября начали процесс эвакуации из Уфы и Челябинска. Между тем война в Европе закончилась. Тема антигерманского фронта в России себя исчерпала. Легионеры больше не видели смысла воевать за антибольшевистские режимы – от либерально-демократических до монархо-диктаторских.

18 ноября 1918 г. в Омске произошел переворот, в результате которого во главе Белого движения на востоке России стал адмирал А.В. Колчак. Чехи весьма сдержанно отнеслись к подобному акту смены власти: «…несмотря на переворот… войска будут сражаться против большевиков» [44].

К этому времени (конец зимы и весна 1918–1919 гг.) чешская армия располагалась в тылу. Район их расположения начинался близ Омска и дальше тянулся на восток к Иркутску. Под Томском, около ст. Томск-2, был расположен целый чешский городок: дома здесь заменяли железнодорожные теплушки. Рельсы были проложены в несколько рядов и из эшелонов получались целые улицы. Под Томском стояла 1-я Чехословацкая стрелковая дивизия. То же самое можно было наблюдать и в Красноярске, в месте расквартирования 3-й стрелковой дивизии. Несколько больших зданий занимали чехи в центре города, под их контролем находился весь Военный Городок. Дальше на восток: на ст. Клюквенная, на ст. Иланская и около неё в городе Канске, в Тайшете, в Нижнеудинске, Черемхове, весь Иркутск с пригородами. Во всех этих местах располагались по преимуществу пехота и артиллерия. На юге же от Новониколаевска к Барнаулу, к Бийску – по преимуществу чешская кавалерия. Тем не менее боеспособность корпуса продолжала падать. Его части еще участвовали в охранных и карательных операциях против красных партизан от Новониколаевска до Иркутска, но главным образом

их задействовали на хозяйственных работах: ремонте локомотивов, подвижного состава, железнодорожных путей. В ряде промышленных центров были открыты мастерские, на которых легионеры изготавливали обувь, конскую упряжь, шили униформы. На одном из таких предприятий в Екатеринбурге ежемесячно выпускалось около 15 тыс. пар сапог. Более половины из них поставлялись белогвардейским войскам.

По воспоминаниям Е.Е. Колосова, одного из видных деятелей партии социалистов-революционеров, «характерной чертой Красноярской жизни, как и вообще жизни сибирской, было многовластие» [45. С. 122]. Так, в Красноярске, кроме русской администрации, существовала ещё полувоенная администрация чеховойск. По замечанию того же Е.Е. Колосова «эта власть в некотором отношении более серьезная, чем власть русская» [Там же]. В Приказе Командующего Восточным фронтом полковника Гайды говорилось: «…все военнопленные, подданные центральных держав, если они действуют совместно с советскими войсками и будут пойманы с оружием в руках в бою, подлежат расстрелу или повешению…» [46. С. 146].

В связи с ухудшающимся экономическим положением в Сибири к лету 1919 г. Временное Сибирское правительство приняло новые Правила отпуска военнопленных на работы казенные, общественные и частные [47], которые значительно усугубили и без того тяжелое моральное, материальное и духовное положение военнопленных. Показательно в этом отношении вооруженное восстание 30 июля 1919 г. в военном городке Красноярска. Военнопленных в военном городке Красноярска тогда находилось более 8 000 человек. Активную работу среди военнопленных городка развернули красноярские большевики. Благодаря этому еще ранней весной 1919 г. здесь была создана подпольная организация венгров-коммунистов [48. Л. 5].

В ночь на 30 июля вспыхнуло вооруженное восстание среди части русского гарнизона и военнопленных, находившихся в военном городке, но силами чехословацких войск восстание было подавлено. Лагерь военнопленных заняли белочехи, потребовали выдать венгров-подпольщиков. 2-м батальоном 12-го чехословацкого полка «на основании сообщения контрразведки о существовании внутри лагеря военнопленных тайной организации, преследующей большевистские цели… был произведен обыск» [49]. В результате обыска в Красноярском лагере военнопленных было обнаружено много венгерской литературы враждебного агитационного содержания против чехословаков.

На запрос датского консула в Иркутске, под защитой которого находились военнопленные, представитель чехословацкого правительства Благош дал следующий ответ по вопросу о причинах расстрела венгерских военнопленных: «Вследствие результатов обыска по приказанию командира чехословацкой дивизии и начальника чехословацкого гарнизона в г. Красноярске была назначена следственная комиссия, снабженная правами скорого военно-полевого суда» [48. Л. 1]. «Комиссия эта… установила, что среди венгерских военнопленных существовала тайная организация с целью агитации и пропаганды, а также для организации преступных действий против чехословацкой армии в России, что эта организация, зная тогдашнее положение между Чехословацкой и Венгерской республиками, подготавливала вооруженное нападение на чехословацкие войска в России…» [Там же. Л. 2]. По приговору чешского полевого суда руководители восстания были расстреляны.

Таким образом, вполне естественно, что в ответ на репрессии чехословаков в отношении немцев и мадьяр последние начали обороняться, вступая в ряды Красной армии и формируя интернациональные батальоны, которые, как наиболее боеспособные части, уже большевики выставляли против чехословаков. В боях обе стороны отличались беспощадностью.

Уже позже, когда Красная армия вела наступления на всех фронтах, 13 ноября 1919 г. был опубликован Чешский меморандум. Его автор Б. Павлу отмечал следующее: «Под защитой чехословацких штыков местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избиение мирных русских граждан целыми сотнями, расстрелы без суда представителей демократии по простому обвинению в политической неблагонадежности составляют обычное явление» [50. С. 273]. Репрессии по отношению к мирным жителям – одно из следствий не только гражданской войны. И чтобы как-либо смягчить этот режим, был издан Приказ по войскам сибирской армии от 6 мая 1919 г. за № 275 за подписью генерала Гайды: «…самочинные расправы, порки, расстрелы и даже карательные экспедиции чинимые представителями власти, к сожалению, не прекращаются. Всех, кто будет самочинно производить экзекуции, расправы и расстрелы, я буду придавать военно-полевому суду как за истязание и обыкновенное убийство» [45. С. 140]. Через полгода с таким же официальным осуждением самочинных расправ выступил генерал Дитерихс, назначенный тогда начальником штаба верховного главнокомандующего: «…не допускать намеренного в виде кары сжигания деревень, как меры, приносящей при условии непричастности к восстанию, хотя бы небольшой части населения деревни, лишь вред государственному делу» [Там же]. (Приказ за № 7 437 от 12 октября 1919 г.)

Оказавшись втянутыми в Гражданскую войну, находясь далеко от своей родины, командование Чехословацкого корпуса шло на любые компромиссы, все для того, чтобы вернуться домой. Когда командующему чехословаками генералу Сыровому, задержавшему на ст. Красноярск поезд верховного правителя Колчака, пришло письмо от партизан Черемхова, в котором содержалась угроза взорвать железнодорожные мосты «на реках Сибирской Оке, Унге, Сибирской Белой» и остаться без угля для продолжения следования к «берегам Великого океана», ему ничего не оставалось, как выдать адмирала.

Во-первых, война против большевиков – следует это помнить – не стала для чехов войной против русских. Для легионеров были понятны и оправданы военные действия против «интернациональных бригад», состоявших из враждовавших с чехами венгров, австрийцев и немцев и сформированных из бывших военнопленных

австро-венгерской и германской армий. Против них сражались с большим ожесточением, пленных с обеих сторон не брали. В то же время русские, красноармейцы, сдававшиеся в плен, как правило, направлялись на пополнение частей Народной армии Комуча. На чешские полки обывательское население Сибири смотрело как на полки освободителей от «большевистского ига», считало их составной частью белой, российской армии.

Во-вторых, следует учитывать, что изначально к чехам на территории Сибири относились не как к иностранцам, а как к «братьям»-славянам. Но в конце, после двух лет Гражданской войны, началом которой страна обязана чешскому выступлению в конце мая 1918 г., Сибирь оказалась в гораздо худшем положении, чем до начала выступления, а чехи заявили себя типичными иностранцами, и их политические представители вели сношения с правительством международными «нотами».

В-третьих, нельзя не учитывать роли чехов во всех сибирских событиях периода Гражданской войны. В тылу чехи вели совместно с белогвардейцами боевые действия и против партизан Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока, а также несли службу по охране Транссибирской железной дороги и исполняли функции административно-военной власти. Поэтому чехи, покидая страну, сочли нужным как бы оправдаться перед русским общественным мнением, опубликовав свое «обращение к Сибири». «Мы поддерживали демократию и помогали бороться с реакцией» [23. С. 61], – вот основной мотив чешского обращения.

В-четвертых, идеологическое противостояние в России закончилось победой большевиков. Не последнюю роль в этом сыграли огромные массы военнопленных, находившиеся на территории необъятной России. Кропотливая агитационная работа большевиков среди военнопленных принесла свои плоды. Акцент делался на том, что военнопленные в большей своей массе были простыми тружениками, рабочими и крестьянами, мирно выполнявшими свою работу. «Пролетарское правительство», борясь за экономические и политические права российских рабочих, приравнивало и военнопленных к этой категории. Желавшие скорого возвращения на родину военнопленные видели единственно возможный выход из сложившейся ситуации – принять участие в событиях, происходивших на территории их плена. Можно сказать, что большевики были отличными психологами: идеологически обработав и подготовив ярых коммунистов из среды военнопленных, последние оставались среди военнопленных, распространяя идеи социалистического братства и мировой социалистической революции.

И, в-пятых, источники содержат информацию о том, что Сибирь стала ярким примером того фронта борьбы, на котором столкнулись не только интересы разных политических сил о государственном устройстве страны, но и национальные интересы военнопленных. Здесь следует оговориться, что противостояние между немцами, мадьярами и чехословаками имело в своей основе юридически нерешенные государственно-территориальные претензии, возможность отстоять свои права представилась чехословакам, которые не замедлили ею воспользоваться. Однако становится очевидным и тот факт, что чехословаки были удобной профессиональной военной силой, используемой французским правительством.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Попов Н.А.* Революционные выступления военнопленных в России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 1963. № 2.
2. *Лисяцкий А.М.* Из истории пролетарского интернационализма (участие иностранцев в революционной борьбе трудящихся России в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции) // Труды Харьковского политехнического института имени В.И. Ленина. Вып. I, т. XIII. Харьков, 1961.
3. *Хильченко М.П.* Интернационалисты на Урале (1917–1918 гг.). Из истории партийных организаций. Свердловск, 1963.
4. *Kvasnicka J.* Ceskoslovenske legie v Rusku 1917–1920. Bratislava, 1963.
5. *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России 1914–1921 гг. М., 1965.
6. *Жилак А.* Великий Октябрь и революционное движение военнопленных венгров в России (1917–1918 гг.) // Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965. С. 117–149.
7. *Штригниц С.* Из истории революционного движения среди немецких военнопленных в России накануне Октябрьской революции // Интернационалисты в боях за власть Советов. М., 1965.
8. *Интернационалисты.* М. : Наука, 1971.
9. *Колмогоров Н.С.* Красные мадьяры (венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Омске. 1917–1919 гг.). Новосибирск, 1970.
10. *Данилов В.А.* Интернационалисты на Урале и в Сибири. Свердловск, 1972.
11. *Чугунов Н.Н.* Революционная деятельность Белы Куна в Томске // Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. М., 1980. С. 25–37.
12. *Карпенко З.Г.* Участие венгерских интернационалистов в борьбе за установление и укрепление советской власти в Кузбассе // Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. М., 1980. С. 38–44.
13. *Агалаков В.Т.* Венгерские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Восточной Сибири // Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. М., 1980. С. 45–54.
14. *Шерешевский Б.М.* О некоторых вопросах изучения участия венгерских интернационалистов в борьбе за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917 – 1922 гг. // Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922 гг. М., 1980. С. 228–237.
15. *Левчук А.П.* Еще раз о «проданном корпусе»: К вопросу о возникновении чехословацкого мятежа // Из истории революций в России: первая четверть XX в.: Вып. 2. Томск, 1996.
16. *Новиков П.А.* Части чехословацкого корпуса в Восточной Сибири (май–август 1918 г.) // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2000. № 8.
17. *Солнцева С.А.* Военный плен в годы Первой мировой войны (новые факты) // Вопросы истории. 2000. № 4.
18. *Гергилева А.И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск, 2007.
19. *Константинов С.И.* Вооруженные формирования антибольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1998.
20. *Воронов В.Н.* Вооруженные формирования на территории Сибири в период Гражданской войны и военной интервенции 1917–1922 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999.

21. *Каревский А.И.* Военное строительство правительств «демократической контрреволюции» в Поволжье, на Урале и в Сибири. Зима – осень 1918 г. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
22. *Лапандин В.А.* Восстание чехословацкого корпуса: к проблеме оценки причин и характера // Вестник Самарской экономической академии. 2001. № 1. С. 140–145.
23. *Цветков В.* Мятеж: Чехословацкий корпус на полях Гражданской войны // Родина. 2001. № 6. С. 55–61.
24. *Государственный* архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3333. Оп. 3. Д. 576.
25. ГАРФ. Ф. 3333. Оп. 2. Д. 64.
26. *Документы* внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1.
27. *Государственный* архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П. 64. Оп. 5. Д. 379.
28. *Доклад* Масленкино-Непомнящего «О возникновении Мариинского фронта против чехословаков. 1918 г.» // ГАКК. Ф. П 64. Оп. 5. Д. 411.
29. ГАКК. Ф. П. 64. Оп. 5. Д. 439. Л. 5.
30. *Шипек А.* Военнопленные и их использование в мировой и Гражданской войне // Война и революция. 1928. № 2.
31. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 230.
32. *Мюнних Ф.* Военнопленные-интернационалисты в борьбе за власть Советов // В огне революционных битв: сб. воспоминаний. Томск, 1964.
33. *Гордеев О.Ф.* Интернационалисты-красногвардейцы // Енисей. 1986. № 2.
34. *Российский* государственный военный архив. Ф. 10. Оп. 1. Д. 298.
35. *Мировые* войны в XX веке. Первая мировая война. М., 2002. Кн. 1.
36. ГАРФ. Ф. 151. Оп. 1. Д. 11.
37. ГАКК. Ф. П 64. Оп. 1. Д. 708.
38. *Свободная* Сибирь. 1918. 28 (15) июня. № 87 (249).
39. *Известия* отряда чехо-словацких войск. 1918. 14 июня.
40. *Щеров И.П.* Миграционная политика в России 1914–1922 гг. Смоленск : СГПУ, 2000.
41. ГАКК. Ф. П 64. Оп. 5. Д. 133.
42. *Свободная* Сибирь. 1918. 30 (17) июня.
43. ГАКК. Ф. Р-1800. Оп. 1. Д. 1.
44. *Воля* Сибири. 1918. 26 ноября.
45. *Колосов Е.Е.* Сибирь при Колчаке: воспоминания, материалы, документы. Пг., 1923.
46. *Венгерские* интернационалисты в Октябрьской революции и Гражданской войне в СССР. М., 1968. Т. 2.
47. *Правительственный* вестник. 1919. 19 июня. № 163.
48. ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 839.
49. *Енисейский* вестник. 1919. (18) 31 июля. № 157.
50. *Переписка* на исторические темы. М., 1989.

Статья представлена научной редакцией «История» 02 сентября 2014 г.

THE CZECHOSLOVAK CORPS AND WORLD WAR I PRISONERS OF WAR DURING THE CIVIL WAR IN SIBERIA (1918–1920)

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 109-116. DOI 10.17223/15617793/390/19
Gergileva Alla I. Siberian Federal University (Omsk, Russian Federation). E-mail: gerg-all@rambler.ru
Gergilev Denis N. Siberian State Technological University (Omsk, Russian Federation). E-mail: turilak@yandex.ru
Keywords: Czechoslovak Corps; Civil War; World War I prisoners of war; internationalists; Siberia; Germans; Austrians; Hungarians.

Russia's withdrawal from the World War I after the signing of the Brest peace was a catalyzing factor for the onset of the Civil War in the country. The war involved prisoners of war, delayed their repatriation until the end of hostilities between the warring parties and the establishment of legitimate authority in Russia that would be capable of carrying out its international obligations with respect to matters concerning the rights of prisoners of war. Revolutions in Germany and Austria-Hungary, fighting in the western regions of Russia also interrupted the negotiating process and the evacuation of prisoners of war. A lot was done by the Bolsheviks in forming groups of internationalists from prisoners of war, mostly from the Hungarians, Austrians, Germans, as well as by the White Army generals in bringing Legionnaires of the Czech Corps to military operations against the Bolsheviks. The stake in the use of international force was placed on the national dislike between the Hungarians, Austrians, Germans, on the one hand, and the Czechoslovaks, on the other. The war against the Bolsheviks did not become the war against the Russians for the Czechs. Legionnaires fought with particular ferocity with international teams which consisted of former German, Austrian and Hungarian prisoners. At the rear, the Czechs and the Whites fought against the guerrillas of Siberia, Transbaikalia and Far East, protected the Trans-Siberian railroad and performed the functions of administrative and military power. The ideological opposition in Russia ended with the victory of the Bolsheviks. "The proletarian government", fighting for economic and political rights of Russian workers, treated the prisoners of war equivalently. Prisoners of war longing for a prompt return to their homeland saw the only possible way out of this situation – to participate in the events occurring in the territory of their captivity. Siberia became a bright example of the struggling front where not only the interests of various political forces on the polity of the country collided, but also the national interests of prisoners of war were involved. The confrontation between the Germans, Hungarians and the Czechs was based on the legally unsettled state-territorial claims. The Czechoslovaks were granted a real opportunity to defend their right and they quickly used the chance. However, it is obvious that they were a convenient professional military force the French government used in the fight against the Soviets.

REFERENCES

1. Popov N.A. Revolyutsionnye vystupleniya voennoplennykh v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny [Revolutionary actions of prisoners of war in Russia during the First World War]. *Voprosy istorii*, 1963, no. 2.
2. Lisyatskiy A.M. Iz istorii proletarskogo internatsionalizma (uchastie inostrantsev v revolyutsionnoy bor'be trudyashchikhsya Rossii v period podgotovki Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii) [From the history of proletarian internationalism (foreign participation in the revolutionary struggle of the working people of Russia in the period of preparation for the Great October Socialist Revolution)]. *Trudy Khar'kovskogo politekhnicheskogo instituta imeni V.I. Lenina*, 1961, issue I, vol. XIII.
3. Khil'chenko M.P. *Internatsionalisty na Urale (1917–1918 gg.). Iz istorii partiynykh organizatsiy* [Internationalists in the Urals (1917-1918). From the history of the Party organizations]. Sverdlovsk, 1963.
4. Kvasnicka J. *Ceskoslovenske legie v Rusku 1917–1920*. Bratislava, 1963.
5. Klevanskiy A.Kh. *Chekhoslovatskie internatsionalisty i prodannyy korpus. Chekhoslovatskie politicheskie organizatsii i voinskie formirovaniya v Rossiyu 1914–1921 gg.* [Czechoslovak internationalists and sold corps. Czechoslovak political organizations and military units in Russia in 1914-1921]. Moscow: Nauka Publ.,1965.

6. Zhilak A. *Velikiy Oktyabr' i revolyutsionnoe dvizhenie voennoplennykh vengrov v Rossii (1917–1918 gg.)* [The Great October Revolution and the revolutionary movement of Hungarian prisoners of war in Russia (1917-1918)]. In: *Internatsionalisty v boyakh za vlast' Sovetov* [Internationalists in the battle for the power of the Soviets]. Moscow: Mysl' Publ., 1965, pp. 117–149.
7. Shtrignits S. *Iz istorii revolyutsionnogo dvizheniya sredi nemetskikh voennoplennykh v Rossii nakanune Oktyabr'skoy revolyutsii* [From the history of the revolutionary movement among the German prisoners of war in Russia on the eve of the October Revolution]. In: *Internatsionalisty v boyakh za vlast' Sovetov* [Internationalists in the battle for the power of the Soviets]. Moscow: Mysl' Publ., 1965.
8. *Internatsionalisty* [Internationalists]. Moscow: Nauka Publ., 1971. 288 p.
9. Kolmogorov N.S. Krasnye mad'yary (vengerskie internatsionalisty v bor'be za vlast' Sovetov v Omske. 1917–1919 gg.) [Red Magyar (Hungarian internationalists in the struggle for Soviet power in Omsk. 1917-1919)]. Novosibirsk: Zap.-cib. kn. izd-vo Publ., 1970. 135 p.
10. Danilov V.A. *Internatsionalisty na Urale i v Sibiri* [Internationalists in the Urals and Siberia]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo Publ., 1972. 150 p.
11. Chugunov N.N. *Revolyutsionnaya deyatel'nost' Bely Kuna v Tomske* [Revolutionary activity of Bela Kun in Tomsk]. In: Okladnikov A.P. (ed.) V*engerskie internatsionalisty v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 1917-1922 gg.* [Hungarian internationalists in Siberia and the Far East. 1917-1922]. Moscow: Nauka Publ., 1980, pp. 25–37.
12. Karpenko Z.G. *Uchastie vengerskikh internatsionalistov v bor'be za ustanovlenie i ukreplenie Sovetskoy vlasti v Kuzbasse* [Participation of Hungarian internationalists in the struggle for the establishment and consolidation of Soviet power in Kuzbass]. In: Okladnikov A.P. (ed.) V*engerskie internatsionalisty v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 1917-1922 gg.* [Hungarian internationalists in Siberia and the Far East. 1917-1922]. Moscow: Nauka Publ., 1980, pp. 38–44.
13. Agalakov V.T. *Vengerskie internatsionalisty v bor'be za vlast' Sovetov v Vostochnoy Sibiri* [Hungarian internationalists in the struggle for Soviet power in Eastern Siberia]. In: Okladnikov A.P. (ed.) V*engerskie internatsionalisty v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 1917-1922 gg.* [Hungarian internationalists in Siberia and the Far East. 1917-1922]. Moscow: Nauka Publ., 1980, pp. 45–54.
14. Shereshevskiy B.M. *O nekotorykh voprosakh izucheniya uchastiya vengerskikh internatsionalistov v bor'be za vlast' Sovetov v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 1917–1922 gg.* [On some issues of examining the involvement of Hungarian internationalists in the struggle for Soviet power in Siberia and the Far East. 1917-1922]. In: Okladnikov A.P. (ed.) V*engerskie internatsionalisty v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 1917-1922 gg.* [Hungarian internationalists in Siberia and the Far East. 1917-1922]. Moscow: Nauka Publ., 1980, pp. 228–237.
15. Levchuk A.P. *Eshche raz o "prodannom korpuse": (K voprosu o vozniknovenii chekhoslovatskogo myatezha)* [Once again on the "sold corps" (On the question of the origin of the Czechoslovak mutiny)]. In: *Iz istorii revolyutsiy v Rossii: pervaya chetvert' XX v.* [From the history of revolutions in Russia in the first quarter of the 20th century]. Tomsk: TSU Publ., 1996. Issue 2.
16. Novikov P.A. Chasti chekhoslovatskogo korpusa v Vostochnoy Sibiri (may–avgust 1918 g.) [Part of the Czechoslovak Corps in Eastern Siberia (May-August 1918)]. *Belaya armiya. Beloe delo*, 2000, no. 8.
17. Solntseva S.A. Voennyy plen v gody Pervoy mirovoy voyny (novye fakty) [Military prison during the First World War (new facts)]. *Voprosy istorii*, 2000, no. 4.
18. Gergileva A.I. *Voennoplennye Pervoy mirovoy voyny na territorii Sibiri* [POWs of World War I on the territory of Siberia]. Krasnoyarsk: SibSTU Publ., 2007. 123 p.
19. Konstantinov S.I. *Vooruzhennye formirovaniya antibol'shevistskikh pravitel'stv Povolzh'ya, Urala i Sibiri v gody Grazhdanskoy voyny*: dis. d-ra ist. nauk [Armed forces of anti-Bolshevik governments of the Volga, Urals and Siberia during the Civil War. History Dr. Diss.]. Ekaterinburg, 1998.
20. Voronov V.N. *Vooruzhennye formirovaniya na territorii Sibiri v period Grazhdanskoy voyny i voennoy interventsii 1917–1922 gg.*: dis. d-ra ist. nauk [Armed forces in Siberia during the Civil War and military intervention of 1917–1922. History Dr. Diss.]. Moscow, 1999.
21. Karevskiy A.I. *Voennoe stroitel'stvo pravitel'stv "demokraticheskoy kontrrevolyutsii" v Povolzh'e, na Urale i v Sibiri. Zima – osen' 1918 g.*: dis. kand. ist. nauk [Military construction of democratic counter-revolution governments in the Volga region, the Urals and Siberia. Winter – Fall 1918. History Cand. Diss.]. Moscow, 2001.
22. Lapandin V.A. Vosstanie chekhoslovatskogo korpusa: k probleme otsenki prichin i kharaktera [Mutiny of the Czechoslovak Corps: the problem of assessing the causes and nature]. *Vestnik Samarskoy ekonomicheskoy akademii*, 2001, no. 1, pp. 140–145.
23. Tsvetkov V. Myatezh: Chekhoslovatskiy korpus na polyakh Grazhdanskoy voyny [Mutiny: Czechoslovak Corps in the fields of Civil War]. *Rodina*, 2001, no. 6, pp. 55–61.
24. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 3333. List 3. File 576.
25. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 3333. List 2. File 64.
26. *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of Soviet foreign policy]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1957. Vol. 1.
27. State Archive of Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P. 64. List 5. File 379.
28. *Doklad Maslenkino-Nepomnyashchego "O vozniknovenii Mariinskogo fronta protiv chekhoslovakov. 1918 g."* [Report of Maslenkino-Nepomnyastchy "On the origin of the Mariinsky front against the Czechs. 1918"]. State Archive of Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P 64. List 5. File 411.
29. State Archive of Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P. 64. List 5. File 439. Page 5.
30. Shipek A. Voennoplennye i ikh ispol'zovanie v mirovoy i Grazhdanskoy voyne [Prisoners of war and their use in the world and civil wars]. *Voyna i revolyutsiya*, 1928, no. 2.
31. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1235. List 1. File 230.
32. Myunnikh F. *Voennoplennye-internatsionalisty v bor'be za vlast' Sovetov* [Prisoners of war, internationalists, in the struggle for Soviet power]. In: *V ogne revolyutsionnykh bitv: sb. vospominaniy* [In the fire of revolutionary battles: memories]. Tomsk, 1964.
33. Gordeev O.F. Internatsionalisty-krasnogvardeytsy [Internationalists, the Reds]. *Enisey*, 1986, no. 2.
34. The Russian State Military Archive. Fund 10. List 1. File 298.
35. *Mirovye voyny v XX veke. Pervaya mirovaya voyna* [The World Wars in the 2th century. The First World War]. Moscow, 2002. Book 1.
36. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 151. List 1. File 11.
37. State Archive of Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P 64. List 1. File 708.
38. *Svobodnaya Sibir'*, 1918, 28 (15) June, no. 87 (249).
39. *Izvestiya otryada chekho-slovatskikh voysk*, 1918, 14 June.
40. Shcherov I.P. *Migratsionnaya politika v Rossii 1914–1922 gg.* [Migration policy in Russia in 1914-1922]. Smolensk: SSPU Publ., 2000. 316 p.
41. State Archive of Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P 64. List 5. File 133.
42. *Svobodnaya Sibir'*, 1918, 30 (17) June.
43. State Archive of Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund R-1800. List 1. File 1.
44. *Volya Sibiri*, 1918, 26 November.
45. Kolosov E.E. *Sibir' pri Kolchake: vospominaniya, materialy, dokumenty* [Siberia under Kolchak: memories, documents]. Petrograd: Byloye Publ., 1923. 190 p.
46. Ryabukhina O.S., Khodak A.A. (eds.) *Vengerskie internatsionalisty v Oktyabr'skoy revolyutsii i Grazhdanskoy voyne v SSSR* [Hungarian internationalists in the October Revolution and the Civil War in the USSR]. Moscow: Politizdat Publ., 1968. Vol.. 2.
47. *Pravitel'stvennyy vestnik*, 1919, 19 June, no. 163.
48. State Archive of Krasnoyarsk Territory (GAKK). Fund P-64. List 5. File 839.
49. *Eniseyskiy vestnik*, 1919. (18) 31 iyulya, no. 157.
50. *Perepiska na istoricheskie temy* [Correspondence on historical themes]. Moscow, 1989.

Received: 02 September 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 117–121. DOI 10.17223/15617793/390/20

УДК 930:[27-9+028]

К.А. Кузоро

ЧТЕНИЕ В ЖИЗНИ РОССИЙСКИХ ЦЕРКОВНЫХ ИСТОРИКОВ XIX – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

Рассматривается роль чтения в жизни церковных историков XIX – первой четверти XX в. – периода наивысшего развития церковно-исторической науки в России. Изучены подходы к чтению, круг читаемой российской и зарубежной литературы, периодических изданий; деятельность по пополнению и сохранению библиотечных фондов, по воспитанию культуры чтения у студентов духовных семинарий и академий. Новые факты углубляют представление о церковных историках как об исследователях с широчайшим спектром научных интересов.

Ключевые слова: церковная историческая наука; чтение; православные духовные семинарии и академии.

Церковные историки XIX – первой четверти XX вв. оставили след в российской исторической науке как исследователи, создавшие непревзойденные сочинения, сформировавшие собственную церковно-историческую школу. В русле интеллектуальной истории – одного из актуальных направлений в исследовании исторической мысли, для того чтобы в полной мере понять концепции и подходы историков, помимо анализа содержания их трудов, важно исследовать обстоятельства их создания, рассмотреть контекст возникновения содержащихся в них идей. В качестве одного из компонентов этого контекста можно выделить характеристику церковных историков как читателей. Чтение является ключевой деятельностью для исследователей-гуманитариев, именно чтение во многом формирует их. Поэтому рассмотрим, как складывались читательские предпочтения церковных историков, какую литературу они читали, что советовали читать другим, каким образом они способствовали сохранению книжных редкостей, а также ряд других вопросов.

Изучение интересов читателей минувшей эпохи становится возможным благодаря выявлению нужной нам информации из переписки, автобиографических и деловых документов, анализу библиографических ссылок в их сочинениях. Обратимся к воспоминаниям, письмам, заметкам, а также самим трудам историков: митрополита Евгения (Болховитинова), архиепископа Филарета (Гумилевского), митрополита Макария (Булгакова), А.В. Горского, Н.П. Гиляров-Платонова, Е.Е. Голубинского, В.В. Болотова, М.Э. Поснова и др.

Значительную роль в формировании церковных историков как читателей сыграли годы учебы – период непрерывной работы над собой, время постоянного самообразования.

В ходе проведенной в России в 1808–1814 гг. реформы была создана четырехступенчатая система духовного образования. Первым звеном в этой цепи являлось уездное духовное училище, в котором вместе с обучением чтению, письму и счету велось ознакомление с церковнославянским языком и основами богословия. Следующая ступень – епархиальное училище, дававшее неполное среднее образование с богословским уклоном. Далее следовала духовная семинария, выпускники которой получали среднее богословское образование, по своему уровню более близкое неполному высшему образованию. Наконец, завершающим звеном становилась духовная академия, где обучались студенты, окончившие духовную семинарию с отличием. Чтение сопровождало каждую из этих ступеней, но именно в духовных семинариях и академиях оно в большей степени формировало образ мышления, выступало в качестве источника духовно-нравственных идеалов.

Анализ прочитанного занимал существенную часть автобиографических воспоминаний церковных историков, что говорит о значимости роли чтения в процессе их личностного становления. Дневниковые записи часто помогали упорядочить мысли по поводу прочтенной литературы, способствовали формированию читательской культуры: «И сегодня много я разных разностей читал; и сегодня я сказал себе: надобно разнородное это множество приводить к единству; пеструю толпу новоприбывающих мыслей делить по их классам и класть на них клеймо своего мышления» [1. С. 26].

Наряду с беседами, прогулками, домашними спектаклями чтение заполняло досуг студентов. Популярным было чтение исторической литературы. Из записок студента Московской духовной академии: «После всенощной читал российскую историю от Петра до настоящих времен, – размышлял о пагубных следствиях честолюбия, о действах его, об усилиях его в истощении всех средств для удовлетворения себя» [2. С. 326]. Таким образом, историческая литература предоставляла богатый материал для изучения человеческих характеров и человеческого поведения, воистину оправдывая свое звание «magistra vitae».

Большое количество исторических сочинений приобреталось для семинарских библиотек. Например, в библиотеку Тобольской духовной семинарии в 1906–1907 гг. были выписаны сочинения М.М. Щербатова, «Записки» императрицы Екатерины II, «Записки» княгини Е.Р. Дашковой, «История государства Российского» Н.М. Карамзина, «Курс русской истории» В.О. Ключевского, «Происхождение самодержавия в России» Н.А. Рожкова. Выписывались книги, посвященные острым политическим и социально-экономическим вопросам, такие как «Падение крепостного права в России» И.И. Иванюкова, «Социализм и сельское хозяйство» К. Каутского, «Классовая борьба во Франции от 1848 до 1850 гг.» К. Маркса [3. Л. 73, 220].

Распространенным увлечением в среде студентов семинарий и академий было чтение художественной

литературы. Студенты читали всё, что читало образованное общество, увлекаясь как русскими, так и зарубежными произведениями.

Среди семинаристов большой популярностью пользовались произведения Л.Н. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, Ф.М. Решетникова, Н.Г. Помяловского, С.Я. Надсона, В.Г. Короленко, А.П. Чехова, Д.Н. Мамина-Сибиряка, А. Додэ, Э. Золя, Ги де Мопассана [4. С. 112]. Несмотря на строгие запреты (вплоть до исключения из семинарии), читали литературу революционно-демократического направления: сочинения В.Г. Белинского, Д.И. Писарева, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова.

Круг внеучебного чтения студентов академии был охарактеризован в автобиографических воспоминаниях историка и публициста Н.П. Гилярова-Платонова следующим образом: «Платон и Гердер, Гегель и Фейербах с предшественниками, Юм, Кант и Спиноза с Лейбницем, затем Луи Блан, Прудон, Леру, Конт и далее Фурье, Сен-Симон, Бентам, Адам Смит и Рикардо, наконец, Вильгельм Гумбольдт, Лессинг, Гиббон, Лео, Ранке, Мишле… В чередовании множества философов, экономистов, историков была связь, один писатель подзывал к другому» [5. С. 345, 346]. По воспоминаниям богослова М.Д. Муретова, учившегося в середине 1870-х гг. в Московской духовной академии, «студенты читали в русском переводе Тэна, Фюстель де Куланжа, Дрэпера и Гизо» [6. С. 669].

У молодых людей возникала потребность не просто читать, но и объединяться для обсуждения прочитанного. В феврале 1816 г. студенты первого курса Московской духовной академии «с целью взаимного обмена мыслей, возникавших по поводу изучения той или другой науки», учредили общество под названием «Ученые беседы» [7. С. 1]. В этом обществе они могли «с дружеской свободой и откровенностью говорить, что каждый думал о предметах их учений»; «иногда читали друг перед другом свои сочинения и судили о них» [Там же. С. 3].

В период обучения в семинариях и академиях у студентов формировались эстетические требования к книге. В воспоминаниях Н.П. Гилярова-Платонова читаем: «Большинство духовно-учебных книг и даже вообще казенных учебников страдают неприглядностью и причина для меня ясна: души не приложено к изданию, не сам автор издает, не книгопродавец, который смотрит на книгу все-таки как на родное детище и наряжает ее в то, что ей к лицу. Не заинтересованный фактор казенной типографии равнодушно определяет формат и шрифт, и выйдет она из типографии, а потом из переплетной, с бессмысленным, нисколько не интересным видом» [5. С. 39].

Студенты читали книги на иностранных языках. Протоиерей Д.И. Кастальский – выпускник, а затем профессор Московской духовной академии в посвященных студенческим годам воспоминаниях писал об особенно запомнившихся ему книгах: «Помню, что на младшем курсе меня весьма занимали философские идеи Гердера, которые я читал на немецком. Но я читал их довольно медленно, потому что не очень бойко мог читать на немецком, и жалел, что не мог прочитать всю книгу и ознакомиться с нею вполне» [8. С. 93].

Для того чтобы иметь возможность читать иностранную литературу, порой приходилось изучать новый для себя язык. Так, Н.П. Гиляров-Платонов, осознав, что для изучения философии и богословия ему необходима европейская литература, принялся за изучение французского, английского и немецкого языков. Сам же он давал уроки русского языка иностранцам, получая при этом как опыт разговорной практики, так и деньги на иностранные книги, которые он покупал «на Сухаревке по воскресеньям» [5. С. 66].

Значительную долю читаемой литературы составляли литературные, общественно-политические, исторические, богословские журналы. Среди популярных изданий того времени – «Московский телеграф», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русская старина», «Отечественные записки», «Странник», «Христианское чтение», «Богословский вестник» и др. Журналы, как светские, так и духовные, были доступны и выписывались представителями городского и сельского духовенства, приходами и братствами, духовными образовательными учреждениями, библиотеками. Стесненные в средствах студенты духовных академий выписывали один журнал на несколько человек. По воспоминаниям Д.И. Кастальского, «…студенты выписывали в складчину три журнала: “Отечественные записки”, “Современник” и “Библиотеку” (“Библиотеку для чтения”. – *К.К.*). Книжки разделялись на тетради, чтобы многие вдруг могли читать книгу, и передавались из номера в номер в определенные сроки. Таким образом, русская современная литература была нам знакома» [8. С. 93].

Будущий церковный историк оканчивал обучение, становился преподавателем, занимался научной работой, принимал священный сан. Рассмотрим, какое место теперь занимало чтение в его жизни.

В круг читаемой историками литературы входила богословская, философская, историческая и художественная; церковные и светские журналы. В списке книг, выданных профессору Е.Е. Голубинскому в библиотеке Московской духовной академии, содержались Новый Завет, Псалтырь, Евангелие, журнал «Христианское чтение», греческая грамматика, первый том «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева, «Истинно-древняя и истинно-православная Христова церковь» митрополита Григория (Постникова) [9. Л. 3, 4].

Не избегая влияния читательской моды, церковные историки интересовались всеми популярными новинками выпускаемой литературы. К примеру, даже известный своими консервативными взглядами митрополит Московский Филарет (Дроздов) «читал все, что читал тогда весь просвещенный Петербург»: «Юнга-Штиллинга, Франсуа Фенелона, Карла фон Эккартсхаузена; общался с известными мистиками и масонами И.В. Лопухиным, А.Ф. Лабзиным, графом А.К. Разумовским и обсуждал с ними, например, аллегорические толкования Священного Писания немецкого мистика-богослова Мейстера Экхарта» [10. С. 68].

Дошедшие до нашего времени письма церковных историков говорят о том, что и в переписке значительное внимание они уделяли чтению.

В середине XIX столетия при пока еще недостаточном развитии в России специализированных научных периодических изданий переписка ученых между собой служила одним из важнейших средств для обмена информацией. Об этом нам говорит переписка А.В. Горского [11], митрополита Макария (Булгакова) [12], Е.Е. Голубинского [13]. Среди адресатов церковных историков – С.М. Соловьев, И.И. Срезневский, Н.Г. Устрялов, М.П. Погодин, О.М. Бодянский, Ф.И. Буслаев, А.Ф. Гильфердинг и многие другие исследователи.

В письмах ученые делились мнениями о прочитанной литературе, переписывали друг для друга различные статьи и главы из книг, сообщали сведения о наличии в библиотеках тех или иных изданий, обменивались книгами, авторами которых являлись сами.

Среди личных документов Е.Е. Голубинского сохранились списки адресатов, которым он рассылал свои новоизданные книги. Например, первый том «Истории русской церкви» был отправлен 33 адресатам, среди них В.О. Ключевский, А.П. Лебедев, А.Н. Пыпин, А.А. Дмитриевский, К.П. Победоносцев [14. Л. 1]. Следует отметить, что книги самих церковных историков не только рассылались, но и успешно продавались, пользуясь постоянным спросом у издателей и книгопродавцов – И.Д. Сытина, А.С. Суворина, М.О. Вольфа, Н.П. Карбасникова [15].

С уникальными изданиями и рукописями знакомились историки в зарубежных командировках, так называемых ученых путешествиях. При отправлении в поездку от научных советов духовных академий всем командируемым давалась своеобразная «инструкция» с примерным маршрутом и три задания: «научное» – ознакомиться с основными направлениями преподаваемого предмета в западной науке; «методологическое» – уяснить положение этой науки среди других богословских наук, ее внутреннюю структуру и применяемые методы; «источниковедческое и историографическое» – ознакомиться с доступными источниками и лучшими пособиями, составить каталог и по возвращении рекомендовать академической библиотеке [16. С. 197, 198].

В мае 1872 г. Е.Е. Голубинский отправился в «ученое путешествие» в Грецию и славянские православные земли «для ближайшего ознакомления с внутренним бытом современной и памятниками исторической церковной жизни православных народов» [17. С. 3]. За полтора года историк побывал в Вене, Белграде, Константинополе, Иерусалиме, на Афоне, в Афинах, Риме.

В течение своего путешествия Е.Е. Голубинский исследовал церковную жизнь православных народов, занимался в библиотеках, читал рукописи и редкие печатные издания, изучал памятники церковной археологии. Например, во время пребывания в Вене он обращался к материалам по истории Австрии, Сербии, Далмации, к описанию городов, летописям, статистическим данным, монастырским актам [18. Л. 4–22]. Историк привез из путешествия немало книг для академической библиотеки на сербском, болгарском, греческом языках.

Все прочитанное как в годы студенчества, так и после непременно находило отражение в сочинениях церковных историков. Анализ библиографических ссылок свидетельствует о превосходном знании историками трудов не только своих предшественников, но и современников: историков, филологов, философов. Историки не просто знали о книжных новинках, но и использовали их в исследованиях. В их сочинениях можно увидеть ссылки на самые новые и актуальные в то время монографии, статьи в периодических и продолжающихся научных изданиях.

Церковные историки выполняли и такую важную миссию, как приобщение к чтению молодого поколения – студентов. Преподававшие в духовных семинариях и академиях историки рекомендовали студентам литературу для чтения, учили работать с научной литературой, воспитывали в них читательскую культуру.

Могло быть и так, что церковный историк, помимо преподавательской деятельности, работал библиотекарем. К примеру, библиотекой Воронежской семинарии заведовал Евгений (Болховитинов), Вифанской семинарии – Е.Е. Голубинский. А.И. Бриллиантов занимал должность председателя библиотечной комиссии, хранителя архива и библиотеки Санкт-Петербургской духовной академии, библиотекарями в Московской духовной академии служили А.В. Горский и А.А. Спасский. В таком случае задачи по воспитанию сознательных и заинтересованных читателей удваивались.

Особенно следует остановиться на личности историка, профессора, а затем ректора Московской духовной академии А.В. Горского, с 1834 по 1862 г. работавшего в академической библиотеке (с 1842 г. заведовавшего ею).

А.В. Горский многое сделал для процветания библиотеки. Он лично занимался выпиской книг, пополнял фонд редкими старопечатными книгами и уникальными рукописями, в том числе из библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря, библиотеки Московской Синодальной типографии, Синодальной библиотеки, личных архивов. С готовностью он давал студентам нужные книги, пособия, советы и указания для самостоятельной работы, охотно делился своими знаниями со всяким, кто обращался к нему: «Большинство книг академической библиотеки того времени испещрены его пометками и замечаниями. Когда у Горского спрашивали одну книгу по какому-нибудь вопросу, он доставал и выкладывал десятки, указывал нужные листы и страницы, ночью без фонаря, ощупью, находил книгу» [19. С. 281].

Библиотека выступала своеобразной площадкой для общения, местом, где можно было встретиться с коллегами и обсудить актуальные вопросы. Из воспоминаний богослова и историка Н.Н. Глубоковского о библиотеке Московской духовной академии: «…даже препростый помощник библиотекаря иеромонах Рафаил не ослабевал твердить о науке и будто бы писал что-то о библейских животных, давая пищу для добродушного юмора своему острословному приятелю В.О. Ключевскому, который подыскивал ему “на те-

му" в качестве материала какого-нибудь засохшего клопа в старинных фолиантах» [20. С. 740].

Нередко церковные историки были обладателями богатых личных библиотек, впоследствии завещанных духовным и светским учебным заведениям, монастырям и храмам. Например, в 1837 г., после смерти Евгения (Болховитинова) комиссия по распределению наследства митрополита составила описи книг, подаренных им Киеву: «…в библиотеку Киево-Софийского собора всего 3 203 рукописи, 1 342 книги, в библиотеку духовной консистории – 170 книг, в библиотеку духовной академии – 145 книг, в библиотеку духовной семинарии – 6 731 книгу» [21. С. 21].

Знакомство с кругом чтения церковных историков, их читательского поведения, культуры чтения добавляет новые штрихи к пониманию взглядов исследователей истории русской православной церкви. Знание того, что и как читал автор – верный ключ к пониманию созданных им трудов. Новые факты углубляют представление о церковных историках как об ученых с широчайшим кругом интересов и великолепной эрудицией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дневник* А.В. Горского (с примечаниями С. Смирнова). М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1885. 195 с. (репринт. издание: СПб., 1999).
2. *Дневные* записки 1824 г. студента Московской духовной академии Василия Зарина // Богословский вестник. 1914. № 10–11. С. 323–352.
3. *Государственный* архив в г. Тобольске. Ф. 530 (фонд Тобольской духовной семинарии). Оп. 1. Д. 10.
4. *Сушко А.В.* Духовные семинарии в пореформенной России (1861–1884 гг.). СПб. : Изд-во СПбГМА им. И.И. Мечникова, 2010. 256 с.
5. *Гиляров-Платонов Н.П.* Из пережитого: автобиографические воспоминания: в 2 ч. М. : Изд-во М.Г. Кувшинова, 1887. Ч. 2. 347 с.
6. *Муретов М.Д.* Из воспоминаний студента Московской духовной академии XXXII курса (1873–1877) // Богословский вестник. 1914. № 10–11. С. 646–676.
7. *Голубинский Ф.А.* История общества, составившегося под названием «Ученых бесед» в Московской духовной академии (1816) // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. М. : Тип. И.Д. Сытина, 1914. С. 1–9.
8. *Из «Семейных* записок» протоиерея Дмитрия Ивановича Кастальского // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. М. : Тип. И.Д. Сытина, 1914. С. 80–111.
9. *Российский* государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1628 (фонд Е.Е. Голубинского). Оп. 1. Д. 391.
10. *Яковлев А.И.* Светоч Русской церкви: жизнеописание святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского и Коломенского. М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2007. 208 с.
11. *Письма* к А.В. Горскому // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. М. : Тип. И.Д. Сытина, 1914. С. 360–401.
12. РГИА. Ф. 675 (фонд митрополита Макария (Булгакова)). Оп. 1. Д. 1–33.
13. РГИА. Ф. 1628 (фонд Е.Е. Голубинского). Оп. 1. Д. 466, 485, 491, 511.
14. РГИА. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 554.
15. РГИА. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 553.
16. *Сухова Н.Ю.* Вертоград наук духовный : сб. ст. по истории высшего духовного образования в России XIX – начале XX в. М. : Изд-во ПСТГУ, 2007. 384 с.
17. *Цветков П.* Профессор Евгений Евсигнеевич Голубинский // Богословский вестник. 1912. № 1. С. 1–18.
18. РГИА. Ф. 1628 (фонд Е.Е. Голубинского). Оп. 1. Д. 53.
19. *Постников П.* Очерки жизни и деятельности Александра Васильевича Горского // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. М. : Тип. И.Д. Сытина, 1914. С. 252–359.
20. *Глубоковский Н.Н.* За тридцать лет (1884–1914) // У Троицы в Академии. 1814–1914 гг. Юбилейный сборник исторических материалов. М. : Тип. И.Д. Сытина, 1914. С. 737–755.
21. *Рукавицына Е.И.* Библиотека митрополита Евгения, подаренная Киеву // Митрополит Евгений: жизнь и творчество. Восьмые Болховитиновские чтения : сб. ст. / сост. А.М. Аббасов, В.Н. Демченко, А.В. Кожемякин. Воронеж : Фонд культуры, 1993. С. 19–21.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 марта 2014 г.

READING IN THE LIFE OF THE RUSSIAN CHURCH HISTORIANS IN THE 19TH – FIRST QUARTER OF THE 20TH CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 117-121. DOI 10.17223/15617793/390/20

Kuzoro Kristina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: clio-2002@mail.ru

Key words: church historical science; reading; orthodox ecclesiastical seminaries and academies.

The article is devoted to the role of reading in the life of church historians of the 19th – first quarter of the 20th centuries, the period of the highest development of the church historical science. In concordance with intellectual history, one of the topical research directions, to understand the concepts and approaches of historians it is important to consider the context of the origin of ideas in their works. One of the components of this context is the characteristics of church historians as readers. The sources were autobiographical and official documents, correspondence papers, historical works of Metropolitan Eugenius (Bolkhovitinov), Archbishop Philaret (Gumilevsky), Metropolitan Makariy (Bulgakov), A.V. Gorsky, N.P. Gilyarov-Platonov, E.E. Golubinsky, V.V. Bolotov, M.E. Posnov and others. A significant role in shaping church historians as readers belonged to the years of study – the period of permanent self-education. The prevailing occupation among the students of seminaries and academies was reading historical literature and fiction, including literature in foreign languages. In theological seminaries and academies societies were created to discuss the literature read, for example, a society called "Scientific discussion" in Moscow Theological Academy. A significant proportion of literature was literary, political, historical and theological journals. Among the most popular periodicals were *Moskovskiy telegraf* (Moscow Telegraph), *Vestnik Yevropy* (Herald of Europe), *Russkaya mysl'* (Russian Idea), *Otechestvennyye zapiski* (Notes of the Fatherland), *Strannik* (The Pilgrim), *Khristianskoye chteniye* (Christian Reading), *Bogoslovskiy vestnik* (Theological Journal) and others. Historians read unique books and manuscripts in foreign missions. Researchers bought books for libraries in Serbian, Bulgarian, Greek. Church historians fulfilled such an important mission as involving the younger generation in reading. Historians teaching in seminaries and academies recommended students to read books, taught to work with the scientific literature, cultivated the culture of reading. Church historians were often wealthy owners of private libraries, they bequeathed books to ecclesiastical and secular schools, monasteries and temples. The writings of church historians reflected all they read in their student years and later. The analysis of biblio-

graphic references indicates historians' superior knowledge of works of their predecessors and contemporaries. Historians did not only know about new books, but also used them in research. Their writings have references to the newest and best monographs, articles in periodicals and scientific journals.

REFERENCES

1. *Dnevnik A.V. Gorskogo (s primechaniyami S. Smirnova)* [Diary AV Gorsky (with notes by S. Smirnov)]. Moscow: Tip. M.G. Volchaninova Publ., 1885. 195 p. (reprint: St. Petersburg: 1999).
2. Dnevnye zapiski 1824 g. studenta Moskovskoy dukhovnoy akademii Vasiliya Zarina [Day notes of 1824 of the student of the Moscow Theological Academy Basil Zarin]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1914, no. 10–11, pp. 323–352.
3. State Archive in Tobolsk. Fund 530 (fund of Tobolsk Theological Seminary). List 1. File 10.
4. Sushko A.V. *Dukhovnye seminarii v poreformennoy Rossii (1861–1884 gg.)* [Seminaries in the post-reform Russia (1861-1884)]. St. Petersburg: Izd-vo SPbGMA im. I.I. Mechnikova Publ., 2010. 256 p.
5. Gilyarov-Platonov N.P. *Iz perezhitogo: avtobiograficheskie vospominaniya: v 2 ch.* [From the experienced: autobiographical memories: in 2 parts]. Moscow: Izd-vo M.G. Kuvshinova Publ., 1887. Pt. 2, 347 p.
6. Muretov M.D. Iz vospominaniy studenta Moskovskoy dukhovnoy akademii XXXII kursa (1873–1877) [From the memoirs of a student of the Moscow Theological Academy of XXXII Course (1873-1877)]. *Bogoslovskiy vestnik*, 1914, no. 10–11, pp. 646–676.
7. Golubinskiy F.A. *Istoriya obshchestva, sostavivshegosya pod nazvaniem "Uchenykh besed" v Moskovskoy dukhovnoy akademii (1816)* [History of the society entitled "Learned conversations" at the Moscow Theological Academy (1816)]. In: *U Troitsy v Akademii. 1814–1914 gg. Yubileynyy sbornik istoricheskikh materialov* [On the Trinity in the Academy. 1814–1914. Jubilee collection of historical materials]. Moscow: Tip. I.D. Sytina Publ., 1914, pp. 1–9.
8. Iz "Semeynykh zapisok" protoiereya Dmitriya Ivanovicha Kastal'skogo [From the "Family notes" of Archpriest Dmitri Ivanovich Kastalsky]. In: *U Troitsy v Akademii. 1814–1914 gg. Yubileynyy sbornik istoricheskikh materialov* [On the Trinity in the Academy. 1814–1914. Jubilee collection of historical materials]. Moscow: Tip. I.D. Sytina Publ., 1914, pp. 80–111.
9. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1628 (fond E.E. Golubinskogo). List 1. File 391.
10. Yakovlev A.I. *Svetoch Russkoy tserkvi: zhizneopisanie svyatitelya Filareta (Drozdova), mitropolita Moskovskogo i Kolomenskogo* [The beacon of the Russian Church: the biography of St. Philaret (Drozdov), Metropolitan of Moscow and Kolomna]. Moscow: Moskovskoe podvor'e Svyato-Troitskoy Sergievoy Lavry Publ., 2007. 208 p.
11. *Pis'ma k A.V. Gorskomu* [Letters to A.V. Gorsky]. In: *U Troitsy v Akademii. 1814–1914 gg. Yubileynyy sbornik istoricheskikh materialov* [On the Trinity in the Academy. 1814–1914. Jubilee collection of historical materials]. Moscow: Tip. I.D. Sytina Publ., 1914, pp. 360–401.
12. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 675 (Fund of Metropolitan Macarius (Bulgakov)). List 1. File 1–33.
13. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1628 (Fund of E.E. Golubinsky). List 1. File 466, 485, 491, 511.
14. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1628. List 1. File 554.
15. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1628. List 1. File 553.
16. Sukhova N.Yu. *Vertograd nauk dukhovnyy: sb. st. po istorii vysshego dukhovnogo obrazovaniya v Rossii XIX – nachale XX v.* [The garden of spiritual sciences: a collection of articles on the history of higher theological education in Russia in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Izd-vo PSTGU Publ., 2007. 384 p.
17. Tsvetkov P. Professor Evgeniy Evsigneevich Golubinskiy. *Bogoslovskiy vestnik*, 1912, no. 1, pp. 1–18. (In Russian).
18. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1628 (Fund of E.E. Golubinskiy). List 1. File 53.
19. Postnikov P. *Ocherki zhizni i deyatel'nosti Aleksandra Vasil'evicha Gorskogo* [Essays on life and activities of Alexander Vasilyevich Gorsky]. In: *U Troitsy v Akademii. 1814–1914 gg. Yubileynyy sbornik istoricheskikh materialov* [On the Trinity in the Academy. 1814–1914. Jubilee collection of historical materials]. Moscow: Tip. I.D. Sytina Publ., 1914, pp. 252–359.
20. Glubokovskiy N.N. *Za tridtsat' let (1884–1914)* [For thirty years (1884–1914)]. In: *U Troitsy v Akademii. 1814–1914 gg. Yubileynyy sbornik istoricheskikh materialov* [On the Trinity in the Academy. 1814–1914. Jubilee collection of historical materials]. Moscow: Tip. I.D. Sytina Publ., 1914, pp. 737–755.
21. Rukavitsyna E.I. *Biblioteka mitropolita Evgeniya, podarennaya Kievu* [Library of Metropolitan Eugene, donated to Kyiv]. In: Abbasov A.M., Demchenko V.N., Kozhemyakin A.V. *Mitropolit Evgeniy: zhizn' i tvorchestvo. Vos'mye Bolkhovitinovskie chteniy* [Metropolitan Eugene: life and work. Eighth Bolkhovitinovskie readings]. Voronezh: Fond kul'tury Publ., 1993, pp. 19–21.

Received: 27 March 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 122–125. DOI 10.17223/15617793/390/21

УДК 94(571)

А.А. Ляпкова

ВОЗМОЖНОСТИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ ПРИПИСНЫХ КРЕСТЬЯН КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. НА ПРИМЕРЕ КРЕСТЬЯН СЕМИПАЛАТИНСКОГО УЕЗДА

Приводятся данные о переселениях приписных крестьян Убинской и Крутоберезовской волостей Семипалатинского уезда, об условиях легального закрепления на новых местах жительства и трудностях, с которыми сталкивались приписные крестьяне при попытке сменить место жительства.

Ключевые слова: Колывано-Воскресенский горный округ; приписные крестьяне; Убинская волость; Крутоберезовская волость; крестьянские переселения.

Приписка к заводам означала жесткое закрепление крестьян за местами их проживания: самовольные переселения мешали сбору податей, наряду крестьян на заводские работы, учету отработок крестьянами трудовой повинности на заводах и рудниках. Горнозаводская администрация строго регламентировала переселения крестьян: не выпускала приписных за пределы горного округа и стремилась не допустить расселения на его землях государственных крестьян.

В XVIII в. приписной статус ограничивал передвижение крестьян лишь частично: запрет на выход за пределы горнозаводского ведомства не предполагал несвободу переселения и организации новых деревень в его пределах. Благодаря самовольным переселениям крестьян внутри горного округа появлялись новые деревни, существование которых власти вынуждены были узаконивать [1. С. 211, 212; 2. С. 271]. Однако в XIX в. контроль над самовольными передвижениями крестьян усиливался.

Для легализации переселения крестьяне должны были заручиться согласием администрации: подать прошение и получить соответствующее разрешение. Требовалось согласие именно горной администрации – одного согласия земского управителя было недостаточно. Управители должны были ставить администрацию в известность о желающих переселиться крестьянах. Если же управитель принимал решения самостоятельно, без одобрения начальства, он также нес наказание (например, в виде удержания жалованья). Кроме всего прочего, с переселением крестьян должны были быть согласны односельчане.

В случае если крестьяне переселялись, не дождавшись позволения, они считались переселившимися самовольно, беглыми, и после обнаружения их наказывали и могли водворить на места прежнего проживания, а новопостроенные дома разрушить. Проблема здесь заключалась в том, что крестьяне числились на прежнем месте проживания, где становились должниками, и повинности за них обязаны были нести односельчане.

Создание новых поселений могло осуществляться официально, с позволения администрации. Так, после основания д. Петропавловской в месте, подысканном генерал-майором Скалоном в ведомстве Бийской комендантской канцелярии, многие крестьяне-«поляки» из д. Староалейской пожелали туда переселиться. В 1778 г. по собственному желанию в нее были переселены Вакха Терентьев Казазаев с женой Палагеей Григорьевой дочерью и их сын Козьма с женой Татьяной Осиповой дочерью (сестрой Бориса Осипова, польского посельщика д. Староалейской); Алексей Данилов с женой Афимьей Евдокимовой дочерью и четырьмя детьми (старший сын Антон к тому моменту был уже женат на Устинье Артемьевой дочери из той же д. Староалейской); Сергей Афонасьев с женой Авдотьей Пантелеевой дочерью, их сыном Егором и матерью Сергея – вдовой Марьей Леонтьевой дочерью. В 1779 г. из д. Староалейской в Петропавловскую переселился холостяк Яков Леонтьев – приемный сын Ивана Осипова и Марии Яковлевой дочери (за Ивана Осипова она вышла, будучи вдовой солдата Томского полка Филипа Козмина); холостяк Иван Григорьев Яковлев с племянником Кирилой Артемьевым; Игнатей Ларионов с женой Евдокией Семеновой дочерью, сыном и двумя дочерьми. Неизвестно, когда переселились в д. Петропавловскую староалейцы: Кирило Марков Каспиров с женой Натальей Моисеевой дочерью и сыном Василием, а также брат Кирила Влас; Федор Иванов Шабанов [4. Л. 473–473 об., 479, 480 об., 482, 483, 486 об. – 487 об.]. В 1786 г. в д. Петропавловскую переселился крестьянин д. Бобровской Евтифей Яковлев Новиков с женой Парасковьей Яковлевой дочерью, их сыном Никитой, его женой и детьми [4. Л. 149].

В начале XIX в. рассматривался вопрос о возможности переселения крестьян Крутоберезовской и Убинской волостей на другие места жительства с тем, чтобы образовать там новые поселения. Переселиться изъявили желание 259 душ м.п. крестьян Крутоберезовской волости и 202 душ м.п. – Убинской волости; вероятно, вместе с семьями крестьян было значительно больше [5. Л. 51].

В Крутоберезовской волости разрешения на переселение просили жители крупнейших деревень – Зевакиной, Секисовской, Верхнеубинской. Из Зевакиной деревни изъявили желание переселиться 60 душ. Новое место, которое было ими подыскано для поселения, располагалось между форпостами Пьяноярским и Шульбинским, напротив Удальских островов «над Иртышем» по линейной дороге.

259 жителей деревни Секисовской определили для себя сразу несколько мест для переселения. 10 душ просили разрешения на поселение вверх по Иртышу в устье речки Нарымки, впадающей в Большой Нарым, или же по Бухтарминской дороге на речку Березовку, впадающую в Бухтарму. 69 душ желали переселиться

вверх по р. Бухтарме на берегах ее притоков – Таволжанки и Осиновки, также по Бухтарминской дороге. Следует отметить, что к этим переселенцам желали присоединиться 22 души из Верхнеубинской деревни. Еще 98 душ нашли себе место у речки Быструхи, на расстоянии 12 верст от деревни Секисовской (по дороге на Риддерский рудник).

В Убинской волости желание переселиться изъявили жители Убинской, Екатерининской и Выдринской деревень.

Убинцы (22 души) желали переселиться на новое место между форпостами Пьяноярским и Шульбинским, вверх по реке Шульбинке, в 20 верстах от ее устья у окраины Шульбинского бора. Место, выбранное для поселения, располагалось в 10 верстах от дороги на Локтевский завод.

Крестьяне Екатерининской деревни (48 душ) выбрали себе место примерно в 40 верстах от Екатериниской деревни на речке Шипунихе недалеко от Семеновского рудника, а также в 10 верстах от Линейной и Змеевской дорог.

Из д. Выдринской к переселению на новое место оказались готовы 132 души, которые обозначали себе место для переселения вверх по течению Бухтармы (по левому ее берегу), несколько ниже устья р. Тургусун, впадающей в Бухтарму с правой стороны, в 13 верстах от дороги к Зыряновскому руднику [5].

Для Колывано-Воскресенской администрации в данной ситуации было важно, чтобы крестьяне поселились на территории, приближенные к тем или иным заводам и рудникам.

Кабинетским указом от 16 сентября 1801 г. было постановлено, что крестьяне Усть-Каменогорской и Убинской волостей, общим числом 228 душ, могут переселиться на предназначенные места.

Еще одним примером легитимизации самовольно образованного поселения является история д. Солоновки. В 1803 г. командующий войсками в пограничной полосе генерал-майор Лавров сообщил начальнику Колывано-Воскресенских заводов об обнаружении на р. Солоновке деревни, именуемой жителями Усть-Солоновской. Переселения на речку Солоновку начались еще в 1791 г. из деревень Шелегиной, Чесноковой, Калистратихи. Согласия земских управителей на переселения получено не было. В том же году по указанию канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства Бийское волостное правление провело проверку и составило поименные списки жителей д. Солоновки. Поскольку крестьяне на новом месте уже обзавелись хозяйством, существование деревни было признано официально. В 1804 г. солоновцы дали подписку в том, что не будут более принимать новых жителей, а само дальнейшее переселение в д. Солоновку было запрещено. Несмотря на данные крестьянами обязательства и установленный запрет, переселения не прекратились [6. С. 93–95].

Однако не всегда вопрос о переселении крестьян (внутри заводского ведомства) разрешался также спокойно.

Горнозаводская администрация запрещала крестьянские переселения и постоянно ужесточала политику по отношению к фактам переселения: земским управителям вменялось в обязанность следить за переселениями, десятники несли ответственность не только за то, что отпускали крестьян на новые места жительства, но и за то, что позволяли пришлым крестьянам селиться на подведомственной им территории. За самовольные переселения предполагалось назначение штрафа – не только для самих беглецов, но и для тех, кто их приютил. Равно как наказание за самовольный уход для осуществления наемных работ было предусмотрено не только для самого крестьянина, но и его нанимателя. Однако все эти меры не остановили переселений.

В 1805 г. Кабинет потребовал от канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства прекращения самовольных крестьянских переселений. В 1817 г. был издан новый указ Кабинета, согласно которому крестьяне должны были оставаться на тех местах жительства, на которых они были записаны по сказкам VII ревизии и ни под каким видом без особого дозволения не переселяться. В противном случае их ожидали не только водворение на прежние места проживания, но и штрафы. Со всех крестьян взяли подписку о том, что они обязуются не покидать мест проживания.

В 1819 г. канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства издала новый указ, согласно которому всех самовольно переселившихся крестьян надлежит вернуть на прежние места жительства, а от земских управителей требовалось регулярно подавать рапорты об отсутствии самовольных переселений. С «лучших» людей взяли подписку о том, что они будут следить за тем, чтобы никто не переселялся самовольно внутри из их деревни (и не поселялся в ней без наличия соответствующего разрешения) [6. С. 92; 7. С. 222–225].

В 1836 г. вышло постановление горнозаводской администрации, согласно которому земские управители и волостные правления должны были предотвращать возможные переселения и препятствовать поиску крестьянами мест для переселения и обзаведению на этих новых местах хозяйством. Земским управителям были разосланы формы увольнительных и приемных подписок для регламентации процедуры переселения.

В увольнительной подписке записывались сведения о мужском составе семьи по данным последней ревизии. Эта информация вносилась в окладные книги по новому месту жительства (при этом, если со времени последней ревизии в семье оказывались умершие, их имена также вносились в окладные книги, и за них необходимо было выплачивать подати; то же самое происходило с податями за рекрутов).

Главным условием приемной подписки было требование о предварительном получении права на переселение. Такое право давалось обычно в том случае, если на семейство при двух последующих наборах не выпадала рекрутская очередь. Попадание в очередь на поставку рекрутов было прямым препятствием для получения разрешения на переселение [3. С. 90, 91].

Однако и эти меры не смогли остановить переселений, которые во многом объяснялись наличием

значительного пространства свободных земель, пригодных для обзаведения хозяйством. Данная причина – стремление найти больший земельный достаток – заставлял сибирских крестьян из неприписных волостей переселяться на земли горнозаводского ведомства. Но становиться приписными крестьяне при этом не желали. Характерный пример приводится в статье о самовольных крестьянских переселениях Т.С. Мамсик: в 1827 г. на землях заводского ведомства были обнаружены поселения тюкалинских крестьян Юдинской волости. Крестьяне обзавелись на новых местах хозяйством и все попытки заставить их вернуться на прежние места жительства оказались безрезультатными. Быть включенными в число приписных крестьяне также не желали. В период с 1802–1825 гг. еще 9 деревень на территории заводского ведомства были основаны тобольскими крестьянами, которые, в конечном счете, отвоевали себе право оставаться на обжитых местах за давностью лет и при этом были освобождены от приписки [8. С. 122–125].

Горнозаводская администрация стремилась полностью взять под свой контроль любые передвижения крестьян. Даже на кратковременные отлучки для занятия промыслами, на рынок в крепости для продажи хлебных излишков, скота, на заработки требовалось получение специального разрешения, которое выдавал земский управитель по представлению сельских сотников и десятников. Сама необходимость получать разрешение приводила к злоупотреблениям, нередко приходилось делать земским управителям подарки для получения требуемого документа. Иногда оформление разрешения затягивалось, и крестьяне, отправляющиеся на промыслы, опаздывали, поскольку слишком долго ждали разрешения.

Несмотря на все попытки установить жесткий контроль, горнозаводская администрация не могла предотвратить побегов. Бежали как крестьяне, так и мастеровые. Побеги начались еще при заселении территории, что не удивительно: многие поселенцы (прежде всего, крестьяне-«поляки», а также ссыльнопоселенцы) оказывались здесь не по своей воле [9. С. 64].

Таким образом, несмотря на препятствия, чинимые со стороны горнозаводского начальства, стремившегося закрепить крестьян на их местах жительства, зафиксированных при переписи населения, крестьянские переселения были частым явлением. Это объяснялось, с одной стороны, тяжелыми условиями существования приписных крестьян, значительными заводскими повинностями, возлагаемыми на них, а с другой – огромными пространствами Сибири, дающими возможность укрыться. Опора горного начальства на сельскую администрацию не имела успеха: крестьянские выборные не могли воспрепятствовать переселениям. Поэтому самовольные переселения встречались гораздо чаще, чем переселения, осуществляемые с дозволения горнозаводской администрации, не приветствовавшей факта перемещения крестьян внутри горнозаводского ведомства (не говоря уже о бегстве крестьян за его пределы). Поиски беглых и наказание их было обычным явлением в жизни приписной деревни.

Самовольно переселившиеся крестьяне стремились узаконить факт своего существования и подавали прошения (конечно, уже после того, как обзаводились хозяйством на новом месте) о включении их в оклад по новому месту проживания. Ни запреты на переселения, ни штрафы, ни угрозы водворения на прежние места проживания и физическое наказание не стали сдерживающим фактором крестьянской миграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Громыко М.М.* Западная Сибирь в XVIII веке : Русское население и земледельческое освоение / АН СССР, Сиб. отделение. Новосибирск, 1965. 267 с.
2. *Крестьянство* Сибири в эпоху феодализма / ред. кол.: А.П. Окладников (отв. ред.), В.А. Александров, З.Я. Бояршинова, О.Н. Вилков, Е.М. Залкинд, Т.С. Мамсик, Н.А. Миненко, Н.Н. Покровский, А.А. Преображенский, Н.Д. Золникова. Новосибирск : Наука, 1982. 504 с.
3. *Интеграция* приписной деревни и горно-заводского производства на кабентских землях в Сибири / под ред. В.П. Зиновьева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 200 с.
4. ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 819.
5. РГИА. Ф. 468. Оп. 18. Д. 456.
6. *Бояршинова З.Я.* К вопросу о хозяйстве приписных крестьян первой четверти XIX в. (По материалам д. Солоновки Бийской волости Томской губернии) // Известия Сибирского отделения АН СССР. 1964. Вып. 1. С. 92–99.
7. *Жеравина А.Н.* Кабинетское хозяйство в Сибири (1747–1861 гг.) / под ред. В.П. Зиновьева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 324 с.
8. *Мамсик Т.С.* Самовольные крестьянские переселения (По материалам Сибири первой половины XIX в.) // Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII–XX вв.) ; Бахрушинские чтения 1979 г. ; сб. науч. тр. / ред. кол. : А.П. Окладников (отв. ред.), Н.Я. Гущин, Л.М. Горюшкин, И.С. Кузнецов, Н.А. Миненко. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 1979. С. 116–126.
9. *Мамсик Т.С.* Побеги как социальное явление : Приписная деревня Западной Сибири в 40–90-е годы XVIII в. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1978. 208 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 17 сентября 2014 г.

RESETTLEMENT OPPORTUNITIES OF BONDED PEASANTS OF THE KOLYVANO-VOSKRESENSKY MINING DISTRICT IN THE FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURY ON THE EXAMPLE OF SEMIPALATINSK DISTRICT PEASANTS

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 122-125. DOI 10.17223/15617793/390/21

Lyapkova Anna A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anna_lyapkova@rambler.ru

Keywords: Kolyvano-Voskresensky mining district; bonded peasants; Ubinsky region; Krutoberezovsky region; peasant resettlement.

Resettlement of bonded peasants in the 19th century was controlled more strictly than in the 18th century. Due to the unauthorized resettlement of peasants, there were founded new villages in the mining district. The authorities were forced to legitimize them. Resettlement of peasants was considered unauthorized if there was no permission from the mining administration. Such peasants were considered fugitives, they were wanted and returned to their former places of residence. Settlement of new villages was perceived positively when they were founded by the decision of administrations. After the founding of Petropavlovskaya village in the place chosen by Major General Scalon in the Biysk Commandant's Office, many peasants-"Poles" from Staroaleyskaya village wished to move there. Peasants from other villages, such as Bobrovskaya, wanted to move there too. In the 19th century control over the resettlement of peasants became tougher. However, resettlement was still carried out. In 1801, the mining administration allowed to move peasants of Ust-Kamenogorsk and Ubinsk regions to the places that peasants found themselves. The relocation of 228 people was approved, but the number of requests for resettlement was greater. In 1804, Solonovka village, founded by peasants without permission, was officially recognized. In this case, the residents were forbidden to accept new immigrants. The mining administration issued decrees which forbade the resettlement of peasants and made zemstvo heads organize the return of resettlers to their former places of residence. Similar decrees were issued in 1817 and 1819. By the Decree of the mining administration from 1836, zemstvo heads were obliged to prevent the preparation of peasants to resettlement. Search for new places of residence was forbidden. Peasants had to obtain a special permit issued by a zemstvo head by recommendation of rural foremen even for short absences for cropping, selling grain surpluses and cattle at the market, for work. The need to obtain a permit led to abuse of power; peasants often had to make gifts to zemstvo heads for the requested document. Sometimes obtaining a permit was delayed, and peasants engaged in cropping were late for they waited too long for the permission. However, an attempt to completely stop peasant resettlement failed, new villages were still founded in the territory of the Mining Office both by the bonded peasants and those who came from the outside of the mining district.

REFERENCES

1. Gromyko M.M. *Zapadnaya Sibir' v XVIII veke: Russkoe naselenie i zemledel'cheskoe osvoenie* [Western Siberia in the 18th century: the Russian population and agricultural development]. Novosibirsk: SB USSR AS Publ., 1965. 267 p.
2. Okladnikov A.P. (ed.) *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu feodalizma* [Siberian peasants under feudalism]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1982. 504 p.
3. Zinoviev V.P. (ed.) *Integratsiya pripisnoy derevni i gorno-zavodskogo proizvodstva na kabinetskikh zemlyakh v Sibiri* [Integration of bonded villages and mountain-plant production on the Office lands in Siberia]. Tomsk: TSU Publ., 2006. 200 p.
4. State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund 169. List 1. File 819.
5. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 468. List 18. File 456.
6. Boyarshinova Z.Ya. K voprosu o khozyaystve pripisnykh krest'yan pervoy chetverti XIX v. (Po materialam d. Solonovki Biyskoy volosti Tomskoy gubernii) [On the issue of bonded peasants' economy in the first quarter of the 19th century (Solonovka village, Biysk parish of Tomsk Province)]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR*, 1964, issue. 1, pp. 92–99.
7. Zheravina A.N. *Kabinetskoe khozyaystvo v Sibiri (1747–1861 gg.)* [The Ofice farms in Siberia (1747-1861)]. Tomsk: TSU Publ., 2005. 324 p.
8. Mamsik T.S. *Samovol'nye krest'yanskie pereseleniya (Po materialam Sibiri pervoy poloviny XIX v.)* [Unauthorized peasant resettlement (in Siberia of the first half of the 19th century.)]. In: Okladnikov A.P. (ed.) *Khozyaystvennoe osvoenie Sibiri i rost ee narodonaseleniya (XVIII–XX vv.); Bakhrushinskie chteniya 1979 g.* [The economic development of Siberia and the growth of its population (18th-20th centuries). Bakhrushin readings in 1979]. Novosibirsk: NSU Publ., 1979, pp. 116–126.
9. Mamsik T.S. *Pobegi kak sotsial'noe yavlenie: Pripisnaya derevnya Zapadnoy Sibiri v 40–90-e gody XVIII v.* [Escapes as a social phenomenon: bonded village of Western Siberia in 1740-1790s]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1978. 208 p.

Received: 17 September 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 126–131. DOI 10.17223/15617793/390/22

УДК 069

О.М. Рындина, Н.В. Лукина, Т.С. Курьянова, Н.В. Золотарёва

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ХАНТЫ СУРГУТСКОГО РАЙОНА ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ И ПРАКТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00263 «Этническая и книжная традиции в культурном наследии Западной Сибири».

Рассматривается проблема сохранения и актуализации этнокультурного наследия. Предлагается трактовка понятия с учётом международных нормативных документов и научной рефлексии. Определяется место этнокультурной компоненты в общей структуре культурного наследия. В качестве базовой составляющей этнокультурного наследия трактуется этническая культура в локальных вариантах её бытования. Определяются различные способы сохранения и актуализации этнокультурного наследия, и ведущим из них признаётся музеефикация. Предложенный подход реализуется на материалах по музейному делу Сургутского района. Анализируется деятельность двух районных музеев – Музея «Природы и человека» им. А.П. Ядрошникова и Лянторского хантыйского этнографического музея, а также хантыйского стойбища «Лук-Яун». Делается вывод о развитой практике сохранения этнокультурного наследия ханты, определяются её специфические черты и намечаются перспективы.

Ключевые слова: культурное наследие; этническая культура; локальная специфика; музеефикация; музейное дело; Сургутский район.

Понятие «культурное наследие» стало расхожим в научном дискурсе и общественной практике. Оно введено в оборот Конвенцией ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия» (1972). В самом общем виде под культурным наследием в ней понимается система ценностей, созданных предыдущими поколениями и воспринятых современными [1]. Конвенция декларировала проблему содержания культурного наследия и указала пути её решения, разработав структуру наследия. Она включает в себя две большие сферы – материальное, т.е. вещественные рукотворные памятники как результат развития культуры человечества, и природное, т.е. памятники естественного происхождения как результат эволюции природы, наследие. Первое, в свою очередь, делится на движимое и недвижимое. Движимые памятники без особого ущерба их аутентичной ценности могут быть перемещены в иную пространственную среду. К ним относятся орудия труда, средства передвижения, одежда, изделия ремёсел и промыслов и др. К недвижимым памятникам причисляют культурные объекты, которые нельзя изъять из окружающей их ландшафтной среды без серьёзного ущерба их информативной ценности. Это прежде всего археологические памятники, культовые сооружения, древние жилища.

В 2000-е гг. культурное наследие приковало к себе пристальное внимание международного сообщества. Был принят ряд нормативных документов, углубивших трактовку понятия и его содержательную характеристику, в том числе и структурную. Укажем наиболее важные из них. В 2003 г. произошло подписание сразу двух документов. Во-первых, это Конвенция «Об охране нематериального культурного наследия». Она не только выделила новую сферу в рамках наследия, но и задала границы этой сферы, определив структурные компоненты нематериального культурного наследия. К ним отнесены фольклор и другие формы выражения традиционного мировоззрения, обряды и праздники, традиционные технологии, и прежде всего в сфере декоративно-прикладного искусства, и, наконец, своеобразное исполнительское искусство [2]. Во-вторых, в 2003 г. вступила в действие Хартия «О сохранении цифрового наследия», признавшая право на статус культурных ценностей информации, зафиксированной на цифровых носителях [3]. В 2005 г. нормотворчество в сфере культурного наследия пополнила Конвенция «Об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения», утвердившая принципиально новый подход мирового сообщества к осмыслению феномена этнической культуры. На смену идеи «плавильного котла», утверждавшей неизбежность стирания различий между культурами народов, пришло осознание культурного разнообразия человечества как объективной вневременной закономерности его существования и безграничного ресурса [4].

Сегодня наследие человечества мыслится в виде синтеза природного и культурного, последнее включает в себя цифровое, нематериальное и материальное, которое, в свою очередь, подразделяется на движимое и недвижимое.

В России Конвенция ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия» (1972) ратифицирована в конце 1980-х гг., вследствие чего термин «культурное наследие» прочно вошёл в российское законодательство и получил соответствующее преломление в ряде нормативно-правовых инициатив. Остальные конвенции так до сих пор не ратифицированы, однако их идеи представлены в российском нормотворчестве, причём региональное по некоторым позициям опережает общероссийское.

В научном дискурсе о культурном наследии появились понятия, пока не утвердившиеся в нормативно-правовой терминологии, но тем не менее весьма удобные в использовании, когда нужно оттенить тот или иной аспект наследия. В этом ряду особо следует выделить термин «этнокультурное наследие», определённый А.В. Смеляковой [5. С. 36].

На наш взгляд, этнокультурное наследие предстаёт в виде многомерной модели, и помимо охарактери-

зованной компонентной структуры правомерно вести речь ещё об одной – стратифицированной. Она пронизывает выделенные компоненты и придаёт им внутреннюю организованность и комплексность. В качестве страт выступают результаты различных видов деятельности, специфика которых определяется субъектом деятельности – архаичным коллективом, творческой личностью, обладающей профессиональными навыками, этносом. В первом случае мы имеем дело с археологическим наследием – коллективным продуктом, сокрытым от наших поколений толщей культурных слоёв и извлекаемым с помощью раскопок; во втором – с профессиональным творчеством, создающим львиную долю культурного наследия и несущим отпечаток индивидуальности своего творца; в третьем – с созидательностью народа, унаследовавшего традиции предков и передающего их новым поколениям. Каждый из страт присутствует во всех компонентах культурного наследия. Этнокультурное наследие сочетает в себе материальное, движимое и недвижимое, нематериальное и природное наследие как часть среды, в которой существует этнос [6. С. 11]. В культуре каждого народа наибольшей ценностью обладают своеобразные, только ей присущие черты, которые определяются понятием «этническая культура». Следовательно, последняя оказывается хорошо соотносимой с этнокультурным наследием, более того, она служит его основным содержанием.

Этническая культура существует во множестве локальных вариантов, и иначе она существовать не может. Именно этнолокальная специфика придаёт значительную долю своеобразия культуре каждого народа, и, следовательно, именно она должна оказываться в центре внимания при изучении и сохранении этнокультурного наследия. Проиллюстрируем сказанное на примере культуры тром-ёганских ханты, проживающих в Сургутском районе на р. Тром-Ёган и относимых исследователями по этнолингвистической классификации к восточной группе этноса. Примеры этнолокальной специфики тром-ёганских ханты охватывают движимое материальное культурное наследие группы.

Этнолокальная специфика может проявляться в разных вариантах. Во-первых, по принципу наличия-отсутствия в культуре определённых разновидностей предметов. Например, костяные крепилки для нитей встречались у всех восточных ханты, но только тромёганские для этой цели использовали двойную кость от крыльев лебедя [7. С. 76]. Мужские сумочки для хранения личных предметов бытовали у всех ханты, но лишь на Тром-Ёгане они зафиксированы в виде полуовала с такой же крышкой-клапаном и вшивной боковой полосой с орнаментом [Там же. С. 73, 74].

Во-вторых, локальное своеобразие может проявляться в конструктивной специфике вещи: нюансы в способах крепления деталей, крое, форме, отделке. Так, для Тром-Ёгана характерны прочное, нераздельное соединение лямки и пояса в оленьей упряжи, а также наличие подгрудного ремня у лямки, в который продевают ногу оленя. Для сравнения: у соседних юганских ханты сформировалась традиция разделения лямки и пояса во время распрягания оленей [Там же. С. 130]. «Тром-ёганской модой» было признано соседними группами ханты платье без кокетки и с широкой оборкой по подолу, начинающейся от линии бёдер [7. С. 38]. Воротник у зимней шубы-саха только на Тром-Ёгане делали из подгрудка оленя [Там же. С. 44]. Ложка-черпак именно здесь имела треугольный выступ с отверстием на конце черенка [Там же. С. 83].

В-третьих, местные традиции вырабатываются и в использовании круга предметов, очерчивающих культуру. Лишь на Тром-Ёгане передвигались в обласке по тонкому льду, отталкиваясь при этом палкой [Там же. С. 19]. Подвязки на обуви здесь завязывали не спереди, а сбоку [Там же. С. 58]. Зимой женщины носили одновременно два платка: один повязывали на голову, а второй складывали по диагонали и набрасывали на плечи, а углы привязывали к поясу [Там же. С. 59]. Наконец, во время остановки хорей ставили вертикально или клали один его конец на нарту, в то время как у других групп ханты его бросали на землю [Там же. С. 34, 35].

В-четвёртых, концентрация локальной специфики наблюдается в технологии изготовления предметов. И в данном случае этническая специфика балансирует на грани материального и нематериального наследия: технология – нематериальное, а результат её применения – материальное. К сожалению, этот раздел традиционной культуры ханты не получил должного аналитического освещения в литературе.

Отчётливо локальная специфика этнической культуры проступает и в сфере нематериального культурного наследия. Практически для каждой реки, на которой проживают ханты, характерен свой вариант мифов о творении сущего, включая и человека. Тромёганский вариант, например, отличает река как объект первотворения. Местная специфика присутствует и при проведении обрядов и праздников, даже если они вписываются в общую схему. К сожалению, вновь приходится констатировать неизученность проблемы вариативности мировоззрения и обрядовой сферы ханты в научном плане.

В традиционной культуре этнические ценности транслировались в процессе жизнедеятельности. Их первостепенная важность осознавалась и выделялась в особую сферу – обрядовую. Она локализовалась в наиболее сакральной части пространства – на священном месте – и предполагала наличие особых лиц с функциями распорядителей и хранителей. Вместе с тем не существовало специальных институтов для сохранения и передачи базовой информации, включая и ценностные нормы. В современных условиях описанный механизм трансляции этнокультурного наследия во многом утратил свою силу. Важнейшим институтом, выполняющим функции генерирования, сохранения и актуализации этнокультурного наследия, стал музей. Не случайно практически во всех музеях Сургутского района имеются этнографические собрания и созданные на их основе экспозиции или выставки. Сохранение этнокультурного наследия стало доминантой в деятельности трёх районных музеев – в пос. Угут, дер. Русскинская и г. Лянтор [8. С. 80, 81].

Музей обладает специфическими способами сохранения и актуализации наследия, т.е. включения его

в социальные практики, в сферу коммуникации. Главнейшим из них является музеефикация. Под ней понимается преобразование объектов культурного наследия в объекты музейного показа. Таким образом, музеефикация предполагает извлечение предметов из исконной среды их бытования и помещение в искусственно сконструированную. При этом важной становится проблема степени соответствия сконструированной и подлинной сред.

Музеефикация объектов материального движимого культурного наследия связана главным образом с экспозиционно-выставочной деятельностью по этнографической тематике, презентующей традиционную культуру ханты. Основной формой актуализации служат экскурсии. Каждый из музеев Сургутского района обладает уникальными коллекциями по этнографии ханты. Так, в Хантыйском этнографическом музее в Лянторе своей содержательностью выделяется часть экспозиции, посвящённая традиционным занятиям, и прежде всего рыболовству (рис. 1). В «Музее природы и человека» им. А.П. Ядрошникова уникальны музейные предметы, характеризующие традиционную одежду. Большинство их вписано в «живую» культуру ханты: используется на национальных праздниках, проводимых в дер. Русскинская [9. С. 40].

Рис. 1. Лянторский хантыйский этнографический музей. Фрагмент экспозиции

Особой разновидностью музеефикации материального культурного наследия следует признать музеи под открытым небом, создаваемые на основе подлинных музейных предметов. Они соединяют в себе, во-первых, недвижимое (постройки) и движимое (хозяйственные орудия, детали традиционного интерьера, утварь) наследие и таким образом дают более системное представление о нём. Во-вторых, в экспозицию гармонично вписывается и природная среда, что согласуется с главным принципом традиционной культуры – её нерасторжимым единством с окружающей природой. Интегрируя в себе различные сферы этнокультурного наследия и актуализируя при их восприятии богатую гамму чувств, музеи под открытым небом становятся особенно привлекательными для посетителей. Этим и объясняется их включение в состав районных музеев. Так, значительную часть территории «Музея природы и человека» в дер. Русскинская занимает комплекс под открытым небом, где размещены традиционные жилища и хозяйственные постройки тром-ёганских ханты – лабазы, загоны для оленей [9. С. 40]. Локальный вариант культуры пимских ханты представлен в архитектурно-этнографическом комплексе под открытым небом, расположенном на территории Лянторского хантыйского этнографического музея. Комплекс прекрасно вписан в ландшафтную среду, обыгрывает её специфику и даёт полное представление о традиционной культуре, быте и хозяйственной деятельности ханты, проживающих в долине р. Пим (рис. 2).

Рис. 2. Лянторский хантыйский этнографический музей. Свадебный обряд «Эй вэрнэ» («Вместе»)

Применительно к музеефикации нематериального культурного наследия методика находится в стадии становления. Представляется, что следует вести речь о четырёх видах музеефикации нематериального культурного наследия [6. С. 15, 16].

1. Музеефикация объектов недвижимого материального наследия, связанных с нематериальным. Прежде всего речь идёт об объектах археологического наследия, т.е. памятниках, открытых благодаря археологическим раскопкам, – жилищных, погребальных и сакральных комплексах. Хорошие перспективы для музеефикации подобного вида в Сургутском районе имеются на комплексе археологических памятников от эпохи камня до позднего Средневековья «Барсова гора», на базе которого создан одноимённый историко-культурный научно-производственный центр [8. С. 82, 83].

2. Музеефикация объектов движимого наследия, связанных с нематериальным культурным наследием. Сюда относятся прежде всего предметы культовой сферы, произведения народного искусства. Их введение в экспозиционное или выставочное пространство непременно перекидывает мостик в область традиционного мировоззрения, мифологии, фольклора, обрядово-праздничной культуры. Подобный выход в мировоззрение народа в «Музее природы и человека» им. А.П. Ядрошникова, например, обеспечивает экспонирование медведя в ритуальной позе, характерной для посвящённого ему праздника. Музейный экспонат выступает в роли предмета поклонения для самого народа. Часто перед головой священного зверя проходят гадания, иногда – лечение больных [9. С. 40].

3. Реконструкция утраченных элементов нематериального наследия на основе воссозданных технологий. Данный вариант реализуется сегодня прежде всего в деятельности центров декоративно-прикладного искусства, например в Отделе народных промыслов и ремёсел г. Лянтор. На основе полевых сборов этнографического материала его сотрудники воссоздают утраченные или полузабытые технологии хантыйских ремёсел и тем самым спасают их от окончательного забвения.

4. Ревитализация, т.е. оживление, объектов нематериального наследия через использование интерактивных технологий. Главным образом указанный вариант реализуется в проведении воссозданных музейными сотрудниками традиционных праздников, обрядов. Ревитализация предполагает бережное обращение к культурному наследию народа, корректные реконструкции, согласованные с носителями культуры. В качестве примера можно привести празднование Дня ворона, Праздника трясогузки, проведение свадебного обряда «Эй вэрнэ» («Вместе») в Лянторском хантыйском этнографическом музее (рис. 3).

Особое внимание в музее уделяется туристической индустрии: разрабатываются и проводятся традиционные праздники, туристические маршруты [10]. На территории парка-музея регулярно проводятся национальные праздники, главная задача которых – воссоздание и сохранение для будущих поколений самобытной культуры коренного населения округа, сконцентрированной в обрядовой сфере. Заместителем директора по научной работе Т.А. Лозямовой разработан проект по развитию этнографического туризма «Добро пожаловать на стойбище» («Мэн кутыва ёвта») [11]. Участвуя в таком этнотуре, посетитель, проведя весь день в музее, получит возможность познакомиться с традиционными постройками, обрядами, пищей и сервировкой стола, спортивными соревнованиями, а также прикладным искусством пимских ханты. Аутентичность музейных реконструкций достигнута благодаря регулярно проводимым этнографическим исследованиям, экспедициям [12. С. 50].

Рис. 3. Лянторский хантыйский этнографический музей. Фрагмент архитектурно-этнографического комплекса: хозяйственный лабаз

Музеефикация служит проверенным способом сохранения и актуализации этнокультурного наследия, но не единственным. Сегодня таким способом становится создание культурных ландшафтов – природно-культурных комплексов, функционирующих в естественных условиях.

Речь идёт о превращении реальных хантыйских поселений в объекты музейного показа при сохранении «живой этнографии». Данный способ представляется наиболее эффективным с точки зрения музеологии, поскольку синтезирует в себе природное и культурное наследие во всём многообразии последнего и гарантирует подлинность объектов показа. Примеров культурных ландшафтов на территории Сургутского района не выявлено. Вместе с тем значительная степень сохранности этнической культуры в местах проживания ханты, ведущих традиционный образ жизни, а также развитая инфраструктура в районе позволяют видеть данный способ сохранения культурного наследия народа как один из наиболее перспективных.

Новационным способом презентации этнокультурного наследия служит создание имитационного культурного ландшафта, хорошо вписывающегося во всёпроникающую виртуализацию современности. Способ предполагает создание искусственной модели «этнической деревни», воспроизводящей наиболее существенные черты традиционного варианта. У подобного конструкта ряд важных задач – организация досуга, привлечение посетителей, развитие этнографического туризма. Безусловно, они важны. Вместе с тем следует подчеркнуть, что к охране этнокультурного наследия описываемый способ имеет косвенное отношение, лишь пробуждая к нему интерес. В Сургутском районе примером имитационного культурного ландшафта является комплекс «Лук-Яун», ориентированный на туристический поток, в котором хантыйскую культуру презентуют новоделы (рис. 4).

Рис. 4. Общение туристов с оленем на стойбище «Лук-Яун». Фото Я.А. Яковлева

Таким образом, этнокультурное наследие ханты хорошо представлено в Сургутском районе в своём локальном разнообразии. Здесь накоплен значительный опыт по его сохранению посредством музеефикации, правда охватывает этот опыт прежде всего материальное наследие. Вместе с тем сегодня особого внимания требует к себе нематериальное культурное наследие народа как в плане его фиксации, так и сохранения, изучения и актуализации. Для этого в районе всё ещё сохраняется серьёзный этнографический потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Конвенция* об охране всемирного культурного и природного наследия (16 ноября 1972 г.) // Свод нормативных актов ЮНЕСКО: Конвенции и соглашения, рекомендации, декларации. М., 1991. С. 290–302.
2. *Конвенция* ЮНЕСКО «Об охране нематериального культурного наследия» (2003). Париж, 17 октября 2003 г. // ЮНЕСКО. URL: www.unesco.org/bpi/rus/pdf/03-82-Russe.pdf (дата обращения: 11.09.2014).
3. *Хартия* о сохранении цифрового наследия // Юнеско. URL: http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001311/131178e.pdf (дата обращения: 15.08.2014).
4. *Конвенция* об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения // ЮНЕСКО. URL: http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001429/142919r.pdf (дата обращения: 5.05. 2014).
5. *Смелякова А.В.* Казахские этнографические коллекции в музейных собраниях Западной Сибири : дис. … канд. культурологии. Омск, 2008. 190 с.
6. *Курьянова Т.С.* Актуализация культурного наследия коренных народов в музеях Южной Сибири : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2014. 23 с.
7. *Лукина Н.В.* Формирование материальной культуры хантов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. 367 с.
8. *Сургутский* район в калейдоскопе времени : справочник-дайджест : в 14 кн. Кн. 1. Муниципальное образование Сургутский район. Сургут, 2008. 172 с.
9. *Сургутский* район в калейдоскопе времени: Справочник-дайджест : в 14 кн. Кн. 8. Сельское поселение Русскинская. Сургут, 2008. 72 с.
10. *Интервью* с Подосян Еленой Азимовной – директором Муниципального учреждения культуры «Лянторский хантыйский этнографический музей». Лянтор, 2014.
11. *Лозямова Т.А.* Проект по развитию этнографического туризма «Мэн кутыва ёвта» («Добро пожаловать на стойбище»). Лянтор, 2013. 18 с.
12. *Сургутский* район в калейдоскопе времени : справочник-дайджест : в 14 кн. Кн. 6. Городское поселения Лянтор. Сургут, 2008. 90 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 07 декабря 2014 г.

THE KHANTY'S ETHNO-CULTURAL HERITAGE OF SURGUT DISTRICT OF KHANTY-MANSIYSK AUTONOMOUS OKRUG – UGRA IN THEORETICAL AND PRACTICAL DISCOURSES

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 126-131. DOI 10.17223/15617793/390/22

Ryndina Olga M., Lukina Nadezhda V., Kuryanova Tatyana S., Zolotareva Natalia V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rynom_97@mail.tomsknet.ru; lunv@mail.ru; tanytka_88@mail.ru; Natashik@sibmail.com

Keywords: cultural heritage; ethnic culture; museumification; Surgut district.

The article discusses the problem of preservation and actualization of the cultural heritage. Interpretation of the concept is proposed with account of international instruments, mainly UNESCO conventions, and scientific reflection as a system of values created by previous generations and perceived by the modern. The synthesis of cultural and natural heritage is emphasized. The structure of the cultural heritage is determined: digital, material which, in turn, is divided into movable and immovable, and also intangible which includes folklore and other forms of expression of traditional worldview, rituals and festivals, traditional technologies, especially in the field of decorative and applied arts and original performing arts. The stratum permeating all of the components of heritage named above is ethnic and cultural heritage. Its close relationship with the ethnic culture in local versions of its existence is emphasized. The examples are given on the basis of the specificity of ethnolocal materials of the culture of the Khanty living by the Tromyogan River. The different ways of the ethno-cultural heritage preservation and actualization are identified and museumification is recognized as the leading. In the context of material heritage we are talking about classical museums and open-air museums. Four ways of intangible cultural heritage museumification are characterized through the items of movable and immovable heritage, reconstruction on the basis of the reconstituted technologies, revitalization using interactive forms of museum activities. Such methods as the establishment of cultural landscapes, including simulation, are also discussed. The proposed approach is realized on the materials for the museum affairs of Surgut region. The activity of the regional museums: the Museum of Nature and Man n.a. A.P. Yadroshnikov, the Khanty Ethnographic Museum at Lyantor and the Khanty camping-ground "Luk-Yaun" is analyzed. The exhibition activities, ethnographic tourism, the use of interactive and novation technologies are considered. It is concluded that the preservation practices of the Khanty's ethnocultural heritage are developed; their specific features are determined and prospects are outlined.

REFERENCES

1. *Konventsiya ob okhrane vsemirnogo kul'turnogo i prirodnogo naslediya (16 noyabrya 1972 g.)* [Convention on the Protection of the World Cultural and Natural Heritage (16 November 1972)]. In: *Svod normativnykh aktov YuNESKO: Konventsii i soglasheniya, rekomendatsii, deklaratsii* [Regulations of UNESCO: Conventions and agreements, recommendations, declarations]. Moscow, 1991, pp. 290–302.
2. *Konventsiya YuNESKO "Ob okhrane nematerial'nogo kul'turnogo naslediya"(2003). Parizh, 17 oktyabrya 2003 g.* [UNESCO Convention "On Protection of Intangible Cultural Heritage" (2003). Paris, October 17, 2003]. Available from: www.unesco.org/bpi/rus/pdf/03-82-Russe.pdf. (Accessed: 11th September 2014).
3. UNESCO. *Khartiya o sokhranenii tsifrovogo naslediya* [UNESCO Charter on the Preservation of the Digital Heritage]. Available from: http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001311/131178e.pdf. (Accessed: 15th August 2014).
4. UNESCO. *Konventsiya ob okhrane i pooshchrenii raznoobraziya form kul'turnogo samovyrazheniya* [Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions]. Available from: http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001429/142919r.pdf. (Accessed: 5th May 2014).
5. Smelyakova A.V. *Kazakhskie etnograficheskie kollektsii v muzeynykh sobraniyakh Zapadnoy Sibiri*: dis. kand. kul'turologii [Kazakh ethnographic collections in the museum collections of Western Siberia. Cultural Studies Cand. Diss.]. Omsk, 2008. 190 p.
6. Kur'yanova T.S. *Aktualizatsiya kul'turnogo naslediya korennykh narodov v muzeyakh Yuzhnoy Sibiri*: avtoref. dis. kand. ist. nauk [Actualization of the cultural heritage of indigenous peoples in the museums of Southern Siberia. Abstract of History Cand. Diss.]. Tomsk, 2014. 23 p.
7. Lukina N.V. *Formirovanie material'noy kul'tury khantov* [Formation of the material culture of the Khanty]. Tomsk: TSU Publ., 1985. 367 p.
8. *Surgutskiy rayon v kaleydoskope vremeni: spravochnik-daydzhest: v 14 kn.* [Surgut District in a kaleidoscope of time: A Guide in 14 books]. Surgut, 2008. Book 1, 172 p.
9. *Surgutskiy rayon v kaleydoskope vremeni: spravochnik-daydzhest: v 14 kn.* [Surgut District in a kaleidoscope of time: A Guide in 14 books]. Surgut, 2008. Book 8, 72 p.
10. Interview with Elena Podosyan, director of the municipal cultural institutions "Lyantor Khanty Ethnographic Museum". Lyantor, 2014. (In Russian).
11. Lozyamova T.A. *Proekt po razvitiyu etnograficheskogo turizma "Men kutyva evta" ("Dobro pozhalovat' na stoybishche")* [The project for the development of tourism "Men kutyva ëvta" ("Welcome to the camp")]. Lyantor, 2013. 18 p.
12. *Surgutskiy rayon v kaleydoskope vremeni: spravochnik-daydzhest: v 14 kn.* [Surgut District in a kaleidoscope of time: A Guide in 14 books]. Surgut, 2008. Book 6, 90 p.

Received: 07 December 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 132–140. DOI 10.17223/15617793/390/23

УДК 94(47).083

В.Н. Фаронов

ТРУД ЖЕНЩИН НА ПРОИЗВОДСТВЕ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Рассматривается характер производственного труда женщин в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Развернувшаяся в это время индустриализация стала причиной всесторонней трансформации в социальной сфере. Перемены коснулись и семьей формирующегося рабочего класса. Одним из важнейших факторов этих изменений стала все нарастающая вовлеченность женщин из рабочих семей в производственную деятельность, ставшая следствием острой материальной нужды. Хотя заработки женщин были более низкими, чем у взрослых мужчин, тем не менее они составляли существенную часть дохода семьи. Повсеместно наблюдаемый рост удельного веса женщин среди рабочих в целом являлся следствием дешевизны женского труда, а также тем, что этот контингент был более управляемым, что также было важно для работодателя.
Ключевые слова: рабочие; семья; Сибирь; XIX век; модернизация.

Индустриализация Сибири, ускорившаяся после начала строительства в 1890-х гг. Транссибирской железнодорожной магистрали, вносила всесторонние изменения и в социальную жизнь. Не в последнюю очередь это касалось проблем семьи, одной из которых является вопрос вовлечения в трудовую деятельность вне домашнего хозяйства женщин из рабочих семей. Рассмотрению этого вопроса будет посвящено настоящее исследование, основанное преимущественно на данных Всероссийской переписи 1897 г.

Семья рабочего значительно отличалась от традиционной крестьянской семьи в ее экономической функции. Если у крестьян (а равно и у ремесленников) семья являлась производственной единицей, то у рабочих она либо уже переставала быть таковой и жила за счет заработков от внедомашнего производства, либо существовала в режиме «двойной экономики», т.е. за счет заработка и домашнего хозяйства. Однако у значительной категории рабочих доля дохода от домашнего хозяйства была небольшой либо такового вообще не имелось. Причем по мере развития модернизационных процессов численность рабочих, не имеющих связи с землей, только возрастала. Соответственно возрастала и значимость заработной платы как основного и часто единственного источника существования семьи. Но заработка главы семьи, как правило, не хватало для ее содержания, что становилось причиной расширения круга занятых на производстве членов рабочей семьи.

Чтобы охарактеризовать типичную ситуацию в экономике рабочей семьи Сибири, приведем лишь один пример соотношений заработной платы и расходов семьи. Так, в бюджетах семей рабочих монопольных складов Томской губернии среднемесячные расходы на питание составляли 3,1–7,9 руб. на одного человека. Средняя численность семьи была от 2,7 до 6,8 человек; размеры зарплат составляли от 10 до 24,8 руб. в месяц [1. С. 148]. Сопоставление расходов на питание, количества человек в семье и заработной платы рабочего открывают факт невозможности содержания семьи на зарплату только одного работника. А ведь нужно учитывать еще и расходы на квартплату, одежду и т.п., составлявшие от 0,8 до 9,3 руб. в месяц.

Конечно, ситуация с заработком не была одинаковой в течение всего рассматриваемого периода. Так, во время революционных событий 1905–1907 гг. рабочие добились значительных уступок от государства и предпринимателей. Однако впоследствии достигнутое практически свелось к нулю. Возьмем в качестве показательного примера рабочих-железнодорожников – представителей одной из наиболее высокооплачиваемых отраслей. Вот что писала о положении рабочих после первой революции газета «Сибирский коммерсант»: «Рабочие железнодорожных мастерских с трепетом ждут нового понижения расценок с наступлением лета… Первое понижение расценок было сделано в январе 1907 г., второе – в июне 1908 г. на 150–200%... так что заработок рабочих сразу настолько упал, что многие из них были вынуждены искать побочного заработка или позаботиться о приискании заработка другим членам семьи, женщинам и детям. В июне 1909 г. снова были понижены расценки на сдельные работы в 1½–2 раза. А в марте текущего года были уничтожены, наконец, все книжки с условием, заключенным в 1906 г. между администрацией и советом старост по поводу сдельных работ. Этим были уничтожены последние следы прошлых улучшений» [2].

А вот свидетельство одного из железнодорожных рабочих об уровне дохода в годы войны: «Я мог прожить с семьей в шесть человек на 30 р. в месяц и могло оставаться на черный день – 10 р. Сейчас при депо Ново-Николаевск Омской железной дороги в службе тяги получаю 1 р. 37 коп. в день плюс 30 коп. за проработанный час военной прибавки, сдельно можно приработать до 35% на заработанный рубль, всего в месяц 60–75%, но при условии работы 40 дней в месяц или 12 часов каждый день, без праздников и отдыха. Получается… средний месячный заработок 67 р. 50 коп. Расходы: квартира 13 руб., дрова сажень 13 руб., водовозу 2 руб., хлеб на 10 руб. 90 коп., мяса 10 руб. 80 коп., жиры 4 руб., итог 53 руб. 70 коп., прибавить чай, сахар, крупа, картофель, соль, керосин, посуда. Стою на краю пропасти… Есть в депо человек 15-ть, зарабатывающие 72 коп. в день» [3].

Оба приведенных примера говорят о нелегкой ситуации с заработком у железнодорожников, рабочих, чей уровень доходов был обычно выше, чем у прочих пролетариев (исключая высококвалифицированные кадры). У других категорий рабочих ситуация была еще тяжелее. Отсюда становится вполне понятной

причина, вынуждавшая трудиться не только женщин, но часто и детей рабочих.

На производстве женский труд считался неквалифицированным и, соответственно, был менее оплачиваемым. Но дело было не только в низком профессионализме, так как за один и тот же труд женщина получала на 30–50% меньше, чем мужчина [4. С. 251]. Это видно, например, из перечня зарплат рабочих монопольных складов Томской губернии, приведенного В.А. Скубневским [1. С. 148]. В этом перечне отмечены отдельно зарплаты мужчин и женщин. У первых они были в два раза, или близко к этому, выше. Таким образом, основными причинами более низкой оплаты труда женщин следует считать, во-первых, действительно низкую квалификацию большинства работниц и, во-вторых, господствовавшие в то время патриархальные общественные отношения, в условиях которых приниженное положение женщины не только в семье, но и в обществе было нормой.

Вместе с тем наем женщин был выгоден и работодателю. Здесь можно согласиться с выводами Б.Д. Беликова, который определил две основные причины этого: «…женщины являются более спокойным и умеренным элементом на фабриках, а главное – значительно более дешевой рабочей силой, чем мужчины» [5. С. 61]. Если дешевизна женского труда долгое время оставалась главной причиной роста женской занятости на производстве, то после забастовочного движения 1905 г. управляемость контингентом рабочих вышла также на первый план, что подтверждается начавшимся значительным ростом числа женщин-работниц в 1905 г. и далее [Там же].

Поотраслевое соотношение полов по возрастам среди работающих членов рабочих семей Западной Сибири (по материалам Всероссийской переписи 1897 г. Томской, Тобольской губерний и Акмолинской области)

Возраст	Показатель		Добыча руд и копи	Выплавка металлов	Обработка волокнистых веществ	Обработка животных продуктов	Обработка дерева	Обработка металлов	Обработка минеральных веществ (керамика)
12 лет и младше	м.	абс.	25	–	105	28	78	32	27
		%	89	–	29	82	49	97	73
	ж.	абс.	3	–	258	6	80	1	10
		%	11	–	71	18	51	3	27
	вс.		28	–	363	34	158	33	37
13–14 лет	м.	абс.	68	–	76	48	71	97	35
		%	91	–	18	87	51	99	88
	ж.	абс.	1	–	366	7	67	1	5
		%	2	–	82	13	49	1	12
	вс.		69	–	422	55	138	98	40
15–16 лет	м.	абс.	120	–	125	115	144	267	56
		%	99	–	18	85	71	100	84
	ж.	абс.	1	–	585	21	58	–	11
		%	1	–	82	15	29	–	16
	вс.		121	–	710	136	202	267	67
17–19 лет	м.	абс.	339	7	312	303	242	513	110
		%	95	100	26	89	77	99,4	86
	ж.	абс.	16	–	913	36	72	3	18
		%	5	–	74	11	23	0,6	14
	вс.		335	7	1 225	339	314	516	128
20–39 лет	м.	абс.	3 297	78	2 392	2 403	3 177	3 651	705
		%	96	99	41	95	96	99,4	85
	ж.	абс.	131	1	3475	134	145	21	126
		%	4	1	59	5	4	0,6	15
	вс.		3 428	79	5 867	2 537	3 322	3 672	831
40–59 лет	м.	абс.	2 096	55	1 887	2 098	3 039	2 362	611
		%	97	100	34	94	96	99,3	86
	ж.	абс.	58	–	3 637	123	134	17	98
		%	3	–	66	6	4	0,7	14
	вс.		2 154	55	5 524	2 221	3 173	2 379	709
60 лет и старше	м.	абс.	320	6	625	614	1 549	707	238
		%	98	100	21	95	97	99	90
	ж.	абс.	8	–	2 411	36	48	9	25
		%	2	–	79	5	3	1	10
	вс.		328	6	3 036	650	1 597	716	263
Возраст неизвестен	м.	абс.	5	–	37	4	8	2	1
		%	71	–	35	100	100	100	100
	ж	абс.	2	–	69	–	–	–	–
		%	29	–	65	–	–	–	–
	вс.		7	–	106	4	8	2	1
Общее количество	м.	абс.	6 270	146	5 589	5 613	8 308	7 631	1 783
		%	97	99,3	33	94	93	99,3	86
	ж.	абс.	220	1	11 656	363	605	52	293
		%	3	0,7	67	6	7	0,7	4
	вс.		6 490	147	17 181	5 976	8 913	7 683	2 076

Окончание таблицы

Производства химические	Винокуренные, пиво- и медоварение	Обработка растит. и жив. пит. продуктов	Полиграфия и изделия из бумаги	Инструменты физ., оптич., хирург., часы и игрушки	Устр., ремонт, содерж. жилищ, строит. работы	Водные сообщения	Железная дорога	Всего
18	2	53	21	1	25	12	6	433
82	40	100	78	100	100	100	86	54
4	3	–	6	–	–	–	1	372
18	60	–	22	–	–	–	14	46
22	5	53	27	1	25	12	7	805
39	10	112	38	8	52	6	10	670
66	66,7	97	95	100	96	100	100	58
20	5	4	2	–	2	–	–	480
34	33,3	3	5	–	4	–	–	42
59	15	116	40	8	54	6	10	1 150
81	26	161	72	11	123	10	32	1 344
69	93	94	97	100	98	100	100	65
36	2	11	2	–	3	–	–	730
31	7	6	3	–	2	–	–	35
117	28	172	74	11	126	10	32	2 074
105	91	247	130	18	214	120	240	3 222
66	95	92	96	100	97	99	96	74
53	5	18	5	–	6	1	9	1 155
34	5	8	4	–	3	1	4	26
158	96	265	135	18	220	121	249	4 377
494	666	1644	415	86	8 906	635	3 507	32 056
99	98	94	97	97	99,6	99	97	88
56	16	107	13	3	37	7	106	4 378
1	2	6	3	3	0,4	1	3	12
550	682	1751	428	89	8 943	642	3 613	36 434
221	276	1186	134	54	8 775	314	1 044	24 154
86	97	94	98	95	99,6	97	97	85
35	9	75	3	3	35	9	32	4321
14	3	6	2	5	0,4	3	3	15
256	285	1261	137	57	8 810	323	1 076	28 478
32	62	416	32	15	2 456	54	42	7 168
89	98	87	100	100	99,7	98	98	73
4	1	53	–	–	8	1	1	2 606
11	2	13	–	–	0,3	2	2	27
36	63	469	32	15	2464	55	43	9 774
–	2	3	–	–	12	–	2	42
–	100	100	–	–	100	–	100	86
–	–	–	–	–	–	–	–	7
–	–	–	–	–	–	–	–	14
–	2	3	–	–	12	–	2	49
990	1 072	3 822	842	193	20 794	1 151	4 884	69 089
83	96	92	96	97	99,6	98,5	97	83
208	41	324	31	6	91	18	149	14058
17	4	8	4	3	0,4	1,5	3	17
1198	1 113	4 146	873	199	20 885	1 169	5 033	83 147

Примечание. Источник: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.: LXXIX. Томская губерния. 1904. 245 с.; LXXVIII. Тобольская губерния. 1905. 247 с.; LXXXI. Акмолинская область. 1904. 135 с. [6–8].

Наиболее полную информацию о занятости женщин на производстве дают материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи переписи 1897 г. Однако здесь нужно сделать следующее пояснение. При исследовании этих материалов, на наш взгляд, имеются основания для объединения данных по Томской и Тобольской губерниям с данными по Акмолинской области. Во-первых, в Акмолинскую область входил географически принадлежащий Западной Сибири Омский уезд; во-вторых, Акмолинская область долгое время входила в Западно-Сибирское генерал-губернаторство; в-третьих, можно отметить и общность в становлении и развитии промышленности, а также в демографических процессах. Исходя из этих соображений, мы решили объединить данные переписи по Тобольской и Томской губерниям и Акмолинской области в общий предмет исследования, но, учитывая специфику регионов, определили его как «Западная Сибирь и Акмолинская область».

Также нужно отметить, что материалы переписи дают информацию обо всех лицах, задействованных в исследуемых отраслях экономики. Однако подавляющее большинство из них принадлежало к рабочему классу, поэтому вряд ли данные статистики непосредственно о рабочих, имей мы таковые, сильно бы от-

личались (количественно или пропорционально) от имеющихся общих данных.

Для исследования были взяты следующие отрасли народного хозяйства: добыча руд и копи, выплавка металлов, обработка металлов, волокнистых веществ, животных продуктов, дерева, минеральных веществ, растительных и животных питательных продуктов, химическое производство, винокурение, пиво- и медоварение, полиграфия, производство инструментов, часов и игрушек, строительство, водный и железнодорожный транспорт (таблица).

Согласно данным переписи 1897 г., в Западной Сибири и Акмолинской области в исследованных отраслях работали 83 147 рабочих (здесь и далее использовались материалы Первой всеобщей переписи населения Российской Империи, 1897 г.: LXXIX. Томская губерния. 1904. 245 с.; LXXVIII. Тобольская губерния. 1905. 247 с.; LXXXI. Акмолинская область. 1904. 135 с.) [6–8]. Среди них женщин было 14 058 чел. (17%). По отраслям их количество и удельный вес были следующими: добыча руд и копи – 220 чел. (3%), выплавка металлов – 1 чел. (0,7%), обработка волокнистых веществ – 11 656 чел. (67%), обработка животных продуктов – 363 чел. (6%), обработка дерева – 605 чел. (7%), обработка металлов – 52 чел. (0,7%), обработка минеральных веществ – 293 чел. (4%), производства химические – 208 чел. (17%), винокурение, пиво- и медоварение – 41 чел. (4%), обработка растительных и животных питательных продуктов – 324 чел. (8%), полиграфия и изделия из бумаги – 31 чел. (4%), производство инструментов, часов и игрушек – 6 чел. (3%), устройство, ремонт, содержание жилищ, строительные работы – 91 чел. (0,4%), водные сообщения – 18 чел. (1,5%), железная дорога – 149 чел. (3%).

Те же характеристики по губерниям и Акмолинской области.

В Тобольской губернии в исследованных отраслях работали 28 064 рабочих. Среди них женщин было 7 622 чел. (27%). По отраслям их количество и удельный вес были следующими: добыча руд и копи – 3 чел. (13%), обработка волокнистых веществ – 6 304 чел, (76%), обработка животных продуктов – 240 чел. (10%), обработка дерева – 540 чел. (15%), обработка металлов – 27 чел. (1%), обработка минеральных веществ – 148 чел. (16%), производства химические – 151 чел. (33%), винокурение, пиво- и медоварение – 31 чел. (7%), обработка растительных и животных питательных продуктов – 153 чел. (10%), полиграфия и изделия из бумаги – 9 чел. (3%), производство инструментов, часов и игрушек – 2 чел. (4%), водные сообщения – 12 чел. (2%), железная дорога – 28 чел. (3%).

В Томской губернии в исследованных отраслях работали 47 740 рабочих. Среди них женщин было 5 760 чел. (12,1%). По отраслям их количество и удельный вес были следующими: добыча руд и копи – 213 чел. (3%), выплавка металлов – 1 чел. (0,5%), обработка волокнистых веществ – 4 789 чел. (59,4%), обработка животных продуктов – 116 чел. (4%), обработка дерева – 87 чел. (2%), обработка металлов – 24 чел. (0,5%), обработка минеральных веществ – 127 чел. (12%), производства химические – 53 чел. (8%), винокурение, пиво- и медоварение – 9 чел. (1%), обработка растительных и животных питательных продуктов – 120 чел. (5%), полиграфия и изделия из бумаги – 18 чел. (6%), производство инструментов, часов и игрушек – 3 чел. (3%), устройство, ремонт, содержание жилищ, строительные работы – 91 чел. (1%), водные сообщения – 6 чел. (1%), железная дорога – 103 чел. (3,5%).

В Акмолинской области в исследованных отраслях работали 7 343 рабочих. Среди них женщин было 676 чел. (9%). По отраслям их количество и удельный вес были следующими: добыча руд и копи – 4 чел. (5%), обработка волокнистых веществ – 563 чел. (72%), обработка животных продуктов – 7 чел. (1%), обработка дерева – 4 чел. (0,6%), обработка металлов – 1 чел. (0,1%), обработка минеральных веществ – 18 чел. (21,2%), производства химические – 4 чел. (8%), винокурение, пиво- и медоварение – 1 чел. (2%), обработка растительных и животных питательных продуктов – 51 чел. (9,5%), полиграфия и изделия из бумаги – 4 чел. (3%), производство инструментов, часов и игрушек – 1 чел. (3%), железная дорога – 18 чел. (1,5%).

В целом в Западной Сибири и Акмолинской области наибольшее количество и удельный вес женщин на производстве зафиксированы в обработке волокнистых веществ – 11 656 чел. (67%), наименьшее количество в выплавке металлов – 1 чел. (0,7%), наименьший удельный вес в строительстве – 91 чел. (0,4%).

В Тобольской губернии наибольшее количество и удельный вес женщин зафиксированы в обработке волокнистых веществ – 6 304 чел. (76%), наименьшее количество – в производстве инструментов, часов и игрушек – 2 чел. (4%), наименьший удельный вес – в обработке металлов – 27 чел. (1%).

В Томской губернии наибольшее количество и удельный вес женщин зафиксированы в обработке волокнистых веществ – 4 789 чел. (59,4%), наименьший в выплавке металлов – 1 чел. (0,5%).

В Акмолинской области наибольшее количество и удельный вес женщин зафиксированы в обработке волокнистых веществ – 563 чел. (72%), наименьшее – в обработке металлов – 1 чел. (0,1%).

Как видим, наибольшее количество женщин в Западной Сибири и её регионах работало в обработке волокнистых веществ, а наименьшее – в выплавке металлов.

Размеры удельного веса варьировались. Так, в Тобольской губернии удельный вес женщин среди рабочих был самым большим – 27%. В Томской губернии этот показатель был более чем в два раза ниже – 12,1%. Самый низкий удельный вес женщин был в Акмолинской области, составляя всего 9%. Большая вовлеченность женщин в трудовую деятельность в Тобольской губернии объясняется большей развитостью там отраслей, в которых традиционно в значительной степени использовался женский труд. Так, в обработке волокнистых веществ в Тобольской губернии удельный вес женщин среди рабочих составлял 76% (6 304 чел.). В Томской губернии тот же показатель составлял 59,4% (4 789 чел.). Кроме того, в Том-

ской губернии основными были отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности, в которых применялся преимущественно мужской труд. Этим в основном и объясняются меньшие численности и удельный вес женщин среди рабочих губернии. В Акмолинской области и численность, и удельный вес женщин среди рабочих были самыми незначительными. Однако в обработке волокнистых веществ удельный вес женщин был высоким – 72% (536 чел.), впрочем, при низкой численности работниц. Таким образом, мы видим, что удельный вес женщин среди рабочих исследуемого региона в 1897 г. составлял от 9 до 27% (в среднем 17%).

Изменения количества и удельного веса женщин среди рабочих по возрастным группам во всех исследованных отраслях Западной Сибири и Акмолинской области было следующим: 12 и менее лет – 372 чел. (46%), 13–14 лет – 480 чел. (42%),15–16 лет – 730 чел. (35%), 17–19 лет – 1 155 чел. (26%), 20–39 лет – 4 378 чел. (12%), 40–59 лет – 4 321 чел. (15%), 60 лет и старше – 2 606 чел. (27%), возраст неизвестен – 7 чел. (14%).

Изменения количества и удельного веса женщин среди рабочих по возрастным группам во всех исследованных отраслях Тобольской губернии было следующим: 12 и менее лет – 234 чел. (56%), 13–14 лет – 276 чел. (55%), 15–16 лет – 412 чел. (47%), 17–19 лет – 594 чел. (39%), 20–39 лет – 2 239 чел. (21%), 40–59 лет – 2 268 чел. (23%), 60 лет и старше – 1 594 чел. (37%), возраст неизвестен – 5 чел. (33%).

Изменения количества и удельного веса женщин среди рабочих по возрастным группам во всех исследованных отраслях Томской губернии было следующим: 12 и менее лет – 121 чел. (34,5%), 13–14 лет – 166 чел. (31,2%), 15–16 лет – 274 чел. (26,9%), 17–19 лет – 483 чел. (20,2%), 20–39 лет – 1916 чел. (8,7%), 40–59 лет – 1853 чел. (11,3%), 60 лет и старше – 940 чел. (19,1%), возраст неизвестен – 7 чел. (20%).

Изменения количества и удельного веса женщин среди рабочих по возрастным группам во всех исследованных отраслях Акмолинской области было следующим: 12 и менее лет – 17 чел. (41,5%), 13–14 лет – 38 чел. (33%), 15–16 лет – 44 чел. (23,5%), 17–19 лет – 78 чел. (17%), 20–39 лет – 223 чел. (6%), 40–59 лет – 203 чел. (9%), 60 лет и старше – 72 чел. (13%), возраст неизвестен – 1 чел. (20%).

Из приведенных данных видно, что наибольшее количество женщин Западной Сибири и Акмолинской области работало в возрастных группах 20–39 лет – 4 378 чел. (12%), 40–59 лет – 4 321 чел. (15%); наименьшее – в возрастных группах 12 и менее лет – 372 чел. (46%), 13–14 лет – 480 чел. (42%). Однако величина показателя удельного веса находится в обратном отношении, т.е. она наибольшая в двух последних возрастных группах и наименьшая в двух первых. Подобная же ситуация сохранялась и на губернском уровне. Так, в Тобольской губернии наибольшее количество женщин работало в возрастных группах 20–39 лет – 2 239 чел. (21%), 40–59 лет – 2 268 чел. (23%); наименьшее – в возрастных группах 12 и менее лет – 234 чел. (56%), 13–14 лет – 276 чел. (55%). В Томской губернии наибольшее количество женщин работало в возрастных группах 20–39 лет – 1 916 чел. (8,7%), 40–59 лет – 1 853 чел. (11,3%); наименьшее в возрастных группах 12 и менее лет – 121 чел. (34,5%), 13–14 лет – 166 чел. (31,2%). В Акмолинской области наибольшее количество женщин работало в возрастных группах 20–39 лет – 223 чел. (6%), 40–59 лет – 203 чел. (9%); наименьшее в возрастных группах 12 и менее лет – 17 чел. (41,5%), 13–14 лет – 38 чел. (33%). Понижение показателя удельного веса при увеличении количества работающих женщин объясняется тем, что в этих возрастных категориях наблюдался значительный прирост количества рабочих-мужчин, превосходящий увеличение количества рабочих-женщин, поэтому удельный вес последних, несмотря на количественный рост, падал.

Не меньший интерес представляет и вопрос об удельном весе работающих среди женщин из рабочих семей. Так, согласно данным переписи 1897 г., среди 91 373 женщин старше 15 лет из семей рабочих Западной Сибири и Акмолинской области работали 14 091 чел. (15,4%). По отраслям этот показатель выглядел следующим образом: работающих женщин было: на рудниках и копях – 220 чел. (3%), в выплавке металлов – 1 чел. (3%), в обработке волокнистых веществ – 11 656 чел. (57,2%), в обработке животных продуктов – 363 чел. (5%), в обработке дерева – 605 чел. (5,4%), в обработке металлов – 52 чел. (5,5%), в обработке минеральных веществ – 293 чел. (9,9%), в химическом производстве – 251 чел. (25,7%), в винокурении, пиво- и медоварении – 41 чел. (3,4%), в обработке растительных и животных питательных продуктов – 314 чел. (6,8%), в полиграфии и изделиях из бумаги – 31 чел. (8,2%), в производстве инструментов, часов и игрушек – 6 чел. (2%), в строительстве – 91 чел. (5%), в водных сообщениях – 18 чел. (1,4%), на железной дороге – 149 чел. (2,7%).

Как и следовало ожидать, наибольшее количество работающих женщин было в семьях рабочих в обработке волокнистых веществ – 11 656 чел. (57,2%), и в обработке дерева – 605 чел. (5,4%). Наибольший удельный вес работающих женщин был также среди семей рабочих, занятых в обработке волокнистых веществ, и рабочих химического производства – 251 чел. (25,7%).

По губерниям и Акмолинской области распределение данных показателя выглядит следующим образом.

Среди 23 376 женщин старше 15 лет из семей рабочих Тобольской губернии работали 7 622 чел. (32,6%). По отраслям этот показатель выглядел следующим образом: работающих женщин было: на рудниках и копях – 3 чел. (2,5%), в обработке волокнистых веществ – 6 304 чел. (68,%), в обработке животных продуктов – 240 чел. (9,7%), в обработке дерева – 514 чел. (15,8%), в обработке металлов – 27 чел. (9,5%), в обработке минеральных веществ – 148 чел. (13%), в химическом производстве – 151 чел. (37,6%), в винокурении, пиво- и медоварении – 31 чел. (6,5%), в обработке растительных и животных питательных продуктов – 153 чел. (12%), в полиграфии и изделиях из бумаги – 9 чел. (3,9%), в производстве инструментов, часов и игрушек – 2 чел. (2,2%), в водном сообщении – 12 чел. (1,5%), на железной дороге – 28 чел. (2,5%).

Наибольшее количество работающих женщин было в семьях рабочих обработки волокнистых веществ – 6 304 чел. (68,5%) и рабочих обработки дерева – 514 чел. (15,6%). Наибольший удельный вес работающих женщин был также среди семей рабочих, занятых в обработке волокнистых веществ, и рабочих химического производства – 151 чел. (37,6%).

Среди 62 114 женщин старше 15 лет из семей рабочих Томской губернии работали 5 793 чел. (9,3%) По отраслям этот показатель выглядел следующим образом: работающих женщин было: на рудниках и копях – 213 чел. (3%), в выплавке металлов – 1 чел. (0,3%), в обработке волокнистых веществ – 4 789 чел. (46,7%), в обработке животных продуктов – 116 чел. (2,8%), в обработке дерева – 87 чел. (1,2%), в обработке металлов – 24 чел. (0,4%), в обработке минеральных веществ – 127 чел. (7,6%), в химическом производстве – 96 чел. (19%), в винокурение, пиво- и медоварении – 9 чел. (1,3%), в обработке растительных и животных продуктов – 110 чел. (4,2%), в полиграфии и изделиях из бумаги – 18 чел. (5,7%), в производстве инструментов, часов и игрушек – 3 чел. (1,9%), в строительстве – 91 чел. (5%), в водных сообщениях – 6 чел. (1,2%), на железной дороге – 103 чел. (3,4%).

Наибольшее количество работающих женщин было в семьях рабочих обработки волокнистых веществ – 4 789 чел. (46,7%) и на рудниках и копях – 213 чел. (3%). Наибольший удельный вес работающих женщин был также среди семей рабочих обработки волокнистых веществ и рабочих химического производства – 96 чел. (19%).

Среди 5 883 женщин старше 15 лет из семей рабочих Акмолинской области работали 676 (чел. 11,2%). По отраслям этот показатель выглядел следующим образом: работающих женщин было: на рудниках и копях – 4 чел. (2,7%), в обработке волокнистых веществ – 563 чел. (5,9%), в обработке животных продуктов – 7 чел. (1,3%), в обработке дерева – 4 чел. (5,2%), в обработке металлов – 1 чел. (1%), в обработке минеральных веществ – 18 чел. (11,6%), в химическом производстве – 4 чел. (5,9%), в винокурении, пиво- и медоварении – 1 чел. (2%), в обработке растительных и животных питательных продуктов – 51 чел. (7%), в полиграфии и изделиях из бумаги – 4 чел. (3%), в производстве инструментов, часов и игрушек – 1 чел. (2,5%), на железной дороге – 18 чел. (1,3%).

Наибольшее количество работающих женщин было в семьях рабочих обработки волокнистых веществ – 563 чел. (5,9%) и в обработке растительных и животных питательных продуктов – 51 чел. (7%). Наибольший удельный вес работающих женщин был также среди семей рабочих обработки волокнистых веществ и в обработке минеральных веществ – 18 чел. (11,6%).

Из приведенных выше данных мы видим, что удельный вес вовлеченных в трудовую деятельность женщин из рабочих семей колебался по регионам от 9,3 до 32,6%, составляя в среднем по Западной Сибири и Акмолинской области 15,4%. Наиболее высоким удельный вес работающих женщин был в Тобольской губернии – 32,6% (7 622 чел.), самым низким – в Томской губернии – 9,3% (5 793 чел.), немного выше он был в Акмолинской области – 11,2% (676 чел.).

Наибольшее количество и удельный вес работающих женщин были в семьях рабочих, занятых в обработке волокнистых веществ: от 5,9% (563 чел.) в Акмолинской области до 68,5% (6 304 чел.) в Тобольской губернии (в Томской губернии – 46,7% (4 789 чел.)), в среднем – 57,2% (11 656 чел.). Высокий удельный вес работающих женщин, при значительно меньшем количестве, был в семьях рабочих химической промышленности Тобольской и Томской губерний – 25,7% (251 чел.) и 37,6% (151 чел.) – и в обработке минеральных веществ в Акмолинской области – 11,6% (18 чел.).

В дальнейшем только в фабрично-заводской промышленности Западной Сибири в 1908 г. удельный вес женщин составлял 15,5% среди рабочих. В Европейской России этот показатель равнялся 27,7% [9. С. 206, 207]. Среди горнорабочих женщин было 8,5%, на винокуренных, пивоваренных и некоторых других предприятиях в 1905 г. – 13,5%, на спичечных – 38,1% [10. С. 199]. На приисках Томского горного округа в 1908 г. женщин среди рабочих было 5% [11. С. 301]. А. Колычев приводит следующую статистику изменения численности и удельного веса женщин среди приисковых рабочих Томского горного округа,: в 1896 г. на этих приисках работало 2 006 женщин, что составляло 8,5% от всех рабочих; в 1897 г. – 2 290 чел. (9,8%); в 1898 г. – 2 116 чел. (9,4%); в 1899 г. – 2 113 чел. (8,9%); в 1900 г. – 1 036 чел. (5,6%); в 1901 г. (без Ачинско-Минусинского округа) – 1 216 чел. (7,3%) [12. С. 5].

В 1914 г. только среди предприятий Сибири, подчиненных контролю фабрично-заводской инспекции, женщин было 16,6% от общего числа рабочих. В России таковых на тот период было уже 31,1% [4. С. 282]. В Томской губернии на указанных предприятиях в 1913 г. удельный вес женщин составлял 17,2% [9. С. 207]. Так выглядит динамика роста занятости женщин в сибирской обрабатывающей промышленности, согласно подсчетам В.А. Скубневского: в 1893 г. среди 9 923 рабочих была 1 421 женщина, что составило 14,3% от общего числа рабочих; в 1908 г. среди 16 155 рабочих женщин было 2 168, или 13,4%; в 1914 г. среди 16 198 рабочих женщин было 2 782, или 17,24%; в 1917 г. женщин среди рабочих было уже 25,5% [13. С. 37]. Последняя высокая цифра объясняется ситуацией военного времени, когда многие мужчины были мобилизованы, а также значительно ухудшилась экономическая ситуация в стране в целом. Все это вынуждало многих женщин, остававшихся в иное время дома, выходить на работу.

Таким образом, налицо рост женской занятости, впрочем, значительно уступающий в количественном отношении такому же росту в России, где работниц на заводах и фабриках к 1917 г. уже было 40,1% [14. С. 209]. Данные, отражающие половой состав на предприятиях, обложенных акцизом (винокуренных, пивоваренных, спичечных и т.д.), свидетельствуют также о значительных колебаниях в изменении общей

численности женщин-работниц. Так, с 1897 г., когда количество женщин на этих предприятиях равнялось 283 чел., год от года наблюдается почти непрерывный рост их числа, достигая пика в 1906 г., когда количество женщин на предприятиях составило 1 119 чел. Затем наблюдается тенденция к снижению общей численности. Однако показатель удельного веса женщин среди рабочих, напротив, продолжал возрастать от 9% в 1897 г. до 21% в 1915 г. с небольшими отступлениями и одним резким всплеском в 1906 г. (26,7%), очевидно, связанным с революционными событиями того времени [13. С. 39].

Для сравнения отметим, что в странах Европы ситуация с женским трудом была схожей. Однако здесь наблюдается более высокая занятость женщин, чем в Сибири и в России в целом. По этому поводу Р. Зидер отмечает: «Анализ заработной платы и стоимость жизни рабочих из Хемница в 1900 г. показывают, например, что заработка отца семьи, имевшего трех детей, не хватало на приобретение продуктов питания. Вследствие этого в семьях почти 60% квалифицированных рабочих металлообрабатывающей промышленности, более чем 80% – текстильной промышленности и более чем 86% – в строительстве, жена и трудоспособные дети в силу необходимости были заняты на производстве. Сравнительное исследование бюджетов 22 мюнхенских семей квалифицированных рабочих в 1907 г. показало, что, несмотря на повышенный средний доход мужей, в 13 семьях женщины “подрабатывали”» [15. С. 181]. В Вене последних двух десятилетний XIX в. и в начале XX в. около 40% жен рабочих трудились весь рабочий день, столько же работали на производстве от случая к случаю и только 10–20% занимались исключительно домашним хозяйством [Там же. С. 182].

Меньшее, по сравнению с Европой и Россией, использование женского труда на производстве в Сибири объясняется рядом причин. Прежде всего это слабое развитие текстильной, швейной, обувной и подобных отраслей, в которых традиционно присутствует высокая доля женщин-работниц. Другой причиной являлась слабая механизация производства, следствием чего была высокая потребность в тяжелом мускульном труде, для которого женщины малопригодны. Нужно отметить занятость женщин в домашнем хозяйстве, размеры которого, особенно у рабочих, живущих в сельской местности, были значительны. Кроме того, наблюдалась традиционная особенность незначительного применения женского труда среди мастеровых Кабинета: «Как правило, женский труд на кабинетских мануфактурах применялся редко, хотя и не исключался совсем. “Весь женский пол, как известно, избавлен от всякой повинности, – докладывал в 1852 г. министру финансов начальник Алтайских заводов генерал-майор Бекман, – время это они употребляют для себя на вольные работы”. Женский труд применялся на вспомогательных работах» [16. С. 135]. Вполне естественно, что и в дальнейшем женский труд, в силу устоявшейся традиции, использовался среди рабочих из бывших мастеровых незначительно.

Наконец, немалую важность имела и демографическая причина – численность женщин уступала численности мужчин в регионе. Так, согласно материалам Всероссийской переписи 1897 г., в семьях рабочих Тобольской губернии было 32 188 мужчин, что составило 52%, и 29 790 женщин (48%); Томской губернии было 70 860 мужчин (53%) и 62 114 женщин (47%); Акмолинской области было 11 180 мужчин, (55%) и 9 058 женщин (45%); в целом по Западной Сибири и Акмолинской области было 114 224 мужчин (53%) и 100 915 женщин (47%) [6–8].

По данным Ю.М. Гончарова, диспропорция населения по половому признаку в пользу мужчин среди городских жителей сохранялась и в дальнейшем, исключая население Колывани и незначительного числа других городов. Все это явилось следствием интенсивной колонизации региона и начала индустриализации Сибири, в процессе которой потребность в мужской рабочей силе превышала спрос на женский труд. Кроме того, именно мужская часть населения отличалась большей активностью как в колонизации, так и в участии в индустриализации. Подобная демографическая ситуация не являлась особенностью Сибири и наблюдалась, например, в городах Северного Кавказа, ставшего во второй половине XIX в. регионом интенсивной колонизации. Здесь в разных губерниях на 1 000 мужчин приходилось от 713 до 968 женщин [17. С. 104, 105]. Относительно нормальная демографическая ситуация, когда удельный вес женщин превосходит удельный вес мужчин, в таких городах как Колывань, свидетельствует об относительной устойчивости местного населения и, соответственно, малом наплыве несемейных колонистов, что явилось следствием в том числе и отсутствия промышленного развития в данной местности [18. С. 85, 86].

Таким образом, можно констатировать, что в Западной Сибири проявлялись общие, свойственные как рабочим Европы, так и рабочим России, тенденции вовлечения женщин в производственную деятельность, причиной чего становилась острая материальная нужда. И хотя заработки женщин были более низкими, чем у взрослых мужчин, тем не менее, и они составляли существенную часть дохода семьи. Повсеместно наблюдаемый рост удельного веса женщин среди рабочих в целом являлся следствием дешевизны женского труда, а также большей «управляемости» этим контингентом со стороны работодателя. Наибольшее количество и удельный вес женщин среди рабочих в Западной Сибири зафиксированы в обработке волокнистых веществ, также здесь были наибольшими количество и удельный вес работающих из числа женщин в семьях рабочих. Специфической чертой Сибири была меньшая вовлеченность женщин в производство, ставшая следствием слабой развитости отраслей промышленности, в которых традиционно использовался женский труд, половой диспропорции в пользу мужчин, занятости женщин в домашнем хозяйстве, а также объяснявшаяся традиционной особенностью незначительного применения женского труда среди бывших мастеровых Кабинета.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Скубневский В.А.* Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири. Томск, 1991.
2. *Хроника* // Сибирский коммерсант (газета). Вторник 13 апреля. 1910 г. № 82.
3. *К бюджету* железнодорожных рабочих // Голос Сибири. 1917. № 8–11/1.
4. *Скубневский В.А., Гончаров Ю.М.* Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул, 2007.
5. *Беликов Б.Д.* Женщина в промышленной инспекции Запада. К вопросу о введении женской фабричной инспекции в России. Тверь: Типолитография М.В. Блинова, 1914. 65 с.
6. *Первая* всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г.: LXXIX. Томская губерния. 1904.
7. *Первая* всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г.: LXXVIII. Тобольская губерния. 1905.
8. *Первая* всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г.: LXXXI. Акмолинская область. 1904.
9. *Бочанова Г.А.* Обрабатывающая промышленность Западной Сибири. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1978.
10. *Рабочий* класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982.
11. *Горнозаводская* промышленность Сибири в 1907 году // Горнозаводские известия. 1908. № 24.
12. *Колычев А.* Рабочие на приисках Сибири. Томская горная область. СПб., 1904.
13. *Скубневский В.А.* Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е годы XIX в. – февраль 1917 г.) : дис ... д-ра ист. наук. Барнаул, 1991. Т. 2. Приложения. На правах рукописи.
14. *Скубневский В.А.* Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е годы XIX в. – февраль 1917 г.) : дис … д-ра ист. наук. Барнаул, 1991. Т. 1. На правах рукописи.
15. *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). М., 1997.
16. *Никишина Н.В., Гончаров Ю.М.* Семья горнозаводского населения Алтая второй половины XVIII – первой половины XIX в. Барнаул, 2012.
17. *Гончаров Ю.М.* Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002.
18. *Тяпкина О.А.* Малые города Западной Сибири во второй половине XIX века: социально-экономическое исследование. Новосибирск, 2008.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 марта 2014 г.

THE WORK OF WOMEN IN PRODUCTION IN WESTERN SIBERIA AT THE END OF THE 19TH AND THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 132-140. DOI 10.17223/15617793/390/23

Faronov Vyacheslav N. Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: faronoff-vn@mail.ru

Keywords: work; family; Siberia; 19th century; modernization.

The industrialization of Siberia accelerated after the beginning of construction of the Trans-Siberian railroad in the 1890s, which became the reason of cardinal changes in the social sphere. The changes affected the family of the emerging class of industrial proletariat. One of the major questions in research of formation of a new family type is the question of growth of female employment in industrial production. One of the most important issues in the study of a new family type formation is the issue of growth of female employment in the industrial production. The most complete data are provided by materials of the all-Russian census of 1897. In our research the data of Tomsk and Tobolsk provinces and Akmola area were used. On the whole, in Western Siberia and Akmola area the greatest number and specific percentage of women-workers were recorded in processing of fibrous substances – 11656 (67 %) women, the smallest quantity in smelting of metals – 1 (0.7 %), in construction – 91 (0.4 %). The specific quantity of women from working families fluctuated in regions from 9.3 % to 32.6 %, averaging across Western Siberia and Akmola area of 15.4 %. The highest proportion of working women was in the province of Tobolsk – 32.6 % (7622 people), the lowest in Tomsk province – 9.3 % (5793 people), it was slightly higher in Akmola region – 11.2 % (676 persons). Further, in 1908, the quantity of women in the Western Siberian factory industry was 15.5 %. In the European part of Russia this indicator equaled to 27.7 %. Among miners, women made up 8.5 %; at distilling, brewing and some other enterprises in 1905 – 13.5 %; at match factories – 38.1 %. In 1914 the total number of women working at the enterprises of Siberia was 16.6 %. In Russia of the period the number was 31.1 %. In Western Siberia, the trend in the involvement of women in productive activities, peculiar to the workers of Europe and Russia, appeared, the cause of which was the financial need. And although women's earnings were lower than men's, they made an essential contribution to the family income. Everywhere the observed increase in the share of women-workers was the result of cheap female labor, as well as their greater manageability. The specific feature of Siberia was lower representation of women in production that was a result of the weak development of industries traditionally exploiting female labor, sexual disproportion in favor of men, engagement of women in household duties and the traditional feature of insignificant use of female work by the former workmen of the Office.

REFERENCES

1. Skubnevskiy V.A. *Rabochie obrabatyvayushchey promyshlennosti Sibiri* [Workers of manufacturing in Siberia]. Tomsk: TSU Publ., 1991.
2. Khronika [Chronicle]. *Sibirskiy kommersant*, 1910, 13 April, no. 82.
3. K byudzhetu zheleznodorozhnykh rabochikh [On the budget of railway workers]. *Golos Sibiri*, 1917, no. 8–11/1.
4. Skubnevskiy V.A., Goncharov Yu.M. *Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: Naselenie. Ekonomika. Zastroyka i blagoustroystvo* [Cities in Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries: Population. Economy. Construction and landscaping]. Barnaul: ASU Publ., 2007. 360 p.
5. Belikov B.D. *Zhenshchina v promyshlennoy inspektsii Zapada. K voprosu o vvedenii zhenskoy fabrichnoy inspektsii v Rossii* [Woman in the Industrial Inspection of the West. On the question of the introduction of female factory inspection in Russia]. Tver: Tipo-litografiya M.V. Blinova Publ., 1914. 65 p.
6. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii, 1897 g.: LXXIX. Tomskaya guberniya. 1904 [The first general census of the population of the Russian Empire, 1897: LXXIX. Tomsk Province. 1904].
7. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii, 1897 g.: LXXVIII. Tobol'skaya guberniya. 1905 [The first general census of the population of the Russian Empire, 1897: LXXVIII. Tobolsk Province. 1905].
8. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii, 1897 g.: LXXXI. Akmolinskaya oblast'. 1904 [The first general census of the population of the Russian Empire, 1897: LXXXI. Akmola region. 1904].

9. Bochanova G.A. *Obrabatyvayushchaya promyshlennost' Zapadnoy Sibiri. Konets XIX – nachalo XX v.* [The manufacturing industry in Western Siberia. Late 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1978. 261 p.
10. *Rabochiy klass Sibiri v dooktyabr'skiy period* [The working class of Siberia in the pre-October period]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1982. 459 p.
11. Gornozavodskaya promyshlennost' Sibiri v 1907 godu [The mining industry in Siberia in 1907]. *Gornozavodskie izvestiya*, 1908, no. 24.
12. Kolychev A. *Rabochie na priiskakh Sibiri. Tomskaya gornaya oblast'* [Workers in the mines of Siberia. Tomsk mountain district]. St. Petersburg: Severnoe ekho, 1904. 166 p.
13. Skubnevskiy V.A. *Rabochie obrabatyvayushchey promyshlennosti Sibiri (90-e gody XIX v. – fevral' 1917 g.): dis. d-ra ist. nauk* [Workers in the manufacturing industry of Siberia (1890s – February 1917). History Dr. Diss.]. Barnaul, 1991. Vol. 2.
14. Skubnevskiy V.A. *Rabochie obrabatyvayushchey promyshlennosti Sibiri (90-e gody XIX v. – fevral' 1917 g.): dis. d-ra ist. nauk* [Workers in the manufacturing industry of Siberia (1890s – February 1917). History Dr. Diss.]. Barnaul, 1991. Vol. 1.
15. Zider R. *Sotsial'naya istoriya sem'i v Zapadnoy i Tsentral'noy Evrope (konets XVIII–XX vv.)* [Social history of the family in Western and Central Europe (end of the 18th – 20th centuries.)]. Moscow: Vlados Publ., 1997. 301 p.
16. Nikishina N.V., Goncharov Yu.M. *Sem'ya gornozavodskogo naseleniya Altaya vtoroy poloviny XVIII – pervoy poloviny XIX v.* [The family of the mining factory workers in Altai in the second half of the 18th – early 19th centuries]. Barnaul: Azbuka Publ., 2012. 186 p.
17. Goncharov Yu.M. *Gorodskaya sem'ya Sibiri vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.* [Urban family in Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Barnaul: ASU Publ., 2002. 384 p.
18. Tyapkina O.A. *Malye goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX veka: sotsial'no-ekonomicheskoe issledovanie* [Small town in Western Siberia in the second half of the 19th century: social and economic research]. Novosibirsk: Sova Publ., 2008. 304 p.

Received: 18 March 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 141–145. DOI 10.17223/15617793/390/24

ПРАВО

УДК 343

Е.С. Мазур

ВОЗМОЖНОСТИ МЕТОДОВ ДЕРМАТОГЛИФИКИ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ ВНЕШНИХ ПРИЗНАКОВ ЧЕЛОВЕКА

Представлены результаты дерматоглифического и антропометрического обследования 518 мужчин и 282 женщин. При помощи корреляционного анализа выявлены статистически значимые связи между количественными признаками пальцевых и ладонных узоров с физиогномическими признаками человека. Результаты данного исследования могут быть использованы в качестве дополнительных критериев идентификации личности при раскрытии и расследовании преступлений.

Ключевые слова: антропометрия; дерматоглифика; корреляционный анализ; признаки внешности; идентификация личности; раскрытие и расследование преступлений.

Криминалистическое познание личности в процессе раскрытия и расследования преступления осуществляется наряду с уголовно-правовым, уголовно-процессуальным и криминологическим ее изучением [1. С. 193, 194]. Психические, психологические и психофизиологические особенности состояния личности являются одними из существенных внутренних условий, способствующих совершению общественно-опасных деяний [2. С. 57, 58].

На современном этапе проблемы изучения как свойств, так и внешних признаков личности продолжают оставаться актуальными преимущественно в контексте взаимосвязи их с папиллярными узорами ладонной поверхности рук человека.

Так, одним из наиболее востребованных методов идентификации личности является дерматоглифика. Методы дерматоглифики позволяют исследовать морфологические особенности верхнего слоя кожи в аспектах системного и структурного подхода. Это расширяет диапазон возможностей идентификационных, классификационных и диагностических исследований дерматоглифов за счет установления в дальнейшем психологических и физиологических особенностей организма, влияющих на поведение человека и необходимых для установления и последующего изучения личности преступника.

Научные исследования методов дерматоглифики определяются новым комплексным подходом к экспертному исследованию дерматоглифов ладонной поверхности кистей рук человека, которые можно рассматривать как целостный объект, обладающий единым информационным полем [3. С. 42, 43]. В связи с этим для криминалистического исследования признаков внешности человека используются методы дерматоглифики, основанные на изучении устойчивых связей между папиллярными узорами и внешними характеристиками человека, такими как пол, возраст, рост и др. [4. С. 44, 45; 5. С. 20–22]. Вместе с тем разнообразие анатомических и физиологических характеристик человека, выявленное на основании научных исследований папиллярных узоров, может быть дополнено и существенно расширено [6. С. 122, 123; 7. С. 127–131].

Для выявления значимых связей пальцевой и ладонной дерматоглифики с внешними признаками человека нами проводился анализ таблиц сопряженности с использованием χ^2-критерия Пирсона. Связи считались статистически значимыми при уровне статистической значимости $p < 0{,}05$. Была установлена взаимосвязь пальцевой и ладонной дерматоглифики с физиогномическими признаками человека с учетом полового диморфизма. Проведенный анализ позволил установить наличие связей, а также их выраженность в зависимости от типа рисунка и его расположения.

Так, при исследовании взаимосвязей внешних признаков человека и характеристик пальцевой и ладонной дерматоглифики было обнаружено, что повышение интегральной интенсивности узоров обусловлено всеми типами папиллярных узоров. При детальном же изучении взаимосвязей физиогномических признаков человека и характеристик пальцевой и ладонной дерматоглифики обращало на себя внимание наличие внутригрупповых и межгрупповых различий в зависимости как от типа рисунка, так и его локализации.

Цвет кожи. При исследовании взаимосвязей пальцевой дерматоглифики с внешними признаками у мужчин выявлено присутствие практически всех типов папиллярных рисунков. У женщин наиболее значимые связи характеризуются папиллярными узорами с двойными ульнарными петлями и завитками с радиальным отклонением на I–III и V пальцах левой и II, III пальцах правой руки.

Цвет глаз. У мужчин значимые связи приходятся на дуговые узоры на I и III, IV–V пальцах правой и высокие ульнарные петли на I, IV пальцах левой руки. При этом у лиц с голубыми и зелеными глазами наиболее значимые связи выявлены преимущественно на пальцах правой кисти. Что касается анализа взаимосвязей признаков пальцевой дерматоглифики с цветом глаз у женщин, то установлено, что наиболее значимые связи характеризуются низкими ульнарными петлями на I и III пальцах правой и радиальными завитковыми узорами на I, II и V пальцах левой руки у женщин с карим, голубым и зеленым цветом глаз. Обращает на себя внимание то, что статистически значимые связи были обусловлены преимущественно зеленым цветом радужки.

Форма лица. У лиц мужского пола отсутствуют взаимосвязи между показателями дерматоглифики с

овальной формой лица на II, V пальцах правой и треугольной – на IV пальце левой руки, а у женщин не обнаружены взаимосвязи между показателями пальцевой дерматоглифики и обладательницами лица прямоугольной конфигурации на V пальце правой руки.

Форма лица. У лиц мужского пола отсутствуют взаимосвязи между овальной формой лица и показателями дерматоглифики на II, V пальцах правой руки и между треугольной формой лица и показателями дерматоглифики на IV пальце левой руки. У женщин не обнаружены взаимосвязи между показателями пальцевой дерматоглифики на V пальце правой руки и прямоугольной конфигурацией лица.

При анализе ладонной дерматоглифики было установлено, что у мужчин преимущественно со смуглой кожей, голубыми и зелеными глазами, треугольной и прямоугольной формой лица расположение связей на ладонях обусловлено высокими ульнарными и радиальными петлями, дуговыми рисунками в сочетании с трирадиусами D_5 (или с его отсутствием), D_6 и D_7. Размещение установленных связей имеет следующий вид: подпальцевая область, гипотенар и тенар обеих рук (с овальной и треугольной формой лица) и подпальцевая область правой руки, гипотенар левой и правой ладони и тенар левой и правой руки (с треугольной и прямоугольной формой лица).

В отличие от мужчин, у женщин выявлены статистически значимые связи, обусловленные папиллярными узорами: высокие ульнарная и радиальная петли, низкая ульнарная петля, дуговой рисунок с подпетлей и наличие двойной петли и трирадиуса D_7. В локализации связей у женщин по цвету кожи задействованы подпальцевая область, гипотенар и тенар обеих рук; по цвету глаз – гипотенар обеих рук, подпальцевая область (исключение: зеленые на правой и голубые на левой ладони), тенар обеих рук (исключение: голубые, зеленые на правой и серые, зеленые на левой кисти); по форме лица – подпальцевая область обеих рук (исключение: прямоугольная на правой кисти), гипотенар обеих рук (исключение: треугольная на левой руке), тенар обеих рук (исключение: прямоугольная на правой и овальная на левой ладони).

Ф*орма скул.* В группе лиц мужского пола достоверные и значимые связи характеризуются папиллярными узорами сложнозавиткового и неопределенного типа на I, II и IV пальцах обеих рук.

При исследовании взаимосвязей признаков пальцевой дерматоглифики с формой скул у лиц женского пола выявлены дуговые узоры, низкие и средневысокие ульнарные петли, ульнарные петли и завитковые узоры в виде микрозавитков и радиальных завитковых узоров. Однако наиболее значимые взаимосвязи пальцевой дерматоглифики с формой скул у женщин обусловлены только радиальными завитковыми узорами на II и V пальцах правой руки.

По результатам изучения взаимосвязей между формой скул и показателями ладонной дерматоглифики установлено, что у мужчин наиболее значимые связи проявляются на гипотенаре правой ладони в случаях, если в этой области имеется дуговой рисунок в сочетании с трирадиусами D_5 и D_7 или радиальные петли в сочетании с трирадиусом D_7.

Что касается женщин, то у них также выявлены статистически значимые связи между формой скул и папиллярными узорами ладоней в виде высоких ульнарных и радиальных петель подпальцевой области.

Степень выраженности надбровья. У лиц мужского пола не были установлены взаимосвязи между выраженностью надбровья слабой степени и показателями дерматоглифики на II, III пальцах правой, I, II, IV пальцах левой руки, а также между выраженностью надбровья сильной степени и показателями дерматоглифики на V пальце левой кисти. У лиц женского пола также отсутствуют взаимосвязи между показателями пальцевой дерматоглифики на V пальце правой и IV пальце левой руки и выраженностью надбровья слабой степени.

При исследовании взаимосвязей показателей ладонной дерматоглифики со степенью выраженности надбровья установлено, что у мужчин наиболее значимые связи характерны для лиц со средней степенью выраженности надбровья. Данные связи обусловлены дуговыми рисунками в сочетании с трирадиусами D_5 и D_6 или с их отсутствием или с трирадиусами D_5 (или с его отсутствием), D_6 и D_7 на гипотенаре обеих ладоней.

Вместе с тем у женщин выявлены значимые связи между средней и слабой степенью выраженности надбровья и высокими ульнарными и радиальными петлями подпальцевой области правой ладони, а также наличие рисунка и трирадиуса D_7 гипотенара обеих рук.

Ф*орма бровей.* У мужчин наиболее значимые связи обусловлены папиллярными узорами в виде двойных петель на IV, V пальцах правой и II, III пальцах левой кисти преимущественно у лиц с волнистой формой бровей. У женщин статистически значимые связи характеризуются папиллярными узорами с низкими дугами и двойными ульнарными петлями на II пальце как правой, так и левой кисти.

Что касается ладонной дерматоглифики, то было установлено, что у мужчин наиболее значимые связи проявляют высокие и низкие радиальные петли в подпальцевой области правой ладони и ульнарные петли в сочетании с трирадиусом D_5 в проекции гипотенара левой руки. У женщин также выявлены статистически значимые связи между формой бровей и высокими радиальными петлями в подпальцевой области у лиц с дугообразной и прямолинейной формой бровей.

Цвет волос. Для мужчин наиболее характерны значимые и достоверные связи высоких и двойных петель, а также завитков с радиальным отклонением на I, II, IV, V пальцах правой и I–IV пальцах левой руки преимущественно у шатенов, а для женщин существенные взаимосвязи обусловлены только для брюнеток. При этом наиболее значимые связи характеризуются папиллярными узорами в виде средних и двойных ульнарных петель на II пальце правой и II, V пальцах левой кисти.

У женщин также выявлены значимые связи, которые обусловлены папиллярным узором ульнарных петель в сочетании с трирадиусом D_5 гипотенара левой ладони у блондинок.

Форма волос характеризуется связями между завитковыми, микрозавитковыми и сложнозавитковими типами рисунка на II, III пальцах правой и I–III пальцах левой кисти и волнистой формой волос у мужчин и узорами двойного петлевого (с ульнарным отклонением) типа на II пальце правой и завиткового (с радиальным отклонением) типа на V пальце левой кисти у женщин.

Результаты исследования ладонной дерматоглифики свидетельствуют о том, что у мужчин наиболее значимые связи с волнистой формой волос проявляют двойные радиальные петли в сочетании с трирадиусами D_6 и D_7 на гипотенаре обеих рук. Вместе с тем у женщин также выявлены значимые связи между волнистой формой волос и дуговыми рисунками в сочетании с трирадиусом D_5 на гипотенаре правой и тенаре левой ладони.

Профиль лица, наклон лба, рост бровей и степень углубленности переносья. При исследовании перечисленных выше признаков в мужской группе было установлено, что у лиц с прямым и подбородочным профилем лица, скошенным наклоном лба, бровями средней густоты, слабой и сильной степени углубленности переносья значимые связи прослеживаются у папиллярных узоров всех типов. У женщин же наиболее значимые связи приходятся на папиллярные узоры в виде низких и средних ульнарных петель, где задействованы I–V палец обеих рук у лиц с прямым профилем, скошенным лбом, бровями средней и сильной степени густоты, а также слабой и средней степени углубленности переносья.

Распределение значимых связей на ладонях у мужчин обусловлено папиллярными узорами 3-го и 4-го типа и имеет следующую картину: подпальцевая область на левой руке, гипотенар и тенар обеих кистей.

В отличие от мужчин, у женщин с прямым профилем лица установленные статистически значимые связи обусловлены отсутствием петли и высокими радиальными петлями подпальцевой области и гипотенара левой ладони.

Глаза (наклон, ширина, выраженность верхнего века). При анализе связей было выявлено, что у мужчин с малой и большой шириной глаз, косовнутренним и косонаружным наклоном глазной оси, отсутствующим и сильно нависающим верхним веком связи обусловлены практически всеми типами папиллярных узоров. Исключение составляют спорные петледуговые типы рисунков I, II и IV пальцев обеих рук. У женщин связи обусловлены папиллярными узорами дуговых, петлевых и завитковых типов с ульнарным отклонением I–V пальцев обеих рук. Исключение составляют IV и V пальцы левой кисти у лиц с большой шириной, горизонтальным и косонаружным наклоном глаз, сильно нависающим верхним веком.

Распределение связей на ладонях у мужчин преимущественно с 1) малой и большой шириной глаз; 2) горизонтальным и косонаружным наклоном глазной оси; 3) отсутствием нависания верхнего века обусловлено высокими и низкими как ульнарными, так и радиальными петлями, отсутствием петли и двойными радиальными петлями. Локализация выявленных связей имеет следующую картину: подпальцевая область и гипотенар правой руки, тенар обеих кистей для первого значения; гипотенар обеих рук, подпальцевая область левой и тенар правой ладони для второго показателя; гипотенар обеих кистей, подпальцевая область правой и тенар левой ладони для третьего параметра.

В отличие от мужчин, у женщин установлены статистически значимые связи, обусловленные отсутствием петли, высокими ульнарными и радиальными петлями, низкими радиальными петлями и двойными радиальными петлями в сочетании с трирадиусом D_7. Распределение связей у женщин имеет следующий вид: в подпальцевой области обеих рук – малая и большая ширина глаз, косонаружный наклон глаз, левой ладони – нависание верхнего века отсутствует или сильное. На гипотенаре обеих рук – малая и средняя ширина глаз, нависание верхнего века отсутствует или среднее.

Нос (спинка, кончик, основание). У мужчин анализ связей показывает, что имеются статистически значимые связи практически со всеми типами папиллярных узоров, кроме завитковых, с неопределенным центром на I–V пальцах обеих рук. Исключение составляют: IV палец левой кисти у лиц с вогнутой спинкой, толстым кончиком и II палец этой же руки у лиц с приподнятым основанием носа. У женщин наблюдаются связи с папиллярными узорами дугового и сложнопетлевого типа I–V пальцев обеих рук у лиц с выпуклой и вогнутой спинкой, толстым и тонким кончиком, приподнятым и опущенным основанием носа.

На ладонях у мужчин локализация значимых связей установлена преимущественно с 1) вогнутой спинкой; 2) толстым и тонким кончиком; 3) приподнятым или опущенным основанием носа. Указанные связи обусловлены отсутствием петель, высокими ульнарными, радиальными, двойными петлями и низкими ульнарными и радиальными петлями. Расположение выявленных связей имеет следующую картину: подпальцевая область, гипотенар и тенар обеих рук для первого показателя; подпальцевая область обеих рук, гипотенар правой и тенар левой ладони для второго признака; тенар обеих кистей, подпальцевая область левой и гипотенар правой ладони для третьего значения.

У женщин, в отличие от мужчин, установлены значимые связи, обусловленные отсутствием петли, высокими ульнарными и радиальными петлями, а также низкими радиальными петлями. Распределение связей у женщин имеет следующий вид: подпальцевой области обеих рук соответствует горизонтальное, опущенное и приподнятое основание, левой ладони – вогнутая спинка, толстый, средний и тонкий кончик носа. Гипотенару обеих рук соответствует вогнутая, прямая и выпуклая спинка, правой ладони – горизонтальное и опущенное основание носа. Тенару обеих рук соответствуют выпуклая спинка, опущенное основание, тенару левой ладони – средней толщины кончик носа.

Губы (толщина, выступание) и подбородок (ширина, выступание). В мужской выборке папиллярные узоры на X пальцах рук всех типов статистически

связаны с толстыми и тонкими губами, выступающей верхней и нижней губой, широким и узким, а также скошенным подбородком. В женской выборке существенные связи обусловлены папиллярными узорами дугового и сложнозавиткового типа I–V пальцев обеих рук. Исключение составляют IV палец обеих рук и V-й палец левой кисти у лиц со средней толщиной губ, выступающими обеими губами, с узким и средней ширины подбородком.

Что касается ладоней, то расположение значимых связей на них у мужчин характерно преимущественно для лиц с 1) толстыми и тонкими губами; 2) выступающей верхней и нижней губой; 3) широким и узким подбородком; 4) выступающим и скошенным подбородком, что обусловлено отсутствием петель, высокими ульнарными, радиальными, двойными петлями и низкими ульнарными и радиальными петлями, а также двойными радиальными петлями. Рассредоточенность установленных связей имеет следующую картину: подпальцевая область, гипотенар и тенар обеих рук для первого значения; подпальцевая область и гипотенар правой ладони – для второго; гипотенар и тенар левой ладони – для третьего; подпальцевая область правой, гипотенар и тенар левой ладони для четвертого параметра.

У женщин, в отличие от мужчин, установлены значимые связи, которые обусловлены отсутствием петель, высокими ульнарными и радиальными петлями, а также наличием двойной радиальной петли и трирадиуса D_6. Локализация связей у женщин имеет следующую картину: ~~в~~ подпальцевой области обеих рук соответствуют тонкие губы, выступающие верхняя и нижняя губа, выступающий, прямой и скошенный подбородок, левой ладони – средний и широкий подбородок. Гипотенару обеих рук соответствуют выступающая верхняя и нижняя губа, узкий, выступающий, прямой и скошенный подбородок, левой ладони – средние и тонкие губы. Тенару правой руки соответствует выступающий подбородок, тенару левой ладони – средней ширины подбородок.

Ушные раковины (выступание, степень оттопыренности). Распределение связей на пальцах у мужчин преимущественно с маленькими и большими размерами ушей, слабой и сильной степенью оттопыренности ушных раковин обусловлено всеми типами папиллярных узоров, кроме спорных петле-завитковых I–V пальцев обеих рук. Исключение составляют II, III пальцы левой и IV палец правой руки у лиц со средними размерами ушных раковин и средней степенью их оттопыренности. У женщин наиболее значимые связи приходятся на папиллярные узоры низко дугового, низко петлевого и петлезавиткового типа I–V пальцев обеих рук. Исключение составляют IV и V пальцы левой кисти у лиц с маленькими ушами и сильной степенью их оттопыренности.

Топография связей на ладонях у мужчин выражена папиллярными узорами в виде ульнарных петель и наличием двух дополнительных трирадиусов. Размещение установленных связей имеет следующий вид: подпальцевая область обеих рук, гипотенар правой и тенар левой ладони.

У женщин, в отличие от мужчин, установлены связи, обусловленные папиллярными узорами в виде радиальных петель и наличием одного дополнительного трирадиуса. В локализации связей у женщин задействованы подпальцевая область, гипотенар и тенар обеих рук.

Установленные взаимосвязи между дерматоглифическими признаками кистей и физиогномическими показателями человека легли в основу построения прогностических моделей.

Так, у женщин при выявлении внешних признаков с вероятностью 90–98% могут быть оценены цвет (оттенок) кожи и глаз, выступание скул, выраженность надбровья, скошенность лба, форма волос, профиль лица, ширина глаз (межглазья), толщина губ [8. С. 93–131]. Что касается мужчин, то с вероятностью 72–90% могут быть установлены такие значимые физиогномические признаки, как форма лица, степень выраженности надбровья, рост бровей, форма лба, ширина и наклон глазной щели, степень выступания скул, форма спинки носа, кончик носа, толщина губ, ширина подбородка, форма волос, профиль лица.

При этом показатели достоверности иных выводов составляют: при определении руки – 90–98%, при определении пальца – 85–93%; при установлении единства происхождения отпечатка двух пальцев – 85–90%, двух кистей – 95%; при определении половой принадлежности трупов неизвестных лиц по одному пальцевому узору – 80–90%, по узорам 7–8 пальцев – 90–98%; при установлении биологического возраста: от ±7–9 до ±6–7 лет; при определении длины тела: от ±5–6 до ±4–5 см [9. С. 32, 33].

Представленные результаты исследования связей пальцевой и ладонной дерматоглифики с признаками внешности человека могут быть полезны для решения идентификационных и иных экспертных задач. Последующее совершенствование методов дерматоглифики и разработка новых рекомендаций для экспертного сообщества и лиц, осуществляющих уголовное преследование, невозможны без дальнейшего обобщения значительного эмпирического материала [10. С. 38].

При практическом использовании полученных нами результатов следует принимать во внимание необходимость комплексного подхода к исследованию дерматоглифов с учетом выявленных корреляций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Титаренко А.Г.* Криминалистическая характеристика внешних данных личности преступника с помощью дерматоглифики // Государство и право: теория и практика : материалы Междунар. науч. конф. Челябинск : Два комсомольца, 2011. С. 193–195.
2. *Ахмедшин Р.Л.* Криминалистическая характеристика личности преступника: природа и содержание // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 283. С. 55–62.
3. *Мазур Е.С.* Дерматоглифика в прогнозировании конституциональных, физических и внешне-опознавательных признаков человека : автореф. дис. … д-ра мед. наук. М., 2009. 57 с.
4. *Божченко А.П.* Возможности определения идентификационно значимых признаков человека посредством анализа дерматоглифических структур пальцев рук // Проблемы экспертизы в медицине. 2004. № 4. С. 42–48.

5. *Пинчук П.В.* Экспертные возможности решения идентификационных задач на основе взаимосвязи между дактилоскопическими признаками и биологическими характеристиками человека (экспериментальное исследование) : автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 2002. 25 с.
6. *Мазур Е.С., Дергач Н.С.* Роль медико-криминалистической дерматоглифики в прогнозировании внешне-опознавательных признаков человека // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 315. С. 121–124.
7. *Калянов Е.В., Мазур Е.С.* Значение дерматоглифики в криминалистическом описании внешности человека // Бюлетень сибирской медицины. 2009. № 3. С. 127–132.
8. *Мазур Е.С.* Дерматоглифика в прогнозировании конституциональных, физических и внешне-опознавательных признаков человека : дис. … д-ра мед. наук. М., 2009. 276 с.
9. *Судебно-медицинская* оценка дерматоглифических признаков пальцев рук в идентификации личности : автореф. дис. … д-ра мед. наук. СПб., 2009. 45 с.
10. *Яровенко В.В.* Дерматоглифические особенности личности в контексте детерминации преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 36–40.

Статья представлена научной редакцией «Право» 14 ноября 2014 г.

POTENTIAL OF NEW DERMATOGLYPHIC METHODS FOR THE EXAMINATION OF EXTERNAL CHARACTERISTICS OF A PERSON IN CRIMINALISTICS

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 141-145. DOI 10.17223/15617793/390/24

Mazur Ekaterina S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eksm2 @ mail.ru

Keywords: anthropometry; dermatoglyphics; correlation analysis; external characteristics; personal identification; investigation of crime.

The investigation of crime is connected with criminal, criminal procedural, criminological and criminalistic study of a person [1. P. 193-194]. Mental, psychological and psychophysiological characteristics of a person constitute essential inner conditions for the commission of socially dangerous acts [2. P. 57-58]. The problems of studying both properties and external characteristics of a person are currently central in the context of their relationship with the palm surface design of hands. Thus, dermatoglyphics is one of the most effective identification methods. It enables to examine the morphological characteristics of epidermis within the framework of consistent and structural approaches. This broadens the range of possibilities for identification, classification and diagnostic research of dermatoglyphs in order to determine both psychological and physiological features which influence the person's behavior. These features are necessary for the identification and study of the criminal personality. The research into dermatoglyphic methods is characterized by a new complex approach to the examination of dermatoglyphs of palm skin design of hands which can be considered as an integral object having a unified information field [3. P. 42-43]. Thus, the dermatoglyphic methods based on steady ties between ridge patterns and external characteristics of a person (sex, age, height etc.) are used for the criminalistic examination of the person's appearance [4. P. 44-45; 5. P. 20-22]. Various anatomical and physiological characteristics of a person, obtained on the basis of the examination of ridge patterns can be supplemented and widened [6. P.122-123; 7. P. 127-131]. To establish the relationship between finger and palm dermatoglyphics and external characteristics of a person we analyzed the tables of contingence using x2-criterion of Pearson. The relationship was proved to be statistically significant under the level of statistical significance equal to $p < 0.05$. The relationship between finger and palm dermatoglyphics and physiognomic characteristics of a person was established taking into account the sexual dimorphism. The above analysis enabled us to establish the existence of ties and their extent depending on the type of design and its place. The established relationship between the dermatoglyphic characteristics of hands and physiognomic indicators of a person form the basis for the construction of prognostic models. Thus, the results of the examination of finger and palm dermatoglyphics together with external characteristics of a person can be useful for the solution of identification and other expert tasks. Further development of dermatoglyphic methods and elaboration of new recommendations for experts and those who are involved in criminal prosecution are impossible without further generalization of empirical materials [10. P. 38]. To use the obtained results, it is necessary to take into account the need for the complex approach to the examination of dermatoglyphs on the basis of the revealed correlations.

REFERENCES

1. Titarenko A.G. [Forensic characterization of offender's external data using dermatoglyphics]. *Gosudarstvo i pravo: teoriya i praktika: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [State and Law: Theory and Practice: Proceedings of the International scientific conference]. Chelyabinsk, 2011, pp. 193–195. (In Russian).
2. Akhmedshin R.L. Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika: priroda i soderzhanie [Forensic characterization of the offender: the nature and content]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2004, no. 283, pp. 55–62.
3. Mazur E.S. *Dermatoglifika v prognozirovanii konstitutsional'nykh, fizicheskikh i vneshne-opoznavatel'nykh priznakov cheloveka:* avtoref. dis. d-ra med. nauk [Dermatoglyphics in predicting person's constitutional, physical and external identification signs. Abstract of Medicine Dr. Diss.]. Moscow, 2009. 57 p.
4. Bozhchenko A.P. Vozmozhnosti opredeleniya identifikatsionno znachimykh priznakov cheloveka posredstvom analiza dermatoglificheskikh struktur pal'tsev ruk [The possibility of determining the identification of significant attributes of man by analyzing the dermatoglyphic patterns of fingers]. *Problemy ekspertizy v meditsine*, 2004, no. 4, pp. 42–48.
5. Pinchuk P.V. *Ekspertnye vozmozhnosti resheniya identifikatsionnykh zadach na osnove vzaimosvyazi mezhdu daktiloskopicheskimi priznakami i biologicheskimi kharakteristikami cheloveka (eksperimental'noe issledovanie)*: avtoref. dis. kand. med. nauk [Expert possibility of solving problems of identification based on the relationship between the characteristics of fingerprints and biological characteristics of a person (an experimental study). Abstract of Medicine Cand. Diss.]. Moscow, 2002. 25 p.
6. Mazur E.S., Dergach N.S. Rol' mediko-kriminalisticheskoy dermatoglifiki v prognozirovanii vneshne-opoznavatel'nykh priznakov cheloveka [The role of forensic dermatoglyphics in the prediction of external identification signs of a person]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2008, no. 315, pp. 121–124.
7. Kalyanov E.V., Mazur E.S. Znachenie dermatoglifiki v kriminalisticheskom opisanii vneshnosti cheloveka [The value of dermatoglyphics in forensic description of human appearance]. *Byuleten' sibirskoy meditsiny*, 2009, no. 3, pp. 127–132.
8. Mazur E.S. *Dermatoglifika v prognozirovanii konstitutsional'nykh, fizicheskikh i vneshne-opoznavatel'nykh priznakov cheloveka*: dis. d-ra med. nauk [Dermatoglyphics in predicting person's constitutional, physical and external identification signs. Medicine Dr. Diss.]. Moscow, 2009. 276 p.
9. Bozhchenko A.P. *Sudebno-meditsinskaya otsenka dermatoglificheskikh priznakov pal'tsev ruk v identifikatsii lichnosti*: avtoref. dis. d-ra med. nauk [The forensic evaluation of dermatoglyphic traits of fingers in person's identification. Abstract of Medicine Dr. Diss.]. St. Petersburg, 2009. 45 p.
10. Yarovenko V.V. Dermatoglyphical personality characteristics in the context of crime determination. *Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2013, no. 1, pp. 36–40. (In Russian).

Received: 14 November 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 146–149. DOI 10.17223/15617793/390/25

УДК 347.1

Н.Д. Титов

СТАТЬЯ 333 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Рассматриваются тенденции судебной практики по применению ст. 333 ГК РФ. Дается оценка разъяснениям высших судебных инстанций Российской Федерации об условиях снижения неустойки в случае ее явной несоразмерности последствиям нарушения обязательства. Анализируются возможные варианты совершенствования ст. 333 ГК РФ в свете позиции Европейского Совета по правам человека. Критически оценивается мнение о недопустимости снижения неустойки по инициативе суда общей юрисдикции.

Ключевые слова: снижение неустойки; проблемы правоприменения; тенденции судебной практики.

В соответствии с ч. 1 ст. 333 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства, суд вправе уменьшить неустойку.

Практику применения ст. 333 ГК РФ судами общей юрисдикции, арбитражными судами с момента вступления в действие части первой ГК РФ в основном можно оценить как достаточно стабильную, что обеспечивалось многолетней правоприменительной практикой аналогичных ст. 333 ГК РФ норм законов, действовавших в СССР и РСФСР в различные периоды, разъяснениями высших судебных инстанций о применении правил по снижению неустойки.

Разъяснения Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ (ВС РФ и ВАС РФ) об условиях применения ст. 333 ГК РФ сводились к обязанности судов при снижении неустойки учитывать различные обстоятельства, в том числе имеющие косвенное значение для последствий нарушения обязательства, например цену товаров, работ, услуг; сумму договора, принимать во внимание не только имущественный, но и всякий иной, заслуживающий уважения интерес ответчика. Какой интерес должника заслуживает уважения, определялся судом, исходя из конкретных обстоятельств спора. При этом суды не были связаны доводами заявления должника (ответчика в процессе рассмотрения спора) о применении ст. 333 ГК РФ. Неустойка могла быть снижена судом с учетом любого заслуживающего уважения, по мнению правоприменительного органа, интереса должника, даже если он на него не ссылался.

Так, в частности, в п. 1 «Обзора практики применения арбитражными судами ст. 333 ГК РФ» от 14.07.1997 № 17 ВАС РФ сформулировал позицию об обязанности суда любой инстанции уменьшить размер неустойки независимо от обращения должника с таким заявлением и в том случае, даже если в нижестоящей инстанции данный вопрос не был разрешен. Указанная позиция ВАС РФ в течение длительного периода времени определяла не только судебно-арбитражную практику, но из сформулированного подхода по применению ст. 333 ГК РФ высшего арбитражного судебного органа по умолчанию исходила и практика судов общей юрисдикциии.

Разъяснения ВС РФ и ВАС РФ по применению ст. 333 ГК РФ соответствовали позиции Конституционного Суда РФ (КС РФ) о том, что предоставленная суду возможность снижения неустойки в случае ее чрезмерности по сравнению с последствиями нарушения обязательства является одним из правовых способов защиты от злоупотребления правом свободного определения размера неустойки, установлением баланса между применяемой к нарушителю мерой ответственности и оценкой действительного (а не возможного) размера ущерба, причиненного в результате конкретного правонарушения (п. 2 Определения КС РФ от 21.12.2000 № 263-0).

Вместе с тем в отдельных судебных актах уже после принятия КС РФ приведенного определения, Президиум ВАС РФ указывал на то, что ст. 333 ГК РФ предоставляет суду право уменьшить неустойку, но не обязывает это делать, поскольку это противоречило бы принципу осуществления гражданских прав своей волей и в своем интересе (ст. 1 ГК РФ), а также принципу состязательности (ст. 9 АПК РФ) (см., например, постановления от 31.05.2005 № 16697/04, от 13.01.2011 № 11680/10). Данное обстоятельство свидетельствует об определенных колебаниях судебно-арбитражной практики по применению закона, о постепенном отходе от ранее сформулированных принципиальных позиций по применению ст. 333 ГК РФ. Напротив, практику судов общей юрисдикции в этот период отличало последовательное применение закона в соответствии с ранее данными разъяснениями, выработанными принципиальными подходами.

Между тем 22.12.2011 Пленумом ВАС РФ принято постановление № 81 «О некоторых вопросах применения ст. 333 Гражданского кодекса Российской Федерации», которое, как представляется, свидетельствует о кардинальном изменении позиции высшего арбитражного судебного органа, следовательно, и в целом судебно-арбитражную практику, связанную с применением ст. 333 ГК РФ. В данном постановлении отчетливо прослеживается реализация позиции Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) о применении судами Российской Федерации ст. 333 ГК РФ, выраженная в постановлении от 13.05.2008 по делу «Галич против России». ЕСПЧ подтвердил, что суды Российской Федерации имеют полномочия снижать проценты, подлежащие взысканию, данное право внутреннего суда не противоречит каким-либо положениям международного права, однако применение ст. 333 ГК РФ является прерогативой суда, а не его обязанностью. Суд не вправе снижать неустойку, если соответствующего заявления от ответчика не поступило.

Следует отметить, практика отечественного гражданского судопроизводства подтверждает, что полностью воспринять данную позицию ЕСПЧ при разрешении конкретных дел судами общей юрисдикции невозможно. Достаточно ознакомиться с опубликованной судебной практикой разрешения гражданских дел, чтобы убедиться в том, что суды Российской Федерации общей юрисдикции продолжают снижать неустойку по своей инициативе. Но, на наш взгляд, это не свидетельствует о незнании закона, об ошибках при разрешении гражданских дел, незнания позиции ЕСПЧ. Дело, на наш взгляд, заключается в особенностях субъектного состава спорных правоотношений, в слабом представлении спорящих сторон о принадлежащих им правам и лежащих на них обязанностях, недоступности правовой помощи для отдельных категорий граждан. Такова реальная действительность практики разрешения споров судами общей юрисдикции, с которой они ежедневно сталкиваются при отправлении правосудия.

Пленум ВАС РФ в Постановлении № 81 от 22.12.2011 «О некоторых вопросах применения ст. 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» сформулировал наиболее важные, имеющие принципиальное значение для судебной арбитражной практики следующие позиции: соразмерность неустойки последствиям нарушения обязательства предполагается; ст. 333 ГК РФ применяется ко всем видам неустойки (законной, договорной, законно-договорной, штрафу, пени, в том числе по аналогии закона к задатку); неустойка может быть снижена только по заявлению ответчика в судебной инстанции, рассматривающей спор по правилам суда первой инстанции; обязанность представить доказательства явной несоразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства возлагается на должника; снижение неустойки ниже учетной ставки ЦБ РФ допускается лишь в исключительных случаях.

При этом в отличие от ранее данных разъяснений о том, какие обстоятельства подлежат учету при решении вопроса о применении ст. 333 ГК РФ, Пленум ВАС РФ привел примерный перечень обстоятельств, которые не могут быть приняты во внимание арбитражными судами при решении вопроса о снижении неустойки. Анализ таких обстоятельств свидетельствует об их внутренней несогласованности, что, несомненно, будет порождать трудности в применении закона. Можно предположить, что это повлечет принятие различных решений в тождественных правовых ситуациях.

Как следует из Постановления Пленума ВАС РФ от 22.12.2011 № 81 «О некоторых вопросах применения ст. 333 Гражданского кодекса Российской Федерации», если вопрос о применении ст. 333 ГК РФ ставился сторонами и обсуждался в суде первой инстанции, довод апелляционной, а затем и кассационной жалобы о неправильном применении данной статьи закона в части размера взысканной неустойки может быть предметом исследования и оценки суда вышестоящей инстанции. Если данный вопрос не был предметом исследования в суде первой или второй инстанций, рассматривающих дело по правилам суда первой инстанции, то такого рода довод кассационной жалобы не может являться основанием для пересмотра решения судом кассационной инстанции (п. 3).

Позиция ЕСПЧ о снижении неустойки только по заявлению должника учтена в Концепции совершенствования гражданского законодательства РФ. Предусмотренное в Концепции правило об уменьшении неустойки по заявлению должника реализовано в новой редакции ст. 333 ГК РФ законопроекта «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую ГК РФ, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Так, абз. 2 п. 1 ст. 333 ГК РФ после слов «суд вправе» дополнен словами «по заявлению должника».

Таким образом, в действующем гражданском законодательстве РФ предлагается легально закрепить правило о недопустимости снижения неустойки без заявления должника, что лишает суд, по нашему мнению, возможности принимать решение, учитывая все обстоятельства спора, включая субъектный состав спорного правоотношения, подсудность и ведомственность спора, чрезмерный размер неустойки, даже определенной в соответствии с правилами, предусмотренными в законе или соглашением сторон, спорные причины неучастия должника в процессе, а следовательно, отсутствия заявления о снижении неустойки. Разъяснения Пленума ВАС РФ по применению данной статьи закона, заложенные в проект новой редакции ст. 333 ГК РФ правила, лишают суды необходимой степени усмотрения для принятия законного, обоснованного и, что очень важно, справедливого судебного акта. Применение ст. 333 ГК РФ в измененной редакции, прежде всего, вызовет трудности в правоприменительной практике судов общей юрисдикции. Практика судов общей юрисдикции, применяющих ст. 333 ГК РФ, каждодневно сталкивающихся с реалиями общественных отношений в Российской Федерации, реалиями разрешения споров с участием граждан, дает основание для вывода о необходимости сохранения для судов общей юрисдикции права снижать неустойку по инициативе суда, если о снижении ответчик не заявляет либо лишен возможности сделать такое заявление.

Помимо права суда снизить неустойку по заявлению должника, предусмотренного в проекте ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданский кодекс Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ст. 333 ГК РФ предлагается дополнить абзацем третьим следующего содержания: «Снижение договорной неустойки, подлежащей уплате лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, допускается в исключительных случаях, когда будет доказано, что взыскание неустойки в предусмотренном договором размере может привести к получению кредитором необоснованной выгоды».

Законодательная новелла, принятие которой, предполагается, существенно меняет правовое регулирование условий снижения неустойки, ставит перед теорией гражданского права и практикой новые, ранее не возникавшие вопросы. И содержания ч. 3

ст. 333 ГК РФ следует, что ее правила применимы лишь к обязательствам, основанием возникновения которых является договор; снижение договорной неустойки допускается в исключительных случаях при доказанности получения кредитором необоснованной выгоды; обязательство нарушено лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность. Признак «осуществляющего предпринимательскую деятельность» следует относить к субъекту, нарушившему предпринимательское обязательство. Буквальное толкование рассматриваемой нормы дает основание для вывода о том, что правила ч. 3 ст. 333 ГК РФ подлежат применению не только в отношениях с участием граждан-потребителей, но и с участием субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность на обеих сторонах договорного обязательства.

Данная норма, безусловно, ужесточит последствия нарушения обязательств субъектами предпринимательской деятельности. Вместе с тем она необходима и целесообразна, особенно для разрешения споров с участием граждан-потребителей, учитывая, насколько распространенными являются нарушения обязательств лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность.

Обязанность представлять доказательства получения кредитором необоснованной выгоды должен должник (ответчик по иску), возражающий против заявленного ко взысканию размера неустойки (п. 1 ст. 56 ГПК РФ).

Такие признаки, как исключительность случаев и необоснованность выгоды, на наш взгляд, являются оценочными и потребуют соответствующих разъяснений высшим судебным органом России.

Принятые ВАС РФ разъяснения, предполагаемые изменения ст. 333 ГК РФ, нуждаются в определенном осмыслении, анализе. Вряд ли следует думать, что изменение ст. 333 ГК РФ снимает все вопросы применения данной нормы закона на практике. Напротив, как представляется, принятие ст. 333 ГК РФ в новой редакции вызывает не меньше, а может быть, еще больше вопросов, чем ранее действовавшая редакция закона. И дело не в редакционной неточности, нечеткости или каких-то стилистических, орфографических и т.п. погрешностях, а в тех принципах, которые предлагается закрепить в данной статье.

Из анализа абз. 1 ст. 333 ГК РФ следует, что в нем сформулировано общее правило о снижении судом неустойки по заявлению должника при нарушении обязательства. При этом не указываются субъекты обязательства, виды обязательств, виды неустойки, которая может быть снижена. Судебная практика обоснованно исходила и исходит в настоящее время из того, что это может быть любой вид неустойки: договорная, законная, в том числе законно-договорная, штраф, пени, а также любая неустойка, квалифицируемая по соотношению с убытками.

Отсутствие специального указания в абз. 3 ст. 333 ГК РФ законопроекта на то, что договорная неустойка, подлежащая взысканию с лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, и в исключительных случаях подлежит уменьшению по заявлению должника, не должно являться основанием для вывода, что в таких случаях заявление должника не требуется. Систематическое толкование ч. 1 и 3 ст. 333 ГК РФ не оставляет сомнений, что и в таких случаях снижение договорной неустойки возможно также только по заявлению должника.

Как следует из ст. 126 Конституции РФ в редакции Закона Российской Федерации от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», разъяснения по вопросам судебной практики дает Верховный Суд РФ. В соответствии с действующей редакцией абз. 7 ч. 4 ст. 170 АПК РФ арбитражные суды в мотивировочной части решения могут ссылаться на постановления Пленума ВС РФ и сохранившие силу постановления Пленума ВАС РФ по вопросам судебной практики, а также на постановления Президиума ВС РФ и сохранившие силу постановления Президиума ВАС РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и ст. 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» от 04.06.2014 № 8-ФКЗ постановления Пленума ВАС РФ сохраняют силу до принятия соответствующих решений Пленумом ВС РФ.

Эффективность выполняемых неустойкой функций (обеспечительная, стимулирующая и компенсационная) может быть существенно снижена, если у суда не будет правового инструмента корректировать ее размер (в исключительных случаях либо с учетом всей совокупности обстоятельств, прямо относящихся к последствиям нарушения обязательства). Учитывая, что законность и обоснованность решения также зависят от правильного применения ст. 333 ГК РФ, руководствуясь требованием определенности при применении данной статьи закона, обеспечения единства в подходах к ее применению, представляется, что Постановление Пленума ВАС РФ «О некоторых вопросах применения ст. 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» № 81 от 22.11.2011 должно быть скорректировано с учетом новой редакции ст. 333 ГК РФ. До закрепления в законе каких-либо изменений в ст. 333 ГК РФ, как представляется, целесообразно сохранить сложившуюся практику ее применения в системе судов общей юрисдикции и арбитражных судах, в частности, сохранить за судами общей юрисдикции возможности в исключительных случаях снижать неустойку по их инициативе.

Статья представлена научной редакцией «Право» 17 декабря 2014 г.

ARTICLE 333 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF ENFORCEMENT

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 146-149. DOI 10.17223/15617793/390/25

Titov Nikolay D. Tomsk State University(Tomsk, Russian Federation). E-mail: gr_pravo_ui@mail.ru

Keywords: reduction of penalty; enforcement challenges; trends in judicial practice.

Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation (hereafter the CC of the RF) as amended provides the right of the courts to reduce the forfeit penalty if it is obviously disproportionate to the consequences of the breach of an obligation. Upon commencement of Part I of the above Code we can evaluate the practical application of Article 333 by the courts of general jurisdiction and arbitration courts as a stable one. This stability was ensured by day-to day explanations given by the highest Russian judicial authorities on the conditions of forfeit reduction. The position of the above courts comes down not to the right but to the obligation of the courts to reduce the forfeit taking into account various circumstances and any plaintiff's respectable interest including the circumstances which have some indirect significance for the consequences of the breach of an obligation. The forfeit could be reduced in any court without reference to the claim of a debtor even if the case had not been decided in the lower court. Such an approach to the application of the above rule of law by the courts of general jurisdiction and arbitration courts corresponded to the position of the Constitutional Court of the Russian Federation. But from 2005 to 2010 there were some fluctuations and, finally, the departure of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation from earlier enunciated principled stands on the application of the above Article. In contrast to this, the practice of the courts of first instance at that time could be characterized by the stability in application of Article 333 of the CC of the RF and a consistent application of the law in accordance with previous explanations. The ruling of the European Court of Human Rights (hereafter the ECHR), in the case Galich v. Russia, has obligated Russia to change the established case law as far as the terms of application of Article 333 are concerned. The ECHR states that Russian courts are theoretically empowered to reduce interests to be levied; however, application of Article 333 of the CC of the RF is the prerogative of courts but not their duty. A court has no right to reduce a forfeit unless there is an application of the defendant. The realization of the above position of the ECHR in our domestic judicial practice and its possible consequences are under consideration in the present article.

Received: 17 December 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 150–154. DOI 10.17223/15617793/390/26

ЭКОНОМИКА

УДК 336.71

Э.С. Ибадов, А.И. Шмырева

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИСЛАМСКОГО БАНКОВСКОГО ДЕЛА, ХАРАКТЕРИСТИКА И МИРОВОЙ ОПЫТ

Рассматриваются этапы развития исламского банковского дела и их особенности. С момента возникновения первых исламских банков прошло более чем три десятилетия, число исламских финансовых учреждений во всем мире возросло с одного в 1975 г. до 200, действующих в настоящее время в более чем 40 странах. Они расположены в основном в странах Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии (при этом крупнейшими центрами являются Бахрейн и Малайзия), но создаются также в Европе и США. Приводятся нежелательные последствия применения ссудного процента, повлекшие появление финансовых институтов без его применения.

Ключевые слова: исламские банки; беспроцентная экономическая система; финансовые институты; принципы шариата.

Ещё в начале двадцатого века мусульманские эксперты в области экономики и банковского дела рассматривали возможные пути замены процента как экономической категории. Они разработали модели беспроцентной экономической системы и проанализировали последствия отмены процента на экономический рост, установление ресурсов, распределение доходов, обосновали теоретическую базу для организации современного банковского дела на беспроцентной основе. Большой вклад в исследование беспроцентного банковского дела также внесли практические работники.

Термин «исламские банки» хорошо известен как в мусульманском мире, так и на Западе. Он определяет форму банковского дела, при котором услуги предоставляются клиентам на основе принципов шариата. Сторонники исламских банков считают, что ссудный процент является ростовщической прибылью (рибой), получение которой запрещено исламскими законами. Такое отношение к банковскому проценту заставило мусульманских финансистов найти способы развития альтернативной банковской системы, не противоречащей шариату и предписанию, запрещающему получение «рибы» [1. С. 73]. Деятельность исламских банков принципиально отличается от практики обычных банков. Роль исламских банков в обществе четко сформулирована в официальном заявлении Международной ассоциации исламских банков. «Исламская банковская система затрагивает социальные аспекты, которые связаны напрямую со стилем исламской жизни, и является главным отличием исламских банков от традиционных по философии их деятельности. В своих операциях исламские банки ориентируются на социальные последствия принимаемых ими решений. Прибыльность проекта – несмотря на важность и приоритет этого показателя – не единственный и не главный критерий, по которому оценивается деятельность исламских банков, поскольку они должны преследовать как материальные, так и социальные цели, соответствующие интересам общества, и играть роль социального гаранта. Социальные цели должны бать неотъемлемой частью исламской банковской системы, без которых нельзя обойтись и которыми нельзя пренебрегать» [2. С. 21].

Концепция беспроцентного банковского дела уже не является чисто теоретической категорией, поскольку в последние два десятилетия были созданы и работают на беспроцентной основе множество исламских банков в разных частях мира. Так, три страны исламского мира (Пакистан, Иран и Судан) предприняли смелую попытку упразднить процент в масштабе всей экономики. И был достигнут значительный прогресс в этой области.

Понимание нежелательных последствий ссудного процента не только объясняет причины запрета на процент на кредит (включая и кредит на производственные нужды), но и обосновывает создание альтернативной системы, соответствующей духу ислама. Нежелательные особенности процентного банковского дела могут быть изложены следующим образом:

1. Сделки, основанные на проценте, нарушают принцип справедливости экономической системы. Заёмщик должен выплатить заранее оговоренный процент по кредиту даже в случае несения убытков. Если была заработана прибыль, процент по кредиту может оказаться непосильной ношей в случае его превышения над нормой прибыли. Когда деньги инвестируются в производственный проект, конечный результат в контексте прибыли или убытков зачастую неясен.

В бизнесе этичной признана лишь та ситуация, когда индивид получает вознаграждение («делает деньги») пропорционально затратам умственного и физического труда. При процентной сделке кредитор не прикладывает никаких усилий и не тратит никаких денег, но, тем не менее, получает основную сумму и проценты. Даже в случае, когда бизнес заемщика, в который он инвестировал ссуду, терпит убыток, кредитор ожидает возврата основной суммы плюс проценты.

2. Нестабильность системы, основанной на проценте, в случае неудачи ведёт к банкротствам, результатом которых являются потеря производственного потенциала и безработица. В ситуации депрессии с характерными для неё низкими показателями прибыльности делает отрасли промышленности «больными», и их «оздоровление» становится очень проблематичным, что ведёт к негативным последствиям в занятости населения.

3. Система, основанная на процентах, ориентирована больше на безопасность, нежели на рост. Так как банки имеют обязательства перед своими вкладчиками, они становятся более заинтересованными в безопасном возврате выданных кредитов и процентов по ним. Это приводит к тому, что банки ограничивают своих заёмщиков большими компаниями или такими организациями или лицами, которые зарекомендовали себя как достаточно безопасные. Если банки считают, что такие пути инвестирования недостаточны, они предпочитают вкладывать средства в государственные ценные бумаги с гарантированным доходом. Такая направленность на сохранность средств мешает росту, так как данная система отделяет финансовые потоки от большого количества потенциальных предпринимателей, чьи усилия могли бы увеличить валовой национальный продукт, но которые не обладают достаточной обеспеченностью для того, чтобы удовлетворить банковское требование о платежеспособности. Излишнее предложение капитала известным компаниям и его ограничение для большого сегмента населения также ведёт к возрастающим диспропорциям в уровне доходов.

4. Процентная система не является стимулом для инноваций, особенно для малых предприятий. Большие производственные фирмы и крупные землевладельцы могут себе позволить эксперименты с новыми технологиями, так как у них имеется достаточно собственных резервов на случай убыточности нововведений. Малые предприятия неохотно идут на применение новых производственных методов с использованием заёмных средств, так как им необходимо обеспечить выплату по процентам и основному долгу вне зависимости от результатов при ограниченности собственных средств. Например, в сельском хозяйстве мелкие фермеры не применяют новые методы культивации именно по этой причине. Это не только отрицательно влияет на уровень роста, но также увеличивает диспропорции в распределении дохода.

5. При процентной системе банки заинтересованы только в сохранении своего капитала и получении процентов, а интерес к финансируемым ими предприятиям ограничен только в плане действенности и прибыльности таких предприятий с точки зрения их способности создавать поток денежных средств, который бы обеспечил выплаты по процентам. Так как возврат кредита фиксирован и не зависит от реальных прибылей финансируемого предприятия, то у банков нет стимула к финансированию предприятий с наибольшим потенциалом получения прибыли. Социальная направленность может изменить определение эффективности и рассматривать её с точки зрения отличных от рентабельности параметров. Однако для большинства проектов частного сектора основным критерием эффективности является рентабельность. При процентной системе недостаточно внимания уделяется потенциальной прибыли от проектов, приоритет отдаётся компаниям со значительным опытом, что в результате приводит к непропорциональному распределению ресурсов.

История исламского банковского дела начинается с первых дней появления ислама. Наиболее важным событием, которое впоследствии привело к возникновению исламских банков, явились откровения пророка Мухаммеда о запрещении рибы, который при всяком случае осуждал и порицал кредитующих и дающих взаймы под процент. Со времен появления исламской цивилизации существуют такие операции, как обмен валюты, денежные переводы и использование чеков. Однако в то время организованная банковская система так и не появилась. Функции финансовых институтов взяли на себя частные лица. В отличие от обычных банков, которые развивались параллельно с возрождением европейской торговли в XIII в., исламское банковское дело не получило своего развития. В результате развития торговли и колониализма мусульманские страны приняли традиционную банковскую систему, а исламское банковское дело, зародившееся в ранний период развития ислама, прекратило свое существование.

Так называемое исламское возрождение, которое захлестнуло весь мусульманский мир, явилось толчком для создания исламского банковского дела.

Первые идеи о создании особых банков возникли уже в конце 40-х гг. XX в., но первые практические шаги в этом направлении были предприняты лишь в начале 1960-х гг. [3. С. 50–57] (см. таблицу). В частности, первым успешным экспериментом с образованием финансового института, работающего без процентов, считается проект сберегательной кассы в Мит-Гамре, маленьком египетском городке, расположенном в дельте Нила, хотя в тот период термина «исламский банк» еще не существовало. Руководитель этого проекта, доктор Ахмад Али-Нагтар, вел длительную агитацию среди жителей города и окрестных деревень до открытия первого филиала в 1963 г.

Цель этого проекта состояла в том, чтобы привлечь сельское население в процесс капиталообразования. Инициаторы создания банка исходили из того, что необходимый для индустриализации Египта процесс накопления капитала должен произойти в аграрном секторе, который тогда доминировал в народном хозяйстве Египта [4]. Проект разрабатывался под лозунгом «Превращайте феллахов (крестьян) во вкладчиков!» [5. С. 61]. Указанный кредитный институт имел три фонда:

1. Сберегательный и кредитный фонд с минимальным вкладом в 5 пиастров, причем вкладчик получал не проценты, а имел определенные привилегии, например, мог получить беспроцентный кредит.

2. Инвестиционный фонд с минимальным вкладом в 1 египетский фунт на один год, который финансировал прибыльные проекты в городе, а вкладчик получал часть доходов от проекта.

3. Социальный фонд, в который вкладчики могли добровольно платить «закят» (исламский социальный налог), средства из которого использовались для нуждающихся.

Хотя данный проект функционировал успешно, в 1967 г. его закрыли по политическим мотивам.

Другим проектом был Perbadanan Wang Simpanan Bakal-Bakal Haji (PWSBH), созданный в Малайзии в 1963 г. для желающих совершить хадж.

Однако уже в 1971 г. в Египте в ходе нового политического курса («корректурная революция») был создан «Насер Социал Банк», первый государственный исламский банк, а в 1975 г. появился первый частный исламский банк «Дубаи Исламик Банк» в Дубае. Начиная с середины 1970-х гг. число исламских банков росло быстрыми темпами, аналогичные банки были образованы не только в странах, где ислам является государственной религией (Египет, Иордания, Бахрейн, Судан, Кувейт, ОАЭ, Тунис, Мавритания и Малайзия), но также и в Великобритании, Дании, Швейцарии, где число приверженцев ислама незначительно.

Со второй половины 1980-х гг. стали появляться небанковские финансовые институты, выступающие под вывеской «исламских», в первую очередь в Египте. Их арабское название «Шарикат Аусиф Аль-Амваль» можно перевести как «исламские инвестиционные общества». На начало 1988 г. в Египте уже насчитывалось более 300 таких обществ с суммарным капиталом в 4–8 млрд долл. США [5. С. 59–65], а число вкладчиков превышало 3 миллиона человек. До 1988 г. не существовало закона, который регулировал бы их деятельность, поэтому они не обязаны были публиковать балансы и годовые отчеты, иметь наблюдательный совет и проводить собрания акционеров. Владелец общества самостоятельно решал все вопросы вложения средств и размеров выплат вкладчикам. По депозитным соглашениям они работали в соответствии с шариатом.

Успехи, достигнутые указанными обществами, во многом объясняются тем, что они выплачивали по вкладам высокие проценты, в то время как обычные банки платили по вкладам 7% годовых в свободно конвертируемой валюте, исламские инвестиционные общества – 24%, а иногда даже до 30%.

Стремясь получить более высокие проценты, вкладчики, не учитывая высокую степень риска, перечисляли средства непосредственно на счета владельцев обществ, не имея при этом каких-либо гарантий или возможности распоряжаться своими деньгами, что приводило к злоупотреблениям со стороны некоторых владельцев обществ, которые, использовав чужие деньги, скрывались за границей. При этом вкладчик не имел никаких юридических оснований востребовать принадлежавшие ему средства. По сведениям прокуратуры Египта, только в апреле 1988 г. было отмечено 8 таких случаев, что наносило большой ущерб престижу исламских банков.

Наиболее спорным был вопрос о том, куда и в какой форме эти общества инвестировали свои средства, чтобы получать высокие прибыли, которые позволяли им выплачивать высокие проценты вкладчикам. Считалось, это стало возможным в связи с тем, что:

– общества не привлекали кредиты от других банков;

– высокая ликвидность позволяла им оперативно реагировать на все изменения; вкладывать средства в быстро окупаемые проекты, снижая затраты;

– гибкость и отсутствие бюрократии делали их работу более эффективной;

– инвестировались средства только в проекты, если предполагаемая прибыль у них оценивалась в размере свыше 25% (в то время уровень инфляции в Египте).

Несмотря на сравнительную убедительность этого, египетская пресса обвинила общества в проведении спекулятивных операций с золотом и валютой. Так как в то время египетский фунт ежегодно обесценивался в среднем на 30%, Египет становился благоприятным местом для спекулянтов. Учитывая сложившуюся ситуацию, в 1988 г. египетский парламент принял закон, в соответствии с которым эти общества были поставлены под государственный контроль. Им предлагалось стать акционерными обществами с минимальным количеством акционеров в 20 человек с долей каждого выше 1%, предоставлять наблюдательным органам финансового рынка подробные отчеты о проектах финансирования и создать финансовые резервы. Общества, которые были не в состоянии выполнять требования указанного закона, подлежали ликвидации в течение 2 лет. В результате принятия этого закона обанкротился «Ар-Раян», а в 1992 г. был секвестрирован «Ас-Саад», что повлияло на репутацию тех финансовых институтов, которые выступают как «исламские».

Исламский Банк Развития (ИБР) был основан в 1974 г. Организацией исламских стран (ОИС), изначально служивший межгосударственным целям в обеспечении капиталом проектов по развитию экономики стран – членов организации. Он предоставляет платные финансовые услуги и оказывает поддержку в операциях по долевому участию в прибылях странам-участницам. Операции в ИБР четко основаны на принципах шариата. В 1970-х гг. во многих мусульманских странах произошли политические изменения, которые дали толчок легализации Исламских финансовых институтов. На Ближнем Востоке обрели свое законное существование многие Исламские банки, такие как Дубай Исламик Банк (1975), Файзел Исламик Банк в Судане (1977), Файзел Исламик Банк в Египте (1977), Бахрейн Исламик Банк (1979). Тихоокеанско-Азиатский регион не остался не затронутым этим ветром перемен. Филиппинский Амана Банк был учрежден в 1973 г. по президентскому указу как специализированный банковский институт без ссылки в уставе на исламский характер. Учреждение этого банка явилось уступкой филиппинского правительства в реакции на восстание мусульман с требованиями удовлетворить нужды экономической стороны жизни мусульманского сообщества. Однако основной задачей этого банка являлись строительство и реконструкция в городах Минданао, Сулу и Палаван на юге страны. Филиппинский Амана Банк имел 8 филиалов, расположенных в крупных городах южных мусульманских провинциях, головной офис находится в Минданао. Этот банк не считается полностью исламским, так как наряду с исламскими методами финансирования существуют и обычные процентные операции. Любопытно наблюдать, как Филиппинский банк оперирует с двумя «окнами» депозитных операций: традиционных и исламских.

Тем не менее предпринимаются шаги по переводу этого банка в полномасштабный исламский банк. В Малайзии дебют исламского банковского дела состоялся в 1983 г. Первым финансовым исламским институтом в Малайзии стала Исламская Сберегательная Корпорация по вкладам паломников, основанная в 1963 г. В 1969 г. эта организация была преобразована в Управление по делам паломников и Фондовый департамент, широко известной сейчас как Табунг Хадж. Эта организация действует как финансовая компания, которая инвестирует сбережения паломников согласно канонам шариата, но ее роль достаточно ограничена рамками небанковского финансового института.

Тем не менее успех Табунг Хаджа способствовал открытию исламского малазийского банка Bank Islam Malaysia Berhad, который предоставляет весь спектр исламских банковских услуг. Табунг Хадж оплатил 12,5% его уставного капитала в 80 миллионов долларов. Этот банк имеет 14 филиалов в различных частях страны [3. С. 50–86]. Необходимо отметить некоторые исламские финансовые институты, учрежденные в странах, где мусульмане проживают в составе населения в меньшинстве. В 1970-е гг. в Индии произошел количественный рост беспроцентных сбережений и кредитов на социальные цели. Исламская банковская организация (сейчас называется Исламский Финансовый Дом), основанная в Люксембурге в 1978 г., показала западному сообществу пример исламского банковского дела. На сегодняшний день открыты и успешно функционируют исламские банки в США, Великобритании, Западной Европе. В Копенгагене работает Исламский Международный Банк Дании, в Мельбурне – Исламская Инвестиционная Компания Австралии. Развитие финансовых институтов в мировом аспекте, можно представить в виде нескольких этапов (таблица).

Развитие исламских финансовых и банковских институтов

Название этапа	Годы	Характеристика
I этап. Формирование исламской банковской системы	1950–1960-е	Практические разработки исламских ученых и экономистов моделей исламской банковской и финансовой. Активизация деятельности банков с использованием исламских инструментов и принципов финансирования. Разработка механизмов работы исламских финансовых институтов. Начало деятельности и падение сберегательного банка «Мит Гамр» (1963–1967 гг.). Создается «Лембага Табун Хадж в Малайзии, 1966
II этап. Совершенствование и появление новых банковских учреждений	1970-е	Дальнейшее развитие банковских и исламских небанковских учреждений. Совершенствование финансового механизма мудараба. Появление новых банковских учреждений. Учреждается «Дубай Исламик Бэнк», 1975. Открывается Исламский Банка Развития, 1975
III этап. Государственная поддержка исламских банков	1980-е	Поощрение государством деятельности исламских банков. Увеличение числа частных банков. МВФ впервые публикует рабочие документы и статьи по исламскому банкингу. Рост количества исследований и публикаций на тему исламской экономики. Создание академии Фикха при ОИС и других Советов Фикха. Создание исламских доверительных фондов по всему миру
IV этап. Увеличение финансовых инструментов	1990-е	Популяризация «исламских окон» в традиционных банках. Увеличение финансовых инструментов, основанных на обеспечении активами, признание значения исламских финансовых институтов и банков. Введение исламского индекса Доу Джонс. Введение стандартов в банковской системе, в области надзора и регулирования. Издание стандартов AAOIFI
V этап. Продолжительный рост и зрелость индустрии наряду с проблемами риска	Начало 2000-х по настоящее время	Построение структуры исламских финансов. Уделяется внимание управлению рисками и корпоративному контролю. Капитализация исламских банков путем слияний. Создание рынка ценных бумаг, обеспеченных активами. Учреждается Совет по исламским финансовым услугам в Малайзии, 2002. Основание Международной Исламской рейтинговой организации в Бахрейне

Несмотря на тридцатилетний опыт, исламская банковская система далеко не совершенна, попрежнему её главной проблемой являются ограниченные возможности мобилизации дополнительного капитала с помощью эмиссии и размещения акций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ибадов Э.С., Шмырева А.И.* Некоторые аспекты деятельности исламских банков // Идеи и Идеалы. 2013. № 3 (17), т. 1. С. 73–77.
2. *Khan, Mohsin and Mirakhor, Abbas.* Theoretical Issues in Islamic Banking and Finance. Institute of Research and Islamic Studies. 1998.
3. *Судин Харон, Ван Нурсофиза Ван Азми.* Исламская финансовая и банковская система: Философия, принципы и практика. Казань : Линова-Медиа, 2012. 536 с.
4. *Mannan, Muhammad Abdul.* Islamic Economics: Theory and Practice. London (UK) : Hodder and Stoughton, 1986.
5. *El-Ashker, Ahmed.* «An Evaluation 14. of the Major Islamic Banks». In Islamic Financial Markets / ed. by Rodney Wilson, 59–75. London ; New York : Routledge, 1990.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 21 ноября 2014 г.

STAGES OF DEVELOPMENT OF ISLAMIC BANKING, DESCRIPTION AND WORLD EXPERIENCE

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 150-154. DOI 10.17223/15617793/390/26

Ibadov Emin S., Shmyreva Alexandra I. Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: mondigonsk2007@rambler.ru; kaf-bd-lab@nsuem.ru

Keywords: Islamic banks; interest-free economic system; financial institutions; principles of Sharia.

The term "Islamic banks" is well known not only in the Muslim world now; it determines the shape of banking, in which services are provided to clients based on the principles of Sharia. Many Islamic banks were created and operate on an interest free basis in different parts of the world; this way three Islamic countries (Pakistan, Iran and Sudan) made a bold attempt to abolish interest across the entire economy. There has been considerable progress in this area. The first practical steps in this direction were made only in the early 1960s. In particular, the first successful experiment with the formation of a financial institution operating without interest is the project of a savings bank in Mit Hámre, a small Egyptian town, located in the Nile Delta, although at the time the term "Islamic bank" did not exist. The Head of the project, Dr. Ahmad Ali Nagtar, waged a long campaign among residents of the town and the surrounding villages before the opening of the first branch in 1963. The purpose of this project was to attract the rural population in the process of capital formation. The so-called "Islamic revival" that spread in the entire Muslim world was the impetus for the creation of Islamic banking. In the 1970s, in many Muslim countries there were political changes that gave rise to the legalization of Islamic financial institutions. In the Near East many Islamic banks found their legal existence, such as Dubai Islamic Bank (1975), Faizel Islamic Bank in Sudan (1977), Faizel Islamic Bank of Egypt (1977), Bahrain Islamic Bank (1979). The Pacific-Asian region did not remain unaffected by this wind of change. The establishment of the bank was a concession of the Philippine government in response to the uprising of Muslims with the requirements to meet the needs of the economic aspects of the life of the Muslim community. This bank is not considered fully Islamic, because along with Islamic financing methods it practices normal interest operations. It is interesting to watch how the Philippine Bank operates with two "windows" of deposit operations: traditional and Islamic. In Malaysia, Islamic banking debut took place in 1983. The first Islamic financial institution in Malaysia was the Islamic Corporation for Savings Deposits of Pilgrims, founded in 1963. This bank has 14 branches in different parts of the country. It should be noted some Islamic financial institutions were established in countries where Muslims are a minority. The Islamic Finance House, founded in Luxembourg in 1978, showed an example of Islamic banking to the Western community. To date, Islamic banks are open and successfully operate in the USA, UK, Western Europe. In Copenhagen there works the Islamic International Bank of Denmark, in Melbourne the Islamic Investment Company of Australia. Development of financial institutions in the global aspect can be represented as several stages: 1. Formation of Islamic banking; 2. Improvement of existing and emergence of new banking institutions; 3. State support for Islamic banks; 4. Increase of financial instruments; 5. Continuous growth and maturity of the industry, along with risk issues. Despite the three decades of experience, the Islamic banking system is far from perfect, its main problem is still the limited possibility of raising additional capital through the issue and placement of shares.

REFERENCES

1. Ibadov E.S., Shmyreva A.I. Some aspects of islamic banks. *Idei i Idealy – Ideas and Ideals*, 2013, no. 3 (17), vol. 1, pp. 73–77. (In Russian).
2. Khan M., Mirakhor A. *Theoretical Issues in Islamic Banking and Finance*. Institute of Research and Islamic Studies, 1998.
3. Sudin Kharon, Van Nursofiza Van Azmi. *Islamskaya finansovaya i bankovskaya sistema: Filosofiya, printsipy i praktika* [The Islamic financial and banking system: Philosophy, principles and practice]. Kazan: Linova-Media Publ., 2012. 536 p.
4. Mannan M.A. *Islamic Economics: Theory and Practice*. London (UK): Hodder and Stoughton, 1986.
5. El-Ashker A. An Evaluation of the Major Islamic Banks. In: Wilson R. (ed.) *Islamic Financial Markets*. London; New York: Routledge, 1990, pp. 59–75.

Received: 21 November 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 155–160. DOI 10.17223/15617793/390/27

УДК 06.73

В.С. Николаенко

РАЗРАБОТКА ПРИНЦИПОВ УПРАВЛЕНИЯ ИТ-ПРОЕКТОМ

Проекты, реализуемые в сфере информационных технологий, – это сложный комплекс инженерных, технических и научных дисциплин, которые требуют длительного обучения, значительных инвестиций и профессиональных специалистов. Сложность проектов, реализуемых в области информационных технологий, создает зоны риска, которые влияют на успешное завершение ИТ-проектов. В этой связи для решения задач, связанных с рисками, в данной статье рассматривается процесс разработки принципов управления ИТ-проектом. Рассматриваемые принципы позволяют вести превентивное управление рисковыми событиями в ИТ-проекте.

Ключевые слова: риск-менеджмент; ИТ-проект; управление ТИ-проектами; методология Agile.

Динамичное развитие сферы информационных технологий (ИТ) во многом определяет конкурентоспособность и успешную бизнес-деятельность современных организаций на рынке. Однако динамичное развитие выявило многочисленные проблемы проектного подхода в производстве продуктов ИТ. Так, например, по данным The Standish Group International, в 2012 г. 43% ИТ-проектов (IT-project) имели проблемы во время разработки, которые повлияли на длительность, бюджет и качество [1]. По мнению специалистов The Standish Group International, проблемы, которые возникают в процессе реализации ИТ-проектов, необходимо идентифицировать как риски и проводить соответствующие мероприятия для их управления.

Анализируя данные, представленные в табл. 1, можно заключить, что актуальной задачей для ИТ-проектов является разработка системы мероприятий. Она позволяет управлять возможными рисковыми событиями в проектах, разрабатывающих продукты в сфере ИТ.

Таблица 1

Результаты завершенных ИТ-проектов, % [1]

Проект	2004 г.	2006 г.	2008 г.	2010 г.	2012 г.
Успешные (Successful)	29	35	32	37	39
Проваленные (Failed)	18	19	24	21	18
Имевшие проблемы, которые привели к изменению начальных целей (Challenged)	53	46	44	42	43

Целью статьи является формирование принципов управления ИТ-проектом, позволяющих вести превентивную работу с рисковыми событиями.

Достижение поставленной цели требует решения следующих задач:

1. Анализ основных характеристик и основных участников в ИТ-проекте.
2. Исследование трудов современных ученых, работающих с рисками в ИТ-проектах.
3. Анализ существующих подходов в области управления рисками в ИТ-проектах.
4. Формирование принципов управления ИТ-проектом, позволяющих вести превентивную работу с рисковыми событиями.

Для решения первой задачи дадим определение понятиям «проект» и «ИТ-проект». Стандарт PMBoK определяет «проект» (project) как временный процесс, направленный на создание уникальных продуктов, услуг и / или результатов [2]. Временный характер означает, что проект имеет начало и завершение, ограниченный бюджет и ограниченные ресурсы. Проект считается завершенным, если достигнуты его цели (содержание, сроки, стоимость и качество). В отличие от текущей (процессной) деятельности, которая представляет собой повторяющийся процесс, согласно существующим процедурам организации, проектная деятельность по причине уникального способа создания продуктов сталкивается с неопределенностью. Так, например, проектные задачи могут быть новыми для команды, что обусловливает необходимость в более тщательном планировании, в отличие от деятельности, связанной с рутинной работой.

По завершении проекта может быть получен:

– продукт, который может представлять собой конечное изделие либо являться элементом другого изделия;

– услуга;

– результат, такой как будущая возможность или документ.

Вероятность наступления рискового события, как правило, сказывается на взаимосвязанных ключевых параметрах проекта: срок, стоимость и качество (рис. 1). Так, например, увеличение качества итогового продукта проекта приводит к увеличению стоимости и срока реализации [3].

Рис. 1. Основные параметры проекта [3]

ИТ-проектом в данной работе будем называть процесс, направленный на создание уникальных продуктов, услуг и / или результатов, связанных с оценкой, модернизаций, адаптацией, кастомизацией, настройкой, внедрением, тестированием, описанием, интеграцией информационных систем в определенные бизнес-процессы организации.

В ИТ-проектах обычно выделяют пять групп лиц, заинтересованных в успешном завершении ИТ-проекта (shareholder): пользователь, заказчик, менеджер проекта, проектная команда, субподрядчики (рис. 2).

Рис. 2. Лица, заинтересованные
в успешном завершении ИТ-проекта

Рассмотрим заинтересованных в успехе лиц подробнее:

– пользователь (User) – это лицо либо организация, которая использует продукт, услугу и / или результат ИТ-проекта для выполнения каких-либо функций;

– заказчик проекта (Product Owner) – лицо либо организация, которая инициирует проект, формирует заказ на создание продукта, услуги и /или результата, обеспечивает финансирование проекта и получает основной продукт ИТ-проекта [4]. Заказчиком может выступать как стороннее лицо либо организация, тогда ИТ-проект называется «внешним», так и непосредственно организация, которой необходим продукт ИТ-проекта. Данный проект принято называть «внутренним»;

– менеджер проекта (Project Manager) – лицо, осуществляющее управленческие функции, а именно отвечающее за содержание, стоимость, время, качество, риски, закупки, персонал, коммуникации и интеграцию ИТ-проекта [5];

– проектная команда (Team) – это лица, которые являются непосредственными исполнителями в работе ИТ-проекта;

– субподрядчик проекта (Subcontractor) – это лицо либо организация, работающая по субподряду, т.е. полностью или частично выполняющая работы ИТ-проекта по контракту.

Для решения второй задачи, поставленной в статье, было проведено исследование трудов ученых и практиков, работающих с рисками в ИТ-проектах, с целью выявления наиболее распространенных рисков. Так, например, многие исследователи, работающие с рисками в ИТ-проектах, эмпирически установили наиболее вероятные риски, которые могут наступить в процессе разработки.

T. Addison [6] приводит перечень рисков, которые чаще остальных наступают в ИТ-проектах. Ранжирование построено согласно влиянию рисков на успех проекта:

1) неясные и неточные цели проекта (риск 1);

2) неадекватные сроки реализации проекта и неадекватный бюджет (риск 2);

3) непродуманные и плохо отлаженные коммуникации между заинтересованными лицами проекта (риск 3);

4) убытки из-за отсутствия коммуникаций с пользователями (риск 4);

5) не отвечающие требованиям проекта знания и умения (риск 5);

6) отсутствие эффективной методологии управления проектом (риск 6);

7) недооценка требований проекта (риск 7);

8) «золотое покрытие» (gold plating) – завышение аналитиком и / или менеджером требований проекта с целью сделать ИС лучше и удобнее (риск 8);

9) изменение требований в процессе разработки проекта (риск 9);

10) ошибки (bag), допускаемые в процессе разработки проекта (риск 10);

11) субподрядчики;

12) низкая производительность проектной команды;

13) применение новых технологий в проекте;

14) некачественное управление ожиданиями.

Также T. Addison презентует данные о степени важности каждого из рассмотренных выше рисков (рис. 3). Анализируя данные, представленные на рис. 3, можно сделать вывод о том, что все вышеперечисленные риски являются очень важными, т.е. отсутствие системы управления рисками неминуемо повлечет проблемы и скажется на успешном закрытии ИТ-проекта.

K.J. Stevens и S. Fowell [7] представляют следующие риски, которые, по их мнению, чаще наступают в ИТ-проектах, чем другие:

1) отсутствие заинтересованности менеджера в успехе проекта;

2) отсутствие коммуникаций с пользователями;

3) недооценка требований проекта участниками проектной команды;

4) отсутствие заинтересованности пользователя в успехе проекта;

5) результаты проекта не оправдали ожидания заказчика и ожидания пользователя;

6) изменение целей и / или требований проекта в процессе разработки;

7) недостаток знаний и умений участников проектной команды;

8) отсутствие «заморозки» требований (frozen requirements) в процессе разработки;

9) применение новых технологий;

10) участники проектной команды не подходят для выполнения проекта;

11) конфликт между заинтересованными лицами проекта.

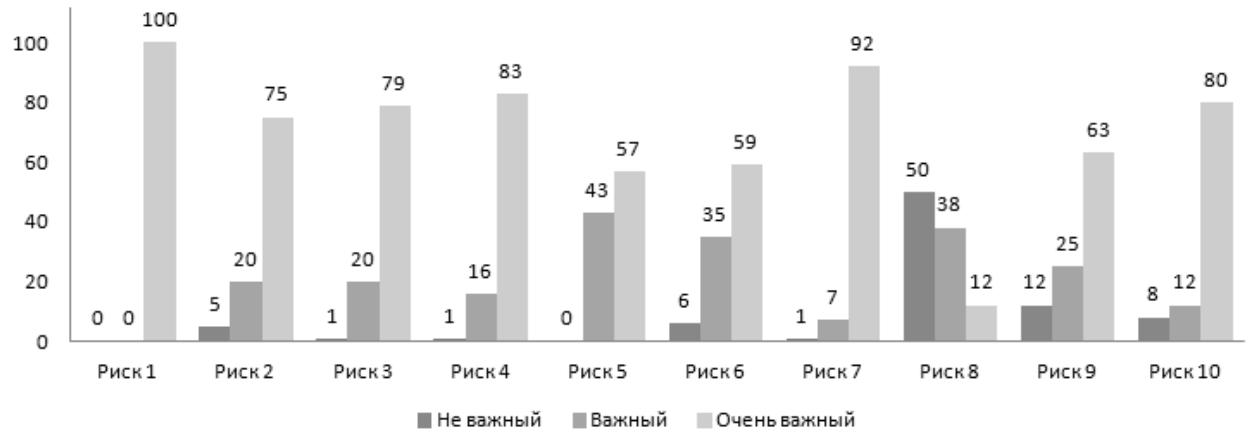

Рис. 3. Степень важности управления рисками согласно [6]

M. Sumner [8] перечисляет основные факторы, вызывающие риски в крупных проектах. Под крупным проектом M. Sumner подразумевает проект, который планируется реализовывать более года. Автор отмечает следующие факторы:

1) внутренняя и внешняя среда ИТ-организации;
2) недостаток умений и опыта;
3) отсутствие профессиональных экспертиз;
4) неясные цели проекта;
5) изменение требований;
6) отсутствие эффективной методологии по реализации проекта;
7) недостаточные коммуникации с пользователями;
8) некачественное планирование, сказывающееся на планировании бюджета и сроке реализации проекта;
9) конфликт между заинтересованными лицами проекта.

В ежегодном аналитическом отчете Chaos Manifesto 2013 также перечисляются факторы, которые влияют на успех проектов. Причем, проведя опрос среди менеджеров проектов, специалисты The Standish Group International повели ранжирование данных факторов по степени важности, где 100 баллов (point) – это максимальная оценка (табл. 2).

Таблица 2

Факторы, влияющие на успех проекта [1]

Факторы, влияющие на успех проекта	Баллы
Заинтересованность менеджера проекта и поддержка менеджмента организации	20
Вовлеченность пользователя в процесс разработки	15
Оптимизация, т.е. декомпозиция большого проекта на несколько малых	15
Улучшение профессиональных навыков	13
Экспертизы	12
Agile процессы, т.е. отказ от классической разработки (waterfall) в пользу гибких методологий для реализации проекта	10
Ясные цели проекта	6
Эмоциональное мотивирование	5
Система контроля и быстрого реагирования	3
Инструменты и инфраструктура проекта	1

Также специалисты The Standish Group International отмечают, что малые ИТ-проекты, которые планируется реализовать не более чем за полгода и бюджет которых не превышает 1 млн долл., на 70% успешнее больших. Под большими проектами в Chaos Manifesto понимаются проекты, которые реализуются от полугода и бюджет которых превышает 10 млн долл. В больших проектах в 10 раз чаще наступают рисковые события, влияющие на срок разработки, бюджет, качество, чем в малых [1]. На рис. 4 показан сравнительный анализ успешного завершения больших и малых ИТ-проектов в 2012 г.

Отличительной особенностью ИТ-проектов от остальных проектов является возможность запуска инкрементов продукта ИТ-проекта в бизнес-процессы заказчика до того, как проект будет полностью завершен. Это означает, что пользователь получает возможность на ранних этапах использовать функции еще не завершенного продукта и осуществлять бизнес-операции. Однако данная особенность может влиять на цели проекта, так как обратная связь, полученная от пользователя, может изменить представления о конечном продукте и его требования. Таким образом, цели проекта не могут быть заморожены в связи с тем, что заказчик может принять решение о закрытии проекта. Для решения данной проблемы используются различные подходы при реализации ИТ-проектов.

В этой связи для решения третьей задачи данной статьи рассмотрим современные подходы в управлении ИТ-проектами, которые представлены в табл. 3.

C. Brandas, O. Didraga и N. Bibu [9] проводят сравнительный анализ существующих подходов и методологий в управлении ИТ-проектами с точки зрения управления рисками. Результаты сравнительного анализа подходов в управлении ИТ-проектами представлены в табл. 4.

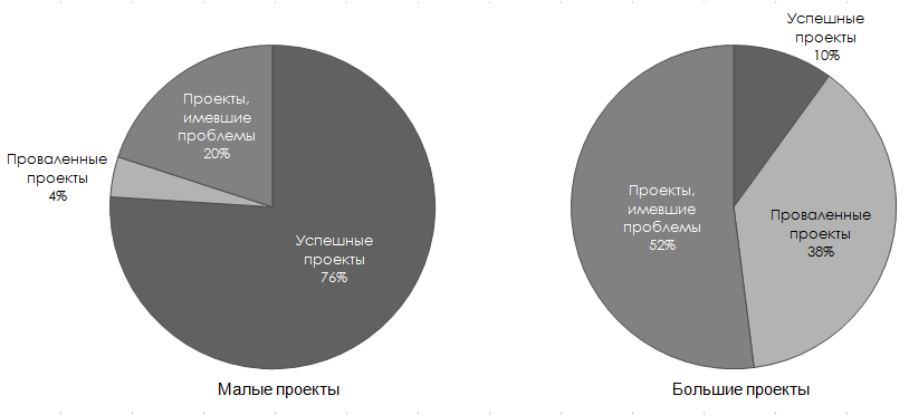

Рис. 4. Сравнительный анализ успешно завершенных больших и малых проектов в 2012 г. [1]

Таблица 3

Подходы в управлении ИТ-проектами

Название методологии (оригинал)		Название методологии (перевод)	Разработчик
Project Management Body of Knowledge (RMBOK)		Стандарт управления проектом	Project Management Institute (PMI)
Capability Maturity Model Integration (CMMI framework)		Модель зрелости	Software Engineering Institute (SEI)
Rational Unified Process (RUP)			Компания Rational Software
Project in Controlled Environments (PRINCE2)		Стандарт по руководству проектами в сфере информационных технологий (Великобритания)	Central Computer and Telecommunications Agency (CCTA)
System Development Life Cycle (SDLC)		Жизненный цикл разработки систем	
Microsoft Solution framework (MSF)			Корпорация Microsoft
Agile	Extreme Programming (XP)	Экстремальное программирование	
	Rapid Application Development (RAD)		
	Scrum	Скрам	
	Adaptive Software Development (ADS)		
	Crystal Clear		
	Feature-Drive Development (FDD)		
	Dynamic System Development Method (DSDM)		
	Kanban Lean Development	Канбан	Корпорация Toyota
Structured System Analysis and Design Methodology (SSADM)			
SixSigma		Шесть сигм	Корпорация Motorola

Таблица 4

Сравнительный анализ подходов по управлению ИТ-проектами [9]

Методология	Фокусирование на риске	Контроль риска	Показатель риска	Сложность внедрения	Необходимость ресурсов	Размер проекта
PMBOK	+	+	+	Простая	Средняя	Большой
CMMI	+	+	+	Трудная	Много	Большой
RUP	+	+	+	Трудная	Немного	Большой
PRINCE2	+	+	–	Простая	Средняя	Большой
SDLC	–	–	–	Средняя	Средняя	Большой
Agile	–	–	–	Простая	Небольшая	Малый
SSADM	–	–	+	Средняя	Средняя	Малый

Среди вышерассмотренных классических подходов (табл. 4) необходимо отметить Agile, гибкую методологию управления ИТ-проектами (Agile software development). Методология Agile – это комплекс подходов, позволяющих итеративно вести разработку ИТ-проекта, динамически меняя при этом требования и цели проекта [10–14]. Специалисты The Standish Group International в ежегодном аналитическом отчете за 2013 г. отмечают, что в большинстве успешно завершенных малых проектов были использованы подходы гибкой методологии Agile [1]. Также проведенные исследования в 124 ИТ-организациях, ведущих разработку ИТ-проектов, подтверждают данные исследования [9] (рис. 5).

C. Brandas, O. Didraga и N. Bibu в своем аналитическом исследовании (табл. 4) отмечают, что гибкая методология Agile не фокусируется на рисках и не использует систему контроля. Однако это утверждение является отчасти ошибочным. В правилах использования Agile применяется итеративный подход, после которого участники, задействованные в разработке ИТ-проекта, проводят ретроспективный анализ. Основной задачей ретроспективного анализа являются выявление рисков и планирование системы мероприятий по их устранению в дальнейших итерациях.

В этой связи для решения четвертой задачи данной статьи автором формулируются принципы управле-

ния ИТ-проектом, которые позволят уменьшить вероятность наступления распространенных рисковых событий либо провести их ликвидацию. Данные принципы представлены в табл. 5.

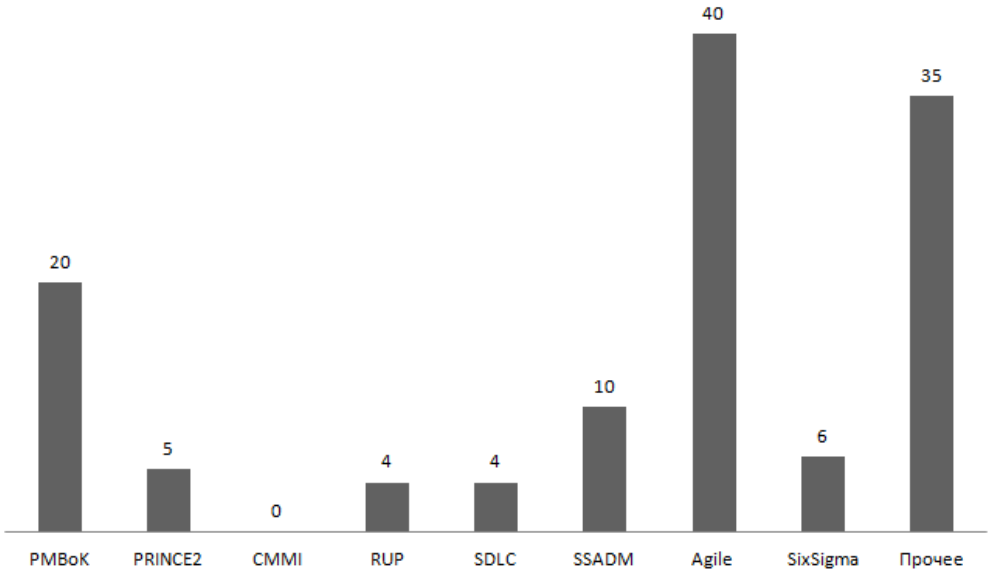

Рис. 5. Анализ подходов и методологий по управлению ИТ-проектами

Таблица 5

Принципы управления ИТ-проектом

Название принципа управления	Комментарии
Оптимизация проекта	Декомпозиция большого проекта на несколько малых проектов, т.е. создание портфеля проектов (project portfolio) с назначением ответственного лица, менеджера портфеля проектов, отвечающего за успешное завершение данных проектов
Инициализация мини-проекта для создания видения проекта (vision)	Создание документа, в котором заказчиком коротко, ясно формулируются цели, задачи проекта, описываются пользователи и предполагаемый продукт
Независимые эксперты	Привлечение независимых экспертов для идентификации и оценки рисков
Грубые оценки (ROM-estimate)	Оценки срока реализации ИТ-проекта и бюджета на этапе инициации не должны превышать 50%
	Оценки срока реализации ИТ-проекта и бюджета на этапе планирования не должны превышать 10−15%
Фокус-группы пользователей	Создание фокус-групп из потенциальных пользователей с целью тестирования инкрементов продукта в процессе реализации ИТ-проекта
Agile	Применение современных гибких методологий в процессе разработки ИТ-проекта

Использование принципов управления, представленных в табл. 5, позволит вести превентивное управление возможными рисковыми событиями, способствуя увеличению вероятности успешного завершения ИТ-проекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *The CHAOS* Manifesto. The Standish Group International, 2013. 48 p.
2. *Project* management body of knowledge. Guide 4
3. edition (PMBOK-4). Project Management Institute (PMI), 2008. 506 p.
4. *Йордон Э.* Путь камикадзе. Как разработчику программного обеспечения выжить в безнадежном проекте. М. : Лори, 2012. 256 с.
5. *Уразбаев А., Филиппов Н.* Agile Checkist. Очень краткое описание практик гибкой разработки. 2010. 21 с.
6. *Селиховкин И.* Управление ИТ-проектом. Эффективная система «с нуля» в любой организации. СПб., 2010. 90 с.
7. *Addison T., Vallabh S.* Controlling Software Project Risks – an Empirical Study of Methods used by Experienced Project Managers // Proceedings of SAICSIT. 2002. P. 128−140.
8. *Stevens K.J., Fowell S.* Perspective on E-Business Software Project Risk // 7th Pacific Asia Conference on Information Systems. 2003. P. 95−107.
9. *Sumner M.* Risk factors in enterprise-wide / ERP projects // Journal of Information Technology. 2000. № 15. P. 317−327.
10. *Brandas C., Didraga O., Bibu N.* Study on risk approaches in software development project // Informatica Economica. 2012. Vol. 16, № 3. P. 148−157.
11. *Бек К.* Экстремальное программирование: разработка через тестирование. СПб. : Питер, 2003. 216 с.
12. *Hoda R.* Self-Organizing Agile Teams: A Grounded Theory. Victoria University of Wellington, 2011. 262 p.
13. *Николаенко В.С.* Пути активизации творческого потенциала проектной команды с помощью эвристических методов // Креативная экономика. 2014. № 1 (85). С. 18−25.
14. *Гага В.А., Николаенко В.С.* Создание системы управления проектами в организации с применением эвристических методов // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 137–140.
15. *Краковецкая И.В., Николаенко В.С.* Активация творческого потенциала персонала с помощью эвристических методов при разработке сайта // Креативная экономика. 2013. № 10 (82). С. 37−43.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 20 ноября 2014 г.

THE DEVELOPMENT OF PRINCIPLES OF IT-PROJECT MANAGEMENT

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 155-160. DOI 10.17223/15617793/390/27

Nikolaenko Valentin S. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nick.valentin@yandex.ru

Keywords: risk; IT-project; risk control; Agile.

The dynamic development of the information technology field (IT) has a considerable impact on the competitive ability and successful business activity of modern companies on the market. However, the dynamic development revealed numerous problems of the project-oriented approach in the development of IT-products. For instance, according to data by The Standish Group International, in the year 2012, 43 % of IT-projects faced problems in the course of their work that influenced the duration, budget and quality of their performance. According to experts from The Standish Group International, the problems which appear in the process of implementation of IT-projects should be identified as risks, and then they should be controlled with corresponding measures. So, the purpose of the article is to form principles of IT-project management which would be instrumental in preventive work against risk events. The achievement of the set goal demands that the following tasks be solved: 1. Analysis of the basic characteristics and main participants of an IT-project. 2. Research of works by modern scientists who work with risks in IT-projects. 3. Analysis of existing approaches in the area of risk control in IT-projects. 4. Formation of principles of IT-project management which would be instrumental in preventive work against risk events. Also, the article looks into the etymology of the notions "project" and "IT-project". For instance, the PMBoK standard defines a project as a temporary process directed at the creation of unique products, services, and / or results. Its temporary nature means that a project has the beginning and the end, a limited budget and limited resources. A project is considered complete if its purposes have been achieved (content, terms, cost, and quality). Unlike current activity which, according to the existing company procedures, is a repeating process, project activity faces uncertainty due to the unique way of product creation. For instance, project tasks may turn out to be new for the team, which leads to the necessity of a more careful planning, unlike the activity connected with routine work. The completion of a project may bring the following results: 1) a product which can be a finished product or an element of another product; 2) a service; 3) a result, such as a future opportunity or a document. The probability of a risk event occurrence, as a rule, influences such interconnected key parameters of a project as its duration, cost, and quality. For instance, an increase of the quality of the end product entails an increase of its cost and project implementation period. Thus, for the purpose of this article, an IT-project will mean a process of creating unique products, services, and / or results which are connected with the evaluation, modernization, adaptation, customization, adjustment, introduction, testing, description and integration of information systems into certain business processes of a company.

REFERENCES

1. *The CHAOS Manifesto*. The Standish Group International, 2013. 48 p.
2. *Project management body of knowledge*. Guide 4.
3. *Edition (PMBOK-4)*. Project Management Institute (PMI), 2008. 506 p.
4. Yourdon E. *Put' kamikadze. Kak razrabotchiku programmnogo obespecheniya vyzhit' v beznadezhnom proekte* [The kamikaze path. How a software developer is to survive in a hopeless project]. Moscow: Lori Publ., 2012. 256 p.
5. Urazbaev A., Filippov N. *Agile Checkist. Ochen' kratkoe opisanie praktik gibkoy razrabotki* [Agile Checkist. A very brief description of agile development practice]. 2010. 21 p.
6. Selikhovkin I. *Upravlenie IT-proektom. Effektivnaya sistema "s nulya" v lyuboy organizatsii* [IT project management. An effective system "from scratch" in any organization]. St. Petersburg, 2010. 90 p.
7. Addison T., Vallabh S. Controlling Software Project Risks – an Empirical Study of Methods used by Experienced Project Managers. *Proceedings of SAICSIT*, 2002, pp. 128−140.
8. Stevens K.J., Fowell S. Perspective on E-Business Software Project Risk. *7th Pacific Asia Conference on Information Systems,* 2003, pp. 95−107.
9. Sumner M. Risk factors in enterprise-wide. ERP projects. *Journal of Information Technology*, 2000, no. 15, pp. 317−327.
10. Brandas C., Didraga O., Bibu N. Study on risk approaches in software development project. *Informatica Economica*, 2012, vol. 16, no. 3, pp. 148−157.
11. Bek K. *Ekstremal'noe programmirovanie: razrabotka cherez testirovanie* [Extreme Programming: Test Driven Development]. St. Petersburg: Piter Publ., 2003. 216 p.
12. Hoda R. *Self-Organizing Agile Teams: A Grounded Theory*. Victoria University of Wellington, 2011. 262 p.
13. Nikolaenko V.S. Puti aktivizatsii tvorcheskogo potentsiala proektnoy komandy s pomoshch'yu evristicheskikh metodov [Ways to enhance the creative potential of the project team using heuristic methods]. *Kreativnaya ekonomika − Journal of Creative Economy*, 2014, no. 1 (85), pp. 18−25.
14. Gaga V.A., Nikolaenko V.S. Project control system creation with heuristic methods in an organization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta − Tomsk State University Journal*, 2013, no. 374, pp. 137–140. (In Russian).
15. Krakovetskaya I.V., Nikolaenko V.S. Aktivatsiya tvorcheskogo potentsiala personala s pomoshch'yu evristicheskikh metodov pri razrabotke sayta [Activating the creativity of staff using heuristic techniques in the design of the site]. *Kreativnaya ekonomika − Journal of Creative Economy*, 2013, no. 10 (82), pp. 37−43.

Received: 20 November 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 161–170. DOI 10.17223/15617793/390/28

УДК 338.242.42

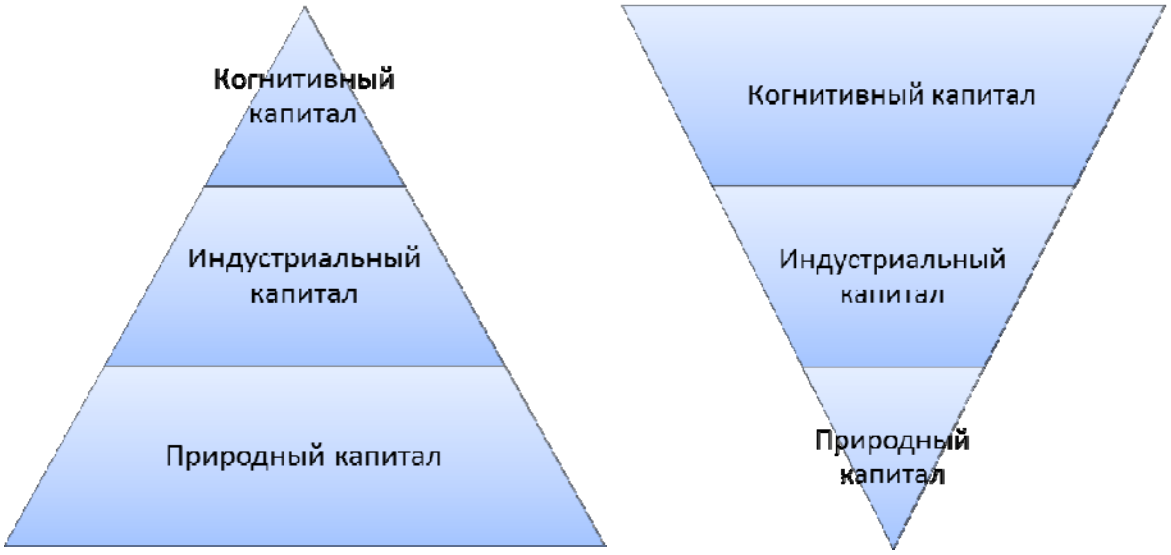
Е.М. Рождественская, В.С. Цитленок

ГОСУДАРСТВЕННО РЕГУЛИРУЕМЫЙ КОНКУРЕНТНО-РЫНОЧНЫЙ ПОРЯДОК КАК КАТЕГОРИЯ ЭКОНОМИКИ, ОСНОВАННОЙ НА ЗНАНИЯХ

В последнее время становятся актуальными исследования экономики знаний и инновационного потенциала стран. Трансформация конкуренции обусловливает создание и приращение ценности на основе нематериальных активов – знаний, разработок, идей. Государственное регулирование в экономике, основанной на знаниях, становится институтом, обеспечивающим устойчивое, целенаправленное ее развитие.

Ключевые слова: государственное регулирование; конкурентная политика; когнитивный капитал; экономика знаний; конкуренция; антимонопольная политика.

Система хозяйствования в своем развитии переживала несколько этапов, различающихся основой устройства. Аграрная экономика преимущественно основывается на физическом труде и сельском хозяйстве, индустриальная – на системе машинных орудий труда, экономика знаний – на интеллектуальной форме труда и машинных носителях информации. Основанная на знаниях экономика является результатом третьей революции в истории производственных отношений, где первая – аграрная революция с дефицитным природно-ресурсным капиталом, вторая – промышленная революция с дефицитным индустриальным капиталом, третья – новая экономика с дефицитным когнитивным капиталом.

Индустриальная экономика Экономика знаний

Рис. 1. Структура капитала в экономике индустриального типа и экономике знаний

Таким образом, экономика знаний представляет собой качественно новый этап в развитии корпоративного капитала, в основе которого лежит не индустриальный процесс, а интеллектуальный (когнитивный) (рис. 1).

В последнее время становятся актуальными исследования экономики знаний и инновационного потенциала стран. Существуют различные подходы к определению, исследованию и интерпретации данного явления. Впервые термин «экономика знаний» был введен Ф. Махлупом в 1962 г. Однако до настоящего времени не существует единой общепризнанной теории экономики знаний. Основные положения теории Ф. Махлупа [1. С. 35]:

– знание – это что-то известное кому-то;

– производство знаний – процесс, посредством которого кто-то узнает что-либо до того ему неизвестное, даже если это уже известно другим.

Достаточно широкое и размытое определение, которое не позволяет выделить сущность предмета. В работах Ф. Махлупа выявлена скорее новая тенденция, чем дана концепция явления. Впоследствии другими учеными прорабатывался вопрос теоретизирования.

С одной стороны, знание субъективно и связано с его носителем – человеком, с другой стороны, знание становится в некоторой степени объективным при формализации и существует в форме языковых знаков в документах, книгах, аудио- и видеозаписях, базах данных и др.

Первичное знание необходимо основано на человеческом опыте, но далее знание может быть передано от его носителя другим людям в непосредственном общении или посредством формализации, поэтому следует учитывать, что не всегда легко установить связь знания с его первоисточником (первичным опытом конкретного человека). Знание может передаваться в виде информации, до некоторой степени объективной. В таком контексте знание может быть инди-

видуальным, групповым, а также общественным или, в частном случае, организационным. Однако не всякая информация является знанием, она должна обладать особыми качествами – достоверностью, ценностью, полезностью. Еще одна оговорка касается степени достоверности, истинности знания. Так как степень достоверности может быть различной, с целью упрощения примем по умолчанию, что под организационным знанием мы будем понимать максимально достоверное знание.

Допустим, Бенуа Годэн видит экономику знаний как «зонтичную» концепцию, объединяющую в себе существующие идеи и концепции в области науки и инноваций [2. С. 20]. Такой подход затрудняет развитие научной мысли, однако дает возможность к дискуссии. Таким образом, знания не являются сами по себе ценностью, а обретают ценность в системе, т.е. систематизированное знание, упорядоченное являет собой значимый экономический ресурс.

В монографии ученых РАН Сибирского отделения Института экономики и организации промышленного производства дается следующее определение: знание – это совокупность опыта, ценностей, контекстной информации, экспертных оценок, результатов исследований, которая дает возможность оценивать и инкорпорировать новый опыт и информацию [3. С. 7].

Данное определение позволяет выделить еще один существенный аспект природы знания – возможность коммерциализации некой систематизированной совокупности информации. Следует выделить очевидное – возрастает роль именно фундаментальных знаний. Соответственно, государству в лице правительства важно выбрать инновационный вектор развития системы науки и образования в целом, что приведет в действие всю инновационную среду. Ошибка на данном этапе приведет к отставанию в развитии национального хозяйства по сравнению с другими странами. Касательно российской действительности, несмотря на выявление новых социально-экономических и политических тенденций рядом (тогда советских) блистательных ученых – в 1960-е гг. Г.М. Добровым и в 1970-е гг. – А.И. Анчишкиным, Ю.В. Яременко, Ю.С. Ширяевым, – ощущение вызовов современной эпохи остается на уровне 1962 г., являя миру природно-ресурсную экономику. Ресурсная рента является основой роста, а связь между фундаментальной наукой, государством и корпоративным сектором не установлена. Остается только на словах концепция экспертов ОЭСР 1996 г. [4], где под экономикой знаний понимается устройство хозяйства, основанное на генерации, воспроизводстве, распределении и применении знаний.

Изучением экономики знаний и возможностей развития современного общества, основанного на знаниях, занимались отечественные ученые, среди которых можно особо выделить работы следующих: А.В. Барышевой, А.Л. Гапоненко, И.Г. Дежиной, М.Г. Делягина, В.А. Дресвянникова, Н.Н. Ивлиевой, В.Л. Иноземцева, Г.Б. Клейнера, В.Л. Макарова, Б.З. Мильнера, Н.Н. Моисеева, А.И. Неклессы, А.Г. Худокормова, Ф.И. Шамхалова, Ю.В. Яковца.

Концепция экономики знаний связана с изменением сущности экономических отношений, появлением категории когнитивного капитала, изменениями системы мышления, возникновением новых общественных групп. Значительный вклад в теоретическое развитие этих вопросов внесли Г. Беккер, Э. Брукинг, К. Вииг, Й. Нонака, Х. Такеучи, А. Маслоу, М. Полани, К.-Э. Свейби, П. Страссман, Т. Стюарт, П. Сенгэ, Р. Флорида, Т. Шульц.

Проблемы экономики, основанной на знаниях, а также перспективы российской экономики изучены в трудах С.Д. Валентея, В.П. Горегляда, Р.С. Гринберга, А.А. Дынкина, Д.С. Львова, С.А. Караганова, М.В. Корпенко, С.Б. Переслегина, С.С. Сулакшина, В.Л. Тамбовцева, В.И. Якунина, Е.Г. Ясина и др.

Когнитивный капитал – результат воздействия человеческого капитала на накопленный интеллектуальный капитал и технологии.

Когнитивный капитал – результат приложения накопленного нематериального фундаментального знания и интеллектуальной деятельности человека, выражающийся в генерации инноваций, идей, изобретении или совершенствовании техники и технологий, в том числе эндоресурсных. Когнитивный капитал обладает свойствами нематериальных ресурсов – сохранности (не подлежит износу физическому), неограниченности (предела накопления не существует), аккумулирования экономических ресурсов, затраченных на его производство (человеческий капитал, промышленный капитал, природный капитал, интеллектуальный капитал).

Д. Белл в своей концепции постиндустриального общества исследовал роль и значение знаний и информации, определяя знание как «совокупность субординированных фактов или суждений, представляющих собой аргументированное утверждение или экспериментальный результат, способный быть переданным другим людям с использованием средств связи в определённой систематической форме» [5. С. 7]. В такой интерпретации знание – и есть приложение когнитивного человеческого восприятия к накопленной информации. Посредством знания возможно создание когнитивного капитала, аккумулирующего ценности вложенного для его создания иного капитала – человеческого, интеллектуального, физического. Также Белл утверждал, что «когда знание в своей систематической форме вовлекается в практическую переработку ресурсов (в виде изобретения или организационного усовершенствования), можно сказать, что именно знание, а не труд выступает источником стоимости» [Там же]. Таким образом, то понимание знания, которое еще Белл заложил в этот термин, становится источником формирования цены. Другими словами, *когнитивный капитал становится основой ценообразования в экономике знаний.*

Когнитивный капитал становится определяющим фактором возникновения и развития экономики знаний. Сам процесс хозяйствования становится когнитивным, т.е. связанным с потреблением знаний, необходимых для решения производственных задач, и созданием новых знаний.

Знания превращаются в особую форму капитала – интеллектуальную. В рамках новой парадигмы экономического развития когнитивный капитал занял ведущее место в национальном богатстве (до 80% у

развитых стран [6. С. 183–216; 7]) и в совокупном производительном капитале.

Следует говорить именно о когнитивном капитализме, а не о знаниях в целом. В производственном цикле индустриального капитализма человеческий капитал (труд) рождает знание (интеллектуальный капитал [8. С. 5]), а знание в свою очередь рождает стоимость (когнитивный капитал). Для прироста когнитивного капитала необходимо вбирать не только человеческий капитал, но и интеллектуальный (рис. 2). Кроме того, производственный цикл когнитивного капитала включает на конечном этапе материализацию результатов, тогда включается и физический капитал. Следовательно, создание и приращение когнитивного капитала требуют в разной пропорции задействование человеческого, интеллектуального и физического капитала. Новая форма капитала когнитивного вбирает экономические ресурсы в производственном (воспроизводственном) цикле, придавая им свойства сохранности ценности и приумножения стоимости. Знание не является проводником стоимости используемых для его создания ресурсов, знание способствует генерации новой формы капитала. Существует проблема коммерциализации когнитивного капитала и превращения его в денежную форму [9].

Рис. 2. Процесс формирования когнитивного капитала в экономике знаний

«Человеческий фактор в зарождающемся постиндустриальном мире становится главным в экономическом развитии как отдельных компаний, стран, так и всего человечества. Поэтому традиционные факторы экономического роста – накопление капитала, естественное увеличение численности населения, технический прогресс и рост производительности труда – необходимо рассматривать по-новому, во взаимосвязи с человеческим фактором» [10. С. 85].

В.Б. Салихов рассматривает когнитивный капитал более узко: «Когнитивный капитал есть знания субъекта о том, как воспроизводить новые знания» [11]. При данном подходе вопрос об обмене когнитивным капиталом и приращении его в стоимостном выражении остается нерешенным. Воспроизводятся лишь сами знания как экономический ресурс, но не происходит переход в денежный эквивалент. С. Переслегин выделяет следующие формы капитала, представленные на рис. 3.

Капитал	Традиционный	торгово-обменный
		структурный
		земельный (основная форма)
	Индустриальный	торгово-промышленный
		аграрно-промышленный
		финансовый
		промышленный (основная форма)
	Когнитивный	финансово-информационный
		индустриально-информационный
		человеческий
		социальный
		культурный
		цивилизационный

Рис. 3. Классификация форм капитала [12]

Понимание когнитивного капитал более широкое, чем у автора. Попытка вобрать в когнитивный капитал финансово-информационную форму приводит к потери смысла марксистской теории стоимости, происходит смешение понятий денег и знания. Индустриально-информационная форма и цивилизационная форма – не что иное, как накопленный физический капитал, социальная и финансово-информационная форма (за исключением авторского замечания) – есть интеллектуальный капитал, а человеческая форма и культурная форма – это накопленный человеческий капитал.

В классической теории разделение рыночных структур осуществляется по принципу занятия определенной рыночной доли на текущий момент времени, т.е. имеет место структурный подход к выделению тех или иных экономических образований. Однако человеческий капитал влияет на распределение экономической мощи иначе. Важны не текущий момент времени и «расстановка сил», а работа на упреждение. Дело в том, что когнитивный капитал обладает высокой степенью волатильности, т.е. изменчивости, следовательно, меняется и характер конкуренции. Через опосредование обладания / необладания необходимого знания в определенный момент времени может произойти смена лидерской позиции в отрасли или возникновение новой отрасли хозяйствования, приходящей на смену текущей. Например, при решающей роли природного капитала в сельском хозяйстве важным конкурентным преимуществом было обладание плодородной землей (ресурсом). В новых условиях концепции когнитивного капитала этого недостаточно. Лидирующие позиции займет тот, кто будет обладать передовыми технологиями (эндоресурсной технологией производства), включающими не только технику, но и человеческие ресурсы, способные этой техникой управлять, а также возобновлять (совершенствовать) имеющийся уровень техники и технологии сельского хозяйства.

В целом можно выделить две основные тенденции в развитии общества. Во-первых, рост доли человеческого капитала в национальном богатстве страны, во-вторых, рост вклада в валовый внутренний продукт (ВВП) страны высокотехнологичных отраслей.

Очевидно, что для высокотехнологичных отраслей будет сохраняться данный принцип.

Тем временем доля ресурсной ренты в странах с развитым когнитивным сектором будет сокращаться на фоне увеличения доли человеческого капитала.

Таблица 1

Доля природной сырьевой ренты в ВВП (Total natural resources rents, % of GDP) в 2011 г. [13]

Страна	Доля природной сырьевой ренты в ВВП, %
Российская Федерация	22
Китай	9,1
Индия	7,4
Мир в целом	5,7
Соединенные Штаты Америки	1,7
Страны Европейского союза	0,7

Как видно из табл. 1, в странах с наиболее высоким показателем индекса экономики знания (ИЭЗ) доля сырьевой ренты наименьшая. Россия в данном контексте занимает опасное положение в плане долгосрочной перспективы развития и заявленным целям в Стратегии 2020 – это краткое общепринятое наименование обновленного варианта Концепции долгосрочного социально-экономи-ческого развития РФ до 2020 г. (КДР), подготовленной по заказу Российского правительства в 2011 г. Пятая часть экономики страны воспроизводится за счет ресурсной составляющей, в то время как у Китая это лишь десятая часть ВВП.

В современном мире конкуренция пережила в своем развитии несколько последовательных стадий. При аграрной экономике конкурентная борьба велась за природный капитал, далее – за материальный (физический капитал), а на современном этапе – за когнитивный капитал, включающий человеческий и интеллектуальный капитал.

Решающим фактором экономического роста и улучшения качества жизни любого развитого государства в настоящее время стало накопление знаний, информации, развитие науки и технологий, т.е. нематериальных форм богатства. Доминирующей частью национального богатства экономически развитых стран в настоящее время является когнитивный капитал.

По различным оценкам, существенный рост мирового ВВП начался с 1820 г. [14–16]. Размер человеческого капитала страны и мира в целом пропорционален соответствующим значениям ВВП [17]. За вклад в теорию человеческого капитала были присуждены две Нобелевские премии: Т. Шульцу [18] в 1979 г. и Г. Беккеру [19] в 1992 г., что свидетельствует о выдающемся вкладе этих ученых в экономическую теорию, а также о научной значимости человеческого капитала на современном этапе развития мирового сообщества.

Обратимся к методике, предложенной М.П. Карпенко [6. С. 183–216]. В подходе оценивается динамика человеческого капитала работника (ЧКР), поскольку именно этот показатель отражает суть происходящих в экономике изменений – рост ВВП за счет резкого возрастания производительности труда в обществе знаний и при переходе к когнитивному обществу вследствие повышения уровня образованности работников.

Согласно проведенным в СГА исследованиям, оценка среднего (ЧКР) имеет вид

$$ЧКР = Т_{эк} \times П,$$

где $Т_{эк}$ – продолжительность экономически активной жизни работника; П – производительность работника, которая в среднем составляет величину, равную ВВП на душу населения.

Пусть в некоторый момент времени производительность (ВВП на душу населения) составляла $П_0$. Если известны проценты p_i, $i = 1–n$, прироста ВВП на

душу населения по годам t_i от t_0 до некоторого момента t, тогда производительность труда $П_t$ в году t будет равна

$$П_t = П_0 \times (1+p_1/100) \times (1+p_2/100) \times \ldots \times (1+p_n/100).$$

Обозначим $p_i/100 = d_i$. Теперь выражение для $П_t$ можно записать в виде

$$П_t = П_0 \times \exp\{\ln[(1+d_1) \times (1+d_2) \times \ldots \times (1+d_n)]\} =$$
$$= П_0 \exp[\ln(1+d_1) + \ln(1+d_2) + \ldots + \ln(1+d_n)].$$

Заметим, что $d_i << 1$, поэтому, учитывая, что при малых d будет выполняться условие $\ln(1+d) \approx d$, получим

$$П_t \approx П_0 \times \exp(d_1+d_2+\ldots+d_n) =$$
$$= П_0 \times \exp[n\times(d_1+d_2+\ldots+d_n)/n],$$

где $n = t–t_0$.

Отсюда, обозначив $(d_1+d_2+\ldots+d_n)/n = d_{ср}$ – средняя за период с t_0 до t доля годового прироста ВВП на душу населения, получим оценку динамики человеческого капитала среднего работника в момент времени t в следующем виде:

$$П_t \approx П_0 \times \exp [d_{ср} \times (t–t_0)] \text{ и}$$
$$ЧКР(t) = Т_{эк} \cdot П_0 \times \exp [d_{ср} \times (t–t_0)].$$

Оценим рост человеческого капитала на примере нескольких стран (табл. 2).

Таблица 2

ВВП на душу населения (по ППС) по странам мира за период 2003–2012 гг., долл. США [20]

Страна	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	Среднегодовой темп прироста ВВП на душу населения, %
Бразилия	7 517	8 070	8 502	9 027	9 758	10 393	10 357	11 187	11 634	11 909	1,06
Великобритания	29 775	31 686	32 958	35 066	35 877	36 062	34 386	35 294	35 586	35 819	1,03
Венгрия	15 349	16 188	16 975	18 275	18 923	20 432	20 249	20 734	21 455	21 570	1,04
Германия	28 360	29 679	31 115	33 503	35 538	37 119	35 631	37 652	39 456	40 394	1,04
Греция	22 506	23 861	24 348	26 733	27 743	29 604	29 201	27 539	25 859	24 667	1,01
Грузия	2 952	3 220	3 610	4 043	4 684	4 903	4 730	5 045	5 473	5 902	1,07
Дания	30 438	32 280	33 193	35 999	37 693	39 830	38 268	40 588	40 933	41 388	1,03
Индия	1 839	2 008	2 234	2 484	2 768	2 901	3 133	3 465	3 714	3 876	1,09
Ирландия	34 747	36 679	38 795	42 338	45 194	42 478	40 321	41 013	41 532	42 662	1,02
Исландия	30 762	33 790	34 889	35 849	37 131	39 718	37 416	35 491	36 609	37 533	1,01
Испания	24 764	25 956	27 392	30 333	32 212	33 158	32 002	31 575	32 087	32 129	1,03
Италия	27 282	27 528	28 280	30 359	32 039	33 372	32 216	32 085	32 648	32 512	1,02
Канада	31 231	32 781	35 033	36 863	38 352	38 987	37 801	39 075	41 392	42 693	1,03
Китай	3 199	3 599	4 115	4 760	5 564	6 202	6 798	7 569	8 408	9 233	1,13
Норвегия	38 278	42 470	47 626	53 778	55 807	61 342	54 783	57 452	61 046	62 767	1,05
Россия	9 254	10 251	11 853	14 949	16 743	20 276	19 227	20 770	22 408	23 549	1,11
США	38 225	40 292	42 516	44 623	46 349	46 760	45 305	46 616	48 113	49 965	1,03
Финляндия	27 627	29 862	30 708	33 097	36 148	38 080	35 541	36 030	37 479	38 230	1,03
Франция	27 204	28 090	29 453	31 274	33 007	34 041	33 666	34 276	35 366	35 845	1,03
Япония	27 934	29 388	30 441	31 763	33 397	33 589	31 746	33 668	33 838	35 204	1,02

Возьмем продолжительность экономически активной жизни работника 40 лет с учетом выбранной методики [6. С. 188]. Задав, согласно приведенным выше данным, для России $d_{ср}$ = 0,0111 (среднегодовой прирост ВВП на душу населения 1,11%) и $t–t_0$ = = 2012–2003 = 9, получим, что с 2003 по 2012 г. ВВП на душу населения и, соответственно, ЧКР возрастут в

$$\exp (0,0111\times9) = \exp(0,0936) \approx 1,1050.$$

Поскольку рассмотренная модель динамики роста ЧКР представляет собой прямой счет, то можно получить оценку ЧКР для 2012 г., исходя из значения ВВП на душу населения в 2003 г. В 2003 г. ВВП на душу населения в России (табл. 2) составил 9 254 долл. США, а его среднегодовой прирост в период с 2003 по 2012 г. – 1,11%. Тогда по формуле расчета ЧКР получим

ЧКР (**Россия 2012 г.**) = 40×9 254×exp(0,0111*9) ≈
≈ **409** тыс. долл. США.

Теперь, исходя из данных о ВВП на душу населения в 2003 и 2012 гг., определим стоимость ЧКР для следующих стран: США и Китай.

ЧКР (**США 2012 г.**) = 40 × 38225 × exp(0,0103 × 9) ≈
≈ **1677,5** тыс. долл. США.

ЧКР (**Китай 2012 г.**) = 40 × 3199 × exp(0,0113 × 9) ≈
≈ **141,5** тыс. долл. США.

Для наглядности полученные данные ЧКР проиллюстрируем графиком (рис. 4).

Таким образом, США является лидером среди анализируемых стран по стоимости человеческого капитала, а следовательно, обладает неоспоримым конкурентным преимуществом. При анализе данных стран по ИЭЗ США занимает 12-е место, Россия – только 55-е, а Китай – только 84-е место при условии обладания наибольшим в мире ресурсом рабочей силы – 1,3 млрд чел. Таким образом, стоимость человеческого капитала среднего работника в США более чем в 4 раза выше, чем в России и почти в 12 (!) раз выше, чем в Китае. Также Китай (9%) и Россия (22%) имеют сравнительно высокую ресурсную ренту в доходах ВВП в отличие от США (1,7%). На современном этапе Россия и Китай используют экзоресурсную технологию развития (за счет природных ресурсов, как Россия, либо за счет преимущества в численности рабочей силы, как Китай). Однако преимущества только в природном или физическом капитале не дают возможности занять привлекательные позиции в условиях международной конкуренции и глобализирующихся рынков [21].

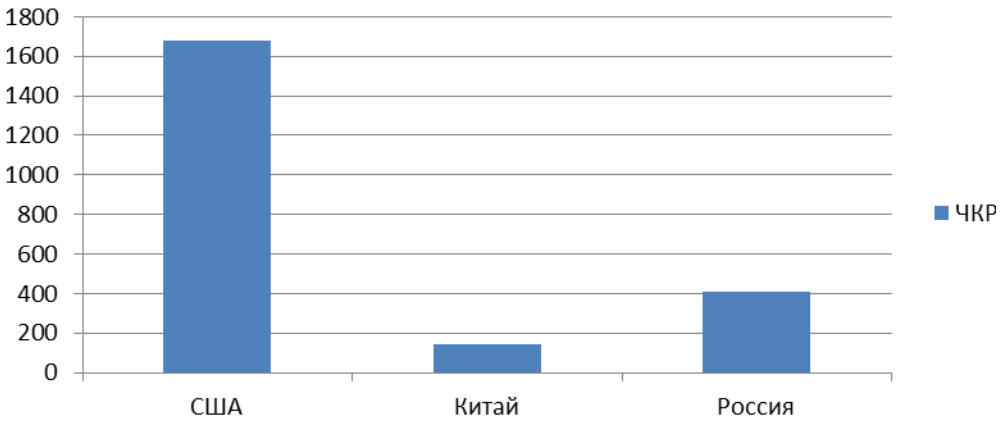

Рис. 4. Человеческий капитал работника в 2012 г., тыс. долл. США

Проведенный анализ говорит о новом этапе в развитии экономики, а именно: использование когнитивного капитала позволяет занимать лидирующие позиции в условиях экономики знаний при недостатке природного или материального (физического) капитала.

Таким образом, объектом экономической конкуренции становится не только производство реальных товаров и услуг, но и продукты интеллектуальной деятельности. Соответственно, должны меняться и методы регулирования рынка интеллектуального капитала. Основой дифференциации цены становятся ценности когнитивного капитала, не имеющие материального эквивалента.

Основными *элементами* экономики знаний являются следующие:

– экономический и институциональный режим, стимулирующий эндоресурсное развитие [22] (поддержка инвестиций в образование и науку, адаптация технологий);

– национальная инновационная система (развитая сеть университетов, лабораторий, научных центров и др, обеспечивающая генерацию знаний);

– уровень образованности населения, квалифицированность кадров (формирование научного и технологического мышления);

– динамично развивающиеся инфраструктуры обработки и передачи информации (циркуляция идей и решений).

В мировой практике на основе подхода Всемирного банка «Знания для развития» рассчитывается индекс экономики знания (табл. 3).

Таблица 3

Индекс экономики знаний и его показатели в странах мира, 2012 г. [3. С. 7]

Индекс экономики знаний и его показатели в странах мира **KEI and KI Indexes 2012. The World Bank Group, July 2012**				
Рейтинг	Тренд	Страна	Индекс экономики знаний	Индекс знаний
1	0	Швеция	9,43	9,38
2	6	Финляндия	9,33	9,22
3	0	Дания	9,16	9,00
4	–2	Нидерланды	9,11	9,22
5	2	Норвегия	9,11	8,99
6	3	Новая Зеландия	8,97	8,93
7	3	Канада	8,92	8,72
8	7	Германия	8,90	8,83
9	–3	Австралия	8,88	8,98
10	–5	Швейцария	8,87	8,65
11	0	Ирландия	8,86	8,73
12	–8	Соединенные Штаты Америки	8,77	8,89
13	3	Тайвань	8,77	9,10
14	–2	Великобритания	8,76	8,61
15	–1	Бельгия	8,71	8,68
16	3	Исландия	8,62	8,54
17	–4	Австрия	8,61	8,39
18	7	Гонконг	8,52	8,17
19	7	Эстония	8,40	8,26
20	2	Люксембург	8,37	8,01

Россия находится в на 55-м месте ИЭЗ и опережает Китай (84-е место), но главным образом за счет накопленного потенциала советских времен. В динамике с 2000 г. Россия поднялась с 61-го места на 55-е на 6 позиций, а Китай – с 91-го на 84-е на 7 позиций, что говорит об опережающих темпах роста китайской экономики. Интересно, что экономика США теряет свои лидерские позиции, в динамике с 2000 г. упала на 8 позиций, при том что позиции стран с высокой долей социальных расходов в структуре ВВП укрепляются, это Швеция, Финляндия и Норвегия – Скандинавские страны. То есть инвестиции в человеческий капитал в

среднесрочной перспективе дают мощную отдачу к приросту экономики знаний в целом.

Экономика, основанная на знаниях, постепенно приходит на смену индустриальной экономике, базирующейся на использовании природных ресурсов. Главные особенности экономики, основанной на знаниях, заключаются в том, что она использует информационные ресурсы, которые обладают рядом специфических черт, отличающихся от традиционных ресурсов – земли и индустриального капитала. Вместе с тем возрастает роль интеллектуальной собственности и нематериальных активов (интеллектуального капитала), которые становятся средствами международной конкуренции в завоевании позиций на рынках высокотехнологичной продукции [23]. Таким образом, выделяются два основных производственных фактора экономики знаний – человеческий капитал и интеллектуальный.

Эффективное производство на рынках несовершенной конкуренции зависит от множества факторов. Иногда рынок сам справляется с проблемой недопроизводства, но существует ряд ситуаций, в которых необходимо государственное регулирование. От эффективности антимонопольной политики будет зависеть макроэкономическая эффективность экономики государства. Мало того, что рыночный механизм противоречив, но и система мер для преодоления этих противоречий также имеет свои недостатки и несовершенства.

Таким образом, государство становится органичным элементом рынка. В противном случае наблюдается неспособность рынка к саморегуляции посредством фундаментального механизма свободной конкуренции. Наблюдается естественная потребность в государственном вмешательстве как со стороны самих игроков рынка, так и общества в целом. Государственное регулирование не стоит противопоставлять институту конкуренции, а должно видеть неотъемлемую составную часть несовершенного рынка.

Фирма, действуя на рынке и максимально эффективно используя ресурсы, со временем занимает лидирующее положение в отрасли и, как следствие, монопольное положение. Но время идет и растет потенциальная возможность появления нового конкурента с уникальной идеей приложения ресурсов, позволяющей лучше удовлетворять потребительские потребности, оптимизировать производственные и сбытовые издержки. Даже угроза появления нового игрока рынка толкает фирму-лидера отрасли к продолжению процесса интенсификации собственного производства, а следовательно, к поддержанию позиции первенства. Таким образом, монопольное положение фирмы заставляет проявлять элементы конкурентного поведения, т.е. ***процесс монополизации и конкуренции находится в дихотомии в рыночной системе***. Такой подход решил бы проблему теории Э. Чемберлина, которая подвергалась критики со стороны ученых, в частности, М.В. Петрищева: «Э. Чемберлин и сам признаёт, что “показать наличие конкуренции – значит доказать отсутствие монополии и vice versa. <…> Нельзя представить себе концепцию более неудачную, чем эта”» [24. С. 63].

Опасность для капитализма представляет не экономическая сторона, как то: низкие темпы роста, неэффективность, высокая безработица. Данные проблемы решаемы в рамках капиталистической модели. Подвергается разрушению в успешно действующей системе капитализма другой ее аспект – дух свободного предпринимательства, т.е. категория изначально иррациональная, но под давлением капиталистических отношений приобретающая черты рациональности. Результатом капиталистической конкуренции является процесс укрупнения компаний до глобальных концернов со своей корпоративной культурой, бюрократическим механизмом, стандартами качества жизни, т.е. процесс, по словам Й.А. Шумпетера, «созидательного разрушения» [25. С. 14]. Теряется стихийность, «эмоциональность», мотивированность капитализма.

Таким образом, экономический строй определяет степень и уровень развития «духовности» общества в целом.

В теории К. Маркса «ручная мельница» формирует феодальное общество, а «паровая мельница» – индустриальное. Какая же мельница формирует наше общество? – видимо мельница эволюционировала до ЭВМ, а общество до информационного (когнитивного).

По Шумпетеру, в ситуации экономических рецессий к новым условиям быстрее приспосабливаются индивидуальные новаторы, чем крупные концерны. Развивая данную мысль и учитывая, что прошло много лет (Шумпетер писал полвека назад в условиях краха Бреттон-Вудской системы и нефтяного кризиса), касательно современной ситуации напрашивается вывод, что новшества являются спасением для капиталистической системы, т.е. капитализм поменяет рельсы и продолжит движение. Однако расценивать инновации как манну небесную не стоит.

Основной проблемой высокотехнологичного производства является окупаемость затрат на разработку и внедрение. В большинстве случаев компания способна эффективно действовать (извлекать прибыль) в условиях высоких первоначальных затрат, только выходя на международный рынок.

На первый взгляд, в «безоблачном мире» инновационной экономики правит дух предпринимательства и инноваций. По сути, на этом анализ Шумпетера заканчивается. Если исключить предположение о «затухании предпринимательства» и переложить на новый лад – понимать как циклическое затихание предпринимательского духа, воспринимать ситуацию перехода от индустриального капитализма к постиндустриальному с позиции исторического циклического движения, тогда теория Шумпетера имеет место быть. «Предпринимательская революция» 1970–1980-х гг. представляет собой всплеск предпринимательской активности и, согласно теории Шумпетера, сосредоточившего свое внимание на последней фазе цикла – затухании духа предпринимательства, – рано или поздно приведет к постепенному угасанию активности предпринимательства. Таким образом, процесс укрупнения компаний является закономерным результатом развития капиталистического бизнеса даже в условиях надстройки такого бизнеса не на произ-

водстве угля или стали, а на интеллектуальной составляющей. И пусть крупный бизнес начинается с идеи, со стартапа какого-либо рода, но важно само развитие, движение, направленность на построение глобальной сети, концерна, присутствие на мировом рынке.

Высокий уровень концентрации не исключает интенсивную конкуренцию на рынках инновационных и высокотехнологичной продукции. И не всегда такое соперничество имеет транспарентную направленность. Именно здесь проконкурентная политика обеспечивает защиту эффективных агентов инновационной экономики от возможных деструктивных действий их контрагентов.

Государственная проконкурентная политика в условиях экономики знаний объективно усиливает процесс ее социализации. Вместо диктата воли монополиста / монопсониста в экономике знаний конкуренция интенсифицирует совместную инновационную деятельность в целях повышения потребительской ценности товаров. Ряд современных российских ученых изучают данные вопрос [26–30]. Эти авторы говорят о новой бизнес-стратегии – стабильном развитии активов НИОКР.

Таким образом, в условиях доминирования «знаний», в экономике проистекают два сопряженных процесса – образование новых временных монополий на основе уникальной технологии и кооперация (создание альянсов) существующих фирм с целью оптимизировать затраты на НИОКР. Два этих процесса обусловливают друг друга. В этой связи государственное регулирование приобретает новое свойство оценки эффективности поведения фирмы на рынке, осуществляется с позиции повышения благосостояния общества, происходит трансформация структурной антимонопольной политики в проконкурентную политику, политику защиты конкуренции. Государство становится органичным элементом механизма регулирующего ценообразования. Нерыночные государственные меры становятся институциональным фактором рынка несовершенной конкуренции. Проконкурентная политика включает в себя как пассивные меры, так и активные, в частности программы поддержки малого и среднего бизнеса, создание центров разработки НИОКР, а в условиях глобализации – поддержку национального инновационного производства. Между субъектами производства, образования и науки формируются конкурентно-партнерские отношения. Государство выступает институциональным фактором развития рыночно-конкурентной среды, рынка несовершенной конкуренции пусть и искусственным, внерыночным. Роль проконкурентной политики – в обеспечении условий эффективного распределения ресурсов с целью интенсификации технологического развития (превращение от иммитатора технологий к инноватору).

Формирование и развитие социального рыночного хозяйства связаны не столько с функциональными аспектами целеполагания, сколько с поиском путей становления и развития такого субъекта, который смог бы на научной основе, в рамках всей национальной экономики создать механизм регулирования устойчивого целенаправленного развития экономики, основанной на знаниях. «Невидимая рука» рыночного механизма сама по себе не формирует социально ориентированную экономику знаний. Регулируемая конкурентно-рыночная экономика знаний возникает в результате взаимодействия объективных сил рыночного механизма и субъективной воли социального государства. Тогда такой тип организации хозяйственного пространства становится государственно регулируемым конкурентно-рыночным порядком.

Государственно регулируемый конкурентно-рыночный порядок – это результат взаимодействия объективный сил рыночного механизма и субъективной роли социального государства как необходимости компенсации несостоятельности рыночного механизма к саморегуляции социальных вопросов в условиях перехода к экономике знаний, основой которой является формирование когнитивного капитала как результата приложения человеческого капитала к накопленному знанию.

Исходная форма (назовем ее «хозяйственный порядок») теоретически может существовать без того, чтобы существовал «рынок» и соответствующие ему конкурентные отношения. Рынок же не обладает такой возможностью. Он порождается хозяйственной эволюцией и опосредуется присущими хозяйству отношениями сотрудничества. Отсюда не следует, что конкурентно-рыночный «слой» экономической системы не имеет относительно самостоятельного значения. Творческий характер конкуренции через институт государственно регулируемого порядка целенаправленно используется в интересах всех субъектов несовершенного рынка для их устойчивого развития в системе экономики знаний. Вместе с тем государственная монополия на предпринимательскую деятельность, блокирующая действие конкурентных сил, имеет своим следствием вырождение сотрудничества в тоталитарную систему личной зависимости, не имеющую эффективных стимулов развития.

Макроэкономический уровень формирует кооперативные (синергетические) эффекты и долгосрочные изменения в структуре производительных сил, инициируя технико-технологические и организационные инновации и формируя институциональную среду. Регулируемый конкурентно-рыночный порядок экономики знания формирует систему стимулов, обеспечивающих эффективное использование национальных ресурсов частными хозяйствующими субъектами (коммерческими организациями) и оперативное реагирование производства на изменение текущих потребностей (рыночного спроса) сообщества. Оба уровня образуют противоречивое единство в пределах государственно регулируемого конкурентно-рыночного порядка как особого института экономики знания.

Поддержка и защита процесса устойчивого развития экономики и есть основная функция института государственно регулируемого конкурентно-рыночного порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Махлуп Ф.* Производство и распространение знаний в США. М. : Прогресс, 1966. 462 с.
2. *Godin B.* Knowledge-Based Economy: Conceptual Framework or Buzzword? // Project on the History and Sociology of S&T Statistics. Working Paper No. 24. 2003. URL: http://www.csiic.ca
3. *Инновационный* вектор экономики знания / науч. ред. Г.А. Унтура, А.В. Евсеенко [и др.] ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-е, Ин-т экон. и орг. пром. произв. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2011. 277 с.
4. *The Knowledge-Based* Economy. Paris : OECD, 1996. 46 с.
5. *Литвак Н.В.* К вопросу о классификации концепций информационного общества // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 3–12.
6. *Карпенко М.П.* Когномика. М. : СГА, 2009. 225 с.
7. *Львов Д.С., Гусев А.А., Медведева О.Е. и др.* Механизм налогозамещения как главное условие экономического роста (обеспечение ускоренного экономического роста России на основе эффективного использования природно-ресурсной ренты) // Экономика природопользования. 2003. № 1. С. 2–20.
8. *Акерман Е.Н.* Особенности формирования и использования интеллектуального капитала в условиях развития «новой экономики» // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2011. № 1 (13). С. 5–8.
9. *Руллани Э.* Когнитивный капитализм: deja vu // Логос. 2007. № 4 (61). С. 65–69.
10. *Егоров С.* Человеческий фактор и экономический рост в условиях постиндустриализации // Вопросы экономики. 2004. № 5. С. 85–96.
11. *Салихов В.Б.* Экономика знаний и системно-интеграционная модель человеческого капитала корпорации. URL: http://bv-salikhov.ru/kognitivnaya-ekonomika.html
12. *Переслегин С.* Когнитивные формы капитала. URL: http://www.archipelag.ru/geopolitics/partii/cognitive-project/cognitive-form
13. *World* Databank. URL: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.TOTL.RT.ZS/countries/RU-US-EU-CN-IN-1W?display=graph
14. *Стратегия* 2020: новая модель роста – новая социальная политика. URL: http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf
15. *Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А.* Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны / отв. ред. Н.Н. Крадин. М. : КомКнига, 2005. 344 с.
16. *Angus Maddison.* Monitoring the World Economy, 1820–1992. Washington, DC : Organization for Economic Cooperation and Development, 1995. 255 p. ISBN 9264145494
17. *Карпенко М.П.* Телеобучение. М. : СГА, 2008. 800 с.
18. *Schultz T.* Investment in Human Capital / NBER, 1971. URL: http://www.nber.org/chapters/c4126
19. *Becker, Gary S.* Human Capital. N.Y. : Columbia University Press, 1975. URL: http://www.nber.org/books/beck75-1
20. *Сайт* Группы Всемирного банка. URL: http://www.worldbank.org
21. *Центр* гуманитарных технологий. URL: http://gtmarket.ru/ratings/knowledge-economy-index/knowledge-economy-index-info
22. *Голованова С.В.* Эндогенное изменение концентрации и территориального размещения производства в России. WP1/2008/01. М. : ГУ ВШЭ, 2008. 39 с.
23. *Васильев Е.П., Воробьев И.Н.* Совершенная конкуренция и монополия: теоретические пределы // Современная конкуренция. 2008. № 2 (8). С. 130–136.
24. *Петрищев М.В.* «Монополистическая конкуренция» как антиномия-проблема // Проблемы современной экономики. 2012. № 2 (42). С. 62–65.
25. *Шумпетер Й.А.* Капитализм, социализм, демократия / пер. с англ. ; предисл. и общ. ред. В.С. Автомонова. М. : Экономика, 1995. 540 с.
26. *Галица И.* Конкуренция в условиях глобализации: новые аспекты // Общество и экономика. 2009. № 1. С. 40–44.
27. *Горев В.* Трансформация конкурентных отношений в условиях глобализации экономики. Иркутск : ИГЭА, 2001. 108 с.
28. *Еремин А.В.* Трансформация конкуренции под воздействием глобализации // Российское предпринимательство. 2009. Вып. 2, № 11. С. 4–9.
29. *Оболенский В.* Технологическое соперничество на мировом рынке // МЭиМО. 2003. № 7. С. 3–12.
30. *Салжанов И.Т.* Международная конкуренция – современные черты // Российское предпринимательство. 2009. Вып. 2, № 7. С. 9–15.

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 11 сентября 2014 г.

STATE REGULATED COMPETITIVE-MARKET ORDER AS A CATEGORY OF THE ECONOMY BASED ON KNOWLEDGE

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 161-170. DOI 10.17223/15617793/390/28

Rozhdestvenskaya Elena M., Tsitlenok Vladimir S. Tomsk State University (Tomsk, Russia) E-mail: elena.rojdestvenskaya@gmail.com; vlastsit@mail.ru

Keywords: state regulation; competition policy; cognitive capital; economy of knowledge; competition; antimonopoly policy.

Amid the domination of "knowledge", the economy stems two conjugate processes: the formation of new temporary monopolies on the unique technology and cooperation (alliances) of existing firms in order to optimize the cost of research and development. Two of these processes cause each other. Transformation of competition provides for the creation and increment of value based on intangible assets: knowledge, developments and ideas. In this regard, government regulation acquires a new property of evaluation of the effectiveness of firm behavior in the market from the perspective of improving the welfare of society, the structure of antitrust policy transforms into pro-competitive policy, competition policy. State regulation of the economy based on knowledge becomes an institute that provides its sustainable and targeted development. High level of concentration does not preclude intense competition in the markets of innovative and high-tech products. Non-market state measures are an institutional factor of the market of imperfect competition. State pro-competitive policies in terms of the knowledge economy objectively strengthen the process of socialization. Formation and development of a social market economy has to do with the search for ways of formation and development of the subject which could scientifically be part of the national economy to create a regulatory mechanism for sustainable focused development of the economy based on knowledge rather than with the functional aspects of goal-setting. The "invisible hand" of the market mechanism itself does not generate socially oriented knowledge economy. Adjustable competitive market economy of knowledge arises from the interaction of objective forces of the market mechanism and the subjective will of the social state. Then, this type of organization of the economic space becomes a publicly regulated competitive market order. This order is the result of the interaction of objective forces of the market mechanism and the subjective role of the welfare state as a need to compensate for the failure of the market mechanism to regulate social issues in the transition to the knowledge economy, the basis of which is the formation of cognitive capital as a result of the application of human capital to the accumulation of knowledge. Support and protection for sustainable development of the economy is the main function of the institute of the publicly regulated competitive market order.

REFERENCES

1. Machlup F. *Proizvodstvo i rasprostranenie znaniy v SshA* [Production and dissemination of knowledge in the United States]. Moscow: Progress Publ., 1966. 462 p.
2. Godin B. Knowledge-Based Economy: Conceptual Framework or Buzzword? *Project on the History and Sociology of S&T Statistics*. Working Paper No. 24, 2003. Available from: http://www.csiic.ca.
3. Untura G.A., Evseenko A.V. et al (eds.) *Innovatsionnyy vektor ekonomiki znaniya* [Innovative vector of knowledge economy]. Novosibirsk: SB RAS Publ., 2011. 277 p.
4. *The Knowledge-Based Economy*. Paris: OECD, 1996. 46 p.
5. Litvak N.V. On the classifications of 'information society' concepts. *Sotsiologicheskie issledovaniya* – Sociological Studies, 2010, no. 8, pp. 3–12. (In Russian).
6. Karpenko M.P. *Kognomika* [Cognomics]. Moscow: SGA Publ., 2009. 225 p.
7. L'vov D.S. et al. Mekhanizm nalogozameshcheniya kak glavnoe uslovie ekonomicheskogo rosta (obespechenie uskorennogo ekonomicheskogo rosta Rossii na osnove effektivnogo ispol'zovaniya prirodno-resursnoy renty) [Mechanism of tax substitution as the main condition for economic growth (the accelerated economic growth in Russia, based on the efficient use of natural resource rents)]. *Ekonomika prirodopol'zovaniya*, 2003, no. 1, pp. 2–20.
8. Akerman E.N. Osobennosti formirovaniya i ispol'zovaniya intellektual'nogo kapitala v usloviyakh razvitiya "novoy ekonomiki" [Features of formation and use of intellectual capital in terms of "new economy"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. − Tomsk State University Journal of Economics*, 2011, no. 1(13), pp. 5–8.
9. Rullani E. Kognitivnyy kapitalizm: deja vu [Cognitive capitalism: deja vu]. *Logos,* 2007, no. 4 (61), pp. 65–69.
10. Egorov S. Chelovecheskiy faktor i ekonomicheskiy rost v usloviyakh postindustrializatsii [Human factor and economic growth in the conditions of post-industrialization]. *Voprosy Economiki*, 2004, no. 5, pp. 85–96.
11. Salikhov V.B. *Ekonomika znaniy i sistemno-integratsionnaya model' chelovecheskogo kapitala korporatsii* [Knowledge economy and system-integration model of the human capital of the corporation]. Available from: http://bv-salikhov.ru/kognitivnaya-ekonomika.html.
12. Pereslegin S. *Kognitivnye formy kapitala* [Cognitive forms of capital]. Available from: http://www.archipelag.ru/geopolitics/partii/cognitive-project/cognitive-form/.
13. World Databank. Available from: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.TOTL.RT.ZS/countries/RU-US-EU-CN-IN-1W?display=graph.
14. *Strategiya 2020: novaya model' rosta – novaya sotsial'naya politika* [Strategy 2020: a new model of growth, a new social policy]. Available from: http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf.
15. Korotaev A.V., Malkov A.S., Khalturina D.A. *Zakony istorii. Matematicheskoe modelirovanie istoricheskikh makroprotsessov. Demografiya, ekonomika, voyny* [The laws of history. Mathematical modeling of historical macro-processes. Demography, economy, war]. Moscow: KomKniga Publ., 2005. 344 p.
16. Maddison A. *Monitoring the World Economy, 1820–1992*. Washington, DC: Organization for Economic Cooperation and Development, 1995. 255 p.
17. Karpenko M.P. *Teleobuchenie* [Tele-education]. Moscow: SGA Publ., 2008. 800 p.
18. Schultz T. *Investment in Human Capital*. NBER, 1971. Available from: http://www.nber.org/chapters/c4126.
19. Becker G.S. *Human Capital*. N.Y.: Columbia University Press, 1975. Available from: http://www.nber.org/books/beck75-1.
20. The site of the World Bank Group. Available from: http://www.worldbank.org/.
21. *Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy* [The Centre for Humanitarian Technologies]. Available from: http://gtmarket.ru/ratings/knowledge-economy-index/knowledge-economy-index-info
22. Golovanova S.V. *Endogennoe izmenenie kontsentratsii i territorial'nogo razmeshcheniya proizvodstva v Rossii. WP1/2008/01* [Endogenous change in the concentration and spatial distribution of production in Russia. WP1/2008/01]. Moscow: GU VshE Publ., 2008. 39 p.
23. Vasil'ev E.P., Vorob'ev I.N. Perfect competition and a monopoly: the restrictions set by the theory. *Sovremennaya konkurentsiya – Journal of Modern Competition*, 2008, no. 2(8), pp. 130–136. (In Russian).
24. Petrishchev M.V. "Monopolistic competition" as an antinomy problem. *Problemy sovremennoy ekonomiki – Problems of Modern Economics*, 2012, no. 2 (42), pp. 62–65. (In Russian).
25. Schumpeter J.A. *Kapitalizm, sotsializm, demokratiya* [Capitalism, socialism, democracy]. Translated from English by V.S. Avtomonov. Moscow: Ekonomika Publ., 1995. 540 p.
26. Galitsa I. Competitiveness Under the Conditions of Globalization: New Aspects. *Obshchestvo i ekonomika – Society and Economics*, 2009, no. 1, pp. 40–44. (In Russian).
27. Gorev V. *Transformatsiya konkurentnykh otnosheniy v usloviyakh globalizatsii ekonomiki* [Transformation of competitive relations in a globalized economy]. Irkutsk: IGEA Publ., 2001. 108 p.
28. Eremin A.V. Transformation of the concept of competition in the globalization process. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo – Russian Journal of Entrepreneurship*, 2009, no. 11 (2), pp. 4–9. (In Russian).
29. Obolenskiy V. Technological Competitions at the World Market. *MeiMO*, 2003, no. 7, pp. 3–12. (In Russian).
30. Salzhanov I.T. International competition, modern features. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo – Russian Journal of Entrepreneurship*, 2009. no. 7 (2), pp. 9–15. (In Russian).

Received: 11 September 2014

УДК 3.07, 334.025

В.В. Уткина

«ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ» ФИНЛЯНДИИ: ЕСТЬ ЧЕМУ ПОУЧИТЬСЯ

Представлен анализ финской модели построения «экономики знаний» как европейской модели арктической экономики. Выявляются сходные черты Финляндии и России, позволяющие практически использовать полученные результаты. Дается описание использования программ по управлению знаниями в парламенте Финляндии, в локальных органах власти, изучен опыт взаимодействия бизнеса и государства в целях развития «знаниевого общества», сформулированы концептуальные особенности «экономики знаний» в Финляндии.

Ключевые слова: экономика знаний; управление знаниями; экономика Финляндии.

Введение. Многие исследователи, изучая феномен «экономического чуда» Финляндии, значительное место отводят анализу количественных показателей, в том время как в данной работе мы стремимся обратить внимание на стратегические изменения в органах власти и их взаимодействие с бизнесом и обществом, позволившие в короткие сроки стимулировать рост и развитие «экономики знаний», которая ориентирована на производство и использование результатов научных исследований, инвестирование в образование и науку, использование передовых методов, открытость социальным, экономическим и культурным инновациям [1]. В этом состоит формула успеха Финляндии – скандинавской республики, которая в начале 1990-х гг. смогла преодолеть рецессию национальной экономики, когда уровень безработицы поднялся с 2 до 15%, а показатель валового внутреннего продукта снизился на 15% [2].

В Финляндии под экономикой знаний понимают экономику, отличную от аграрной, ресурсно ориентированной или традиционной. Здесь преобладают отрасли, связанные с производством, распределением и использованием информации. Говоря об экономике знаний, часто имеют в виду наиболее позднюю стадию развития современной экономики, для которой характерны возрастающее использование ИКТ, глобализация, распространение сетевых связей и различных форм инноваций [3].

Переход к экономике, основанной на знаниях, сопряжен с ростом суммарных инвестиций «на входе» в сектор знаний (расходы на высшее образование, НИОКР, разработку программного обеспечения): в среднем для всех стран ОЭСР они составляли в начале 2000-х гг. около 4,7% ВВП. Наиболее высокие значения данного показателя наблюдались в США, Швеции, Южной Корее и Финляндии (5,2–6,5% ВВП), а наиболее низкие – в Мексике, Греции и Португалии (менее 2% ВВП) [4].

Опыт Финляндии интересен тем, что на примере данного государства можно проанализировать, каким образом в сравнительно небольшой периферийной стране произошел переход от ресурсно ориентированной экономики к экономике, основанной на знаниях, причем в относительно сжатые сроки. Важно отметить, что изучение «истории успеха» Финляндии имеет особое значение для понимания современной российской экономики в ее переходном состоянии.

Несмотря на такие очевидные различия России и Финляндии, как масштабы площади государства, геополитическая ориентация и пр., обе страны имеют схожие черты, а именно:

– значительная территория Российской Федерации находится в схожих географических широтах, что и Финляндия, в том числе и за полярным кругом; это в значительной степени осложняет экономическое освоение этих земель;

– исторический аспект – продолжительное время Финляндия (хотя и самостоятельно развивала гражданские институты) входила в состав Российской империи;

– в начале 1990-х гг. и российская, и финская экономики пережили глубочайший системный кризис;

– финская экономика, как и российская, находится в зависимости от колебаний мирового рынка, прежде всего из-за высокой степени специализации (существенная доля экспорта России приходится на энергетические ресурсы, а Финляндии – на ИКТ, ранее только на лесодобывающую и бумажную промышленность);

– значительную роль в экономиках обеих стран занимает государственный сектор; это объясняется тем, что и в России и в Финляндии государство традиционно владеет большей частью земельных, лесных, минеральных и прочих ресурсов;

– «расширенный социальный пакет» для населения: в Финляндии – скандинавская модель «всеобщего благосостояния», в России – Конституцией закреплено бесплатное образование, здравоохранение и другие услуги (в том числе и как пережиток советской командной экономики);

– «боязнь международного изоляционизма» [5], прежде всего, в экономическом плане, которая в Финляндии объясняется периферийным географическим положением, тогда как Россия после распада Советского союза столкнулась с проблемой неконкурентности широкого перечня товаров народного потребления отечественного производства;

– в обеих странах развивается тенденция старения населения, число пожилых людей превышает число новорожденных [6, 7] и поэтому любые инновации предполагают не только ставку на подрастающее поколение, но и переобучение и повышение квалификации зрелого населения страны.

«Экономика знаний» по-фински. Концепция «экономики знаний» активно продвигается в Финляндии наряду с общей национальной идеей, управление знаниям органично используется как в частном секторе, так и в органах власти. Среди актуальных приори-

тетов финских властей передовые информационные технологии, инвестиции в высшее образование, технограды, научно-исследовательские институты.

Стоит обратить внимание на то, что часть территории Финляндии располагается в северных широтах, где реализуется «европейская» модель арктической экономики [5], которую отличают следующие особенности:

– унитарное устройство целого государства;

– относительно суровые природные условия, однако оказывает влияние теплое течение Гольфстрим;

– арктическая зона не является большей частью территории страны;

– присутствует дихотомия север – юг;

– развитие рентной и региональной экономики, предельной по социальной направленности;

– экономическая координация предполагает приоритет государства над рынком;

– созидательной энергией выступает инновационное творчество;

– материальные активы – самые молодые;

– основными арктическими институтами являются собственные национальные при полном отсутствии региональных.

Во многом приоритетность развития ИКТ объясняется рассеянием населения по северным территориям государства. Именно поэтому одно из наиболее важных изменений, произошедших в 1990-х гг., заключалось в том, что ускоренный рост сектора ИКТ явился столпом экономики страны наряду с машиностроением и лесопромышленным комплексом. В настоящее время доля сектора ИКТ в промышленном производстве Финляндии является самой большой [8]. По данным ежегодного доклада «Глобальный индекс инноваций» (Глобальный инновационный индекс (GII) составляется совместно Корнельским университетом, INSEAD (The Business School for the World) и Всемирной организации интеллектуальной собственности, сравнивая 143 экономики по 81 различному показателю и критерию, связанному с инновациями), Финляндия стабильно занимает лидирующие позиции (4-е место в 2014 г., поднявшись с 6-го в 2013 г. и т.п.) [9]. Наряду с этим эта скандинавская республика входит в топ-10 стран по степени успешности таких направлений, как политические институты, человеческий капитал и научные исследования, инфраструктура, наукоёмкость (сложность) бизнеса, отдача от инвестиций в НИОКР.

Итак, выделим ключевые направления имплементации управления знаниями в Финляндии, которые, без преувеличения, охватывают все сферы жизни общества:

– правительственные организации (парламент, органы местной власти);

– некоммерческие организации (например, такие фонды, как «Ситра», «Этла»);

– система образования (дошкольные образования, школы, университеты);

– бизнес (существенный вклад в общее дело компании «*Нокиа*», развитие ИКТ сектора, включая игровой бизнес и обеспечивающий информационную безопасность).

В Финляндии, как и в других странах Северной Европы, национально-исследовательские системы строятся на основе модели «Тройной спирали», предполагающей взаимодействие государства, бизнеса и университетов / НИИ [10]. Исследования и инновации, развитие и креативность, формируемые на базе высшего образования, – ключевые элементы для перехода к экономике знаний [1]. Так, отличительными чертами финской системы образования являются [11]:

– сильная связь сегментов образования, примат непрерывного образования и требование обеспечить «безболезненный переход» от одной образовательной ступени к другой;

– приоритетность равенства образовательных возможностей и связанная с этим слабая внутренняя дифференциация как инструмент социального выравнивания: территориального (расположение школ и вузов), содержательного (запрет на дифференциацию классов в средней школе), культурного (политика «образование – плавильный котёл культур», проводимая по отношению к этническим группам финского севера), институционального («сглаженность» различий между институтами высшего образования, устранение различий между школами), экономического (отсутствие платы за обучение);

– тесное взаимодействие институтов образования с различными сообществами – территориальными, профессиональными и иными социальными группами;

– слабая институциональная автономия финских учебных заведений;

– высокий мобилизационный потенциал системы образования.

Особое внимание стоит уделить «третьей роли» университетов, закрепленной в Финляндии законодательно, что приводит к вовлеченности Университета в региональном развитии и участии местных сообществ и местных органов власти в университетском управлении. Это приводит к диверсификации универсиетской деятельности, когда на фоне повышения качества преподавания и развития научных исследований, происходит повышение эффективности управления вузом и как следствие университеты берут на себя роль центров создания и приращения ноу-хау.

В парламенте *знают*, как лучше. Начало нового тысячелетия для Финляндии ознаменовалось общенациональной вовлеченностью институтов в экономику знаний. В начале 2000-х гг. были разработаны Информационная программа Парламента и Проект по управлению знаниями в Парламенте. Одна из основных целей разработки и реализации концепции управления знаниями состояла в повышении эффективности работы Парламента. Была проделана значительная работа по определению, какими именно знаниями обладают парламентарии и государственные служащие аппарата, затем проведен анализ, какие именно действия необходимо предпринять для того, чтобы реализовать проект на практике и поддерживать его развитие в будущем. Инициатором разработки и реализации проекта стал «Комитет будущего развития» (англ. – «The Committee for the Future» [12]) Парламента Финляндии.

Согласно Конституции власть в Финляндии принадлежит народу, представители которого заседают в парламенте. Аппарат парламента, в свою очередь, отвечает за обеспечение парламента как органа власти условиями для принятия решений. В финском обществе бытует мнение, что национальный парламент должен создавать предпосылки и условия для эффективной, инновационной деятельности сообществ в целом и каждого гражданина в частности, а также показывать, как именно стоит действовать на примере своей успешной работы с общей целью повышения уровня жизни населения. Другими словами, парламент выступает пионером в развитии страны.

Предтечей программ по управлению знаниями в Финляндии явился доклад Правительства в 1998 г. о перспективах развития, в котором говорилось, что компетенции граждан, их навыки и знания – единственная основа для достижения успеха в Финляндии, также были сформулированы три основных направления государственной политики:

1. Стремительное увеличение финансирования научных исследований и разработок начиная с 2000 г., в то же время поиск путей возврата средств от вложенных инвестиций.

2. Завершение перехода к информационному обществу наряду с закреплением за Финляндией статуса «Лаборатории информационного общества» Европейского союза.

3. Введение в обиход системы непрерывного обучения в течение всей жизни, поощрений за повышение квалификации и социальной мобильности в течение жизненного цикла конкретного гражданина. Бизнес-сообществу особое внимание уделить качеству, образованию, навыкам управленческого персонала и личностному развитию сотрудников.

Тогда указанные направления легли в основу понимания необходимости принципиально нового стиля работы в стране и в органах власти в первую очередь. Работа над проектом по управлению знаниями в финском парламенте стартовала с сентября 2000 г. и длилась до марта 2001 г. Цель проекта заключалась в формировании одновременно с теоретической разработкой видения практического применения управления знаниями в парламенте Финляндии, консолидации целей и инструментов их достижения, а также обеспечении базиса для дальнейшего развития управления знаниями. Тогда в докладе, подготовленном «Комитетом будущего развития» парламента, были изложены меры по претворению проекта в жизнь.

Для разработки проекта было создано четыре команды: первая концентрировалась на решении проблем управления знаниями с учетом планирования работы парламента, вторая сосредоточилась на внутренних информационных процессах, третья изучала информационные потребности парламентариев и их помощников, четвертая анализировала, каким образом расширятся возможности с комплексным внедрением информационных технологий. Команды действовали независимо друг от друга, но периодически информировали других о ходе работы, отчитываясь о промежуточных результатах.

В дополнение к работе этих групп было проведено интервьюирование парламентариев и государственных служащих парламента для изучения общественного мнения по реализации программы, а также для проведения разъяснительной работы о разнообразии направлений по управлению знаниями, заостряя особое внимание на том, что информационные технологии не являются единственным источником и движущей силой развития управления знаниями. Для иллюстрации такого полисемичного подхода использовалась схема, отражающая концептуальный подход к функционированию парламента как «знаниевой организации» (рис. 1).

Рис. 1. Направления развития управления знаниями в финском парламенте. Источник: Riitta Suurrla, Markku Markkula, Olli Mustajarvi “Developing and Implementing Knowledge Management in the Parliament of Finland”, Parliament of Finland, Committee for the Future, 2002

Преимущество такого подхода заключалось в том, что в ходе проведения опроса как служащие, так и члены Парламента узнавали больше о работе своих коллег по разным направлениям. Таким образом, был дан толчок обмену и распространению знаний внутри организации, что являлось одной из основных целей проекта.

Работая над программой, разработчики опирались на два понимания управления знаниями как концеп-

ции. С одной стороны, управление знаниями представляет собой непрерывный процесс систематического развития и управления теми знаниями, опытом и компетенциями, которыми организация уже обладает, а с другой стороны, управление знаниями заключается в приобретении, обработке, хранении и распределении знаний, где повышение эффективности распространения знаний и обмена – единственный способ развития организации как «знаниевой» (более прикладной подход). Любопытно отметить, что в ходе изучения проблематики разработчики программы активно взаимодействовали с известными специалистами в области управления знаниями из США и Японии, что во многом повлияло на теоретическое обоснование проекта.

Непосредственно перед реализацией самой программы успешное апробирование прошли несколько пилотных проектов, в которых приняли добровольное участие около тридцати парламентариев (из 200) и госслужащие аппарата. Основная мотивация заключалась в желании соприкоснуться с новыми технологиями построения работы и наличием свободного времени у участников.

Видение парламента как «знаниевой» организации было лаконично сформулировано следующим образом: «парламент – это открытая организация, культура которой нацелена на раскрытие потенциала её членов, взаимодействие и желание учиться». Развивая основные направления внедрения управления знаниями, сформулированные в опросном листе для респондентов парламента (см. рис. 1) в самом начале проекта, в ходе реализации программы обнаружилось следующее смысловое содержание составляющих, определяющее целевой характер работы в будущем:

Культура:

– объединяющая система ценностей;

– культура открытого, активного рабочего процесса, взаимодействие, сотрудничество, обмен знаниями.

Лидерство и постановка целей:

– четкое понимание целей и основных ценностей на всех уровнях. Функции, права и обязанности;

– поощрение обмена знаниями и проектов, выходящих за организационные рамки;

– отслеживание успехов, награды, конструктивная обратная связь.

Информационные технологии:

– оказание поддержки по эксплуатации сервисов по управлению знаниями посредствам образовательных программ и специальных тренингов;

– поддержка при тестировании новых услуг;

– создание личного кабинета и инструментов пользователя;

– невидимая для глаза обычного пользователя ИТ-инфраструктура;

– предоставление поддержки при распространении знаний с помощью ИКТ.

Отношения:

– тесное сотрудничество с Государственным советом. Совместные проекты;

– свободный доступ к информации о внешних контрагентах и специалистах для всех;

– активное влияние граждан на политические процессы.

Обучение:

– системное и скоординированное развитие знаний и навыков, а также выращивание высококвалифицированных специалистов;

– использование дискуссии как инструмента контроля за развитием высококвалифицированного сообщества и его потребностей;

– инвестиции в процесс ассимилирования новых сотрудников в организации;

– поддержка обучения на работе. Ротация кадров. Взаимодействие и диалог на работе.

Функционирование:

– предоставление сервисов в соответствии с ясным пониманием целей и задач парламентариев;

– четко очерченный функционал доступных сервисов и поддержки для парламентариев;

– строго регламентированные должностные обязанности госслужащих парламента.

Организация:

– развитие направлений деятельности и сервисов посредствам взаимодействия – принятие решений экспертным сообществом, а не отдельным должностным лицом;

– открытое распространение и использование в работе «лучших практик», руководства к действию и пр.;

– эффективные внутренние коммуникации.

Таким образом, совокупность предложенных направлений по управлению знаниями в финском парламенте составляет новые базисные принципы, методы и средства их реализации. Методологию позиционирования парламента как «знаниевой» организации отличает комплексный подход, взаимодополняемость всех компонентов, а также как результат, отражение результатов во всех сферах жизни общества страны.

Знания на локальном уровне. Особое значение в Финляндии занимают органы местной власти – муниципалитеты (коммуны или общины), обладающие широкими экономическими и политическими полномочиями. С начала 2000-х гг. в органах власти по всей стране стало функционировать электронное правительство в различных вариациях. Под электронным правительством стоит понимать процесс «электронизации» государственного управления как составной части государственной стратегии развития информационного общества [13]. К указанному периоду 100% государственных служащих обладали необходимым объемом знаний, а также компьютерной грамотностью с тем, чтобы использовать информационные технологии в своей работе.

Можно выделить основные направления реализации проектов по «электронизации» региональных / муниципальных властей в рамках стратегии развития информационного общества на уровне целой страны. Так, в первом десятилетии нового века в большинстве крупных и средних городов был принят программный документ, концептуально фиксирующий направление развития региона / города как субъекта информационного общества, регламентирующий внедрение и

использование электронных сервисов и закрепляющий планы развития в контексте «знаниевой экономики».

Роль местных властей всегда была особенной в жизнеобеспечении населения страны. В Финляндии около 300 объединенных муниципальных образований. Примерно 20% населения заняты на муниципальной службе [14]. Местные власти имеют широкий круг полномочий от образования и здравоохранения до разработки и реализации программ по разработке информационной инфраструктуры и стратегических программ развития региона.

Общеизвестно, что города всегда становились центрами экономического, социального, культурного развития, так и в Финляндии – города явились законодателями моды на передовые ИКТ в контексте принципиально новых управленческих решений. Эспоо, Хельсинки, Темпере и Оулу известны как крупные городские агломерации, которые в наибольшей степени определили тренд внедрения электронного правительства в финских муниципалитетах. Напомним, что под электронным правительством принято понимать совокупность ИТ-проектов, которые реализуются в отдельных органах государственной власти различных уровней и ведомственных подчинений [15]. Таким образом, электронное правительство выступает своего рода инструментом по управлению знаниями в органах власти: определению, созданию, хранению, приобретению, распределению, а главное – применению знаний и обмена ими в режиме он-лайн.

Стремительное распространение знаний посредствам ИКТ – наиболее существенный результат интернет-революции, которая охватила Финляндию в 90-е гг. XX в. Характерно, что первым городом, запустившим в эксплуатацию свою официальную страницу в Интернете, стал Оулу – второй по величине город страны, а не Хельсинки, что может показаться закономерным на первый взгляд. Объясняется это тем, что Оулу стал первым городом, начавшим разработку стратегии развития электронных сервисов. Однако в скором времени администрации сначала Темперы, затем уже Хельсинки и Турку также открыли свои электронные порталы. Интересен тот факт, что в Хельсинки с самого начала реализации проекта контактные данные разработчиков были в открытом доступе, так что все предложения и замечания поступали незамедлительно, что позволило в короткий временной период устранить все недоработки и сделать электронные сервисы привлекательными для граждан. Более того, такой подход способствует адаптивности ресурса к стремительно изменяющимся потребностям населения.

Опыт каждого города по реализации программ и проектов в целях развития информационного общества уникален по своей природе. Нет универсального рецепта, как запустить электронные сервисы в абсолютно разных по многим характеристикам (начиная от объема населения, заканчивая климатическими условиями, экономической специализацией и историческим контекстом) городам, но несмотря на все сложности «электронизация» по стране прошла в значительной степени равномерно. В среднем потребовалось примерно десять лет для полного перехода на электронное правительство. Переломным можно назвать 2000 г., когда повсеместно в администрациях муниципалитетов стартовала разработка стратегий по внедрению электронного правительства.

Привлечение граждан к участию в решении государственных вопросов, упрощение бюрократических процедур, прозрачность и снижение расходов на содержание органов власти – задачи, которые призвано решить электронное правительство. Однако это лишь часть безграничных возможностей, которые открываются перед гражданами с приходом ИКТ в массовое потребление. Так, среди популярных сервисов в крупных городах Финляндии можно назвать электронные библиотеки, электронные карты, расписание, обновляющееся в режиме реального времени, календари событий и др. Например, в Эспоо в 2000 г. была введена в использование так называемая городская карта, которую можно использовать в качестве проездного билета на общественном транспорте, пропуска в библиотеку, в том числе в качестве оплаты в местах общественного питания и т.п. Терминалы для обслуживания таких карт (проверки информации, пополнения счета) располагаются в объединенных сервисных центрах, общественных центрах, библиотеках. Подобный проект в РФ называется «Универсальная электронная карта», однако пока не получил повсеместного распространения, как заявлялось при запуске. Также Эспоо преуспел в мобильных сервисах, предложив в 2001 г. сервис СМС-голосования для молодых парламентариев. Подобные проекты стали реальны при активном взаимодействии органов власти с бизнес-сообществом и высшими учебными заведениями. Так, при разработке мобильных сервисов администрация города Оулу тесно сотрудничала с Университетом Оулу и Политехническим институтом, а также с компаниями «Oulun Puhelin» (с местным оператором сотовой связи) и «*Нокиа» (признанным мировым лидером в производстве телефонов).*

Коллаборация государства и бизнеса. Принципиальное отличие Финляндии от прочих развитых стран состоит в том, что финская экономика получила значительное развитие (как, например, США) не только за счет использования информационных технологий, но и в процессе создания новых передовых телекоммуникационных решений. Безусловно, значительную роль в данном процессе сыграла компания «*Нокиа»* – идеальный пример «истории успеха» государственного масштаба. В сжатые сроки «*Нокиа»* превратилась из маленькой фирмы во всемирно известную телекоммуникационную корпорацию, что в значительной степени повлияло на ускорение процессов внедрения информационных решений во все сферы жизни населения страны.

По словам доктора Эркки Ормала, вице-президента и директора информационного направления «Нокиа», идея управления знаниями проникла во все подразделения компании на всех уровнях [16].

1. Тайм-менеджмент, скорость и гибкость.

2. Стратегическое партнерство и коллективная работа (взаимодействие посредствам информационно-коммуникационных технологий).

3. Непрерывное улучшение и инновации.

4. Новые принципы управления и организации деятельности.

5. Подвижные границы нормальной деятельности компании.

Более того, в научные исследования и разработки вовлечены 38% сотрудников компании, что является конкурентным преимуществом не только компании, но и страны в целом. Поэтому сегодня перед Финляндией стоит вопрос, как в более отсталых отраслях экономики проделать что-то наподобие того, что ИКТ рынку удалось с компанией «Нокиа».

Подобный подход позволил выстоять компании даже не в самые благоприятные времена, когда, уступая в конкурентной борьбе на рынке смартфонов таким гигантам, как Apple и Samsung, пришлось продать часть бизнеса компании Microsoft. После выхода на рынок компании с поистине прорывными технологиями в «Нокиа» были вынуждены сокращать штат. Тогда была создана программа Nokia Bridge в 2011 г. для помощи сотрудникам, попадающим под сокращение. В 17 офисах по всему миру (включая два на территории Финляндии) «Нокиа» дала возможность своим работникам пройти обучение и осуществляла поддержку в поиске новой работы как внутри компании, так и за ее пределами, а также обеспечивала непрерывное образование и переподготовку, в том числе помогая участникам начать свой собственный бизнес. По оценке финской телерадиокомпании, программа была относительно успешной, так как около 70% участников нашли новую работу в 2012 г. [3].

Обратим внимание на то, что даже в такой ситуации сработал финский рецепт «кризис – не только потери, но и возможности». Так, в рамках программы «Нокиа» щедро финансировала участников, желающих начать собственное дело. Каждый запуск мог получить до 25 000 евро, оговаривая то, что количество бывших сотрудников «Нокиа» в проекте должно быть не больше четырех. В 2012 г. около 250 (!) компаний получили финансирование через программу. Примерно половина новых старт-апов были в области ИКТ и мобильных приложений. Безусловно, осуществление этого стало возможным благодаря поддержке со стороны государства, своевременно оказавшего поддержку при реструктуризации корпорации, что позволило создать новые рабочие места и сохранить квалификацию сотрудников, их знания, а значит, знания на уровне всей страны.

Являясь в своё время флагманом на финском рынке ИТ-услуг, «Нокиа» дала толчок развитию отрасли в целом. Так, финская игровая индустрия стремительно растет, в 2012 г. предполагаемый оборот отрасли в целом составляет 800 млн евро (250 млн евро в 2012 г.). Значительное число компаний являются довольно небольшими, и лишь в некоторых занято более 50 сотрудников. Наиболее известные и успешные финские компании – Rovio (Angry Birds) и Supercell; обе компании использовали государственное финансирование при разработке своих продуктов и в развитии бизнеса. Supercell был куплен японским инвестором (около 1,5 млрд долл. США, примерно треть продажной цены от «Нокиа») в ноябре 2013 г. и был частью программы акселератора Виго.

Другое направление развития финского сектора ИКТ с высокими темпами роста – это отрасль информационной безопасности. В 2012 г. многие финские компании были включены в так называемый финский кластер информационной безопасности (Finnish Information Security Cluster – FISC). На сегодняшний день FISC охватывает около 30 компаний (например, F-Secure), в которых задействовано около 2 000 специалистов по информационной безопасности [17]. В последние годы средний прирост кластера составляет более 20% ежегодно, и рост, по прогнозам, продолжится, несмотря на глобальные экономические колебания. К настоящему моменту мировой рынок кибербезопасности составляет примерно 60 млрд евро и ожидается, что эта цифра удвоится в течение пяти лет.

В то же время объем рынка по данным направлениям относительно невелик. Тем не менее они быстро растут, и многие специалисты возлагают на их развитие большие надежды. Оптимистичные прогнозы могут и не оправдаться, так как дефицит профессионалов в этих узких областях сохраняется (несмотря на финансовую и стратегическую поддержку со стороны правительства). Так, была создана рабочая группа «ИКТ 2015», которая предложила следующие меры по развитию сектора: подготовка кадров для удовлетворения потребности рынка; реализация пилотных проектов по интеграции игр в различные отрасли промышленности и государственный сектор; создание центра кибербезопасности для обеспечения финских компаний решениями в области безопасности данных [18].

Заключение. Повсеместное внедрение программ по управлению знаниями позволило Финляндии успешно преодолеть последствия мирового финансового кризиса. Концепция управления знаниями была успешно имплементирована парламентом, региональными властями, некоммерческими организациями, образовательными учреждениями, частными компаниями.

«Комитет будущего развития» парламента Финляндии еще в 2002 г. в своем программном документе по управлению знаниями схематично изобразил траекторию развития финского государства (рис. 2).

Примечательно, что государственная политика последнего десятилетия формировалась в рамках предложенной концепции. Суммируя вышеизложенное, сформулируем концептуальные особенности «экономики знаний» в Финляндии:

– превращение кризиса 1990-х гг. в благоприятную возможность экономического скачка (базисом которого явилось освоение передовых информационно-телекоммуникационных технологий);

– системный подход на всех уровнях власти по разработке программных документов в рамках развития «знаниевой экономики» и «информационного общества»;

– объединение населения общей идеей «знаниевой экономики» и, как следствие, активное взаимодействие государственных органов, бизнеса, НИИ, образовательных учреждений, реализация совместных проектов;

– выстраивание национально-образовательной системы на основе модели «тройной спирали», нормативное закрепление «третьей роли» университетов;

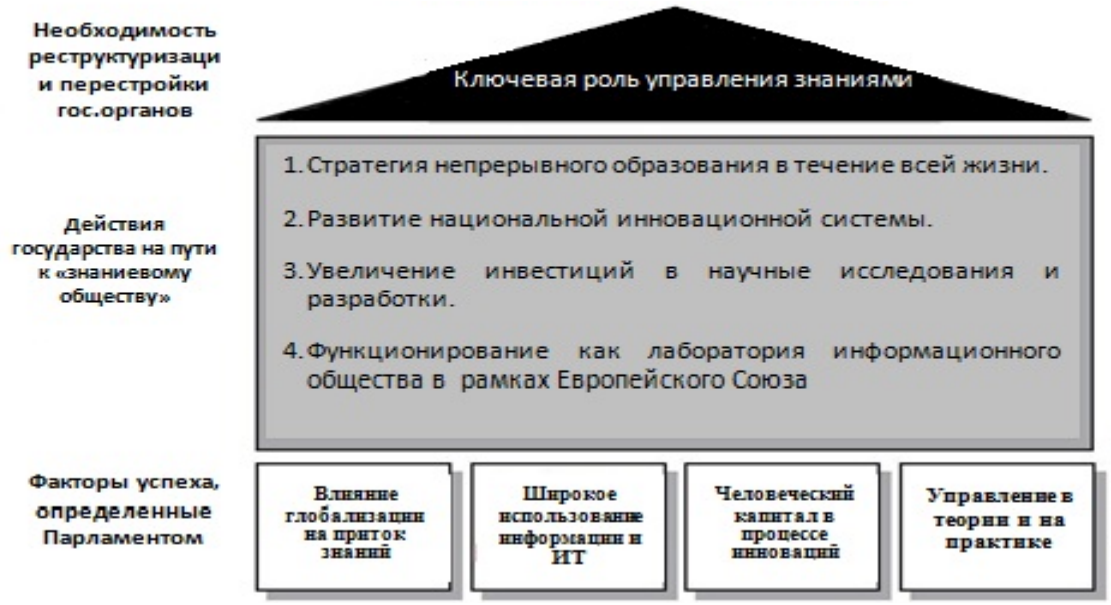

Рис. 2. Обзор факторов, определивших направления политики Финляндии в конце 1990-х – начале 2000-х гг.
Источник: Riitta Suurrla, Markku Markkula, Olli Mustajarvi "Developing and Implementing Knowledge Management in the Parliament of Finland", Parliament of Finland, Committee for the Future, 2002

– постоянное обновление, гибкость экономики, в том числе либерализация ИКТ рынка;

– использование передовых разработок в ИКТ совместно с принятием управленческих решений, обеспечивающих внедрение инноваций;

– лидирующая роль парламента как экспериментальной площадки программы по управлению знаниями, позиционирование парламентариев в качестве интеллектуальных работников новой формации;

– постоянное увеличение финансирования в НИОКР, а также учебные заведения;

– распространение концепции непрерывного образования в течение жизни каждого гражданина.

Не оставляет сомнений: путь, который проделала Финляндия от экономики, основанной на ресурсах, к инновационному инвестиционно-привлекательному успешному государству, уникален.

Уроки малой высокоразвитой страны стоит использовать в российской практике как в северных регионах страны, схожих по географическим / климатическим условиям и площади с Финляндией, так и на федеральном уровне в рамках разработки программных документов по вовлечению населения в экономику знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Роуттu Й.* Формирование экономики знаний (на примере Финляндии) // Проблемы теории и практики управления. 2010. № 6. С. 47–55.
2. *Carl J. Dahlman, Jorma Routii, Pekka Yla –Anttila.* Finland as a Knowledge Economy. Elements of Success and Lessons to Learn. Washington D.C., 2006.
3. *Halme K., Lindy I., Piirainen K.A., Salminen V., White J.* Finland as a knowledge economy 2.0: Lessons on Policies and Governance. Washington D.C. : World Bank Group, 2014.
4. *Макаров В.Л.* Экономика знаний: уроки для России // Вестник российской академии наук. 2003 . № 5 (73). URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VRAN/SESSION/VRAN5.HTM (дата обращения: 02.11.2014).
5. *Пилясов А.Н.* И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знаний. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 544 с.
6. *Всероссийская* перепись населения 2010 года. URL: http://www.perepis-2010.ru/ (дата обращения: 02.11.2014).
7. *Statistics* Finland. URL: http://www.stat.fi/til/vaerak/index_en.html (дата обращения: 02.11.2014).
8. *Хелантера А., Оллус С.-Э.* Почему Россия не Финляндия. Сравнительный анализ конкурентоспособности / авторизованный пер. с англ. под ред. Л. Тодорова. М. : ИИЭПП, 2004.
9. *The Global* Innovation Index 2014. URL: https://www.globalinnovationindex.org/content.aspx?page=GII-Home
10. *Межевич Н.М., Прибышин Т.К.* Инновационная экономика в регионе Балтийского моря // Балтийский регион. 2012. № 3. С. 59–72.
11. *Вахштайн В.С.* Система образования Финляндии // Вестник Российской академии наук. 2008. № 4 (78). С. 360–364.
12. *Официальный* сайт парламента Финляндии. URL: http://web.eduskunta.fi/Resource.phx/parliament/committees/future.htx (дата обращения: 01.11.2014).
13. *Стырин Е.М.* Электронное правительство: стратегии формирования и развития : дис. ... канд. социол. наук. М., 2006.
14. *Druke H.* Local Electronic Government: A comparative study. London : Routledge, 2005.
15. *Солодов В.В.* Электронное правительство как инструмент трансформации государственного управления : дис. … канд. полит. наук. М., 2007.
16. *Amidon D.M.* A Bretton Woods of the Knowledge Economy: ENTOVATION Roundtable in Helsinki. URL: http://www.skyrme.com/updates/u72_f1.htm (дата обращения: 02.11.2014).
17. *Finnish* Information Security Cluster. URL: http://fisc.fi/files/2013/03/All-FISC-Companies.pdf (дата обращения: 02.11.2014).
18. *ICT* 2015. URL: http:// ict2015.fi (дата обращения: 01.11.2014).

Статья представлена научной редакцией «Экономика» 20 ноября 2014 г.

KNOWLEDGE ECONOMY OF FINLAND: THINGS TO LEARN FROM

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 171-178. DOI 10.17223/15617793/390/29

Utkina Valeriya V. National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: valeria_utkina@hotmail.com

Keywords: knowledge economy; knowledge management; economy of Finland.

To date, Finland has a leading position in the world ranking for the development of "knowledge economy". The concept of "knowledge economy" is actively promoted in Finland along with the overall national idea, knowledge management is organically used in both the private sector and public administration. The widespread implementation of knowledge management programs allowed Finland to successfully overcome the effects of the global financial crisis. We outline the distinctive features of the Finnish economy in the framework of the "European" Arctic model and make an attempt to highlight the key areas of knowledge management development in Finland which, without exaggeration, cover all aspects of society: public institutions (parliament, local authorities); non-profit organizations (e.g., foundations such as "Sitra", "Etla"); educational system (pre-school education, secondary schools, universities); business (a substantial contribution to the common cause of "Nokia", the development of the ICT sector, including gaming business and information security cluster). Thus, in the present article common features of Russia and Finland are examined, enabling to learn Finnish experience of rapid transition to knowledge based economy. Unlike other studies, where considerable space is devoted to the quantitative analysis of economic indicators and innovation, in this paper, we primarily focus on the measures taken by the authorities on the development of "Knowledge Society". The author pays special attention to implementing a knowledge management system in the Finnish Parliament, prepared by the Committee for Future Development. Understanding the need for a fundamentally new style of work in the whole country and in public administration first of all led them to the changes not only in Parliament but also at the level of local authorities in cooperation with universities and businesses. We provide vivid examples of Finnish cities that implemented programs and projects for the development of "Knowledge Society" with usage of new services to enhance efficiency of their performance on the basis of front-line ICT. Moreover, the ways of interaction between business and government are shown, including the experience of "Nokia" which at a certain stage became a flagship of the Finnish IT sector and now includes not only the production of mobile devices, but also software development, gaming industry, information security cluster, etc. Ultimately, it is concluded that all the measures in the aggregate made it possible for Finland to move rapidly to the "knowledge economy". Results of the study may be of interest in the Russian practice both for the northern regions of the country, similar with Finland in geographic /climatic conditions of the area, and at the federal level to develop declarations to involve citizens in the process of transition to the knowledge economy.

REFERENCES

1. Routti J. Building a Knowledge Economy (the case of Finland). *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, 2010, no. 6, pp. 47–55. (In Russian).
2. Dahlman C.J., Routii J., Yla-Anttila P. *Finland as a Knowledge Economy. Elements of Success and Lessons to Learn*. Washington D.C., 2006
3. Halme K., Lindy I., Piirainen K.A., Salminen V., White J. *Finland as a knowledge economy 2.0: Lessons on Policies and Governance*. Washington DC: World Bank Group, 2014.
4. Makarov V.L. Ekonomika znaniy: uroki dlya Rossii [Knowledge Economy: Lessons for Russia]. *Vestnik rossiyskoy akademii nauk – Bulletin of the Russian Academy of Sciences,* 2003, no. 5 (73). Available from: http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VRAN/SESSION/VRAN5.HTM. (Accessed: 02nd November 2014).
5. Pilyasov A.N. *I poslednie stanut pervymi. Severnaya periferiya na puti k ekonomike znaniy* [And the last shall be first. Northern Periphery towards the knowledge economy]. Moscow: LIBROKOM Publ., 2009. 544 p.
6. *Russian National Population Census 2010*. Available from: http://www.perepis-2010.ru/. (Accessed: 02nd November 2014). (In Russian).
7. *Statistics Finland*. Available from: http://www.stat.fi/til/vaerak/index_en.html. (Accessed: 02nd November 2014).
8. Khelantera A., Ollus S-E. *Pochemu Rossiya ne Finlyandiya. Sravnitel'nyy analiz konkurentosposobnosti* [Why Russia is not Finland. Comparative analysis of the competitiveness]. Translated from English. Moscow: IIEPP Publ., 2004.
9. The Global Innovation Index 2014. Available from: https://www.globalinnovationindex.org/content.aspx?page=GII-Home.
10. Mezhevich N.M., Pribyshin T.K. Innovatsionnaya ekonomika v regione Baltiĭskogo morya [Innovative economy in the Baltic Sea Region]. *Baltiiskii region*, 2012, no. 3, pp. 59–72.
11. Vakhshtayn V.S. Sistema obrazovaniya Finlyandii [The education system in Finland]. *Vestnik rossiyskoy akademii nauk – Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 2008, no. 4 (78), pp. 360–364.
12. The official website of the Finnish Parliament. Available from: http://web.eduskunta.fi/Resource.phx/parliament/committees/future.htx. (Accessed: 01st November 2014).
13. Styrin E.M. *Elektronnoe pravitel'stvo: strategii formirovaniya i razvitiya*: dis. kand. sotsiol. nauk [E-government: a strategy of formation and development. Sociology Cand. Diss.]. Moscow, 2006.
14. Druke H. *Local Electronic Government: A comparative study*. London: Routledge, 2005.
15. Solodov V.V. *Elektronnoe pravitel'stvo kak instrument transformatsii gosudarstvennogo upravleniya*: dis. kand. polit. nauk [E-government as a tool for transformation of public administration. Politology Cand. Diss.]. Moscow, 2007.
16. Amidon D.M. *A Bretton Woods of the Knowledge Economy: ENTOVATION Roundtable in Helsinki*. Available from: http://www.skyrme.com/updates/u72_f1.htm. (Accessed: 02nd November 2014).
17. Finnish Information Security Cluster. Available from: http://fisc.fi/files/2013/03/All-FISC-Companies.pdf. (Accessed: 02nd November 2014).
18. ICT 2015. Available from: http:// ict2015.fi. (Accessed: 01st November 2014).

Received: 20 November 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 179–184. DOI 10.17223/15617793/390/30

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

УДК 374

И.В. Иванова

НЕФОРМАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – ИНВЕСТИЦИИ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Рассматривается неформальное образование как часть общего образования, позволяющая учащемуся приобрести устойчивую потребность в познании и творчестве, максимально реализовать себя, самоопределиться профессионально и личностно. Определены принципиальные различия основного и неформального образования с точки зрения определения возможностей саморазвития учащихся. Раскрыты возможности неформального образования в становлении личности в условиях современной образовательной парадигмы РФ.

Ключевые слова: неформальное образование; формальное образование; информальное образование; образовательное пространство; дополнительное образование детей; внеурочная деятельность.

Являясь сложным, самостоятельным организмом, детство представляет собой неотъемлемую часть общества, выступает как особый обобщенный субъект многоплановых, разнохарактерных отношений, в которых оно объективно ставит задачи и цели взаимодействия со взрослыми, определяя направления их деятельности с ним, развивает свой общественно значимый мир. Причем внутренне заложенной целью детства является взросление – освоение, присвоение, реализация взрослости. Но эта же цель – взросление детей, субъектно имеющая другую направленность – обеспечить это взросление, выступает главной для взрослого мира.

По результатам исследований РАО, ***у современного ученика наблюдается:*** дефицит произвольности в умственной и двигательной сфере; недоформированность тонкой и общей моторики; недостаток коммуникативных навыков у 25% школьников; у 30% учащихся проявление агрессивность по отношению к сверстникам; увеличение количества леворуких, правополушарных детей; рост количества одаренных ребят, с особым развитием мышления; увеличение числа детей с эмоциональными проблемами; недоразвитие мотивационно-потребностной сферы; недоразвитость любознательности и воображения как недостаток игровой деятельности; увеличение количества детей, принимающих антидепрессанты; детям ставят диагнозы, которые раньше ставили только взрослым; тенденция к росту числа детей с повышенной тревожностью, агрессивностью, страхами (действие средств массовой информации, компьютерных игр: они уводят от реальности, снижают контроль ребенка за поведением, ведут к формированию зависимостей); стремление большинства родителей ограничить активность и самостоятельность ребенка; ориентация современным обществом детей на потребительство; сдвинулись сроки кризисных периодов [1. С. 14–18].

Ученые отмечают, что в последнее время складывается двоякая тенденция развития детства. С одной стороны, с опорой на гипотезу Д.Б. Эльконина об историческом происхождении периодов детства можно утверждать, что дети вытеснены из мира взрослых, вследствие чего более сложным для них становится постижение смыслов человеческой деятельности и социальных отношений [2].

В современный период, когда дети отделены от производительного труда взрослых, инициатива ребенка и ответственное выполнение им порученных заданий не играют сколько-нибудь значимой роли. Дети не имеют возможности опробовать свои силы и реже переживают ситуацию успеха. Сегодня ребенок имеет гораздо меньше возможностей самостоятельно, без присмотра со стороны взрослых, гулять, познавать природу. Развитие детей детерминировано запланированными педагогическими действиями и программами, ущемлено пространство для обеспечения возможности свободного саморазвития ребенка. Опыт, приобретаемый современными детьми, находится полностью под контролем со стороны взрослых. Можно сказать, что детство протекает в педагогически аранжированном пространстве. Родители организуют для своих маленьких детей внесемейную программу взросления, следят за календарным планом мероприятий, сопровождают детей в образовательно-развивающие учреждения и усваивают новую для себя функцию – дополняющую и контролирующую. Связь между взрослым миром и миром детства, по мнению отечественного психолога Д.И. Фельдштейна, является однонаправленной: «Детство воспринимается взрослыми как своего рода “приемник”, в большей или меньшей степени присваивающий, рефлексирующий на воздействия взрослого сообщества [1. С. 14–18].

С другой стороны, в последние годы все более отчетливо проявляются признаки, одинаково присущие миру взрослых и миру детей. Их наличие позволяет говорить о размывании границ между двумя обособленными мирами. Это является вторым характерологическим проявлением тенденции развития детства сегодня (в интерпретации Д.Б. Эльконина: ***размывание возрастных границ, или исчезновение возрастной стратификации, свидетельствует о кризисном состоянии современного детства***):

– жизнь детей становится все более похожей на жизнь взрослых – она определяется календарными планами и характеризуется рациональностью, деперсонификацией, утратой значимого смысла, раздробленностью;

– учебная деятельность становится одним из приоритетных видов деятельности не только для детей, но и для взрослых, так как стремительное техническое и научное развитие побуждает к постоянному повышению квалификации, приобретению дополнительных квалификаций;

– все большее количество взрослых людей сегодня разделяют стиль жизни современной молодежи, предполагающий частую смену партнера, возрастание значения свободного времени, соответствующие интересы.

Немаловажную роль в стирании различий между жизненными сферами взрослых и детей играют средства массовой информации. Сегодня дети знают обо всем, что необходимо узнавать лишь будучи взрослыми. Телевидение и другие средства массовой информации создают иллюзию правдиво отображенной действительности – увиденное с экрана ребенок воспринимает как истину, не осознавая при этом, что узнает о мире «из вторых рук». В фильмах, компьютерных играх демонстрируются отрицательные формы коммуникации и взаимоотношений, деструктивные способы разрешения конфликтов, из-за чего мир взрослых кажется ребенку полным трудностей и неразрешимых проблем. Герои фильмов действуют скорее как отрицательные образцы, не концентрируют в себе нравственные, ценностные качества, которые должны формироваться у детей.

Средства массовой информации конкурируют с семьей за право интерпретации происходящих событий, явлений и процессов, зачастую способствуют подрыву родительского авторитета, демонстрируя слабости взрослых, пропагандируя иные ценности и нормы. В этой ситуации семейные ценности (доверие, открытость, солидарность) диссонируют с ценностями и ожиданиями, предъявляемыми ребенку со стороны открытого социума (успешности, конкурентноспособности, расчетливости). Можно предположить, что дети воспитываются в двух различных по своей содержательной сущности мирах. Между ними необходим посредник, роль которого должно выполнять образование.

При этом, как отмечает Д.И. Фельдштейн, детство, являясь сложным, самостоятельным организмом, выступает как особый субъект многоплановых, разнохарактерных отношений, в которых оно объективно ставит задачи и цели взаимодействия со взрослыми, определяя направления их деятельности с ним, развивает свой общественно значимый мир [3. С. 45–48].

Особенности развития современных детей, формирующийся новый исторический тип детства, наличие «гуманитарного кризиса» в образовании актуализируют необходимость пересмотра содержательных и организационных основ системы образования.

Перспективы прогрессивного развития российского общества во многом зависят от наиболее полного раскрытия творческого потенциала и неповторимой индивидуальности его представителей. Однако в настоящее время большинство людей оказываются не способными к проявлению инициативы и самостоятельности, к адекватному самовыражению и творчеству. В связи с этим важной задачей деятельности образовательных учреждений становится оказание помощи растущему человеку в процессе самосозидания, обретения подлинного призвания. Акцент в воспитательной практике образовательных организаций постепенно смещается с деятельности по формированию социально типичного в сторону поддержки становления в растущем человеке ярко индивидуального, развития у него способности к самопознанию, самоопределению, самореализации, самоутверждению.

Профессор И.Д. Демакова пишет: «Сегодня наше общество испытывает серьезный дефицит гуманистической реальности в сфере политики, морали, экономики, искусства, права. Этот феномен в научной литературе получил название “гуманитарный кризис”. Такой кризис, естественно, не мог не коснуться сферы образования, что, в первую очередь, подтверждается расхождением между декларируемыми гуманными целями образовательных реформ и их практической реализацией. Анализ состояния воспитания в стране показывает, что процесс гуманизации тормозится обострением противоречий между провозглашением необходимости гуманизации воспитания подрастающего поколения и традиционной системой воспитания, в которой ребенок по преимуществу все еще рассматривается как объект педагогического воздействия; между возросшим уровнем требований общества к педагогу, способному к реализации идей гуманистической парадигмы в своей профессиональной деятельности, и ее реальным содержанием, ориентированным на традиционные ценности и цели воспитания; между общественной потребностью в такой системе воспитания, которая обеспечивала бы достоинство и свободу личности ребенка, и недостаточной разработанностью содержания и методики воспитательной деятельности педагога, обеспечивающих реализацию этих идей в массовой педагогической практике; между необходимостью в теоретическом обосновании и научном обеспечении процесса гуманизации воспитания и отсутствием достаточного осмысления понятий, характеризующих этот процесс, в том числе такого, как пространство детства, поясняющего специфику гуманистически ориентированной воспитательной деятельности педагога» [4. С. 5–9].

В научной литературе существуют трактовки воспитания с позиций парадигмального подхода. Так, Г.Б. Корнетов отмечает, что в педагогике традиционно существовала, с одной стороны, трактовка воспитания как педагогического воздействия на воспитуемых, как их целенаправленного формирования (формирующая воспитательная парадигма), а с другой – воспитание рассматривается как ***помощь в развитии внутреннего потенциала ребенка,*** активно познающего окружающий мир, в ходе педагогического взаимодействия с ним (развивающая воспитательная парадигма). Были попытки соединения этих подходов (синтетическая развивающе-формирующая парадигма). Новая концепция воспитания, по мнению исследователей, все более ориентируется на диалоговые субъект-субъектные отношения в диаде «воспитатель – учащийся». Речь, в сущности, идет о гуманистически ориентированной парадигме – ***парадигме самореализации личности,*** и в этом контексте воспитание определяется как «максимально полная самореализация учащимся своего потенциала при интеллектуально-духовном взаимодействии с педагогом, который направляет и организует этот процесс, создает для него благоприятные условия» [5].

Наибольшее значение в условиях парадигмального сдвига имеет, по мнению И.Д. Демаковой, герменевтический подход, при котором в процессе общения с ребенком целью педагога является «вычерпывание» каждой конкретной ситуации для постижения глубинных (бессознательных) смыслов (мотивов) поступков и поведения детей. При этом, как отмечает ученый, понимание возможно только на основе сопереживания и идентификации, оно помогает преодолевать психологические барьеры перед новизной ситуации, объемом работы, стереотипами традиционных представлений о воспитательной деятельности – и в результате демонстрировать оригинальность суждений и решений, самостоятельность мысли, способность принимать нестандартные решения [4. С. 5–9].

Важнейшим положением личностно-ориентированного подхода выступает приоритет опоры на внутренний потенциал субъекта, следовательно, на его право самостоятельно совершать выбор и нести за него ответственность. Для осуществления права свободного выбора различных альтернатив личностного становления необходимо научить выбирать, помочь человеку разобраться в сути проблемной ситуации, выработать план решения и сделать первые шаги.

Размышляя о целенаправленном, системном движении в сторону решения задач саморазвития подрастающего поколения, сегодня ученые делают особый акцент на реализации непрерывного образования, которое характеризуется как:

– концепция и модель «образования на протяжении всей жизни и для всех»;

– учение длиною в жизнь (lifelong learning), понимаемое в рамках Европейской стратегии занятости как всесторонняя учебная деятельность, осуществляемая на постоянной основе с целью улучшения знаний, навыков и профессиональной компетенции;

– процесс, ведущий к достижению выгод и преимуществ экономического, социального, психологического и образовательного характера;

– образование «шириною в жизнь» (lifewide learning), которое акцентирует не только постоянство процесса обучения, но и разнообразие его форм [6].

Как известно, составляющими непрерывного образования являются:

– ***формальное образование***, завершающееся выдачей общепризнанного диплома или аттестата;

– ***неформальное образование***, обычно не сопровождающееся выдачей документа, происходящее в образовательных учреждениях или общественных организациях, клубах и кружках, а также во время индивидуальных занятий с репетитором или тренером;

– ***информальное образование***, представляющее собой индивидуальную познавательную деятельность, сопровождающую повседневную жизнь человека и не обязательно носящую целенаправленный характер [Там же].

Переход от знаниевой педагогики к личностной, от ответной к ответственной, реальная связь интегрированного обучения с проектным подходом, сочетающего теоретические и практические исследования всеми участниками образовательного процесса, позволяют организовать образовательный процесс на основе интереса детей и взрослых, проявления смысла учения и обучения, формирования способности (сначала идентифицированных, в конечном итоге – интериоризированных) принимать ответственность за события, происходящие в микро- и макросреде – через содержание образования, интегрированное с поликультурными ценностями у детей. Вышеперечисленные условия дают возможность расширить изначально заданные рамки в образовательной среде. При этом важно заметить, что понятия «среда» и «пространство» не тождественны. Среда рассматривается как данность, которая не является результатом конкретной деятельности конкретного человека, а пространство, напротив, появляется в результате освоения субъектом этой данности; пространство (образовательное) является освоенной человеком средой (природной, культурной, социальной, информационной), приспособленной для решения соответствующих задач, в том числе задач саморазвития личности. Образовательное пространство – это расширяющийся «веер» возможностей внутри этих рамок, и наиболее ярко он представлен в неформальном образовании.

Речь идет о неформальном образовании как об образовательном пространстве, обеспечивающем полноценное всестороннее саморазвитие личности каждого учащегося. Заметим, что любое пространство представляет собой место для существования и простор для развития – задает возможности для реализации деятельности субъекта. По мнению И.Г. Шендерик, «образовательная среда становится образовательным пространством по мере выявления в ней возможностей развития субъекта деятельности; среда противостоит субъекту как неопредмеченная объектность, которую субъект может освоить и превратить в пространство своей жизни» [7. С. 38–53]. «Под образовательной средой (или средой образования) можно понимать систему влияний и условий формирования личности по заданному образцу, – пишет В.А. Ясвин, – а также возможностей для ее развития и саморазвития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении» [8. С. 14].

Принципиальное различие формального и неформального образования заключаются в том, что для последнего характерны следующие черты:

– *добровольный, свободный выбор* направления и вида деятельности, содержания своего образования, объема и темпа его освоения, педагога, формы и темпа освоения образовательной программы, результатов;

– *индивидуальные, частные потребности* ребенка, его семьи – основной источник заказа на образовательную деятельность;

– *цели – развитие мотивации личности* к познанию и творчеству; реализация дополнительных образовательных программ и услуг в интересах личности, общества, государства;

– базовый педагогический принцип – *принятие и защита индивидуальных интересов* в *совместной деятельности*, во *взаимодействии* с каждым ребенком или подростком по поддержке его саморазвития, самоактуализации, самоопределения;

– содержание образования, его цели и задачи, планируемые результаты и способы их достижения разрабатываются каждым педагогом и фиксируются в его *собственной образовательной программе* с учетом принципов партнерства и сотрудничества;

– *отсутствие жесткой регламентации образовательного процесса*, что создает благоприятные условия для творчества, инновации, инициативы, успешности в достижении общезначимой цели, самопроявления, самодеятельности;

– *индивидуальный подход* как признание ценности индивидуального развития, динамики субъективного опыта каждого ребенка и подростка и, соответственно, обеспечение его через *разнообразие и вариативность образовательных услуг*;

– *отсутствие универсальных, единых для всех стандартов* содержания образования, но *подчиненность природе ребенка*, его «нормальному развитию» (В.И. Слободчиков), естественному росту, культурному и личностному становлению;

– доминанта в образовательном процессе установки на *индивидуальный опыт продуктивной деятельности* и *учения* (процесс создания знаний) с учетом свободного выбора, интересов всех участников объединения, но с четким определением ответственности каждого вовлеченного в совместную деятельность, живую коммуникацию и межличностные взаимоотношения;

– организационная форма конкретного объединения (кружок, клуб, театр, мастерская, лаборатория, школа искусств, секция и т.д.) определяется программой педагога, но это всегда *со-бытийная общность* детей разного возраста и взрослых;

– каждое объединение (образовательная программа) инициируется интересом, потребностями, ожиданиями, нуждами детей и подростков, их родителей, но проектируется и развивается в каждом образовательном учреждении от этапа простого «клуба как клубка детской кооперантности» до уровня управляемой педагогом «*кооперативной организованности* и перестает быть только сообществом детей, становясь сообществом детей и взрослых» (С.Т. Шацкий);

– каждый ребенок имеет право заниматься в нескольких объединениях, менять их;

– численный состав объединения, продолжительность занятий, формы их проведения устанавливаются педагогом и утверждаются в учреждении;

– *осуществляется «без каникул»* и без строго фиксированных сроков движения по этапам образовательного процесса.

Именно в системе дополнительного образования детей и молодежи присутствует та атмосфера комфортности и уюта, та самая «ситуация успеха» (по Л.С. Выготскому), партнерские отношения между педагогом и учащимися, которые, несомненно, способствуют гуманизации отношений, воспитанию и гражданскому становлению личности. Такой тип образования представляет собой феномен и процесс свободно избранного ребенком освоение знаний, способов деятельности, ценностных ориентации, направленных на удовлетворение интересов личности, ее самореализации и культурной адаптации, выходящие за рамки стандарта общего образования.

Применительно к организации образовательного пространства в условиях неформального образования важно отметить возможность реализации учащимися установки самопознания в разных видах деятельности, которая носит активно-деятельностный характер, что сопряжено с задачей формирования творческой личности, способной преобразовывать себя и окружающий мир, саморазвиваться и самосовершенствоваться. Как отмечали представители экзистенциального направления гуманистической психологии (Р. Мэй, Дж. Келли, В. Франкл, Дж. Бьюдженталь, Р. Эмонс и др.), сущность приобретается в результате самосозидания, при этом позитивная актуализация является результатом собственного свободного и ответственного выбора [9]. Если сущность обретается посредством свободного выбора, то следует помочь ей сделать этот выбор.

Неформальное образование детей – часть общего образования, позволяющая учащемуся приобрести устойчивую потребность в познании и творчестве, максимально реализовать себя, самоопределиться профессионально и личностно. Пространство дополнительного образования является благоприятным и естественным для саморазвития ребенка. Оно позволяет саморазвиваться личности в том виде деятельности, который соответствует ее направленности, интересам и потребностям, что дает возможность человеку быть успешным, почувствовать себя значимым, поверить в свои возможности и способности.

Неформальное образование дает возможность ребенку почувствовать себя успешным, независимо от наличия академической успеваемости в общеобразовательной школе, что важно с точки зрения психолого-педагогической поддержки учащихся. Возможность заниматься интересным для ребенка видом деятельности с учетом его индивидуальных потребностей и способностей повышает процессуальную мотивацию, мотивацию к успеху. Максимальное использование технологий личностно-ориентированного подхода способствует его высокой востребованности во всем многообразии его направлений [6. С. 47].

Изучая специфику неформального образования, важно остановиться на вопросе ***«Дополнительное образование – дополнительность для человека?»*** Отвечая на этот вопрос, приведем цифры: по оценке ЮНЕСКО, 85% работающего населения приобрели необходимые для работы знания и умения за рамками формального обучения; уже в 2003 г. почти 18% жителей ЕС в возрасте 25–64 лет участвовали в неформальном образовании; в странах Скандинавии (Дания, Швеция, Финляндия) наибольшие показатели по уровню вовлечённости в такой вид вид образования – почти 50% по данным на 2004 г. [Там же].

Неформальное образование детей сегодня приобретает новый статус.

Востребованность неформального образования как важнейшей составляющей образовательного пространства современного российского общества нашла своё отражение в основополагающих документах образовательной политики страны: Национальной доктрине образования в РФ, Федеральной программе развития образования, Концепции модернизации российского

образования, Концепции модернизации дополнительного образования детей Российской Федерации. В соответствии с этими документами, основной целью современного образования является подготовка разносторонне развитой личности в традициях отечественной и мировой культуры, в современной системе ценностей и потребностях современной жизни, способной к активной социальной адаптации в обществе и самостоятельному жизненному выбору, к началу трудовой деятельности и продолжению профессионального образования, к самообразованию и самосовершенствованию. В документах подчеркивается, что организациям дополнительного образования принадлежит особая роль в развитии способностей, социального и профессионального самоопределения детей и молодежи. Кроме того, с каждым годом неуклонно возрастает роль организаций дополнительного образования в обеспечении занятости детей и подростков, организация их социально значимого досуга, профилактике правонарушений, наркомании и других асоциальных проявлений среди несовершеннолетних.

В контексте реализации неформального образования особо востребованными являются проектирование и реализация индивидуальных маршрутов развития учащихся. Не случайно Федеральными государственными стандартами начального общего образования важная роль в воспитании личности отведена внеурочной деятельности. «В целях обеспечения индивидуальных потребностей учащихся учебный план предусматривает время… на введение учебных курсов, обеспечивающих различные интересы учащихся, в том числе этнокультурные; на внеурочную деятельность» [10]. Данный факт еще раз подтверждает, что в современном образовательном пространстве системе дополнительного образования детей отведено особое место.

Занятость детей в сфере неформального образования позволяет решать следующие задачи:

– удовлетворение потребностей, которые могут быть связанными с жизненными планами или обусловлены конкретной ситуацией (интерес, желание обрести друзей, стремление принадлежать к группе и т.д.);

– исполнение заказа (профессионализация, коррекционное обучение и пр.);

– прибавить, присоединить, расширить способности, разнообразные умения, компетентности;

– занять свободное время (хобби, досуг) и тем самым повысить качество жизни, расширить пространство самореализации;

– получить помощь, поддержку в решении своих проблем;

– попробовать себя, реализовать свое решение, осуществить выбор и обрести опыт (проявить субъектность, освоить социальный опыт);

– обрести индивидуальность (добавив возможность быть...).

В содержании нового Закона «Об образовании» (гл. 15, с. 121) указано, что дополнительное образование строится через реализацию дополнительных образовательных программ, которые направлены на развитие личности, ее общей культуры и индивидуальных способностей, освоение социокультурных ценностей, профессиональную ориентацию, организацию творческого труда, содержательного досуга, формирование культуры здорового и безопасного образа жизни, укрепление здоровья. В системе образования эти программы реализуются с учетом возрастных особенностей, интересов, способностей и / или уровня образования и / или профессиональной квалификации обучающихся. Они могут носить общеразвивающий и предпрофессиональный характер и иметь свой перечень направленностей [11].

Образовательные программы дополнительного образования являются средством развития познавательной мотивации, способностей ребенка в процессе совместной добровольной деятельности со сверстниками и взрослыми, активного общения; инструментом целевого развития индивидуальных способностей осваивать (но не усваивать!) социокультурные ценности.

Итак, образовательное пространство неформального образования можно определить как часть социального пространства, главной функцией которого является формирование будущего поколения граждан и обеспечение персонификации развития личности. Как пишут В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев, «личность – это прежде всего персонализованная самоопределившаяся самость среди других, для других и тем самым – для себя. Именно личность есть то, что выражается в индивидуальности, которая раскрывается в самобытном “прочтении” социальных норм, выработке своего мировоззрения, своего “лица”…» [12. С. 340, 341].

Образовательное пространство неформального образования является не только местом получения знаний, оно изменяет отношение человека к природной среде, вырабатывает необходимые социальные нормы поведения.

Анализ психолого-педагогической литературы и теоретическое осмысление опыта, накопленного в деятельности организаций дополнительного образования детей, позволяет характеризовать образовательное пространство неформального образования как специально организованную интегративную среду жизнедеятельности субъектов образовательного процесса, предоставляющую разнообразные варианты и выбор оптимальной траектории саморазвития личности учащихся сообразно их индивидуальным особенностям и потребностям.

Можно предположить, что неформальное образование в современной образовательной системе в РФ представляют максимум условий и возможностей для реализации саморазвития подрастающего поколения. Неформальное образование – инвестиции в человеческий капитал.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фельдштейн Д.И.* Сущностные особенности современного Детства и задачи теоретико-методологического обеспечения процесса образования // Образование и общество. 2009. № 2. С. 14–18.
2. *Эльконин Б.Д.* Кризис детства и основания проектирования форм детского развития // Вопросы психологии. 1992. № 3–4.
3. *Фельдштейн Д.И.* Детство как социально-психологический феномен и особое состояние развития // Вопросы психологии. 1998. № 1. С. 45–48.

4. *Демакова И.Д.* Гуманизация пространства детства: теория и практика. М. : Новый учебник, 2003. 256 с.
5. *Корнето Г.Б.* Цивилизационный подход к изучению всемирного историко-педагогического процесса. М. : ИТПИМИО, 1994. 265 с.
6. *Евладова Е.Б., Логинова Л.Г., Михайлова Н.Н.* Дополнительное образование детей. М. : Изд. центр ВЛАДОС, 2004. 349 с.
7. *Шендерик И.Г.* Образовательное пространство: теоретико-методологический аспект // Образование и наука. Известия УрО РАО. 2001. № 5. С. 38–53.
8. *Ясвин В.А.* Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М. : Смысл, 2001. 365 с.
9. *Фрейджер Р.* Большая книга психологии. Личность. Теории, упражнения, эксперименты. М. : Прайм-Еврознак, 2008. 704 с.
10. *Федеральный* государственный образовательный стандарт начального общего образования (утвержден приказом Минобразования и науки РФ от 06.10.2009 г. № 373). М., 2009.
11. *Федеральный* закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. М., 2012.
12. *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. М. : Школа-Пресс, 1995. 384 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 03 ноября 2014 г.

NON-FORMAL EDUCATION AS INVESTMENT IN HUMAN CAPITAL

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 179-184. DOI 10.17223/15617793/390/30

Ivanova Irina V. Kaluga State University (Kaluga, Russian Federation) E-mail: IvanovaDIV@yandex.ru

Keywords: non-formal education; formal education; informal education; educational space; additional education of children; extracurricular activities.

Features of the development of modern children, a new historical type of childhood, the presence of a "humanitarian crisis" in education actualizes the need to revise the content and organization of the education system. Prospects for the progressive development of the Russian society is largely dependent upon the fullest possible disclosure of creativity and unique individuality of its representatives. Important provisions of the student-centered approach advocates the priority of support to the internal potential of the subject, therefore, to their right to make choices and take responsibility for it. Reflecting on the purposeful, systematic movement towards solving problems of self-development of the younger generation today, scientists place particular emphasis on the implementation of continuing education, which is characterized as: the concept and model of "life-long education for all"; lifelong learning, understood in the framework of the European employment strategy as a comprehensive learning activity undertaken on an ongoing basis with the aim of improving knowledge, skills and professional competence; the process leading to the achievement of the benefits and advantages of economic, social, psychological and educational nature; lifewide learning, which emphasizes not only the constancy of the learning process, but also the diversity of its forms. Components of continuing education are: formal education recognized with diplomas or certificates; non-formal education usually not accompanied by the issuance of a document, which happens in educational institutions or social organizations, clubs and circles, as well as during individual sessions with a tutor or a trainer; informal education which is an individual cognitive activity that accompanies daily life, not necessarily purposeful. Non-formal education of children is a part of general education which allows the student to acquire the stable need for cognition and creativity, to fulfill oneself, to define oneself professionally and personally. Additional education is beneficial and natural for self-development of the child. It allows the self-development of the individual in the form of activity that corresponds to their orientation, interests and needs and enables a person to be successful, feel important, believe in their abilities and capacities. Analysis of psychological and pedagogical literature and theoretical understanding of the experience gained in organizations of additional education of children allows to characterize the educational area of informal education as a specially organized integrative living environment of educational process that provides a variety of options and selection of the optimal trajectory of self-development of students according to their individual characteristics and needs. Demand for non-formal education as an essential component of the educational space of the contemporary Russian society was reflected in the founding documents of the educational policy of the country: the National Doctrine of Education in the Russian Federation, the Federal Program for Educational Development, Concept of Modernization of Russian Education, Concept of Modernization of Additional Education of Children of the Russian Federation. It can be assumed that non-formal education in the modern educational system in Russia represents maximum conditions and opportunities for self-realization of the younger generation. Non-formal education is investment in human capital.

REFERENCES

1. Fel'dshteyn D.I. Sushchnostnye osobennosti sovremennogo Detstva i zadachi teoretiko-metodologicheskogo obespecheniya protsessa obrazovaniya [The essential features of modern childhood and tasks of theoretical and methodological support of education]. *Obrazovanie i obshchestvo*, 2009, no. 2, pp. 14–18.
2. El'konin B.D. Krizis detstva i osnovaniya proektirovaniya form detskogo razvitiya [The crisis of childhood and basis of design of child development forms]. *Voprosy psikhologii*, 1992, no. 3–4.
3. Fel'dshteyn D.I. Detstvo kak sotsial'no-psikhologicheskiy fenomen i osoboe sostoyanie razvitiya [Childhood as a social-psychological phenomenon and a special state of development]. *Voprosy psikhologii*, 1998, no. 1, pp. 45–48.
4. Demakova I.D. *Gumanizatsiya prostranstva detstva: teoriya i praktika* [Humanization of childhood: theory and practice]. Moscow: Novyy uchebnik Publ., 2003. 256 p.
5. Korneto G.B. *Tsivilizatsionnyy podkhod k izucheniyu vsemirnogo istoriko-pedagogicheskogo protsessa* [Civilizational approach to the study of world historical and pedagogical process]. Moscow: ITPIMIO Publ., 1994. 265 p.
6. Evladova E.B., Loginova L.G., Mikhaylova N.N. *Dopolnitel'noe obrazovanie detey* [Additional education of children]. Moscow: VLADOS Publ., 2004. 349 p.
7. Shenderik I.G. Obrazovatel'noe prostranstvo: teoretiko-metodologicheskiy aspekt [Educational space: theoretical and methodological aspects]. *Obrazovanie i nauka. Izvestiya UrO RAO*, 2001, no. 5, pp. 38–53.
8. Yasvin V.A. *Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu* [Educational environment: from modeling to design]. Moscow: Smysl Publ., 2001. 365 p.
9. Frager R. *Bol'shaya kniga psikhologii. Lichnost'. Teorii, uprazhneniya, eksperimenty* [Big Book of psychology. Personality. Theory, exercises, experiments]. Moscow: Praym-Evroznak Publ., 2008. 704 p.
10. Federal State Educational Standard for Primary Education (approved by the Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of 06.10.2009, no. 373). Moscow, 2009. (In Russian).
11. Federal Law "On Education in the Russian Federation" dated December 29, 2012, no. 273-FZ. Moscow, 2012. (In Russian).
12. Slobodchikov V.I., Isaev E.I. *Osnovy psikhologicheskoy antropologii. Psikhologiya cheloveka: Vvedenie v psikhologiyu sub"ektivnosti* [Fundamentals of psychological anthropology. Human psychology: Introduction to the psychology of subjectivity]. Moscow: Shkola-Press Publ., 1995. 384 p.

Received: 03 November 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 185–189. DOI 10.17223/15617793/390/31

УДК 316.6

Н.С. Малинина

РОЛЕВЫЕ ПОЗИЦИИ УЧАСТНИКОВ ГРУППЫ КАК ФАКТОР ПРИНЯТИЯ ГРУППОВОГО РЕШЕНИЯ

Рассматривается проблема факторов группового принятия решений. Приводятся некоторые подходы зарубежных и отечественных исследователей к этой проблеме, а также результаты исследования игровой роли как фактора принятия решений в группе. Делаются выводы о влиянии характера игровой роли на уверенность в правильности принятого решения, его субъективную привлекательность и согласованность индивидуальных и групповых решений. Полученные результаты могут быть использованы в практике принятия групповых решений.

Ключевые слова: принятие решений; принятие решений в группе; факторы и закономерности принятия решения; социальная роль; деловая игра; ролевое поведение.

Изучение группового принятия решений и его закономерностей в социальной психологии имеет долгую историю (Р. Бэрон, Д. Бирн, И. Джанис, Т.В. Корнилова, А.Г. Костинская, Л.В. Мararица, М. Шоу, Дж. Стейссер, Дж. Стоунер, Р. Титус и др.). В ранних зарубежных исследованиях, как правило, сравнивалась скорость решения задач отдельными индивидами и группами. Ключевой вывод, который был сделан здесь, – группы быстрее решают задачи, чем индивиды, работающие по одному. Такая идея группового «превосходства» берет свое начало в классических исследованиях Марджори Шоу (Marjorie Shaw) (1932). В этих исследованиях сравнивались эффективность, успешность решения головоломок группами из четырех человек и отдельными индивидами. Было обнаружено, что в большинстве случаев группы успешнее справлялись с головоломками, чем отдельные индивиды, например один тип предложенных задач смогли правильно решить больше половины групп (60%) и всего 14% индивидов. Было высказано множество предположений для объяснения этого феномена. Одна из популярных точек зрения заключалась в том, что в групповом обсуждении участники исправляют ошибки друг друга, происходит взаимная коррекция ошибок. В группе объединяются ресурсы отдельных участников (знания, навыки), что позволяет решать задачу более успешно по сравнению с тем, когда ее решает один человек. Например, при разгадывании кроссворда участники, объединяя свои знания, разгадают слов больше, чем по одному.

С появлением новых способов сопоставления индивидов и групп, в 50-х гг. XX в. на смену этому оптимизму пришло скептическое отношение к превосходству групповых решений над индивидуальными. Центральным возражением стало то, что такое превосходство не зависит от групповых действий и процессов, а зависит от успешности отдельных участников группы. Если хотя бы один участник в группе знает правильный ответ, то группа сможет решить задачу, если же правильный ответ не знает никто, то, следовательно, в группе или по отдельности задача решена не будет [1].

Еще одной иллюстрацией данного подхода могут служить исследования Стейссера (Stasser) и Титуса (Titus) по изучению влияния совместной и несовместной информации на групповое принятие решений, в которых был открыт эффект совместного знания. Исследователи предлагали группам из 4 человек выбрать одного из трех политических кандидатов, основываясь на предложенной информации о них. В одних группах все участники получали одинаковую информацию, в других информация делилась – часть была доступна всем, а часть знали только некоторые участники. В результате выяснилось, что в группах, где все участники обладали полной информацией, большинство испытуемых предпочитали конкретного кандидата (например, кандидата А). В группах второго типа в начале обсуждения участники придерживались различных точек зрения, и хотя предполагалось, что в процессе дискуссии оптимальность кандидата А станет очевидной для всех участников, этого не происходило. Более того, было выявлено, что обсуждение в группе строилось только на совместной информации, информация отдельных участников сыграла меньшую роль.

Открытый Стейссером и Титусом эффект совместного знания оказался достаточно надежным и проявлялся в последующих экспериментах, однако позднее был выявлен ряд условий, при которых этот эффект угасал. Так, Ларсон (Larson), Фостер-Фишман (Foster-Fishman) и Кейз (Keys) [2] показали, что с увеличением времени обсуждения в группе в ходе дискуссии несовместная информация будет использована с большей вероятностью. В то же время в условиях нехватки времени группа фокусируется на меньшем числе альтернатив и уделяет больше внимания общей информации (Джанис, Карау и Келли). Стеварт (Stewart) и Стассер (Stasser) [Там же] в своих исследованиях продемонстрировали, что назначения ролей, связанных с информационным распределением (например, «вы будете экспертом по кандидату Х»), приводит к дискуссионности несовместной информации, но это происходит только когда роли известны всем членам группы.

Как можно видеть, исследователи эффекта совместного знания стремятся показать, что совместная информация играет центральную роль в групповом принятии решений. Кроме того, они показывают, что совместная информация и совместные представления, как правило, соответствуют друг другу.

В целом в процессе принятия решения группой можно выделить положительные и отрицательные стороны. Американские психологи (Э. Холл, Д. Моу-

тон, Р. Блейк) [3] обнаружили, что обсуждение вопроса в группе порождает в два раза больше идей, чем в ситуации, когда эти же члены группы работают по одному. При этом большей точностью отличаются именно групповые мнения. Это происходит потому, что группа в целом обладает большим количеством знаний, чем один индивид. Однако группа не способствует при принятии решений проявлению творческой индивидуальности её членов. Чаще всего такие творческие порывы подавляются.

По мнению Г. Лебона, в «массе» происходит деинтеллектуализация индивидов, что приводит к тому, что масса не способна к абстрактному мышлению, к суждениям. Массовое мышление характеризуется рядом моментов:

1) образное (в отличие от абстрактного, понятийного, логического) мышление;

2) гипертрофированная (преувеличенная) эмоциональность, односторонность (полярность) чувств;

3) легковерие;

4) коллективные галлюцинации (иллюзии, фантазии) [4].

Следовательно, принятие решения в группе во многом носит эмоциональный, алогичный характер и в значительной мере уступает по качеству индивидуальному.

В группе могут возникать такие эффекты, как деиндивидуализация и диффузия ответственности: это происходит потому, что ни один из членов группы не обладает всей полнотой ответственности за окончательное решение. Ответственность возлагается на всех членов группы. Вследствие этого возникают явления групповой поляризации и сдвига риска. Как показывают исследования [3], групповая дискуссия приводит к более крайним решениям. Так, если члены группы изначально склонялись к консервативным решениям, то после обсуждения их решения становятся еще более консервативными, если участники склонялись к рискованным решениям, то после обсуждения их решения становятся еще более рискованными. Крайние формы групповой поляризации могут приводить к возникновению эффекта «группомыслия» (И. Джанис), симптомами которого являются снижение умственной продуктивности, недостаточный учет реальности и повышение уровня дозволенности при моральной оценке принимаемых решений. При таком способе мышления сохранение единства и солидарности группы является более важным, чем реалистическая оценка возможных альтернатив.

Принимая решения, группа может в течение долгого времени следовать привычным образом. В то же время группа лучше, чем отдельный индивид, может оценить новаторскую идею. Если решение принимается в группе, то возрастает его приемлемость для всех членов группы, они охотнее поддерживают эти решения и побуждают других согласиться с ними. Групповое решение – это вовсе не результат группового компромисса, но оптимальное для всех и каждого члена группы решение.

Таким образом, для зарубежной социальной психологии в изучении группового принятия решений и его закономерностей характерно несколько этапов, имеющих как оптимистическую, так и скептическую направленность. В настоящее время исследования продолжаются и не теряют своей актуальности.

В отечественной психологии принятие решения рассматривается в контексте познавательных процессов: мышления, памяти, внимания, а также решения конкретных поставленных задач (В.В. Брофман, И.А. Васильев, Л.Л. Гурова, Ю.Б. Дормашев, Т.П. Зинченко, Ю.А. Индилин, В.Б. Коренберг, А.М. Матюшкин, И.К. Орлов, Е.В. Печенкова, В.Я. Романов, Е.Б. Старовойтенко, М.В. Фаликман). Т.В. Корнилова в своих исследованиях рассматривает «личностные факторы», мотивационную регуляцию принятия решения, а также влияние фактора субъективного риска на процесс принятия решения и его эффективность. Достаточно широко представлены исследования в рамках организационной психологии и психологии труда по принятию решений представителями различных профессий, отдельное место занимает принятие управленческих решений (А.В. Пилипенко, С.А. Соколов, Ю.В. Спиридонов, В.Н. Степаносов, Р.С. Субботин, А.В. Тарасенко, А.В. Тимошков). Ряд исследований посвящен изучению группового принятия решения. В работах А.Г. Костинской изучаются социально-перцептивные процессы при принятии решения в группе. Л.В. Марарица исследовала когнитивные эффекты принятия решения в группе. Однако факторы, оказывающие влияние на групповые решения, изучены недостаточно.

На наш взгляд, в качестве фактора группового принятия решения может выступать ролевая позиция участников. Понятие социальной роли было введено в научный оборот в 20–30-е гг. XX в. американскими исследователями Д. Мидом и Р. Линтоном и определялось как «динамический аспект статуса». Здесь под статусом понималась какая-либо социальная позиция личности, а под ролью – определенная демонстрация этой позиции.

В настоящее время в интерпретации понятия «социальная роль» существуют заметные расхождения между исследователями. Одно из определений дает А.Л. Свенцицкий [3]. Он рассматривает роль как нормативную систему действий, ожидаемых от индивида, в соответствии с его социальной позицией (положением). Следовательно, роль обусловливается конкретным местом человека в структуре социальных связей и в определенной степени не зависит от его индивидуально-психологических свойств.

Наличие социальных ролей и их значимое влияние на поведение индивида в различных ситуациях были доказаны экспериментально в ряде исследований. Среди них широко известные эксперименты Ф. Зимбардо («тюрьма» с «заключенными» и «охранниками»), И. Джаниса по изменению социальных установок, И. Джаниса и Л. Манна с целью побудить студентов к отказу от курения и ряд других.

Таким образом, исследования показывают, что социальная роль оказывает большое влияние на поведение человека в различных ситуациях независимо от его личностных характеристик и особенностей. Мы предположили, что ролевая позиция и ее характер будут оказывать влияние на процесс принятия решения в группе и его закономерности.

Целью нашего исследования было изучить влияние предписанной участникам социальной (игровой) роли в экспериментальной ситуации на степень согласованности группового решения с индивидуальным, а также на уверенность в правильности и привлекательность принятого решения.

В качестве экспериментальной ситуации испытуемым была предложена разработанная нами деловая игра «Кадровый вопрос». Согласно гипотезе игры молодой специалист, девушка (Алина), столкнулась с неприятностями на работе, ее хотят уволить, хотя объективных причин для этого нет, ситуация усложняется тем, что в роли работодателя девушки выступают несколько организаций. Для рассмотрения испытуемым предлагался пакет документов. Пакет включал в себя основную информацию, в которую вошли официальные протоколы заседания Комиссии по трудовым спорам относительно всех участников игровой спорной ситуации, нормативные документы – некоторые статьи Трудового кодекса РФ, и дополнительную информацию (рекламные и социальные листовки, частные расследования журналистов и др.). Всем испытуемым предлагался одинаковый пакет материалов для обсуждения, отличия заключались в предлагаемой инструкции. Части испытуемых предлагалось выступить в роли друзей Алины и дать девушке дружеский совет, как разобраться в сложившейся ситуации. Вторая часть испытуемых играла роль членов специальной комиссии, занимающейся рассмотрением трудовых споров. Комиссия должна рассмотреть сложившуюся ситуацию и вынести решение по делу.

Выбор таких ролей не случаен, так как игровая роль «Друзей» будет знакома большинству испытуемых (студентам), она есть в их опыте и, следовательно, будет вызывать актуализацию эмоционального опыта участников, решение будет приниматься интуитивно, на эмоциональном уровне, к тому же эта роль не предполагает конкретики и четкости, участникам нужно поддержать подругу, дать эмоциональный отклик. Роль участников «Комиссии», напротив, является нетипичной для большинства испытуемых, содержит элементы новизны и неопределенности, следовательно, требует поиска новых подходов к решению и решения на интеллектуальном уровне, к тому же сам формат работы «Комиссии по трудовым спорам» предполагает строгую, официальную обстановку, ориентирован на рациональность и расчет. Кроме того, различия между двумя выбранными ролями будут в предполагаемом уровне ответственности. Так, роль участников «Комиссии» накладывает на испытуемых определенную ответственность, в том числе «профессиональную», в случае с дружеской позицией она в большей степени объединяет, сплачивает участников, во многом деперсонифицируя при этом индивидуальную ответственность. Мы предположили, что согласованность группового решения с индивидуальными решениями членов группы будет выше у «Друзей», чем у членов «Комиссии», также у «Друзей» будут преобладать компромиссные решения, и они в большей степени будут удовлетворены совместным решением.

В ходе исследования решение предъявленной задачи предполагало несколько этапов. Сначала участники знакомились с предложенными документами и материалами, затем каждый участник индивидуально принимал решение и оценивал его. На втором этапе участники совместно обсуждали ситуацию и принимали групповое решение. В ходе эксперимента испытуемым было предложено оценить принятые решения с точки зрения их правильности и субъективной привлекательности для испытуемых. По окончании игры участникам предлагалось заполнить анкету обратной связи, состоящую из 9 вопросов.

Ответы испытуемых фиксировались в специальных бланках. При обработке результатов исследования сравнивались индивидуальные и групповые решения с точки зрения их совпадения, степень согласованности решений выражалась в процентах. Также сравнивались оценки привлекательности и уверенности в правильности принятого решения до и после группового обсуждения.

В качестве испытуемых выступили студенты вузов в возрасте от 17 до 25 лет. В исследовании приняли участие 122 человека (33 мужчины и 89 женщин). Было образовано 30 групп по 3–5 человек, из них 15 групп (61 человек) получили роль «Друзей» и столько же – роль членов «Комиссии».

Рассмотрим полученные в экспериментальном исследовании результаты.

Выяснилось, что индивидуальные решения испытуемых в разной мере совпадали с групповым решением (табл. 1).

Таблица 1

Совпадение группового решения с индивидуальными решениями участников

Степень совпадения	«Комиссия», %	«Друзья», %
Высокая	47,5	42,6
Средняя	6,6	21,3
Низкая	45,9	36,1

Как видно из табл. 1, среди представителей «Комиссии» чаще встречаются крайние варианты согласованности – высокая и низкая, среди «Друзей» довольно часто встречается средняя степень. Такие различия оказались статистически значимыми ($\varphi^* = 2{,}4$, при $p \geq 0{,}01$). Следовательно, «друзья» чаще принимали компромиссные решения, включающие в себя фрагменты индивидуальных решений, так как для них важно сохранить, учесть мнение каждого, каждому поучаствовать в решении проблемы. Участники «Комиссии» поступали иначе: либо их мнения совпадали и они принимали единое общее решение, либо вырабатывали новое, не придерживаясь своих первоначальных решений.

Также было проанализировано соответствие группового решения мнению каждого участника. Тем самым выявлялось, кто из участников скорее всего оказал влияние на групповое решение (табл. 2).

Таблица 2

Соответствие группового решения индивидуальным мнениям участников (по группам)

Степень соответствия	«Комиссия», %	«Друзья», %
Групповое решение полностью совпадает с решением хотя бы одного участника группы	46,7	26,7
Групповое решение частично совпадает с решением хотя бы одного участника группы	53,3	66,7
Групповое решение не совпадает с личными решениями участников группы	0	6,7

Как видно из табл. 2, среди представителей «Комиссии» чаще встречается ситуация, когда индивидуальное решение одного или нескольких участников становится групповым. Получается, что один или несколько участников склоняют на свою сторону остальных испытуемых. Среди «Друзей» это происходит реже, «Друзья» чаще прибегают к компромиссным решениям. Однако эти различия оказались не значимыми статистически. Также среди «Друзей» оказалась одна группа, в которой групповое решение не совпадало с индивидуальными решениями членов группы, что несколько не согласуется с полученными ранее данными и дает основания для дальнейшего исследования этого феномена.

Кроме того, в ходе исследования сравнивалась степень уверенности индивидов в правильности принятого решения до и после группового обсуждения. Для этого испытуемым было предложено индивидуально оценить степень уверенности в правильности принятого решения (индивидуального и группового) по шкале от 0 до 100%. Полученные результаты представлены в табл. 3.

Таблица 3

Влияние игровой роли на изменение уверенности в правильности принятого решения в результате группового обсуждения

Изменение уверенности в правильности принятого решения	«Комиссия», %	«Друзья», %
Повысилась	32,8	42,6
Не изменилась	41	32,8
Понизилась	26,2	24,6

Как видно из табл. 3, среди «Друзей» уверенность в правильности принятого решения после группового обсуждения повышалась чаще, чем среди представителей «Комиссии» (42,6 против 32,8% соответственно). Следовательно, «Друзья» в большей степени доверяют совместному решению, чем своему собственному, что не является характерным для представителей «Комиссии». Однако эти различия оказались статистически не значимыми, что позволяет наметить тенденции, а также обосновать необходимость их дальнейшего исследования.

Еще одним исследуемым параметром в нашем исследовании стала привлекательность для испытуемых принятого решения. Для этого участникам эксперимента было предложено выбрать цветовую ассоциацию для принятого решения до и после группового обсуждения, в качестве стимульного материала использовался набор цветовых карточек методики М. Люшера. При обработке результатов сравнивались ранги выбираемых цветов в индивидуальной раскладке испытуемого. В результате были получены следующие показатели (табл. 4).

Таблица 4

Влияние игровой роли на субъективную привлекательность принятого решения

Изменение ранга цвета в результате группового обсуждения	«Комиссия», %	«Друзья», %
Повысился	19,7	36,1
Не изменился	32,8	26,2
Понизился	47,5	37,7

Из табл. 4 видно, что привлекательность группового решения в отличие от индивидуального среди членов «Комиссии» чаще снижалась (47,5% против 37,7%), а среди «Друзей», наоборот, повышалась (36,1% против 19,7%). Эти различия оказались статистически значимыми ($\varphi^* = 2{,}04$). Следовательно, можно сделать вывод, что «друзья» не только меньше разочаровывались в совместных решениях, но и воспринимали их более приятными и более привлекательными, чем члены «Комиссии». Эти результаты согласуются с предыдущими выводами, компромиссное решение группы оказывается более привлекательным для ее участников, чем решение, принятое без учета индивидуальных мнений.

Таким образом, можно сделать вывод, что принятие группового решения и его характер зависят от влияния различных факторов, таких как эффект объединения знаний (М. Шоу), эффект совместной информации (Дж. Стейссер и Р. Титус), поляризация и сдвиг риска (Дж. Стоунер), массовое мышление (Г. Лебон), «группомыслие» (И. Джанис). Как показало наше исследование, на принятие решения в группе также оказывает влияние характер социальной (игровой) роли. В частности, группы испытуемых, выступавших в роли «Друзей», чаще принимают компромиссные решения, содержащие элементы индивидуальных решений участников, «Друзья» оценивают совместное решение как более привлекательное, а также уверены в его правильности. Для участников «Комиссии» характерно проявление групповых феноменов, таких как лидерство и влияние меньшинства на большинство, когда мнение одного или нескольких человек становится решением группы. Привлекательность и уверенность в правильности таких решений оцениваются ниже, чем среди представителей «Друзей».

Как показали результаты исследования, процесс группового решения может быть управляемым, на его исход оказывают влияние отношение участников обсуждения к предмету дискуссии, их ролевая позиция. В случае с ролью «Друзей» компромиссное решение

будет отражать мнение большинства и ценностные, эмоциональные аспекты обсуждаемой ситуации, в случае «Комиссии» решение будет зависеть от мнения меньшинства и формальных аспектов. Кроме того, в первом случае вероятность выполнения принятого решения всеми членами группы будет выше, во втором – возможно внутреннее несогласие отдельных участников и попытки с их стороны изменить принятое решение или саботировать его выполнение. Такие выводы важны для анализа работы различных комиссий, члены которых впоследствии сами задействованы в реализации принятых решений (профсоюзы, депутаты, консилиумы и др.). Гипотеза исследования подтвердилась частично, некоторые из выявленных закономерностей представлены в тенденции и требуют дальнейшего изучения. Полученные результаты могут быть использованы в практике принятия групповых решений для оценки характера принятого решения с учетом особенностей социальной или играемой роли участников группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Stasser G., Dietz-Uhler B.* Collective Choice, Judgment, and Problem Solving // Blackwell Handbook of Social Psychology: Group Processes. Blackwell Publishers Ltd., 2003. P. 31–55.
2. *Tindale R.S., Meisenhelder H.M., Dykema-Engblade A.A., Hogg M.A.* Shared Cognition in Small Groups // Blackwell Handbook of Social Psychology: Group Processes. Blackwell Publishers Ltd. 2003. P. 1–30.
3. *Свенцицкий А.Л.* Социальная психология. М. : Проспект, 2009. 336 с.
4. *Семечкин Н.И.* Социальная психология на рубеже веков: истории, теория, исследования. Владивосток : Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2003. 133 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 05 ноября 2014 г.

THE PROBLEM OF EFFICIENCY OF GROUP DECISION-MAKING

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 185-189. DOI 10.17223/15617793/390/31

Malinina Nataliia S. Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: malin1313@mail.ru

Keywords: decision-making; decision-making group; efficiency of group decision-making; decision-making factors of efficiency; social role; role behavior.

The article is devoted to studying the efficiency of group decision-making. There were examined foreign and domestic authors' works. Although it is noticed that the study of the efficiency of decision-making in foreign social psychology (Marjorie Shaw, Stasser, Titus, Larson, Foster-Fishman, Keys, Stewart and others) passed through several stages, both optimistic and skeptical, it does not lose its topicality in the present time. For domestic psychology other ways are specific for solving the problem of the efficiency of decision-making. For example, some works are devoted to the efficiency of managerial decision-making (A.V. Pilipenko, S.A. Sokolov, Yu.V. Spiridonov, V.N. Stepanosov, R.S. Subbotin, A.V. Tarasenko, A.V. Timoshkov and others). In the article factors are designated that affect the efficiency of decision-making in a group. For example, such factors as the effect of knowledge combining (M. Show), the effect of joint information (G. Steysser and R. Titus), polarization and risky shift (G. Stouner), mass thinking (G. Lebon), "groupthink" (I. Janice), personality factors (T.V. Kornilova), social-perceptual processes (A.G. Kostinskaya), cognitive effects (L.V. Mararitsa). The author's own results of an experimental research of the efficiency of group decision-making are presented. The aim of the study was to identify the nature of game effect on the efficiency of group decision-making. The research was in the form of a business game "Personnel issue". The experiment involved 122 people (33 men and 89 women) aged 17 to 25. There were 30 small groups of 3 to 5 people. The participants were divided into two broad categories depending on the instructions of the experimenter, who offered them to play one of two roles – the role of close friends or the role of members of the Commission on labor disputes. The experiment examined the consistency of group decision with the viewpoints of individual members of the group depending on the game role. There was examined the dependence of the confidence of each member of the group in the correctness of the decision, as well as the dependence of subjective appeal of the decision on the role given by the experimenter. The results indicate the presence of such a dependence. However, some results need further experimental verification. Finally, the consistency of group decision with the viewpoints of individuals, as well as confidence in the correctness and appeal of the decision depending on the game role of the group members was experimentally proved. It is concluded that the role played by individuals also affects the efficiency of the group decision.

REFERENCES

1. Stasser G., Dietz-Uhler B. *Collective Choice, Judgment, and Problem Solving*. In: *Blackwell Handbook of Social Psychology: Group Processes*. Blackwell Publishers Ltd., 2003, pp. 31–55.
2. Tindale R.S., Meisenhelder H.M., Dykema-Engblade A.A., Hogg M.A. *Shared Cognition in Small Groups*. In: *Blackwell Handbook of Social Psychology: Group Processes*. Blackwell Publishers Ltd., 2003, pp. 1–30.
3. Sventsitskiy A.L. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow: Prospekt Publ., 2009. 336 p.
4. Semechkin N.I. *Sotsial'naya psikhologiya na rubezhe vekov: istorii, teoriya, issledovaniya* [Social psychology at the turn of the century: history, theory, research]. Vladivostok: Far Eastern University Publ., 2003. 133 p.

Received: 05 November 2014

УДК 372.879.6: 618.2-083

С.Н. Неупокоев, Л.В. Капилевич, А.В. Кабачкова, Е.В. Лосон, О.В. Достовалова

ХАРАКТЕРИСТИКИ СИСТЕМЫ ВНЕШНЕГО ДЫХАНИЯ ПРИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УДАРНЫХ БАЛЛИСТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ У БОКСЕРОВ СТАРШИХ РАЗРЯДОВ

Исследуются показатели системы внешнего дыхания при совершенствовании ударов с различным типом мышечного напряжения. Показано, что применение средств, ограничивающих нагрузку на кисть (боксерских перчаток), способствует оптимизации характера мышечного напряжения при совершенствовании акцентированных ударов в боксе. Отмечено, что удары баллистического типа наиболее экономичны. Это выражается в увеличении электрической активности мышц, непосредственно участвующих в обеспечении силы и скорости удара, и снижении электрической активности их антагонистов, что способствует минимальному снижению показателей дыхательной системы после выполнения тестирующей нагрузки.

Ключевые слова: бокс; система внешнего дыхания; баллистические ударные движения; межмышечная координация; спортивная подготовка.

Введение

При выполнении скоростно-силовых движений показатели системы внешнего дыхания зависят от мощности мышечной работы [1]. В то же время несоответствие между состоянием дыхательной системы и мощностью мышечного напряжения при выполнении движений приводит к трахеальным звукам при выдохе [2]. Активность дыхательных мышц при этом не увеличивается, но значительно повышается нагрузка на систему дыхания [3]. Анализ научно-методической литературы по боксу свидетельствует, что определенная согласованность движений мышц туловища и рук обеспечивает увеличение силы удара боксера [4]. По мнению специалистов, ее возрастание обеспечивается вращательно-поступательным движением туловища и ударным движением руки к цели.

Вращательно-поступательное движение туловища во многом влияет на увеличение скорости ударного движения, повышает эффективность удара. Для повышения силы удара существенное значение имеет движение таза по отношению к плечевому поясу, что приводит к предварительному растяжению мышц туловища и способствует активному их сокращению, а также включению этих мышц в ударное движение [5]. Многие авторы отмечают, что в ударных движениях баллистического типа мышцы плеча не разгоняют ударное звено (кисть), а лишь поддерживают его скорость по инерции на определенном уровне. Мышцы-антагонисты в процессе выполнения ударов подобного типа расслаблены и имеют низкую электрическую активность. Таким образом, исследователи считают баллистический тип мышечного напряжения наиболее экономичным [6, 7].

Болевые воздействия в области кисти при ее соударении со спортивным снарядом способны менять тип мышечного напряжения при совершенствовании ударных действий. При движении руки в этом случае в большей степени задействуются мышцы-антагонисты, что вызывает излишнее мышечное напряжение, которое существенно снижает различные показатели дыхательной системы [8].

Целью нашего исследования являлся анализ показателей системы внешнего дыхания при совершенствовании ударных движений баллистического типа у боксеров.

Методы исследования

Спирография. Определение показателей системы дыхания проводилось на аппаратно-программном комплексе «Валента». Спирографическое исследование проводилось до и после тестирующего задания. Определялись показатели жизненной емкости легких (ЖЕЛ), объема форсированного выдоха за 1 с ($ОФВ_1$), дыхательного объема (ДО). Минутный объем дыхания (МОД) рассчитывался произведением дыхательного объема на частоту дыхания (ЧД). Исследование проводилось на базе лаборатории функциональной диагностики Национального исследовательского Томского государственного университета.

Электромиография. С помощью нейромиоанализатора НМА-4-01 «Нейромиан» нами регистрировались показатели двуглавой мышцы плеча, трехглавой мышцы плеча, межреберных мышц и наружной косой мышцы живота при выполнении ударных действий правой рукой. Исследование проводилось на базе лаборатории функциональной диагностики Томского НИИ курортологии и физиотерапии ФМБА.

Полученные данные были представлены в виде «среднее ± ошибка среднего» ($X \pm m$).

Объект исследования

Исследование выполнялось на базе спортивной секции по боксу Томского государственного архитектурно-строительного университета, были обследованы 22 спортсмена старших разрядов в возрасте 18–23 лет. Были сформированы две группы: экспериментальная группа состояла из 11 человек (4 боксера КМС, 7 боксеров 1-го разряда); контрольная группа состояла из 11 человек (4 боксера КМС, 7 боксеров 1-го разряда).

Боксерам обеих групп было предложено наносить одиночный прямой удар правой рукой в голову из боевой стойки по боксерскому мешку в течение раунда (3 мин) с установкой на максимальную силу и скорость. Спортсмены экспериментальной группы наносили удары в боксерских перчатках (10 унций), а

спортсмены контрольной группы – в снарядных перчатках, предназначенных для совершенствования ударных действий на боксерских снарядах.

Результаты исследования

На начальном этапе исследования не было зафиксировано достоверно значимых различий в показателях системы внешнего дыхания между экспериментальной и контрольной группами у спортсменов различной квалификации в состоянии покоя (табл. 1).

В величине ЖЕЛ мы не отметили статистически значимых различий на всех этапах исследования между различными группами у боксеров КМС. Это позволяет предположить, что грудная клетка спортсменов данной квалификации обладает достаточной эластичностью для эффективной работы в зоне субмаксимальной мощности. В величинах ДО, зафиксированных после выполнения тестирующей нагрузки, мы также не обнаружили достоверно значимых различий между экспериментальной и контрольной группами. В то же время показатели, зафиксированные после нагрузки в экспериментальной группе, на 33,9% превосходили значения покоя, тогда как в контрольной группе аналогичное превосходство составляло 48,3%. Это позволяет сделать предположение об экономичности работы дыхательной системы у спортсменов экспериментальной группы. Об этом свидетельствуют меньшие объемы дыхательного цикла, отмеченные после выполнения мышечной работы в тестирующем задании (табл. 1).

Таблица 1

Спирографические показатели у спортсменов старших разрядов при совершенствовании ударных действий правой рукой, использующих различные средства предупреждения травматизма кисти, X ± m

Показатель	Контроль		Эксперимент	
	Покой	Нагрузка	Покой	Нагрузка
Боксеры КМС				
ЖЕЛ (л)	5,8±0,3	5,4±0,4	5,8±0,2	5,7±0,1
ДО (мл)	725±34,3	1075±57,6#	737,5±23,1	987,5±32,3#
$ОФВ_1$(л)	4,7±0,03	3,3±0,02#	4,8±0,02	4,3±0,01*
ЧД(раз/мин)	11,3±2,03	26,8±2,35#	11,3±2,01	21,5±2,42#
МОД (л/мин)	8,2±1,41	28,8±3,02##	8,3±1,19	20,7±1,01*#
Боксеры 1-го разряда				
ЖЕЛ (л)	5,7±0,2	5,2±0,3	5,6±0,2	5,3±0,2
ДО (мл)	671,4±20,1	1050±31,3#	671,4±20,4	828,6±22,4 *#
$ОФВ_1$(л)	4,7±0,01	3±0,02#	4,7±0,02	4,1±0,02 *
ЧД (раз/мин)	12±1,22	29,9±2,02#	12±1,03	23,6±1,11 *#
МОД (л/мин)	8±1,03	31,4±2,51##	8,1±1,16	22,5±1,64 *#

* Сравнение полученных данных с соответствующими значениями у контрольной группы спортсменов, P<0,05; # Сравнение полученных данных нагрузки относительно уровня покоя, P<0,05; ## P<0,01.

Величина $ОФВ_1$ после нагрузки у спортсменов экспериментальной группы превосходила уровень контроля на 30,3%. При сравнении результатов после нагрузки относительно значений, зафиксированных в покое, было отмечено, что в экспериментальной группе эти показатели не имели достоверно значимых различий. В контрольной группе значения показателей, зафиксированных после нагрузки, были ниже значений, отмеченных в покое, на 42,4%. Данный факт свидетельствует о существенном снижении скорости форсированного выдоха в контрольной группе, выполняемом после тестирующей нагрузки. Это может быть связано с большей степенью утомления после мышечной работы, так как в двигательное действие вовлекаются мышечные группы-антагонисты, которые уменьшают его скоростные и силовые возможности. Это свидетельствует о явном нарушении двигательной координации при выполнении ударных движений (табл. 1).

В величинах ЧД, зафиксированных после нагрузки, не было статистически значимых различий между экспериментальной и контрольной группами. В то же время показатели частоты дыхания после тестирующего задания превосходили значения результатов покоя на 90,3% в экспериментальной группе, а в контрольной – на 137,2%. Это позволяет предположить, что ударные действия спортсменов экспериментальной группы выполнялись более экономично. Об этом свидетельствует меньшая нагрузка на систему внешнего дыхания при выполнении мышечной работы в экспериментальной группе (табл. 1).

Значения показателей МОД, зафиксированные после нагрузки у спортсменов экспериментальной группы, были ниже контрольных значений на 28,1%. При сравнении результатов после нагрузки с показателями покоя было отмечено, что в экспериментальной группе значения после нагрузки превосходили уровень покоя на 149,4%, а в контрольной группе – на 251,2%. Это позволяет предположить о большей экономичности работы в экспериментальной группе, исходя из анализа показателей ЧД и ДО (табл. 1).

Значения показателей ЖЕЛ у спортсменов 1-го разряда не различались до и после нагрузки. Значения показателей ДО, полученные после нагрузки, в экспериментальной группе были ниже аналогичных результатов контроля на 21,1%. В то же время значения показателей, зафиксированные после нагрузки в экспериментальной группе, превышали уровень покоя на 23,4%, тогда как в контрольной группе результаты, полученные после тестирующего задания, были выше исходных значений на 56,4% (табл. 1).

Значения показателей $ОФВ_1$, зафиксированные у спортсменов экспериментальной группы после выполнения ударных действий, превышали контроль-

ные значения на 36,7%. При сопоставлении показателей после нагрузки с уровнем покоя было отмечено, что в экспериментальной группе данные результаты не изменились. В контрольной группе аналогичные результаты существенно снизились и были меньше показателей, полученных в покое, на 56,7%. Значения показателей ЧД, полученных после тестирующей нагрузки, в экспериментальной группе были ниже контрольных на 21,1%. При сравнении показателей после нагрузки с уровнем покоя мы отметили, что результаты, зафиксированные после нагрузки в экспериментальной группе, превосходили значения, отмеченные в покое, на 96,7%. Аналогичные значения группы контроля превосходили показатели, зафиксированные до начала исследования, на 149,2%. Данные показателей МОД в экспериментальной группе после нагрузки были ниже контрольных значений на 28,3%. При сравнении результатов нагрузки относительно уровня покоя в экспериментальной группе отмечено увеличение на 177,8%, а в контрольной – на 292,5% (табл. 1).

При анализе показателей электромиографических исследований было показано, что у боксеров КМС экспериментальной группы средняя амплитуда биоэлектрической активности двуглавой мышцы плеча была ниже контрольного значения на 57,4%, а частота осцилляций уступала показателю контроля на 44,2%. Величина средней амплитуды осцилляций трехглавой мышцы плеча была выше контрольных значений на 31,5%. Частота осцилляций у спортсменов экспериментальной группы была выше контрольной величины на 69,1%. Показатели средней амплитуды и частоты осцилляций межреберных мышц в экспериментальной группе превышали контрольные значения на 29,8 и 38,1% соответственно. Величина средней амплитуды осцилляций наружной косой мышцы живота у спортсменов экспериментальной группы превышала контрольные значения на 24%, а частота осцилляций была выше уровня контроля на 102,2% (табл. 2).

Таблица 2

Показатели электрической активности мышц, участвующих в выполнении ударных действий правой рукой, у спортсменов, использующих различные средства предупреждения травматизма кисти, X±m

Группа	Группы мышц	Боксеры 1-го разряда		Боксеры КМС	
		Средняя частота, Гц	Средняя амплитуда, мкв	Средняя частота, Гц	Средняя амплитуда, мкв
Эксперимент	Двуглавая мышца плеча	6,70±1,21	522,79±54,70*	6,12±0,31	419,52±27,80*
	Трехглавая мышца плеча	19,17±2,37	1161,31±17,03	22,41±1,49	1383,81±15,54*
	Межреберные мышцы	24,13±1,72	1095,06±24,03*	27,85±1,67	1224,37±26,21*
	Наружная косая мышца живота	14,12±3,11	1190,71±42,21*	25,33±2,75	1285,50±11,22*
Контроль	Двуглавая мышца плеча	11,46±1,19	1021,98±27,36	10,96±1,94	985,15±48,64
	Трехглавая мышца плеча	7,85±1,11	1034,60±17,44	13,25±1,65	1052,58±13,27
	Межреберные мышцы	16,00±1,47	776,12±32,15	20,16±0,71	943,60±21,09
	Наружная косая мышца живота	4,92±0,59	880,58±39,36	12,53±1,18	1036,43±20,14

* Сравнение полученных данных с соответствующими значениями у контрольной группы спортсменов, $P < 0,05$.

У спортсменов 1-го разряда амплитуда биоэлектрической активности двуглавой мышцы плеча в экспериментальной группе была на 48,8% ниже (табл. 2), чем в контрольной, а частота осцилляций была ниже на 41,5%. Величина средней амплитуды осцилляций трехглавой мышцы плеча в экспериментальной и контрольной группах статистически не отличалась, в то время как частота осцилляций превышала данные контроля на 144,2%. Средняя амплитуда биоэлектрической активности межреберных мышц у спортсменов экспериментальной группы превышала контрольные значения на 41,1%, а частота осцилляций – на 50,8%. Величина средней амплитуды наружной косой мышцы живота у спортсменов экспериментальной группы была достоверно выше контрольных значений на 35,2%, а частота осцилляций превысила уровень контроля на 187% (табл. 2).

Выводы

1. Средства, ограничивающие нагрузку на кисть при совершенствовании ударов на боксерских снарядах (боксерские перчатки), способствуют формированию двигательного стереотипа, который наиболее эффективен и экономичен при выполнении ударных действий в боксе.

2. Ударные движения баллистического типа оказывают минимальное воздействие на систему внешнего дыхания спортсменов, что позволяет увеличивать интенсивность тренировочных нагрузок в процессе спортивной подготовки.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лысенко С.Г.* Адаптация внешнего дыхания к физическим нагрузкам / С.Г. Лысенко, О.А. Баев // Вестник Луганского национального университета им. Т.Г. Шевченко. 2009. № 2 (165). С. 79–85.

2. *Любимов Г.А.* Оценка интенсивности трахеальных звуков форсированного выдоха / Г.А. Любимов, И.М. Скобелева, А.И. Дьяченко и др. // Физиология человека. 2013. Т. 39, № 1. С. 126–134.
3. *Баранова Е.А.* Влияние физической нагрузки на показатели легочной вентиляции у спортсменов / Е.А. Баранова, Л.В. Капилевич // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 152–155.
4. *Градополов К.В.* Бокс : учеб. М. : Инсан, 2010. 320 с.
5. *Хусяйнов З.М.* Бокс. Техника и тренировка акцентированных и точных ударов / З.М. Хусяйнов, О.В. Меньшиков, А.И. Гаракян. М. : Физкультура и спорт, 2007. 192 с.
6. *Филимонов В.И.* Бокс и кикбоксинг. Обучение и тренировка : учеб.-метод. пособие / В.И. Филимонов, С.Ш. Ибраев. М. : Инсан, 2012. 528 с.
7. *Филимонов В.И.* Современная система подготовки боксеров . М. : Инсан, 2009. 480 с.
8. *Неупокоев С.Н.* Влияние болевых воздействий на функциональные показатели мышц плеча и бедра при совершенствовании ударных баллистических движений у боксеров старших спортивных разрядов / С.Н. Неупокоев, Ю.П. Бредихина, Н.З. Павлов // Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием им. В.С. Пирусского. 2014. С. 170–174.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 24 ноября 2014 г.

CHARACTERISTICS OF EXTERNAL RESPIRATION IN IMPROVING BALLISTIC STRIKES OF BOXERS OF HIGHER DEGREE

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 190-193. DOI 10.17223/15617793/390/32

Neupokoev Sergey N. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: repaov@mail.ru
Kapilevich Leonid V. Tomsk State University, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kapil@yandex.ru
Kabachkova Anastasia V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avkabachkova@gmail.com
Loson Elena V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: evl@sibmail.com
Dostovalova Olga V. Tomsk Research Institute of Balneology and Physiotherapy (Tomsk, Russian Federation). E-mail: prim@niikf.tomsk.ru

Keywords: boxing; system of external respiration; ballistic strikes; intermuscular coordination; sports training.

When performing power-speed movements, external respiration rates depend on the power of muscular work. At the same time, the discrepancy between the condition of the respiratory system and the capacity of muscle tension when performing movements leads to tracheal sounds during exhalation. Respiratory muscle activity is not increased, but the load on the respiratory system increases greatly. Analysis of the scientific and methodological literature on boxing shows that a certain consistency of movements of muscles of the trunk and arms provides increased power of the boxer. According to experts, it is provided by the increase in the rotational-translational motion of the trunk and the striking movement of the arm to the target. We investigated the performance of external respiration in improving strokes with different types of muscular tension. The value of FEV1 after exercise of athletes in the experimental group was superior to the control level by 30.3 %. When comparing the results after the load with respect to the values recorded at rest, it was noted that in the experimental group these indices were not significantly different. In the control group all the parameters recorded after the load were lower than the values at rest by 42.4 %. This fact indicates an essential decrease in the rate of forced expiratory volume in the control group carried out after the test load. This may be due to the greater degree of fatigue after muscular work, as the motor action involved muscle groups – antagonists which reduce its speed and power capabilities. This represents a clear violation of motor coordination when performing strikes. It is shown that the use of tools that limit the load on hands (boxing gloves) helps to optimize the nature of muscular tension in improving accented strikes. It is noted that ballistic strikes are most economical. This results in an increase in electrical activity of the muscles directly involved in providing force and reducing the impact speed and the electrical activity of the antagonists, which promotes the minimum reduction of the respiratory system indicators after the test load. The results lead to the following conclusions: 1. Tools limiting the load on hands when improving strikes in boxing (boxing gloves) promote the formation of a movement pattern which is most effective and economical when striking in boxing. 2. Ballistic strikes have a minimal impact on the system of external respiration of athletes, which allows to increase the intensity of training loads during sports training.

REFERENCES

1. Lysenko S.G., Baev O.A. Adaptatsiya vneshnego dykhaniya k fizicheskim nagruzkam [Adaptation of external respiration to physical stress]. *Vestnik Luganskogo natsional'nogo universiteta im. T.G. Shevchenko*, 2009, no. 2 (165), pp. 79–85.
2. Lyubimov G.A., Skobeleva I.M., D'yachenko A.I. Estimation of tracheal sound intensity during forced expiration. *Fiziologiya cheloveka – Human Physiology*, 2013, vol. 39, no. 1, pp. 126–134. (In Russian).
3. Baranova E.A., Kapilevich L.V. Effect of exercise stress on parameters of pulmonary ventilation of athletes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 374, pp. 152–155. (In Russian).
4. Gradopolov K.V. *Boks* [Boxing]. Moscow: Insan Publ., 2010. 320 p.
5. Khusyaynov Z.M., Men'shikov O.V., Garakyan A.I. *Boks. Tekhnika i trenirovka aktsentirovannykh i tochnykh udarov* [Boxing. Techniques and training of accented and precise strikes]. Moscow: Fizkul'tura i sport Publ., 2007. 192 p.
6. Filimonov V.I., Ibraev S.Sh. *Boks i kikboksing. Obuchenie i trenirovka* [Boxing and Kickboxing. Learning and training]. Moscow: Insan Publ., 2012. 528 p.
7. Filimonov V.I. *Sovremennaya sistema podgotovki bokserov* [The modern system of training boxers]. Moscow: Insan Publ., 2009. 480 p.
8. Neupokoev S.N., Bredikhina Yu.P., Pavlov N.Z. [Effect of the impact of pain on functional indices of muscles of the shoulder and hip when improving ballistic strikes of boxers of higher degree]. *Materialy VIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem im. V.S. Pirusskogo* [Proceedings of VIII All-Russian scientific-practical conference with international participation n.a. V.S. Pirusskiy]. 2014, pp. 170–174. (In Russian).

Received: 24 November 2014

УДК 378.046.4

Л.Ю. Овсяницкая

ПРИМЕНЕНИЕ АНДРАГОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА КАК ОБЩЕНАУЧНОЙ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Рассматривается применение андрагогического подхода на общенаучном уровне исследования процесса формирования информационной компетентности специалистов системы здравоохранения. Проанализированы особенности изучения информационных технологий с учетом возраста обучаемых, социального и профессионального опыта, специфики медицинской аудитории. Введено понятие юниарного взаимодействия в андрагогике – общения преподавателя и обучающегося, целью которого является взаимное нахождение решения возникающих профессиональных проблем.

Ключевые слова: андрагогический подход; информационная компетентность; последипломное повышение квалификации врачей.

Приказом Минздравсоцразвития России № 364 от 28.04.2011 утверждена Концепция создания единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения. В документе к одной из наиболее значимых проблем в области непосредственного оказания медицинской помощи относится «обеспечение качественного образования, непрерывного обучения, проведения эффективных научных исследований, а также активного профессионального взаимодействия медицинских и фармацевтических специалистов».

Бурный рост и качественные изменения технологий обработки данных определяют актуальность вопроса формирования информационной компетентности врачей на циклах последипломного и дополнительного повышения квалификации для работы в условиях создания единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения.

Научное решение любого вопроса требует четкого методологического регулятива, который является важнейшим атрибутом любой концепции, обусловливающим ее вид, содержание и специфику.

Формирование информационной компетентности руководителей и специалистов системы здравоохранения происходит во взрослом возрасте. Поэтому общенаучной основой исследования нами выбран андрагогический подход.

Объектом андрагогики является процесс обучения взрослых. Предмет исследования андрагогики – это закономерности деятельности взрослых обучающихся и обучающих по организации и реализации процесса обучения. Учитывая вышесказанное, андрагогику определяют как науку об обучении взрослых, обосновывающую деятельность взрослых обучающихся и обучающих по организации процесса обучения, что и образует ее предмет [1. С. 96].

Специфика андрагогических основ обучения определяется, прежде всего, социальными и психофизиологическими особенностями взрослого обучающегося: экономическая независимость, жизненный опыт, уровень самосознания, достаточный для ответственного самоуправляемого поведения.

Существует большое количество определений взрослого человека, но в целом исследователи сходятся во мнении, что это лицо, выполняющее социально значимые продуктивные роли (гражданина, работника, члена семьи), обладающее физиологической, психологической, социальной, нравственной зрелостью, относительной экономической независимостью, жизненным опытом и уровнем самосознания, достаточными для ответственного самоуправляемого поведения [1. С. 81].

Возраст, в случае повышения квалификации медицинских кадров, будет варьироваться от 25 лет (возраст получения высшего медицинского образования) до окончания профессиональной деятельности. В литературе обычно указывается возраст 65 лет, однако с увеличением продолжительности активной жизни в последнее время возрастная граница сдвигается в сторону увеличения возраста.

С.И. Змеев указал пять основополагающих характеристик, отличающих взрослого от невзрослого обучающегося: 1) осознает себя все более самостоятельной, самоуправляемой личностью; 2) накапливает больший запас жизненного (бытового, профессионального, социального) опыта, который становится важным источником обучения его самого и его коллег; 3) готовность к обучению (мотивация) определяется его стремлением при помощи учебной деятельности решить свои жизненно важные проблемы и достичь конкретные цели; 4) стремится к безотлагательной реализации полученных знаний, умений, навыков и качеств; 5) учебная деятельность в значительной мере обусловлена временными, пространственными, профессиональными, бытовыми, социальными факторами (условиями).

Наше дальнейшее исследование будет базироваться на принципах андрагогики, сформулированных С.И. Змеевым в диссертационном исследовании, и с учетом специфических особенностей, связанных с организационными, профессиональными и психологическими аспектами процесса формирования информационной компетентности руководителей и специалистов системы здравоохранения. Исходя из выявленных предпосылок, нами будут определены дальнейшие алгоритмы организации и реализации процесса обучения.

Обучающемуся принадлежит ведущая роль в процессе своего обучения.

Данное утверждение верно в плане того, что специалист здравоохранения является высококвалифицированным, умеющим и привыкшим учиться. Еще до начала обучения он имеет четко сформированные требования к организаторам обучения и преподавателям. В случае несоответствия ожиданиям, слушатели

циклов повышения квалификации редко пассивно относятся к текущей ситуации, не посещая занятия или занимаясь своими делами, находясь в аудитории. Напротив, зрелое осознание необходимости получения знаний способствует оперативному контакту с руководителями курсов и решению вопроса.

С возрастом некоторые физиологические функции человеческого организма, связанные с процессом обучения, несколько ослабевают: снижаются зрение, слух, ухудшаются память, быстрота и гибкость мышления, замедляется быстрота реакции [2. С. 157].

Эти негативные явления частично компенсируются другими факторами, способствующими обучению: жизненный опыт, основательность, рациональность умозаключений, склонность к анализу. Но практически во всех случаях взрослые проигрывают молодым в быстроте, скорости усвоения материала, выполнении учебных задач.

Группы повышения квалификации всегда разновозрастные, причем разница может достигать сорока и более лет. Поэтому необходима предварительная подготовка в плане такого составления программ обучения, учебного материала и обучающих компьютерных программ, чтобы при необходимости была возможность как неспешного ознакомления с ними, так и осмысления проведенных занятий.

Ведущая роль обучаемых в планировании и построении учебного процесса не столь явная. Тем не менее организаторам обучения или руководству кафедры нужно быть готовым к решению вопросов о компетентности педагогических кадров. Именно компетентности, т.е. об успешном выполнении действий в рамках определенных компетенций – в рамках преподавания информационных технологий в медицине. Преподаватель может быть прекрасным специалистом в своей области, но эта область будет слишком далека от потребностей медицины. Например, изучение теоретических основ информатики или особенностей функционирования программно-аппаратных лечебно-диагностических комплексов, не используемых в связи с модернизацией здравоохранения и заменой их на более совершенные приборы, при лимите времени на изучение информатики в 8–16 ч, явно неконструктивно. Применение юниарного подхода, суть которого будет описана ниже, призвано по возможности исключить подобные ситуации.

Взрослый обучающийся стремится к самореализации, самостоятельности, самоуправлению и осознает себя таковым.

Специалист или руководитель здравоохранения на курсах повышения квалификации ощущает себя независимым, самостоятельным человеком. Слушатели обучаются в группах, сформированных по профессиональным принципам: группа руководителей органов и учреждений здравоохранения, группа заместителей главного врача по клинико-экспертной работе и врачей, ответственных за экспертизу нетрудоспособности, специалисты лечебно-профилактических учреждений по работе с кадрами, врачи организационно-методических отделов, врачи-статистики, клинические ординаторы. На некоторых циклах могут обучаться несколько человек из одного лечебно-профилактического учреждения.

Специалисты здравоохранения – это люди, которые обучаются и принимают участие в совещаниях, консилиумах или конференциях каждый день. Поэтому обучение воспринимается не как новый вид занятий, а как продолжение обычной профессиональной деятельности, в процессе которой они стремятся к самореализации и самостоятельности.

В процессе практической работы на указанных выше циклах автор и его коллеги по кафедре столкнулись с проблемой реакции слушателей на результаты промежуточного и итогового оценивания знаний. Если положительные оценки в академическом понимании («отлично» и «хорошо») воспринимались адекватно, то оценка «удовлетворительно» вызывала раздражение и непонимание, а не конструктивное желание повысить уровень знаний. Это было вызвано тем, что для главного врача перспектива сдать в отдел кадров документ с удовлетворительными оценками по информатике не вызывала положительных эмоций. В итоге было принято решение переходить к системе «зачет-незачет» или к указанию абсолютного количества баллов, набранных при прохождении тестирования или решения учебной задачи.

М.Ш. Ноулз писал: «Ничто на заставляет взрослого почувствовать себя в положении ребенка в такой степени, как сам факт его оценки другим взрослым человеком. Это крайняя степень выражения его зависимости и неуважения к нему [3. С. 49]».

Взрослый обучающийся обладает жизненным (бытовым, социальным, профессиональным) опытом, который может быть использован в качестве важного источника обучения.

В конце 90-х гг. XX в. А.С. Белкиным была выдвинута идея витагенного образования [4. С. 167], или образования, основанного на актуализации (востребовании) жизненного опыта личности, её интеллектуально-психологического потенциала.

Мы солидарны с автором с его предложением разделения понятий «опыт жизни» и «жизненный опыт». По мнению А.С. Белкина, у человека есть опыт жизни – информация, связанная лишь с его осведомлённостью о тех или иных сторонах жизни и деятельности, но не имеющая для него достаточной ценности, и жизненный (витагенный) опыт – информация, которая стала достоянием личности, отложенная в резервах долговременной памяти, находящаяся в состоянии постоянной готовности к актуализации (востребованию) в адекватных ситуациях. Переход опыта жизни в витагенный опыт возможен только в том случае, когда жизненный опыт имеет социально-ценностную значимость и помогает конструировать будущее с учётом прошлых ошибок и достижений.

Образование взрослых на основе витагенного опыта представлено как андрагогическая теория витагенного образования, имеющая обобщенные признаки: актуализация и привлечение в качестве источника всего спектра личного и общечеловеческого опыта в его житейской, жизненной, витагенной составляющих; понимание образования как процесса привлечения и конструктивного преобразования витагенного опыта в новое качество; признание самоценности витагенного опыта взрослого человека как основы для

его дальнейшего самообразования, профессионального и личностного саморазвития [5].

Адаптация идей А.С. Белкина и Н.О. Вербицкой к построению методологии формирования информационной компетентности специалистов и руководителей системы здравоохранения способствует формированию не технических сторон вопроса владения цифровой техникой, а ценностного, аналитического и ответственного отношения к информации.

Программа занятий по информационным технологиям на циклах повышения квалификации организаторов здравоохранения обязательно включает темы: «Информационная безопасность», «Воздействие цифровой техники на организм человека», «Правовые аспекты применения компьютерных программ» и др. Нами была разработана технология проведения занятий таким образом, чтобы все рассматриваемые вопросы представлялись с точки зрения:

– социальной значимости;

– содержали примеры жизненных ситуаций, связанных с преодолением трудностей как объективного, так и субъективного характера;

– возвращали обучаемых к их личному опыту решения данного вопроса (как успешному, так и неуспешному, способствуя осознанию и пониманию причин собственных неудач).

После изучения темы мы представляли конструктивную оптимистическую перспективу решения проблемы в случае следования полученным знаниям и освоенным технологиям. Поскольку рассмотрение вопросов было организовано так, что оно затрагивало проблемы каждого человека, то (по результатам опросов, проводимых на кафедре общественного здоровья и здравоохранения после каждого цикла повышения квалификации) слушатели отмечали возникшее чувство уверенности в собственных силах, желание в проведении активных преобразований, связанных с внедрением и грамотным и безопасным использованием цифровой техники и технологий.

Разрабатываемая нами модель информационной компетентности специалиста здравоохранения частично учитывает идеи, высказанные в данной теории. Компетентность не возникает одномоментно, а представляет собой комплексную неделимую структуру, объединяющую и интегрирующую показатели учения, психологические и физиологические особенности личности, потенциальные способности, мотивацию и ценностные установки личности, проявляемые в процессе осуществления профессиональной деятельности.

Наша главная задача при построении модели информационной компетентности – показать ее многоаспектность и многогранность, выявить факторы и связи, в бóльшей степени влияющие на достигнутый результат.

Например, если человек в бытовой жизни достаточно часто использует цифровую бытовую технику интуитивно, не читая инструкций или рекомендаций, то подобная привычка может быть перенесена и в профессиональную сферу, что недопустимо. В этом случае медицинское оборудование или программа будут использоваться поверхностно, без использования скрытых на первый взгляд, функций. Однако, если специалист профессионален и ответствен, то подобного переноса шаблона действий не произойдет.

Создаваемая нами модель информационной компетентности специалиста здравоохранения совместно с современными средствами интеллектуального анализа данных позволяет, на основе прогноза возможных сценариев развития действий, выявлять факторы, которые в бóльшей степени влияют на уровень информационной компетентности. Поэтому, если проектировать занятие с учетом идей голографического подхода и понятия витагенной информации, то можно своевременно принять меры и провести корректировку пробелов знаний, умений или навыков обучаемого.

Взрослый человек обучается для решения важной жизненной проблемы и достижения конкретной цели (контекстность обучения).

Прохождение курсов повышения квалификации специалистами здравоохранения является обязательным мероприятием. После окончания вуза, согласно приказу Минздравсоцразвития России «Об утверждении квалификационных требований к специалистам с высшим и послевузовским медицинским и фармацевтическим образованием в сфере здравоохранения», один раз в пять лет специалистам здравоохранения необходимо прохождение циклов повышения квалификации. Если врач – специалист переходит на другую должность, например, связанную с организацией здравоохранения, то возникает необходимость внеочередного прохождения соответствующего квалификационным требованиям обучения (общего или тематического усовершенствования или профессиональной переподготовки).

Таким образом, с одной стороны, мотивация обучения обусловлена административными требованиям. С другой стороны, согласно опросам 108 слушателей, проведенных на кафедре общественного здоровья и здравоохранения Уральской государственной медицинской академии дополнительного образования, с правильностью и необходимостью указанных требований соглашались 98% респондентов. Опрос также показал, что 94% врачей – организаторов здравоохранения, проходящих обучение на кафедре, приезжают с заготовленными вопросами, связанными с конкретными ситуациями в своей профессиональной деятельности, и уверены в получении ответа или совета в решении вопроса или проблемы.

Соответственно, курс обучения ориентируется на решение конкретных задач и требует обязательного выделения времени занятия на ответы на интересующие вопросы, а активная деятельность и личная заинтересованность обучающихся обеспечивают высокую мотивацию и, следовательно, эффективность процесса обучения.

Взрослый обучающийся рассчитывает на безотлагательное применение полученных в ходе обучения умений, навыков, знаний и качеств.

В области применения информационных технологий в сфере здравоохранения подобное утверждение стало верным в конце 10-х гг. XXI в. благодаря тому, что программа модернизации здравоохранения практически решила проблему оснащения лечебно-профилактических

учреждений цифровой техникой для решения лечебно-диагностических и организационных задач.

Обмен мнениями, проводимый после завершения изучения каждой темы, показал, что некоторые проблемы, кажущиеся ранее незначительными и касающиеся, например, вопросов информационной безопасности (организационные вопросы, связанные с получением, хранением и уничтожением электронных ключей, генерация и хранение паролей, распределение прав доступа и многое другое) и особенностей воздействия цифровой техники на физиологическое и психологическое здоровье людей, требуют безотлагательного решения.

В том случае, когда применение получаемых знаний потенциально невозможно, интерес взрослого к обучению исчезает. Это еще раз заставляет тщательно продумывать содержание материала и представлять только те теоретические знания, которые могут быть или реализованы в медицинской практике, или касаются сохранения персональных сведений и здоровья людей.

Учебная деятельность взрослого обучающегося в значительной степени детерминируется временными, пространственными, бытовыми, профессиональными, социальными факторами, которые либо ограничивают, либо способствуют процессу обучения.

Существует ряд факторов, непосредственно влияющих на процесс обучения, но на которые педагог (или андрагог) не в состоянии повлиять: каждый слушатель обучается на фоне личных и профессиональных ситуаций; необходимость, длительность и основное содержание обучения на циклах повышения квалификации специалистов здравоохранения законодательно строго детерминированы.

Однако существует фактор, позволяющий значительно улучшить микроклимат группы. Слушатели группы приезжают из разных населенных пунктов Российской Федерации и, как правило, не знакомы друг с другом. После прохождения официальной регистрации начинаются занятия. Длительность циклов варьируется от одной-двух недель до трех месяцев, поэтому, при численности группы в 15–20 человек, на краткосрочных курсах слушатели не успевают познакомиться и чувствуют себя скованнее и пассивнее, нежели в знакомой обстановке.

Многолетние наблюдения показали, что, если в первый день после или перед проведением занятий организовать неформальную встречу слушателей (знакомство с чаепитием) и одним из первых занятий поставить предусмотренное планом выездное посещение в ознакомительных целях базового лечебно-профилактического учреждения, то микроклимат группы меняется в положительную сторону. Слушатели приходят на занятия в знакомую аудиторию, общаются со знакомыми людьми, имеющими подобный социальный и профессиональный уровень, интересуются и советуются друг с другом в решении профессиональных задач. В этом случае занятия действительно проходят в виде совместной деятельности обучающего и обучающихся.

Процесс обучения взрослого обучающегося организован в виде совместной деятельности обучающегося и обучающего на всех его этапах.

Опрос показал, что все врачи – организаторы здравоохранения, проходящие обучение на кафедре, приезжают с целью получения ответа или совета в решении вопроса, связанного с собственной профессиональной деятельностью. Вопросы или проблемы, связанные с различными аспектами внедрения информационных технологий, от технических до организационных, возникали у всех слушателей независимо от места работы – крупный федеральный лечебный центр или сельский пункт. Разбор проблемы совместно со всей группой обучающихся позволял не только найти наилучшее решение, но и выявить преподавателю потребности слушателей в данный период и скорректировать содержание следующего занятия данной группы и всего цикла занятий следующей группы.

Подобная технология проведения занятий возможна только при обучении взрослых квалифицированных людей.

Добавим два фактора, которые необходимо учитывать при проведении занятий, связанных с изучением информационных технологий, на циклах последипломного повышения квалификации специалистов здравоохранения.

Особенности специальности врача. Врачи – это высококвалифицированные специалисты, которые умеют учиться и учатся всю жизнь. Люди, получившие медицинское образование, не принимают ни один факт без его аргументации и доказательства и склонны критически сравнивать свой опыт с предлагаемым учебным материалом. Поэтому обучение любым дисциплинам в медицинской аудитории должно быть четким, логичным и доказательным.

Ежедневно специалисты здравоохранения принимают участие в совещаниях, консилиумах, конференциях. Людям этой специальности свойственно умение общаться, причем главная характеристика общения – уважительное отношение к коллегам и к их мнениям. По нашему наблюдению, проведение мини-конференций с небольшими по времени (3–5 мин) сообщениями слушателей по вопросам опыта и проблемам внедрения информационных технологий в лечебно-профилактических учреждениях и последующий совместный анализ фактов и мнений делает занятие более продуктивным и разнообразным.

Отношение к информационным технологиям. Информатика не является специализированным предметом для врачей, поэтому, в отличие от профессиональных курсов, она не ассоциируется с необходимостью глубокого изучения. Необходимость знаний информационных технологий появляется позже, когда врач сталкивается с практическими задачами, которые приходится решать самостоятельно.

Как в бытовой жизни, так и в медицине, многие полагают, что обладают достаточным опытом и знаниями, чтобы работать с любым прибором без чтения инструкции. Но все программное обеспечение в медицине создано профессионалами и ориентировано на профессионалов. Интуитивная работа с лечебно-диагностическим оборудованием, даже при общей правильной политике, всегда будет поверхностной, без использования функций, которые внешне не видны.

Медицинское оборудование, предназначенное для выполнения одинаковых задач, но разных производителей, всегда имеет отличающийся интерфейс. Для того чтобы перейти с работы с одного высокотехнологичного оборудования на другое, нужно или пройти специализированное обучение, или обладать высоким уровнем информационной компетентности, позволяющим перенести навыки и умения работы с одним устройством на другое с учетом всех специфических особенностей. Причем необходимо подойти к этому ответственно (предварительно тщательно ознакомившись с документацией) и осознанно (не пренебрегая требованиями безопасности, так как многие лечебно-диагностические приборы могут воздействовать на окружающую среду, вызывая превышение допустимых параметров электрических, магнитных полей, рентгеновских излучений, ультразвуковых частот и др.).

На наш взгляд, осознанная безопасная работа с медицинскими программными и программно-аппаратными комплексами является главным показателем высокого уровня информационной компетентности специалиста здравоохранения.

Полноценное преподавание темы информационной безопасности возможно только в рамках андрагогики. Для того чтобы осознать важность, актуальность, значимость вопроса, нужно обладать жизненным и профессиональным опытом, предвидением и пониманием реальной ответственности при работе с виртуальными данными.

В настоящее время смена не только программного обеспечения, но даже поколений информационных технологий проходит очень быстро. Поэтому периодическое повышение квалификации, формирование информационной компетентности сотрудников в области информационной безопасности посредством участия в семинарах, конференциях, путем самостоятельной подготовки являются главными факторами, способствующими тому, что указанные выше пункты будут выполняться осознанно, грамотно и действительно обезопасят личную и профессиональную конфиденциальную информацию от незаконного распространения и хищения.

Система образования взрослых должна быть объектом научного прогнозирования. По мнению С.Г. Вершловского [6. С. 54–59], прогнозирование является одной из форм конкретизации научного предвидения, предметом которого выступают перспективы развития природы, общества, человека. Учитывая, что прогноз опирается на имеющееся научное знание, уточняет и углубляет его, приводит к новым выводам, прогнозирование может рассматриваться как инструмент социального и научного познания.

Главное назначение образования взрослых – удовлетворить потребности и интересы людей в период их самостоятельной жизни, повысить их компетентность, т.е. способность самостоятельно улучшать свои экономические, социальные, политические и культурные условия жизни. Задача прогнозирования – определить, чем привлекает образование взрослого человека, какими возможностями он обладает для реализации своих ориентаций в этой сфере, какова вероятность их осуществления, что необходимо сделать на разных уровнях управления для превращения возможности в действительность?

Ситуация в области информатизации общества в целом и системы здравоохранения в частности меняется настолько быстро, что проведение занятий без корректировок содержания, проведенного на основе научного прогнозирования потребностей в знаниях, умениях, навыках слушателей на ближайшее время, становится бесполезным.

Содержание практических семинаров, связанных с обучением работе с конкретным лечебно-диагностического комплексом, включает информацию, необходимую в конкретный момент, но полноценное регулярное повышение квалификации специалистов здравоохранения в области информационных технологий должно строиться на основе научного прогноза развития отрасли.

Существуют средства интеллектуальной обработки данных, которые в настоящее время активно используются экономистами, маркетологами и бизнес-аналитиками и позволяют на основе анализа количественных и качественных экономических показателей решать вопросы синтеза и прогнозирования финансово-экономических процессов. Адаптации данных методов для обработки педагогической информации способствует широкому внедрению их в процесс контроля и управления обучением.

Характер процесса формирования информационной компетентности таков, что, помимо синтеза уже известных теоретико-методологических подходов, требуется создание новых подходов, учитывающих специфику современного уровня информатизации общества с гуманитарной и технократической точки зрения.

Во всех андрагогических исследованиях предполагается, что педагог (андрагог) обладает педагогической и профессиональной компетентностью. Рассмотрим ситуацию. На занятиях по информационным технологиям присутствуют, как правило, 20–30 специалистов здравоохранения. Это могут быть врачи-специалисты в различных областях медицины и врачи – организаторы здравоохранения; представители различных территориальных, административных и географических образований; сотрудники как сельских больниц, так и крупнейших федеральных комплексов; обладающие различным уровнем информационной компетентности. Все обучающиеся являются представителями практической медицины, и главная цель их обучения – получение новой информации и ответов на возникшие производственные вопросы. Поэтому одной из самых серьезных проблем является вопрос эрудированности и понимания потребностей медицины в области информатики преподавателями циклов последипломного и дополнительного образования врачей.

Для освещения отдельных узкоспециализированных тем при проведении занятий приглашаются специалисты-разработчики или специалисты, занимающиеся сопровождением конкретного программного обеспечения, внедряемого в работу лечебно-профилактических учреждений. Но когда

необходимо преподавать общие вопросы применения информационных технологий, то возникает вопрос, где может сейчас пройти повышение квалификации в области здравоохранения преподаватель информатики?

В настоящий момент ситуация меняется настолько быстро, что для того, чтобы быть профессионально компетентным, преподавателю необходимо непрерывное ознакомление с самыми разнообразными аспектами приложения информационных технологий в медицине. Единственным доступным источником достоверной, актуальной, разносторонней и компетентной информации являются специалисты здравоохранения, обучаемые на циклах последипломного и дополнительного образования врачей.

Медицина и информатика являются далеким друг от друга науками, одна из которых в течение тысячелетий, другая – столетий развивались независимо. В середине XX в. с появлением электронных средств обработки информации возникли точки соприкосновения наук. Начали появляться совместные разработки, однако говорить об интеграции этих наук нельзя [7. С. 448].

Интеграция (лат. integrum – целое; integratio – восстановление, восполнение) подразумевает под собой взаимопроникновение или объединение каких-либо элементов (частей) в целое. Следовательно, интеграция наук – это объединение разных наук для изучения одних явлений в разных аспектах. При использовании данного подхода устанавливаются общности научных понятий, связанных единым смыслом дисциплин и методами преподавания, что способствует целостности получаемых студентами научных и технических знаний. Однако перенесение понятий и определений из других наук происходит не всегда удачно: специальные термины в другой науке часто приобретают искаженный смысл.

Трансдисциплинарный подход в любой степени (мультидисциплинарный или междисциплинарный) также предполагает совместное исследование или изучение либо одного предмета, объекта, среды, либо перенос методов исследования одной науки для изучения другой с целью получения результата. Интерпретация полученных результатов всегда производится с позиции «ведущей» дисциплины, что приводит к изменению дисциплинарного образа предмета исследования. Поэтому данные подходы способствует накоплению дисциплинарных и междисциплинарных знаний, но они не способствует выявлению общих закономерностей и механизмов их взаимодействия внутри предмета исследования [8].

В нашем случае (информатика и медицина) просматривается иной аспект, заключающийся в том, что при сближении двух наук одна из них помогает другой перейти на более высокий качественный уровень, не проникая в суть этой параллельно развивающейся науки. Причем инициатором для развития последующих технологий может стать только появляющаяся в них потребность.

Медицинские работники не изучают базы данных или архитектуры компьютеров, а информатики не могут ставить диагнозы. Однако зная о потребностях врачей в более четких изображениях, получаемых диагностическими аппаратами, информатики и инженеры начинают исследование новых или применение уже существующих способов, например математической фильтрации полученных данных или создания новых форматов представления цифровых данных для решения возникшей проблемы.

Зная о потребностях в разработках новых архитектур компьютеров, основанных не на классической схеме, предложенной еще в 1945 г. Джоном фон Нейманом, на основе которой функционируют сейчас все существующие компьютеры (за исключением малого числа лабораторных нейрокомпьютеров), специалисты в области медицины и биологии начинают исследования биологических нейронов, клеток ДНК, бактерий, которые в будущем могут стать основой построения компьютеров нового поколения. Внедрение архитектур и устройств хранения информации, основанных на клетках ДНК и бактериях, в будущем переведет современную технику на качественно новый уровень.

Нами введен термин – «юниарный» (лат. *unio* – объединение, союз; *-ar* (лат.) – суффикс, несущий значение «принадлежность, отношение»), обозначающий принцип развития параллельных наук путем взаимного нахождения решения возникающих потребностей. Результатом является возникновение качественно новых технологий в каждой из взаимодействующих наук.

Под юниарным взаимодействием в андрагогике будем понимать общение преподавателя и обучающегося, целью которого является взаимное нахождение решения возникающих профессиональных проблем.

Юниарное взаимодействие позволяет в рамках проведения классических занятий сформировать структуру занятия. Юниарное взаимодействие можно представить в виде процесса управления с обязательной обратной связью. Задача преподавателя – так организовать процесс обучения, чтобы информация, полученная во время инициированных дискуссий, представления обучаемыми самостоятельно выполненных работ, касающихся проблем здравоохранения конкретно их организаций и учреждений, публичного процесса решения ситуационных задач, стала тем поправочным модулем, который делает занятие действительно актуальным, полезным и высокопрофессиональным.

Таким образом, информация, получаемая обучаемыми и преподавателем, выступает в роли обратной связи, позволяющей *обучаемым*:

– зная возможности изучаемой науки, способствовать (используя свои административные и профессиональные возможности) внедрению в практику здравоохранения новых лечебных и диагностических устройств и технологий;

– зная потребности другой науки, инициировать научные исследования в своей области и способствовать глобальной цели – прогрессу науки в целом;

– быть компетентными специалистами, т.е. не только владеть современными средствами преобразования информации (компьютер, офисная техника и др.) и информационными технологиями (коммуникация посредством современных цифровых устройств и

служб Интернета), но и обладать эрудицией, позволяющей применять указанные устройства и технологии для решения любых возникающих на практике задач, в том числе в условиях неопределенности и с использованием интеллектуальных и эвристических методов, *а преподавателю* – узнавать о текущих потребностях практической медицины в информационных технологиях и, в соответствии с полученной информацией, оперативно модифицировать и адаптировать содержание занятий последующих групп, внося необходимые изменения в планы, содержание, формы, методы, средства обучения и оценивания.

Обучение, проходящее на основе юниарного взаимодействия и содержащего элементы взаимовыгодного и взаимозаинтересовывающего диалога, создает на занятиях атмосферу партнерства и взаимопомощи и позволяет преподавателю «из первых уст» узнавать о текущих потребностях медицины в информационных технологиях и, в соответствии с полученной информацией, модифицировать и адаптировать содержание занятия последующих групп.

Выводы. Внедрение современных информационных технологий в медицину становится одним из приоритетных направлений развития отрасли. Разрабатываемая единая государственная информационная система в сфере здравоохранения представляет собой совокупность информационно-технологических и технических средств, обеспечивающих информационную поддержку методического и организационного обеспечения деятельности участников системы здравоохранения.

Одним из главных факторов успешного развития информатизации здравоохранения является формирование информационной компетентности врачей на основе научно обоснованных методологических подходов с учетом особенностей предмета, возраста и профессиональных особенностей.

Нами введено понятие юниарного взаимодействия в андрагогике – общение преподавателя и обучающегося, целью которого является взаимное нахождение решения возникающих профессиональных проблем. Результатом является возникновение качественно новых знаний в каждой из взаимодействующих наук.

Результат внедрения юниарного подхода в практику проведения занятий на циклах дополнительного и последипломного образования врачей позволил интегрировать опыт, знания и практические навыки преподавателя и обучаемых и сделать процесс обучения оптимальным как для текущего контингента, так и закладывать основы для проведения занятий у последующих групп.

Наличие жизненного, бытового, социального и профессионального опыта, стремление к самостоятельности и самоуправлению, высокая мотивация к обучению, а также специфика медицинской аудитории, обусловленная тем, что врачи имеют высокий профессиональный и социальный статус и умеют учиться, учатся и принимают участие в совещаниях, консилиумах, конференциях каждый день, приводят к невозможности обучения специалистов системы здравоохранения информационным технологиям на основе стандартных методик, ориентированных на вузовское образование, и требуют применения андрагогических основ для использования конкретных технологических приемов и методик обучения.

Применение андрагогического подхода на общенаучном уровне исследования служит базой для дальнейших исследований проблемы на конкретно-научном и методико-технологическом уровнях исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Змеев С.И.* Андрагогика: основы теории, истории и технологии обучения взрослых. М. : ПЕР СЭ, 2007. 272 с.
2. *Lorge I.* Adult Learning // Adult Education. N.Y., 1952. № 5.
3. *Knowles M.S.* The modern practice of adult education. Cambridge, 1980.
4. *Белкин А.С.* Теория и практика витагенного обучения. Голографический подход // Образование и наука. Известия Уральского научно-образовательного центра РАО. 1999. № 2. С. 34–44.
5. *Вербицкая Н.О.* Теория и технология образования взрослых на основе витагенного (жизненного) опыта : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Екатеринбург, 2002.
6. *Вершловский С.Г.* Система образования взрослых как объект прогнозирования // Человек и образование . 2006. № 8.
7. *Овсяницкая Л.Ю.* Юниарный подход в преподавании информатики и информационных технологий специалистам системы здравоохранения // Фундаментальные исследования. 2013. № 4, ч. 2. С. 448–452.
8. *Judge A.* Conference Paper. 1st World Congress of Transdisciplinarity, Union of International Associations. 1994.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 03 ноября 2014 г.

THE ANDRAGOGICAL APPROACH APPLICATION AS A GENERAL SCIENTIFIC BASIS FOR THE HEALTH PROFESSIONALS' INFORMATION COMPETENCE FORMATION

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 194-201. DOI 10.17223/15617793/390/33

Ovsyanitskaya Larisa Yu. Ural Social-Economic Institute, Affiliate of the Labour and Social Relations Academy (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: larovs@rambler.ru

Keywords: andragogical approach; information competence; postgraduate training of doctors.

The order of the Health Ministry of Russia No. 364 from 28.04.2011 approved the Concept of creating a unified state information system in health care. The modern information technologies introduction is becoming one of the priority directions of the medicine industry development. A developed unified state information system in the health sector consists of information technology and hardware, providing information assistance of methodological and organizational support of the health system participants. A major factor in the successful development of health informatization is the information competence formation of doctors on the basis of scientifically reasonable methodological approaches taking into consideration the features of the subject, age and professional features. We have introduced the concept of uniar interaction in andragogy – communication of the teacher and the students whose

goal is to find mutual solutions to emerging professional issues. The result is the emergence of qualitatively new knowledge in each of the interacting sciences. The result of the uniar approach introduction in practice in the doctors' additional postgraduate education cycles is the experience, knowledge and skills of the teacher and the students' integration; it makes the learning process optimal for the current group and lays the foundation for training in the following groups. Education, passing through the uniar interaction and containing elements of mutual and intercommunicating dialogue creates the classroom atmosphere of partnership and mutual assistance. It allows the teacher to learn directly about the current needs of medicine and information technology and, according to the information received, to modify and adapt the content of the course for subsequent groups. The presence of life, domestic, social and professional experience, the desire for independence and self-government, high motivation to learn, as well as the specifics of the medical audience due to the fact that doctors are highly professional, have a high social status and are able to learn, participate in meetings, councils and conferences every day, make it impossible to train information technology to health professionals basing on standard techniques focused on undergraduate education. That is why the andragogical basis is required in using specific technological approaches and teaching methods. Application of the andragogical approach at the level of general scientific research serves as the basis for further research of the problems of specific scientific methodological and technological level of research.

REFERENCES

1. Zmeev S.I. *Andragogika: osnovy teorii, istorii i tekhnologii obucheniya vzroslykh* [Andragogy: basic theory, history and technology of adult education]. Moscow: PER SE Publ., 2007. 272 p.
2. Lorge I. Adult Learning. *Adult Education*, 1952, no. 5.
3. Knowles M.S. *The modern practice of adult education*. Cambridge, 1980.
4. Belkin A.S. Teoriya i praktika vitagennogo obucheniya. Gologra ficheskiy podkhod [Theory and practice of vitagenic training. The holographic approach]. *Obrazovanie i nauka. Izvestiya Ural'skogo nauchno-obrazovatel'nogo tsentra RAO*, 1999, no. 2, pp. 34–44.
5. Verbitskaya N.O. *Teoriya i tekhnologiya obrazovaniya vzroslykh na osnove vitagennogo (zhiznennogo) opyta*: avtoref. dis. d-ra ped. nauk [Theory and technology of adult education based on vitagenic (life) experience. Abstract of Pedagogy Dr. Diss.]. Ekaterinburg, 2002.
6. Vershlovskiy S.G. Sistema obrazovaniya vzroslykh kak ob"ekt prognozirovaniya [The system of adult education as an object of prediction]. *Chelovek i obrazovanie*, 2006, no. 8, pp. 54–59.
7. Ovsyanitskaya L.Yu. The uniar approach to computer science and information technologies teaching for health professionals. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental Research*, 2013, no. 4, pt. 2, pp. 448–452. (In Russian).
8. Judge A. *Conference Paper*. 1st World Congress of Transdisciplinarity, Union of International Associations, 1994.

Received: 03 November 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 208–216. DOI 10.17223/15617793/390/34

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 504.38

М.А. Волкова, Н.Н. Чередько, К.И. Соколов, Л.А. Огурцов

СОВРЕМЕННАЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ СТРУКТУРА ПОЛЯ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ОСАДКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Представлены результаты анализа пространственно-временной изменчивости экстремальных характеристик режима осадков на территории Западной Сибири, в том числе с применением компонентного и кластерного анализов. Рассчитаны характеристики: среднее многолетнее число дней с осадками ≥ 5 и ≥ 15 мм/24 ч, повторяемость дней с осадками за месяц и за год, максимальная непрерывная продолжительность периодов с экстремальными осадками, изменение режима осадков за период 1981–2010 гг. по отношению к периоду 1951–1980 гг. Выявлены классы в поле числа дней с осадками заданных критериев, распределение которых достаточно хорошо согласуется с распределением средних многолетних значений числа дней.

Ключевые слова: Западная Сибирь; экстремальные атмосферные осадки; число дней; кластерный анализ.

Один из важнейших вопросов в проблеме изменения климата – оценка изменчивости экстремальных климатических параметров на фоне изменения их средних значений. Ряд исследователей отмечают, что на фоне глобального потепления последних десятилетий произошло увеличение повторяемости экстремальных проявлений климатического режима большинства территорий [1, 2]. В частности, работы последних лет по оценкам изменения экстремальных осадков в разных частях мира: в Австралии [3], Италии [4], на западе Германии [5], на северо-востоке Пиренейского полуострова [6], в России [7] и др., – показали, что наблюдения свидетельствуют об увеличении частоты и интенсивности различных видов экстремальных осадков в течение последних нескольких десятилетий. Приводятся данные о перераспределении в динамике климатических полей. Так, например, при постоянстве сезонных сумм осадков изменяются их частота и продолжительность. Фиксируется изменение годовой амплитуды осадков для глобальных средних за исключением внутритропической зоны [8].

Экстремально интенсивные осадки приводят к затоплениям городских и сельскохозяйственных территорий, размывам дорожного полотна, оползням, а также трудно прогнозируемым дождевым паводкам на реках. Интенсивные или продолжительные осадки в виде снега блокируют движение коммунального и частного транспорта, передвижение пешеходов, затрудняют деятельность большинства предприятий. Значительный рост экстремальных характеристик климата на фоне малого роста средних величин может усугублять соответствующие риски. Такая «раскачка» крайне негативна для любых социальных и хозяйственных систем. Приспособление социума к изменяющимся условиям режима атмосферных осадков возможно на основе оценки происходящих изменений, оценки уязвимости и возможностей адаптации разных подсистем био- и техносферы к критическим уровням климатических воздействий. Особо важен такой анализ в региональных масштабах, так как крайне высока пространственная и временная изменчивость формирования экстремальных явлений погоды. При этом, например, если «потепление климата» непосредственно предполагает сдвиг распределения температуры приземного воздуха в область более высоких значений, то в вопросе с атмосферными осадками все гораздо сложнее и, чаще, неочевидно. С этим связано и то, что пространственно-временные структурные изменения в поле осадков воспроизводятся современными глобальными климатическими моделями с большими приближениями.

Целью данной работы является оценка пространственной структуры и динамики поля экстремальных атмосферных осадков на территории Западной Сибири. Для оценки экстремальности режима осадков обычно используется ряд критериев и индексов, таких как максимальная сумма осадков за сутки, суточный индекс интенсивности осадков, значения суточных сумм осадков, соответствующие границам 90%-го и 95%-го интервалов ранжированного ряда, максимальная продолжительность периодов с осадками и без осадков и др. Например, в работе [9] для территории Западной Сибири были рассчитаны характеристики периодов с осадками и без осадков непрерывной продолжительности различных критериальных сумм (≥ 5 и ≥ 10 мм) отдельно для теплого и холодного периодов. Следует отметить, что при изучении экстремальности осадков и, в частности, опасных явлений обычно используются критерии ≥ 50 мм/12 ч – «Очень сильный дождь», ≥ 20 мм/12 ч «Очень сильный снег» [10]; но при попытке использования данных критериев выяснилось, что число таких дней единичные, встречается в отдельные годы и не на каждой станции, закон распределения полученного ряда данных отличается от нормального. В этой связи дальнейший анализ предложенными методами был невозможен.

В данной работе использованы следующие критерии:

– число дней с осадками ≥ 15 мм – Q^{15};

– число дней с осадками ≥ 5 мм при отрицательной среднесуточной температуре – Q^{5}.

В годовом ходе число дней с осадками ≥ 15 мм на более чем 90% станций на рассматриваемой территории наблюдается в теплом периоде (с максимумом в июле–августе) и соответствует числу сильных дождей. Максимум атмосферных осадков за год отмеча-

ется именно в эти месяцы, несмотря на уменьшение циклональной деятельности в летний период над Западной Сибирью, происходит усиление притока влажного воздуха с запада, и осадки часто выпадают в виде ливней.

Число дней с осадками ≥ 5 мм, рассчитанное с учетом температуры воздуха – при отрицательной среднесуточной температуре, соответствует числу достаточно сильных снегопадов; 5 мм в сутки при обычной плотности свежего снега соответствует слою 5 см снега, что равно критерию, при достижении которого должна начинаться уборка снега с улиц и дорог. В годовом ходе данная характеристика чаще всего отмечается в октябре (преимущественно на территории севернее 60°с.ш.) и в ноябре (на территории южнее 60°с.ш.). В целом первые два месяца холодного периода характеризуются большой циклоничностью, по сравнению со второй ее половиной, которая отличается холодной и ясной антициклональной погодой, лишь при прохождении циклонов прерываемая кратковременными потеплениями с возможными осадками.

Материалом для исследований послужил банк суточных метеорологических данных, созданный во Всероссийском научно-исследовательском институте гидрометеорологической информации – Мировом центре данных ВНИИГМИ-МЦД [11]. Количественные оценки были получены по данным о количестве осадков за период 1951–2010 гг. для 45 станций, расположенных на территории Западной Сибири.

Для каждого из выбранных критериев по станциям на рассматриваемой территории были рассчитаны следующие характеристики: среднее многолетнее число дней с осадками выбранных градаций, повторяемость таких дней за месяц и год; максимальная непрерывная продолжительность периодов с экстремальными осадками.

Для оценки изменения рассчитанных показателей период 1951–2010 гг. был разбит на два 30-летних периода: 1951–1980 и 1981–2010 гг. соответственно. На каждой станции вычислялась разница между средними значениями за периоды 1951–1980 и 1981–2010 гг. по каждому показателю. Выбор 30-летних периодов обусловлен наличием достоверных рядов за последние 60 лет на большей части станций, а также возможностью принять период 1951–1980 гг. за базовый, когда в среднем по России не происходило значимых изменений климата [7].

Выяснение статистической значимости полученных различий проводилось с помощью пакета *Statistica* на основе t-критерия Стьюдента. Для применения данного критерия необходимо выполнение условия о принадлежности исследуемого ряда нормальному закону распределения. В ходе проверки этого условия (на основе критерия согласия Колмогорова–Смирнова, Лилиефорса, Шапиро–Уилкса) принадлежность рядов данных к нормальному распределению подтвердилась.

За 60-летний период рассматриваемые критерии в годовой повторяемости не превышают 3,3% для Q^5 и 1,5% для Q^{15}, что составляет 13 и 5 дней в году соответственно. Максимальная непрерывная продолжительность периода с осадками более 5 мм при отрицательной среднесуточной температуре на большей части территории составляет 3–4 дня, период 5 дней отмечен на северных станциях (Диксон, Дудинка, Саранпауль). Для критерия «число дней с осадками ≥ 15 мм» максимальная непрерывная продолжительность также не превышает 5 дней (Ивдель) при среднем значении по территории 2–3 дня.

Анализ распределения среднего годового числа дней с осадками более 5 мм при отрицательной температуре воздуха за период 1981–2010 гг. (рис. 1, *а*) показал, что максимальное число таких дней наблюдается на востоке территории, а именно в очагах: станция Дудинка (более 13 дней в году), Верхнеимбатск (более 11 дней в году). Минимальное число дней отмечается на северо-западе на станциях Марресаля (менее 5 дней в году), Ныда, Новый Порт, Мыс Каменный (менее 6 дней в году). На юге территории отмечается квазизональное распределение изолиний с уменьшением числа дней в южном направлении. Таким образом, уменьшение частоты сильных снегопадов происходит с востока территории в направлении на северо-запад и на юг.

Оценка динамики числа дней с осадками более 5 мм показала, что по сравнению с 1951–1980 гг. в распределении Q^5 (рис. 1, *б*) за 1981–2010 гг. на большей части территории произошло увеличение числа дней с осадками в среднем на 1–2 дня в году. Выделяется станция Тазовск, на которой изменение между двумя выбранными периодами составило более 10 дней. Факт такого существенного роста Q^5 на станции Тазовск, не отличавшейся до 1980 г. высокой повторяемостью сильных осадков при отрицательной температуре, связан с нарушением статистической однородности ряда. С 1990 г. на данной станции произошло резкое увеличение (в 2 и более раз) числа дней с критерием Q^5, а также в целом годовых сумм осадков. Интенсивность такого увеличения не следует считать климатически обусловленной. Данный вопрос требует более подробного исследования причин подобного поведения ряда и сопоставления с близлежащими станциями, информация с которых пока отсутствует в используемой базе данных.

Пространственное распределение среднего многолетнего показателя Q^{15} за период 1981–2010 гг. по территории исследования характеризуется квазизональным увеличением значений в направлении от севера к югу (рис. 2, *а*) до 60 °с.ш. с последующим некоторым снижением к 55 °с.ш. Минимальные значения отмечаются на крайнем севере территории, на станциях Марресаля, Мыс Каменный и Новый Порт (менее 1–1,5 дня в год), максимальное число сильных дождей – на юго-западе территории, станция Ивдель (более 5,5 дня в год). Следует отметить, что область повышенных значений Q^{15} в районе 60 °с.ш. совпадает с областью повышенных годовых сумм осадков, формируемой наиболее активной циклонической деятельностью, способствующей переносу влажного атлантического воздуха.

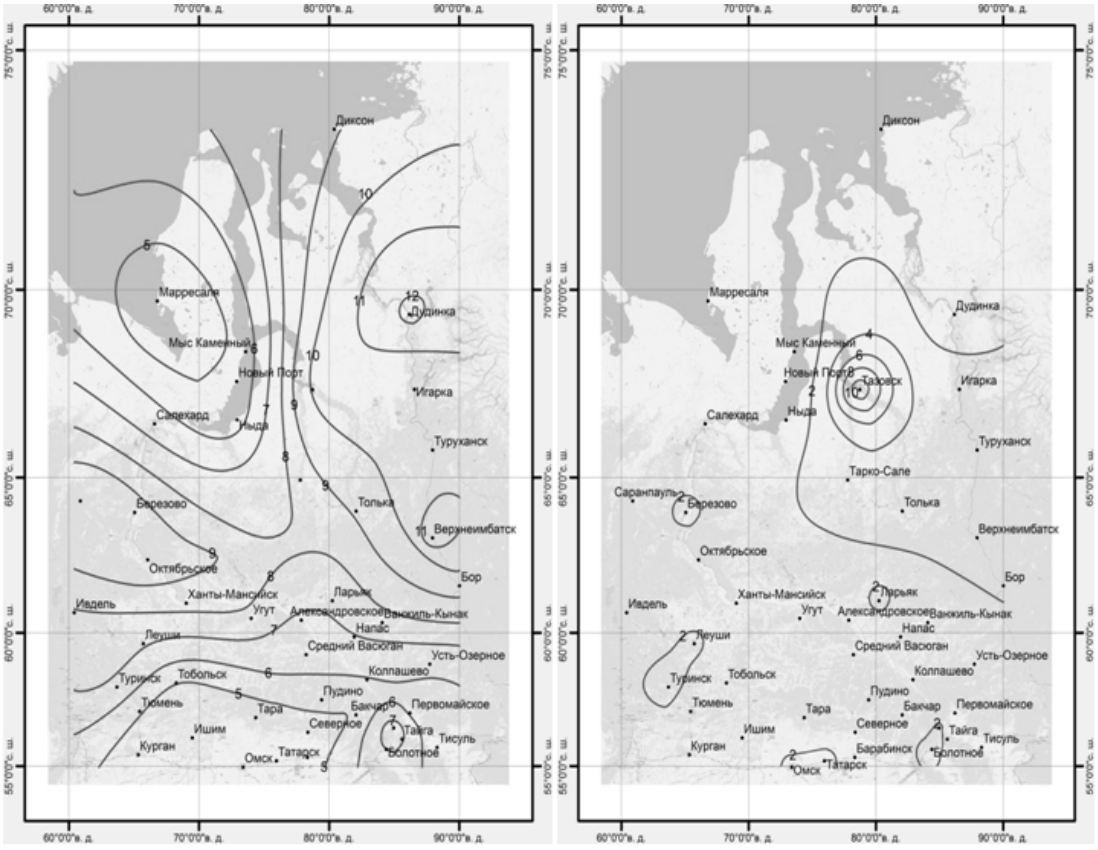

Рис. 1. Распределение изменения среднего годового числа дней с осадками ≥ 5 мм при отрицательной температуре воздуха: за 1981–2010 гг. (*а*); изменения 1981–2010 гг. по отношению к 1951–1980 гг. (*б*)

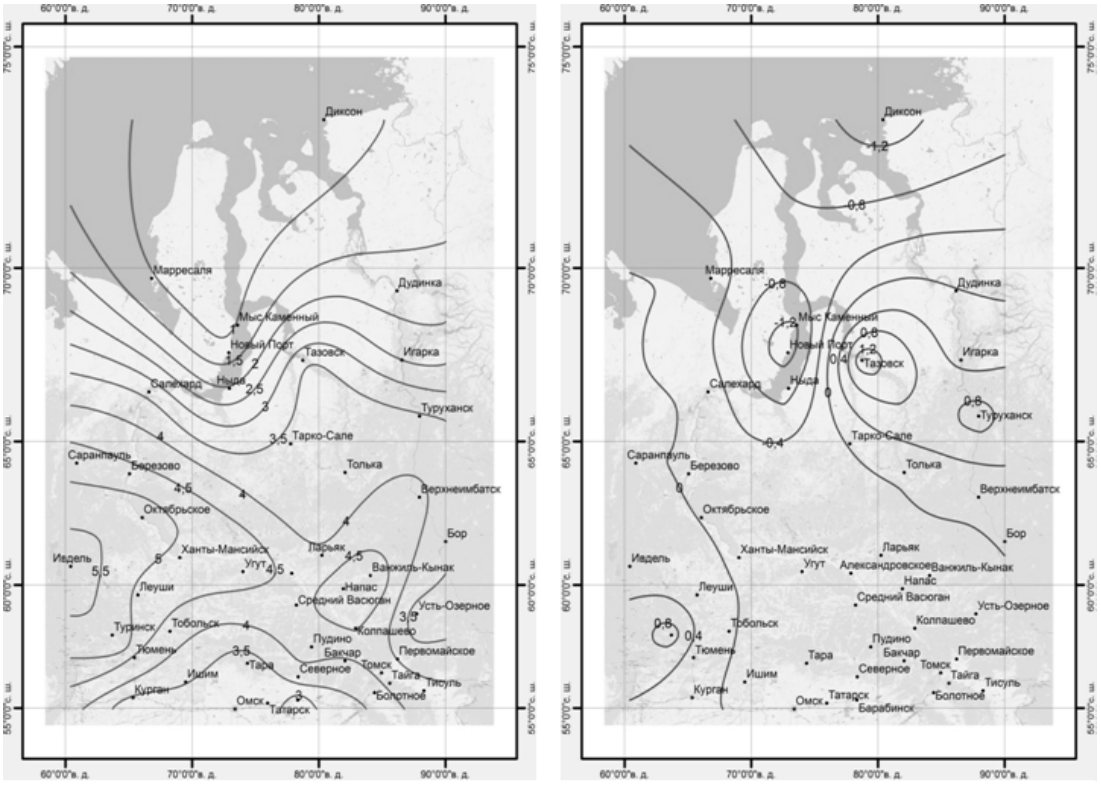

Рис. 2. Распределение изменения среднего годового числа дней с осадками ≥ 15 мм: за 1981–2010 гг. (*а*); изменения 1981–2010 гг. по отношению к 1951–1980 гг. (*б*)

Анализ распределения изменений критерия Q^{15} в 1981–2010 гг. по сравнению с 1951–1980 гг. (рис. 2, *б*), показал наличие разнонаправленных тенденций: зоны роста показателя в восточной части территории и зоны его уменьшения в районе Обской губы и на крайнем севере территории. Максимальное увеличение числа дней наблюдается на станции Тазовск и составляет 1,6 дня / год. Также стоит отметить очаг роста на станции Туруханск, здесь значение составляет 1,2 дня / год. Более чем на 1,2 дня / год уменьшилось число дней с осадками более 15 мм на станциях Диксон, Мыс Каменный и Новый Порт. На остальной территории (за исключением юго-запада, где на станции Туринск отмечается рост числа дней с сильными осадками более чем на 0,8 дней / год) значимых изменений не выявлено.

Чтобы оценить, насколько согласованно изменяются критерии Q^5 и Q^{15} по территории, был применен метод главных компонент, предложенный для использования в таком качестве авторами [12]. Данный метод позволяет оценивать синхронность в изменениях различных характеристик климата, что, в свою очередь, дает возможность выявлять ведущие факторы в их изменчивости. То есть при условии высокой согласованности в динамике рассмотренных показателей по территории можно утверждать, что эти изменения представляют собой отклик на процессы глобальных масштабов. Задача компонентного анализа состоит в преобразовании исходных характеристик в главные компоненты, дисперсия которых равна дисперсии исходного ряда. Для адекватного описания исходного ряда считается достаточным такое количество главных компонент, общий вклад которых в суммарную дисперсию составляет более 80% [13].

Компонентный анализ критериев экстремальности режима осадков исследуемой территории показал его высокую неоднородность. Что можно связать со значительным определяющим влиянием местных условий станции на режим осадков, большой протяженностью территории с севера на юг и преобладанием различных форм атмосферной циркуляции над разными ее частями, прежде всего особенностями циклонической активности. Доля объясненной двумя первыми компонентами изменчивости осадков составляет всего 28–35%. Таким образом, можно заключить, что изменения в режиме осадков Западной Сибири лишь на треть определяются глобальными событиями в климате. Для построения моделей поля атмосферных осадков данной территории необходимо усиливать вычислительные технологии, учитывающие местные условия.

Далее была поставлена задача выявить районы в Западной Сибири, схожие между собой по вариабельности критериев Q^5 и Q^{15}. С этой целью значения ряды критериев были подвержены процедурам кластеризации с последующим получением вариантов классификации. Кластерный анализ позволяет естественно структурировать исходные данные, на различающиеся по степени согласованности изменений группы станций. Для кластеризации использовали метод k-средних (k-mean) и метод восходящей иерархической классификации. Суть метода k-средних заключается в поиске такого разбиения на классы, при котором дисперсия разбиения максимальна для заданного числа классов. Для оценки качества классификации используются расчетные характеристики – внутриклассовое расстояние (расстояние до центра класса за каждый год и среднее) и Евклидовы расстояния между классами. При этом качественное разделение на классы достигается при условии, что внутриклассовые расстояния меньше межклассовых. В процессе классификации методом k-средних необходимо задавать число выделяемых классов, что на первоначальном этапе исследования нам не известно. Выбранное случайным образом число кластеров может привести к некорректным результатам. Поэтому для анализа данных на первоначальном этапе был применен метод восходящей иерархической классификации, идея которого заключается в последовательном объединении близких по каким-либо признакам кластеров путем построения бинарного «перевернутого дерева» иерархии классов [14]. Алгоритм применения классификации для климатологических полей подробно описан в [15, 16].

Самый верхний из полученных классов распределения (рис. 3, 4), завершающий иерархию, идентичен среднему всей выборки. При спуске по ветвям дендрограммы структуры детализируются согласно региональным мезоклиматическим особенностям. И так до некоторого уровня, когда следует останавливать процесс кластеризации, так как более мелкие структуры уже не будут значимыми как физически, так и статистически.

Применение иерархического кластерного анализа для классификации Q^5 (рис. 3) первоначально показало выделение двух классов при пороговом расстоянии 270, в одном из которых при пороговом расстоянии 80 сформировались дополнительно 2 таксона, а также 3 обособленные станции (Диксон, Дудинка и Тазовск).

Для определения целесообразности трех полученных классов был применен метод k-средних. При исключении из классификации 3 указанных станций, наилучшие результаты при использовании метода k-средних также были получены при делении рассматриваемой территории на 3 класса. При этом Евклидово расстояние между 1-м и 2-м классами составило 9,1, между 1-м и 3-м – 9,3, между 2-м и 3-м – 32,9. Деление территории на 3 класса соответствует необходимым условиям: межклассовые расстояния больше, чем внутриклассовые (среднее расстояние до центра класса в табл. 1), условие плотности классов соблюдается.

Визуальная оценка таксонов, полученных для критерия Q^{15} (рис. 4), показала, что выделяются устойчиво 3 либо 4 таксона при пороговом расстоянии 60 и 40 соответственно.

Применение метода k-средних позволило оценить целесообразность полученных классов. Анализ при делении на 3 и 4 таксона и сравнении рассчитанных соответствующих внутриклассовых и межклассовых расстояний показал, что разделение на четыре таксона нарушает условие плотности классов. Деление территории на 3 таксона соответствует необходимым усло-

виям: межклассовые расстояния больше, чем внутриклассовые. Евклидово расстояние между первым и вторым классами составило 11,3, между 1-м и 3-м – 5,1, между 2-м и 3-м – 2,6. Таким образом, в поле Q^{15} выделено также три класса станций с оптимальной согласованностью изменений этого параметра (табл. 1).

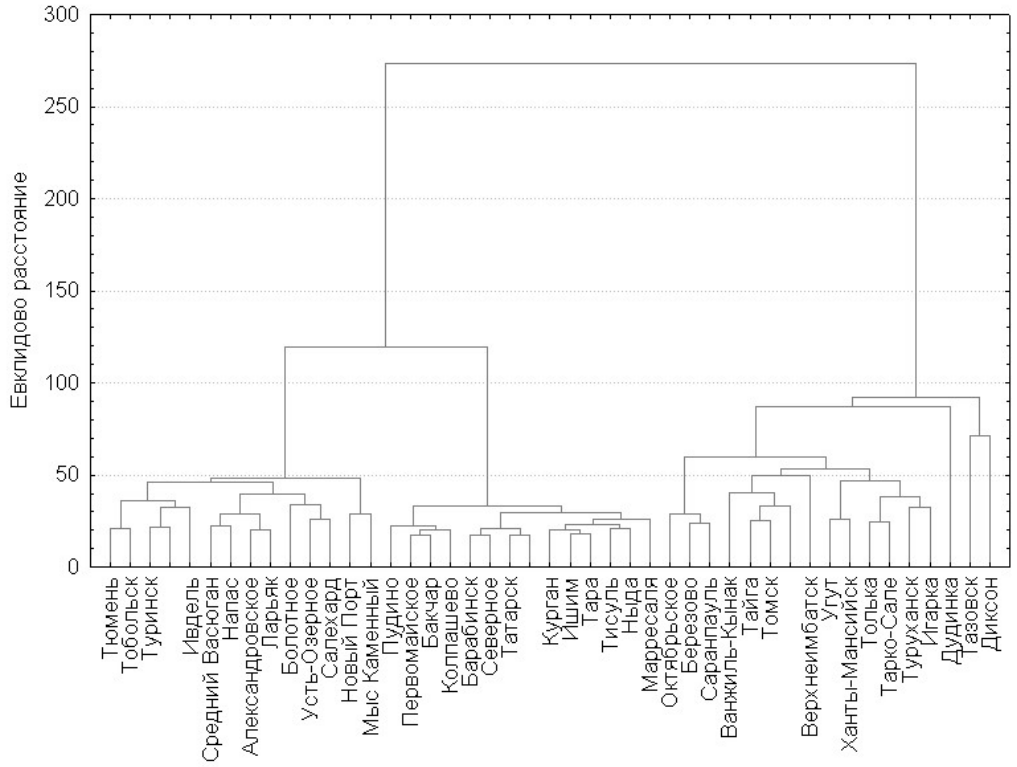

Рис. 3. Дендрограмма иерархического кластерного анализа числа дней с осадками ≥ 5 мм при отрицательной температуре на территории Западной Сибири на основе метода Уорда (Ward's method)

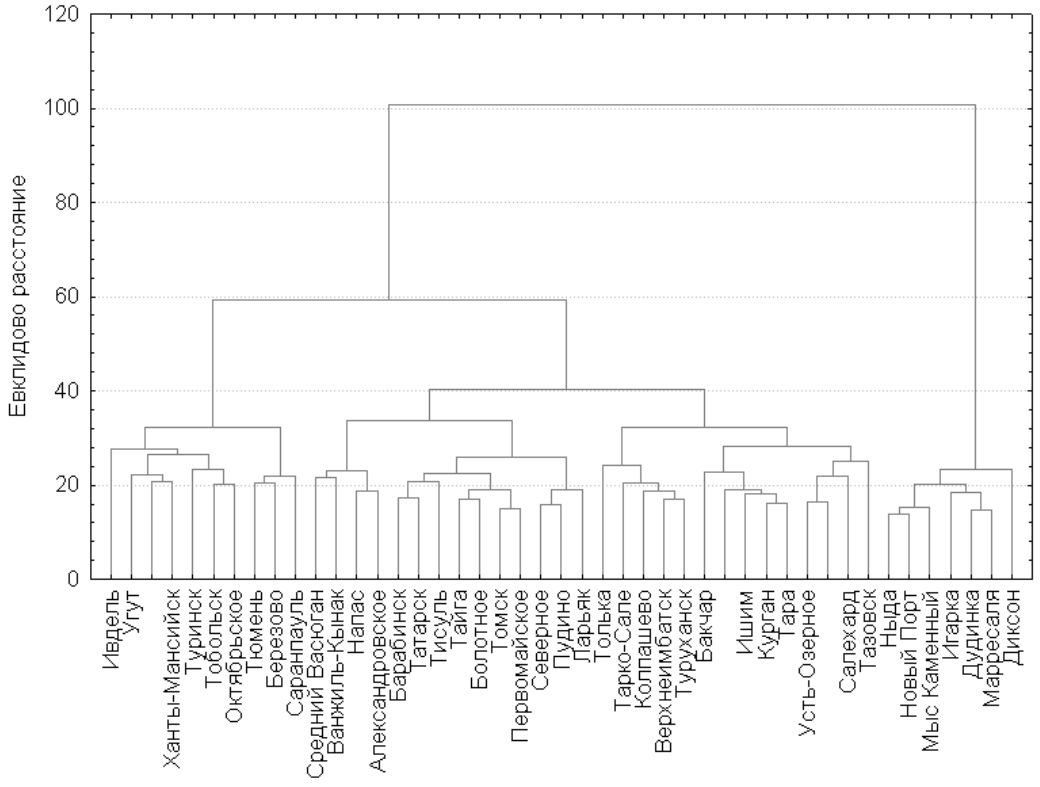

Рис. 4. Дендрограмма иерархического кластерного анализа числа дней с осадками ≥ 15 мм на территории Западной Сибири на основе метода Уорда (Ward's method)

Таблица 1

Характеристика классов числа дней с осадками ≥ 5 мм при отрицательной среднесуточной температуре и числа дней с осадками ≥ 15 мм

Критерий	Номер класса	Среднее расстояние до центра класса	Станции
Q^5	1	2,9	Мыс Каменный, Новый Порт, Игарка, Салехард, Тарко-Сале, Толька, Ларьяк, Ивдель, Ханты-Мансийск, Леуши, Туринск, Напас, Ср. Васюган, Усть-Озёрное, Александровское, Болотное, Тайга
	2	2,1	Марресаля, Ныда, Тобольск, Тюмень, Тара, Ишим, Курган, Колпашево, Омск, Пудино, Бакчар, Первомайское, Северное, Тисуль, Татарск, Барабинск
	3	3,2	Березово, Верхнеимбатск, Октябрьское, Бор, Угут, Ванжиль-Кынак, Томск, Саранпауль, Туруханск
Q^{15}	1	1,5	Диксон, Марресаля, Дудинка, Игарка, Новый Порт, Мыс Каменный
	2	2,07	Саранпауль, Березово, Тюмень, Октябрьское, Ивдель, Ханты-Мансийск, Угут, Леуши, Тобольск, Туринск
	3	1,96	Тазовск, Салехард, Ныда, Туруханск, Тарко-Сале, Толька, Верхнеимбатск, Ларьяк, Бор, Александровское, Ванжиль-Кынак, Тара, Ишим, Курган, Омск, Напас, Ср. Васюган, Усть-Озёрное, Колпашево, Пудино, Бакчар, Первомайское, Северное, Томск, Болотное, Тайга, Тисуль, Татарск, Барабинск

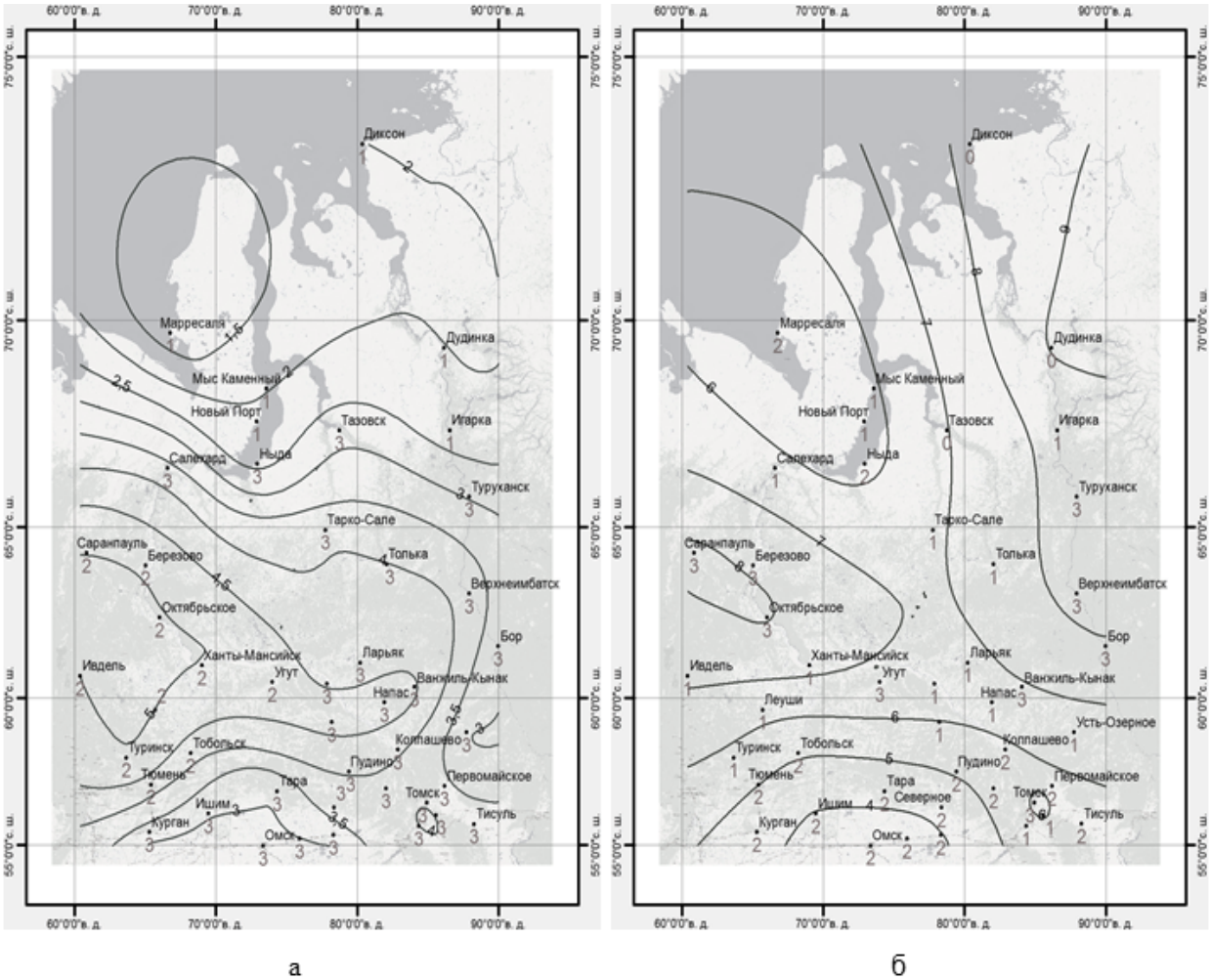

Рис. 5. Распределение классов на основе метода k-средних: *а* – для критерия Q^{15} , *б* – для критерия Q^5

Результаты формальной классификации представлены на рис. 5 (*а*, *б*). На карту классов наложены изолинии средних за период 1951–2010 гг. числа дней с осадками заданных градаций.

На рис. 5, *а* видно, что распределение классов достаточно хорошо согласовано с распределением средних многолетних значений рассматриваемых критериев. Первый класс Q^{15} (рис. 5, *а*) характеризует станции непосредственно побережья Карского моря и приближенные к нему. За режим осадков этой части территории отвечают, чаще всего, северо-западные и западные циклоны [17, 18]. Станции западной части территории вошли во 2-й класс. Наиболее многочисленный 3-й класс включает

станции, характеризующиеся средними уровнями показателя Q^{15}– 3–4 дня/год. На данной территории наиболее часто интенсивные осадки в теплое время года формируются под влиянием южных и местных циклонов [19].

В холодное полугодие (рис. 5, *б*) пространственная конфигурация выделенных классов имеет сложную структуру, согласованность с распределением средних многолетних значений выражена меньше по сравнению с полем критерия Q^{15}. Однако выделяются некоторые закономерности в распределении классов. Явно просматривается высокая географическая локализация 2-го класса, соответствующего в климатическом плане району с умеренным увлажнением. Через данную часть территории происходят выходы юго-западных циклонов, приносящие резкие изменения погоды [17] и интенсивные осадки. Третий класс в целом соответствует областям повышенного среднего годового количества Q^5.

После выделения классов был проведен компонентный анализ в каждом из них. Получено (табл. 2), что доля объясненной дисперсии первыми двумя компонентами возрастает при выборе менее крупных территорий.

Таблица 2

Результаты компонентного анализа числа дней с осадками до и после проведения процедуры классификации

Критерий	Доля объясненной дисперсии, %				
	до проведения классификации		после проведения классификации		
	1-я компонента	2-я компонента	Классы	1-я компонента	2-я компонента
Q^5	19,2	15,5	1	34,0	11,0
			2	29,5	15,5
			3	43,0	14,5
Q^{15}	20,4	7,1	1	34,0	26,6
			2	24,0	15,9
			3	13,7	9,8

Так, суммарная доля объясненной дисперсии полей критериев Q^{15} и Q^5 при выборе всей территории Западной Сибири не превышает 28 и 35% соответственно. При учете результатов разбиения на классы доля объясненной дисперсии возрастает до 40–60%, т.е. проведенная классификация отражает увеличение синхронности при уменьшении масштаба территории. Исключение составляет 3-й класс критерия Q^{15}, включающий в себя 29 из 45 станций, где доля объясненной дисперсии суммы двух компонент уменьшается до 23%. Большая наполненность выделенного класса и объясняет многофакторность обеспечения дисперсии ряда числа дней с осадками ≥15 мм, величины, формируемой преимущественно ливневыми осадками, формирование которых зависит, в физическом смысле, от комплекса факторов, отражающих как циркуляционные процессы синоптического масштаба, так и местные условия увлажнения.

Таким образом, для выявления общих факторов в изменчивости поля критерия Q^{15} необходимо дополнительное деление 3-го класса на более мелкие таксоны. Дендрограмма иерархического кластерного анализа критерия Q^{15} (рис. 4) позволяет принять решение о понижении порогового значения до 30 при выделении классов. В этом случае происходит «расслоение» 3-го класса на мелкие таксоны, что позволяет получить более локальные оценки критерия «число дней с осадками ≥15 мм», при этом 2-й класс также распадается на две самостоятельные группы. Понижение порогового значения и объединение в мелкие таксоны приводят к потере качества результатов классификации. Можно говорить о некотором едином математическом пространстве, занимаемом 3-м классом, в котором превалирует более двух факторов, обеспечивающих изменчивость.

Предложенный подход в оценке пространственно-временной структуры поля атмосферных осадков с использованием кластерного анализа и метода главных компонент позволяет, с одной стороны, выявить схожие между собой совокупности по нескольким признакам и факторам, с другой – снизить размерность признакового пространства и сформировать ряды данных для дальнейшего анализа временной структуры без потери информации о взаимосвязи между переменными.

В результате приведённых исследований можно сформулировать следующие выводы:

1. Число дней с осадками ≥ 15 мм на более чем 90% станций на рассматриваемой территории наблюдается преимущественно в теплый период и соответствует числу ливневых дождей. Число дней с осадками ≥ 5 мм, рассчитанное с учетом температуры воздуха – при отрицательной среднесуточной температуре, соответствует, как правило, числу сильных снегопадов.

2. Число дней с осадками в пределах рассматриваемых критериев не превышает 3,3% от годовых значений для числа дней с осадками ≥ 5 мм для холодного периода и 1,5 % для числа дней с осадками ≥ 15 мм для теплого периода.

3. Максимальная непрерывная продолжительность числа дней с осадками ≥ 5 мм при отрицательной среднесуточной температуре не превышает 5 дней при среднем значении на большинстве станций 3–4 дня. Для критерия «число дней с осадками ≥ 15 мм» максимальная непрерывная продолжительность также составляет 5 дней при среднем значении по территории 2–3 дня.

4. На большей части территории число дней с осадками ≥ 5 мм за 1981–2010 гг. по сравнению с 1951–1980 гг. увеличилось на 1–2 дня в году. Анализ распределения изменений числа дней с осадками ≥15 мм в 1981–2010 гг. по сравнению с 1951–1980 гг. показал наличие разнонаправленных тенденций в пределах 1,5 дней в году: зоны роста показателя в восточной части территории и зоны его уменьшения в районе Обской губы и на крайнем севере территории.

5. В результате кластерного анализа полей осадков получено разделение на 3 класса для каждого критерия. Распределение классов в поле числа дней с осадками ≥ 15 мм достаточно хорошо согласовано с распределением средних многолетних значений рассматриваемых критериев. Первый класс локализован на севере территории (побережье Карского моря) и характеризуется в климатическом отношении наименьшей повторяемостью сильных ливней в году (до 3 дней). Станции западной части территории вошли во 2-й класс со средним многолетним значением около 5 дней, пространственно совпадающий с территорией повышенного увлажнения на территории Западно-Сибирской равнины [20]. Наиболее многочисленный (65% всех станций) 3-й класс составляет 3–4 дней/год.

6. В холодное полугодие пространственная конфигурация выделенных классов имеет сложную структуру с менее выраженной согласованностью распределения средних многолетних значений. Пространственное расположение станций во 2-м классе соответствует климатическому району с умеренным увлажнением (4–6 дней в году).

7. Компонентный анализ критериев экстремальности режима осадков исследуемой территории показал его неоднородность. Это можно связать со значительным влиянием местных условий станции на режим осадков и особенностями циклонической активности над разными частями обширной территории. Так, суммарная доля объясненной дисперсии полей исследуемых критериев не превышает 28–35% при рассмотрении всей территории Западной Сибири. При учете полученных в настоящей работе результатов кластерного анализа доля объясненной дисперсии возрастает до 40–60%. Проведенная классификация позволила выявить районы с синхронным изменением временных рядов экстремальных осадков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Изменения* климата, 2013 г.: Физическая научная основа. Вклад Рабочей группы I в Пятый оценочный доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата / Т.Ф. Стокер, Д. Цинь, Платтнер и др. Кембридж юниверсити пресс, Кембридж, Соединенное Королевство и Нью-Йорк, США. 2013. 222 с.
2. *Булыгина О.Н., Коршунова Н.Н., Кузнецова В.Н. и др.* Анализ изменчивости климата на территории России в последние десятилетия // Труды ВНИИГМИ-МЦД. 2000. Вып. 167. С. 3–15.
3. *Hennessy K.J., Suppiah R.* Trends in total rainfall, heavy rain events and number of dry days in Australia, 1910–1990 // Int. J. Climatol. 1998. Vol. 10. P. 1141–1164.
4. *Buffoni L., Brunetti M., Mangianti F.* Temperature, precipitation and extreme events during the last century in Italy // Glob. Planet Change. 2004. Vol. 40. P. 141–149.
5. *Bardossy A., Hundecha Y.* Trends in daily precipitation and temperature extremes across Western Germany in the second half of the 20th century // Int. J. Climatol. 2005. Vol. 25. P. 1189–1202.
6. *Angulo-Martinez M., Beguera S., Kenawy A. et al*. Trends in daily precipitation on the northeastern Iberian Peninsula, 1955–2006 // Int. J. Climatol. 2010. Vol. 30. P. 1026–104.
7. *Попова В.В., Шмакин А.Б.* Динамика климатических экстремумов в Северной Евразии в конце XX века // Известия РАН. Физика атмосферы и океана. 2006. Т. 42. № 2. С. 157–166.
8. *Chou, Chia, Chia-Wei Lan.* Changes in the Annual Range of Precipitation under Global Warming // J. Climate. 2012. Vol. 25. P. 222–235.
9. *Волкова М.А., Чередько Н.Н., Кусков А.И.* Пространственно-временная структура атмосферных осадков в Западной Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 328. С. 214–219.
10. *Перечень* и критерии опасных гидрометеорологических явлений для территории обслуживания Западно-Сибирского УГМС. URL: http://www.meteo-nso.ru/img/files/perechen.pdf (дата обращения: 21.05.2014).
11. *Российский* гидрометеорологический портал ВНИИГМИ-МЦД. URL: http://www.meteo.ru (дата обращения: 15.05.2013).
12. *Кусков А.И., Катаев С.Г.* Структура и динамика приземного температурного поля над азиатской территорией России. Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006. 176 с.
13. *Закусилов В.П., Закусилов П.В.* Использование компонентного анализа для характеристики атмосферной циркуляции над заданным географическим районом // Вестник ВГУ. Сер. География. Геоэкология. 2009. № 2. С. 67–71.
14. *Глинский В.В., Ионин В.Г.* Статистический анализ : учеб. пособие. М. : Информационно-издательский дом «Филинъ», 1998. 264 с.
15. *Поляков Д.В., Кужевская И.В.* Применение кластерного анализа для оценки температурно-влажностных условий в период активной вегетации на территории юга Западной Сибири и его связь с гидротермическим коэффициентом Т.Г. Селянинова // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360. С. 188–192.
16. *Эзау И.Н.* Кластерный анализ данных наблюдений и результатов численных экспериментов с моделью ОЦА // Метеорология и гидрология. 1995. № 12. С. 40–53.
17. *Горбатенко В.П., Ипполитов И.И., Поднебесных Н.В.* Циркуляция атмосферы над Западной Сибирью в 1976–2004 гг. // Метеорология и гидрология. 2007. № 5. С. 28–36.
18. *Горбатенко В.П., Ипполитов И.И., Логинов С.В. и др.* Влияние атмосферной циркуляции на температурный режим Сибири // Оптика атмосферы и океана. Т. 24, № 01. Томск : ИОА СО РАН, 2011. С. 15–21
19. *Кусков А.И., Катаев С.Г., Комаров А.И., Волкова М.А.* Циркуляционные условия формирования полей осадков теплого периода года на территории Томской области // Вестник ТГПУ. 2006. № 6 (57). С. 87–92.
20. *Климат* России / под. ред. Н.В. Кобышевой. СПб. : Гидрометеоиздат, 2001. 656 с.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 07 октября 2014 г.

THE CURRENT SPACE-TIME STRUCTURE OF THE EXTREME PRECIPITATION FIELD IN WESTERN SIBERIA

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 208-216. DOI 10.17223/15617793/390/34

Volkova Marina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mv2101@mail.ru

Cheredko Natalia N. Institute of Monitoring of Climatic and Ecological Systems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMCES SB RAS) (Tomsk, Russian Federation). E-mail: atnik3@rambler.ru

Sokolov Kirill I. Institute of Monitoring of Climatic and Ecological Systems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMCES SB RAS) (Tomsk, Russian Federation). E-mail: weliton@mail2000.ru

Ogurtsov Leontiy A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 1991leon@mail.ru

Keywords: Western Siberia; extreme atmospheric precipitation; number of days; cluster analysis.

At the present time, one of the most critical issues in the climate change problem is to assess variability of climatic parameters against variation in their average values. Many researchers note that, in the context of the global warming over the recent decades, extreme events of the climatic regime have become more frequent in most regions. The significant growth of extreme characteristics in the atmospheric precipitation regime against a small increase in average values may aggravate the risks of difficult-to-predict rainfall floods in rivers, flooding of urban areas and agricultural lands, washouts of roads. The following characteristics are used in this study: - number of days with precipitation ≥ 15 mm – Q_{15}; - number of days with precipitation ≥ 5 mm at the negative daily mean temperature – Q_{5}. For the study were used: daily meteorological data from the Russian Research Institute of Hydrometeorological Information – the World Data Center (meteo.ru) for 1951-2010, based on 45 stations of Western Siberia. The characteristics mean of the number of days with precipitation, frequency of days with precipitation for a month and a year; maximum continuous periods with extreme precipitation were calculated. The difference between mean values for 1951-1980 and 1981-2010 was calculated at the station for each indicator. The choice of the 30-year period is explained by the fact that 1951-1980 can be taken as the reference period in which there were no significant climate changes in Russia on average. The statistical significance was determined on the basis of t-test. The sequence of data was confirmed to belong to Gauss-Laplace distribution on the basis of the test for concordance. The criteria of the per annum frequency of occurrence do not exceed 3.3 % for Q_{5} and 1.5 % for Q_{15} (13 and 5 days per year, respectively) in the total number of days in the annual frequency for the 60-year period. The maximum continuity of the number of days with precipitation ≥ 5 mm at the negative daily mean temperature does not exceed 5 days. The average value for the most stations reaches 3-4 days. The maximum continuous period for the criterion Q_{5} does not exceed 5 days as well, at the average value of 2-3 days. The distribution for Q_{5} in 1981-2010 against 1951-1980 shows that the number of days with precipitation of this level increased by 1-2 days per year over the major part of the territory. The distribution of changes in Q_{15} for 1981-2010 as compared with 1951-1980 demonstrates the opposite trends: the zone where the indicator grows (eastern part of the territory) and the zone where the indicator decreases (around the Gulf of Ob and in the Far North of the area). The differences reach 1.5 days per year. The method of principal components (factor analysis) and cluster analysis were used for assessing the synchronism in time and space. The component analysis of the precipitation regime for extremes in the study area shows that this regime is unevenly distributed. This can be associated with the significant effect of the local station conditions on the precipitation regime, the prevalence of different forms of atmospheric circulation and the specifics of the cyclonic activity over the different parts of the selected area. The first two components of precipitation variability make up about 35%. It can be concluded that changes in the precipitation regime of Western Siberia are determined by global climatic events only to the extent of one-third. The information technologies which enable to account for local conditions should be involved for constructing models of the atmospheric precipitation field in this area. Thus, the total share of the interpreted dispersion for fields of criteria Q_{15} and Q_{5}does not exceed 28-35 % for the whole territory of Western Siberia. Where the results of classification are taken into account, the share of the interpreted dispersion increase up to 40-60 %. The performed classification reflects the increase of synchronism with decreasing the scale of the area.

REFERENCES

1. *Stocker, T.F., Qin D., Plattner G.-K., Tignor M., Allen S.K., Boschung J., Nauels A., Xia Y., Bex V., Midgley P.M. (eds.)* Climate Change 2013: The Physical Science Basis. *Contribution of Working Group I to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change.* Cambridge, United Kingdom and New York, NY: Cambridge University Press, 2013. 1535 pp. DOI:10.1017/CBO9781107415324.
2. Bulygina O.N., Korshunova N.N., Kuznetsova V.N. et al. Analiz izmenchivosti klimata na territorii Rossii v poslednie desyatiletiya [Analysis of climate variability on the territory of Russia in the last decade]. *Trudy VNIIGMI-MTsD*, 2000, no. 167, pp. 3-15.
3. Hennessy K.J., Suppiah R. Trends in total rainfall, heavy rain events and number of dry days in Australia, 1910–1990. *Int. J. Climatol.*, 1998, vol. 10, pp. 1141–1164. DOI: 10.1002/(SICI)1097-0088(199808)18:10<1141::AID-JOC286>3.0.CO;2-P
4. Buffoni L., Brunetti M., Mangianti F. Temperature, precipitation and extreme events during the last century in Italy. *Glob. Planet Change*, 2004, vol. 40, pp. 141–149.
5. Bardossy A., Hundecha Y. Trends in daily precipitation and temperature extremes across Western Germany in the second half of the 20th century. *Int. J. Climatol.*, 2005, vol. 25, pp. 1189–1202.
6. Angulo-Martinez M., Beguera S., Kenawy A. et al. Trends in daily precipitation on the northeastern Iberian Peninsula, 1955–2006. *Int. J. Climatol.*, 2010, vol. 30, pp. 1026–104.
7. Popova V.V., Shmakin A.B. Dynamics of Climate Extremes in Northern Eurasia in the Late 20th Century. *Izvestiya RAN, Fizika atmosfery i okeana – Izvestiya, Atmospheric and Oceanic Physics*, 2006, vol. 42, no. 2, pp. 138–147.
8. Chou Chia, Chia-Wei Lan. Changes in the Annual Range of Precipitation under Global Warming. *J. Climate*, 2012, vol. 25, pp. 222–235. DOI: http://dx.doi.org/10.1175/JCLI-D-11-00097.1
9. Volkova M.A., Chered'ko N.N., Kuskov A.I. Spatio-temporal structure of atmospheric precipitation in Western Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2009. no. 328, pp. 214–219. (In Russian).
10. Perechen' i kriterii opasnykh gidrometeorologicheskikh yavleniy dlya territorii obsluzhivaniya Zapadno-Sibirskogo UGMS. [The list and criteria of hydrometeorological hazards to the service territory of the West Siberian Administration of Hydrometeorological Service]. Available from: http://www.meteo-nso.ru/img/files/perechen.pdf. (Accessed: 21st May 2014).
11. The Russian Hydrometeorological portal VNIIGMI-MTsD. Available from: http://meteo.ru. (Accessed: 15th May 2013).
12. Kuskov A.I., Kataev S.G. *Struktura i dinamika prizemnogo temperaturnogo polya nad aziatskoy territoriey Rossii* [Structure and dynamics of the surface temperature field of Asian Russia]. Tomsk: TSPU Publ. 2006. 176 p.
13. Zakusilov V.P., Zakusilov P.V. Use of component analysis to characterize the atmospheric circulation over a given geographical area. *Vestnik VGU. Seriya Geografiya. Geoekologiya — Proceedings of Voronezh State University. Geography. Geology*, 2009, no. 2, pp. 67–71. (In Russian).
14. Glinskiy V.V., Ionin V.G. *Statisticheskiy analiz* [Statistical analysis]. Moscow: Filin" Publ., 1998. 264 p.
15. Polyakov D.V., Kuzhevskaya I.V. Use of cluster analysis for assessing heat and moisture during active vegetationin south of Western Siberia and its relation to T.G. Selyaninov hydrothermal coefficient. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2012, no. 360, pp. 188 –192. (In Russian).
16. Ezau I.N. Klasternyy analiz dannykh nablyudeniy i rezul'tatov chislennykh eksperimentov s model'yu OTsA [Cluster analysis of observational data and the results of numerical experiments with model GAC]. *Meteorologiya i gidrologiya – Russian Meteorology and Hydrology*, 1995, no. 12, pp. 40–53.
17. Gorbatenko V. P., Ippolitov I.I., Podnebesnykh N.V. Atmospheric circulation over western Siberia in 1976-2004. *Meteorologiya i gidrologiya – Russian Meteorology and Hydrology*, 2007, no. 5, pp. 28–36. (In Russian).
18. Gorbatenko V.P., Ippolitov I.I., Loginov S.V. et al. Effect of atmospheric circulation on temperature variations in Siberia. Optika atmosfery i okeana – *Atmospheric and Oceanic Optics*, 2011, vol. 24, no. 1, pp. 15–21. (In Russian).
19. Kuskov A.I., Kataev S.G., Komarov A.I., Volkova M.A. Circulating Conditions of the Forming Precipitation Fields of the Warm Year Period on the Tomsk Region. *Vestnik TGPU – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2006, no. 6(57), pp. 87–92. (In Russian).
20. Kobysheva N.V. (ed.) *Klimat Rossii* [The climate of Russia]. St. Petersburg: Gidrometeoizdat Publ., 2001. 656 p.

Received: 07 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 211–217. DOI 10.17223/15617793/390/35

УДК 556.314

Е.В. Домрочева, О.Е. Лепокурова

РАВНОВЕСИЯ СОДОВЫХ ПОДЗЕМНЫХ ВОД УГЛЕНОСНЫХ ОТЛОЖЕНИЙ НАРЫКСКО-ОСТАШКИНСКОЙ ПЛОЩАДИ (КУЗБАСС) С МИНЕРАЛАМИ ВМЕЩАЮЩИХ ПОРОД

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ №14-05-31095-мол_а.

На примере подземных вод Нарыкско-Осташкинской площади центральной части Кузбасса приводятся результаты расчета равновесий с наиболее распространенными карбонатными и алюмосиликатными минералами вмещающих пород, наиболее часто встречающихся в геологическом разрезе изучаемой территории. Показано, что воды неравновесны с первичными (эндогенными) минералами, которые они и растворяют, но в то же время равновесны с глинами и карбонатами, которые осаждаются из вод.

Ключевые слова: содовые подземные воды; Кузбасс; Нарыкско-Осташкинская площадь; равновесия в системе вода – вмещающая порода.

Введение

По геохимии содовых вод Кузбасса авторами совместно с большим коллективом коллег уже были опубликованы работы [1–6]. Основные теоретические положения по образованию соды рассмотрены в работах В.А. Ковды, У.П. Келлея, И.Н. Антипова-Каратаева, Н.И. Базилевич, Е.В. Посохова, Ю.В. Баталина, Б.С. Касимова, Е.Ф. Станкевича, В.Г. Попова, К.К. Гедройца, С.Л. Шварцева и многих других ученых, но споры вокруг проблемы формирования этих уникальных природных образований не утихают до сих пор. Авторами этот вопрос рассматривается с позиций общей теории взаимодействия воды с горными породами, предложенной С.Л. Шварцевым [3, 7]. Согласно придерживаемой концепции выявление состояния равновесия подземных вод с ведущими минералами является начальным этапом, необходимым для познания условий формирования химического состава вод.

Фактический материал и методы исследования

Томский филиал ИНГГ СО РАН начиная с 2002 г. ведет совместные работы с ООО «Газпром добыча Кузнецк» по гидрогеологии, гидрогеохимии и экологии территорий потенциальной промышленной добычи угольного метана Кузбасса. В 2012 г. наши исследования были сосредоточены на территории Нарыкско-Осташкинской площади Ерунаковского района Кемеровской области, являющейся одной из приоритетных площадей для крупномасштабной добычи угольного метана [8]. С 2009 по 2012 г. здесь была пробурена 41 скважина глубиной от 100 до 1 200 м. Всего имеются данные по химическому составу вод по 112 пробам из 41 скважины (рис. 1).

В каждой точке гидрогеохимического опробования in situ (непосредственно на месте отбора) определились параметры быстроизменяющихся компонентов, таких как Eh, pH, температура, ионы NO_2^-, NO_3^-, NH_4^+, Fe^{2+} и Fe^{3+}. Макрокомпонентный и микрокомпонентный составы вод исследовались в проблемной научно-исследовательской гидрогеохимической лаборатории Томского политехнического университета, зарегистрированной в Системе аналитических лабораторий Госстандарта России. Для проведения полного химического анализа вод использовались традиционные методы, а также методы спектрального, атомно-абсорбционного анализов и др.

При расчетах равновесий, ввиду вычислительной трудоемкости, использован программный комплекс (ПК) HydroGeo, разработанный М.Б. Букаты [9] и сертифицированный в Росатомнадзоре. Данный ПК базируется на методе констант равновесий. В систему вводятся результаты химического анализа воды, включая концентрации органических веществ, а также температура и pH раствора. В результате трудоемких гидрогеохимических расчетов получаются активности химических соединений (то, что реально есть в растворе), при сравнении которых со стандартными значениями (больше или меньше) можно сделать вывод о насыщенности или ненасыщенности раствора относительно какого-либо минерала.

Геология, гидрогеология района и состав вмещающих отложений

Нарыкско-Осташкинская площадь представляет собой брахисинклинальную структуру, осложненную тектоническими нарушениями. Подавляющая часть разреза сложена в основном угленосно-терригенными отложениями кольчугинской серии (P_2–P_3), представленной песчаниками, алевролитами и аргиллитами с включением до 50 угольных пластов. Эта серия делится на ерунаковскую (мощность 1,2–1,6 км) и ильинскую (мощность 0,8–1,2 км) подсерии. Угольные пласты рабочей мощности в основном располагаются в пределах ерунаковской подсерии. Выше по разрезу распространены триасовые (мальцевская серия) и юрские (конгломератовая серия) отложения. Первые из них безугольные, вторые содержат невыдержанные маломощные пласты угля [10]. Сверху коренные породы покрыты маломощными рыхлыми отложениями кайнозойского возраста, представленными глинами, суглинками и гравийно-галечниками.

Гидрогеологическое строение более подробно представлено в [6]. По литолого-стратиграфическим и гидродинамическим признакам здесь выделяются четыре водоносных комплекса: водоносный комплекс

четвертичных аллювиальных отложений, водоносный комплекс нерасчленённых юрских отложений, водоносный комплекс нерасчленённых триасовых отложений мальцевской серии и водоносный комплекс средне-верхнепермских отложений ерунаковской подсерии. Последний пользуется самым широким распространением и занимает почти всю площадь.

Разрез комплекса средне-верхнепермских отложений представлен чередованием мощных пластов песчаников с алевролитами, аргиллитами и углями. По минералогическому составу в породе содержится не менее 50–60% кластического материала, в основном это мелкие обломки кварца (до 40–53%). Кроме этого широко распространены глинистые породы (32–59%), эффузивы (43–46%), полевые шпаты (34–37%), в небольшом количестве более крупные зерна плагиоклаза и ортоклаза. Эти последние в значительной степени изменены вторичными процессами (серитизация, кальцитизация, доломитизация, каолинизация). В незначительном количестве присутствуют окатанные обломки кремнистых пород и кварцитов (16–34%). Из аутогенных минералов отмечен пирит. Повсеместно в породе рассеяны разнообразной формы углистые частицы, количество которых составляет не менее 5%. Также присутствуют бейделлит и гидроокислы железа [11].

Химический состав подземных вод

Содовые воды в Кузбассе пользуются практически повсеместным распространением, начиная с глубин первых сотен метров, в среднем с глубин 150–200 м [1–4], т.е. в пределах зоны замедленного водообмена. Такая картина характерна для подавляющего большинства артезианских и адартезианских бассейнов с фациями пониженной солености. При этом с глубиной содержание соды в водах возрастает. Эту же картину мы наблюдаем и на Нарыкско-Осташкинской площади. Содовые воды занимают строго определенное пространственное расположение в разрезе, что мы и рассмотрим ниже.

На исследуемой территории прослеживается прямая вертикальная гидродинамическая зональность, в соответствии с которой по интенсивности водообмена выделяются две зоны: активного и замедленного водообмена. Воды обеих зон различаются по химическому и газовому составу и подчиняются прямой вертикальной гидрогеохимической зональности [1, 2].

Воды зоны активного водообмена распространены в верхней части разреза, сложенной рыхлыми мезокайнозойскими (преимущественно четвертичными) отложениями, и в зоне интенсивной трещиноватости юрских отложений. Это пресные воды (минерализация от 0,4 до 0,8 г/л), которые распространяются до глубины ориентировочно 100–150 м, хотя эта граница условна и иногда опускается до 400 м. По химическому составу воды гидрокарбонатные кальциевые и кальциево-натриевые (таблица). Концентрации Cl^- и SO_4^{2-} не высокие. Подземные воды в основном нейтральные, реже слабощелочные.

Воды зоны замедленного водообмена (содовые) распространены в песчаных средне-верхнепермских угленосных отложениях, частично в эффузивно-осадочных отложениях триаса. Мощность зоны достигает 2 000 м [1] начиная с глубин 110–150 м. Исключение составляет одна проба, отобранная с глубины всего лишь 30 м. Это объясняется, скорее всего, поступлением вод из больших глубин по зонам нарушений в сторону разгрузки. Воды отличаются не только более высокой минерализацией (от 1, реже от 0,4–1,2 до 10–19 г/л), но и составом (таблица). Здесь практически повсеместно развиты содовые воды (HCO_3–Na), характерные для всего Кузбасса, с pH от 7,5 до 9,9.

В верхней части зоны (с интенсивно трещиноватыми породами) воды еще пресные или слабоминерализованные (0,5–5 г/л), гидрокарбонатные кальциево-натриевые либо натриево-кальциевые, pH 7,5–9,8. Увеличивается содержание Cl^- до 182 мг/л, иногда SO_4^{2-}до 186 мг/л. Источником последнего скорее всего служат сульфиды – пирит (встречающийся в составе вмещающих отложений), окисление которого и приводит к появлению в водах этого иона. Содержание Ca^{2+}, наоборот, уменьшается до 3 мг/л. В составе водорастворенного газа появляется метан (85–95%).

В нижней части зоны замедленного водообмена (зона затухающей трещиноватости), на глубине примерно более 400–1200 м, развиты уже солоноватые и даже слабосоленые (до 19,6 г/л) содовые воды. Минерализация увеличивается за счет продолжающегося увеличения содержания HCO_3^- – до 13 г/л, Na^+ – до 5,6 г/л, Cl^- – до 2,9 г/л. При этом содержания SO_4^{2-} незначительные. Таким образом, воды остаются гидрокарбонатными, реже гидрокарбонатно-хлоридными, хлоридно-гидрокарбонатными натриевыми. В составе водорастворенного газа продолжает накапливаться метан.

Зона весьма замедленного водообмена может быть выделена предположительно на глубинах более 2 000 м, поскольку данных по ней на исследуемой площади нет. Практически она изучена только на Абашевской структуре в двух глубоких скважинах, где в интервале глубин 2 270–2 502 м встречены хлоридно-гидрокарбонатные и гидрокарбонатно-сульфатно-хлоридные натриевые воды с минерализацией 32,0–35,7 г/л.

Таким образом, содовые воды на Нарыкско-Осташкинской площади развиты в песчаных средне-верхнепермских угленосных отложениях на глубинах от 110–150 до, предположительно, 2 000 м в зоне замедленного водообмена. Выше, в зоне активного водообмена, циркулируют пресные HCO_3–Ca воды; ниже, в зоне весьма замедленного водообмена, – предположительно рассолы Cl–Na состава. Содовые воды имеют минерализацию от 0,4 до 19,9 г/л, pH – от 7,5 до 9,9, иногда с повышенным содержанием Cl^-, а также таких микрокомпонентов, как Sr, J, Br (в нижней части зоны замедленного водообмена) [6] и метановый газовый состав.

Результаты расчета равновесия в системе вода – порода

В исследовании были выбраны те минералы, которые наиболее часто встречаются в горных породах, слагающих изучаемый разрез (см. выше): карбонатные (кальцит, магнезит, доломит, сидерит) и алюмосиликатные (кварц, ПШ, глины и др.).

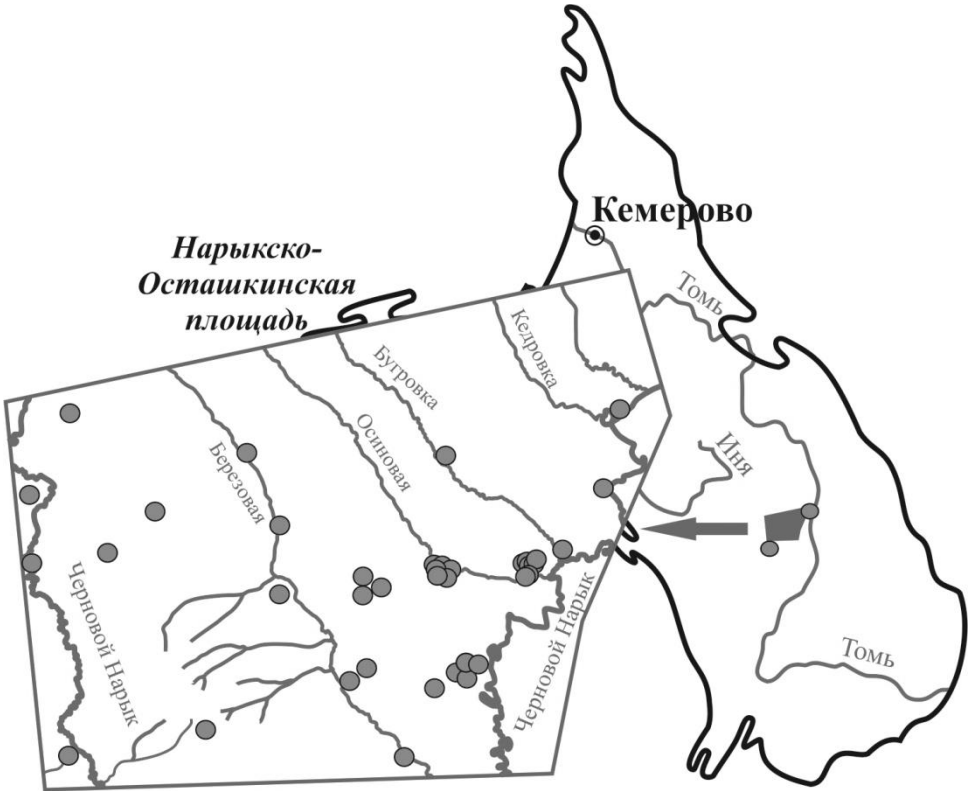

Рис. 1. Схема расположения скважин (*кружок*) на исследуемой площади

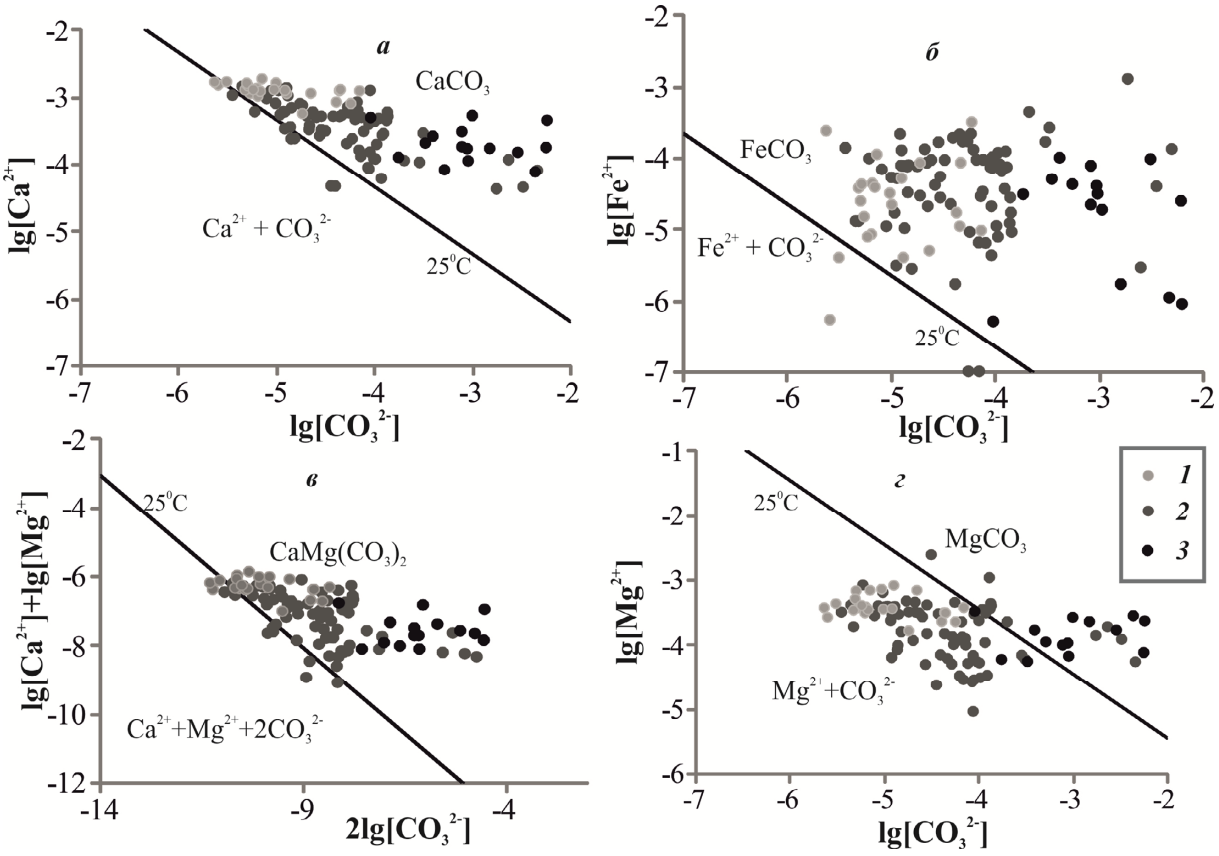

Рис. 2. Равновесие подземных вод с кальцитом (*а*), сидеритом (*б*), доломитом (*в*) и магнезитом (*г*) при пластовой и стандартной температурах: *1* – подземные воды зоны активного водообмена; *2* – подземные воды зоны замедленного водообмена (верхняя часть); 3 – подземные воды зоны замедленного водообмена (нижняя часть)

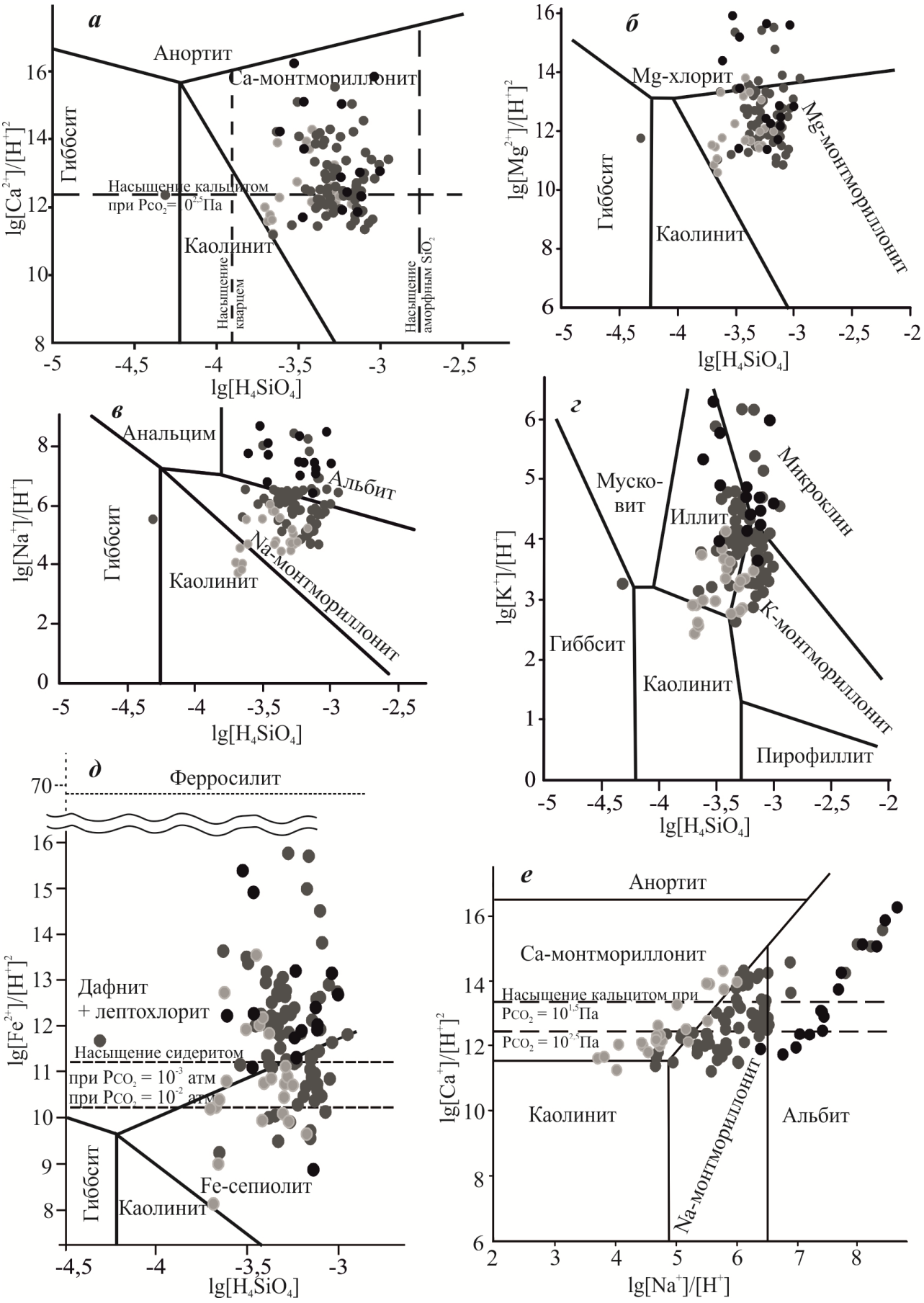

Рис. 3. Диаграмма равновесия кальциевых (*а*), магниевых (*б*), натриевых (*в*), калиевых (*г*), железосодержащих (*д*) и кальциево-натриевых при $lg[H_4SiO_4] = -3,25$ (*е*) минералов с подземными водами

Средний химический состав подземных вод Нарыкско-Осташкинской площади, мг/л

Параметр	Зона активного водообмена	Зона замедленного водообмена	
		с интенсивно трещиноватыми породами	затухающей трещиноватости
Глубина отбора пробы, м	100–417 195	30–1060 575	398–1200 734
pH	7,0–8,6 7,7	7,5–9,8 8,1	7,6–9,9 8,6
Ca^{2+}	32–120 77	3–88 32	8–61 24
Mg^{2+}	10,4–30,5 19,0	0,4–48,6 10,0	4,9–27,9 13,9
Na^{+}	9–44 32	58–3800 438	2833–5662 4090
K^{+}	0,4–4,0 1,5	0,3–20,0 4,5	1,0–19,2 10,5
NH_4^{+}	0,05–2,87 0,86	0,03–7,08 1,77	0,3–20,0 7,6
$Fe_{общ}$	0,05–24,5 3,9	0,01–192,0 10,4	0,1–29,5 9,2
SiO_2	7,5–25,3 14,6	1,8–42,5 22,0	9,2–37,5 22,3
HCO_3^{-}	317–580 411	258–3111 824	1399–12503 6798
CO_3^{2-}	0,2–6,2 1,6	0,3–742,8 31,1	18,5–1285,7 380,7
Cl^{-}	0,9–24,0 6,5	1,5–182,0 22,9	30,0–2893,0 489,3
SO_4^{2-}	1,5–16,9 5,8	0,2–185,6 18,4	1,2–75,7 24,3
NO_3^{-}	0,01–6,20 1,7	0,1–8,1 1,1	0,01–190,0 19,5
NO_2^{-}	0,01–0,39 0,07	0,01–0,32 0,04	0,005–0,79 0,09
PO_4^{3-}	0,01–0,07 0,03	0,01–0,15 0,04	0,28–1,26 0,62
$C_{орг}$	0,9–9,1 3,5	1,3–7,8 4,0	12,8–52,8 26,3
ФК	2,0–38,7 6,9	2,9–14,8 7,7	27,9–115,0 56,9
ГК	0,1–2,6 0,6	0,3–2,0 0,8	0,2–1,1 0,7
Общая минерализация	459–768 564	436–4355 1271	3999–19890 10950
Кол-во проб	23	72	15

При расчетах равновесий между минералами и природными водами в уравнениях используются величины активности. На основе имеющихся данных по составу вод при помощи программного комплекса *HydroGeo* авторы получили величины активностей ионов с учетом ионной силы раствора, которая зависит от минерализации вод. Для бесконечно разбавленных растворов (пресных вод) ионная сила равна нулю. В случае достаточно минерализованных вод зоны замедленного водообмена она изменялась в пределах от 0,01 до 0,24.

Характер равновесия воды, например с кальцитом, может быть определен по произведению растворимости его ионов согласно реакции

$$CaCO_3 = Ca^{2+} + CO_3^{2-}, \qquad (1)$$

константа которой равна при температуре 5°C $10^{-8,09}$ и при 25°C – $10^{-8,34}$ [12]. Зная поэтому активности Ca^{2+} и CO_3^{2-}, можно рассчитать квотант реакции (Q) – то, что действительно есть в растворе. Если квотант реакции равен или больше константы, значит, воды равновесны или пересыщены относительно кальцита.

Результаты расчетов удобно представить графически с помощью диаграмм степени насыщения (см. рис. 2). Если фигуративные точки (квотант) располагаются выше линии насыщения (константы), то воды насыщены относительно карбонатов. С.Л. Шварцевым [7] выдвинута гипотеза, согласно которой содообразование – это естественный этап эволюции системы вода – алюмосиликаты, наступающий с момента достижения равновесия воды с кальцитом. Как видно на рис. 2, воды пересыщены практически все относительно кальцита и сидерита, большая часть относительно доломита и частично магнезита (одна треть).

С алюмосиликатными минералами расчеты более сложные, контролируются несколькими реакциями и диаграммы имеют несколько полей устойчивости (рис. 3). Принцип построения комплексных диаграмм описан в работах [12]. Фигуративные точки располагаются в полях устойчивости гидрослюды, монтмориллонита, частично альбита, микроклина и хлорита, а следовательно, эти минералы осаждаются из раствора. Неравновесны воды со всеми первичными алюмосиликатами водовмещающих пород: полевыми шпатами (кроме альбита), мусковитом, биотитом, пироксенами, роговыми обманками, эпидотом и многими другими, поля устойчивости которых расположены значительно выше и не представлены на графиках. Например, на рисунке 3, *д* видно, что воды насыщены относительно вторичных железистых алюмосиликатов – Fe-селадонита (гр. глауконита) $KFeAlSi_4O_{10}(OH)_2$ и дафнита (гр. хлорита) $Fe_5Al_2Si_3O_{10}(OH)_8$ (благодаря высокому содержанию в водах железа, до 192 мг/л!), но до поля устойчивости железистого пироксена – ферросилита ($Fe_2Si_2O_6$) еще очень далеко.

Следовательно, в этих условиях активно растворяются полевые шпаты, пироксены, эпидот и роговые обманки, т.е. первичные минералы, которые неустойчивы в этих условиях и соответственно выступают источником Ca, Mg, Na, Fe, K, Si, Al и др. С альбитом воды равновесны из-за высокого значения pH и высоких концентраций Na, следовательно, его они не растворяют.

Таким образом, воды, инфильтруясь через горные породы, растворяют эндогенные минералы (кроме альбита), с которыми неравновесны, и обогащаются соответственно Na, Ca, Mg, K, Si, Al и др. Часть элементов сразу уходит из раствора во вторичные отложения: окислы и гидроокислы, глины, карбонаты, которые в этих условиях не растворяются, а образуются, что мы и наблюдаем геологически (см. выше). Карбонаты связывают Ca, Mg, Fe, C, глинистые минералы – Al, Si, Ca, Mg, Fe, частично Na и K, альбит – Na, Al, Si, микроклин – K, Al, Si, окислы и гидроокислы – Fe и т.д. Менее всех связывается во вторичные отложения Na, поэтому продолжает накапливаться в воде и состав вод остается содовый. При этом часть минералов остается неравновесной с водой на всем пути ее движения и продолжает растворяться. К ним в первую очередь относятся алюмосиликаты Ca, Mg и Fe эндогенного генезиса, с которыми вода всегда неравновесна [7].

Выводы

Развитие содовых подземных вод на территории Нарыкско-Осташкинской площади связано с зоной замедленного водообмена в песчаных средне-верхнепермских угленосных отложениях на глубинах от 110–150 м до предположительно 2000 м. Выше, в зоне активного водообмена, циркулируют пресные HCO_3–Ca воды; ниже, в зоне весьма замедленного водообмена, – предположительно рассолы Cl–Na состава.

Содовые воды характеризуются HCO_3–Na составом с минерализацией от 0,4 до 19,9 (возможно, и более) г/л, pH – от 7,5 до 9,9, иногда повышенным содержанием Cl^- (в нижней части зоны замедленного водообмена) и SO_4^{2-} (в верхней части зоны) и метановым газовым составом.

Как показали термодинамические расчеты, воды неравновесны с первичными алюмосиликатными минералами вмещающих пород (полевыми шпатами, плагиоклазами, мусковитом, пироксенами, амфиболами и т.д.), которых они растворяют и обогащаются соответственно химическими элементами – Na, Ca, Mg, K, Si, Al и др. Часть элементов сразу уходит из раствора во вторичные отложения, с которыми воды равновесны: глины (монтмориллониты, гидрослюда, хлориты), карбонаты (кальцит, доломит, сидерит), окислы и гидроокислы Fe. Все это подтверждается геологически. Na менее всех связывается во вторичные отложения, поэтому продолжает накапливаться в воде и состав вод остается содовый.

Таким образом, содовые воды формируются в условиях замедленного водообмена в результате выветривания алюмосиликатов, но только в том случае, когда они насыщены относительно кальцита и глин (монтмориллонита, гидрослюды, хлоритов). Именно замедленный водообмен способствует относительно длительному взаимодействию воды с горными породами и установлению равновесия воды с кальцитом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Домрочева Е.В.* Гидрогеохимические особенности угольных районов Кузбасса : автореф. дис. … канд. геол.-минерал. наук. Томск, 2005. 22 с.
2. *Шварцев С.Л., Хрюкин В.Т., Домрочева Е.В., Кузеванов К.И., Рассказов Н.М., Попова Т.С., Лепокурова О.Е., Швачко Е.В.* Гидрогеология Ерунаковского района Кузбасса в связи с проблемой образования ресурсов и добычи угольного метана // Геология и геофизика. 2006. Вып. 47, № 7. С. 878–889.
3. *Шварцев С.Л., Рыженко Б.Н., Алексеев В.А., Дутова Е.М., Кондратьева И.А., Копылова Ю.Г., Лепокурова О.Е.* Геологическая эволюция и самоорганизация системы вода–порода: в 5 т. Т. 2: Система вода – порода в условиях зоны гипергенеза. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2007. 389 с.
4. *Шварцев С.Л., Домрочева Е.В., Рассказов Н.М.* Геохимия и формирование содовых вод Кузбасса // Известия Томского политехнического университета. 2011. Т. 318, № 1. С. 128–134.
5. *Копылова Ю.Г., Лепокурова О.Е., Токаренко О.Г., Шварцев С.Л.* Химический состав и генезис углекислых минеральных вод Терсинского месторождения (Кузбасс) // Доклады академии наук. 2011. Т. 436, № 6. С. 1–5.
6. *Домрочева Е.В., Лепокурова О.Е., Сизиков Д.А.* Геохимическая характеристика подземных вод Нарыкско-Осташкинской площади (Кузбасс) // Известия Томского политехнического университета. 2014. Т. 325, № 2.
7. *Шварцев С.Л.* Гидрогеохимия зоны гипергенеза. М. : Недра, 1998. 288 с.
8. *Карасевич А.М., Хрюкин В.Т., Зимаков Б.М., Матвеенко Н.Г., Золотых С.С., Натура В.Г., Попова Т.С.* Кузнецкий бассейн – крупнейшая сырьевая база промысловой добычи метана из угольных пластов. М. : Изд-во Академии горных наук, 2001. 64 с.
9. *Букаты М.Б.* Разработка программного обеспечения для решения гидрогеологических задач // Известия Томского политехнического университета. 2002. Т. 305, № 6. С. 348–365.
10. *Геология* угольных месторождений СССР / под ред. А.К. Матвеевой М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. 352 с.
11. *Рогов Г.М., Попов В.К.* Гидрогеология и катагенез пород Кузбасса. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. 192 с.
12. *Гаррелс Р.М., Крайст Ч.Л.* Растворы, минералы, равновесия. М. : Мир, 1968. 368 с.

Статья представлена научной редакцией «Науки о земле» 10 ноября 2014 г.

EQUILIBRIUM OF SODA GROUNDWATER OF COAL BEDS OF NARYKSKO-OSTASHKINSKAYA AREA (KUZBASS) WITH MINERALS OF CONTAINING ROCKS

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 211-217. DOI 10.17223/15617793/390/35

Domrocheva Evgeniya V. Tomsk Division of Trofimuk Institute of Petroleum-Gas Geology and Geophysics of the Siberian Branch of RAS (Tomsk, Russian Federation). E-mail: DomrochevaYV@ipgg.sbras.ru

Lepokurova Olesya E. Tomsk Division of Trofimuk Institute of Petroleum-Gas Geology and Geophysics of the Siberian Branch of RAS, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: LepokurovaOY@ipgg.sbras.ru

Keywords: sodium water; Kuzbass; Naryksko-Ostashkinskaya area; equilibrium in the system of water – rock.

In this article, on the example of the groundwater of Naryksko-Ostashkinskaya area of the central part of Kuzbass, are given the geological structure, hydrogeological features, chemical composition of waters and results of calculation of equilibrium with the most common carbonate and aluminosilicate minerals of containing rocks most spread in the geological section of the studied territory. In the Naryksko-Ostashkinskaya territory there is a direct vertical hydrodynamic division according to the intensity of water exchange into two distinct zones: the active and slowed-down water exchange. Water of both zones differ in chemical and gas composition and submit to direct vertical hydrogeochemical zoning. Of particular interest is the slowed-down water exchange zone, not only its higher salinity (from 1 and less often 0.4-1.2 to 10-19, g/l), but also the composition of water. It is almost universally soda water (HCO_3-Na), characteristic for all Kuzbass with a pH of 7.5 to 9.9. Thermodynamic calculations of water showed non-equilibrium with primary (endogenous) minerals which they dissolve, but at the same time equilibrium with clays and carbonates that precipitate in water. Almost all water is supersaturated with respect to calcite and siderite, to dolomite and magnesite in part. Therefore, in these conditions feldspars, pyroxene, epidote and hornblende are actively dissolved, i.e. primary minerals which are unstable in these conditions and respectively act as a source of Ca, Mg, Na, Fe, K, Si, Al, etc. Water is in equilibrium with albite because of high value of pH and high concentration of Na, therefore, it does not dissolve it. Thus, water filtered through rocks dissolves endogenous minerals

(except albite) which are not in equilibrium and is enriched respectively with Na, Ca, Mg, K, Si, Al and other elements. Some elements are out of the solution immediately and become secondary deposits: oxides and hydroxides, clays, carbonates which do not dissolve under these conditions but are formed. Carbonates connect Ca, Mg, Fe, C, clay minerals – Al, Si, Ca, Mg, Fe, partially Na and K, albite – Na, Al, Si, potash feldspar – K, Al, Si, oxides and hydroxides – Fe, etc. Na less of all becomes a secondary deposit; therefore, it continues to concentrate in water and the composition of water remains soda. A part of minerals remains in non-equilibrium with water all the way of its movement and continues to be dissolved. First of all, it is Ca, Mg and Fe aluminosilicates of endogenous genesis, water is always in non-equilibrium with them.

This work was supported by RFBR grant No. 14-05-31095-mol_a.

REFERENCES

1. Domrocheva E.V. *Gidrogeokhimicheskie osobennosti ugol'nykh rayonov Kuzbassa*: avtoref. dis. kand. geol.-mineral. nauk [Hydrogeochemical features of Kuzbass coal areas. Abstract of Geology-Mineralogy Cand. Diss.]. Tomsk, 2005. 22 p.
2. Shvartsev S.L., Khryukin V.T., Domrocheva E.V., Kuzevanov K.I., Rasskazov N.M., Popova T.S., Lepokurova O.E., Shvachko E.V. Hydrogeology of the Erunakovo area of the Kuznetsk Basin in the context of the problem of coal methane formation and mining. *Geologiya i geofizika – Geology and Geophysics*, 2006, vol. 47, no. 7, pp. 878–889. (In Russian).
3. Shvartsev S.L., Ryzhenko B.N., Alekseev V.A., Dutova E.M., Kondrat'eva I.A., Kopylova Yu.G., Lepokurova O.E. *Geologicheskaya evolyutsiya i samoorganizatsiya sistemy voda-poroda: v 5 tomakh* [Geological evolution and self-organization of water-rock system: in 5 volumes]. Novosibirsk: SB RAS Publ., Vol. 2, 389 p.
4. Shvartsev S.L., Domrocheva E.V., Rasskazov N.M. Geokhimiya i formirovanie sodovykh vod Kuzbassa [Geochemistry and the formation of soda waters in Kuzbass]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2011. T. 318, no. 1, pp. 128–134.
5. Kopylova Yu.G., Lepokurova O.E., Tokarenko O.G., Shvartsev S.L. Chemical composition and genesis of the carbonic-acid mineral waters of the Tersinskoe deposit (Kuzbass). *Doklady akademii nauk – Doklady Earth Sciences*, 2011, vol. 436, no. 6, pp. 804–808. (In Russian).
6. Domrocheva E.V., Lepokurova O.E., Sizikov D.A. Geokhimicheskaya kharakteristika podzemnykh vod Naryksko-Ostashkinskoy ploshchadi (Kuzbass) [Geochemical characteristics of groundwater in Naryksko-Ostashkinskaya area (Kuzbass)]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2014, vol. 325, no. 1, pp. 94–101.
7. Shvartsev S.L. *Gidrogeokhimiya zony gipergeneza* [Hydrogeochemistry of hypergenesis zone]. Moscow: Nedra Publ., 1998. 288 p.
8. Karasevich A.M., Khryukin V.T., Zimakov B.M., Matveenko N.G., Zolotykh S.S., Natura V.G., Popova T.S. *Kuznetskiy basseyn – krupneyshaya syr'evaya baza promyslovoy dobychi metana iz ugol'nykh plastov* [Kuznetsk basin, the largest resource base of commercial production of coal bed methane]. Moscow: Academy of Mining Sciences Publ., 2001. 64 p.
9. Bukaty M.B. Razrabotka programmnogo obespecheniya dlya resheniya gidrogeologicheskikh zadach [Development of software for solving hydrogeological problems]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2002, vol. 305, no. 6, pp. 348–365.
10. Matveeva A.K. (ed.) *Geologiya ugol'nykh mestorozhdeniy SSSR* [Geology of coal deposits of the USSR]. Moscow: MSU Publ., 1990. 352 p.
11. Rogov G.M., Popov V.K. *Gidrogeologiya i katagenez porod Kuzbassa* [Hydrogeology and katagenesis of rocks in Kuzbass]. Tomsk: TSU Publ., 1985. 192 p.
12. Garrels R.M., Christ Ch.L. *Rastvory, mineraly, ravnovesiya* [Solutions, minerals, equilibrium]. Moscow: Mir Publ., 1968. 368 p.

Received: 10 November 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 218–224. DOI 10.17223/15617793/390/36

УДК 556.5.072

А.С. Тарасов, Д.А. Вершинин

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛОКАЛИЗАЦИИ ЛЕДОВЫХ ЗАТОРОВ НА РАЗВЕТВЛЁННОМ УЧАСТКЕ РУСЛА р. ТОМЬ С ПОМОЩЬЮ КОМПЬЮТЕРНОГО ГИДРАВЛИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 13-05-01086).

Рассмотрено влияние геоморфологических факторов на гидравлику потока. На основе данных об измеренных и рассчитанных расходах воды, а также толщине ледового покрова в программе HEC-RAS 4.1.0 построена гидравлическая модель разветвлённого участка р. Томь с заторами, способная учитывать прочностные характеристики льда. Введен безразмерный расчётный коэффициент вскрытия, построены карты-схемы его распределения на исследуемом участке.
Ключевые слова: заторы льда; река Томь; модель; HEC-RAS; пойменная многорукавность.

Введение

Заторы льда – регулярно повторяющееся явление на реках бассейна Томи. Наводнения, вызываемые заторами льда, могут причинять большой ущерб имуществу и угрожать здоровью и жизни людей. Однако для возникновения опасных заторов, как правило, необходимы определённые условия. К таким условиям относятся, прежде всего, характер предшествующих половодью осени и весны, в частности уровень воды в момент ледостава, объем ледовой массы как в местах образования заторов, так и выше по течению, интенсивность снеготаяния, а также геоморфологические особенности русла на каждом конкретном участке, которым уделено особое внимание в данном исследовании. Так, для р. Томь характерно возникновение опасных заторов в районе г. Томска. Это вызвано следующими геоморфологическими причинами: резким снижением уклонов водной поверхности р. Томь на подходе к Томску и наличием участка пойменной многорукавности.

На рис. 1 приведен продольный профиль р. Томь от устья до г. Новокузнецка, определенный по картам масштаба 1:50000 в балтийской системе (БС) высот. В нижней части долины – от устья до водомерного поста Томск-пристань (70 км) – уклоны составляют в среднем 0,04 м/км, от Томска до Кемерово (370 км) – 0,19 м/км, далее вверх по течению уклоны постепенно увеличиваются и составляют в среднем на участке от Кемерово до Новокузнецка 0,31 м/км. Продольные уклоны долины, водной поверхности и, как следствие, разрушающая способность потока по отношению к ледовому покрову в слабовсхолмленной части бассейна на порядок выше, чем в равнинной части. Таким образом, при почти неизменном расходе воды, поступившем с верхних участков, и однородном по ослабленности ледовом покрове в слабовсхолмленной части долины ледовый покров разрушается, а на равнинной части – нет [1].

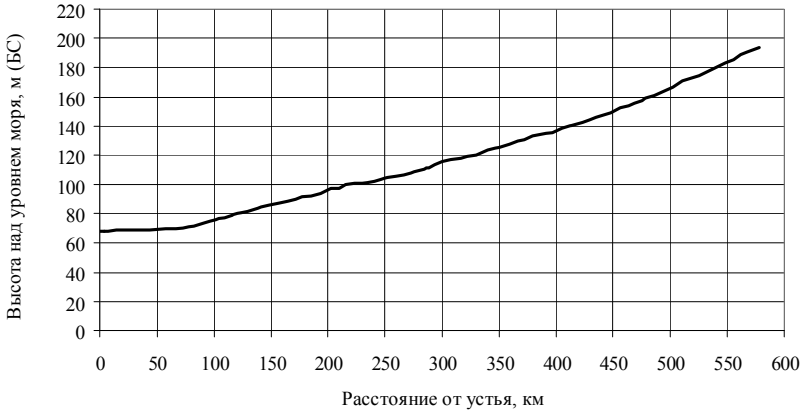

Рис. 1. Продольный профиль р. Томь от устья до г. Новокузнецка

Еще один из геоморфологических факторов связан с резким изменением уклонов водной поверхности. В результате снижения уклонов при переходе из слабовсхолмленной части водосбора в равнинную резко снижается транспортирующая способность потока во все периоды водности, и часть донных наносов оседает вблизи границы смены рельефа в виде многочисленных островов и осередков, наблюдаемых в межень ниже коммунального моста в Томске. Ранее участок распространения осередков распространялся от Сенной Курьи вниз по течению до г. Северска (с. Белобородово) и часто именно в этом месте возникали заторы, от которых страдала низинная территория Томска (Черемошники, район площади Ленина, Московский тракт). В процессе интенсивной добычи нерудных строительных материалов (НСМ) большинство островов и осередков в нижней по течению части города исчезли, русло углубилось, и зона малых уклонов

сместилась выше по течению, до площади Ленина. Сюда же переместилась и зона формирования головы затора [1]. Именно на участке современного распространения осередков от коммунального моста на 2 км вниз по течению, когда во время вскрытия реки ото льда тело затора увеличивается за счет поступления льда с вышележащих участков реки, хвост затора, поднимаясь вверх по течению, доходит до участка распространения осередков, заполняя сечение русла и вызывая значительные подъемы уровня воды выше по течению.

Следующим геоморфологическим фактором, связанным также с изменением уклонов долины и типа русла, является переход от преимущественно однорукавного русла Томи от границы Томской и Кемеровской областей до г. Кемерово к разветвленному руслу. Заторы часто возникают на разветвлениях русел, где энергия потока ослабевает настолько, что ее недостаточно для разрушения ледового покрова. В разветвленном русле при возникновении затора в одной из проток подпор и возросшие уровни воды могут быть сброшены по другой протоке, и затопления территории выше затора не происходит. Такая ситуация регулярно возникает на участке разветвления р. Томи на три протоки: основное русло, Светлая и Калтайская в районе сел Вершинино и Батурино. Эти протоки, в свою очередь, соединяются между собой более мелкими протоками [1].

В последние десятилетия всё более существенную роль приобретают антропогенные факторы – деятельность, способствующая изменению пропускной способности русла: строительство мостов и подъездных путей к ним, перегораживающих пойму, отчленение проток, срезка островов, строительство дамб, разработка карьеров для добычи гравия и др., а также мероприятия, непосредственно направленные на борьбу с заторами и заторными наводнениями – искусственное разрушение ледового покрова задолго до естественных сроков вскрытия реки и измельчение льда взрывами сверху вниз по течению. Антропогенные факторы способствовали изменению многих важных характеристик формирования заторов, включая их локализацию, сроки образования и физические характеристики самого льда. Обострению опасности заторных наводнений способствует и недостаточная изученность процессов образования, а также структуры и эволюции заторов, что затрудняет выбор методов борьбы с ними в конкретных условиях. При этом есть примеры ошибочных решений, усиливающих негативные последствия заторов [2].

Как отмечено выше, до конца 1950-х гг. в исследуемом районе голова заторов формировалась в месте крутого изгиба реки у станции Белобородово, где теперь находится г. Северск. В результате пониженная часть Томска полностью оказывалась в зоне затопления. В 1947 г. наблюдался максимальный заторный уровень воды на посту Томск-пристань, превышающий уровень предшествовавшей межени на 10 м. Были и человеческие жертвы. Позже, до конца 1990-х гг., высокие заторы здесь не возникали, так как предприятия Северска, Томска и городов, расположенных выше по течению, сбрасывали в реку нагретые промышленные воды. Одновременно с середины 1950-х гг. в русле реки велась крупномасштабная добыча гравия, способствовавшую «посадке» русла. После закрытия реакторов в Северске заторы ниже Томска стали возникать снова, правда, их частота и мощность заметно снизились. В настоящее время основные места возникновения заторов в результате хозяйственной деятельности сместились вверх по течению – на участок от устья реки Ушайки до коммунального моста, что прежде всего вызвано техногенным изменением продольного профиля реки. Таким образом, ситуация с заторами постоянно меняется во времени за счёт изменения пропускной способности русловой системы (карьеры, острова, судовой ход, мостовые переходы и др.) на разных участках, более ранних сроков искусственного разрушения ледового покрова выше по течению с помощью взрывных работ, которые приводят к измельчению льда и, как следствие, к повышению плотности ледовых масс, накапливаемых в теле затора [2].

Выше Томска заторы регулярно фиксировались в с. Ярское, где в период с по 1931 по 1965 г. Гидрометслужбой велись регулярные наблюдения за уровнями воды. По данным Я.И. Марусенко [3], мощные заторы зафиксированы в 1931, 1941 и 1943 гг. Также по материалам наблюдений Гидрометслужбы, высокие уровни при заторах в с. Ярское наблюдались в 1933, 1935, 1938 и 1939 гг. В 1951 г. затор наблюдался выше с. Ярское, но уровень был ниже выхода воды на пойму. В 1954 г. затор наблюдался ниже по течению и так же, как в 1951 г., не вызвал высоких уровней. В последние годы населенные пункты, расположенные выше по течению от Томска, начали страдать от наводнений, вызываемых ледовыми заторами. В 2007 и 2010 гг. оказались подтопленными села Батурино, Вершинино, большое количество дачных и коттеджных поселков вдоль реки.

В связи с этим особую важность имеет прогноз заторных явлений, мест их образования, мощности и продолжительности.

Основная цель данной работы заключается в уточнении возможностей гидравлического компьютерного моделирования для прогноза локализации заторов льда в разветвленных руслах.

Материалы и методика исследования

В качестве объекта исследования выбран участок р. Томь длиной 17 км с таким преобладающим типом руслового процесса, как пойменная многорукавность, от с. Синий Утес до с. Курлек, представляющий замкнутую систему: однорукавное русло на входе и на выходе, все крупные протоки внутри этой системы. Схема участка исследования представлена на рис. 2.

В рамках данного исследования была разработана компьютерная модель русла с целью изучения формирования и разрушения заторов на р. Томь выше города Томска. Основные задачи моделирования заключались: 1) в выявлении закономерностей и особенностей распределения мест вскрытия и заторообразования на исследуемом участке; 2) установлении

взаимосвязи условий на входе на участок с распределением мест вскрытия льда и заторообразования на участке.

Построение компьютерной модели включало в себя следующие этапы: 1) полевые работы по измерению толщины льда и расхода воды перед вскрытием и измерение расходов воды сразу после прохождения ледохода в 2013–2014 гг.; 2) обработку материалов русловой съемки масштаба 1:5000, выполненной ЗАО «Сибречпроект» в 1997 г. с целью построения цифровой модели рельефа русла в программе MapInfo Professional 7.5; 3) построение гидравлической модели, включающей результаты полевых исследований и учитывающей особенности рельефа русла, в программе HEC-RAS 4.1.0; 4) испытание модели при различных граничных условиях; 5) анализ полученных результатов; 6) определение и расчёт коэффициента вскрытия; 7) построение карт коэффициента вскрытия.

Идея коэффициента вскрытия реки (далее $K_{вскр}$) была предложена в работе [4] для определения возможных мест образования затора. Для расчета использовались результаты моделирования в системе HEC-RAS – скорости течения, однако этот коэффициент имел размерность. Авторами данной работы $K_{вскр}$ несколько изменен и получился безразмерным. В его основу было заложено отношение факторов, направленных на разрушение ледового покрова, и факторов, прямо или косвенно этому препятствующих.

Так, в знаменателе, так же как и в работе [4], находится кинетическая энергия единицы массы потока; чем она больше, тем более вероятно разрушение ледового покрова, а в числителе – произведение сопротивления льда на сжатие, площади живого сечения подо льдом и толщины льда, увеличение этих параметров повышает сопротивление ледового покрова разрушению.

$$K_{вскр} = \frac{E}{R_{сж} \cdot \times W_{ж.с} \times h_{л}}, \quad (1)$$

где E – кинетическая энергия единицы массы потока, Дж; $W_{ж.с}$ – площадь живого сечения, м^2; $R_{сж}$ – сопротивление льда на сжатие, кПа; $h_{л}$ – толщина льда, м.

В свою очередь, кинетическую энергию единицы массы потока находим из уравнения Бернулли:

$$E = \frac{\gamma \times V \times v^2}{2 \times g}, \quad (2)$$

где γ – удельный вес воды, н/м^3; V – объём воды, м^3; v – скорость течения, м/с; g – ускорение свободного падения, м/с^2.

Основные характеристики, входящие в формулу для расчета коэффициента вскрытия (объём воды, скорость течения, площадь живого сечения), могут быть получены по результатам гидравлического компьютерного моделирования. Расчёты были произведены для двух крайних значений сопротивления льда на сжатие – 450 и 650 кПа.

По материалам наблюдений авторов, в последние годы заторы часто происходят в нижних частях главного русла и протоки Светлой, которые еще и искусственно углублены при добыче НСМ. На этом участке возможны несколько сценариев вскрытия реки с образованием заторов в зависимости от объёма льда, поступающего сверху по течению, и его мощности на участках формирования головы затора [5]. Чаще всего наблюдается сценарий, в котором нижние чести главного русла и протоки Светлая покрыты устойчивым ледовым покровом, а верхняя часть главного русла (от с. Казанка до ответвления от него протоки Светлая) забита льдом. При этом часть расхода воды из главного русла перераспределяется в протоку Светлая, а из нее – в протоку Калтайская.

Моделирование проводилось в программе HEC-RAS (Hydrologic Engineering Center - River Analysis System), разработанной корпусом гражданских инженеров Армии США [6]. Геометрические характеристики модели русла подготавливались в программе MapInfo.

Программа HEC-RAS, реализующая одномерный подход к моделированию, наряду с другими блоками включает блок расчета установившегося движения воды и функции гидравлического проектирования. Первый блок предназначен для расчёта продольных профилей водной поверхности для установившегося плавно изменяющегося течения. Система может работать с полной русловой сетью, древообразной речной системой или отдельным участком русла. Она может в одномерном варианте моделировать профили водной поверхности для спокойного, бурного и смешанного состояния потока. В последних версиях программы HEC-RAS, а именно HEC-RAS 3.1 и HEC-RAS 4.0, появилась возможность рассчитывать все гидравлические характеристики потока при наличии ледового покрова. Кроме того, имеется возможность моделировать ледовые заторы при вскрытии рек. Для этого необходимо знать все физические свойства ледяного покрова (толщина, пористость, плотность и т.д.), местоположение тела затора и характеристики самого затора (коэффициент трения между льдинами, угол трения между льдинами и т.д.).

Одной из задач моделирования стала задача определения мест возможного возникновения затора при различных расходах воды при вскрытии реки. Обычно при малых расходах воды вскрытие происходит на нескольких участках по длине реки (на перекатах) с образованием серии небольших заторов на плесовых участках. При высоких расходах эти небольшие заторы могут срываться и собираться в один большой затор, если существуют условия для его образования [6].

Обсуждение результатов

По рассчитанным с использованием результатов моделирования значениям $K_{вскр}$ были построены графики распределения этого коэффициента вдоль главного русла, а также по трём протокам (Калтайской, Светлой и Панькова) для четырёх различных профилей (четырёх различных расходов воды, средних и больших), два из которых имели затор в верхнем створе. Пример графика представлен на рис. 3.

Рис. 2. Схема участка исследования

Рис. 3. График распределения $K_{вскр}$ по длине протоки Калтайская при расходе воды в створе с. Синий Утес 5 800 м^3/с ($K_{вскр1}$ и $K_{вскр2}$ при сопротивлении льда на сжатие 450 и 650 кПа соответственно)

Согласно предыдущим исследованиям [4] критическое значение коэффициента вскрытия предположительно взято около 0,5. Однако в данной работе коэффициент имел размерность, и для его расчета необходимо было вводить эмпирический коэффициент. $K_{вскр}$, предлагаемый авторами в данной публикации, является безразмерным и не требует эмпирических коэффициентов, в чем и состоит его преимущество. Тем не менее порядок его близок предыдущим исследованиям и, предположительно, учитывая визуальные наблюдения заторов 2013–2014 гг., критическое его значение лежит в пределах 1,0–2,0. Далее по рассчитанным значениям $K_{вскр}$ были построены карты-схемы его распределения на исследуемом участке. Пример такой карты-схемы представлен на рис. 4. Очевидно, что на участках со значениями $K_{вскр}$ менее 2,0 ледостав будет устойчивым и вскрытия не произойдет, что и подтверждается визуальными наблюдениями 2013–2014 гг.

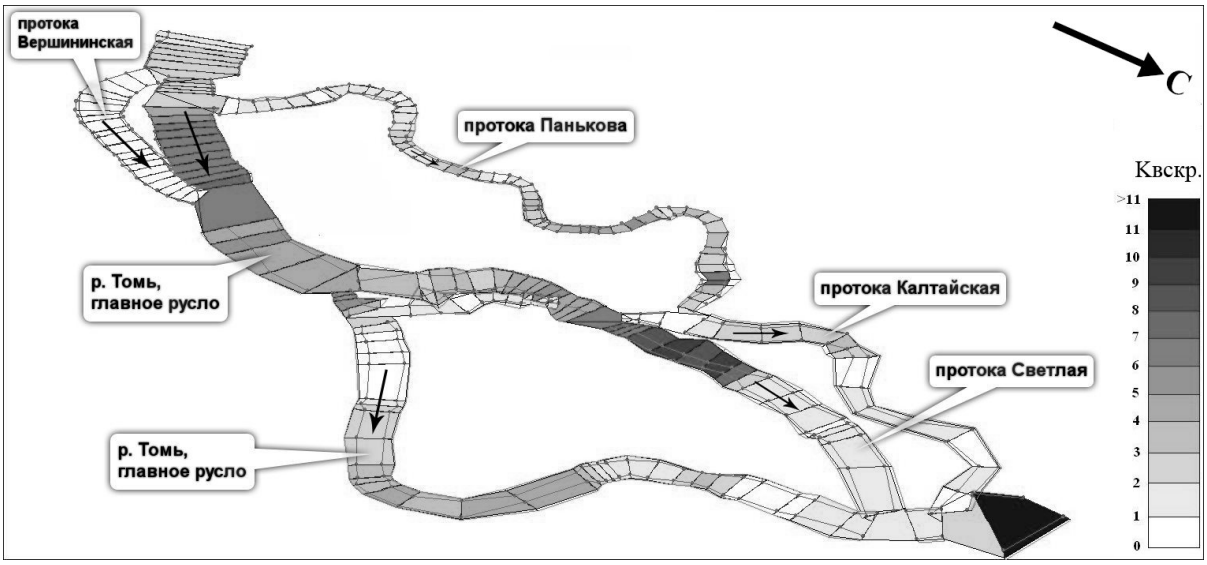

Рис. 4. Карта распределения коэффициента вскрытия при расходе воды в створе с. Синий Утес 5 800 м^3/с с минимальным пределом прочности льда (450 кПа)

Следует отметить, что условие наличия / отсутствия затора во входном створе будет оказывать существенное влияние на распределение расходов воды по протокам и, как следствие, на места вскрытия льда и образования заторов. Распределение расходов воды представлено в таблице.

В результате перераспределения расходов воды изменяются также и коэффициенты вскрытия, в результате чего в одной из проток возникает ледоход. План распределения коэффициентов вскрытия после перераспределения расходов по протокам приведен на рис. 5.

Увеличение расхода в протоке Калтайской вызывает разрушение льда по всей ее длине, что и подтверждено визуальными наблюдениями 2013–2014 гг. Далее происходит вскрытие нижней части протоки Светлая.

Кроме того, при прохождении больших, по сравнению с периодом открытого русла, расходов воды в протоке Калтайская на короткое время меняется режим движения наносов, о чем свидетельствует появление и / или исчезновение обсыхающих в межень грядовых форм [5, 7].

Распределение расходов воды в протоках при отсутствии заторов (числитель) и при их образовании (знаменатель) в главном русле и протоке Светлая [2]

Расход воды во входном створе системы, м^3/с	Расход воды в главном русле	Расход воды в расчётных сечениях			
		протока Панькова (выход)	протока Светлая (до выхода пр. Панькова)	протока Калтайская (вход)	протока Светлая (после входа протока Калтайской)
3 300	1 460 / 700	355 / 400	1 480 / 2 160	590 / 1 260	1 250 / 1 360
5 800	2 600 / 1 300	580 / 660	2 580 / 3 800	1 020 / 2 120	2 150 / 2 350

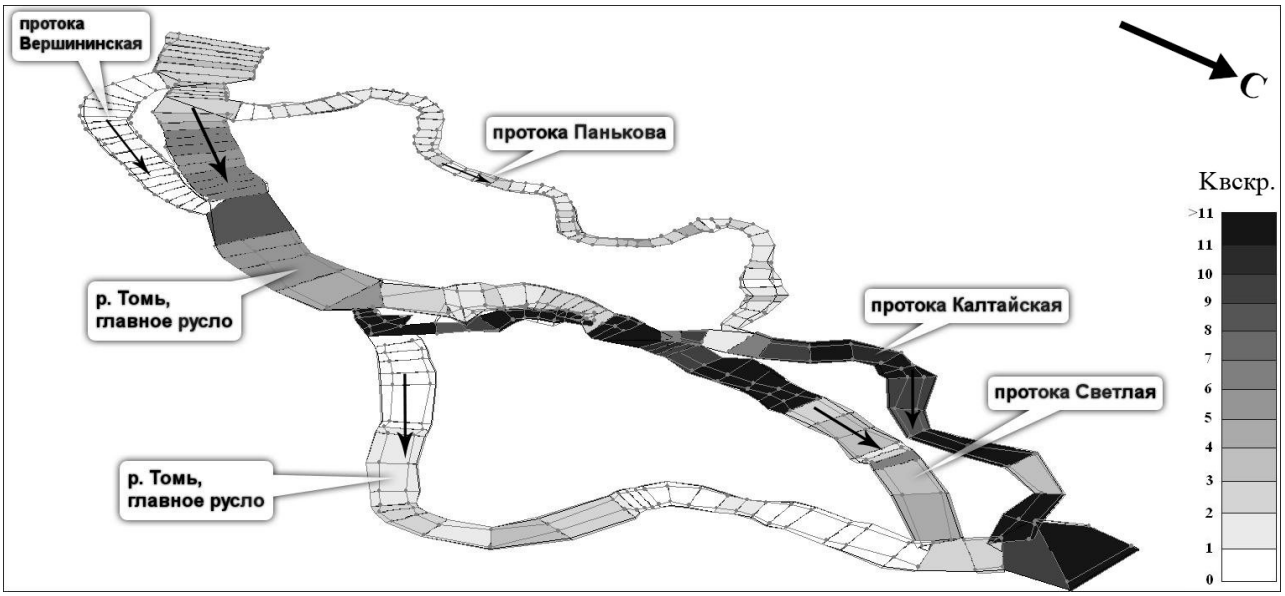

Рис. 5. Карта распределения коэффициента вскрытия при расходе воды в створе с. Синий Утес 5 800 м^3/с, с минимальным пределом прочности льда после перераспределения расходов по протокам согласно таблице

Заключение

Рассчитанное по одномерной гидравлической модели потока распределение значений коэффициента вскрытия в разветвленном русле при разных фиксированных расходах воды во входном створе участка в период ледохода позволяет установить места наиболее вероятной локализации заторов.

Расчёты с последующим анализом показали, что в условиях отсутствия затора во входном створе вероятнее всего река будет вскрываться в районе с. Вершинино, а также в протоке Светлая выше входа в протоку Калтайскую. После перераспределения расходов воды вскрываются протока Калтайская и нижняя часть протоки Светлая.

Важно понимать, что карты-схемы безразмерного коэффициента вскрытия представляют собой мгновенный снимок процесса вскрытия реки и не учитывают его динамику во времени, что необходимо делать при дальнейшем анализе карт. Так, в случае стояния льда в нижней части протоки Светлая часть расхода воды из неё будет перераспределяться в протоку Калтайская, и тогда вскрытие будет происходить именно в протоке Калтайская.

При наличии затора выше с. Вершинино будет наблюдаться совсем другая картина: в результате перераспределения водности вероятнее всего вскрытие будет происходить в центральной части протоки Светлая, а также практически по всей протоке Калтайская.

Полученные в результате моделирования результаты в целом согласуются с геоморфологическими особенностями русла и натурными наблюдениями: возможность возникновения заторов выше на участках русла с меньшей пропускной способностью (на перекатах).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вершинин Д.А., Земцов В.А., Инишев Н.Г.* Факторы формирования заторных явлений на реках при переходе из горных территорий в равнинные (на примере р. Томи) // Охрана окружающей среды и природных ресурсов стран Большого Алтая : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г.Я. Барышников. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013 С. 55–57.
2. *Земцов В.А., Вершинин Д.А., Инишев Н.Г.* Имитационное моделирование заторов (на примере р. Томь, Западная Сибирь) // Лёд и снег. 2014. № 3. С. 59–68.
3. *Марусенко Я.И.* Ледовый режим рек бассейна Томи. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1958. 174 с.
4. *Вершинин Д.А., Татарников А.В., Орлов Е.И.* Возможности прогнозирования возникновения ледовых заторов на основе компьютерных моделей русла // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 221–224.
5. *Короткова В.М., Вершинин Д.А.* Исследование процесса грядообразования на разветвленном участке р. Томи в связи с особенностями его водного и ледового режимов // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 351. С. 175–180.

6. *U.S. Army* Corps of Engineers, Hydrologic Engineering Center (HEC), HEC-RAS. User's Manual. Davis, CA, 2010.
7. *Kostaschuk R.A., Vershinin D.A., Zemtsov V.A.* Ice-jam Floods. River Ice-jams cause Severe Flooding in Tom River, Western Siberia // Hydro International. 2014. Vol. 18, No 5. P. 23–27.

Статья представлена научной редакцией «Науки о земле» 6 октября 2014 г.

BUILDING A PREDICTIVE MODEL OF ICE JAM OCCURRENCE ON THE BRANCHED SITE OF THE TOM RIVER

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 218-224. DOI 10.17223/15617793/390/36

Tarasov Alexandr S., Vershinin Dmitriy A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alsetar@yandex.ru; daversh@ggf.tsu.ru

Keywords: model; ice jams; Tom River; floodplain multiple arms.

The questions of the influence of geomorphological and anthropogenic factors on the hydraulic structure of the flow, modeling of the processes of opening and ice jam formation in the area of the Tom River floodplain with many branches, taking into account the characteristics of the ice cover. The article presents a generalization of the previous results on the effect of geomorphological factors on the hydraulic flow structure, the study of the formation and destruction of the ice jam phenomena in relation to the object of study – the floodplain area with many arms of the Tom River, and the presentation of the process of the conducted modeling and analysis of its results. The studied area is unique, several geomorphological factors combine here, such as the water surface slope and channel capacity, with a consequent impact on the process of ice jam opening and formation. The influence of anthropogenic factors on aggravating or mitigating the existing geomorphological structure is also considered. An analysis is made of the process of opening of the river for different initial conditions: for larger and smaller water flow in the system, as well as for the presence or absence of ice jams at the entrance to the system. The essence of the problem is the redistribution of water in the flow in the presence of ice jams at the entrance to the system. With an ice jam, the pattern of distribution of parts with ice jam opening and formation is substantially different than without it. The study materials include: bed elevation model taking into account recent developments due to the human impact, measured water consumption, ice thickness and snow depth on the ice taken for many years. The tool, giving an integrated characterization of materials used in the study, program HEC-RAS 4.1.0 was used for modeling. One of the tasks of modeling was the definition of areas of possible ice jams at different flow rates of water at the opening of the river. To determine the possible locations of ice jams, the dimensionless coefficient of the opening of the river was identified and calculated. It was based on the ratio of factors aimed at the destruction of the ice cover and the factors that directly or indirectly impede this. Thus, the denominator was the kinetic energy per unit of mass flow, and the numerator was the product of the resistance of ice by compression, the open area beneath the ice and the ice thickness. A significant impact of redistribution of water content on the process of ice jam opening and forming is considered. Illustrations of the research area, examples of the graphs and maps as well as a table with the balances of water flow in the case of redistribution of water content on the site are given. The results of the analysis of the produced model are provided, an analytical interpretation of maps of the opening coefficient is offered, the results of modeling and of field observations are compared.

REFERENCES

1. Vershinin D.A., Zemtsov V.A., Inishev N.G. *Faktory formirovaniya zatornykh yavleniy na rekakh pri perekhode iz gornykh territoriy v ravninnye (na primere r. Tomi)* [Factors of formation of ice jams on rivers in the transition from the mountainous areas in the plains (R. Tom)]. In: Baryshnikov G.Ya. (ed.) *Okhrana okruzhayushchey sredy i prirodnykh resursov stran Bol'shogo Altaya* [Environmental Protection and Natural Resources of Great Altai countries]. Barnaul: ASU Publ., 2013, pp. 55–57.
2. Zemtsov V.A., Vershinin D.A., Inishev N.G. Imitation modeling of ice dams (case study of Tom' River, Western Siberia). *Led i Sneg – Ice and Snow*, 2014, no. 3, pp. 59–68. (In Russian).
3. Marusenko Ya.I. *Ledovyy rezhim rek basseyna Tomi* [Ice regime of the rivers of the Tom basin]. Tomsk: TSU Publ., 1958. 174 p.
4. Vershinin D.A., Tatarnikov A.V., Orlov E.I. Possibilities of ice jams forecasting using river channel computer models. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2011, no. 352, pp. 221–224. (In Russian).
5. Korotkova V.M., Vershinin D.A. Research of the dune formation process on the branched reach of the Tom River according to peculiarities of its water and ice regime. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2011, no. 351, pp. 175–180. (In Russian).
6. U.S. Army Corps of Engineers, Hydrologic Engineering Center (HEC). *HEC-RAS. User's Manual*. Davis, CA, 2010.
7. Kostaschuk R.A., Vershinin D.A., Zemtsov V.A. Ice-jam Floods. River Ice-jams cause Severe Flooding in Tom River, Western Siberia. *Hydro International*, 2014, vol. 18, no. 5, pp. 23–27.

Received: 6 October 2014

Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 225–230. DOI 10.17223/15617793/390/37

УДК 556.11:639.3

О.А. Шарипова

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТЯЖЕЛЫХ МЕТАЛЛОВ В ДОННЫХ ОТЛОЖЕНИЯХ ОЗЕРА БАЛХАШ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ПРИРОДНЫХ И АНТРОПОГЕННЫХ ФАКТОРОВ

Представлены результаты исследований уровня загрязнения донных отложений оз. Балхаш тяжелыми металлами в пространственно-временной динамике. Распределение металлов в донных осадках по акватории озера неравномерное. Отмечено, что среднее содержание меди, цинка, свинца в донных осадках отдельных районов выше, чем в фоновых районах Прибалхашья. Комплекс природных и техногенных факторов, характеристик донных осадков определяет возникновение локальных зон повышенного содержания микроэлементов. В многолетнем аспекте отмечена тенденция к снижению содержания тяжелых металлов в связи с ослаблением антропогенной нагрузки на экосистему озера.

Ключевые слова: донные отложения; тяжелые металлы; загрязнение; органическое вещество.

Введение

Озеро Балхаш относится к категории рыбохозяйственных водных объектов, имеющих нерестилища и площади массового нагула ценных видов рыб, и, наряду с другими крупными водоемами, составляет основу рыбного хозяйства Казахстана. Кроме того, оз. Балхаш имеет комплексное назначение, используется для питьевого, бытового, промышленного водоснабжения, судоходства и рекреации, чем обусловлена необходимость повышенного внимания к экологическому состоянию водоема.

Бассейн оз. Балхаш находится в техногенной зоне, поэтому формирование микроэлементного состава воды и донных отложений происходит под общим влиянием как природных, так и антропогенных факторов. Концентрация и распределение микроэлементов по акватории озера определяются поступлением их с речным стоком, со сточными водами и выбросами промышленных предприятий, а также подземным питанием и влиянием полиметаллических месторождений Прибалхашья.

При оценке экологического состояния водного объекта актуальным является изучение донных отложений. Следует отметить, что если уровень загрязнения воды может быстро изменяться в зависимости от антропогенной нагрузки и гидродинамических процессов, то донные отложения более инертны по своим характеристикам. Будучи депонирующей средой, они удерживают на длительный срок загрязняющие вещества и выступают в роли индикатора техногенного загрязнения.

Донные отложения благодаря своей поглощающей способности играют исключительную роль в процессах самоочищения водоема. Однако они могут вызывать вторичное загрязнение водной среды. Этому способствуют ветровое перемешивание, вовлекающее верхний слой донных отложений в водную массу; диффузия, сорбция и десорбция, комплексообразование, ионный обмен и растворение, физико-химические, биологические и микробиологические процессы на границе вода – донные отложения.

Донные отложения являются средой обитания бентосных организмов, живущих в поверхностном слое грунта или его толще, а также в придонных слоях воды. Высокое содержание токсикантов в донных осадках может привести к существенным изменениям количественного и качественного состава бентосных организмов.

Цель данной работы – определение содержания тяжелых металлов в донных отложениях оз. Балхаш, исследование уровня загрязнения и характеристика пространственного распределения микроэлементов в зависимости от природных и антропогенных факторов.

Материал и методика исследований

Материалом для данной работы послужили результаты исследований микроэлементного состава донных отложений оз. Балхаш, проведенных с 2003 по 2011 г. В сравнительном анализе использовались фондовые материалы Казахского научно-исследовательского института рыбного хозяйства.

Озеро Балхаш простирается с запада на восток на 600 км, занимая площадь при современном уровенном режиме 20 700 км^2. Резким сужением котловины озера и подводным порогом у полуострова Сарыисек оно делится на две части – западную и восточную, сильно различающиеся по морфометрическим, гидрофизическим и гидрохимическим характеристикам. Средняя ширина в Западном Балхаше составляет 36 км с максимумом 70 км, в Восточном – 24 км, достигая максимального значения 47,5 км. Средняя глубина в западной части озера соответствует 4,6 м, максимальная величина – 11 м. В восточной части средняя глубина составляет 7,6 м, максимальные значения в отдельных районах достигают 26,5 м. Характерной особенностью оз. Балхаш является большое различие солености воды. Минерализация в юго-западной части озера представлена значениями 0,8–1,0 г/дм^3, постепенно повышаясь, достигает в восточной оконечности максимальных величин – 5,0–5,2 г/дм^3. В связи с этим по качественному составу воды акватория оз. Балхаш условно разделена на восемь гидрохимических районов (рис. 1).

Донные отложения были отобраны во всех гидрохимических районах. Сбор и обработка проводились по методическим руководствам [1]. В качестве мониторинга в донных отложениях в многолетнем аспекте исследовались следующие металлы: медь, цинк, свинец, кадмий. Содержание валовых форм металлов определялось атомно-абсорбционным методом.

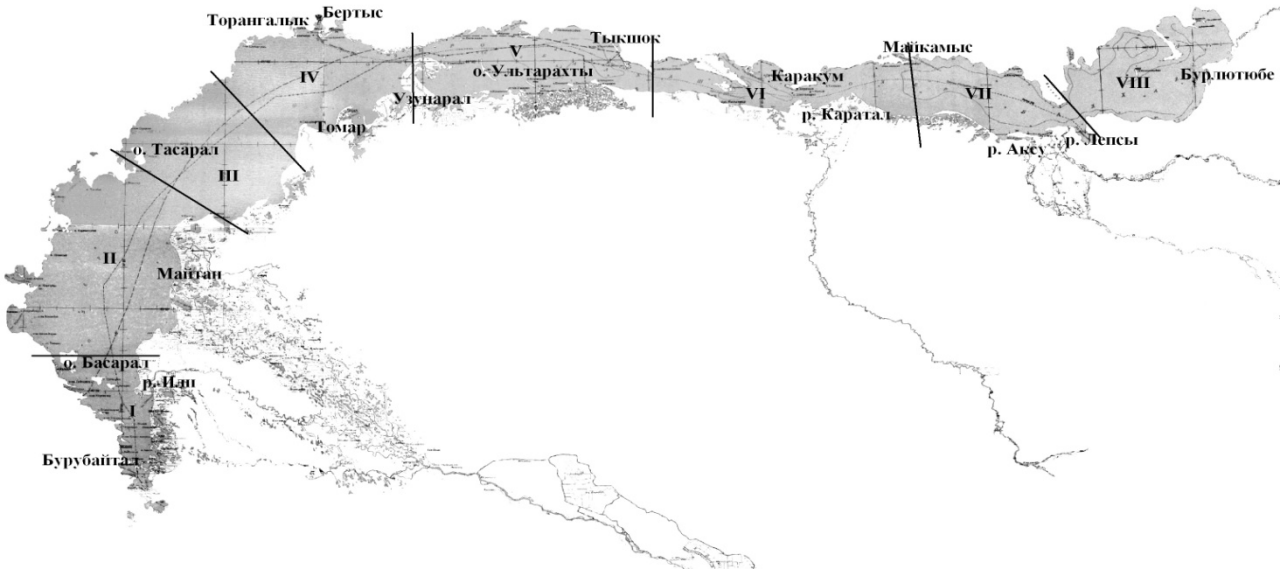

Рис. 1. Схематическая карта гидрохимических районов оз. Балхаш

Результаты и их обсуждение

Анализ результатов собственных исследований и фондовых материалов выявил ряд особенностей в формировании химического состава донных отложений оз. Балхаш, которые и рассматриваются в данной работе. Содержание тяжелых металлов в донных отложениях оз. Балхаш представлено в табл. 1.

Таблица 1

Содержание металлов в донных отложениях оз. Балхаш за 2003–2011 гг. (средние значения), мг/кг

Гидрохимический район	Медь		Цинк		Свинец		Кадмий	
	2003–2007 гг.	2008–2011 гг.	2003–2007 гг.	2008–2011 гг.	2003–2007 гг.	2008–2011 гг.	2003–2007 гг.	2008–2011 гг.
I	20,3	39,1	20,6	24,9	22,2	32,3	1,08	0,65
II	43,1	28,9	27,7	17,7	26,5	25,6	1,33	0,85
III	42,9	30,6	22,9	21,3	33,3	20,7	1,42	0,94
IV	211	144	67,2	62,5	124	102	1,76	1,22
V	27,6	25,9	25,6	18,1	16,1	11,8	1,09	0,71
VI	24,0	16,7	20,4	13,4	14,0	11,6	1,17	0,73
VII	25,8	30,1	27,4	22,2	26,7	20,5	1,34	0,84
VIII	25,9	23,8	14,3	16,5	21,3	19,3	1,05	0,75
Фоновое содержание в серо-бурых почвах Прибалхашья	30,0		45,0		20,0		2,0	

В настоящее время не существует ПДК для содержания тяжелых металлов в донных отложениях. Поэтому сравнительный анализ проводится с кларками или с фоновыми значениями в почвах региона [2, 3].

Полученные экспериментальные данные показали, что во всех гидрохимических районах по содержанию в донных отложениях лидирует медь. Этот факт говорит о степени изменения почво-грунтов озера по сравнению с почвами Прибалхашья, в которых содержание меди представлено меньшими значениями, чем цинка (меди – 30 мг/кг, цинка – 45 мг/кг). Такое соотношение характерно и для всех известных кларков [4]. В настоящее время концентрация меди в донных осадках по акватории водоема изменяется в пределах 8,4–159 мг/кг. Содержание свинца варьирует в интервале 7,6–138 мг/кг, цинка – 6,3–77,2 мг/кг. В минимальных количествах аккумулируется кадмий – 0,54–1,67 мг/кг. Содержание меди и свинца превышает фоновый уровень практически во всех районах Западного Балхаша и в VII гидрохимическом районе. Накопление цинка происходит в IV районе озера.

Процессы диагенетических преобразований металлов и их перераспределение в донных осадках зависят от гранулометрического и минерального состава осадков, количества органического вещества.

Согласно исследованиям Казахского научно-исследовательского института рыбного хозяйства в оз. Балхаш выделены несколько видов грунтов: гравийные осадки, крупно-среднезернистые пески, мелкозернистые пески, крупные алевриты, мелкоалевритовые илы, алеврито-глинистые илы, глинистые илы. Основную часть дна оз. Балхаш (около 10 900 км^2, 59%) занимают илы (мелкоалевритовые, алеврито-глинистые, глинистые); крупный алеврит охватывает около 3 900 км^2 (19,5%); пески и гравийные осадки распространяются на площади около 5 100 км^2 (25,5%).

По результатам исследований выявлено, что накопление тяжелых металлов в большей степени происходит в мелкодисперсных фракциях – илах, глинах.

Аккумулирующая способность грунтов увеличивается в зависимости от присутствия в них органиче-

ского вещества. Для донных отложений оз. Балхаш характерно относительно невысокое содержание органических веществ. По исследованиям 1971 г., проведенным О. Тленбековым (Казахский НИИ рыбного хозяйства), их количество находится в пределах 0,1–6,0% от массы сухого осадка. По результатам исследований 2009 г. содержание органических веществ по акватории оз. Балхаш меняется от 0,5 до 6,0%, в количественном отношении составляет 5–60 г/кг.

Накопление токсикантов в донных отложениях оз. Балхаш в зависимости от количества органических веществ наглядно отражает рис. 2.

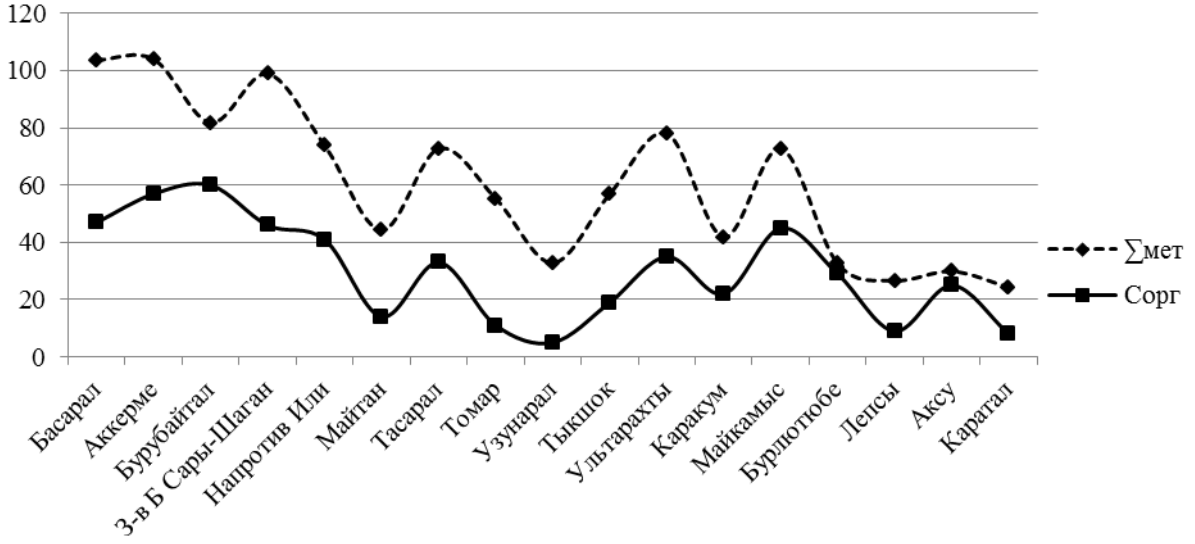

Рис. 2. Зависимость между суммарным содержанием тяжелых металлов (мг/кг) и количеством органического вещества (г/кг) в донных осадках по станциям оз. Балхаш

Если исключить из расчета аномально высокие значения концентрации тяжелых металлов в донных отложениях бухты Бертыс и залива Торангалык, подверженных антропогенному влиянию промышленных объектов г. Балхаш, получим положительную корреляцию с коэффициентом 0,8 между этими величинами. Их среднемноголетние значения дают еще более высокий коэффициент корреляции 0,9. Такая же закономерность отмечается и в научных работах других авторов [5, 6].

Распределение тяжелых металлов в донных отложениях неравномерное и зависит не только от структуры грунта и внутриводоемных процессов, но и от поступления микроэлементов техногенным путем. Расчет коэффициентов аккумуляции [7] металлов в донных отложениях по отношению к почвам Прибалхашья показал, что наибольшей деградации подверглись осадки IV гидрохимического района, в частности бухты Бертыс и залива Торангалык, в которые до 1995 г. непосредственно сбрасывались сточные воды металлургического производства, и на современном этапе продолжается загрязнение твердыми выбросами. Коэффициенты аккумуляции в среднем по району составляют: по меди – 4,8; свинцу – 5,1; цинку – 1,4.

В настоящее время техногенное поступление тяжелых металлов в водную среду озера осуществляется посредством твердых выбросов металлургического комбината, расположенного на северо-западном побережье.

Основным метеорологическим параметром распространения загрязняющих веществ вокруг источника являются частота и длительность дующего ветра. Согласно розе ветров частота прохождения факела выбросов над поверхностью озера составляет 57–61% от общего [8]. Ореол загрязнения простирается в юго-восточном направлении от источника выбросов. Учитывая технические характеристики выбросов, а также результаты проведенных исследований, на поверхность озера в среднем в течение года осаждается 18 102 т меди, 4 836 т цинка, 3 382 т свинца, 0,295 кг кадмия [9].

Анализ распределения микроэлементов в поверхностном слое донных отложений позволил определить локальные зоны загрязнения. К ним относятся бухта Бертыс и залив Торангалык, где многолетнее поступление токсикантов с промышленными сбросами и выбросами привело к метаморфизации качественного состава донных отложений (рис. 3). Так, в бухте Бертыс кратность превышения фонового значения для меди и свинца составляет более 30. Превышение фонового содержания цинка в осадках данного участка достигает 10 раз, кадмия – 5 раз. Аналогичные показатели несколько ниже в заливе Торангалык, что, по-видимому, связано с более интенсивно происходящими водообменными процессами и особенностями гранулометрического состава донных отложений. Концентрация меди превышает фоновый уровень в 8 раз, свинца – в 4, цинка и кадмия – в 2 раза. Общая площадь загрязнения донных отложений медью составляет около 3 453 км^2, свинцом – около 2 960 км^2, цинком – 2 513 км^2, кадмием – 1 447 км^2 [10, 11].

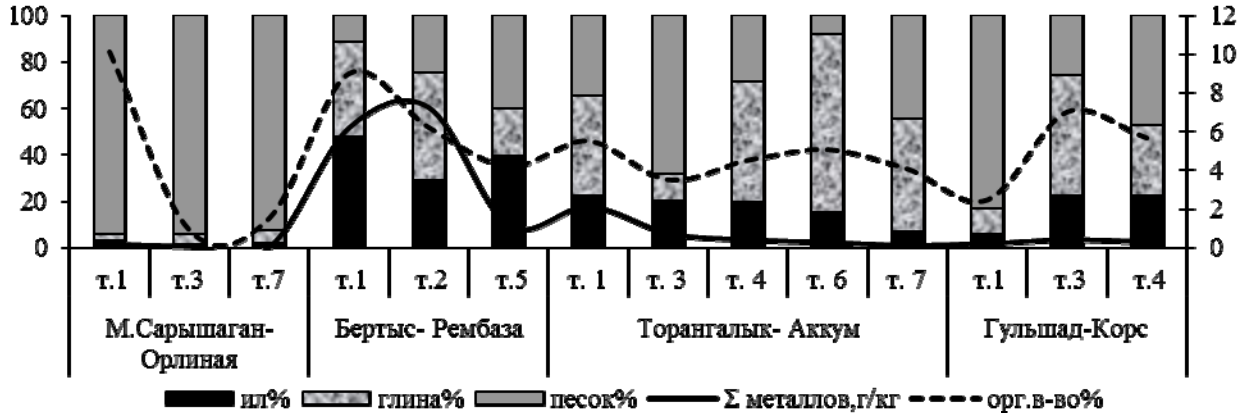

Рис. 3. Зависимость количества металлов и органических веществ в донных отложениях от техногенного загрязнения

Минимальные концентрации тяжелых металлов характерны для донных отложений приустьевых участков рек, что связано с высокой проточностью и песчаным гранулометрическим составом осадков. Содержание меди и свинца лежит в интервале 6,4–9,2 мг/кг, что значительно ниже средних показателей в целом по озеру. Цинк аккумулируется донными осадками в устьях рек в количестве 26,8–32,4 мг/кг.

Анализируя результаты многолетних исследований, можно констатировать, что качественный и количественный состав донных отложений озера за 2003–2011 гг. не претерпел существенных изменений, хотя тенденция к снижению концентрации тяжелых металлов в 1,1–1,5 раза наблюдается. Сравнение современного состояния осадков с 1992 г., когда основное количество поллютантов поступало в озеро с промышленными сбросами, показывает значительное снижение содержания металлов в донных отложениях, особенно в III и IV гидрохимических районах в 3 и 4 раза соответственно (рис. 4).

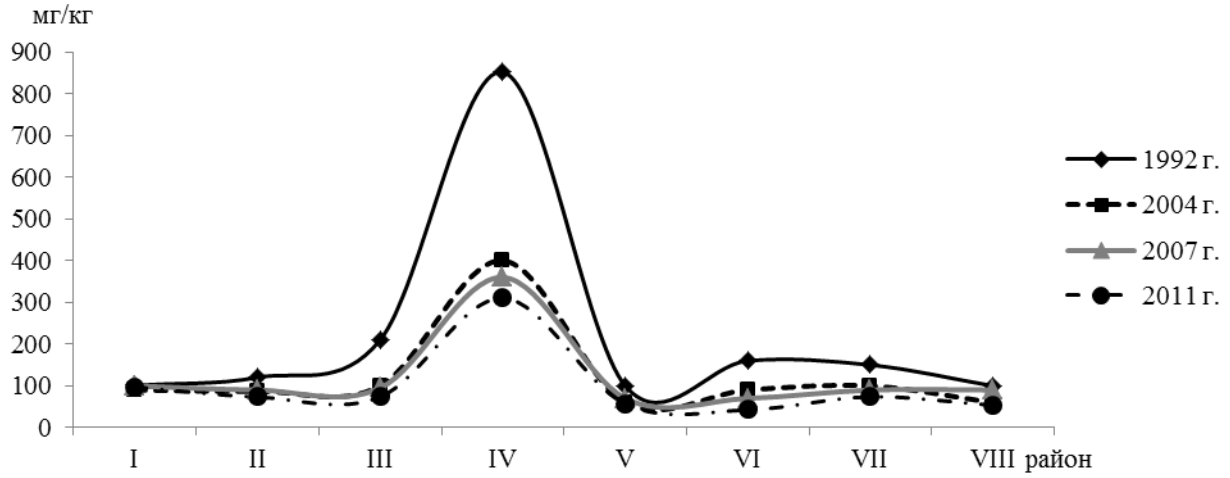

Рис. 4. Многолетняя динамика суммарного содержания тяжелых металлов в донных отложениях оз. Балхаш

Следует отметить, что благодаря высокой буферной емкости озера, благоприятному уровенному режиму в настоящий период и снижению антропогенной нагрузки промышленного комплекса существующее загрязнение донных отложений значительно не отразилось на токсикологическом состоянии водной среды.

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что тяжелые металлы в донных отложениях оз. Балхаш распределены неравномерно. Лидирующую позицию по загрязнению донных осадков занимает медь. Концентрация цинка и свинца в осадках отдельных районов также превышает их содержание в почвогрунтах Прибалхашья. В минимальных количествах в донных отложениях обнаружен кадмий.

Накопление тяжелых металлов в донных отложениях зависит от их механического состава и содержания органического вещества. Наибольшее количество металлов аккумулируется в мелкодисперсных илах, богатых органическим веществом.

Локальная зона повышенного содержания металлов находится в IV гидрохимическом районе (бухта Бертыс, залив Торангалык), где расположены основные источники поступления токсикантов – промыш-

ленные предприятия г. Балхаш. Анализ распределения тяжелых металлов в донных отложениях оз. Балхаш подтверждает существование прямого влияния на состояние донных отложений источников техногенного загрязнения в районах с повышенной промышленной нагрузкой. Зона загрязнения донных отложений составляет около 3 453 км^2. Ореол загрязнения в соответствии с розой ветров простирается в юго-восточном направлении от источника выбросов.

В многолетнем аспекте, благодаря прекращению в 1995 г. сброса сточных вод металлургического комбината непосредственно в озеро, отмечено по сравнению с девяностыми годами снижение в 3–4 раза концентрации металлов в донных отложениях III и IV гидрохимических районов. В последнее десятилетие существенных изменений в качественном составе осадков не произошло, хотя тенденция к снижению количества тяжелых металлов наблюдается.

Современное состояние донных отложений в совокупности с оптимальным гидрологическим режимом способствует нормальному функционированию водоема.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аринушкина Е.В*. Руководство по химическому анализу почв. 2-е изд. М., 1970. 488 с.
2. *Тазабеков Т.Т., Гнездилова Л.П.* Описание и анализ почвы. Алма-Ата : Кайнар, 1972. 192 с.
3. *Грабаров П.Г., Солодникова Е.А.* Содержание микроэлементов в центральной части Казахстана // Агрохимическая характеристика почв СССР. М. : Наука, 1958. С. 54–65.
4. *Алекин О.А.* Основы гидрохимии. Л. : Гидрометиздат, 1970. С. 112.
5. *Мур Дж. В., Рамамурти С.* Тяжелые металлы в природных водах. М. : Мир, 1987. 272 с.
6. *Линник П.Н., Набиванец Ю.Б.* Влияние растворенного органического вещества на миграцию цинка и свинца в воде р. Дунай // Водные ресурсы. М. : Наука, 1991. № 5. С. 86–93.
7. *Мун А.И., Бектуров А.Б.* Распределение микроэлементов в водоемах Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1971. 174 с.
8. *Шаухарбаева Д.С., Лопарева Т.Я.* Влияние выбросов ПО «Балхашцветмет» на химический состав донных отложений оз. Балхаш // Материалы XI Международной конференции по научному обеспечению АПК азиатских территорий (Казахстан, Сибирь, Монголия). Новосибирск, 2008. С. 145, 146.
9. *Асылбекова С.Ж., Исбеков К.Б., Лопарева Т.Я., Анурьева А.Н.* Влияние воздушных выбросов промышленного комплекса ПО «Балхашцветмет» на биоценозы озера Балхаш // Вестник АГУ. Сер.: Рыбное хозяйство. 2011. № 1. С. 7–14.
10 *Асылбекова С.Ж., Лопарева Т.Я. Воробьева Н.Б., Анурьева А.Н., Садырбаева Н.Н.* Влияние техногенного загрязнения на эколого-биологическое состояние озера Балхаш // Научные труды ЮКГУ (Южно-Казахстанский Государственный университет) им. М. Ауэзова. 2010. № 3 (21). С. 20–26.
11. *Хузина Г.Г., Жумагалиулы Н.* Распределение тяжелых металлов в донных отложениях оз. Балхаш в районах, подверженных техногенному воздействию // Вестник сельскохозяйственной науки Казахстана. Алматы: Бастау, 2009. № 3. С. 55–60.

Статья представлена научной редакцией «Науки о Земле» 29 октября 2014 г.

DISTRIBUTION OF HEAVY METALS IN BOTTOM SEDIMENTS OF LAKE BALKHASH DEPENDING ON NATURAL AND ANTHROPOGENIC FACTORS

Tomsk State University Journal, 2015, 390, pp. 225-230. DOI 10.17223/15617793/390/37

Sharipova Olga A. Balkhash Branch of Kazakh Research Institute of Fisheries (Balkhash, Kazakhstan). E-mail: oshar1969@mail.ru

Keywords: bottom sediments; heavy metals; pollution; organic substance.

Results of the investigation of the bottom sediments of Lake Balkhash at the modern stage are represented in the article. The distribution of heavy metals in bottom sediments depending on natural and anthropogenic factors is considered. A comparative analysis of toxicant content was made in bottom sediments and in Balkhash soil. It was detected that copper is accumulated more in bottom sediments. The content of copper and lead exceeds the common level almost in every region of Western Balkhash and in hydrochemical region VII. There is accumulation of zinc in region IV of the lake. According to the research, a dependence was noted between accumulation of heavy metals and weight of bottom sediments structure and amount of organic substance. There is accumulation of heavy metals largely in the micro-fine classes: silts and clays. A positive correlation between the concentration of heavy metals and organic substance was found. The calculation of accumulation coefficient showed that bottom sediments of hydrochemical region IV were more subjected to metamorphism. The areas of local pollution of bottom sediments with heavy metals were defined. They include the Bight of Bertys and the Gulf of Torangalyk, where toxicants with industrial wastes arrived for many years. It resulted in the metamorphism of the structure of bottom sediments. Exceeding common meaning for copper and lead is 30 in bottom sediments of Bight of Bertys. The content of zinc is 10 and cadmium five times higher in the considered region. Similar meanings of the given indexes are lower in the Gulf of Torangalyk, they are in the interval 2-8. Direct influence of technogenic pollution sources on the bottom sediments was shown. The total area of pollution by cooper is about 3453 km^2, lead is about 2960 km^2, zinc – 2513 km^2, cadmium – 1447 km^2. In the lake area, concentrations of heavy metals are characteristic for estuarine sediment sections of the rivers. As compared with the 1990s concentrations of metals are 3-4 times lower in the bottom sediments of regions III and IV. There are no significant changes in the quality and quantity of sediment structure, though there is a trend of a decrease in toxicants. Due to the high buffering capacity of the lake, the favorable level of security at the time and due to the weakening of the anthropogenic load of the existing industrial complex, the contamination of bottom sediments did not significantly impact the toxicological state of the aquatic environment.

REFERENCES

1. Arinushkina E.V. *Rukovodstvo po khimicheskomu analizu pochv* [Guidance on chemical analysis of soil]. 2nd edition. Moscow, 1970. 488 p.
2. Tazabekov T.T., Gnezdilova L.P. *Opisanie i analiz pochvy* [Description and analysis of soil]. Alma-Ata: Kaynar Publ., 1972. 192 p.
3. Grabarov P.G., Solodnikova E.A. *Soderzhanie mikroelementov v tsentral'noy chasti Kazakhstana* [The content of trace elements in the central part of Kazakhstan]. In: *Agrokhimicheskaya kharakteristika pochv SSSR* [Agrochemical characteristics of soils of the USSR]. Moscow: Nauka Publ., 1958, pp. 54–65.

4. Alekin O.A. *Osnovy gidrokhimii* [Basics of hydrochemistry]. Leningrad: Gidrometizdat Publ., 1970, pp. 112.
5. Moore J.V., Ramamurthy S. *Tyazhelye metally v prirodnykh vodakh* [Heavy metals in natural waters]. Moscow: Mir Publ., 1987. 272 p.
6. Linnik P.N, Nabivanets Yu.B. Vliyanie rastvorennogo organicheskogo veshchestva na migratsiyu tsinka i svintsa v vode r. Dunay [Effect of dissolved organic substance on the migration of lead and zinc in the water of the Danube]. *Vodnye Resursy*, 1991, no. 5, pp. 86–93.
7. Mun A.I., Bekturov A.B. *Raspredelenie mikroelementov v vodoemakh Kazakhstana* [The distribution of trace elements in the water bodies of Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1971. 174 p.
8. Shaukharbaeva D.S., Lopareva T.Ya. [The impact of emissions of "Balkhashtsvetmet" on the chemical composition of bottom sediments of Lake Balkhash]. *Materialy XI Mezhdunarodnoy konferentsii po nauchnomu obespecheniyu APK aziatskikh territoriy (Kazakhstan, Sibir', Mongoliya)* [Proceedings of the XI International Conference on Scientific Support of IPC of Asian territories (Kazakhstan, Siberia, Mongolia)]. Novosibirsk, 2008, pp. 145–146. (In Russian).
9. Asylbekova S.Zh., Isbekov K.B., Lopareva T.Ya., Anur'eva A.N. Influence of air emissions of industrial complex "Balkhashtsvetmet" onto biocenosis of the lake Balkhash. *Vestnik AGU. Ser.: Rybnoe khozyaystvo – Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Fishing Industry*, 2011, no. 1, pp. 7–14. (In Russian).
10 Asylbekova S.Zh., Lopareva T.Ya. Vorob'eva N.B., Anur'eva A.N., Sadyrbaeva N.N. Vliyanie tekhnogennogo zagryazneniya na ekologo-biologicheskoe sostoyanie ozera Balkhash [The impact of anthropogenic pollution on ecological and biological condition of Lake Balkhash]. *Nauchnye trudy YuKGU im. M. Auezova*, 2010, no. 3 (21), pp. 20–26.
11. Khuzina G.G., Zhumagaliuly N. Raspredelenie tyazhelykh metallov v donnykh otlozheniyakh oz. Balkhash v rayonakh, podverzhennykh tekhnogennomu vozdeystviyu [The distribution of heavy metals in the sediments of Lake Balkhash in areas prone to human impact]. *Vestnik sel'skokhozyaystvennoy nauki Kazakhstana*, 2009, no. 3, pp. 55–60.

Received: 29 October 2014

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БОРОВКОВА Ольга Владимировна – канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Рубцовского индустриального института (филиала) Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. E-mail: o.v.borovkova@gmail.com

ВЕРШИНИН Дмитрий Александрович – канд. геогр. наук, доцент кафедры гидрологии Томского государственного университета. E-mail: daversh@ggf.tsu.ru

ВЕЛИЧКО Светлана Анатольевна – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Омской юридической академии. E-mail: velichko01@mail.ru

ВЛАСОВА Виктория Владимировна – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. сектора этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (г. Сыктывкар). E-mail: vv505@hotmail.com

ВОЛКОВА Марина Александровна – канд. геогр. наук, доцент кафедры метеорологии и климатологии Томского государственного университета. E-mail: mv2101@mail.ru

ГЕРГИЛЕВА Алла Ивановна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: gerg-all@rambler.ru

ГЕРГИЛЕВ Денис Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Сибирского федерального университета (г. Красноярск). E-mail: turilak@yandex.ru

ГОНЧАРЕНКО Марк Васильевич – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии, психологии и права Томского политехнического университета; докторант кафедры истории философии и логики Томского государственного университета. E-mail: markgon73@rambler.ru

ГОНЧАРОВА Наталия Владимировна – аспирант кафедры истории русской и зарубежной литературы Томского государственного университета, ведущий библиотекарь отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета. E-mail: Nauchka@mail.ru

ДОЛГАНИНА (ПЛОТНИКОВА) Анна Алексеевна – канд. филол. наук, специалист по учебно-методической работе кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: plotnikowa.anna@gmail.com

ДОМРОЧЕВА Евгения Витальевна – канд. геол.-минерал. наук, науч. сотр. гидрогеохимии и геоэкологии Томского филиала Института нефтегазовой геологии и геофизики Сибирского отделения Российской академии наук. E-mail: DomrochevaYV@ipgg.sbras.ru

ДОСТОВАЛОВА Ольга Владимировна – канд. мед. наук, ст. науч. сотр. лаборатории функциональной диагностики Томского НИИ курортологии и физиотерапии. E-mail: prim@niikf.tomsk.ru

ДЬЯЧЕНКО Юлия Васильевна – преподаватель кафедры иностранных языков Томского политехнического университета; аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: julia2212@yandex.ru

ЗОЛОТАРЕВА Наталья Владимировна – канд. ист. наук, инженер-исследователь научно-инновационной лаборатории «Современные музейные и экскурсионно-туристические технологии» Томского государственного университета. E-mail: Natashik@sibmail.com

ИБАДОВ Эмин Салимханович – аспирант кафедры банковского дела Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: mondigonsk2007@rambler.ru

ИВАНОВА Ирина Викторовна – канд. психол. наук, доцент кафедры социальной адаптации и организации работы с молодежью Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: IvanovaDIV@yandex.ru

КАБАЧКОВА Анастасия Владимировна – канд. мед. наук, доцент кафедры спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета. E-mail: avkabachkova@gmail.com

КАЗАКОВА Ольга Анатольевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Томского политехнического университета. E-mail: kazakovaoa@tpu.ru

КАПИЛЕВИЧ Леонид Владимирович – д-р мед. наук, профессор, зав. кафедрой спортивно-оздоровительного туризма, спортивной физиологии и медицины Томского государственного университета; профессор кафедры спортивных дисциплин Томского политехнического университета. E-mail: kapil@yandex.ru

КОВАЛЕНКО Павел Сергеевич – аспирант кафедры историко-культурного наследия и туризма Алтайской государственной педагогической академии (г. Барнаул). E-mail: kovalenko197808@mail.ru

КИРИЛЕНКО Юлия Николаевна – канд. филос. наук, доцент кафедры истории философии и логики Томского государственного университета. E-mail: kirilenko_juilia@mail.ru

КОНДРАСЮК Валентина Андреевна – студентка Института социально-гуманитарных технологий Томского политехнического университета. E-mail: astarta_boss@mail.ru

КОНСТАНТИНОВ Дмитрий Владимирович – канд. филос. наук, доцент кафедры истории и философии Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (г. Омск). E-mail: konstantinov@sibgufk.ru / dm-konstantinov@yandex.ru

КУЗОРО Кристина Александровна – канд. ист. наук, доцент кафедры библиотечно-информационной деятельности Томского государственного университета. E-mail: clio-2002@mail.ru

КУРЬЯНОВА Татьяна Сергеевна – канд. ист. наук, инженер-исследователь научно-инновационной лаборатории «Современные музейные и экскурсионно-туристические технологии» Томского государственного университета. E-mail: tanytka_88@mail.ru

ЛЕПОКУРОВА Олеся Евгеньевна – канд. геол.-минерал. наук, зав. лабораторией гидрогеохимии и геоэкологии Томского филиала Института нефтегазовой геологии и геофизики Сибирского отделения Российской академии наук; доцент кафедры гидрогеологии, инженерной геологии и гидрогеоэкологии Томского политехнического университета. E-mail: LepokurovaOY@ipgg.sbras.ru

ЛИПКЕ Штефан – аспирант кафедры истории русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: stephanlipkesj@rambler.ru

ЛОСОН Елена Васильевна – ст. преподаватель кафедры физического воспитания Томского государственного университета. E-mail: evl@sibmail.com

ЛУКИНА Надежда Васильевна – д-р ист. наук, вед. науч. сотр. научно-исследовательской лаборатории «Музей и культурное наследие» Томского государственного университета. E-mail: lunv@mail.ru

ЛЯПКОВА Анна Алексеевна – ст. преподаватель кафедры библиотечно-информационной деятельности Томского государственного университета. E-mail: anna_lyapkova@rambler.ru

МАЛИНИНА Наталия Сергеевна – ассистент кафедры социальной работы и социальной педагогики Вологодского государственного университета; аспирант кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: malin1313@mail.ru

МАЗУР Екатерина Сергеевна – д-р мед. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: eksm2 @ mail.ru

НЕУПОКОЕВ Сергей Николаевич – ст. преподаватель кафедры физического воспитания Томского государственного университета. E-mail: repaov@mail.ru

НИКОЛАЕНКО Валентин Сергеевич – ассистент кафедры менеджмента Томского политехнического университета; аспирант кафедры системного менеджмента и экономики предпринимательства Томского государственного университета. E-mail: nick.valentin@yandex.ru

НОВИКОВА Элеонора Геннадьевна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии, ст. науч. сотр. лаборатории «Когнитивные исследования языка» Томского государственного университета. E-mail: linx@rambler.ru

ОВСЯНИЦКАЯ Лариса Юрьевна – канд. техн. наук, доцент кафедры прикладной информатики и математики Уральского социально-экономического института (филиала) Академии труда и социальных отношений (г. Челябинск). E-mail: larovs@rambler.ru

ОГУРЦОВ Леонтий Александрович – магистрант кафедры метеорологии и климатологии Томского государственного университета. E-mail: 1991leon@mail.ru

ОТКИДЫЧ Елизавета Вадимовна – ассистент кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: vadimovna001@yandex.ru

ПРИХОДОВСКАЯ Екатерина Анатольевна – канд. искусствоведения, доцент кафедры хорового дирижирования и вокального искусства Томского государственного университета. E-mail: prihkatja@mail.ru

ПРЯДУХА Наталия Анатольевна – канд. искусствоведения, науч. сотр. лаборатории гуманитарных наук ООО Научно-производственного объединения «Экран» (г. Барнаул). E-mail: natasha72_72@mail.ru

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Михайловна – аспирант кафедры мировой экономики и налогообложения Томского государственного университета. E-mail: elena.rojdestvenskaya@gmail.com

РЫНДИНА Ольга Михайловна – д-р ист. наук, профессор кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: rynom_97@mail.tomsknet.ru

САПАРБАЕВА Ирина Викторовна – соискатель кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета. E-mail: ann-varni@yandex.ru

СОКОЛОВ Кирилл Игоревич – мл. науч. сотр. лаборатории физики климатических систем Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения Российской академии наук (г. Томск). E-mail: weliton@mail2000.ru

ТАРАСОВ Александр Сергеевич – лаборант учебной лаборатории гидравлики кафедры гидрологии Томского государственного университета. E-mail: alsetar@yandex.ru

ТЕРЕХОВА Грета Леоновна – канд. филос. наук, доцент кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета. E-mail: radagl1960@yandex.ru

ТИТОВ Николай Дмитриевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права Томского государственного университета. E-mail: gr_pravo_ui@mail.ru

УТКИНА Валерия Владимировна – ст. преподаватель кафедры государственной и муниципальной службы Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: valeria_utkina@hotmail.com

ХМЫЛЁВ Владимир Львович – канд. филос. наук, доцент кафедры культурологии и социальной коммуникации Томского политехнического университета. E-mail: vlh@tpu.ru

ТРОЯКОВА Юлия Константиновна – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (г. Абакан). E-mail: troyackova.julia@yandex.ru

ФАРОНОВ Вячеслав Николаевич – канд. ист. наук, докторант кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (г. Барнаул). E-mail: faronoff-vn@mail.ru

ХОЛОМЕЕВ Алексей Геннадьевич – аспирант кафедры истории и философии Сибирского государственного университета физической культуры и спорта (г. Омск). E-mail: kholomeevalexey@mail.ru

ЦИТЛЕНОК Владимир Сергеевич – д-р экон. наук, профессор кафедры мировой экономики и налогообложения Томского государственного университета. E-mail: vlastsit@mail.ru

ЧЕРЕДЬКО Наталья Николаевна – канд. геогр. наук, науч. сотр. лаборатории геоинформационных технологий Института мониторинга климатических и экологических систем Сибирского отделения Российской академии наук (г. Томск). E-mail: atnik3@rambler.ru

ШАРИПОВА Ольга Александровна – ст. науч. сотр. лаборатории гидрохимии Балхашского филиала Казахского НИИ рыбного хозяйства (Казахстан). E-mail: oshar1969@mail.ru

ШМЫРЕВА Александра Ивановна – д-р экон. наук, профессор кафедры банковского дела Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: kaf-bd-lab@nsuem.ru

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2015 г. было выпущено 389 номеров. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/ vestnik

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет», редакция журнала «Вестник ТГУ».

Телефон 8(382-2)–52-96-67

Факс 8(382-2)–52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from the authors or authors' institution.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Editorial Office address:
TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Dmitry Katunin
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

2015 № 390 Январь

Главный редактор (председатель научно-редакционного совета)
Э.В. Галажинский
Ответственный редактор выпуска
Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА. НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Печатная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала
зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.
ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).
Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу
http:// www.journals.tsu.ru/vestnik

Адрес редакционного совета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»
Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 20 января 2015 г.
Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 27,4. Тираж 250 экз. Заказ № 804.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, Н.А. Афанасьева
Корректор – А.Н. Воробьёва
Оригинал-макет К.В. Полькиной
Дизайн обложки – Л.Д. Кривцова
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28